

АНГЕЛОНИЯ
ПРОЕКТ ДАНИШЕВСКОГО

ИСТОРИОМОР, ИЛИ ТРЕПАНАЦИЯ ПАМЯТИ

*Битвы за правду о ГУЛАГе,
депортациях, войне и Холокосте*

Павел
Полян

Павел Полян

ИСТОРИОМОР,
ИЛИ ТРЕПАНАЦИЯ
ПАМЯТИ

ИСТОРИОМОР, ИЛИ ТРЕПАНАЦИЯ ПАМЯТИ

*Битвы за правду о ГУЛАГе,
депортациях, войне и Холокосте*

Павел Полян

Издательство АСТ
Москва

УДК 94(100)»1939/45»
ББК 63.3(0)62
П54

Полян, Павел Маркович

П54 Историмор, или Трепанация памяти / П.М. Полян. —
Москва: АСТ, 2016. — 624 с.

ISBN 978-5-17-098145-8

В новой книге Павла Поляна собраны работы о соотношении памяти и беспамятства, политики и истории: проблематика, которая, увы, не перестает быть актуальной. «Историомор» — неологизм и метафора — это торжество политики, пропаганды и антиисторизма (беспамятства) над собственно историей, памятью и правдой. Его основные проявления очевидны: табуизирование тем и источников («Не смей!»), фальсификация и мифологизация эмпирики («В некотором царстве, в некотором государстве...») и отрицание, или релятивизация, установленной фактографии («Тень на плетень!»).

УДК 94(100)»1939/45»
ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-17-098145-8

© Павел Полян, текст
© ООО «Издательство АСТ»

*Памяти
Тамары Лазерсон и Маши Рольникайте,
Леонида Котляра и Георгия Хольного,
Ильзетраут Литтхардт и Василия Баранова,
Семена Виленского и Льва Хургеса.*

СОДЕРЖАНИЕ

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ.....	11
ВОЙНЫ ПАМЯТИ	16
ПАМЯТЬ О ГУЛАГЕ И ДЕПОРТАЦИЯХ	25
Низкорослый гигант, или биография как история болезни: Иосиф Сталин и его победы	27
Нацпроект история.....	44
Уроки и навыки сталинизма, или союз Павловского и ГЛАВПУРа	48
Увековечение памяти о депортированных — дело рук самих депортированных: о мемориализации тотальных насильственных миграций	65
Железный Феликс: музей или музей?.....	96
Пустоши памяти	104
ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ.....	117
1945 Человек на обочине войны.....	119
1945 Освобождение Аушвица: Еврейская катастрофа — без евреев!	125
1950—2015 «Как закалялась ложь»: Историография Второй мировой в кривых зеркалах главпуровской идеологии.....	146
2000 «Гитлер капут?..» (Заметки на полях книги отзывов).....	182
2005 Ваше благородие — госпожа победа.....	189

2005 Юбилей а là glavrou: Российский организационный комитет «Победа» как естественная монополия	194
2010 Вертикаль в историю: историомор в уголовном кодексе	223
2010 Шана Това, или о методологии истории (из киевских впечатлений)	242
2005—2015 Жертвы двух диктатур и нескольких демократий: бывшие советские военнопленные	248
2015 ГЛАВПУР бессмертный! Особенности гlorификации 70-летия победы	281

РЫЦАРИ ПАМЯТИ	293
Зов истории, зов памяти (Анна Турец)	295
Человек на фоне ковенского гетто (Тамара и Виктор Лазерсоны)	299
«А когда расстреливают — больно?» (Маша Рольникайте)	321
Человек на фоне восстания (Александр Печерский)	336
Верстка памяти, или еврей на фоне антисемитизма (Владимир Порудоминский)	352
Праща Леонида, или высвобождение из плена (Леонид Котляр и «Леонтий Котлярчук»)	373
Ужас пережитого (Софья Анваер и «Софья Анджапаридзе»)	387
Прорванная плотина (Виталий Семин)	391
Приключения текста: «Сыра́ земля», музей-тюрьма, контрабанда и цензура (Антон Лопатёнок и Берл Марк)	398
Очевидное — недоказуемое (Элла Максимова)	415
Эль-де-хаус: история одного кельнского дома (Гестапо — Антифашистский музей)	418

Пенсия от дочери коменданта шталага 359 (Ильзетраут Липпхардт).....	422
Панъевропейский взгляд (музей Второй мировой войны в Гданьске).....	427
АГЕНТЫ БЕСПАМЯТСТВА	429
Отрицание и геополитика Холокоста.....	431
Советские и постсоветские традиции замалчивания и отрицания Холокоста.....	521
Интернационал антисемитов: конференция отрицателей Холокоста в Тегеране и ее мировое эхо	551
Наказания отрицателей и исторический арбитраж	571
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ:	
ПРОГИБАТЬСЯ НЕ БУДЕМ!	589
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	595
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ	611
CONTENTS	622

История — это пороховой погреб.

О. Манделъштам

*Бог Нахтигаль, меня еще вербуют
Для новых чум, для семилетних боен...*

О. Манделъштам

*Не следует приукрашивать события.
Но недопустимо и сосредотачивать
внимание на тех или иных наших неудачах,
просчетах, отвлекаясь от главного содержания.
А оно заключается в беспримерном героизме и великих победах советского народа и его воинов в невероятно трудной борьбе с исключительно подготовленным сильным коварным врагом Родины.*

Советы ветеранам войны, выступающим
с воспоминаниями. /

Составители: генерал-майор П.С. Лебедев,
генерал-майор С.Н. Бялковский.

М.: Советский комитет ветеранов войны, [1972]

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

В книге «Историомор» собраны работы о соотношении памяти и беспамятства, политики и истории: проблематика, которая, увы, не перестает быть актуальной.

Книгу, помимо введения и заключения, составили четыре раздела.

Первый — «Память о ГУЛАГе и депортациях» — объединил статьи и заметки о советских репрессиях и преступлениях, а также о соответствующей советско-российской исторической памяти и историографии.

Второй — «Память о войне» — посвящен немецким преступлениям во Второй мировой войне и тому, как они преломляются в советской историографии.

Третий — «Рыцари памяти» — посвящен отдельным личностям (хронистам, писателям, журналистам) и институциям (музеям), с которыми меня сводила жизнь или работа и чей вклад в сохранение исторической памяти представляется мне достойным и значительным. С четырьмя из них — Леонидом Котляром, Тamarой Лазерсон, Ильзетруд Липпхардт и Машей Рольникайте — мне выпала честь быть знакомым лично (в этом же ряду для меня имена бывших гулаговцев Семена Виленского и Льва Хургеса, бывшего остовца Василия Баранова и военнопленного Георгия Хольного): их рыцарственной памяти посвящается эта книга.

Наконец, четвертый раздел — «Агенты беспамятства» — посвящен отрицанию и отрицателям Холокоста как одной из самых распространенных форм Историомора (зарисовки иных «агентов беспамятства» встречаются в других разделах книги). В этом же разделе и обоснование идеи Исторического арбитража как возможного ме-

ханизма для разрешения научных споров, а на основе разрешения научных споров — и политических тяжб.

Работы, положенные в основу книги, писались в разное время: все они заново пересмотрены и переосмыслены. В ряде случаев эмпирика актуализирована, а в некоторых в текст добавлены «постскриптумы» — специальные авторские пояснения как бы из сегодняшнего дня (они маркированы знаком «P.S.» и выделены шрифтом — полужирным курсивом).

Для визуализации был отобран только один сюжет — мемориализация принудительных миграций, фотографии памятников и памятных знаков, посвященных жертвам советских депортаций. С благодарностью отмечаю тех, кто помог мне с подбором соответствующих иллюстраций: это Виталий Белозеров, Владимир Бобровников, Аркадий Герман, Виктор Кригер и Хава Хазбиева.

Вопросы, затрагиваемые в книге, автор в разное время обсуждал с рядом коллег: это Алексей Берелович, Миша Габович, Семен Гольдин, Виктор Кригер, Алексей Миллер, Ганс-Генрих Нольте, Александр Осипов, Сергей Палаш, Дмитрий Перченко, Николай Поболь, Зарифа Саутиева, Софи Турнон, Ирина Флиге и Александр Эткинд. Спасибо им!

Особая признательность Георгию Рамазашвили и Александру Бабеньшеву, ознакомившимся с книгой в рукописи и сделавшим ценные критические замечания.

В книге приняты следующие сокращения:

АПРФ — Архив Президента РФ.

ВОВ — Великая Отечественная война.

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации.

ГКО — Государственный Комитет Обороны СССР.

ГПИБ — Государственная публичная историческая библиотека РФ.

ГУПВИ — Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР.

ИНИОН — Институт научной информации по общественным наукам АН СССР.

ИХГВ — Исследование Холокоста. Глобальное видение. Материалы Международной Тегеранской конференции 11—12 декабря 2006 года. М.: Алгоритм, 2007.

КГБ — Комитет государственной безопасности СССР.

Комитет — Российский оргкомитет «Победа», Москва.

Куняев, 2011. — Куняев С. Жрецы и жертвы Холокоста. Кровавые язвы мировой истории. М.: Алгоритм, 2011. 384 с.

МИД — Министерство иностранных дел СССР.

НЗ — журнал «Неприкосновенный запас», Москва.

Отрицание отрицания, 2008. — Отрицание отрицания, или битва под Аушвицем. Дебаты о демографии и геополитике Холокоста / Сост.: А.Кох и П.Полян. М.: Три квадрата, 2008. 388 с.

Петренко, 2002. — Петренко В. До и после Освенцима. М.: Фонд «Холокост», 2000. 160 с.

Полян, 2002. — Полян П. Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. М., 2002. 896 с.

Полян, 2015. — Полян П. Свитки из пепла. Жертвы и палачи Освенцима. М.: АСТ/Времена. 2015. 608 с.

РГАНИ — Российский государственный архив новейшей истории.

РГВА — Российский государственный военный архив.

РОКП — Российский оргкомитет «Победа».

СМИ — Средства массовой информации.

ИМЛ при ЦК КПСС и с ГЛАВПУ

Реабилитация: как это было, 2004. — Реабилитация: как это было. Документы Политбюро ЦК КПСС, стенограммы заседания Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, свя-

занных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х годов, и другие материалы. Т. III. Середина 80-х годов—1991. / Сост.: А. Н. Артизов, А. А. Косаковский, В. П. Наумов, И. Н. Шевчук. М.: Международный фонд «Демократия» — издательство «Материк», 2004.

РВИО — Российское Военно-Историческое общество.

РИО — Российское Историческое общество.

РОКП — Российский организационный комитет «Победа».

Собибор, 2008. — Собибор / Сост. С. С. Виленский, Г. Б. Горбовицкий, Л. А. Терушкин. М.: Возвращение, 2008. 263 с.

Сталинские депортации. — Сталинские депортации. 1928—1953 / Сост.: Поболь Н. Л., Полян П. М. М.: Материк, 2005. 902 с.

Трудные пути правды... 2000. — Трудные пути правды. Великая Отечественная война в книгах и документах 1950—1980-х гг. М., 2000. ??? с.

СВР — Служба внешней разведки РФ.

ФСБ — Федеральная служба безопасности РФ.

ЦАМО — Центральный архив Министерства обороны РФ, Подольск.

ЦК КПСС — Центральный комитет КПСС.

ЦВММ — Центральный Военно-Медицинский Музей Министерства обороны РФ, Санкт-Петербург.

AJYB — American Jewish Yearbook, New-York.

CODON — Committee on Open Debate on the Holocaust.

Hankins, 1983. — *Hankins F.H.* How Many Jews Were Eliminated by the Nazis? A Preliminary Survey Of The Question // JHR. 1983. No.1. P. 64—69.

IHR — Institute for Historical Review, Torrance, USA.

JHR — Journal for Historical Review.

Leukert M. Die strafrechtliche Erfassung des Auschwitzleugnens / Inaugural-Dissertation zur Erlangung

der Doktorwürde der Jüristischen Fakultät der Eberhard-Karls-Universität Tübingen. [Stuttgart]: Wiesinger Media.de, 2005. 330 S.

Lipstadt, 1994. — *Lipstadt D.E.* Betrifft: Leugnen des Holocaust. Zürich: Rioverlag und Medienagentur. 1994. 319 S.

Sanning, 1983. — *Sanning W.N.* Die Auflösung des osteuropäischen Judentums. Mit einem Vorwort von Arthur R. Butz. Tübingen — Buenos Aires — Montevideo: Grabert-Verlag, 1983.

Наряду с «историомором», сквозным для всей книги является понятие «главпур» — производное от организации «Главное Политическое Управление Советской Армии и Военно-Морского Флота» (сокращенно, ГЛАВПУ, или, по старинке, ГЛАВПУР). В 1924—1990 гг. этот военный орган одновременно являлся отделом ЦК компартии, и именно здесь выработывалась идеологическая и пропагандистская доктрина советского государства, называвшаяся всему обществу, а не только казармам и штабам (см. подробнее на с. 156—157 настоящего издания).

П.П.

ВОЙНЫ ПАМЯТИ

Пушки и музы

Есть такая поговорка: «Когда говорят пушки — музы молчат».

Фактически это не так, да и муз не одна, а девять. Но та муза, с которой мы профессионально имеем дело, — муза истории, наша несравненная Клио, дочка Зевса и богини памяти Мнемозины, с папирусом или тубусом в руке, — действительно предпочитает под канонады помалкивать.

Поговорку же придумали пропагандисты. Потому что, когда говорят пушки, — то говорят и они, пропагандисты, и говорят громко, чаще громче, чем пушки.

Каждая воюющая сторона непременно имеет соответствующую инфраструктуру — так называемые полиорганы. А в придачу — и свои военно-исторические ведомственные институты, архивы и музеи. Музы у пропагандистов нет, но она им и не нужна: у них всегда находится какой-нибудь условно-коллективный Геббельс или Мехлис. Заказы спускаются все больше срочные, и исполняются они всегда в спешке и грубо, нисколько не считаясь с Клио, помалкивающей в тряпочку или в кляп. Они профессиональные вруны — поэтому они врут очень часто, но всегда убежденно, врут принципиально, шьют, так сказать, белыми нитками, отчего в результате архивы именно самих пропагандистов, как правило, — самые закрытые изо всех. Ибо нечего кому-то смотреть на их пожелтевшие от времени белониточные швы.

Та же Вторая мировая война — как целое если и существует, то в виде некоего архипелага, островами которого служат и непосредственно боевые действия, и ее гуманитарные — периферийные на армейский взгляд — ипостаси: послевоенная идентификация пленных (кто они — еще свои или уже чужие?), участь мирного населения и его страдания (под оккупацией ли, в контакте ли с проходящей вражеской армией, в тылу ли, в блокаде или в эвакуации — под гнетом чрезвычайных законов военного времени, или, если угонят, на чужбине?).

То, что Холокост — неотъемлемая часть Второй мировой, в Советском Союзе с его приматом войны Великой Отечественной и синдромом Победы пропагандисты даже не то чтобы отвергали, — они этого не понимали. А если и отвергали, то очень оригинально: это не евреев во рвах убивали, а советских граждан, поэтому — какой же тут Холокост? Холокост советских людей?..

Сейчас, когда геополитически занадобились параллели между актуальным неонацизмом (кстати, вполне себе реальным: если из Бандеры, как и из его фанатов, вынуть их национализм, то ничего, кроме крови, не останется!) и нацизмом историческим, концепцию подлатали и скорректировали. В результате пропагандистски востребованным стал и Холокост, и даже военнопленные с оstarбайтерами (эти, правда, чуть-чуть, не слишком).

Но это пропагандистская востребованность, а не историческое осознание. Но именно она нередко решает дело.

Иначе с какого боудна город Грозный, один из многих сотен тыловых городов с минималистской, кроме нефтедобычи, промышленностью, вдруг в одночасье стал в 2015 году Городом воинской славы России? Настоящие бои на его улицах действительно велись, но несколько позже — в 1999 году, и это скорее уже из разряда военного позора. Уж если так хочется облизывать

Кадырова, то не честнее было бы просто переименовать город Грозный в Кадыров-Аул?

Или другой пример — осуждение геноцида армян. Насколько историчен законопроект, вносимый в Госдуму на сто первом году после самого геноцида и... назавтра после того, как Турция сбила российский самолет?!

Оптика и строение памяти

История войн обречена на множественность интерпретаций и, соответственно, на множественность историографий. У истории любой войны — их всегда априори как минимум две — «от победителей» и «от побежденных», и обе находятся друг с другом в непростых, часто конфликтных отношениях.

К тому же и победители, и побежденные редко встречаются в одиночку, чаще — в коалициях, пусть и переменчивых. И каждый их член после войны будет выстраивать свои отношения друг с другом и с дочерью Мнемозины. Даже если национальные нарративы и национальные историографии (с нелегко, но все же достигнутым внутренним консенсусом) уже имеются, то вместе, друг с другом, они составляют ярко выраженную какофонию.

Уже в этом одном запрограммирован будущий конфликт и война национальных историографий, внутри которых почти неизбежны своя поляризация и свои внутренние разборки. Например, между слугами государственного официоза и сервиллизма, с одной стороны, и свободными от него историками, силящимися сохранить свою честь и верность Клио. Обе стороны, конечно, нуждаются в архивном обеспечении, но первая может без него и обойтись: ей достаточно горстки «правильных» (или «правильно» отобранных) источников; главное же для нее — политические установки

и мемуары военачальников. Вторая — от архивов зависит и без них буквально задыхается.

Этим войнам памяти часто не хватает не только априорного стремления к фактографической объективности, но и общей культуры и элементарной корректности ведения. Аренами «сражений» оказываются не только такие громоздкие «вещи», как музеи, или громкие как телешоу, но и работа в архивах, программы конференций и страницы публикаций.

«Войны» внутренние — в определенном смысле гражданские — могут быть и погорячее: в СССР, например, за участие в них не на той стороны запросто можно было попасть в ГУЛАГ (при Сталине) или в проработку-ошип (при Хрущеве и Брежнев¹).

Самое поразительное, что в основе всего этого искрящегося при соприкосновении многообразия — в сущности, одни и те же эмпирические факты: сражения, операции, погода, потери и т.д. В этом как раз и кроется слабенькая надежда — надежда на то, что когда-нибудь те или другие воюющие стороны сверят свою эмпирику и как-то договорятся. Но первейшая для этого предпосылка — почти невыполнимая: открытость и общедоступность всех архивов...

Так как же соотносятся историческая эмпирика и историческая память о ней? Как зеркало и оригинал? Или все просто зависит от оптики — прямизны или кривизны (сфальсифицированности) — зеркала?

Разумеется, память нуждается в структуризации, как минимум в различении исходных ракурсов:

— память жертв, память палачей, память сторонних наблюдателей и свидетелей;

— память индивидуальная и коллективная, локальная и региональная;

---

¹ Классический случай — Александр Некрич с его «22 июня 1941 года» (1965).

— наконец, память честная и лукавая, то есть намеренно — пропагандистски — сфальсифицированная (разновидностью чего является и насильственное — цензурное — умолчание) или, хуже, подмененная (это происходит сейчас с «Пермью-36», где руль перехватили кургиняновские «вохровцы» из «Сути времени»).

Иногда эти агитация и пропаганда настолько не интересуются исторической реальностью, что путают, не моргнув, Украинский фронт с украинскими войсками.

Наконец, борьба может идти и за бренд самого слова «память»: посмотрите, какие разные институции так или иначе схлестнулись в этой борьбе — антисемитское общество «Память», антисталинистское общество «Мемориал», промидовский фонд «Историческая память»!

Все они (кроме разве что «Памяти») особенно значимы постольку, поскольку берут на себя и будничную работу памяти — организацию устных дискуссий (чтений и конференций) и собиране и издание эмпирики: библиографий, баз данных (таких как «Книги Памяти» или различные расстрельные списки), сборников документов и эгодокументов, монографий.

Эта будничная работа, кстати, — и есть самое главное, ибо она неумолимо ограничивает спекулятивные возможности множественных интерпретаций. Например, двуязычный польско-российский сборник «Варшавское восстание 1944 года в документах из архивов спецслужб», вышедший в 2007 году: факты, представленные в этой 1500-страничной книге с обеих сторон, не воюют друг с другом, а сообща создают отчетливый образ тех трагико-героических событий и плацдарм для успеха истории, а не историомора. Интерпретаций может быть и несколько, можно насчет них и поспорить, — но историческая фактография не теряет от этого своей устремленности к единственности и однозначности!

Но есть еще один внутренний конфликт памяти, выдвигающийся на первый план именно в период по-

литического и геополитического напряжения. Это — гражданские холодные войны, перманентная борьба истории как науки и истории как «исторической политики» (в понимании Алексея Миллера¹), то есть прямого заказа власти — в рамках ею же, властью, себе дозволенного. Иные историки, правда, не дожидаются госзаказа: нос у них по ветру и обоняние — отличное. «Награда» находит их, как правило, и без госзаказа.

Властью же может двигать не только идеология, но, например, и своеобразный экономический прагматизм — стремление избежать выплат каких-то компенсаций, например.

Силы тут неравные, и именно этот конфликт, это триумфальное торжество политики и антиисторизма, собственно говоря, и есть «Историомор».

Его основные проявления достаточно очевидны:

- табуизирование тем и источников («Не смей!»),
- фальсификация и мифологизация эмпирики («В некотором царстве, в некотором государстве...») и
- отрицание или релятивизация установленной фактографии («Тень на плетень!»).

По всем этим трем линиям на историю давит политика, как актуальная, так и ретроспективная, подстраивающая прошлое под сегодняшнее.

Со временем, стратегически, — то есть по мере введения в оборот и верификации все большего числа первичных источников, — «победа» все равно останется за историей, а не за политикой, но чем шире открыты архивы — тем раньше это произойдет.

Стоит заметить, что аналогичная проблематика знакома не одной лишь истории, но и другим наукам, например социологии, демографии, даже географии. И что агрессивная зачистка грантового ландшафта России, изгнание из него иностранных или международ-

---

¹ А то и недозволенного: фальсификация — тоже оружие историомора.

ных фондов не что иное, как классическая для России централизация и вертикализация этого поля, дающая власти дополнительные рычаги влияния на ситуацию и обеспечение нужного себе политического результата. Иными словами — на введение сиюминутного «историомора» в реальную жизнь.

Однако в каждый конкретный момент времени торжествует, увы, именно политика, определяющая ориентиры и рамки для работы ангажированных ею «карманных» историков и создающая рогатки для работы историков независимых и несервильных.

В советское время эта проблема была не так остра. Одной «Старой площади» — то есть аппарата ЦК КПСС с его отделами и подотделами — было совершенно достаточно для поддержания в форме идеологического фронта и пропагандистского противостояния внешним и внутренним врагам. Все необходимые «инструменты» были буквально под боком, через дорогу: как то КГБ («Лубянка») или Всесоюзное общество «Знание», уютно разместившееся под боком, во двориках Политехнического музея.

В условиях выборной демократии такая модель руководства не срабатывает. Отчасти поэтому постепенно в Восточной Европе — в Словакии, Польше, на Украине — выработалась модель Института национальной памяти. Очень скоро оказалось, что такие институты трансформировались в классические оруэлловские Министерства Правды. Злоупотребления чувствительной архивной информацией, оказавшейся в их распоряжении, обусловлены поручениями и заказами, целесообразными с точки зрения находящихся у власти заказчиков, ибо они серьезно влияли на внутривнутриполитические процессы («утечки» о сотрудничестве с органами своих политических оппонентов, например)¹. Несколько не-

---

¹ О ее ограничениях и даже опасностях см.: Историческая политика в XXI веке: Сборник статей. Под редакцией

жиданным следствием этого в той же Польше оказались непомерные затруднения читателям в доступе к архивам Института, поглотившего многие ранее уже широко доступные архивные фонды¹.

Историомор, разумеется, не только российское явление. Вспоминаю реакцию японского издательства, выпустившего по-японски мою книгу об остарбайтерах и военнопленных². На мое предложение написать для японского читателя небольшое предисловие издательство с радостью согласилось, а когда прочло — то решительно отказалось: чур, чур меня!.. В предисловии речь зашла о депортациях корейцев и китайцев и об их эксплуатации в годы японской оккупации, но, как оказалось, в Японии, сдавшей на одни пятерки чуть ли не все американские курсы демократии, разговор о японских военных преступлениях все еще был не комильфо.

Едва ли не единственным устойчивым примером противоположного государственного отношения к своему прошлому является Германия — первая в мировой истории страна, сумевшая принять на себя ответственность за случившееся. Никто в мире до этого ничего подобного не делал и, главное, не испытывал желания делать. Но и в Германии многие десятилетия ушли на

А. Миллера, М. Липман. М.: НЛЮ, 2012. 648 с. См. также: «Историческая политика» в Восточной Европе: плоды вовлеченного наблюдения. Лекция Алексея Миллера // Лекции на «Полит.ру». 2008. 7 мая. В сети: <http://polit.ru/article/2008/05/07/miller/>

¹ На Украине ситуация противоположная: доступность архивов превратила Киев в настоящую Мекку для исследователей сталинизма.

² Futatsu no dokusai no giseisha: hitorā to sutārin no omō manani hakugaisareta sūhyakuman‘nin no kakokuna unmei [Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на Родине. / Предисл. Д.Гранина. М.: РОССПЭН, 2002. 898 с.] / Перевод на японский язык Риои Нагасе [Ryoji Nagase]. Тōкyō [Токио]: Nara Shobō [Хара шобо], 2008. 935 р. (на яп. яз.).

избавление от реликтов национал-социалистического мировоззрения и даже законотворчества, а официальное признание элементарного и очевидного факта (советские военнопленные — не военнопленные в смысле Женевской конвенции, а специфическая и непризнанная категория жертв) состоялось только в мае 2015 года (см. ниже).

Историомор многолик, и к одному только государственному насилию или заказу не сводится¹. Корпоративный или даже индивидуальный исторический фальсификат, как и его преподавание в школах и вузах, — тоже соответствует этому термину, как и искреннее нежелание многих, особенно молодежи, знать правду. Конфликты исторической памяти возможны и неизбежны не только в пределах одной семьи, но и в пределах одной личности.

Тематика историомора необъятна, и книга не претендует на ее полное отражение. Но на заострение внимания к некоторым из проблемных узлов, автору, в силу его научных интересов, хорошо известных, — претендует.

Февраль-март 2016 года

---

¹ Не относятся к нему и издержки начальственного рвения и честолюбия (страсть к писанию, вернее, к подписыванию предисловий, заезжающих в профессиональные области, в которых подписывающее их начальственное лицо не работало и пяти минут). Это не традиция и не пережиток чего бы то ни было, а так — человеческая слабость или глупость, роняющая такого начальника в глазах коллег и сотрудников, особенно в глазах тех, кто готовил ему «его» тексты.

**ПАМЯТЬ О ГУЛАГЕ
И ДЕПОРТАЦИЯХ**

НИЗКОРОСЛЫЙ ГИГАНТ, ИЛИ БИОГРАФИЯ КАК ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ: ИОСИФ СТАЛИН И ЕГО ПОБЕДЫ

1

Роберт Чарльз Такер — наряду с Кеннаном, Конквистом, Коэном или Пайпсом — признанный классик американской советологии.

Его жизнь была долгой: родился 29 мая 1918 года в большом городе (Канзас-Сити) и у большой реки (Миссури) — умер 29 июля 2010 года в тишайшем университетском Принстоне. Дипломы бакалавра и магистра получал в самом знаменитом университете Америки — Гарвардском. Карьеру начинал в годы войны в разведке (Управление стратегических исследований — предтеча ЦРУ), а с 1944 по 1953 год прослужил в посольстве США в Москве. Его двухлетний контракт растянулся на почти 10 лет, — но не по служебной надобности, а по личным обстоятельствам — из-за женитьбы в 1946 году на советской девушке, с которой познакомился чуть ли не в Большом театре.

Такие браки не поощрялись в Совдепии никогда, но с 15 февраля 1947 года, после выхода указа Президиума Верховного Совета СССР «О запрещении браков советских граждан с иностранцами», они и вовсе перестали быть легитимными. Мотивировка указа («В непривычных условиях за границей советские девушки чувствуют себя плохо и подвергаются дискриминации», — а то на родине они все исключительно счастливы!) распространялась и на тех, кто вышел замуж еще до указа: оберегая от неизбежных притеснений на чуж-

бине, последним просто-напросто не выдавали выпускных виз — не выпускали из страны.

После смерти Сталина указ отменили, и только тогда Такеры смогли покинуть Москву. Но Евгении Пестрецовой-Такер еще сильно повезло: ведь такие браки (а на волне совместной победы их было и впрямь немало) могли иметь и имели куда более драматическое развитие. Как только счастливые молодожены-дипломаты уезжали к себе в Лондон или Вашингтон, — рассчитывая, что скоро встретят своих избранниц в Хитроу или в вашингтонском аэропорту, их жен арестовывали, обвиняли в «шпионаже» и отправляли в ГУЛАГ¹. Но Такер, видимо, лучше других понимал, где находится, и не допустил по отношению к своей жене такой преступной беспечности. Он терпеливо продлевал и продлевал контракт, пока не дождался смерти того, о ком потом будет писать книги.

Однако сама эта история, как бы опалив брови начинающего разведчика и дипломата, легла в основу его бесценного личного жизненного опыта. Вкупе со всесторонним знанием советской прессы, так и распираемой культом личности вождя, история собственной женитьбы придала отношениям Такера если не со Сталиным, то с созданной им системой несколько личный оттенок и очевидно помогла со временем развернуться в сторону будущей и главной профессии — политической истории.

Несомненно, Такер тайно завидовал своему британскому коллеге Максу Хэйварду², работавшему переводчиком в английском посольстве в 1947—1949 гг., когда

---

¹ См.: Гаген Т. Дело о советских женах // Московская правда. 1994. 10 июня; Маркова В.Е. Советская жена британского подданного // Республика. 2007. № 27. С. 1, 3 [о Надежде Налимовой-Уайтхед]. В Сети: <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=7298>

² Впоследствии переводчику на английский язык Александру Солженицына, Надежды Манделъштам и др.

тому однажды пришлось сопровождать своего посла в Кремль, к Сталину, и переводить им! Слух о том, что Хэйвард в присутствии Сталина буквально онемел, скорее легендарен, но Хэйвард наверняка рассказывал Такеру об этом в Москве.

Сам Такер однажды тоже переводил в Кремле, но десятилетием позже, когда в 1958 году вновь приезжал в Москву в качестве переводчика Адлая Стевенсона, кандидата в президенты США. Кстати: по ходу беседы Стевенсон попросил Никиту Хрущева о пустячной любезности — отпустить в Америку тещу своего переводчика: отпустили.

...Любящий зять к этому времени работал в Рэнд Корпорэйшн (армейском исследовательском центре), был гарвардским аспирантом. В том же 1958 году он защитил диссертацию, легшую в основу его первой книги — «Философия и миф Карла Маркса» (1961). Похоже, что, при всем уважении к автору «Капитала», Такер решил приглядеться и к первоисточникам сталинизма.

В 1962 году, простившись и с Гарвардом, и с Индианским университетом в Блумингтоне (где он некоторое время поработал), Такер перебрался в Принстон. Здесь он и провел вторую — бóльшую — половину своей отныне оседлой и всесторонне обустроенной профессорской жизни, в окружении любящих учеников и семьи¹. Придя на отделение политологии, он вскоре стал основателем и первым директором отделения российских (ныне — российских и евразийских) исследований.

С Маркса, кстати, он переключился на марксизм — и выпустил книгу «Марксистская революционная идея» (1969). Следующая книга, где он от марксизма как доктрины перешел к одному видному творческому марксисту, в его теоретическом становлении и практическом действии, — *это первый том задуманной им биографии*

---

¹ Это при нем Принстон обзавелся русистикой как специальностью.

ческой трилогии о Сталине. Она вышла в 1973 году, и называлась «Сталин как революционер: историческое и биографическое исследование, 1879—1929 гг.». Эта работа (кстати, посвященная жене) принесла автору не просто известность, но и Национальную книжную премию США в исторической номинации и еще самую настоящую славу.

Второй том трилогии — «Сталин у власти: революция сверху, 1928—1941 гг.» — вышла только в 1990 году, через 17 лет после первого тома. Как видим, Александром Дюма от политологии он не был: работал не торопясь, тщательно, книги выходили редко. Третий том, увы, и вовсе не был дописан.

По-русски и в России оба тома вышли, соответственно, в 1990 году (в издательстве «Прогресс») и в 1997 году (в издательстве «Весь мир»). В 2013 году они переизданы в издательстве «Центрполиграф»¹. В этом издании оба авторских названия были, к сожалению, изменены — в пользу других, более броских на первый взгляд и как бы оттеняющих этапы, о которых повествуют. Первая книга: «Сталин. Путь к власти. 1879—1929. История и личность». Вторая: «Сталин у власти. История и личность. 1928—1941».

При этом как бы улетучился принципиально важный для самого автора аспект революционного начала в личности Сталина — революционера снизу и ведомого в первой книге, и революционера сверху и ведущего — во второй. Ведь даже заполняя переписной лист № 1 Всесоюзной переписи 1939 года, в графе 15-й («К какой общественной группе принадлежите?»), Сталин — наверное, единственный из всех переписываемых — горделиво записал: «профессиональный революционер», — и лишь в скобочках то, о чем, собственно, спрашивала

---

¹ Такер У. Сталин-революционер. Путь к власти. 1879—1929. М.: Центрполиграф, 2013. 508 с.; Такер У. Сталин — диктатор. У власти. 1928—1941. М.: Центрполиграф, 2013. 798 с.

графа: «(служащий)»¹. Предыдущая перепись (1937 года), как и многие ее организаторы, к этому времени уже пали жертвами этого «революционера сверху».

Такер был филигранно точен и прозорлив, когда написал о том, что революция (нет, Революция!) для юного семинариста Джугашвили была *«полем, на котором добывается слава»*. В точности то же самое испытывал в своем Тенишевском училище и молодой эсер Мандельштам, записавший в «Шуме времени»: *«Мальчики девятьсот пятого года шли в революцию с тем же чувством, с каким Николенька Ростов шел в гусары: то был вопрос влюбленности и чести. И тем, и другим казалось невозможным жить не согретыми славой своего века, и те, и другие считали невозможным дышать без доблести. “Война и мир” продолжалась, — только слава переехала. <...> Слава была в ц.к., слава была в б.о., и продвиж начинался с пропагандистского искусства»*².

2

Во введении Такер как бы раскрыл свой творческий метод, сложившийся под влиянием книги известного американского психолога Карена Хорни «Невроз и человеческое развитие» (1950). Дважды перечитав ее, Такер вдруг ощутил, что прикоснулся к истокам и разгадке культа личности Сталина — к тому, что культ это не только внешний, но и внутренний зов, вытекающий из отождествления *себя реального с собой идеальным*.

Отсюда же и его любимый псевдоним, даже не столько партийный, сколько до интимного личный и глубоко любящий себе самому — Коба. Эта кличка напрямую заимствована из романа Александра Казбеги

¹ См.: Российский демографический журнал. 2002. № 1. С. 89.

² О.Мандельштам. Собр. соч. в 4-х тт. Т. 2. М., 1993. С. 382—383.

«Отцеубийца». Его центральный герой — Коба — бунтарь и революционер, эдакий огузиненный Робин Гуд, заступающийся за обиженных и силой храбрости и оружия борющийся за справедливость, — стал для молодого Сосо истинным кумиром, языческим (а революция и есть разновидность язычества!) божеством. Конкурентом Кобы в пылкой читательской душе молодого Сталина был разве что экс-падре Симурдэн из отобранного у него в семинарии романа Гюго «93-й год», но это имя плоховато сидело на его кавказском теле и языческой душе.

Так что первые свои статьи и письма человеку, чьим партийным псевдонимом было «Ленин», вплоть до семнадцатого года он с удовольствием подписывал: «Коба». И только после победы революции перешел на другой, менее романтический, псевдоним, зато как бы заранее рифмующийся с «Лениным». И если Сталин — мифический Коба, то Ленин — тогда скорее полумифический Шамиль, сумевший организовать индивидуалистов-наибов — всех этих «Робин Гудов», «Хаджи-Муратов» и «Коб» — в единую силу — в партию и под своим началом.

Ясное дело, что все наибы метили в имамы, но, прежде всего, тяжело ревновали и вдохновенно враждовали друг с другом. Самым заклятым другом Сталина с самого начала был Троцкий — личность несравненно более яркая и в деле успеха революции куда более заслуженная. В годы Гражданской войны Сталину выпал жребий послужить под началом наркома Троцкого, и это оказалось испытанием не только для начальника и его подчиненного, но и для революции. Сталин-подчиненный — это вообще отдельная и недоисследованная тема, но сталинское недисциплинированное («великокняжеское», по определению Троцкого) поведение на Львовском направлении в 1920 году не просто ставило подножку Тухачевскому на главном — Варшавском — направлении, но и привело на грань самого настоящего краха всю военную стратегию большевиков.

Но нюансы собственного жизненного либретто были Сталину несравненно дороже судьбы даже того государства, которое ему еще предстояло бы возглавить и достроить. И не жалко ему было при этом ровным счетом ничего и никого — ни жены, ни друга, ни самого народа. Последнее он наглядно доказал, уже придя к власти и развязав Большой Террор.

Точечные и персональные репрессии против немногих своих реальных конкурентов, именуемых «врагами народа», он при этом чередовал с хаотическими и массовыми, наугад — против безымянных для себя представителей этого самого народа, всех его страт, поддерживая в нем безоговорочный страх и держа в узде всех остальных, еще не репрессированных.

Точно так же и Гитлеру в конце войны было не жалкого своего верноподданного немецкого народа, именем которого и с одобрения которого он уверенно и энергично привел свою страну к катастрофе. Но виноватым он патологически видел не себя, а народ, недостаточный энтузиазм которого, по его мнению, и стал главной причиной катастрофы.

В обоих случаях — и Гитлера, и Сталина, — у бесчеловечной политики «вождей» был несомненный психологический — и даже психоневротический — подтекст. Но, имея дело с психоисторией, мы не сможем уклониться и от психобиографии. Что и легло в основу настоящего на книге Хорни концептуального кредо Такера как биографа: *биография как история болезни*.

Романтическое славоискательство (Коба) переродилось в маниакальное властолюбие.

Еще в московские годы оно помогло Такеру понять корни не только культа личности Сталина как такового, но и отношения к своему «культу» самого Сталина. Детские годы — с нелюбимым и враждебным отцом-сапожником — вытолкнули на первый план в структуре личности Джугашвили насилие и жестокость, окрасившие это властолюбие в самые мрачные — багровые — тона. Говорят, что,

слушая или читая прозу, он искренне смеялся там, где другие только расплакались бы. Так из бездарного романтического поэта выкуклился гениальный диктатор.

3

В тройственном профиле всемирных пролетарских вождей (Энгельс тут не в счет — он лишь как бы приложение к Марксу) есть по-настоящему большой смысл.

Маркс, Ленин, Сталин — три великих визионера, и каждый, в отличие от Энгельса, породил свой персональный «-изм» — марксизм, ленинизм и сталинизм, глубоко пропечатавшиеся на скрижалях истории.

Политэконом-теоретик Маркс открыл межклассовую борьбу и провозгласил курс на верховенство пролетариата, то есть на *классократию*. Такер отмечает, что в марксизме «*молодой Джугашвили усматривал прежде всего евангелие классовой борьбы*». Пролетариат самым массовым классом ни тогда, ни после не был, так что демократически — через выборы — ему никогда бы не победить. Отсюда и способы установления и цена поддержания его господства — революция и диктатура.

Политик-практик Ленин понял, что для претворения этого видения в жизнь необходим «передовой отряд» пролетариата — небольшая, но крепкая партия, комбинирующая легальные и нелегальные методы борьбы.

Октябрьская революция — блестящее торжество его доктрины, а маленькие неувязочки, как то — Конституционное собрание или левые эсеры (партнер по властной коалиции), были со временем легко устранены. В результате в стране установилась коллективная *партократия*, — и именно слугами или бойцами партии видели себя все победившие революционеры во главе с Лениным и Троцким. Переход от Марксовой классократии к партократии — суть ленинизма.

Суть же сталинизма в другом — в переходе от партократии к власти одного, то есть к *автократии*. И именно таким человеком — «кремлевским горцем» и абсолютным диктатором — стал Сталин. Сам он еще мог спорить — хоть с Лениным или Троцким, но с ним уже не мог поспорить никто.

И еще неизвестно, в чем Сталин «гениальнее» — как создатель доктрины сталинизма или как прикладное воплощение этой доктрины, как эманация и персонификация сталинизма? И, хотя Такер едва ли прав в своей догадке, что указ о запрете браков с иностранцами от 1947 года, задевший лично Такера, инициировал лично Сталин, но насколько же органично этот указ вытекал из доктрины сталинизма, невысказанного без автаркии, в том числе матримониальной!

И все тут вроде бы логично — три стадии, словно у насекомых: личинка — куколка — бабочка! Но если сначала посмотреть на личинку марксизма с его идеалами социальной справедливости, а потом перевести взгляд на рябые крылышки порхающего сталинизма с его императивом единоличной власти, более всего напоминающего сверхабсолютную монархию, то видишь, как бесконечно далеки Марксовы скрижали от своей кремлевской реализации. А ведь как здорово и как, каждый, органично оба сходятся на ленинизме!..

Неисповедимым образом Сталин — одновременно апостол и начетчик Ленина: лучшего знатока истинно верного курса, а стало быть левых, правых и всех прочих уклонов, и не было, и не будет!

4

Марксизм объявлял все эксплуататорские режимы нелегитимными, — как монархические, так и республиканские. Ленинизм — в меру сил не только отвергал, но и свергал их, при этом Ленин в июне 1918 года насла-

дился физическим царубийством — личной мезтью монархии, убившей его старшего, его любимого брата.

Сталинизм же — это перманентная личная мезть, о сладости которой однажды Сталин проговорился; со временем она перешла в безличную.

Демократический централизм со своими явными и неявными ступеньками — эта лубочная матрешка с выборностью де-факто не снизу вверх, а сверху вниз, эта выморочная форма демократии, демократия наизнанку, — дала новому монарху в кителе все необходимые рычаги для удержания и укрепления тирании.

Под сурдинку партийно-демократической риторики ленинизма и в несколько итераций сталинизм уже к 1930-м годам де-факто реставрировал монархию, причем с такую степенью неограниченности, которая роялистам и не снилась. Из кабинета и в кабинет кремлевского горца были построены властные и информационные вертикали, что, кстати, делает камер-фурьерский журнал Сталина первостепенным историческим источником¹.

Но одной харизмы, ума и властолюбия самодержца тут недостаточно. Вторая часть сталинизма как формулы власти — это покорный народ, послушные подданные, к тому же имитирующие любовь к вождю. И в начале первой книги Такера мы находим прекрасные страницы об исконном и неизменном царцентризме российского общества. «Без царя в голове» — как всегда значило, так и сегодня значит: без хозяина, без порядка, без структуры.

Эту интенцию и оседлал Сталин, обустроивая свое царство по образу и подобию двора Ивана Грозного с его опричниной и беспределом.

С их помощью — то есть в опоре на партию и карательные органы — он предлагал своим подданным и по-

---

¹ На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924—1953 гг.). Справочник / Научн. ред. А.А. Чернобаев. М., 2008.

рядок, и социальную структуру — в обмен на безоговорочную лояльность. Если харизма Ленина была еще харизмой его личности, и противостоять ей еще могла другая личность, например Троцкого, то харизма Сталина — это антихаризма, то есть харизма «организации», харизма системы, харизма, если угодно, паучьей сети. Уделом всех остальных — от последнего бича и до самого близкого круга приближенных к пауку — было барахтаться в его сети.

Ее построение, не слишком упрощая, и было той «революцией сверху», которую лично для себя осуществил царь-паук Иосиф Сталин. Для народа же он предложил другую «революцию сверху» — автаркию, насильственную миграцию и перековку крестьянской страны в промышленную, то есть ускоренную урбанизацию и индустриализацию за счет демографического потенциала деревни.

Так что Сталин и у власти — по-прежнему «революционер», но революционер сверху. А коллективизация — это революция и гражданская война в одном стакане. Та же экспроприация, но уже не отдельного банка, а целого класса!

Этим «революциям» — становлению и апогею реального сталинского самодержавия и индустриализации как его экономической ипостаси — и посвящена, за малыми отступлениями, вся вторая часть такеровской биографии Сталина.

Внешнеполитической доктрине Такер уделил несколько меньше места, чем она того заслуживала. Ибо все целеполагание основанной на принципах автаркии и «революции сверху» внутренней политики сводилось в конечном счете к главной внешнеполитической *idée fixe* — к экспансионизму. Над открытой могилой Ленина Сталин поклялся выполнить его завет — «укреплять и расширять Союз». Призрак мировой революции при Сталине все более и более материализовывался — в мелкокачествую коминтерновскую сеть, в которой живые

и мертвые люди барахтались в точности так же, как целые когорты разномастных «врагов народа» дергались и барахтались во внутрисоюзной сети.

С годами паучья «физиология» Сталина только усиливалась, и психобиографический метод Такера тут как бы невольно смыкается с арахнологией — наукой о пауках.

5

Как и едва ли не всякий грузин, Сталин в молодости — в свои семинарийские годы — баловался стихами. Подписанные псевдонимами «И.Джишвили» или «Сосело», стихи были как о прекрасной Грузии, так и о социальных надеждах всего человечества. Так себе стихи, но одно-два даже и неплохие.

Креативные подданные из Оргкомитета по проведению юбилейных торжеств по случаю 70-летия вождя решили порадовать его публикацией стихотворных опусов на русском языке. Осуществлять блистательный перевод сих посредственных виршей поручили 40-летнему Арсению Тарковскому.

Тот сразу понял, насколько двусмысленно и опасно это предложение. Отказаться? принять? — с точки зрения арахнологии, оба варианта несли в себе смертельную опасность. Сдав перевод и получив гонорар, Тарковский уехал в Грузию и затаился в ожидании того, что будет. Но своего переводчика спас сам автор, вычеркнув эту позицию из перечня юбилейных мероприятий...

Цацки, а тем более писательские, а-ля Брежнев, Сталина не интересовали, — и на меньшие, чем первый в философии, первый в истории партии, первый в языкознании и первый в военном искусстве (маршал, а потом и генералиссимус), он не соглашался.

Генералиссимусом в литературе был у него Горький, а все прочие секретари Союза писателей СССР (Ставский, Фадеев и другие) были у него лишь порученцами, присматривающими за литературой как за общаком.

В то же время Сталин принадлежал к поколению аппаратчиков, в котором чтение книг и почтовая переписка являлись потребностью и нормой, а для иных, и для Сталина в их числе, даже страстью. Он был неистовым читателем, и учреждение в 1934 году денежных Сталинских премий по литературе было, если угодно, производной от этой страсти.

Как абсолютный самодержец, Сталин мог и казнить, но мог и помиловать. Так поступил он в конце мая 1934 года, помиловав Мандельштама, дерзнувшего написать:

*Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны
А где хватит на полразговорца,
Там помянут кремлевского горца.
<... >
Что ни казнь у него, то малина
И широкая грудь осетина.*

И следователь (Шиваров), и профильный нарком (Ягода) не сомневались в том, что «... сталинское решение будет достаточно суровым: одной только “грудь осетина” для грузина вполне достаточно, чтобы отпугнуть неучтивца к праотцам»¹.

Но Ягода ошибся: «Сталин мгновенно оценил ситуацию, а главное — «оценил» стихи и, действительно, решил всё совершенно иначе — в сущности, он помиловал дерзца-пиита за творческую удачу и за искренне понравившиеся ему стихи. Ну, разве не лестно и не гордо, ког-

---

¹ Нерлер П. Слово и «дело» Осипа Мандельштама. Книга доносов, допросов и обвинительных заключений. М., 2010. С. 38.

да тебя так боятся, — разве не этого он как раз и добивался?!

Итак, 25 мая 1934 года Сталин подарил О.М. жизнь... И это была — самая высшая и самая сталинская из всех Сталинских премий, им когда-либо присужденных!»¹

А вот мандельштамовскую попытку польстить себе в одическом жанре Сталин не одобрил. Эта «творческая неудача» обошлась поэту в новый арест, в новый — более жесткий — приговор и в гибель в транзитном пересыльном лагере под Владивостоком.

«С гурьбой и гуртом» — как он сам напророчил себе в другом стихотворении.

Вместе с тем сам Мандельштам и его эпиграмма были восприняты другими читателями — не Сталиными и не Ягодами, — как хлесткая пощечина и символ сопротивления и протеста против такой, не чующей под собою земли, жизни.

6

Несколько слов о стиле Такера. Он скорее энергичен и эмоционален, но в то же время и не импрессионистичен.

Есть ли у Такера фактические ошибки?

Да, но это, скорее, неточности. Например, географические: иногда он смешивает Грузию с Кавказом в целом, и в результате умиротворение мусульманского имамата прочитывается как эпизод российско-грузинских взаимоотношений. Или категории кулаков: приводимая им расшифровка трех кулацких категорий не совпадает с теми, что были в действительности.

---

¹ Нерлер П. Слово и «дело» Осипа Мандельштама. Книга доносов, допросов и обвинительных заключений. М., 2010. С. 38.

И тут мы упираемся в источники, которыми Такер располагал и пользовался. Его добросовестность и тщательность — выше всяких похвал. Все, что было опубликовано или не опубликовано, но доступно (например, западные диссертации), — было им, разумеется, учтено. Поработал он и в архивах — исключительно американских: в Вашингтоне (Национальный архив США), в Стэнфорде (Институт Гувера) и в Гарварде, где хранились архив Л.Д. Троцкого и так называемый «Смоленский архив». Ценным источником информации о начальном периоде жизни Джугашвили стали для биографа опубликованные в Берлине мемуары бывшего сталинского близкого друга и сотоварища по семинарии в Гори — Иосифа Иремашвили.

Конечно, Такер был бы счастлив поработать и в приоткрывшихся в конце 1980-х гг. российских архивах, но до конца открытыми они не стали и по сей час. Да и от того, что он узнал бы истинный рост вождя — 164 сантиметра, — мало что изменилось бы в такеровском восприятии этого низкорослого гиганта.

Такеровская биография Сталина, увы, не была завершена: это усеченная композиция — трилогия без концевого тома. Этот недостающий том был бы в трилогии ключевым, ибо Сталин без Великой Отечественной войны, Сталин без Победы — фигура совершенно иного масштаба.

Как военачальник Сталин всегда был на удивление бездарен. Его «великокняжеские» вмешательства в Гражданскую войну, — что в Галиции, что под Царицыном, — всякий раз имели следствием серьезное ухудшение общей обстановки на фронтах, членом Реввоенсовета которых он являлся.

В Великую Отечественную главнокомандующим был уже не Троцкий, а он сам. И, что бы ни писал Жуков о профпригодности Сталина в Ставке, всю полноту ответственности за игнорирование донесений разведки о готовящемся нападении, за катастрофические

поражения начала войны, как и за ту демографическую и гуманитарную сверхцену, которую страна заплатила за его окончательную победу, несет лично Сталин. А это десятки миллионов погибших, миллионы пленных и угнанных в Рейх, сотни тысяч коллаборантов, разрушенное хозяйство на оккупированных немцами территориях, миллионы инвалидов. Люди, солдаты, офицеры были для него всего лишь пушечным мясом, а война — лишь инструментом большой игры и глобальной политики.

Но в своих попытках перехитрить всех и столкнуть первыми немцев с французами и англичанами он преуспел только вначале. Аннексируя в 1939—1940 гг. одну оговоренную с Берлином область за другой, Сталин «обрабатывал» их территорию и население единообразным образом, за которым закрепились термины «советизация» или (реже) «сталинизация». Население фильтровалось и безжалостно пропускалось через мясорубки социальных репрессий, и прежде всего — насильственной коллективизации и депортаций.

Столкнувшись же лоб в лоб со своим вчерашним «союзником» — Гитлером, Сталин сполна ощутил всю уязвимость и сомнительность сталинизма как государственной доктрины — при первом же ее открытом контакте с внешним миром. Но больше Гитлера, побежденного ценой стольких жизней, его беспокоили те миллионы, что не погибли, что уцелели, миллионы именно на войне впервые почувствовавших себя людьми — победителями, освободителями и освободившимися.

Делиться с ними плодами победы он не собирался, и уже через два года, 9 мая 1947 года, великий и всенародный праздник Дня Победы перестал быть нерабочим днем, а у участников войны одну за другой стали отбирать их льготы.

Свой воспрянувший было народ Сталин снова загонял в привычные, довоенные стойла. Узурпировав власть, Сталин присвоил себе и общенародную Победу.

Поэтому 5 марта — день его смерти — стал подлинным праздником для миллионов репрессированных и их близких, днем избавления от его тирании.

Отнесемся всерьез к сталинской победе на телереферендуме «Имя России» в 2008 году: 4,5 миллиона принявших в нем участие — это 3,5% населения России. И та «галантность», с какою третий призер Сталин в последний момент пропустил вперед Невского и Столыпина, никого не могла обмануть в стране, где фальсификации и в ходу, и в чести. Понятно, что читатели Пушкина заведомо менее всего склонны участвовать в таких шоу и вообще смотреть российское телевидение, в отличие от почитателей Сталина, для которых он и теперь «живее всех живых».

Так что до подлинного избавления от сталинской тирании, увы, все еще далеко.

НАЦПРОЕКТ ИСТОРИЯ

Что ни казнь у него — то малина...

О. Мандельштам

Хотелось бы всех поименно назвать...

А. Ахматова

Стараниями и попечением Международного общества «Мемориал», Уполномоченного по правам человека в РФ при поддержке Объединенной демократической партии «Яблоко», Международного фонда им. Д. С. Лихачева и швейцарской программы по развитию и сотрудничеству вышло уникальное электронное издание. Это сдвоенный компакт-диск «Жертвы политического террора в СССР»: на одном — почти все изданные на сегодняшний день справочные и научные материалы по истории террора, на другом — база данных, содержащая сведения о 2 614 978 жертвах этого террора (в это число входят и «дублиеты» — сведения об одном и том же лице из разных источников, как и сведения о каждой репрессии в отдельности, — на Осипа Мандельштама, например, заведено четыре записи. Так что, в сущности, самих жертв на диске меньше). Источники — более 280 томов Книг памяти из разных регионов бывшего СССР, а также море других привлеченных сведений, в том числе о репрессированных москвичах.

2 миллиона и 600 тысяч жертв — много это или мало?

Мало, если сравнивать эту цифру с суммарным числом репрессированных в СССР. Одних только лиц, подпадающих под действие Закона о реабилитации 1991 года, по оценке А. Рогинского, около 12,5 млн, из них около 5 млн — люди, осужденные решениями судов и внесудебных органов, а остальные — репрессиро-

ванные по административным решениям (жертвы коллективизации, депортаций народов и т. д.).

А с другой стороны — это и невероятно много! Для сравнения: в Центральной базе данных имен Жертв Шоа¹, над которой десятилетиями работал целый коллектив сотрудников этого мемориала, насчитывается около 4 млн имен.

Готовя к печати именной список заключенных того эшелона, с которым Мандельштам в 1938 году был доставлен во Владивосток², Николай Поболь и пишущий эти строки вознамерились прокомментировать этот список персональными сведениями из мемориальной базы данных. Кстати замечу, что мощным источником пополнения этой базы данных могли бы стать вышеупомянутые эшелонные списки.

В «мандельштамовском» списке было ровно 700 имен, не так и мало, но из них по базе данных отыскалось только 169 имен, т.е. каждое четвертое. Следует учесть, что все мандельштамовские ээки-попутчики были из Москвы и Московской области — наиболее изученного в этом отношении региона. Отсюда хотя бы приблизительно видно, каковы истинные масштабы репрессий: не возразишь — эффективен был усатый менеджер!

Тем не менее, даже по такой скромной выборке хорошо видна несостоятельность многих расхожих утверждений, например, о направленности репрессий 37—38 годов, в основном, против партии. Самый крупный в списке начальник — секретарь райисполкома. Большинство же репрессированных — это рабочие

---

¹ В Интернете по адресу: www.yadvashem.org

² *Нерлер П., Поболь Н.* Мандельштамовский эшелон. К 70-летию гибели поэта // Рубеж. 2008. № 8. С.249—267; *Нерлер П.* Слово и «дело» Осипа Мандельштама. Книга доносов, допросов и обвинительных заключений / При участии Д.Зубарева и Н.Поболя. М.: Петровский парк, 2010. С.100—134 (совм. с Н. Поболем); *Нерлер П.* Мандельштам и его солагерники. М.: АСТ, 2015. С. 450—498.

и крестьяне, за ними следуют учителя и бухгалтеры, есть два писателя, есть даже один Карл Маркс!..

Сама база данных, конечно же, нуждается в различных усовершенствованиях, и не только в пополнении новыми именами и данными, но и в более строгой унификации карточек. Были бы ее сквозные данные — например, пол, возраст, основание репрессии, ее вид и кратность, — сведены к единой формализованной маске (а все, что не вписывается в нее, можно сложить в рубрику «примечания» или «прочее»), то эти 2,6 миллиона заговорили бы не только от себя и за себя, но и как единое целое, как истинный архипелаг, как социум репрессированных, с которым интересно и важно поработать и демографу, и историку, и географу. Но работа эта и огромная, и затратная, а упомянутый диск лишь ее самое начало.

Этот диск — сама история России, ее истинное — с трубкой в руках — лицо периода «эффективного менеджмента» над ней! И как бы ни привыкла политика у нас хватать историю за дышло, а историков пинать ногами и вить из них веревки, но наше «непредсказуемое прошлое» давно и остро нуждается в «приватизации», в деполитизации, в рассекречивании архивов, в спокойном и объективном научном анализе (а с недавних пор тема репрессий стала кошерной и для академической науки).

Чем не поприще для национального проекта?

Государство тут могло бы взять на себя как минимум три вещи: первая — смириться с тем, что работа будет построена не по вертикали, а по горизонтали, не по понятиям РАО «История» (или «Истпром», или «Росист»), а по принципу коллегиального научного сообщества (к роли диспетчерско-координирующей лучше всего подошел бы «Мемориал»).

Второе: обеспечить проект информацией — за счет доступа к ведомственным архивам и завершения рассекречивания документов из федеральных архивов.

И третье — профинансировать проект, не вмешиваясь в его ход и не требуя себе за это ни дивидендов, ни контрольного пакета дружно голосующих акций.

В сущности, это прямое государственное дело — обеспечение правдодобычи.

Но в том и парадокс, что в природе этого государства — уклоняться от этой задачи, ибо история ему не царица, не советчица и не судья, а понятливая и безропотная служанка.

УРОКИ И НАВЫКИ СТАЛИНИЗМА, ИЛИ СОЮЗ ПАВЛОВСКОГО И ГЛАВПУРА

(Картинки с конференции)

С 5 по 7 декабря 2008 года в Москве состоялась конференция «История сталинизма. Результаты и перспективы изучения». Прошла она в пятизвездочном отеле «Ренессанс»¹, что само по себе аукалось с грустной коннотацией из Надежды Яковлевны: «Им ведь приказали делать ренессанс, а вышло что-то вроде кафе “Ренессанс”».

Впрочем, о ренессансе сталинизма говорить самое время — в контексте филипповских mot об «эффективном менеджере» или телевизионного фарс-шоу «Имя Россия» от РТР-Планета (своими ушами пришлось там услышать об опричниках как о первой политической партии в России!).

В экспликации конференции поэтому совершенно справедливо указывается на все растущий зазор между *«научной историографией и массовым историческим сознанием в современной России»*, между *«научными и обыденными представлениями граждан России о сталинизме и сути диктатуры»*: *«Накладываясь на проблемы современной внутренней и внешнеполитической ситуации, просталинские пропагандистские клише действуют особенно эффективно. Широкое распространение получают рецепты возрождения России посредством авторитарной модернизации или даже диктатуры, про-*

---

¹ До сих пор верхом шикарности для мероприятий исторического профиля были хоромы Президиума РАН на Воробьевых горах или Овальный зал Библиотеки иностранной литературы.

паганда исторической оправданности насилия, много-миллионных жертв и социальных чисток. Такой социально-политический контекст, несомненно, актуализирует сугубо научные проблемы истории и требует от сообщества ответственных историков и обществоведов дополнительной консолидации своих усилий».

Обо всем этом, открывая конференцию, напомнил Андрей Сорокин, тогда руководитель издательства «РОССПЭН», уже выпустившего десятки томов в серии с почти таким же, что и конференция, названием («История сталинизма»). Он же подчеркнул и неслучайность выбора даты проведения — годовщины принятия (5 декабря 1936 года) феноменальной по своим глословности и цинизму сталинской конституции.

Кстати, в этот же день в столице случилась еще и конференция, посвященная памяти А.И. Солженицына — человека, положившего первый камень в надгробие, — как выясняется, так и не умершего — сталинизма, но крепкого государственника. На солженицынской конференции было зачитано приветствие тогдашнего президента Медведева. А конференцию в «Ренессансе» ни Медведев, ни Путин не почтили ничем.

Еще более яркая деталь в копилку любителей конспирологии: феноменальный по своему юридическому нигилизму и хамству наезд питерской прокуратуры на питерское отделение общества «Мемориал» в Питере. «Повод»: а не связана ли с этим обществом одна публикация одного автора в одной питерской газете?¹ А ведь каждый из нас по жизни встречал или не встречал (да и не все ли равно?) десятки Андреевых (фамилия автора публикации): этого, как выясняется, сегодня достаточно

---

¹ См. о событии и о реакции на него на сайте «Полит.ру»: *Панеях Э.* Одиннадцать жестких дисков, что изъяли в «Мемориале» // В Сети: <http://www.polit.ru/analytics/2008/12/12/memorial.html> ; *Косинова Т.* Зачем Прокуратуре «Мемориал»? // В Сети: <http://www.polit.ru/research/2008/12/10/memorial1.html> и др.

для обыска и взламывания прокурорской отверткой вашего компьютера. (Уверен, что прокурор М.Калганов и слыхом не слыхивал о московском форуме несимпатичных историков.)

2

Но вернемся в конференц-зал отеля на Олимпийском проспекте¹. Около 100 докладчиков, несколько сот слушателей. В зале — министры, директора архивов, историки и архивисты со всего света.

Первыми прозвучали приветствия. После Сорокина говорил тогдашний Уполномоченный по правам человека Владимир Лукин. Он констатировал своеобразную боевую ничью: ни сталинизм не победил нас, ни мы сталинизм! И сразу же после этого сказал: на трибунах и с шумом — мы движемся вперед, а на деле и по-тихому — пятимся назад. Иными словами: отмирание сталинизма через его усиление? Так какая же это «ничья»?

Секретарь Французской академии Элен Каррер Д'Анкосс подчеркнула, что эта конференция важна не только для России, но и для европейских стран. Франция, например, в свое время сильно соблазнялась сталинизмом. Сталинизм — это болезнь, но это не специфически русская болезнь. Как бы это ее не «подхватить» и какая тут возможна «гигиена» и «профилактика»?

Затем шесть(!) пленарных докладов — выступления формальных и неформальных лидеров форума и представителей крупных фракций участников (двух директоров академических институтов, двух американских исследователей, одного историка-архивиста и руководителя международного «Мемориала»).

---

¹ См. видеозапись на сайте «Полит.ру»: http://www.polit.ru/culture/2008/12/30/videon_stalinism_1.html

В результате на пленуме первого дня произошел непреднамеренный чемпионат по качеству выступлений, с колоссальным отрывом выигранный Арсением Рогинским, выступавшим последним¹. В блестящем и грустном докладе об исторической памяти в России он нарисовал ее раздробленной, фрагментарной, оттесняемой на периферию массового сознания и, в сущности, уходящей. Он точно заметил, что нынешняя концепция Великой России проистекает из двух дефицитов — исторической идентичности у населения и исторической легитимности у элиты. Внешнее кольцо врагов (неотъемлемый атрибут концепции) по-прежнему необходимо для создания системы внутренних вертикалей.

В России на тот момент времени было выявлено около 100 мест захоронений и расстрелов, но было таких мест, конечно же, гораздо больше. Спонтанно возникло около 800 разного рода памятников о терроре, а тема террора присутствует по крайней мере в 300 музеях, но никакой заслуги федеральной власти в этом нет. Не было тогда и общенационального музея, посвященного сталинским репрессиям, что по-своему и логично, коль скоро государственный террор в целом лишь условно и поверхностно вписан в историю страны, вписан не как преступление, а как достойный сожаления перегиб.

Поэтому никаких реальных судебных процессов против палачей в СССР не было², наоборот, были попытки добиться реабилитации некоторых из них, в том числе Берии и Ежова. Никто из представителей власти никогда не принес жертвам или родственникам жертв публичные (я уж не говорю искренние) извинения.

И все это не столько реабилитация Сталина, сколько панегирик нынешней власти и государству. Сталинский

---

¹ См. на сайте «Полит.ру»: <http://www.polit.ru/institutes/2008/12/11/memory.html>

² Дисциплинарные наказания на базе служебных проверок не в счет!

же усатый профиль надежно запрятан в образе его великих побед, в частности, победы в Великой Отечественной. Память о войне, быть может, искажена у нас больше всего — и именно потому, что это память не о войне, а о победе. В нее не умещался никогда, например, плен. А память о победе без памяти о цене победы не может быть не просталинской. Иными словами, память о войне стала местом «генерального сражения» двух форм памяти — государственно-мифологической и собственно исторической.

Хороший доклад сделал и Олег Хлевнюк, представлявший ГАРФ. Опираясь на сотни публикаций и тысячи пропущенных через себя документов, он попытался подвести итоги и обозначить историографические проблемы изучения сталинизма. Мобилизационные методы, сказал он, доводили дело до абсурда, а потом и до кризиса. Он же подчеркнул роль ведомственности как рабочего механизма сталинизма, а следовательно и межведомственных конфликтов. Один из выводов Хлевнюка: тезис об эффективности сталинского менеджмента никак не обоснован и исторически не оправдан. (Немного смутил, правда, термин самого докладчика «избыточная репрессивность»: а разве установлена «нормальная»?)

В выступлении директора Института всеобщей истории РАН Александра Чубарьяна запомнились разве что лисья свехосторожность в выборе выражений. Он предлагал соблюдать дистанцию и построже разграничивать сталинизм и советизм, и также его паневропейский тезис: в ренессансе глорификации вчерашних диктаторов (например, Франко или даже Муссолини), мол, ничего необычного нет, это не российское, а паневропейское явление.

Дальше всего от темы форума оказались импровизации директора Института этнологии и антропологии РАН Валерия Тишкова о сталинизме и национальном вопросе («национальном ответе» в его терминологии)

в советское время¹. Сталин отстаивал национально-культурную автономию, и в результате из названия государства выветрилась Россия, а народ стал каким-то советским. Но народ, по Тишкову, слово без множественного числа, а Путин единственный в мире политик, пользующийся словом «этнический». Не может народ состоять из других народов, и полиэтничность — это чуть ли не рок и заклятие России. В языковой политике Наркомнац задавил Наркомпрос, и в результате из 70 младописьменных языков мира — 50 приходится на осчастливленные ими народы СССР.

Он точно подметил, что пушкинско-ельцинское словцо — «россияне» — при Путине ушло из языка. Сокрушаясь по этому поводу, он с отчаяния даже в хулиганствующих фанатах, беснующихся всю ночь после победы, углядел зародыш правильного этнологического инстинкта — склонность к братанию и россиянству. Закончил он словно загадку отгадал: «единство в многообразии» — эта свежайшая формула времен Витте и Струве — и есть наш правильный национальный «ответ» на неправильный национальный «вопрос». Собственно, он призывал европеизироваться и, разведя национальность с этничностью, выдать ее замуж за гражданство. Только неясно, чем конкретно такое вот хвалимое «россиянство» отличается от хулимой сталинской «советскости»?

Казалось бы — в первый день самое время определиться с понятиями, которыми потом будут пользоваться или на которые будут хотя бы оглядываться все участники. Тот же сталинизм, о который уже обломали зубы десятки историков за рубежом, — что же это такое?

Как хорошо прозвучал бы на пленуме, например, блестящий доклад Сергея Красильникова (Новоси-

---

¹ Он был единственным докладчиком пленума, чьи фактографические неточности благожелательная, но просвещенная аудитория позволяла себе не без раздражения поправлять.

бирск) из программы одной из секций!¹ Вот его дефиниция: «Сталинизм — диктатура идеократии плюс социальная мобилизация». Здорово и небесспорно, но так для того и обсуждения! Уместен был бы на таком гипотетическом пленуме и доклад Никола Верта (Париж), сделанный на той же секции, что и красильниковский. Он говорил о соотношении массовых и политических репрессий при Сталине и об одновременном стирании границ между репрессиями и не-репрессиями.

На деле же пленарное заседание, построенное на номенклатурном песке, оказалось непомерно раздутым, перегруженным и, даже при классном докладе Рогинского, не слишком удачным.

3

Административная инфраструктура конференции явно была рассчитана на то, чтобы впечатлять. Взять хотя бы ее рабочий орган — оргкомитет. Сначала идут институциональные соорганизаторы: Уполномоченный по правам человека в РФ, Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, Государственный архив Российской Федерации, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Издательство «Российская политическая энциклопедия», Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал»², а также — с непонятным статусом партнеров — две европейские организации: Герман-

---

¹ См. видеозапись на сайте «Полит.ру»: http://www.polit.ru/culture/2008/12/31/videon_stalinism_2_1.html

² Это уже определенный прогресс. Среди титульных организаций документального 7-томника «История сталинского ГУЛАГа» места для «Мемориала» и вовсе не было. См. нашу рецензию: Новые карты архипелага ГУЛАГ. [Рец. на изд.: История сталинского Гулага. В 7 тт. М.: РОССПЭН, 2004—2005] // НЗ. 2006. № 2. С. 277—286.

ский исторический институт и Франко-российский центр гуманитарных и общественных наук в Москве. Затем — персональный состав оргкомитета, представленный первыми лицами названных институций с добавлением еще и Пихои Р.Г. (заведующего кафедрой Российской академии Государственной службы при Президенте Российской Федерации), Тишкова В.А. и Хлевнюка О.В. (еще одного представителя ГАРФ). Аналитик-конспиролог тут же заметит, что оба профильных академических института — и всемирной истории, и российской — в одном оргкомитете с «Мемориалом» на всякий случай светиться не стали. Затем идет длиннющий ряд неких институциональных «представителей», список которых практически тождественен списку организаций, в которых трудоустроены докладчики¹.

Устроители мыслили себе работу конференции сконцентрированной на шести основных, по их мнению, направлениях²: 1) Политика. Институты и методы сталинской диктатуры (О. Хлевнюк, Москва и Й. Горлицкий, Манчестер); 2) Политэкономия сталинизма (Л.Бородкин, Москва и П. Грегори, Хьюстон); 3) Человек в системе диктатуры: социокультурные аспекты (Е. Зубкова, Москва; Д. Фильцер, Лондон); 4) Национальная политика и этнический фактор (Т. Красовицкая, Москва, и Ю. Слезкин, Беркли); 5) Международная политика Сталина (А. Грациози, Неаполь; С. Понс, Рим, А. Ватлин, Москва и М. Крамер, Гарвард); 6) Память о сталинизме (И. Щербакова, А. Рогинский и С. Мироненко — все Москва). По каждому из направлений при этом фиксировались бы достигнутый уровень научных знаний,

---

¹ Есть еще и информационные спонсоры (но это как раз нормально): Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания (ВГТРК), ИТАР-ТАСС, РИА Новости, Радио России, Радио «Эхо Москвы», «Независимая газета», «Новая газета», журналы «The New Times», «Огонек» и «Родина».

² В скобках — руководители соответствующих секций.

наличие общепринятых и спорных вопросов, дискуссий, источники лакуны, перспективы развития научной историографии.

Щедрое финансирование (главный спонсор — Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина) обернулось действительно отличной технической организацией форума. А вот программный комитет сработал, на мой взгляд, так себе — по-чиновничьи. Только так можно интерпретировать саму структуру мероприятия: пленарные заседания в пятницу и воскресенье — и шесть одновременных секций с утра до вечера в субботу! Попробуй-ка выбери себе сессию по интересам, — вот и мечутся слушатели между шестью аудиториями!

Параллельная секционность как оргприем хороша только на общенациональных или международных профессионально-корпоративных мегафорумах, когда от взаимодействия античника и, скажем, историка КПСС трудно ожидать хоть какой-нибудь искры или синэргетики. На тематическом же форуме — это верный признак того, что заинтересованности в этой «искре» нет, и конференция проводится «для галочки».

Здоровой альтернативой могла бы стать трехдневная и плотная конференция с укороченной вдвое, но более строго отобранной единой сквозной программой. Из научно-спортивного интереса и в режиме перебежек я посетил несколько секций и имел возможность убедиться в том, что иные доклады в научном плане были, к сожалению, ниже плинтуса.

Как это ни удивительно, но из программы конференции фактически выпала тема Второй мировой войны. В оргкомитете, видимо, не нашлось никого, кто был бы в ней лично или по-кураторски заинтересован, и тема — бесспорно одна из ключевых, о чем, кстати, говорил и Рогинский — провисла.

Впечатление заорганизованности, к сожалению, не просто возникало, — оно перманентно поддерживалось

на конференции. Ее итоговый документ¹, сам по себе весьма резонный и дельный, констатировал основные проблемы, но вместе с тем вызывал недоумение по своему «жанру» — почему это не резолюция всего форума, почему организаторы не положили ее проект в папку участника и не поинтересовались мнениями или предложениями «низов»?

На завершающем воскресном круглом столе (его вел Николай Сванидзе) со своими эмоциональными воспоминаниями и размышлениями — главным образом на тему «Сталин и война» — выступили ветераны: Юрий Любимов, Павел Тодоровский, Даниил Гранин, Теодор Шанин и Сигурд Шмидт (последний, кстати, едва ли не единственный в зале, кто, пусть и ребенком, видел товарища Сталина вблизи!). Очень быстро круглый стол утратил округлость и превратился в брифинг министра образования и науки Александра Фурсенко — брифинг в защиту толерантности к сталинизму в учебных изданиях. А вот обобщающей дискуссии не стряслось: интеллигентно, но последовательно слово не давалось тем, кто, поверив в регламент, письменно об этом просил, — и вместе с тем микрофон буквально навязывался совершенно его не алкавшему Чубарьяну.

А ведь поговорить было о чем: например, о нарастающей главпуризации памяти о войне и о репрессиях, о нерассекречиваемых архивах, о замечательной идее «Мемориала» и «Новой газеты» коздать Музей жертв и преступлений сталинизма в здании Военной Коллегии на Никольской, стоящем над расстрельными подземельями Лубянки!..²

И тем не менее: проведенный форум — серьезное и тщательно подготовленное организационно-политическое событие, одна из редких осуществленных

---

¹ Резолюция, принятая членами Оргкомитета и руководителями секций. См. на сайте «Полит.ру»: <http://www.polit.ru/dossie/2008/12/12/resolution.html>

² См.: <http://color.novayagazeta.ru/data/2008/gulag01/30.html>

попыток профессиональной научной общественности консолидироваться и структуризоваться, почувствовать не только локоть, но и плечо друг друга. СМИ уловили эту событийность и отозвались многочисленными интервью и откликами.

Но большим *научным* событием этот форум, к сожалению, не стал, хотя мог бы стать и даже просто обязан был стать. Много сил ушло в гудок и на обслуживание штабного вагона, на пристраивание каких-то своих вертикалей и диагоналей — то есть на занятия, для науки и для темы совершенно бесполезные. Если бы у конференции был сайт, на котором можно было бы прочитать хотя бы экспозе или драфты докладов, многое встало бы на свои места.

Упущены, кстати, были и некоторые организационные возможности. Где как не здесь можно было организовать международную Ассоциацию исследователей сталинизма? Она и отвечала бы за преемственность организационных решений и действий в этом вопросе, вела бы интернет-бюллетень и осуществляла бы мониторинг и рецензирование важнейших публикаций, учредила бы и присуждала бы ежегодную профессиональную премию (имени Александра Некрича, например¹), — иными словами создавала бы информационную и дискуссионную среду для научного сообщества исследователей истории сталинизма.

4

Я уже упоминал в самом начале грубейший наезд на питерский «Мемориал». Но настоящий «наезд» на весь «Мемориал» произошел несколько позднее, уже после окончания конференции.

---

¹ Это было позднее реализовано — в виде исторической номинации Гайдаровской премии.

9 декабря публицист Глеб Павловский (P.S. Директор Фонда эффективной политики и тогдашний консультант В. Суркова в Администрации президента РФ) опубликовал в своем «Русском журнале» памфлет «Плохо с памятью — плохо с политикой. О политике памяти»¹. Несмотря на свою краткость, это не просто лживые и холуйские словеса, это еще и установочный сигнал — своего рода скорый боевой ответ на выступление Арсения Рогинского на конференции и на тезисы «Мемориала» о Большом Терроре.

Он начинается с тезиса, в общем-то, справедливо: сегодняшняя политика памяти — эквивалент идеологических войн прошлого. И то: кому же как не экс-диссиденту Павловскому судить об этом? Циничный перебежчик и эффективный карманный политтехнолог, он отменно ориентируется в розе кремлевских ветров, так что его позиционирование (как и выбранный им для выступления момент) это вам не лобби кушать, это не с бухты-барахты, а вполне определенный месседж.

Заключается он в том, что у власти наконец дошли руки и до истории с идеологией и что пришло наконец время, когда свое щупальце-«вертикаль» она хотела бы запустить и в политику памяти. Вот они и задумываются: а не создать ли свой карманный «Мемориал» под почетным председательством внука Суслова или Мехлиса и со Старой площадью в качестве юридического адреса?²

Горбачевские перестройку и гласность Павловский аттестует как первую политическую возможность для тотального «самопоругания» собственной советской истории (или, как он еще трепетно выразился, «советской цивилизации») — возможность, на дрожжах ко-

¹ См.: <http://www.russ.ru/pole/Ploho-s-pamyat-yu-ploho-s-politikoj>

² В этом смысле фонд «Историческая память», как видно, соответствует этим критериям не вполне.

торой и возшло общество «Мемориал» и иже с ним. История при этом не изучалась и не критиковалась, а «разоблачалась» и «хулилась», причем в ход шли как подлинные преступления, так и «заурядные факты политики», тождественные, в сущности, безобразиям, творившимся и в других странах: *«Политическое негодование тех лет вызывала политическая реальность как таковая»*, — заключал Павловский. И добавлял: происходила-де «большая демократическая чистка», на манер сталинских!

И поворачивается же у Глеба Олеговича язык! Кого, скажите, и как репрессировали по ходу этой страшной чистки? Кто хотя бы с работы вылетел за свою симпатию к Сталину или хотя бы за соучастие в его преступлениях? Специалисты по истории КПСС превзошли любых хамелеонов: свои подловатые зарыжины они выбелили перекисью прекрасноречия и заделались заправскими историками новейшего времени, а то и бойкими политологами, респектабельными и седовласыми, — вот и вся метаморфоза!

В том-то и дело, что не только «Большой Чистки», но и хотя бы «Маленькой Люстрации» в России не было, — политическая мимикрия приветствовалась и прошла на халяву в видах общественного спокойствия. Никакого клейма осуждения на субъектах политики КПСС-КГБ в тогдашнем СССР в глазах современных россиян! Вся «советская цивилизация», столь любезная экс-диссидентскому экс-сердцу Павловского, так и перекочевала вместе со своим гимном и гимнотворцами в политическую реальность России. И ноу-хау Путина разве что в том, что френч он перекроил в строгий, от Армани, костюм; гражданское общество и малый бизнес задушил «вертикалями» или замочил в сортире, а на дряблые тела советской цивилизации накинул пеньюар управляемого (то есть крышуемого) капитализма — и все это вместе взятое побрызгал дезодорантом управляемой (то есть крышуемой) демократии.

Сетуя на неспособность других организовать хотя бы просвещенные дебаты, Глеб Олегович Павловский исправляет означенное упущение и расставляет все точки над всеми *i*. Неудавшуюся Горбачеву политику памяти и олицетворяет, согласно Павловскому, общество «Мемориал» — этот, в его изложении, кремлевский проект Горбачева и Ельцина — своего рода историко-демократическая опричнина для борьбы со сталинскими недобитками. Судя по всему, Павловский никогда не видел самодуровские подписные учредительные листы, никогда не листал фундаментальные справочники Михаила Смирнова, сборники документов Никиты Петрова или Александра Гурьянова, не держал в руках сборники школьных конкурсных исторических работ Ирины Щербаковой, никогда не вчитывался в расстрельные списки и в Книги Памяти, как и не слышал о правозащитной и гуманитарной деятельности собственно общества, имя и дела которого треплет.

«Мемориал», по Павловскому, оказался неспособен предложить обществу надпартийную программу критических исследований советского цивилизационного (а не узко «тоталитарного» только!) наследия. Но если даже академические институты и близко не ставили перед собой таких сверхзадач (разве что отдельные их сотрудники не чурались их составных частей), то как же можно требовать этого от «Мемориала»? Научное освоение темы и впрямь недостаточное, а в условиях ползучей архивной контрреволюции продвигаться становится все труднее, но оно идет! А вот вменить общественной организации функции Министерства Истории и после этого уличить ее в несостоятельности — приемчик, достойный подметок Давида Заславского!

При раннем Ельцине «Мемориал» позиционировал себя как проельцинский — и, по Павловскому, зря: его тогда кинули, и суд над КПСС Павловский интерпре-

тирует лишь как неудачную и последнюю (sic!) попытку «Мемориала» участвовать в спорах о прошлом. Не успев в истории, «Мемориал» реваншировался в актуальной политике, превратившись, по Павловскому, в оппозиционное Министерство по делам Чечни, — столь же антиельцинское, сколь и антипутинское.

Иная кроме конъюнктурной мотивация правозащитной деятельности, видимо, не укладывается в комбинаторной голове Павловского, и, как понятия, ее даже нет в его лексиконе. «Мемориал» же — тогда, как и всегда — мониторил действия всех сторон конфликта и был одним из немногих, если не единственным, островком объективности в море пропаганды, контрабанды, контрафакта и фальсификата.

А вот это уже из лексикона Павловского: *«“Мемориал” стал популярными клише-алиби для современных игр в “культур-сталинизм”... Сегодня “Мемориал” готовы выслушать по любому вопросу, кроме политики памяти... Новые поп-историки, не вступая в спор со старыми и уже тем более не предъявляя проверяемых данных, уличают предшественников в политических гнусностях, впрочем не имеющих политического смысла, поскольку тема памяти отвлечена от темы политики»*. И т.д. и т.п.

Полемизировать и передергивать для Павловского одно и то же: *«Сегодня страна лишена независимых внутренних референдов для каких бы то ни было утверждений о собственном прошлом...Сегодня немислимо появление сколько-нибудь серьезной книги по истории, которая имела бы шансы стать общественным событием»*.

Кстати, Павловский совершенно прав, говоря, что у этого исключительно маркетинговая природа, но почему он и это «вешает» на «Мемориал»? Появление серьезной книги по истории — и вообще штука редкая, а рецензии на нее, если и появляются, то через год-два в научных (редко в научно-популярных) жур-

налах. Но ни на страницах центральных газет, ни уж тем более на экранах телевизоров разговор о них не возникнет аксиоматически — с единицы газетной площади или телевизионного времени полагается снимать куда больший читательский или зрительский урожай, чем это могут посулить исторические книги и даже мемуары с их недостаточным уровнем скабрёзности и скандальности. (Тем самым идет попутная, но упорная работа по снижению читательского и зрительского уровня и затемнению народного сознания, что совершенно естественно для власти, поставившей не на репрессии и не на просвещение, а на управляемую демократию.)

Из этого не вытекает, что противодействие тут бесполезно или бессмысленно.

Наиболее обнадеживающее в этой связи явление — упоминавшаяся выше росспэновская книжная серия, включающая и переводные работы. В ней заложен огромный просветительский и интегрирующий потенциал.

«Общество потеряло суверенитет в проработке своего прошлого, — заключает Павловский. — Но невозможность иных форм идеологии неизбежно превратит в будущем политику памяти в стандарт будущей политики как таковой. Россия, не имея собственной политики памяти, стала беззащитным и безопасным экраном диффамационных проекций и агрессивных фобий. Но ставшее субъектом своей памяти, русское общество стоит перед угрозой стать объектом чужих проекций и разыгрываемых небезобидных постановок»

Итак, просвещенный патриот Павловский хочет вернуть русскому обществу его «суверенитет» в проработке своего прошлого! Более чем грозное предостережение «Мемориалу», «шакалящему» на стороне, транслирующему, ясное дело, чужие проекции, таскающему каштаны из огня врагам и ставящему чужие и небезобидные постановки (*P.S. Павловского выставили из Администрации президента в 2011 году, но его воспи-*

танники довели тезисы Павловского до логического конца — вменения «Мемориалу» статуса «иностранный агент»!).

А коли так, то не ждет ли нас впереди за углом очаровательный альянс Павловского и ГЛАВПУРА? Сможет ли и без того расколота историческая наука что-то противопоставить десанту политумельцев в еще не остывшее прошлое нашей страны? И не является ли любознательный прокурор М. Калганов неотъемлемой частью новейших кремлевских технологий?

УВЕКОВЕЧЕНИЕ ПАМЯТИ О ДЕПОРТИРОВАННЫХ — ДЕЛО РУК САМИХ ДЕПОРТИРОВАННЫХ: О МЕМОРИАЛИЗАЦИИ ТОТАЛЬНЫХ НАСИЛЬСТВЕННЫХ МИГРАЦИЙ¹

*Что же ты стоишь, техник-интендант?...
Видишь ты эту теплушку? Слышишь ты эти
крики?*

*Останови состав с высланным племенем!...
Иначе — ты виноват, ты, ты, ты виноват!..*

(Семен Липкин²)

*Мы выжили карачаевцев из горных ущелий. Те-
перь надо выжить отсюда их дух...³*

(Секретарь Ставропольского крайкома ВКП(б)
М.А.Суслов, ноябрь 1944 г.)

*— Что вы суете мне эту бумажку? Справка не
считается, потому что вы были наказаны.*

— За что же мы были наказаны? — спросила она.

— Это вам лучше знать...

(Из разговора Марии Бретгауэр
с инспектором собеса о назначении пенсии⁴)

Депортации, или насильственные миграции, — это одна из специфических форм или разновидностей политических репрессий, предпринимаемых государством по отношению к своим или чужим гражданам с примени-

---

¹ См. иллюстрации к данной статье на вкладке.

² Из поэмы С.Липкина «Техник-интендант».

³ См.: Так это было. Национальные репрессии в СССР. 1919—1952 годы / Сост.: С.Алиева. Часть 1. М.: Инсан, 1993. С. 310.

⁴ *Вольтер Г. Немец — значит виноват // Так это было. Национальные репрессии в СССР. 1919—1952 годы / Сост.: С.Алиева. Часть 1. М.: Инсан, 1993. С. 160.*

ем силы или принуждения. На шкале тяжести репрессий депортации занимают промежуточное положение: это, конечно, не высшая мера наказания и даже не ссылка по суду на каторжный труд на Колыму или другие «острова» ГУЛАГа, но и легчайшей из репрессий — депортацию тоже не назовешь. Тем более что во многих случаях депортации являлись лишь прелюдией к физическому уничтожению депортируемых (это, в частности, специфично для немецкой «технологии» геноцида европейских евреев и цыган, предусматривавшей — перед отправкой в лагеря уничтожения — их промежуточную изоляцию в «накопительных» концентрационных лагерях) или элементом более комплексной репрессии, когда, например, депортации подвергаются члены семей, главы которых репрессированы иным и более суровым способом (именно это весьма характерно для советской карательной системы). Нередко депортации комбинировались с другими видами репрессий, в том числе и с более слабыми, как, например, срочное или бессрочное поражение в избирательных правах.

Можно указать на следующие специфические особенности депортаций как репрессий. Это, во-первых, их *административный*, то есть внесудебный характер¹. Во-вторых, это их *списочность*, или, точнее, *контингентность*: они направлены не на конкретное лицо, не на индивидуального гражданина, а на целую группу лиц, подчас весьма многочисленную и отвечающую заданным сверхкритериям.

Решения о депортациях принимались, как правило, руководителями партии и правительства, по инициативе органов ОГПУ-НКВД-КГБ, а иногда и ряда других ведомств.

Это ставит депортации вне компетенции и правового поля советского судопроизводства и резко отличает

---

¹ Термин «административный» здесь употреблен в соответствии с советской, а не мировой практикой.

систему соответствующих спецпоселений от «Архипелагов» ГУЛАГ и ГУПВИ, то есть системы исправительно-трудовых лагерей и колоний и системы лагерей для военнопленных и интернированных.

И, наконец, третьей специфической особенностью депортаций как репрессий является их достаточно явственная установка на вырывание больших масс людей из их устоявшейся и привычной среды обитания и помещение их в новую, непривычную и, как правило, рискованную для их выживания среду. При этом места вселения отстоят от мест выселения подчас на многие тысячи километров. Уже одно массовое перемещение депортированных в пространстве — на необъятных советских просторах — объединяет проблематику принудительных миграций с исследованиями «классических» миграций и придает ей априори географический характер.

Депортации являлись еще и своеобразной формой учета и «обезвреживания» государством его групповых политических противников (и не столь уж важно подлинных или мнимых — важно, что государство решило их нейтрализовать). Случаи, когда депортации подвергается не часть репрессируемого контингента (класса, этноса, конфессии и т.д.), а практически весь контингент полностью, называются *тотальной депортацией*.

Если основанием для депортации принципиально послужил этнический фактор, то такую депортацию резонно понимать как *этническую депортацию*. Она, естественно, может быть как тотальной, так и частичной, когда насильственному переселению подвергается не весь этнос, а только его определенная часть. Изучение советских репрессий и, в частности, депортаций обнаруживает поразительную и со временем все усиливавшуюся приверженность советского строя не к классовому, а к *преимущественно этническому* критерию репрессий. Государство рабочих и крестьян, неустанно декларировавшее верность интернационализму и клас-

совому подходу, на практике эволюционировало к сугубо националистическим целям и методам.

Наиболее яркий пример — так называемые «наказанные народы», причем наказанием, собственно говоря, и являлась их депортация. Представителей этих народов выселяли целиком и не только с их исторической родины, но и изо всех других районов и городов, а также демобилизовывали из армии, так что фактически такими этнодепортациями была охвачена вся страна (напомним, что такого рода репрессии мы называем тотальными депортациями). Вместе с родиной у «наказанного народа» отбиралась, если она была, национальная автономия, то есть его относительная государственность.

В сущности, в СССР тотальной депортации были подвергнуты десять народов. Из них семь — немцы, карачаевцы, калмыки, ингуши, чеченцы, балкарцы и крымские татары — лишились при этом и своих национальных автономий (их общая численность — около 2 млн чел., площадь заселенной ими до депортации территории — более 150 тыс. кв. км.). Но под определение тотальной депортации подпадают еще три народа — финны, корейцы и турки-месхетинцы.

Самой ранней тотальной депортацией в СССР стала корейская (1937), все остальные проводились в суровые военные годы и носили, с точки зрения субъекта депортации, или «превентивный» характер, как в случаях немцев или финнов (1941), или характер «депортаций возмездия» — как в случаях карачаевцев, калмыков, ингушей, чеченцев, балкарцев, крымских татар и турок-месхетинцев.

Иными словами, мы имеем дело с крупным историческим феноменом, отстоящим от современности на внушительный срок в 75—80 лет.

Материальное увековечение памяти жертв этнических депортаций и маркирование территории бывшего СССР, на которой эти депортации осуществлялись, со-

ответствующими знаками мемориальной культуры — относительно новый исторический феномен, насчитывающий самое большее два с половиной десятилетия. Насколько можно судить, самые первые из выявленных памятников — крест в поселке Тит-Ары Булунского района Республики Саха (Якутия) и памятник немцам-трудармейцам в Нижнем Тагиле — появились лишь в 1989—1990 гг., то есть уже в эпоху перестройки, но еще до распада Советского Союза.

Не забудем, что для трех народов — немцев, крымских татар и турок-месхетинцев — и годы перестройки, и постсоветский период продолжали быть временем борьбы за свою территориальную реабилитацию, то есть возвращение в районы, откуда их депортировали: так что, по-хорошему, им было не до памятных знаков. Не до памятников долгое время было и чеченцам, поскольку Чечня и в 1990-е, и в 2000-е гг. практически жила в состоянии войны.

Приходится говорить и о скудости и очевидной неполноте имевшейся в нашем распоряжении информационной базы. Наиболее систематическим источником для нас послужили база данных «Памятники и памятные знаки жертвам политических репрессий на территории бывшего СССР»¹, разработанная в рамках программы «Память о несправедливости» Музея и общественного центра им. А.Д. Сахарова², а также электронный DVD-диск «Проект Виртуальный Музей Гулага» (раздел «Некрополь террора»³).

Еще одна аналогичная база данных, на которую мы поначалу возлагали надежды, — база данных «Места массовых захоронений и памятники жертвам политических

---

¹ В Сети: <http://www.sakharov-center.ru/projects/bases/>

² К сожалению, ее сайт долгое время находится на реконструкции, и, возможно, мы смогли воспользоваться не всеми ее ресурсами.

³ Проект Виртуальный Музей Гулага. Вып. 2. СПб.: НИЦ «Мемориал», 2009. См. также: www.gulagmuseum.org

репрессий» московского общества «Мемориал»¹ сконцентрирована исключительно на памятниках жертвам собственно ГУЛАГа. Впрочем, массовому сознанию, — отчасти, вслед за «Архипелагом ГУЛАГ» — свойственно объединять в единое целое жертв и ГУЛАГа, и депортаций. В научном дискурсе их различие все же насущнее, однако процесс увековечения памяти идет скорее за не дифференцирующим общественным сознанием.

Источниками дополнительной, а нередко и основной информации по различным депортированным народам для нас служил Интернет. Весьма перспективным, но не привлеченным в настоящем обзоре инструментом мог бы оказаться и интегрум-анализ, сфера эффективной действенности которого (от 1990 года и до наших дней) весьма точно совпадает с интересующим нас периодом².

Работа носила кабинетный характер: за исключением мемориала в Карачаевске и памятника в Энгельсе, автор не имел возможности увидеть вживую описываемые и анализируемые им памятники.

Охарактеризуем же коротко ту эмпирическую информацию, которой мы располагали, систематизируя ее в разрезе отдельных тотально депортированных народов, взятых в очередности их депортации. По одному из таких народов, — а именно по туркам-месхетинцам, — мы и вовсе не располагали никакой информацией.

Корейцы

Одними из первых, как это ни странно, свое право на материализованную память осуществил народ, первым из народов СССР подвергшийся тотальной де-

¹ В Сети: <http://www.memo.ru/memory/martirof/index.htm>

² См. сб.: *Integrum: точные методы и гуманитарные науки* / Ред.-сост. Г. Никипорец-Такигава. Вступ. сл. Вяч. Вс. Иванов. Предисл. А.Я. Шайкевич. М.: Летний сад, 2006. 430 с.

портации, народ, никогда не имевший в СССР своей государственной автономии, а стало быть не имеющий и своего бюджетно-административного «ресурса», — **корейцы**. Нам известно, по крайней мере, два памятника репрессированным корейцам — оба на Дальнем Востоке.

Первый — непосредственно в Приморском крае, во Владивостоке, на территории бывшей Корейской слободки¹. Его заложили в 1997-м и открыли 15 августа 1999 года. Памятник задуман как символический: три его стелы символизируют расколотую корейскую нацию — Северную Корею, Южную Корею и диаспору, разбросанную по всему миру. На памятнике следующая надпись: *«Здесь, во владивостокской эмиграции, в 1919 году было создано первое правительство современного корейского государства — Корейская Национальная Ассамблея»*. Предполагается, видимо, способность зрителя самому провести опущенную в этой фразе линию к депортации 1937 года.

Второй памятник находится в Камчатской области, в Елизовском государственном музее политической географии, при этом корейцы не слишком удачно обозначены здесь как некие «эмигранты из Кореи».

---

¹ Сведений об авторах памятника нет. См.: file:///D:/HISTORY-RUS/00_%D0%98%D0%A1%D0%A2%D0%9E%D0%A0%D0%98%D0%A7.%20%D0%9F%D0%90%D0%9C%D0%AF%D0%A2%D0%AC/00_%D0%98%D0%A1%D0%A2%D0%9E%D0%A0%D0%98%D0%9E%D0%9C%D0%9E%D0%A0/%D0%9F%D0%90%D0%9C%D0%AF%D0%A2%D0%AC%20%D0%9E%20%D0%94%D0%95%D0%9F%D0%9E%D0%A0%D0%A2%D0%90%D0%A6%D0%98%D0%AF%D0%A5/%D0%98%D0%9B%D0%9B%D0%AE%D0%A1%D0%A2%D0%A0%D0%90%D0%A6%D0%98%D0%98/%D0%9F%D0%B0%D0%BC%D1%8F%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA%20%D1%80%D0%B5%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%BC%20%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%B5%D0%B9%D1%86%D0%B0%D0%BC.htm

Немцы

Говоря об увековечении памяти жертв депортации советских немцев, следует указать на три их особенности. Первая — это относительно ранний старт этого явления (начало пришлось на 1990 год), а вторая — обособление так называемых «трудоармейцев»¹ в отдельную категорию жертв (и именно им посвящено большинство имеющихся на сегодня относительно крупных мемориалов). Наконец, третья особенность: непосредственным полем мемориализации служат места самих репрессий, а не места расселения перед депортацией. Это, несомненно, связано с тем, что массового возвращения из мест депортации в места довоенного проживания в случае немцев не было.

Первый из немецких памятников был открыт в сентябре 1990 года — это памятник советским немцам на Рогожинском кладбище в г. Нижнем Тагиле Свердловской области: более конкретный его адресат — немцы-трудоармейцы отряда 18-74 Тагиллага. Надпись на стеле (на русском и немецком языках) гласит: «Бойцам стройотряда 18-74 Тагиллага НКВД» (авторы В. Дан, Ю. Арльт)².

Вторым (4 мая 1995 года) был открыт «Мемориал трудоармейцам, строителям БАЗа и БТЭЦ» — памятник трудоармейцам отряда 18-74 в г. Краснотурьинске. Люди гибли здесь на строительстве Богословского алюминиевого завода и Богословской ТЭЦ при нем — двух объектов, совершенно чудовищных по условиям жизни и труда, а соответственно и по уровню смертности. Сам памятник (авторы: В.Ф. Никушин, И.Ф. Вайс, Н.С. Плюснина) оформлен как некрополь: общий

¹ См.: Полян П. Не по своей воле. М., 2001.

² См.: http://www.sakharov-center.ru/asfcd/pam/pam_card.xhtml?id=693 См. также: Кириллов В. Советские немцы в Тагиллаге. Репрессии против советских немцев. М., 1997.

крест и могильные таблички с 3461 именем погибших¹. Надписи на плитах на немецком и русском языках: «Трудармейцам Богословлага НКВД — строителям города, алюминиевого завода и теплоэлектростанции 1941—1945 / Никто не забыт — ничто не забыто». Знак стоит на вершине плотины (на фото виден силуэт самого Богословского алюминиевого завода, давшего свой первый металл... 9 мая 1945 года!).

Наконец, третьим и, наверное, самым крупным мемориалом в память о трудармейцах стал памятник в Челябинске — гранитная стела с крестом и надписью: «Здесь покоятся с Богом трудармейцы — жертвы сталинизма». Первоначально этот монумент находился на мемориальном кладбище, созданном еще в 1989—1990 гг. по инициативе немецкой общины Челябинска на месте реального кладбища немцев-трудармейцев, строителей Челябинского металлургического завода². Позднее кладбище было заброшено (оно находилось в труднодоступном и удаленном пригороде Челябинска), а памятный знак неоднократно разрушали местные вандалы. Со временем мемориал «утратил» железный крест и пришел в запустение.

Поэтому памятник перенесли в ограду костела — храма Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии в Челябинске и 18 сентября 2004 года торжественно

---

¹ Книга Памяти: 3461 имя трудармейцев немецкой национальности, погибших в Богословлаге в годы Великой Отечественной войны / Сост. И. Ф. Вайс. М., 2000. Окончательное число погибших в лагере — 3734 чел. — приведено в другой Книге Памяти: *Разинков С.Л.* Условия жизни и труда трудармейцев // GEDENKBUCH: «Книга памяти немцев-трудармейцев Богословлага. 1941–1946» / Авторы-составители: В. М. Кириллов, П. М. Кузьмина, Н. М. Паэгле, А. А. Пермяков, С. Л. Разинков. Т. 1. М.-Нижний Тагил, 2008. С. 64.

² См. его фотографию в первые годы после открытия, когда памятник содержался еще в относительно приличном состоянии: <http://www.wolgadeutschen.narod.ru/krieger/tscheljab-mahn.htm>

открыли еще раз¹. В сущности, это памятник не отреставрированный, а иной и совершенно новый (авторы проекта — В. Шрайнер и А. Волков). Под символическим алтарем памятника с текущей водой — замурована капсула с останками, взятыми из братского захоронения трудармейцев (алтари издревле ставили на костях мучеников). Надпись на красногранитной стенке за беломраморной фигурой Христа Спасителя в терновом венце. Фигура вписана в круг, представляющий собой терновый венец — чугунную колючую проволоку диаметром 5 метров. За спиной Иисуса, на шестиугольной конструкции из стен, облицованных красным гранитом и конструктивно напоминающих трудармейские бараки, надпись: *«Я живу, и вы будете жить»*. В то же время фигура Христа выражает не скорбь, а надежду, оттеняя тем самым идею мемориала: мучения невинных людей не были напрасны, пока жива память о них². Отметим, что текст на одной из плоскостей памятника подчеркивает «интернационализм» судьбы трудармейцев: *«Памяти десятков тысяч немцев и граждан других национальностей, умерших от голода и непосильного труда на строительстве Челябинского металлургического комбината, посвящается. 1942—1945 гг.»*

26 августа 2011 года, в 70-летнюю годовищину депортации поволжских немцев увековеченная в металле и камне память об этом пришла, наконец, и в Поволжье. Первый такой знак — с надписью: «Российским немцам — жертвам репрессий в СССР» — появился в ограде палисадника перед городским архивом г. Энгельса. Открывали памятник вице-губернатор Самар-

¹ http://www.sakharov-center.ru/asfcd/pam/pam_card.html?id=950

² См. в репортажах об открытии памятника: *Гартман В.* «Я живу, и вы будете жить!» // Московская Немецкая газета. 2004. № 20; *Садчикова Л.* «...И вы будете жить!» // Челябинский рабочий. 21.9.2004.

ской области А.Бабичев и статс-секретарь Министерства внутренних дел ФРГ К. Бергнер. Открытие вызвало немалые общественные дискуссии и даже протестные настроения (противникам установки незаслуженно спорным казалось даже то, что проделанную поволжскими немцами прогулку инициаторы установки называют депортацией и репрессией).

В мае 2012 года открыли памятник трудармейцам Воркуты. Инициаторами выступили Немецкие культурные автономии Республики Коми и общенемецкая, а спонсорами горнодобывающая компания «Воркутауголь» и Воркутинский механический завод — правопреемники тех, кто охотно эксплуатировал в свое время дармовой труд немецких сограждан. Концепция памятника (автор проекта В.Трошин) такова: *«...Расходящиеся в разные стороны рельсы символизируют путь прибывших сюда на поселение узников. Люди, попадавшие в Воркуту, упирались в “камень судьбы”, и их жизнь сходилась в одну воркутинскую колею, своеобразную линию судьбы — которая заканчивалась крестом. Кто-то смог обрести веру в Бога, кто-то — веру в себя. Под крестами, на лагерной решетке замерла железная ладонь — с мольбой тянется она к безмолвному воркутинскому небу»*¹.

Кроме того, согласно данным Музея им. А.Д. Сахарова, памятники или памятные знаки российским немцам — жертвам политических репрессий имеются на Левашовском мемориальном кладбище в Санкт-Петербурге², в Прокопьевске Кемеровской обл.³

¹ Боль длиною в жизнь // Московская немецкая газета. 2012. 15 мая. В Сети: http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:http://www.ru.mdz-moskau.eu/bol-dlinoyu-v-zhizn/&gws_rd=cr&ei=Kmr2VszqEcOqafmmm2g

² Адрес: ст. Левашово, Горское шоссе, 135. См.: http://www.sakharov-center.ru/asfcd/pam/pam_card.xml?id=230

³ http://www.sakharov-center.ru/asfcd/pam/pam_card.xml?id=303

и в Юрге Кемеровской области, где на территории бывшего немецкого кладбища открыт мемориальный комплекс ссыльным немцам с надписью на двух языках: «Вечный покой на земле для вас чужой»¹. Шаги к увековечению памяти депортированных немцев предпринимаются также в Ставрополе, Соликамске и Магнитогорске².

По информации В. Кригера, память о депортации запечатлена и в сельской местности. Так, в некоторых крупных немецких селах в Северном Казахстане (в частности, в селе Ивановка в Семипалатинской области³), в Омской области и на Алтае в те же 1990-е гг. были впервые сооружены памятники односельчанам, погибшим во время депортаций.

В то же время симптоматично, что в Поволжье — ареале преддепортационного расселения советских немцев, как и в областных центрах Саратове или Волгограде, — до 2011 года не было ни одного памятника или хотя бы памятного знака, посвященного депортации отсюда без малого почти полумиллиона человек!

Этого не скажешь о Германии, где в последнее время — усилиями землячеств бывших советских немцев, но при государственной поддержке — такие памятники стали возникать. В частности, это памятные знаки в г. Нинбург (Nienburg) под Ганновером или в берлинском районе Марцан (Marzahn), где 12 октября 2002 года был открыт памятник «Немцам, пострадавшим в СССР при

---

¹ В данном случае упоминание о «чужой земле» — исключение из общего правила! — объясняется тем, что памятник установлен по инициативе землячества бывших юргинцев, выехавших в 1990-е на «историческую родину» в Германию (сообщено И.Флиге).

² Московская Немецкая газета. 2007. № 13.

³ См.: *Krieger V., Kampen H., Paulsen N. Deutsche aus Rußland gestern und heute // Volk auf dem Weg. 7. Auflage. Stuttgart 2006. S.25.*

сталинском режиме. 1942—1955» (скульптор Якоб Вельд, родом из Киргизии, с 1988 г. живет в Германии)¹.

Немцев не забывают и в Крыму, откуда их также — и самыми первыми! — депортировали: появление памятников, посвященных сразу нескольким этническим группам, подвергшимся депортации (пусть даже и в разное время), становится все более типичным для многонационального Крыма².

Финны и финны-ингерманландцы

Памятников, посвященных финским и только финским депортированным, насколько нам известно, не существует. Темы большого террора и даже советского плена разработаны гораздо сильнее. В известных же нам памятниках депортация если и присутствует, то косвенно и, как правило, в сочетании или в ансамбле с депортациями других народов.

При этом, как заметила И.Флиге, такие памятники устанавливаются чаще всего и вовсе без участия финского землячества. Так, памятный крест на кладбище спецпереселенцев в пос. Тит-Ары Булунского района Республики Саха (Якутия)³ — этот, в сущности, самый ранний памятник жертвам сталинским депортаций вообще — был установлен в июле 1989 года литовской экспедицией (авторы В.Палис, С.Мицкявичюс). Надпись на памятнике («Насилием отторгнуты от земли родной, но незабытые») сделана на четырех языках — литовском, русском, якутском и финском.

---

¹ См.: <http://www.ornis-press.de/symbol-der-sehnsucht.80.0.html>

² См. ниже о крымских татарах.

³ Сюда были в 1942 году мобилизованы спецпоселенцы (немцы, финны, литовцы) и, по сообщению И. Флиге, принудительно переселены жители Чурапчинского района Якутии(!).

Еще один мемориал сугубо финской депортации — памятник финнам-ингерманландцам — жертвам политических репрессий, был установлен в 1994 году по инициативе общества «Инкерин Лиитто» в Санкт-Петербурге на мемориальном кладбище Левашовская пустошь (авторы: епископ Куукауппи, священник Новиков).

Карачаевцы

В 2005 году в Карачаевске был открыт Мемориал жертвам политических репрессий и депортации карачаевцев в Среднюю Азию в 1943—57 годах (авторы проекта — архитектор Солтан Айбазов и художник Казбек Французов из Карачаево-Черкесии¹). Он состоит из нескольких элементов: курган; стела, символизирующая «очаг возрождения»; у подножия кургана — черная стена, а перед ней надгробные камни из гранита, знак скорби по погибшим; у входа в комплекс — два монумента: один посвящен страданиям карачаевского народа при депортации и в ссылке, а второй — его счастливому возвращению.

26 и 28 апреля 2007 года на железнодорожных станциях Усть-Джегута и Ураковская были установлены мемориальные доски в честь первых эшелонов с возвращающимися из депортации карачаевцами. Каждое 2 мая в Карачаевске у мемориала — памятника жертвам политических репрессий проходят митинги с участием делегаций городов и районов Карачаево-Черкесской республики.

---

¹ Оба были выдвинуты на соискание премии Ага Хана за лучшую архитектурную работу, созданную в мусульманском мире (премия была учреждена в начале 1990-х гг. арабским миллиардером и меценатом Ага Ханом и присуждается раз в четыре года; она считается самой престижной архитектурной наградой в мусульманском мире, а ее премиальный фонд составляет 500 тыс. долларов).

Кроме того, памятники жертвам депортации установлены в некоторых селах республики, например — в селах Учкёкен и Красный Курган Малокарачаевского района. Многие из них совмещают в себе память о погибших в годы депортации и на фронтах Великой Отечественной войны; таковы, например, памятники в Верхней Теберде и в Усть-Джегутинском районе.

За пределами республики нам известен только один памятник: в Кисловодске, на проспекте Мира, где установлен закладной камень с надписью: *«Здесь будет сооружен памятник жертвам геноцида против карачаевского народа в 1943—1956 гг.»*¹.

Необходимо подчеркнуть, что акцент в национальной политике исторической памяти карачаевцев делается не на «Депортации», а на избавлении от нее, символом чего является даже не «Реабилитация», а именно «Возвращение». Начиная с 2001 года 3 мая — в дату прибытия в 1957 году на станцию Черкесск первого эшелона с возвращающимся народом — отмечается День возрождения карачаевского народа, объявленный в республике праздничным и нерабочим днем. Ежегодно 2 и 3 мая торжественные церемонии с участием правительства республики проходят на главном депортационном мемориале в Черкесске.

Калмыки

Самый первый в Калмыкии памятник депортированным был установлен 28 декабря 1992 года в Элисте — возле кинотеатра «Родина», откуда начинался путь калмыков в ссылку. Это камень-известняк, доставленный с места захоронения репрессированных фронтовиков Калмыкии в Пермской области, умерших в Широкагеле при сооружении Широковской ГЭС в 1944—45 гг.

---

¹ По состоянию на 2016 г. никаких изменений нет.

29 декабря 1996 года в Элисте, на кургане в восточной стороне города, был открыт мемориал «Исход и возвращение», посвященный памяти депортированных калмыков (авторы проекта — архитектор С. Курнев и скульптор Э. Неизвестный). Памятник высотой 2,74 м, длиной в 5,33 м и шириной в 2,21 м был отлит из бронзы в Нью-Йорке.

Главная идея мемориала — синтез прошлого и настоящего, отражение духа калмыцкого народа, сумевшего победить в борьбе с бесчеловечной системой Советского государства и вернувшегося на родную землю. Памятник переполнен образами, символами и метафорами, в том числе и буддийскими. Плачущая овечка — символ терпеливости народа, она плачет над поверженным ребенком; мечи, штыки — символы насилия, уничтожения, Авалокитешвара¹, сострадающий народу; табун лошадей — символ бега Времени, бесконечного движения в будущее, в Вечность.

Человек, как бы втянутый машиной; птица, обернувшаяся в металл; лошадиный череп; три следа — мужской, женский, детский — символы уходящей семьи, встречаемой предками (реинкарнация); лотос, отрезанный дявольским мечом, в лотосе зародыш — спящий ребенок; вокруг Будды — пантеон злых духов, мистических животных. Голова Будды — символ вечности. Далее — Возвращение — прорыв сквозь стену, сквозь металл обратно, на свою землю. Над головой — Кентавр как единство человека и природы. Расцветший лотос, буддийский знак вечного круговорота (свастика); очищающий огонь. Над ним лев и змея — победители. Табун лошадей, несущийся по родным просторам; знак вечности, вечного движения (колесо). В своем движении оно захватывает всех птиц, рыб, слона и летящую корову — символ калмыцкого воинства. Огромная лошадь олицетворяет собой природную силу движения. Череп под копытами — это

---

¹ В буддизме — бодхисатва сострадания.

прошлое, из которого вырастают живые цветы настоящего и будущего. В центре вращения вечного колеса движения спит эмбрион. Из яйца выходят две маленькие ладошки в форме лотоса. Под памятником заложена капсула с землей из сибирских городов.

Еще пять памятных знаков депортированным калмыкам были поставлены вне Калмыкии. В частности, еще в 1990-е гг. в поселке Широковском близ г. Губаха Пермской области (архитектор С.Шалаев) был установлен памятник с надписями на русском и калмыцком языках: «Вечная память фронтовикам — калмыкам, погибшим на строительстве Широковской ГЭС в 1944—1945»¹.

В течение 2000—2002 гг., в ходе акции, организованной республиканским правительством (вдоль Транссибирской магистрали проехали специальные «поезда памяти». Массовые официальные делегации из Калмыкии посещали места бывшей ссылки своего народа), одинаковые памятные знаки были установлены в Тюмени, Томске (Сквер памяти), Омске (Северное кладбище) и Барнауле (площадь Свободы) — с надписью на русском языке: *«Жертвам сталинских репрессий 1943—1957 от калмыцкого народа // Я знал, что мой народ в лесах Сибири / Нашел друзей и вновь душой окреп / Среди лучших русских, среди щедрейших в мире, / Делившихся с нами и судьбу, и хлеб... / Д. Кугультинов»*.

Уникальной особенностью мемориализации депортации именно калмыков является ее официальная инициация республиканскими властями.

Вайнахи: чеченцы и ингуши

Начавшаяся 23 февраля 1944 года депортация чеченцев и ингушей была общей для составлявших тогда единую АССР народов (с прихватыванием чеченцев из Дагеста-

---

¹ Сообщено И.Флиге.

на). Помимо 23 февраля — траурного дня депортации в Чечне с недавних пор отмечается также День возрождения — 9 января: этим днем помечен указ о реабилитации чеченцев и ингушей.

Первый на территории бывшей Чечено-Ингушской АССР памятник чеченцам и ингушам, депортированным 23 февраля 1944 года, был установлен в 1991 году в городе Урус-Мартане. В 1992 году, при генерале Дудаеве, Мемориал жертв сталинских репрессий был сооружен в Грозном — недалеко от Бароновского моста через Сунжу¹. Это целый комплекс площадью около 3000 кв. м (автор проекта художник Дарчи Хасаханов): на фоне краснокирпичной стены с мраморными досками с именами погибших² — могучая металлическая рука, сжимающая поднятый к небу кинжал; перед нею — мраморный с позолотой Коран и целое кладбище из чуртов — старинных вайнахских надгробий, которые жители Чечни время от времени находили в основаниях домов, мостов и дорог.

На заднем плане — три стилизованные вайнахские башни. На одной из стен, окружавших мемориал с трех сторон, надпись на чеченском языке, которую на русский можно перевести как: «*Не сломимся! Не зарыдаем! Не забудем!*». Во время чеченских войн мемориал пусть и не очень сильно, но пострадал (на руке с кинжалом были заметны отверстия от пуль), но в середине 2000-х гг. он был заново отреставрирован, при этом последняя фраза текста была изменена: вместо «*Не забудем!*» стало «*Не оставим!*».

Однако в конце мая 2008 года Р. Кадыров, президент Чеченской республики, устами мэра Грозного Муслима Хучиева распорядился экстренно демонтировать мемориал — ввиду его «несоответствия генеральному плану по

¹ Современная улица шейха Али Митаева.

² Кстати, редкий общедоступный пример чеченской латиницы, которой при Дудаеве пытались заменить кириллицу. См.: <http://www.bpclub.ru/index.php?showtopic=17225>

восстановлению Грозного». Предполагалось перенести его в более подходящее, по мнению властей, место — в район базы федеральных сил в Ханкале на окраине Грозного¹.

Этого, однако, не произошло. Возникшее протестное движение, в котором выделялась правозащитница Наталья Эстемирова, оказалось тогда еще достаточно сильным, чтобы не допустить столь позорного акта. Однако линия «компромисса» оказалась довольно специфической и странной: огромный комплекс обнесли глухим трехметровым забором, снаружи памятник не стало видно, а проход к нему внутрь забора, возможный только через территорию Пенсионного фонда Чечни, пресекался полицией².

23 марта как день национальной скорби и памяти о депортации отмечался в Чечне на протяжении 20 лет — в последний раз в 2010 году. Но в 2011 году Кадыров объявил, что этот день празднуется в России как День защитника отечества и что Чечня не должна быть тут исключением. День же Памяти и Скорби он тогда перенес на 10 мая — дату гибели своего отца в тракте на Грозненском стадионе в 2004 году. В 2014 году

---

¹ Ср. оценку переноса мемориала, данную А. Черкасовым: «Уверен, что если бы в Москве заговорили о переносе Вечного огня, то вряд ли это было бы воспринято с пониманием. Памятник этот все-таки находится в историческом центре городе, да и место, как говорится, намолено. Такая же ситуация и в Грозном. Это был один из немногих грозненских памятников, переживших обе чеченские войны. Сюда постоянно приходят люди, особенно 23 февраля. В этом случае можно говорить или о неуважении, или о простом непонимании значимости этого памятника» (Матвеева П. Кадыров репрессировал памятник // Gazeta.ru. 2008. 3 июня. В Сети: http://www.gazeta.ru/politics/2008/06/03_a_2743124.shtml).

² Ибрагимов М., Иванов А. В Грозном завершается демонтаж мемориала жертвам депортации // Кавказский узел. 2014. 19 февраля. В Сети: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/238406>

участники конференции и круглого стола, посвященных 70-летней годовщине депортации вайнахов, прошедших в Москве, осудили такую политику Кадырова как неуважительную и кощунственную, после чего Руслан Кутаев, один из организаторов слушаний и глава Ассамблеи народов Кавказа, был посажен в тюрьму за подброшенные ему наркотики на 4 года¹.

Одновременно передислокации (или «депортации»?) подвергся и сам памятник, вернее, его часть. Надмогильные камни (чурты) были скрытно демонтированы и вывезены в самый центр города — на проспект Ахмата Кадырова близ мечети «Сердце Чечни», где их встроили в мемориал памяти милиционеров, погибших 10 мая 2004 года вместе с Ахматом Кадыровым. Рука же с мечом осталась на своем прежнем месте за трехметровым охраняемым забором! С дудаевским памятником произошло то же, что в последнее время не раз происходило с чеченцами и не-чеченцами, думающими иначе, чем Кадыров, — с него «сняли штаны».

Что касается других вайнахов — **ингушей**, то в Ингушетии политика памяти о депортации решительно другая. В Назрани создан первый в России Музей-Мемориал «Мемориальный комплекс жертвам репрессий» (автор проекта — Мурад Полонкоев, народный художник РФ), открывшийся 23 февраля 1997 года, в день 53-й годовщины депортации вайнахов². Существенно, что памятник был построен на средства, собранные в ходе специальной гражданской инициативы и кампании³. Он воздвигнут недалеко от археологиче-

---

¹ Забыть о депортации // 30 октября. 2016. № 130. С.1, 3, 5.

² В открытии принял участие первый президент Республики Ингушетия Руслан Аушев.

³ Так же собирались средства и на фильм «Верую» режиссера Хавы Хазбиевой, повествующий о депортации 1944 года, но главным образом о прямом ее следствии — ингушско-осетинском конфликте 1992 года (работа над фильмом еще не завершена).

ского памятника — кургана Аби-Гув, знакового для ингушей места¹.

Сам комплекс впечатляет: здание построено в форме девяти характерных горских оборонительных башен, совмещенных друг с другом и опутанных колючей проволокой. Экспозиция музея не ограничивается депортацией 1944 года и одного только ингушского народа. Она охватывает и последствия депортаций, в частности, осетино-ингушский конфликт октября-ноября 1992 года, а также судьбы других незаконно репрессированных народов.

23 февраля 2014 года — в 70-ю годовщину депортации вайнахов — на территории комплекса открылась мемориальная композиция «Дорога длиной в 13 лет». Ее центральная фигура — постамент на железнодорожных рельсах, состоящий из локомотива и вагона 1940-х годов. Внутри вагона — экспозиция о том, в каких условиях везли людей в ссылку. Композицию дополняют грузовик «ГАЗ-АА» — «полуторка», в которых людей подвозили к станциям отправки эшелонов со спецпереселенцами². А обрамляют ее две стелы с выбитыми памятными датами «1944» и «1957» — годами высылки и начала возвращения на родину ингушей и чеченцев. На камне перед памятником — плита с текстом: «Посвящается 70-летию депортации братских народов — ингушей и чеченцев».

Кроме того, в селе Таргим Джейрахского района республики — силами местного населения — установлен памятный знак с надписью: «Здесь в феврале 1944 года были подвергнуты массовому сожжению мирные жи-

---

¹ Здесь собирался Совет старейшин ингушского народа для решения наиболее важных и значимых решений, именно здесь в 1992 году на всеингушском митинге был объявлен Закон «Об образовании Ингушской Республики в составе РФ».

² Документально подтверждено широкое применение в логистике депортаций лендлизных американских «Студбекеров».

тели горной Ингушетии». По свидетельствам очевидцев, жители труднодоступных горных сел Таргим, Хули и Цори были сожжены, так как их было невозможно вывезти в поставленные сроки. Однако историческая достоверность фактографии этой надписи на сегодняшний день решительно недостаточна для того, чтобы подтверждать и утверждать высеченное на камне. До тех пор, пока это не произойдет, сам памятный знак, увы, будет символизировать торжество мифа над правдой. То есть нечто, напоминающее мемориал в Нелидово близ Дубосеково, рьяно, но тщетно возводящий в ранг истины и материализующий тем самым пропагандистскую крякву (или как сейчас сказали бы: фейк) «Красной звезды».

Когда количество жертв в Аушвице уточнилось, то соответствующие коррективы были внесены и в надписи на десятках языках в мемориале между двумя зонами крематориев и газовых камер. Это же следует сделать и в мемориале в Нелидово-Дубосеково, поскольку реально это память не о липовом подвиге 28 фейковых панфиловцев, а о героической обороне защитников Москвы, проходившей в этих местах.

То же и памятный камень в Таргиме — он должен стать памятью о реальной, а не о легендарной депортации.

Балкарцы

«Мемориал жертвам репрессий балкарского народа» установлен в столице Кабардино-Балкарской Республики Нальчике, на ул. Канукоева, что в Долинской курортной зоне. Решение об этом было принято всенародно 8 марта 1989 года, в 45-ю годовщину депортации балкарцев. Тогда был заложен символический камень с надписью: «Жертвам геноцида балкарского народа», возле которого в годовщины депортации ежегодно проводились траурные митинги. 11 ноября 1999

года в сквере возле будущего здания Мемориала состоялось перезахоронение праха поэта-изгнанника и основоположника балкарской поэзии и балкарского литературного языка Кязима Мечиева (1859—1945), умершего в 1945 году в селе Кум-Тёбе Каракольского района Талды-Курганской области в Казахстане.

Сам же мемориал (архитектор М. Гузиев) был открыт 8 марта 2002 года. Его архитектурный образ построен на сочетании среднеазиатской культовой архитектуры (мавзолея) и сугубо балкарских приемов зодчества. На стене начертаны даты начала и конца ссылки балкарского народа — «8 марта 1944 года» и «28 марта 1957 года». За время строительства были собраны сотни документов, личных вещей и предметов быта, впоследствии попавших в постоянную экспозицию мемориала¹.

Эта экспозиция — в сочетании с фактом создания государственного учреждения «Мемориал жертв политических репрессий», — являет собой, по сути, первый и важнейший шаг на пути создания специализированного музейного учреждения, посвященного депортации.

Первоначально комплекс должен был называться «Мемориалом жертв политических репрессий и геноцида балкарского народа 1944—1957», но впоследствии слово «геноцид» из названия мемориала изъяли, ограничившись одними «репрессиями». Эта коррекция была оспорена в суде: соответствующий иск к правительству республики предъявил член Кабардино-Балкарской коллегии адвокатов Исхак Кучуков, но суд отказал ему за необоснованностью изменений.

Одновременно серьезная работа по документации и увековечению памяти о депортации балкарцев ведется и в Чегемском ущелье Кабардино-Балкарии, где школьники и их учителя разыскивают следы 74 балкарских сел, разрушенных и опустевших после депорта-

---

¹ См.: <http://www.elbrusoid.org>

ции. По инициативе Центра детского туризма и краеведения г. Тырныауза и при поддержке Эльбрусского поселкового совета, на местах этих селений устанавливаются памятные знаки. Так, памятные камни уже установлены на месте сел Актопрак, Хушто-сырт и Думала, а мемориальные доски на месте сел Чилмаз и Губасанты (ныне поселок Нейтрино; здесь установлен также и памятник).

Крымские татары

Начиная с 1993 года 18 мая отмечался в Крыму как День памяти жертв депортации, или День Скорби. В Симферополе в этот день ежегодно проводился Всекрымский траурный митинг, организуемый меджлисом¹ крымско-татарского народа.

В 1994 году — в 50-летнюю годовщину депортаций — их мемориализация в Крыму приобрела систематический характер: как правило, устанавливались закладные камни и мемориальные или аннотационные доски.

18 мая 2005 года, в день 60-летия депортации крымских татар и других народов Крыма на всех крымских государственных учреждениях были приспущены государственные флаги Республики Украина и Автономной Республики Крым. Траурное шествие в Симферополе, в котором приняли участие около 30 тыс. чел., проследовало от мест сборных пунктов для депортируемых в районе железнодорожного вокзала и в парке «Салгирка» к центральной площади города, где состоялся общекрымский митинг-реквием. Во многих школах занятия начались с уроков памяти, а студенты Таврического национального университета встретили учебный день минутой молчания.

---

¹ В 2014 г. году митинг не был разрешен российским Союзом Крыма. Сам меджлис был запрещен в 2016 г. как экстремистская организация.

В «Салгирке» и на вокзале были установлены памятные знаки. На втором из них — текст на трех языках (крымско-татарском, русском и украинском): «Отсюда и из других железнодорожных станций были насильственно вывезены депортированные из Крыма: — август 1941 года — немцы; 18 мая 1944 года — крымско-татарский народ; — июнь 1944 года — армяне, болгары, греки»¹.

На территории Крымского государственного инженерно-педагогического университета был открыт монумент «Возрождение крымско-татарского народа». Тогдашний премьер-министр Украины В. Янукович предложил рассматривать этот памятник как символ отказа от старых обид и как символ примирения и единения. В монумент была заложена капсула-обращение к поколению XXII века, которую предложено открыть 17 мая 2104 года. В Художественном музее Симферополя к 60-й годовщине депортации была создана новая художественно-документальная выставка, два раздела которой были посвящены депортации.

Памятные знаки жертвам депортации имеются во многих селениях, где в настоящее время вновь проживают крымские татары. В селе Ароматное Белогорского района в том же 2005 году был открыт памятник депортированным немцам и крымским татарам, представляющий собой небольшой курган, насыпанный руками жителей села. В центре кургана установлен камень с берега реки Бурульча, на котором высечена надпись на немецком и крымско-татарском языках. По словам автора идеи создания памятника Акима Челахаева, это первое подобное сооружение в Крыму, где упоминаются депортированные немцы.

---

¹ См.: *Масюк Е.* Немцы Крыма: «Мы не иншие, мы — немцы!» // Новая газета. 2014. 17 октября. В Сети: <http://www.novayagazeta.ru/politics/65714.html>

На месте села Ароматное немецкими переселенцами 200 лет назад было основано село Розенталь. По соседству находилось село Шабан-оба, в котором проживали крымские татары. В 1941 году из села Розенталь были депортированы немцы, а в 1944 году та же участь постигла крымских татар.

18 мая 2005 года памятник «Против жестокости и насилия», посвященный всем депортированным народам Крыма (крымским татарам, болгарам, грекам, немцам и армянам) и представляющий собой камень-стелу на фоне гигантской колесной пары — был открыт в районе вокзала в Керчи. 18 мая 2008 года — в Севастополе, в сквере напротив автовокзала, был установлен памятник — пятигранный (по числу депортированных народов) семиметровый обелиск, расщепленный на две части — черную и белую (автор — архитектор Г. Григорьянц)¹.

Переход Крыма под российскую юрисдикцию в 2014 году в принципе не сказался на формально-уважительном отношении властей к крымским татарам и увековечению их памяти. Но, видимо, с самого начала не доверяя старому меджлису, новая власть взяла мероприятия к 70-летию депортаций под свой контроль. В Симферополе планируется установить еще один памятник — всем депортированным с полуострова.

В то же время по территории Крыма прокатилась целая волна актов вандализма в отношении местных памятных знаков о депортациях крымских татар. В частности, памятный знак, установленный на плато Эклизи-Бурун под Чатырдагом, был разрушен и сброшен вандалами вниз².

¹ В Сети: <http://www.forumn.kiev.ua/2009-01-80/80-06.htm>

² См. в Сети: http://censor.net.ua/photo_news/337396/medjlis_vandaly_razgromili_pamyatnik_deportirovannym_krymskim_tataram_foto

Краткие выводы

Итак, первые объекты увековечения памяти о тотально депортированных народах были созданы — еще в 1990-е годы (а самые первые — и вовсе в 1989 году) — самими депортированными народами — немцами, корейцами, калмыками, чеченцами и ингушами. При этом в случае немцев колоссальное значение имела так называемая Трудармия — специфическая репрессия, сочетающая в себе черты депортации и ГУЛАГа. Первые памятники трудармейцам стали появляться на Урале — в Нижнем Тагиле, Краснотурьинске и Челябинске, а также в крупных селах в бывших ареалах их насильственного расселения. Ареалы депортационного исхода немцев, напротив, оказались совершенно не охваченными этим процессом.

У корейцев, напротив, единственные памятные знаки на территории России оказались связанными с ареалами их исхода¹.

К немцам и корейцам по времени пробуждения материальной памяти об общенародной трагедии примыкают также вайнахи, корейцы и калмыки: в 1992 году появились первые памятники в Грозном и Элисте, затем, в 1996 году, в Элисте появился впечатляющий монумент работы Эрнста Неизвестного, в 1997 году — во Владивостоке и в Магасе, при этом в Ингушетии открылся не просто мемориал, но и первый на постсоветском пространстве музей, посвященный репрессированному народу.

У остальных депортированных народов Кавказа и Крыма, судя по данным, которыми мы располагаем, это пробуждение наступило лишь в 2000-е годы, при-

---

¹ От казахстанских коллег мне приходилось слышать о наличии памятника депортированным корейцам также и в Казахстане — стране, где историко-мемориальная культура, судя по отзывам, оказалась гораздо более развитой, нежели в России. Однако более подробными сведениями мы не располагаем.

чем огромную роль при этом сыграли соответствующие 60-летние юбилеи, пришедшиеся на 2004—2005 гг.

В музеефикации депортационной темы дальше всего продвинулись Ингушетия и Кабардино-Балкария. Мемориал в Назрани с самого начала являлся музеем, а мемориал депортированных балкарцев в Нальчике имеет неплохие предпосылки для того, чтобы им стать. Специальная выставка была подготовлена и в Симферополе, но не закрепились в основной экспозиции и осела в запасниках.

Интересным новым «трендом» на Северном Кавказе стал всплеск любви к увековечению памяти... Никиты Хрущева. В Нальчике, Грозном и др. городах собирались присвоить его имя одной из новых улиц или площадей, а в Грозном и Магасе (новой столице Ингушетии) открыть ему памятники, а бывший президент Ингушетии Зязиков взял да и присвоил Никите Сергеевичу высший в республике орден «За заслуги» (посмертно).

За этим «трендом» кроется наивно-поверхностное и исторически нерелевантное представление о роли начальства в истории. Н.С. Хрущев был такой же точно послушный проводник сталинской репрессивной политики, как и все другие члены Политбюро, однако после смерти вождя он счел целесообразным начать публичные разоблачения этой политики. На этом основании лично ему приписываются совершенно не принадлежащие ему заслуги в восстановлении исторической справедливости в отношении прав и свобод репрессированных народов, что в конечном итоге привело к их реабилитации и возвращению на родину.

В то же время симптоматичным и характерным является почти полное устранение федерального центра в каком бы то ни было участии в этом процессе. Единственная в Москве экспозиция, специально рассказывающая о депортациях, находится в Сахаровском центре — региональной общественной и самоуправляющейся

организации. Логично было бы ожидать увидеть ее и в обновленном московском «Музее ГУЛАГа».

В то же время региональные центры власти, как правило, охотно идут навстречу соответствующим пожеланиям и нередко даже сами их инициируют, причем это касается не только «титulyных» для депортированных народов регионов (таких как Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, Ингушетия и, особенно, Калмыкия), но и регионов, куда их депортировали (прежде всего — уральских областей). С этим статусом соизмерим и тот, что был в свое время завоеван (буквально!) крымскими татарами в Крымской Республике в составе Украины.

Гораздо труднее приходится корейцам, немцам, финнам и, по-видимому, полякам и туркам-месхетинцам, не имеющим своей «титulyной» государственности в составе Российской Федерации и действующим в рамках своих культурных автономий и исторических инициатив. Это приводит, в частности, к тому, что некоторые из этих инициатив реализуются вне России, в частности, на территории суверенно-титulyных Германии и Польши, а возможно и Финляндии, Южной Кореи и Турции¹.

P.S. Нетотальные депортации

Оговоримся и даже подчеркнем, что многие контингенты, охваченные в свое время нетотальными советскими депортациями, довольно хорошо мемориализованы, но вне России. Это связано прежде всего с тем, что «за ними», как правило, стоят суверенные сегодня государства, в чьих исторических дискурсах

---

¹ Пишущий эти строки, правда, не располагает сведениями об этом, но вполне допускает, что такого рода инициативы материализуются и в этих странах.

и историографических доктринах эти депортации играют более чем знаковую роль: так, в странах Балтии бро-сается в глаза девальвирующее желание представить их как акты геноцида.

Так, еще в 1990 году в Литве, у железнодорожного вокзала Новая Вильна в Вильнюсе был открыт памятник работы скульптора В. Гиликиса, а в 1996 году в рамках экспозиции Литовского этнографического музея под открытым небом в деревне Румшишкес около Каунаса был установлен так называемый «Вагон депортированных»¹. В Эстонии, в Нарве, близ железнодорожного вокзала в память о жертвах депортации в 1992 году был установлен камень «Мemento» (скульптор Э.Келлер). А в Латвии, в Риге, около железнодорожной станции Торнякалс в 2001 году был поставлен памятник жертвам коммунистического террора «Занесенные снегом» (скульптор Паулс Яунземс, архитектор Юрис Пога).

В 2013 году памятник депортированным открыт и в Кишиневе — бронзовая скульптура высотой в 3 и длиной в 12 метров (скульптор Ю. Платон) в сквере у железнодорожного вокзала. Он назван «Поезд боли» и представляет собой аллегория динамического движения множества людей к бесконечности и вечности. Это движение поезда, сформированного из человеческих тел, который несет боль, страдание и смерть. У поезда три составляющие: в первой люди все еще люди, во второй — они уже часть поезда, в третьей уже и не понять, люди это или куски металла от поезда, который отправлялся в Сибирь и Казахстан?²

Что касается депортаций поляков, то в 1995 году в Варшаве был открыт «Памятник умершим и заму-

---

¹ Подробное см.: *Полян П., Флиге И.* Рукотворная память об этнических депортациях: национальные образы // История сталинизма: репрессированная российская провинция. Материалы международной научной конференции. Смоленск. 9—11 октября 2009 г. М.: РОССПЭН, 2011. С. 212—236.

² Сообщено Н. Михайловой (Тверь).

ченным на Востоке. Жертвам советского нападения. 17.IX.1939 + 17.IX.1995» (автор Максимилиан Бискупский). Это, по выражению И. Флиге, «кладбище на колесах»: памятник представляет собой железнодорожную платформу, сплошь заставленную крестами и другими характерными видами надгробий. На постаменте, как и «на шпалах», — географические названия: Якутск, Колыма, Хабаровск, Иркутск, Омск. Аналогичный памятник «Памяти ссыльных, умерших и расстрелянных в Сибири и Казахстане в 1939—1956» был установлен в Быстрице Клодзкой в 2000 году.

Как видим, тема вокзала, товарного вагона и вообще железной дороги является ведущей и чуть ли не сквозной при мемориализации депортаций.

Бросается в глаза блистательное отсутствие какой бы то ни было мемориализации памяти о депортациях неэтнических контингентов, которых ныне и след простыл и у которых нет организационного механизма для инициатив в области политики памяти. В частности, депортированных крестьян, или «кулаков».

ЖЕЛЕЗНЫЙ ФЕЛИКС: МУЗЕОН ИЛИ МУЗЕЙ?

Феликс Эдмундович Дзержинский (1877—1926), сын польского мелкопоместного дворянина-учителя, имел за плечами бурную революционную молодость (аресты, тюрьмы, ссылки, побеги). Во время октябрьского «май-дана» 1917 года «брал» почту и телеграф, а последующие 8,5 лет и до самой смерти — не вылезал из большевистского правительства, открыв собой черный список руководителей красных карательных органов — ВЧК («чрезвычайки»), «ГПУ» и «НКВД».

Он искренне и по праву считал себя «мечом революции». Суды он находил пережитком и излишком прошлого, чем-то вроде аппендицита. Он широко практиковал заложничество с угрозой расстрела и боролся за право чекистов на аресты без санкций и расстрелы без суда: в противном случае получалось бы, что чекисты вводили заложников в заблуждение, что непорядочно. Если меченосцы иной раз схватят и шлепнут безвинного, он находил это приемлемым.

Собственно говоря, он и был лицом «Красного террора», террористом № 1, причем террористом по должности, чем и гордился. Среди его жертв не только монархисты и белогвардейцы, но и священники («церковники»), бастующие железнодорожники, гнилые интеллигенты, сопротивляющиеся крестьяне, да кто угодно!

В ряде городов России были приняты муниципальные законы о том, что их улицы не должны носить имена террористов: это привело к тому, что эти города уже распростились с улицами Халтурина, Желябова или

Александра Ульянова. Но почему то же самое не распространяется на Дзержинского?

Пять раз Дзержинского бросали на руление разными карательными органами, не считая того, что он был основатель чекистского спортивного общества — «Динамо». Но даже не-чекистские его должности и обязанности звучали грозно: например, председатель Главного комитета по всеобщей трудовой повинности (Главкомтруд) или «МеталлЧК» при ВСНХ.

Его серьезные не-чекистские должности — Наркомат путей сообщения и ВСНХ. Возглавляя коммунистическое хозяйство, он был и председателем комиссии «по улучшению жизни детей» (то есть по борьбе с детской беспризорностью). Елеем и патокой переполняются губы, а слезами умиления — глаза и носовые платки нынешних поклонников Феликса Эдмундовича, когда они заговаривают о его заботе о детях революции. Он только что какашки за ними не убирал! Хотя на самом деле беспризорники, шпана, были для него лишь фактором не контролируемого государством террора над гражданами, потому и недопустимого. Ничего иного, сюсюкающего, тут не имелось в виду.

Однажды, с 8 июля по 22 августа, Дзержинский даже уходил в отставку с поста председателя ВЧК — для того, чтобы принять участие в качестве свидетеля в процессе над чекистами, убившими германского посла Мирбаха 6 июля 1918 года (назавтра был левозеровский мятеж, жестоко подавленный). Незадолго до этих событий Дзержинский встречался с... Осипом Мандельштамом (во встрече участвовал Федор Раскольников, муж Ларисы Рейснер; он, вероятно, и устроил встречу). Прочитируем Дзержинского: *«За несколько дней, может быть за неделю до покушения, я получил от Раскольникова и Мандельштама сведения, что этот тип (Блюмкин. — П.П.) в разговорах позволяет себе говорить такие вещи: жизнь людей в моих руках,*

подпишу бумажку — через два часа нет человеческой жизни... Когда Мандельштам, возмущенный, запротестовал, Блюмкин стал ему угрожать, что если он кому-нибудь скажет о нем, то он будет мстить всеми силами...»¹.

Дзержинский, кстати, мемориальным вниманием и глорификацией не обижен. Он потому и Феликс (т.е. «счастливый»), что чудесным образом уцелел еще в утробе матери, упавшей незадолго до его родов в погреб. Еще больше повезло ему со смертью: выступая 20 июля 1926 года на пленуме ЦК, Дзержинский на протяжении двух часов громил и разоблачал «политикана» Каменева и «дезорганизатора промышленности» Пятакова — и настолько разволновался, что нервный срыв перешел в сердечный приступ, несовместимый с жизнью, как сейчас выражаются. До чего же вовремя он умер! Ибо нет более расстрельной должности, чем его. Якова Петерса — его правую «якобинскую» руку — «шлепнули» в 38-м и не поморщились.

Дзержинского охотно хвалили и Ленин (называл его «пролетарским якобинцем»), и Троцкий («человек великой взрывчатой страсти»), и Сталин (правда, мертвого: «правильный троцкист, хорошо дравшийся с троцкистами»). Кстати, на похоронах Дзержинского Троцкий (справа) и Сталин (слева) дружно несли деревянный гроб железного Феликса.

В то же время чекист не цекист! В послереволюционной партийной иерархии он стоял невысоко и ни для кого наверху не излучал угрозу: кандидатом в члены Оргбюро РКП(б) стал в 1920 году, а кандидатом в члены Политбюро ЦК только в 1924 году, и то не с чекистской должности, а будучи председателем ВСНХ (Всесоюзный Совет народного хозяйства).

По увековеченности памяти Дзержинский уступает, вероятно, только двоим — Ленину и Кирову. В настоя-

---

¹ Из истории ВЧК. 1917—1921 гг. Сб. док-тов. М., 1958. С. 154.

щее время имя Дзержинского на постсоветском пространстве носит около 1500 топонимов, и даже брежневский Днепродзержинск на Украине до сих пор еще не переименован в Бандерівск. Он, кажется, единственное, кроме Ленина, лицо, у кого в ход пошла даже аббревиатура имени, фамилия и отчества — «ФЭД»: это имя до сих пор носит Харьковский машиностроительный завод, выросший из мастерских Коммуны им. Ф.Э. Дзержинского для беспризорников и традиционно (чуть ли не до сих пор!) выпускающий фотоаппараты бессмертной марки «ФЭД».

А многие ли сегодняшние руководители могут похвастаться такую почестью? Где ты, военно-историческая секира «ВРМ» («Владимир Ростиславович Мединский») или отечественный «бесогон карманный» лубяной, в берестяном, с позолотой, корпусе «НСМ» («Никита Сергеевич Михалков»)?

Саму идею вернуть Дзержинского на Лубянскую площадь коммунисты по привычке экспроприировали. Вбросил ее в 2002 году демократический мэр Лужков: мол, фигура сложная, но баланс плюсов и минусов у Дзержинского положителен, да и творение Вучетича — «что твой Буанарроти!» — не должно прозябать на задворках.

На самом деле сложного в этой фигуре ничего нет, но мифологема несколько изменилась. Если Хрущев, ставя памятник Дзержинскому в 1958 году в самом центре Москвы, бил им по Сталину, противопоставляя «рыцарей»-ленинцев «вурдалакам»-сталинцам, то сейчас, когда в деталях известно, что Ленин — вурдалак не меньший, это противопоставление потеряло смысл. Теперь Дзержинский интерпретируется как носитель идеи чрезвычайной законности и сильной руки, столь необходимых именно в трудные кризисные времена. В таком случае он означает собой эманацию и реинкарнацию самого Сталина, о возвращении памятников

которому, увы, еще не пришло время говорить, по крайней мере в Москве¹.

Да кого теперь ни поставь на лубянский водопойный подиум (здесь когда-то поили лошадей) — хоть Блюмкина, хоть Гумилева, хоть Владимира Крестителя, — любой немедленно станет немного Перуном-Дзержинским.

В сущности, есть только два исторически приемлемых выхода из ситуации. Первый: Перун остается в своем музеоновом изгнании, и коммунисты в пыльных шлемах будут приходить или приползать к нему — дабы помолчать, пожаловаться, исповедоваться, помолиться в тишине, почистить под ним свои перышки.

Второй. Железный Феликс возвращается на свое прежнее место на Лубянской площади! Но оправданно это было бы в одном-единственном случае, а именно: вся «Лубянка» — комплекс зданий страхового общества «Россия» на Лубянской площади, еще в 1917 году реквизируемых ОГПУ-НКВД-КГБ-ФСБ вкупе с подземным ходом и зданием Военной коллегии Верховного суда с его расстрельными подвалами (Никольская, 23) — отдаются под музейно-исследовательский центр советских репрессий, с придачей и передачей ему соответствующих архивов.

Ведь репрессии — это не просто часть советско-русской истории, это самое ее ядро, самый нерв. Красный же террорист № 1, возвращенный «к себе» экспонатом, а не триумфатором, впервые приобрел бы исторически корректный смысл.

---

¹ Хотя реставрация и пуск в строй михалковских строк из сталинского гимна («Нас вырастил Сталин на верность народу...») в вестибюле станции метро «Курская»-кольцевая в августе 2009 г. — серьезный симптом! См. об этом и других случаях мемориализации Сталина в: https://meduza.io/feature/2016/02/25/trepeschite-yadom-plyuyte?utm_source=novayagazeta&utm_medium=partner&utm_campaign=left

PS. Уже много лет, как на страницах «Новой газеты» то вспыхивала, то гасла другая замечательная идея — создать в Москве, а точнее в Москве и Московской области, на землях Водоканала близ акватории канала Москва-Волга, «Музей истории репрессий в СССР» (именно это название представляется мне оптимальным, ибо к ГУЛАГу репрессии не сводятся: были еще и депортации, и расказачивание, и коллективизация, и голодомор, и отъем церковных ценностей, и репрессированная перепись, и разгромленные музеи и много чего еще). Отсутствии такого музея в постсоветской России с ее советскими «архипелагами» и «голодоморами» — совершенно вопиющее явление: по сути, здесь уже давно должен быть создан исторический музей мирового калибра, по своему качеству и просветительному потенциалу не уступающий музеям Холокоста в Иерусалиме и Вашингтоне, Королевскому военному музею в Лондоне, музею апартеида в Робин-Айленде в ЮАР или музею, посвященному студенческим волнениям и их подавлению в Гванчжу в Южной Корее.

Однако идут годы — организуются конференции и выпускаются все новые и новые книги о сталинизме и его повадках, а в вопросе о музее подвижек не было никаких. Теперь, после переезда «Музея истории ГУЛАГА» с Петровки на Самотеку вопрос этот, по видимому, и вовсе закрыт. Но это московский музей, а федерального музея так, похоже, и не возникнет.

Думаю все же, что на фоне исторического масштаба репрессий в СССР и вертухайского разгрома отлично уже функционировавшей «Перми-36» одного московского «Музея истории ГУЛАГа» — сначала на Петровке, а теперь на Самотеке¹ — все равно недостаточно.

---

¹ Открытый в 2004 г. как плод личной инициативы В.А. Антонова-Овсеенко, поддержанной лично Ю. Лужковым, музей недавно переехал в новое и значительно большее здание. Пожелаем ему успеха!

Не исключаю и такого поворота, что в какой-то момент кому-то во власти придет в голову идея перехватить эту инициативу у гражданского общества и создать «свой» управляемый музей репрессий, где нашлось бы место и показу их «исторической неизбежности», объективного и даже «гуманного» характера, «эффektivного менеджмента» и т.п. И такие мои опасения вовсе не беспочвенны.

В оказавшихся пустыми хлопотах о несостоявшемся музее было допущено, как мне кажется, две взаимосвязанные ошибки. Первая — это недостаточная гласность процесса самого продвижения идеи: если бы переговоры об этом шли не подковерно, а гласно и систематично, если бы «Новая» на страницах «Правды ГУЛАГа» вела бы системный мониторинг их хода, то, как знать, иные чиновники и поосторожничали бы с вечными на этом пути сотвореньями преград и пробок: их не поняли бы даже в собственных семьях.

Вторая ошибка заключалась в установке на достижение прорыва в переговорно-организационных вопросах как условия перехода к выработке концепции музея, к его архитектурному решению и т.д. и т.п. Всем этим нужно было заниматься с самого начала и не дожидаясь медвежьих или прочих резолюций, — более того, даже игнорируя их отсутствие, чтобы с той стороны лучше понимали всю нелепость и глупость провололочек. У будущего — временно еще не существующего — музея должен был существовать и работать авторитетный Общественный совет, который, вместе с реальной инициативной группой по созданию музея, начал бы активную и целенаправленную деятельность по выработке концепции музея.

Общество и власти должны были привыкать и привыкнуть к мысли о том, что такой музей создается, что рано или поздно он появится и что надо, по возможности, этому делу помогать. Инициативная группа и Общественный совет поэтому, кроме опера-

тивной деятельности, могла бы издавать свой бюллетень и вести свой профессиональный сайт и публичный форум. На сайте могли бы оперативно фиксироваться все подробности и нюансы главных хлопот, все отклики в прессе и блогосфере, — а со временем, благодаря перекрестным ссылкам на другие родственные сайты и на сайты музеев и архивов, сайт сможет превратиться в ведущий объединительный портал по проблематике репрессий.

Post factum поделюсь несколькими соображениями — как если бы такой музей все еще прорастал и в надежде, что все-таки когда-нибудь кому-нибудь они еще пригодятся. Если бы музей создавался на намечавшемся крупном землеотводе на берегу канала Москва-Волга, в южной его части, то одним из центральных элементов музея мог бы стать пароход типа «Джурмы», перевозивший когда-то заключенных с материка на Колыму и поставленный здесь на прикол на канале. Если бы он был на плаву, то мог бы совершать и непериодические рейсы, став плавучим филиалом музея в целом.

С самого начала важно было бы озаботиться филиальной сетью. Прежде всего в части исторической здания Главной военной прокуратуры на Никольской (коль скоро полная перепрофилизация здания под музей не представится возможной). Другие возможные филиалы или, как минимум, станции на маршруте будущих тематических экскурсий, — в историческом здании на Лубянке, в Бутырской тюрьме (там, кстати, есть и свой небольшой музей), а может быть, в конкретном месте сортировки и отправки эшелонов на восток (на станции «Красная Пресня — товарная»). Хорошо себе представляю и несколько «персональных» филиалов — скажем, музей Варлама Шаламова (на Колыме) или Осипа Мандельштама (во Владивостоке).

ПУСТОШИ ПАМЯТИ

И тени страшные Украины, Кубани...

О. Мандельштам

Голодомор и геноцид

Дрейфуя между якобы «европейским» и якобы «российским» полюсами, Украина переживает и пытается преодолеть не только экономический и политический кризисы, но и нечто даже более фундаментальное — родовой кризис идентичности. В Беловежском роддоме под рукой оказались только украинский язык, серьезная литература на нем и украинская советская государственность в том весьма выигрышном для Украины виде, в каком ее, в общесоюзных интересах, выстроила советская власть — с Крымом, Донбассом, Галицией, Северной Буковиной и Закарпатской Русью.

Тем более и тем более срочно (*sic!*) затребованными оказались исторические «скрепы» — по возможности широкая ретроспектива корней украинской незалежности и самостийности. Собственно исторические реалии тут помогали мало. Все гетьманы до единого, даже самые успешные и независимо от личной симпатии к жидомору, — не более чем вассалы и марионетки, отличавшиеся друг от друга только ориентацией в геополитическом силовом треугольнике «Россия — Польша — Турция» (впрочем, от попытки употребить на дело Мазепу не отказывались: проверяли, достаточно ли предательства России для глорификации не Швеции, а Украины). Все романовские коннотации (Малоробссия, Новоробссия!) — на фоне погубернского деления и строгой, в украинском случае, унитарности — просто резали слух. А украинская самостийность из лихолетья Революции и Гражданской войны

(что тебе киевская Украинская народная республика, что харьковская Украинская народная советская республика, что гетьманат Скоропадского, что петлюровская Директория) — в каждом своем проявлении, кроме разве что советской, уж слишком была геополитически несамостоятельна¹, уж чересчур хлипкая и эфемерна («скоропадочна»), чтобы на нее всерьез и со славой опереться.

Но не говорить же спасибо Советскому Союзу!

И вот напряженный поиск идентичности привел находящихся у власти украинских «патриотов» (умеренных националистов, плотно подпираемых неумеренными) к двум перспективным историческим «скрепам» — великомученическому страданию от вражьих (читай: советских, российских) козней и героической борьбе с ними. И соответственно, к двум историко-географическим узлам — Голодомору и Бандере. Географическим потому, что рукотворного голода 1932—1933 годов не было на Западной Украине, а партизанского повстанчества УПА-ОУН не было вне Западной Украины. Да и самих Мельника с Бандерой и Шухевичем, сколько ни драй, а от коллаборационизма с немцами и кровавого антиполонизма и антисемитизма добела не отмыть².

Поэтому самые высокие на бирже национальных идей котировки и максимум всяческого внимания и почета — достались именно Голодомору!³

---

¹ Принцип геополитического треугольника сохранился, но его «углами» теперь являлись Антанта, Германия и Россия, теперь уж Советская.

² Но такие попытки встречаются. В частности, говорится, что в рядах ОУН имелись и... евреи! Но не отмечается, что все-таки не в рядах, а на службе, причем на службе насильственной. То есть не евреи как нация, а изнасилованные «полезные евреи» как функция.

³ Сам этот термин, сконструированный украинской эмиграцией в Канаде, по-своему гениален. Долгое время он пребывал в полуплетаргии невостреманности, но и в своей первоначальной ипостаси он не обязательно подразумевал именно украинскую исключительность.

Напомню, что приоритет инициации и заслуга серьезной, обеспеченной архивными данными разработки проблематики «раскрестьянивания»¹ 1929—1934 гг. и массового голода 1932—1933 годов принадлежит нескольким ученым или научным коллективам: это прежде всего — еще с 1960-х гг. — Виктор Данилов и его группа в широком смысле (включая Николая Ивницкого, Виктора Кондрашина, Елену Тюрину, Алексея Береловича и др.), Сергей Красильников и его группа (Наталья Аблажей и др.) и такие «одиночки», как Александр Бабеньшев (Сергей Максудов) и Стэнли Уиткрофт. Данилов со товарищи и Уиткрофт опирались преимущественно на общесоюзные архивные источники, а Красильников со товарищи и Бабеньшев — на региональные данные (соответственно, на западносибирские и западно-российские, из так называемого трофейного «Смоленского архива»).

Правда, никаких мемориативных шагов или инициатив вроде создания Музея раскрестьянивания или памятника его жертвам — в исторически корректном контексте общесоюзной катастрофы в постсоветской России не возникло. Зато оказавшуюся таким образом «бесхозной» память об этом преступлении с энтузиазмом подхватили во Львове и Киеве. Для этого, правда, пришлось учинить явлению двойное обрезание — тематическое (ограничившись одним только голодом 1932—1933 гг. и его жертвами) и географическое (ограничившись Украинской ССР и регионами РСФСР — Ростовская область, Краснодарский край — с высокой долей украинцев в этнической структуре). Только в таком обрезанном виде можно было попробовать общесоюзную трагедию выдать и за чисто украинский феномен — и за «геноцид» (пользуясь удобной расплывчатостью этого понятия).

---

¹ Термин, предложенный С. Красильниковым взамен «раскулачивания».

Тут историю от политики ничем не оторвать.

Политическое бытование понятия «Голодомор», рожденного в среде украинской эмиграции в Канаде, в украинском официозе началось в 1993 году, когда его перенял президент Кравчук в указе «О мероприятиях в связи с 60-летием голодомора в Украине». В 1998 году президент Кучма установил официальную мемориальную дату (последняя суббота ноября) для отмечания «Дня памяти жертв Голодоморов» (или «Дня памяти жертв Голодомора и политических репрессий»), а в 2003 году президент Ющенко и парламент утвердили официальную его интерпретацию как «геноцид украинского народа».

В отношении к этому тезису я солидарен с Александром Бабенышевым, который, узнав о проекте украинского закона о Голодоморе, тут же заранее и наперед его злостно нарушил, предложив себя украинскому правосудию в качестве ответчика:

«Можно ли называть случившееся геноцидом? // Факт голода, замалчивавшийся советской властью и отрицавшийся некоторыми западными учеными, сегодня ни у кого не вызывает сомнения. Также бесспорно, что голод был прямым следствием политических действий правительства СССР. В первую очередь коллективизации. Отобрав у крестьян землю и скот, государство уничтожило заинтересованность сельского жителя в результатах труда и тем самым резко снизило уровень производства. При этом власть получила монопольное право распоряжаться всей сельскохозяйственной продукцией. // В этом страшном новом мире не существовало никаких обязательств государства перед сельским жителем. <...> Период 1931—33 годов был столкновением этих чудовищных правил и не готового им подчиниться селянства. Голод был кульминацией этой борьбы. Осознав, что сопротивление ведет к неминуемой гибели, сельский житель сдался. // В этой неравной битве правительством были изданы десятки законов и распоряжений, которые демонстрируют не только желание получить свою долю урожая, но и наме-

рение наказать крестьянина, нанести ему чувствительный ущерб. Была запрещена торговля хлебом и зерном на рынках в областях, не выполнивших государственный план сдачи зерна. <... > // Эти чудовищные приказы, очевидно, могут быть названы актами геноцида крестьянства, поскольку принимавшие их руководители знали, что их реализация приведет к гибели множества людей. Но невозможно согласиться с тем, что жертвами их были люди только одной национальности или граждане одной республики. В Украине под их действие равно подпадали и украинцы, и русские, и евреи, и болгары. Большие потери понесло население Крыма, не входившего тогда в состав УССР. // А украинская Донецкая область находилась в самой высокой категории снабжения, куда, кроме нее, входили только Москва и Ленинград. <... > // Сильно пострадали от голода Ростовская область, Ставропольский и Краснодарский края, Среднее и Нижнее Поволжье, и Казахстан, где была в это время запрещена хлебная торговля. В то же время 23 января 1933 года был снят запрет с колхозной торговли хлебом в Киевской и Винницкой областях, выполнивших план хлебозаготовок. Таким образом, ни Украину, ни собственно украинцев нельзя выделить как отдельный объект геноцида. Они страдали так же, как и многие другие сельские и городские жители СССР, в одних случаях намного больше, в других — меньше»¹.

Закон о Голодоморе

Своего апофеоза политика выкручивания у Клийо крыльев достигла в конце ноября 2008 года, когда на Украине — в год 75-летия Голодомора — отмечался День памяти жертв политических репрессий и Голодомора.

¹ Бабенышев А. Воссоздание памяти. Был ли голод 1932—1933 гг. на Украине геноцидом? // Московские новости. 2006. Декабрь. Полный текст см. на сайте А. Бабенышева: <http://maksudovsergei.com/index.php/kollektivizasiya/golodukraina>

28 ноября 2006 года, после того, как Верховная Рада приняла закон № 376-V «О Голодоморе 1932—1933 в Украине»¹, его подписал президент Украины Виктор Ющенко. Подписывая, он заменил в нем «геноцид украинской нации» на «геноцид украинского народа» и исключил в последний момент норму об уголовной ответственности за отрицание Голодомора². И закон вступил в силу в тот же день.

В нем всего пять статей, процитируем первые две: 1) «*Голодомор 1932—1933 годов в Украине является геноцидом Украинского народа*» и 2) «*Публичное отрицание Голодомора 1932—1933 годов в Украине признается надругательством над памятью миллионов жертв Голодомора, унижением достоинства Украинского народа и является противоправным*»³.

Но самое интересное не в этом. В преамбуле утверждается, что «*Голодомор признается актом геноцида Украинского народа как следствие умышленных действий тоталитарного репрессивного сталинского режима, направленных на массовое уничтожение части украинского и других народов (выделено мной. — П.П.) бывшего СССР*».

Из первой же статьи эти «другие народы» выпали. Насколько принципиален этот нюанс, можно не объяснять.

---

¹ Против выступила Партия регионов, предлагавшая, в частности, признать Голодомор преступлением против всех народов СССР, а не конкретно против украинцев.

² На стадии законопроекта предусматривалось наказание за такое отрицание в виде штрафа от ста до трехсот необлагаемых налогом минимумов доходов граждан или двух лет заключения; если же эти действия совершены госслужащим или повторно, то предусмотрено четыре года тюрьмы.

³ Ведомости Верховной Рады Украины. 2006. № 50. С. 504. См. в Сети: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/376-16>; а также: <http://uazakon.ru/zakon/zakon-o-golodomore.html>

Никакого правоприменения статья 2 не получила, а сама процедура, по которой должно осуществляться наказание за противоправие, не установлена.

Странно, потому что желающие испытать его строгость на своей шкуре давно есть. Тот же Александр Бабенышев, например:

«Насколько я знаю, господа депутаты, вы предусмотрели наказание за несогласие с вашим постановлением. Я принимаю ваш вызов. Я публично заявляю, что вы ошибаетесь, что чудовищный голод 1931—33 годов не был ни геноцидом украинцев, ни геноцидом жителей Украины. Я не боюсь вашего суда, как никогда не боялся законов и неправедных судов советской власти.

И я обвиняю вас. От имени жертв голода, с которыми я неразсторжимо связан вот уже несколько десятилетий, я обвиняю вас в том, что 15 лет назад вы не приняли закона о помощи жертвам коллективизации и голода — тогда их было в стране еще несколько миллионов. // Я обвиняю вас в том, что вы не организовали в то время серьезного научного изучения коллективизации и голода. // Я обвиняю вас в некомпетентности, безответственности и неуважении к этой страшной трагедии, в поспешном и бездумном принятии закона, который будет способствовать не восстановлению исторической истины и справедливости, а розни между людьми и народами»¹.

Но ни на любезное предложение А. Бабенышева, грубо нарушающего этот закон своим аргументированным несогласием², ни на его встречные обвинения украинское правосудие почему-то не ответило.

И хотя ООН, ПАСЕ, ЮНЕСКО и Европарламент не признают Голодомор геноцидом да еще исключи-

¹ См. на сайте А. Бабенышева: <http://maksudovsergei.com/index.php/kollektivizasiya/golodukraina>

² См. в Сети: <http://maksudovsergei.com/index.php/kollektivizasiya/golodukraina>

тельно украинского народа, но многие субъекты международного права это признали!

А так все логично: если называть Украиной все, куда ступала нога украинца, то Украина, конечно же, глобус, а голодомор — холокост. Логично, но даже не географично, отчего украинский разговор о голодоморе — это всегда и одновременно разговор и об историоморе.

Померяемся геноцидами!

В связи с законом о Голодоморе и в связи с Холокостом всплывали и другие интересные предложения.

23 марта 2007 года Ющенко внес в Верховную Раду законопроект об изменениях в Уголовном кодексе Украины, в котором предлагал установить уголовную ответственность за публичное отрицание Холокоста и Голодомора 1932—1933 годов на Украине. За такое отрицание предусматривался штраф в размере от 100 до 300 необлагаемых налогом минимумов доходов граждан или два года заключения (если же эти действия совершены госслужащим или повторно, то четыре тюрьмы). Законопроект тогда этот через украинский парламент не прошел.

Однако каковы политическая тонкость и исторический такт: Голодомор — да в одну упряжку с Холокостом, после чего не только рядить, но и судить за непочтительность к тому и другому! Расчет очень прост: относительно геноцидальности Холокоста сомнений нет ни у кого, кроме отрицателей, и буде такой закон принят, он придаст бы легитимности и авторитетности Голодомору как геноциду. (То, что он бросал бы тень в такой упряжке на Холокост, не так важно: надо же евреям когда-то и солидарность начать проявлять.)

В странах Балтии тоже раздавались голоса о преследовании за непризнание преступлений сталинизма или об их сопряжении с наказанием за отрицание Холоко-

ста. За неимением голодомора там в качестве геноцида пытаются представить депортации и прочие репрессии, обрушившиеся на них после аннексии 1940 года.

При этом подлинный геноцид на территории стран Балтии и Украины — еврейский — не слишком и котируется у местных историков, всячески старающихся минимизировать участие «своих» национальных энтузиастов в окончательном решении. Отсюда и «ренессанс» и глорификация различных коллаборантских, в том числе и эсэсовских, соединений, свидетелями чего мы все сейчас являемся.

Кстати, разброс оценок по числу жертв голода начала 1930-х годов сильно зависит от того, кто эти оценки делает. У историков эти «ножницы» составляют от 2 до 4,5 миллиона человек, а у политиков почему-то вдвое больше — от 8 до 10 миллионов!¹ Вон сколько — на полтора Холокоста наскребли!

Интересующимся тем, как официальный Киев чтит Холокост, поучительно было бы съездить к бывшему оврагу Бабий Яр.

Подобно тому, как Аушвиц стал именем нарицательным для «западной» версии уничтожения евреев (длинные гетто — длинные депортации — газовые камеры), Бабий Яр — столь же бесспорный символ для его «восточной» версии (короткие гетто — пешие марши — расстрелы, реже — грузовики-душегубки).

Немецкие и украинские наци в свое время сообщали установили здесь суточный рекорд скорострельности по ходу «окончательного решения». В течение одного лишь дня — 29 сентября 1941 года — здесь было расстреляно 22 тысячи евреев — абсолютный рекорд в истории народоубийства!² Аушвиц-Биркенау со всеми его пере-

¹ Часто они «базируются» на 8 млн от Р. Конквеста — цифре, от которой автор давно отказался.

² Далеко позади остались расстрелы евреев 11 августа 1942 года в Ростове-на-Дону (от 15 до 18 тыс.), 15 сентября в Бердичеве (12 тыс.) и 27 августа в Каменец-Подольском (11 тыс.).

довыми крематориями и костровыми ямами отдыхает! Столько же поляков расстреляло и НКВД в Катыни, Медном и Старобельске — вместе взятых и за много дней!

Не ищите на плане киевского метро станцию «Бабий Яр» — ее там нет. Ехать вам до остановки «Дорохожичи». Почему?

А когда выйдете на свежий воздух, то не ищите ни справа, ни слева информационные щиты или указатели: их нет! Но почему?

Да и где, собственно, сам этот яр, глубоченный, если кто-то о нем читал, овраг?!..

Его нет. Может быть, его и не было?..

Десятки лет украинская власть обещает построить здесь государственный историко-мемориальный заповедник «Бабий Яр» и начать чтить память жертв Холокоста¹. Пока же такого мемориала и в помине нет: не считать же таковым классический советский памятник классическим «мирным советским людям», почему-то говорившим друг с другом на идише и почему-то вдруг оказавшимся в этом месте в свой последний час. Или чванливую «Менору», увековечившую главным образом имена своих спонсоров (Джойнт, Сохнут и т.д.).

По сравнению с тем, что на этом страшном месте просто обязано было возникнуть, тут самая настоящая пустошь памяти, засыпанной, как и сам овраг, землей! Материализовавшийся историомор!

Впрочем: до жидомора ли патриотической украинской власти, когда у нее еще и с голодомором столько забот?

---

¹ Концепция этого заповедника уже давно разработана Виталием Нахмановичем и Татьяной Пархоменко. См. в Сети: <http://www.kby.kiev.ua/komitet/ru/reserve/art00029.html>

Источники к теме: спасибо Ющенко

Неприятие всей фальши украинской политики в области Голодомора не означает прития российской политики в этой области. В 2000-е годы Украина (и Казахстан!) намного обогнали Россию по рассекречиванию и введению в научный оборот первичных материалов по Голодомору¹.

Такая киевская активность и щедрость в сочетании с целенаправленной кампанией по глорификации Голодомора заставила спохватиться и начать крутиться и российскую сторону: архивы стали дружно рассекречивать профильные документы, и публикации не заставили себя ждать. Так, Виктор Кондрашин выпустил в 2008 году в издательстве РОССПЭН книгу «Голод в СССР 1932—1933 годов: Трагедия советской деревни». 18 ноября 2008 года (за 10 дней до отмечания Голодомора в Киеве) в Москве открылись выставка новых документов и конференция на тему Голода, а в 2009 году вышел сборник, составленный из 185 факсимиле избранных российских документов о голоде в СССР².

---

¹ 23 января 2009 года Служба безопасности Украины рассекретила вообще все документы по репрессиям, что сделало ее архив буквально Меккой для историков сталинизма. Многие находят в нем то, на что не имеют ни малейших шансов в России (см., например: Список дедушки Степана? Имеют ли палачи право на защиту чести и доброго имени? // Новая газета. 2016. 17 февраля) В Сети: <http://www.novayagazeta.ru/society/71896.html>.

² Голод в СССР. 1930—1934 гг. [Подборка документов Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории, Российского государственного архива экономики, Российского государственного военного архива, Архива Президента Российской Федерации, Центрального архива ФСБ России о проблеме голода в СССР в начале 30-х годов XX века] / Составители: О.А. Антипова, Е.А. Голосовская, М.М. Кудюкина, О.В. Наумов, Е.А. Тюрина, М.С. Астахова,

Одновременно Росархив выпустил и компакт-диск, далеко не тождественный книге. Диск — англоязычный — как бы на экспорт: тут и карты административно-территориального деления СССР и его Европейской части (на 1928 год), и заметки «От переводчика» и «От составителей», а также вводная статья В.В. Кондрашина. Разнятся не только количество (107 документов) и состав документов, но и их структура¹. В том же 2009 году в издательстве «Собрание» вышла книга Н.И. Ивницкого «Голод 1932—1933 годов в СССР: Украина, Казахстан, Северный Кавказ, Поволжье, Центрально-Черноземная область, Западная Сибирь». Наконец, в 2011—2013 гг. в фонде «Демократия» вышло фундаментальное трехтомное собрание документов «Голод в СССР. 1929—1934» под редакцией В. Кондрашина, Е. Тюриной и др.

Опубликованные документы дружно подтверждают: в 1931—1933 годах в СССР действительно был голод, причина его — в коллективизации и в экспорте лучшего зерна в видах закупки оборудования для индустриализации Союза. И самое главное — в основе бесчеловечной политики, приведшей к голоду, не лежали ни этнические (украинцы), ни региональные (Украина) признаки. Это была трагедия, но не какого-то одного народа СССР, а всех, кто жил тогда в СССР.

Уже в документах за 1930 год, например, встречаются свидетельства о голоде в Туркмении, Дагестане (Рутульский район) и Казахстане, причем всплывает тема

Т.М. Гольшкина, А.А. Литвин, Т.Ф. Павлова, И.В. Утенков, Н.Е. Глуценко, В.В. Кондрашин, С.А. Мельчин, Н.А. Петрова, Т.В. Царевская-Дякина. Подг. к изданию: Пигарев И.И., Балан С.П., Мордвинова С.А. М.: Росархив, 2009. 518 с. См. также в Сети: <http://www.rusarchives.ru/evants/conferences/hunger-ussr-f.shtml>

¹ Заметно, что делался диск в спешке: навигация на нем крайне затруднена, переводы даются в виде фрагментов, зато приложены фотографии некоторых из фигурантов.

и так называемой «укочевки», то есть ухода из СССР со скотом и семьями за границу (из Туркмении — в Персию, из Казахстана в Китай). Кстати, классический гэпэушный термин: «укочевка» — это наподобие эмиграции, а то что наподобие внутренней миграции называется иначе: «откочевка»!

Бесподобен и эвфемизм голода в одном из документов: «значительное увеличение фактов отсутствия хлеба у колхозников и единоличников»!

ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ

1945|| ЧЕЛОВЕК НА ОБОЧИНЕ ВОЙНЫ

В 00 часов 42 минуты девятого мая 1945 года в Карлсхорсте гитлеровская Германия полностью и безоговорочно капитулировала перед союзнической коалицией. С той поры в сознании советского народа заронилось и очень быстро и очень прочно укоренилось представление о 9 Мая как о всенародном празднике Дня Победы.

Уже одно то, как протекает в этот день народное гуляние на Поклонной горе — с цветами, которые люди покупают заранее и раздают незнакомым им лично ветеранам, радостно и со слезами, но безо всякого нажима и понукания со стороны властей, — говорит о том, что этот праздник — в сердцах и душах прижился, что он желанен и любим. Каждое новое пяти- или десятилетие праздник этот достигал своей новой кульминации.

Это показывает, что власти далеко не статисты на этом празднике: официальные торжества — в их руках и под их контролем. И каждое новое 10-летие Дня Победы поэтому было и похоже, и вместе с тем не похоже на предыдущее торжество. Непохожими их делало гражданское общество, а похожими — косный идеологизм культурно-пропагандистской политики, именно в вопросах военно-исторических и военно-патриотических всегда достигавшей своего апогея. Порукой и гарантом этой зашоренности и заскорузлости был такой уникальный орган, как Главное политическое управление Советской армии — монструозный, но весьма властный гибрид советской однопартийной и военной систем.

В культивируемом сверху мифосознании советского общества Великая Отечественная — это исключительно ратные подвиги, это генералиссимус или маршалы, склоненные над штабными картами, это залпы «Катюш», это как бы коллективный Матросов, бросающийся на амбразуру, это алое знамя над черно-белым Рейхстагом и оружейные залпы над свежей могилою воинов, павших смертью храбрых. Соответственно, негласное правомочие на причастность к торжествам имеют не все, а только генералитет и ветераны боевых действий. Ну, разве что еще партизаны и подпольщики в тылу врага вписываются в этот же миф и размещаются в светлой части спектра — в сфере потенциальных героев.

Если знакомиться с войной только по мемуарам видных военачальников, то может сложиться впечатление, что война — это комбинация боевых атакующих действий и напряженных раздумий маршалов, склоненных над ковровыми картами в своих ставках или выслушивающих фюрера или же генералиссимуса на другом конце провода. Окопы, землянки, медсанбаты, тыловые службы — редкие гости в их памяти, а миллионы военнопленных с дезертирами или угнанных на чужбину остовцев, например, нечего там и искать. А ведь жизнь мирного населения, под оккупацией или в эвакуации, — это такая же часть войны, как авианалет, артобстрел или рукопашная. По числу же затронутых и опаленных, наверное, самая важная часть.

Заклучение и подписание мира — суть признаки окончания военных действий, но еще не Войны как таковой, и для гражданских лиц — в особенности. Послевоенный мир непрочен и хрупок, как детский хрящ, и более всего он напоминает минное поле.

Порою буквально: то неразорвавшуюся авиабомбу найдут, то целый арсенал обнаружат. Много остается работы для могильщиков войны — саперов, но иногда все же шархнет, и чей-то сын недосчитается руки или ноги, или чья-то мать — сына.

Кстати, оружия в Рейхе было порядочно — химического в том числе. Союзники, по договоренности, взяли его уничтожить, — но как? Англичане, например, затопили сотни тысяч тонн ипритовых бомб в проливе Скагеррак, где им ржаветь осталось всего лишь семь-восемь лет, после чего химические войска вермахта вероломно нарушат Акт о безоговорочной капитуляции. Что и где сделали со своей частью отравляющих веществ мы — известно одному богу и тем, кому положено. Оттого часто военные архивы — такие же мины, как и сами мины: хоть в Скагеррак сбрасывай!

Кому положено, те и до встречи Ельцина с Валенсой знали, что в вопросе о палачах расстрелянных польских офицеров в Катыни прав был Геббельс, а не Сталин. И как ни старались советские «эксперты» списать свое преступление на вермахт, но признать свою вину и принародно повиниться и даже покаяться все же пришлось. Тем не менее, с полвека существовал и поддерживался этот якобы «спорный вопрос».

Пожалуй, не меньше «искали» и советский оригинал пакта Молотова-Риббентропа: ну прямо обыскались — и ну прямо нигде его нет! Собственно, на Западе была «своя» копия, но в нее мы не верили; поверили бы только в свой подлинник, — а его что-то не можем найти: может, и не было их, этих «пресловутых» протоколов? Когда же поняли, что оказались в положении Неуловимого Джо, которого, за отсутствием интереса, никто попросту не ловит, немного расстроились и тут же, стараниями комиссии А. Яковлева, — нашли. Оказалось, что за послевоенное время с «неуловимыми» подлинниками не раз работали, — разумеется, те, кому положено. И даже скандала особого не было: чистая радость для историков и только!

Но была и другая сфера спектра. Среди полвека не признававшихся Главпуrom участниками войны были и миллионы военнопленных (по мифу — потенциаль-

ные предатели), и десятки миллионов гражданского населения оккупированных врагом территорий, как угнанного, так и не угнанного в Германию (по мифу — потенциальные пособники врага).

С первых же дней оккупации на советской территории планомерно и систематически убивали евреев. Только за то, что они евреи. Сколько еще можно в стране, на которую пришлось добрая половина 6-миллионного еврейского мартиролога, делать вид, что расстреливали не евреев, а каких-то безличных «советских мирных граждан»? И даже на концлагерников смотрят у нас с подозрением: сколько же их, по возвращении на родину, пересажали по новой! Да и то сказать: большинство из них — те же евреи да бывшие военнопленные.

Но сама Великая Отечественная — не только война, но и трагедия и нуждается в более сосредоточенном и глубоком к себе отношении, в более целостном и более скорбном осмыслении событий тех лет — событий, не уместяющихся в рамках военной истории только.

Равноуважительное отношение необходимо ко всем участникам войны — и к ветеранам-красноармейцам, и к военнопленным, и к гражданским жертвам нацистских преследований.

Тут-то уместно и подчеркнуть: то была Великая Отечественная война Советского Союза — единая война единого государства, а не каких-то российских, украинских или казахских полков. И с этой точки зрения выплата компенсации жертвам принудительного труда в разных независимых государствах по отдельности и по разным регламентам — грубая историческая ошибка, замешанная на превратно понятой суверенности и обернувшаяся в итоге урезанием общей доли в денежном «пироге» и позором борьбы друг с другом за эти доли¹.

Общая, неделимая судьба и у бывших советских военнопленных. Немецкая юстиция оказала им большую

---

¹ Полян, 2002. С.626—672

«честь» — фигурировать в качестве одной из категорий совершенно нормальных военнопленных, находившихся под защитой Международного Красного Креста (наподобие американских, английских, французских или польских). Историческая наука, правда, решительно не подтверждает такой уравнительной интерпретации. Если у не-советских военнопленных в немецком плену смертность колебалась вокруг 5%, то у советских — она составляла 58% (3,3 млн погибших делают их второй, после евреев, группой).

Того, что мы знаем о политике Третьего Рейха по отношению к советским военнопленным, более чем достаточно для того, чтобы квалифицировать их как особую категорию жертв национал-социалистических преследований, правомочную на получение компенсации в рамках немецкого «Закона о компенсационном фонде» и без его изменения. Однако немецкий закон сконструирован таким образом, что против его официальных интерпретаторов ничего нельзя предпринять. Жертвы двух диктатур, советские военнопленные, стали еще и жертвами нескольких демократий.

И все-таки 9 мая 2005 года — то есть 60-летие Победы — содержало в себе великолепный, но упущенный шанс впервые стать немного другим праздником — общим для всех. Увы, и этот юбилей — первый в новом столетии и последний с физическим присутствием самих участников и героев, — прошел с тем же главпуровским акцентом, как и все предыдущие. Правде истории и примиряющей ответственности за эту правду президент предпочел мифологию советского генералитета и главпуровского менталитета.

Людей как бы поставили по две стороны незримых баррикад, но не они в этом виноваты. И сама война, и принесенные ею страдания и горе были едиными и всенародными, были общими и неделимыми, — давайте же перестанем бить себя в грудь кулаком, рвать на себе тельняшку и звенеть орденами: да прислушаемся

молча к крикам отправляемых в газовни и к расстрельным залпам, к стуку кованых сапог в двери изб и квартир, к немому отчаянью голодных обмороков и бесшумным стежкам иголки, намetyвающим на кофту ненавистную нашивку.

Давайте дадим слово и тем очевидцам военного лихолетья, кого никогда не подпускали ни к микрофону, ни к печатному станку, — с полвека они почти не подавали голоса, и спасибо тем из них, кто все же заговорил, не исключая и коллаборантов.

Прислушаемся друг к другу, пойдем друг друга, простим...

1945|| ОСВОБОЖДЕНИЕ АУШВИЦА: ЕВРЕЙСКАЯ КАТАСТРОФА — БЕЗ ЕВРЕЕВ!

*Евреи уничтожены полностью...*¹

К осени 1944 года, то есть к началу Висло-Одерской операции, в ходе которой был освобожден и Аушвиц, в Ставке в Москве имелись весьма достоверные и точные данные об Аушвице как о «фабрике смерти», причем смерти именно евреев. Таким образом, в штабах и 1-го Украинского фронта, и 60-й армии, несомненно, могли бы знать о существовании и о специфике концлагеря Освенцим, если бы этого захотела Москва.

Однако никаких мероприятий по заблаговременной подготовке к его освобождению никем не намечалось и не проводилось. Ни при подготовке войск к Висло-Одерской операции, ни в ее ходе до дня освобождения концлагеря не только общеармейская «Красная Звезда», но и фронтовые многотиражки — «За честь Родины» (1-го Украинского фронта), «Армейская правда» (60-й армии) или «За Родину» (107-й стрелковой дивизии) — ни словом не обмолвились о гитлеровских лагерях уничтожения, в том числе и об Освенциме.

О том, что даже командование 1-го Украинского фронта не имело данных о концлагере Освенцим до момента его освобождения, косвенно свидетельствует И. Конев в своих мемуарах: *«К 27 января фронт добился новых успехов: 21-я и 59-я армии ведут бой за Катовице, а 60-я армия овладела Освенцимом... Первые сведения о том, что представлял этот лагерь смерти, мне уже были доложены».*

---

¹ *Документы обвиняют...*, 1996. С. 115—116. Со ссылкой на: ЦАМО. Ф. 60-й армии. Оп. 10597. Д.151. Л.165—171.

Остается предположить, что никакой ориентирующей информации об Освенциме Главпур даже командующему фронтом не посылал.

А если бы и посылал и маршал Конев, его штаб и командование 60-й армии загодя знали, что Освенцим — это не просто польский городок районного масштаба, не имеющий какого-либо военного или экономического значения, а база самого чудовищного гитлеровского концлагеря, — разве как-то по-другому был бы составлен план Висло-Одерской операции?¹

Кстати, применительно к Майданеку анализ генерала Петренко² столкнулся с точно таким же «небрежением», как и в случае Аушвица. Сведения о Майданеке у Сталина были, но он «не грузил» ими командование 1-го Белорусского фронта, занятое в июле—августе 1944 года подготовкой и ведением операции «Багратион»³.

Круг на карте: Висло-Одерская операция

Еще в ноябре 1944 года командующий 1-м Украинским фронтом маршал И.С. Конев докладывал план операции в Ставке. Очень внимательно все выслушав и обстоятельно изучив план, Сталин обвел пальцем на карте Верхнюю Силезию и только что и молвил сакраментально: «Золото!» Конев, конечно же, прекрасно все понял: освобождать Домбровско-Силезский промышленный район надо по-особому — так, чтобы максимально сохранить его уникальный промышленный потенциал.

Отдадим должное Петренко. Пусть и задним числом, но он тоже понял генералиссимуса и упрекнул его за то, что тот, зная об Аушвице и его прелестях, не об-

¹ *Петренко*. 2000. С. 100.

² Петренко Василий Яковлевич (1912—2003), генерал-лейтенант. Профессор, бывший начальник кафедры военного искусства Академии имени Фрунзе.

³ *Петренко*. 2000. С. 103.

вел на карте вокруг него никакого круга и ничего другого сакраментального, — например: «Ужас!», — не произнес¹. Тогда бы Конев взял под козырек и со всей тщательностью и упорством перестроил свой план так, чтобы в первую очередь взять в клещи именно Аушвиц и упредить тем самым эвакуацию лагеря, начавшуюся еще в сентябре 1944 года и увенчавшуюся «маршами смерти» в январе 1945 года².

Анализ директивы Ставки № 5614, полученной Коневым вечером 17 января 1945 года, как и анализ его, Конева, собственной директивы войскам фронта, отданной в 1 час 45 минут 18 января (к слову сказать — в день вывода большинства лагерного населения Аушвица на марши смерти!) и подписанной в том числе и К.В. Крайнюковым, опытейшим политработником и членом Военного совета фронта, заставили В. Петренко пересмотреть свою собственную и искреннюю позицию, которую он как советский освободитель Освенцима много раз отстаивал в ряде послевоенных дискуссий. А именно: наша доблестная Красная армия, не щадя сил и ресурсов, рвалась на запад и освободила Освенцимский лагерь смерти ровно настолько рано, насколько это было возможно.

Собрав и переосмыслив факты, он встал практически на сторону своих оппонентов: да, фактическое про-

---

¹ Петренко. 2000. С. 90—91.

² Эвакуировались не только люди, но и вещи. Так, между 1 декабря 1944 и 16 января 1945 г., или в последние 1,5 месяца функционирования концлагеря, в вещевом складе «Канада» было переработано и подготовлено для отправки 99 992 штуки детского платья и белья, 224 269 штук мужского платья и белья и 192 652 штуки мужского платья и белья, итого 516 843. Уже к 9 января 1945 г. 96 310 штук различных видов одежды было разослано по концлагерям во внутренней Германии — в Маутхаузен, Гросс-Розен, но, кроме того, и в Дахау, Равенсбрюк, Миттельбау-Дора, Нойенгамме, Заксенхаузен, Штутгоф и Флоссенбург (*Strzelecki I. Der Raub des Besitzes der Opfer des KL Auschwitz // Hefte von Auschwitz. Nr. 21., 2000. S. 92—94.*

медление с освобождением лагеря смерти имело место, да, оно шло с самого верха. Если бы директива № 5614 была выполнена буквально, то освобождение состоялось бы не раньше 2—3 февраля, и в таком случае бойцы 28-го корпуса, по мнению В. Петренко, «увидели бы там только груды развалин, огромное, уже остывшее, пепелище и ни одного живого узника»¹. Этого не произошло только благодаря тому, что маршал Конев взял инициативу на себя и несколько отошел от указаний Ставки: 23 января он развернул 3-ю гвардейскую танковую армию генерала П.С. Рыбалко, чье наступление в лоб на Одер захлебнулось, и пустил ее вдоль Одера с севера на юг, создав отчетливую угрозу окружением мощной верхнесилезской группировке противника. Немцы это тотчас же поняли и сняли с угрожаемых позиций сразу три стрелковые дивизии, что, собственно, резко облегчило и ускорило выполнение 60-й армией ее тактических задач. В результате, перегруппировавшись, 24 января она перешла в наступление, при этом 106-му стрелковому корпусу в составе 100-й, 148-й и 107-й стрелковых дивизий было приказано захватить Освенцим и Нойберун. Применительно к Освенциму это произошло 27 января, то есть дней на 7—8 раньше намечаемого, согласно директивам, срока — и, может быть, дня на 4—5 позже вероятного срока в том случае, если бы сами директивы были другими.

В то же время не правы и те, кто утверждал, что замедление темпов наступления накануне Висло-Одерской операции было намеренным — ради того только, чтобы дать немцам возможность уничтожить в Аушвице как можно больше евреев. Такого дьявольского плана у Сталина, при всем его коварстве, не было. Все дело было именно в расстановке им сакраментальных акцентов и в вытекающей из них той самой пресловутой «попутности». Генералиссимусом двигал не анти-

---

¹ Петренко. 2000. С. 93.

семитизм, а стратегическая жадность: захватить как можно больше и как можно более целых индустриальных трофеев — вот чего он хотел в Силезии.

А на то, что происходило с евреями где-то внутри начертанного им лакомого круга, ему было, по большому счету, наплевать.

Освобождение Аушвица и Биркенау — евреев нет

Освобождение Аушвица войсками Красной армии было лишь крохотной частью Висло-Одерской операции, проведенной с 12 января по 3 февраля 1945 года. Как точно и не без горечи отмечал один из освободителей лагеря — Василий Яковлевич Петренко, командир 107-й стрелковой дивизии, специальная задача освобождать именно концлагерь Аушвиц-Биркенау перед 1-м Украинским фронтом никогда и никем не ставилась.

Эта задача решалась и была решена левым крылом фронта и, в частности, 60-й армией под командованием генерала П.А. Курочкина попутно, по ходу охвата Верхней Силезии с юго-востока и занятия важных опорных пунктов обороны немцев на Висле — Хшанува, Нойберуна и Аушвица (Освенцима)¹.

Первыми войскам этой армии стали попадаться восточные филиалы концлагеря. Так, 24—25 января войсками 106-го стрелкового корпуса², в частности 100-й и 322-й³ дивизиями, были освобождены сразу два филиала аушвицкого концлагеря — Моновиц⁴ и Зарац, после чего, собственно, комкор и поставил перед 14-й

---

¹ *Петренко*, 2000. С. 86—88.

² Командир — генерал П.Ф. Ильиных.

³ Командир — генерал П.И. Зубов.

⁴ По другим данным, освобождение Моновица состоялось только утром 27 января.

и 107-й стрелковыми дивизиями задачу захватить Ной-берун и, не останавливаясь, наступать на Аушвиц.

В эти же дни возле Биркенау немцы оказали особенно ожесточенное сопротивление, а между 23 и 25 января — правда, силами всего лишь одного полка, — даже пытались перейти в контрнаступление¹.

В одной из докладных записок начальника политотдела 60-й армии генерал-майора Гришаева начальнику политуправления 1-го Украинского фронта генерал-майору Ящечкину, написанной 26 января 1945 года, читаем: *«На станции Лебионж юго-западнее Хишанува нами обнаружен филиал концлагеря Освенцим со случайно уцелевшими узниками. Среди них — 30 евреев, остальные — венгры, французы, чехи, поляки и русские — все, кто успел укрыться на угольных шахтах, где работали узники. Остальные были немцами умерщвлены. Всего в этом лагере на станции Лебионж было 920 заключенных.*

Один из них, еврей Левер, рассказал, что до Лебионжа находился в Освенциме. Там одновременно было от 25 до 30 тысяч евреев из многих стран Европы. Их свозили сюда непрерывно в течение четырех лет. Все, кто не мог работать — женщины, старики, дети, больные — отделялись от здоровых мужчин и уничтожались сразу. Они направлялись в отдельные бараки в южной части лагеря, там их раздевали, потом в специальных камерах убивали газами, а трупы сжигали в крематориях. Всего было для этого оборудовано 12 печей, действующих частично на электричестве, частично на угле. Левер считает, что число жертв-евреев составляло примерно 400 000 человек. В последние два года были уничтожены и узники-мужчины. Кормили узников очень плохо: один раз в день водянистая похлебка и 150—200 граммов хлеба. От непосильного труда и голода люди обессилевали и умирали.

---

¹ Журнал боевых действий 286-й стрелковой Ленинградской Краснознаменной дивизии (ЦАМО. Ф. 1584. Оп. 1. Д. 52. Л. 3об.)

Три раза в неделю врач осматривал заключенных, и неспособных к труду отправляли в газовые камеры. <...> В декабре 1944 печи были немцами взорваны»¹.

Еще один филиал Аушвица — Явожно — был освобожден 286-й стрелковой дивизией 59-й армии не позднее 25 января. Этим днем датирован акт о его обнаружении, подписанный старшим инструктором по оргпартработе капитаном Курбатовым, старшим инструктором по работе среди войск и населения противника гвардии старшим лейтенантом Оруджевым и жителем города Явожно Станиславом Ярошевским. Этот акт содержит данные об этом лагере, записанные со слов освобожденных советских военнопленных, а также «венгров, французов, чехословаков, поляков и евреев западных стран». При этом сам освобожденный лагерь, организованный только в 1942 году и являвшийся отделением концлагеря Аушвиц, ошибочно поименован здесь как «Аусшвайц». Он был рассчитан на 3—4 тыс. заключенных, при этом на его территории или в подвалах было обнаружено свыше 200 трупов убитых или умерших от голода и около 350 человек оставшихся в живых, сумевших так или иначе укрыться от эвакуации, тогда как большинство его узников были угнаны в глубь Германии².

На основании этого акта начальник политотдела 286-й дивизии подполковник А. Лушников направил

---

¹ *Документы обвиняют...*, 1996. С. 111—112. Со ссылкой на: ЦАМО. Ф. 60-й армии. Оп. 10597. Д. 151. Л. 70—73. Воспроизведено также в: *Петренко*. 2000. С. 108—109. (Со ссылкой на ЦАМО, но без указания сигнатуры и без упоминания Ф.Д. Свердлова). См. также: «Трагический урок» [Интервью с генералом В.Я. Петренко]. // *Лехаим*. 2001. Февраль. № 2.

² ЦАМО. Ф. 1584. Оп. 1. Д. 103. Л. 34—35. В акт включены свидетельства С. Ярошевского и бывших советских военнопленных Н.К. Сафонова, К.А. Казаринова. Последний, в частности, рассказал, что в городе Явожно был и обособленный лагерь английских военнопленных, эвакуированных немецким командованием в глубь Германии за два месяца до прихода Красной армии.

28 января члену Военного совета и начальнику Политотдела 59-й армии, а также начальнику Политотдела 115-го стрелкового корпуса политдонесение, в котором писал: *«При освобождении города ЯВОЖНО на шоссе на дороге, ведущей на ДОМБРОВА, был обнаружен немецкий концентрационный лагерь, в котором фашисты содержали военнопленных русских, французов, чехословаков, евреев. Установлено, что лагерь этот организован в 1942 году и в нем периодически содержалось от 3-х до 4-х тысяч заключенных. При отступлении немцы лагерь эвакуировали, в нем было оставлено около 300 человек больных, которые в период боя разбежались, а затем перешли в освобожденные села. При осмотре в подвалах зданий и на территории было обнаружено большое количество трупов. Мною создана комиссия по расследованию немецко-фашистских злодеяний, которая в результате своей работы составила акт, который я Вам высылал раньше»*¹.

Около 3 часов дня 27 января 100-я стрелковая дивизия генерала Ф.М. Красавина² освободила Аушвиц и Биркенау³. Одним из первых и в город, и в лагерь ворвался штурмовой отряд 106-го стрелкового корпуса под командованием майора Анатолия Шапиро⁴. Это

¹ ЦАМО. Ф. 1584. Оп. 1. Д. 103. Л. 26—27.

² Начальник штаба полка полковник Дегтярев.

³ В донесении Гришаева Яшечкину от 27 января 1945 г. говорится об освобождении и Аушвица, и Биркенау; в этом донесении, при всей путаности и фантастичности некоторых его данных, сообщенных узниками, действительно упоминаются признаки обоих лагерей (ЦАМО. Ф. 60-й армии. Оп. 10597. Д. 151. Л. 82—83). Однако, по другим сведениям, Биркенау освободили только назавтра, 28 января. См.: Журнал боевых действий 286-й стрелковой Ленинградской Краснознаменной дивизии (ЦАМО. Ф. 1584. Оп. 1. Д. 52. Л. 3об.)

⁴ Шапиро Анатолий Павлович (1913, Константиноград Полтавской губ. — ок. 2005, США) — в 2006 г. президент Украины В. Ющенко присвоил ему посмертно звание Героя Украины с вручением ордена «Золотая Звезда».

его отряд разминировал подступы к лагерю, после чего майор Шапиро лично открыл ворота лагеря Аушвиц-1 и участвовал в подавлении сопротивления СС¹.

В этот день Совинформбюро сообщило: «*Войска 1-го УКРАИНСКОГО фронта, продолжая наступление, 27 января овладели городами СОСНОВЕЦ, БЕНДЗИН, ДОМБРОВА ГУРНЕ, ЧЕЛЯДЗЬ и МЫСЛОВИЦЕ — крупными центрами Домбровского угольного района, а также с боями заняли на территории Польши города КОБЫЛИН, БОЯНОВО, ОСВЕНЦИМ и на территории Германии города ВОЛАУ, ДИХЕРНФУРТ, ОБЕРНИГК*»².

Из аушвицких лагерей это было справедливо и для самого Аушвиц-1. Но лагерь Биркенау был освобожден только завтра, 28 января, — 107-й стрелковой дивизией под командованием полковника В.Я. Петренко, который накануне уже успел побывать «с экскурсией» у Красавина, в Аушвице-1.

Тогда же и, по-видимому, там же, в Аушвице-1, был составлен и следующий акт³:

АКТ

1945 года 27 января

Мы, нижеподписавшиеся майор ЧЕЛЯДИН Иван Петрович, капитан ТОМОВ Ф.П., ст.сержант РОССОЛОВ Георгий Петрович, ефрейтор ВАСИЛЕНКО Андрей Юрьевич, врач лагеря (из заключенных) АУШВИЦ ШТЕЙНБЕРГ Самуил Юльевич, врач ГОРДОН Яков Абрамович, врач ВОЛЬМА Яков Абрамович, доцент медицинских наук КАПУСТИНСКИЙ Станислав Ансельмович, профессор ЭПШТЕЙН Бергольд Вильгельмович (чехословак из Праги), учетчик лагеря

¹ В боях за освобождение концлагеря и его филиалов погиб 231 красноармеец (Czech, 1989. S. 994—995).

² См. на сайте «Наша победа», подготовленном РИА «Новости» — <http://9may.ru/27.01.1945/inform/m2931>

³ ЦАМО. Ф. 1584. Оп. 1. Д. 103. Л. 20—21.

ФОЛЬКЕНШТЕЙН Гуго Иосифович, составили настоящий акт о чудовищных зверствах немецко-фашистских извергов в концентрационном лагере Аушвиц, расположенном 57 км западнее города Кракова. Концентрационный лагерь «Аушвиц» создан 15 июня 1940 года. На протяжении существования лагеря уничтожено от 4,5 до 5 миллионов человек. В большинстве уничтожались евреи всех оккупированных стран, русские военнопленные и угнанные на работу в Германию поляки, чехословаки, французы, бельгийцы, голландцы, цыгане и др. В лагерь привозились люди под видом использования на земледельческих работах, но по прибытии эшелонов людей сформировывали, молодых мужчин физически здоровых, а также и женщин (совершенно ничтожное количество) посылали на работу, всех остальных мужчин, женщин и детей грузили на автомашины и везли их сразу на уничтожение в специально созданных подвалах, загоняя туда людей под предлогом санобработки, для чего раздевали, герметически закупоривали подвалы, которых было в лагере 5, вместимостью 2000—3000 человек каждый, выкачивали воздух, а потом бросали через специальное отверстие в потолке газовые бомбы, начиненные синильной кислотой, от которой находившиеся люди в подвале через несколько минут погибали. После этого погибших сжигали в крематориях, коих было также пять, пропускной мощностью 2500—3000 чел. в сутки каждый, причем, не успевая сжигать в крематориях, фашистские звери производили сжигание в специально вырытых канавах, детей же бросали живыми в ров или в печь и сжигали. Те же люди, которые оставались в лагере при поступлении в таковой, на руке у каждого татуировался очередной номер, таких номеров было за все время существования лагеря 253 700 мужчин и около 70 000 женщин. Но и те, которые оставались на работах, подвергались своеобразным изысканиям средств быстрого уничтожения. Во-первых, уничтожались путем голода, путем непосильной человеческой работы, разных

методов пыток; лишения воды, избивания палками, прикладами, лопатой и т.п., бытовые условия были поставлены так, чтобы человек погиб — зашивленность, нехватка воды для мытья посуды, что приводило к эпидемическим заболеваниям (сыпной и брюшной тиф и дизентерия). Однако заболевших не лечили, а отбирали и уничтожали газом, впрыскиванием карболовой кислоты в сердце и физическим удушением. Кроме того в лагере расстреливали, особенно в 11 блоке — политических заключенных, в большинстве поляков. В лагере также существовала своеобразная лаборатория опытов по стерилизации, кастрации, преследуя своей основной целью лишения славянского и вообще побежденных народов давать потомство. Кроме того, проводились опыты действия медикаментов, определения их смертельной дозы. Из числа 253 700 мужчин и 70 000 женщин, которые работали на разных работах, оставались в живых 27.1.45 48 342 заключенных мужчин, 16 403 женщин. В лагере находилось 16 000 военнопленных русских — осталось всего лишь 96 человек живых. Характерно то, что к пленным применялись особенно изысканные фашистские жестокие средства уничтожения, пыток. В первую очередь уничтожался офицерский состав и имеющие специальность учителя, врача, журналиста, инженера и другие. А всего на день вступления Красной Армии в лагере осталось 4800 человек больных и частично работавших в лагере заключенных и обслуживающий персонал — остались только благодаря тому, что немецко-фашистские захватчики в связи со стремительным наступлением Красной Армии не успели вывезти, а также уничтожить.

[Подписи:]

п/п Майор — Челядин И.П.

Капитан — Томов Ф.И.

Ст. сержант — Россолов Г.П.

Ефрейтор — Василенко

Врач лагеря — Штейнберг С.Ю.

Врач Гордон Я.А.

Врач Вольма Я.А.

Доцент мед. наук Капустинский С.А.

Профессор Эпштейн Б.В.

Учетчик лагеря Фолькеништейн Г.И.

Позднейшее обобщение показало, что в момент освобождения на территории концлагеря и его филиалов было обнаружено около 650 трупов узников, в основном женщин, или умерших от истощения, или расстрелянных эсэсовцами перед уходом. Дожили же до освобождения около 9 тысяч человек, из них 7 тысяч — в трех главных лагерях — Моновице, Биркенау и Аушвице¹.

А вот как то же самое выглядело глазами первого советского коменданта Аушвица-Освенцима Григория Давидовича Елисаветинского. Спустя неделю, 4 февраля, он описал жене то, с чем столкнулся:

«Моя Любушка, Ненуся!

Вот уже три дня как я тебе опять не мог написать. Но на этот раз причины необычные. Мало того, что мы в движении, так то, что я пережил за последние три дня, не поддается никакому описанию. За три с половиной года войны я видел много ужасов и кошмаров, но то, что я лично видел в Освенциме, этого нельзя было себе представить даже при самой невероятной фантазии. Представь себе город, вокруг которого устроено 9 лагерей, в которых в среднем 60—80 тыс. народа со всех стран мира. Но туда достаточно зайти, не только там быть, и увидеть этих людей, чтобы лишиться рассудка. Здесь было четыре печи (крематории), в которых ежедневно сжигали по 15—25 тыс. человек. В дни наибольшей нагрузки, когда не успевали в печах сжигать людей, их сжигали в таких специальных цементных ямах, куда людей бросали живыми. В этих ямах сжигали по 15 тыс. человек. Людей привозили сюда, якобы для санобработки, раздевали и вводили в такие под-

¹ Czech, 1989. S. 995.

валы, расположенные над печами, там все было устроено, как в душевой. Когда же подвал заполнялся от 1500 до 2500 чел., закрывалась дверь, и туда пускали газы. Через 10—15 мин. умерщвленных людей подавали наверх, где и сжигали в печах. При этом эти изверги рода человеческого заставляли сжигать свои жертвы из числа обреченных на смерть. Больше того — отца заставляли сжигать своих детей; сына — родителей, а потом и самих исполнителей сжигали. Еще сейчас там картина потрясающая. Везде валяется столько трупов, что я тебе передать не могу. Входил в барак, где лежит в ряд 400 живых трупов. Эти люди лежат несколько дней, и никто к ним даже не входил. Никто им не давал ни есть, ни пить, и они лежали и ждали своей мучительной кончины. Можешь себе представить, какой вой они подняли, увидев живых людей, в которых они сразу почувствовали своих спасителей. Сейчас развернут там госпиталь (наш), куда уже свезли 4000 чел., но это только капля в море. А если бы ты видела, что делалось с людьми, когда они увидели хлеб, они ноги целовали, они выли (буквально выли, а не плакали), как безумные. В лагере имеется детский барак. Когда мы зашли туда, мои нервы больше не выдержали, у меня сперло дыхание, и слезы меня начали душить. Туда свезли еврейских детей разных возрастов (близнецов). На них, как на кроликах, производили какие-то эксперименты. Я видел парня лет 14, которому с какой-то «научной» целью впрыснули в вену керосин. Потом у него вырезали кусок тела и послали в Берлин в лабораторию, ему же вставили другой кусок тела. Сейчас он лежит в госпитале весь в глубоких гниющих язвах, и ничего с ним сделать нельзя. По лагерю ходит красавица-девушка, молодая, но умалишенная. Я вообще поражаюсь, как эти люди, которых мы видели, не сошли с ума все. Да, если до сих пор мы освободили лагерь смерти, то Освенцим можно по праву назвать «Главное назначение лагерей — массовое истребление людей, в первую очередь евреев, свозимых со всей Европы... Евреи уничтожены полностью. Город поголовного массо-

вого истребления невинного народа». До 15 миллионов чел. они здесь истребили.

Ненуся, родуночная моя! Может, я не должен был тебе писать этого, но поверь, я не могу не поделиться с тобой. Четвертый день, как не ем, спать не могу. Я даже смеяться перестал. Я серьезно заболел. Как жаль, что я не обладаю даром слова и не владею пером. А то бы я все то, что видел, описал бы в печати, чтобы все читали, чтобы все знали, что такое немец, ибо до сих пор мы еще, оказывается, по-настоящему не изучили этих двуногих зверей. Теперь я только убедился, как бледно описывают в печати наши репортеры все ужасы и кошмары, чинимые немецкими зверями. Ведь если описать простыми словами то, что я видел, так люди бы, читая, рыдали»¹.

Обратите внимание на то, что узники лагеря смерти и их освободители пользуются еще немецкими топонимами (Аушвиц, Биркенау), а советский комендант — уже польскими! Отныне на польские — Освенцим и Бжезинка — предстояло переучиваться всем!

28 января Гришаев докладывал Яшечкину, что в Освенциме и его филиалах осталось несколько тысяч узников из всех стран Европы: *«Все крайне истощены, плачут, благодарят Красную Армию. Люди — многих национальностей, но евреев не встречал. Узники говорят, что все они были уничтожены. <...> Картина страшная по своей трагичности»².*

---

¹ Сохрани мои письма... Сборник писем и дневников евреев периода Великой отечественной войны. М., 2007. С. 299.

² *Документы обвиняют...*, 1996. С. 113—114. Со ссылкой на: ЦАМО. Ф. 60-й армии. Оп. 10597. Д. 151. Л. 85. Последняя переключка, проведенная 17.01.1945 в трех Аушвицких концлагерях и их филиалах, дала следующий результат (чел.): Аушвиц-1 — 10 030, Аушвиц-2 — 11 576 и Аушвиц-3 — 33 045, всего 54 651 чел., в т.ч. 96 советских военнопленных (Kraus O., Kulka E. *Die Todesfabrik Auschwitz. Berlin*, 1991. S. 370—371).

С каждым днем тон донесений становился тверже.

На следующий день, 29 января: «Специальной комиссией установлены ужасные злодеяния немецких извергов в лагере Освенцим, которые превосходят все известные нам зверства. По показаниям освобожденных, за 4,5 года уничтожено до 4,5 миллионов человек. Бывали дни, когда уничтожалось по 25—30 тысяч человек, в первую очередь евреи из всех стран Европы. Перед приходом Красной Армии примерно 8 тысяч заключенных вывезено в Германию. Печи немцы взорвали, пепел развеяли по полям, ямы с сожженными трупами заровняли»¹.

А донесение от 30 января имело даже подзаголовок «Об освенцимском концлагере»:

«В радиусе 20—30 километров на территории Домбровского угольного района имеется 18 филиалов концлагеря. Каждый — до 10 квадратных километров. В лагере — до 80 бараков. Барак — на 200—300 узников. Главное назначение лагерей — массовое истребление людей, в первую очередь евреев, свозимых со всей Европы. Узники — даровая рабочая сила на шахтах и заводах синтетического горючего. За 4,5 года в этих лагерях уничтожено 4,5 миллионов человек. Бывали дни, когда прибывало 8—10 эшелонов с заключенными. 5—10% здоровых, годных для тяжелых работ, оставляли, остальных — уничтожали. 4 крематория имели по 10 камер для удушения людей газом и до 30 печей для сжигания трупов. Каждая камера вмещала до 600 человек. Крематории не справлялись с сжиганием трупов, и часть их сжигали в ямах 40×40 метров, обливая горючим.

Одновременно в лагере было 25—30 тысяч человек. Режим быстро приводил к истощению, обрекая узников на смерть. Работали по 12 и более часов. Избиения, пытки, издевательства, расстрел на каждом шагу. В лагере Освенцим освобождено 2 тысячи узников, в Бжезин-

---

¹ Документы обвиняют..., 1996. С. 114. Со ссылкой на: ЦАМО. Ф. 60-й армии. Оп. 10597. Д. 151. Л. 201—202.

ке 2,5 тысячи, в других по 500—800 человек. Евреи уничтожены полностью. 40% так истощены, что не могут двигаться. Их совсем не кормили уже несколько дней»¹.

Точные детали здесь перемешались с неточными, но представление о том, чем являлись Аушвиц-Освенцим и Биркенау-Бжезинка на самом деле и какую «роль» во всем этом играли евреи, на уровне политотдела армии и даже фронта было совершенно реалистичным: *«Главное назначение лагерей — массовое истребление людей, в первую очередь евреев, свозимых со всей Европы... Евреи уничтожены полностью»*.

Вот выводы Ф. Пипера, признаваемые большинством: около 90% главных изделий этого конвейера смерти — человеческих трупов и пепла — пришлось на евреев: в абсолютном измерении, по оценкам серьезных ученых, это составляет 900—960 тысяч жертв из общего числа в 1,0—1,1 миллиона.

Освенцим и Бжезинка — евреев не стало еще раз

От Яшечкина сообщения об Освенциме ушли в ГлавПУРККА, а 9 февраля 1945 года заместитель начальника Главного политического управления РККА Шикин доложил в ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрову содержание этих донесений об освобождении Освенцима.

Вот это письмо:

«ЦК ВКП (б)

Тов. АЛЕКСАНДРОВУ Г.Ф.

Начальник Политуправления 1-го Украинского фронта генерал-майор тов. Яшечкин донес ГлавПУРККА следующее:

---

¹ *Документы обвиняют...*, 1996. С. 115—116. Со ссылкой на: ЦАМО. Ф. 60-й армии. Оп. 10597. Д. 151. Л. 165—171.

1. *Немецкий концентрационный лагерь в Освенциме состоял из 22 филиалов, размещавшихся вокруг города. В лагере имелось до 80 бараков, в каждом из них содержалось 300—400 человек. Главное назначение лагеря — массовое истребление людей, свозимых со всех оккупированных немцами стран Европы.*

Француз офицер армии де Голля, находящийся и сейчас в Освенциме, капитан Лeko Морис, бывший заключенный, имевший лагерный порядковый номер 185 930, заявил: “Я видел своим глазами прибывающие в лагерь транспорты с людьми. Царивший в лагере внешний порядок и музыка вначале обманывали людей. Однако сильный трупный запах и быстрая молчаливая сортировка прибывавшим внушали тревогу. Обреченные на казнь уже больше не видели друг друга. Я никогда не забуду эти страшные дни в моей жизни”.

Хирург Штейнберг, француз, который провел в Освенцимском лагере три года, сказал: “Лагерь в Освенциме страшнее лагеря в Майданеке, он раньше отстроен и дольше существовал. В нем впервые немцы применили новые средства уничтожения людей”.

Адам Курилович, бывший председатель профсоюза железнодорожников Польши, находившийся в лагере с 26 июня 1941 года, лично знавший многих заключенных, рассказал: “С первых же дней я понял, что лагерь создан для истребления людей. Орудия истребления были тогда самые примитивные. Конвоиры, сопровождавшие нас на работу во время рытья земли, ударяли заключенного лопатой по голове, человек падал. Немец поворачивал его, ставил лопату на горло и нажимал на нее ногой. Ослабевших людей стлкнували в канавы, где они гибли.

15 сентября 1941 г. для испытания только что построенной газовой камеры загнали в нее 80 русских и 600 поляков. Все они были умерщвлены в течение трех дней. Мы выносили и взрывали их трупы, так как кремационных печей в то время не было. Заключенных расстреливали ежедневно. Лагерный палач немец Лалич хвастался, что он расстреливал за день 280—300 человек”.

Венгерский ученый профессор Мансфельд, заключенный в лагерь за участие в международном физиологическом конгрессе в Москве и спасенный нашими войсками, заявил: «С начала 1942 года немцы стали практиковать впрыскивание раствора карболовой кислоты в вены, затем в аорты и наконец в сердце. Человека с завязанными глазами усаживали в кресло и вонзали шприц между ребер в сердце. Смерть наступала мгновенно. Однажды таким способом сразу было убито 140 подростков-поляков. Палачи исследовали на заключенных различные способы умерщвления. На моих глазах одному больному впрыскивали в ногу керосин, а потом отрезали куски тела для исследования изменений, происходящих в тканях. На заключенных применялись также различные способы стерилизации людей».

Умерщвление людей при помощи газовых камер было признано немцами самым рентабельным. В 1942 г. в лагере № 2 Бжезилька¹ были пущены 4 газовых камеры и 8 крематориев, по пятнадцати печей. К началу 1943 г. подвели железнодорожную ветку, по которой ежедневно подавались эшелоны смертников. Истребление людей проводилось круглосуточно. 3 тысячи штатных палачей работали под звуки оркестра, заглушавшие предсмертные вопли жертв. Всего сожжено в печах, на кострах, замучено и расстреляно более 4 миллионов человек.

27 января войска армии, где начальником политотдела тов. Гришаев, освободили несколько тысяч заключенных, которых гитлеровцы не успели угнать в глубь Германии. В числе освобожденных белорусская женщина из колхоза «Затишье» Верняк Мария Николаевна, сосланная сюда вместе с дочерью за помощь партизанам; украинка Дьяченко Ольга, бывшая студентка Харьковского химтехникума, пытавшаяся убежать с германской каторги; чешка Скалова Анастасия, схваченная гестаповцами в селении Лидице вблизи Праги, югославка Коваль Фаня, арестованная за уча-

¹ Так в тексте.

стие сыновей в партизанском отряде; французенка Мотте Маддена; итальянка Матеуси и многие другие. Среди освобожденных около 3.000 больных и истощенных людей, не способных самостоятельно передвигаться и которых администрация лагеря не успела уничтожить.

Больные лежали в комнатах-казематах на трехэтажных нарах, тесными рядами. В последние дни их совсем не кормили. Сейчас больные и истощенные размещены просторнее. Им оказывается медицинская помощь и организовано питание¹.

<...>

Заместитель начальника Главного политического управления Красной Армии ШИКИН»².

Как видим, события, напрямую касавшиеся почти исключительно евреев, в донесении упоминаются, а вот сами евреи — ни разу! Интересно, на каком из этажей сконструировали эту «заглушку» — на уровне армии или на уровне ГлавПУРККА?

Мало того — бумага стерпела еще и не то! 22 апреля 1945 года инструктор капитан Рыбаковский опросил несколько узников концлагеря Аушвиц, находившихся на пересыльном пункте в Кракове. В донесении, poslanном начальнику отделения по работе среди польского населения, он привел следующее «свидетельство» инженера-строителя из Киева Н.А. Курского³: «Акт

---

¹ В самом Освенциме был развернут Терапевтический полевой подвижной госпиталь № 2692 (см. в главе «Свитки из пепла...» в настоящем издании).

² РГАСПИ. Ф.17. Оп. 125. Д. 323. Л. 1—5. За № 257200 с пометой: «В архив. 8/III».

³ Лагерный номер 183830. В Биркенау Николай Курский попал из Майданека 13 апреля 1944 г. Он зафиксирован в документации Института Гигиены СС в Аушвице среди лиц с диагнозом «подозрение на туберкулез дыхательных путей» за 8, 18 и 20 сентября 1944 г. (АРМАВ. Segr. 48. SS.1387; Segr.49. S. 754; Segr. 50. S. 677).

отравления газом и сожжения трупов до VIII м[еся]ца 1944 г. производили евреи, которые знали хорошо немецкий язык и надеялись стать впоследствии немцами. С VIII м[еся]ца, когда Красная армия перешагнула польскую границу, евреи все были сожжены, а их место заняли поляки, которые приспособливались к немцам и очень сильно тиранили русских, украинцев и вообще граждан СССР, не скрывая, что они ненавидят русских за отнятые у Польши Зап. Украину и Зап. Белоруссию»¹.

Отчеты, сделанные своими по освобождении филиалов Аушвица и самого Аушвица в конце января 1945 года, мало что добавили к этой картине. Относительно числа жертв разные донесения давали разные цифры — от 400 тыс. до 4—4,5 млн. жертв².

Примечательно, что уже в этом отчете не было ни малейшего намека на еврейство, как, впрочем, и указаний на советских военнопленных.

Тем более не было их в более поздних документах. Так, в заключении госсоветника юстиции Д.И. Кудрявцева, эксперта и представителя ЧГК на процессе над военными преступниками — служебным персоналом КЛ «Освенцим», представленном Верховному трибуналу ПНР 13 декабря 1947 года, слово «еврей» вообще *ни разу* не прозвучало. Более того, очевидные случаи преступлений, совершенных против греческих евреев, например, характеризуются в его заключении как преступления против греков³.

Желание вытравить этнический компонент из всего того, что происходило в Аушвице, более чем очевидно.

¹ ГАРФ. Ф.Р-7021. Оп. 108. Д. 26. Л. 4.

² *Документы обвиняют...*, 1996. С. 111—116. Различные отчеты начальника политотдела 60-й армии, освобождавшей Освенцим. См. их сводку в: *Полян П.М. Первые советские оценки численности жертв лагеря смерти Аушвиц // Отрицание отрицания...*, 2008. С. 359—382.

³ ГАРФ. Ф.Р-7021. Оп. 108. Д. 38.

Заключительным аккордом стало сообщение ЧГК «О чудовищных преступлениях германского правительства в Освенциме», опубликованное в «Красной звезде» накануне Дня Победы — 8 мая 1945 года. В нем говорится, что *«...за время существования Освенцимского лагеря немецкие палачи уничтожили в нем не менее 4 миллионов граждан СССР, Польши, Франции, Югославии, Чехословакии, Румынии, Венгрии, Болгарии, Голландии, Бельгии и других стран»*.

Если немецкие нацисты изводили «Циклоном Б» именно еврейскую расу и упивались именно еврейской кровью, то интернационалисты-большевики главпуровской перекисью постарались вытравить именно этническую составляющую чудовищного преступления, совершавшегося в Аушвице или в Бабьем Яру.

Подумать только — Шoa мирных советских граждан!
Еврейская катастрофа — и без евреев!

1950—2015|| «КАК ЗАКАЛЯЛАСЬ ЛОЖЬ»: ИСТОРИОГРАФИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ В КРИВЫХ ЗЕРКАЛАХ ГЛАВПУРОВСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

Уже разрешаем или еще рано?..
Из обрывка разговора в Главлите

Преступление без покаяния: Россия в поисках примирения со своей историей

Прежде чем попробовать разобраться с тем, что я так рискованно вынес в заглавие, необходимо сделать несколько важных оговорок.

Оговорка первая: что такое, применительно к государству, преступление? Это те элементы его внутренней или международной государственной политики, которые противоречат, идут вразрез с международным правом и другими общепринятыми «правилами игры», зафиксированными в фундаментальных хартиях, как, например, «Декларация прав человека» или Устав ООН. При этом, разумеется, мы отдаем себе отчет в том, что в одном и том же государстве в одно и то же время может быть не один, а несколько центров принятия властных решений и, соответственно, несколько нетождественных политик.

Мировая история наполнена и переполнена чудовищными преступлениями одних государств против других, а также их преступлениями против своих или чужих граждан. Достаточно упомянуть массовую работорговлю, оттоманский геноцид армян и греков, гитлеровский геноцид евреев и цыган или советскую насильственную коллективизацию.

Оговорка вторая: что такое, применительно к государству, покаяние? Это, полагаем, процесс осознания

государством той или иной собственной прошлой политики как несправедливой и преступной, нуждающейся в переосмыслении, произнесении вслух, покаянии, а в ряде случаев и в материальной компенсации жертвам этой политики. То есть возвращение (чаще всего запоздалое) к историзму как критерию истины и выработке соответствующей ответственной политики.

Оговорка третья: что такое Россия? Под ней я понимаю государственное тело, обладающее отчетливой внутренней преемственностью — несмотря на всю изменчивость, территориальную или институциональную, будь то монархия, советская республика, партokratическая диктатура или межрегиональная федерация, какой она номинально является сейчас. Не политические партии, не главенствующие этнические или конфессиональные группы, не выдающиеся мыслители, поэты или политики, — а именно российская государственность как субъект российской государственной политики.

По своему историко-географическому генезису Россия — ярко выраженная сухопутная империя, устроенная (в терминологии В.П. Семенова-Тян-Шанского¹) по принципу континентальной «империи от моря до моря» — самого прочного, как он полагал, типа империи. Но вот что интересно: дореволюционная история модернизации российского ядра и колонизации ее окраин — довольно-таки жесткая, заметим, история — фактически сошла России с рук и не породила сколь-либо серьезных исторических обвинений в ее адрес.

Едва ли не единственное исключение — аналитическая критика (впрочем, тоже весьма умеренная и точечная) российского государственного антисемитизма с такими его прелестями, как черта осёдлости, процент-

---

¹ Семенов-Тян-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России. // Изв. Русского Географического Общества. Спб., 1915. Т. 51. Вып. 1. С. 425—458.

ные нормы и погромы, отрицать которые никому в Российской империи в голову не приходило.

А вот в Турецкой Республике, в точности так же, как и в самой Османской империи, никому и в голову не приходило признать этноцид армян и греков. И сейчас, спустя целое столетие, не приходит! «Праведный гнев» турецких начальников в адрес организаций и государств, склоняющихся к штучному признанию этого факта, — политическая константа.

Что-то похожее можно встретить и в Японии, крайне неохотно соглашающейся обсуждать аналогичные проблемы собственной истории (депортации корейцев и китайцев, принудительный труд и принудительная проституция).

А вот история становления куда более демократической империи США породила целое море исторических упреков (а в последние десятилетия и исков) со стороны двух системообразующих групп населения США. Первая — это потомки тех автохтонных племен индейцев, чьи естественные права в процессе колонизации оказались грубо попранными, а вторая — потомки тех чернокожих негров-рабов, которых миллионами вывозили сюда из Африки на протяжении XVIII—XIX вв. Впрочем, претензии были и есть и у американских японцев, отчасти депортированных с Тихоокеанского побережья в глубь страны в 1941 году.

В то же время о советском периоде истории России, добавившем к ее историческому образу так много новых красок и, особенно, категорий жертв, уже не скажешь, что он ей «сошел с рук». Практически весь он насыщен тем, что я выше обозначил как преступления государства (не преступления против государства, а преступления самого государства — против своих граждан, против международного права и т.д.). Революция, Гражданская война, военный коммунизм, диктатура пролетариата — все это зиждилось на попрании внутренних конституционных норм и прав личности.

Все это, конечно, имело свои корни в историческом прошлом царской России, но нельзя тут не отметить своеобразной российской «умеренности». Излюбленными и самыми крайними репрессивными мерами российского государства против своих нелояльных граждан были принудительные миграции — по суду (ссылки) или же без оного (депортации), благо пространство, климат и экономические потребности очень уж к этому располагали.

Крайней степенью того же антисемитизма в России, — причем антисемитизма не чисто государственного, а приватизированного энтузиастами-черносотенцами, — стал все-таки Кишинев, а не Бабий Яр.

Среди уничтоженных советской властью в годы Большого Террора — сотни тысяч «врагов народа», но сколь бы то ни было единого социального или иного контингента они все же не составляли. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть в расстрельные или эшелонные списки: репрессиям подвергалась фактически **вся** страна, **все** слои населения, и именно в этом заключалась их систематичность и, если хотите, их системность.

Такой меры, как геноцид части населения, тотальное физическое уничтожение тех или иных его категорий, советская Россия почти не знала.

Почему почти? На мой взгляд, было всего лишь два отчетливых контингента физических лиц, применительно к которым со всей строгостью можно говорить о геноциде со стороны советской России. Более корректно, по-видимому, было бы говорить о **стратоциде**, под которым понимается систематическое уничтожение тех или иных страт (четко отграниченных контингентов) силами государственных органов — военных или полицейских.

Первый контингент — это царская семья Романовых — император с семьей, убиенные в 1918 году как в Ипатьевском доме в Екатеринбурге, так и в других местах. Второй — около 15 тысяч польских офицеров, расстрелянных в марте-апреле 1940 года в Катыни Смо-

ленской области, в Медном Тверской и в Старобельске Харьковской¹.

Охотников отрицать или хотя бы оправдывать эти убийства сегодня уже не просто найти (хотя в случае поляков они иногда и находятся), но палачи известны, и суд истории над ними, считай, состоялся.

Оба преступления, кстати, объединяет то, что они были совершены во время войн (Гражданской и Второй мировой), в видах или накануне боевых действий и оба — на территориях, со временем и неожиданно для палачей завоеванных неприятелем, что неминуемо способствовало скорейшему их разоблачению.

Трудные пути правды: архивы и публикации

Лучше всего, как оказалось, государственную тайну о государственном прошлом хранят режимные государственные архивы, но и им когда-то неминуемо приходится раскрывать свои тайники, изображая при этом подчас деланое удивление: ну надо же — пакт Молотова-Риббентропа!? И Катынский расстрел — ну кто бы мог подумать?

Рассмотрим в этой связи некоторые историографические процессы послевоенной поры, сосредоточившись, главным образом, на событиях, связанных с научным изучением или художественным преломлением в СССР и постсоветской России событий Второй мировой войны.

В 1995 году, в контексте празднования 50-летия Победы, в Москве состоялась выставка под названием «Трудные пути правды. Великая Отечественная война в книгах и документах 1950—1980-х гг.», инициаторами которой выступили Государственная публичная историческая библиотека России (ГПИБ) и Российский государственный ар-

---

¹ Кроме военнопленных было расстреляно еще около 7 тыс. гражданских поляков различного социального статуса.

хив новейшей истории (РГАНИ). Она была посвящена процессу научного изучения и художественного осмысления войны в первые послевоенные десятилетия. Ценно в нашем контексте, что она охватила все этапы советско-российской историографии.

Да, только очень наивный мог бы полагать, что это был сугубо академический процесс с вежливым выслушиванием друг друга и с соревновательностью аргументации. Дискуссии, впрочем, отчасти велись, но на цензурной или предцензурной стадии, то есть еще до выхода тех или иных произведений в свет. Если же произведения все же «проскочили» или «просочились» в печать (излюбленные выражения их будущих «критиков»), то соответствующая дискуссия **после** чаще всего превращалась в разнузданную травлю, в погром.

Примечательно, что большинство экспонированных на выставке документов было выявлено и рассекречено непосредственно в связи с ее подготовкой, то есть в середине 1990-х гг. Как примечательно и то, что аннотированный каталог выставки был опубликован только в 2000 году и тиражом всего в 200 экземпляров¹.

Интересен жанрово-тематический расклад «окрасок» представленных в каталоге выставки групп документов. Оказывается, что больше всего проблем возникало не с литературой и искусством, как можно было бы ожидать, а с **историей**. Так, историческим трудам и публикациям архивных документов посвящено 39 случаев из 94, еще 13 пришлось на мемуары и дневники и 4 на архивное дело. В то время как на художественные произведения и органы печати пришлось 18 таких случаев², на

¹ *Трудные пути правды...*, 2000.

² Интересно, что излюбленной критической мишенью армейских консерваторов оказался все же не А.Т. Твардовский, а К.М. Симонов: где бы он ни работал — в «Литературной газете» ли или в «Новом мире» — на него как на главного редактора этих изданий всегда находились охотники написать более или менее разнузданный донос.

вопросы киноискусства — 10, а монументальной пропаганды, музыки и живописи — 7.

Выставка — и каталог — полностью оправдывали свое название: путь к правде был, как правило, усеян такими преградами и препонами, что преодолеть их мало кому было по силам.

Надо сказать, что проблематика ВОВ является отличным полигоном как общего направления идеологического курса страны, так и его нюансов колебаний. Для советских публикаций о войне характерен своеобразный пуризм (или, точнее, главпуризм). Сюда относятся догматизм, безапелляционность и бездискуссионность, приверженность к круглым юбилейным датам и толпообразным коллективам, узость источниковой базы (в условиях недоступности архивов), отсутствие научного аппарата и, нередко, научная недобросовестность, вплоть до фальсификации данных во имя получения желательного результата или хотя бы впечатления.

Анализ соответствующей историографии, выполненный учеными из Института научной информации по общественным наукам АН СССР (ИНИОН), позволил им не столько выделять основные этапы исторического освоения этой темы, сколько раскрыть их подлинное содержание¹.

Сами по себе эти этапы практически полностью соответствуют периодам генерального секретарства (а начиная с 1990 года — президентства) разных советских и постсоветских вождей. «Сталинский» период сменился «хрущевским», «хрущевский» — «брежневским» (он, правда, вобрал в себя и недолгие месяцы правления Черненко и Андропова), «брежневский» — «горбачевским», «горбачевский» — «ельцинским», а «ельцинский» — «путинским» (или, точнее, «путинско-медведевским»).

---

¹ Великая Отечественная война (Историография). Сборник обзоров. / Ред.: Месяцев Н.Н., Шевырин В.М. // М.: ИНИОН, 1995. 200 с. (400 экз.).

Этапы сталинский, хрущевский и брежневский

Первый — от 1945 до 1956 г. — «сталинский» этап был отмечен печатью служения культу Сталина как военного гения и стратега. Созданные еще во время войны коллективы — Комиссия АН СССР по составлению хроники войны, военно-исторический сектор при Институте истории СССР, аналогичные исторические подразделения при Генштабе, ГЛАВПУРЕ (см. ниже), при штабах видов вооруженных сил и родов войск. Их усилиями были подготовлены сотни сборников документов по оперативному искусству, выпускавшихся Воениздатом, но даже они выпускались с грифом «секретно». Тематика советских военнопленных при этом не ставилась и не изучалась.

Второй этап — «хрущевский» (1956—1964): место большого и разоблаченного культа Сталина заняли выпячивание роли партии в войне и маленький культ Хрущева. Именно в эти годы работала Комиссия маршала Жукова, многое сделавшая для реабилитации советских военнопленных (1955—1956), был основан «Военно-исторический журнал» (1959), готовилась и вышла в свет 6-томная «История Великой Отечественной войны» (1960—1965), а также капитальный труд по истории обороны Ленинграда¹.

Историков, как и сейчас, занимала тогда ситуация с архивными документами и доступом к ним. Так, 3 января 1956 года докторант Высшей военной академии им. К.Е. Ворошилова капитан I ранга Н.Н. Мильграм обратился к 1-му секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву с письмом о необходимости рассекречивания архивных документов о начальном этапе ВОВ. Судя по всему, письмо попало в точку, так как вскоре, уже 7 февраля,

---

¹ Барбашин И.П., Кузнецов А.И. и др. Битва за Ленинград. 1941—1944. М., 1964.

было принято Решение ЦК КПСС «О мерах по упорядочению режима хранения и лучшему использованию архивных материалов министерств и ведомств» как отвечающее на поставленный Н.Н. Мильграмом вопрос¹.

Пример капитана Мильграма оказался заразительным, и в апреле 1959 года в связи с подготовкой шеститомной «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза: 1941—1945» в ЦК с проектом директивы о снятии с секретного хранения и разрешении публикации в открытой печати документов по истории ВОВ обратились уже маршалы СССР — военный министр Р.Я. Малиновский и В.Д. Соколовский. Для работы по этому письму была создана специальная комиссия, результатом деятельности которой стало Постановление Секретариата ЦК КПСС № Ст-115/5с от 11 августа 1959 года, в котором одобрялась постановка вопроса(!), но само его решение переносилось до выхода 6-томника в свет. При этом секретный режим оперативных материалов уровня Ставки Верховного Главнокомандования, фронтов, флотов, групп фронтов и видов вооруженных сил оставлен без изменения, а «право первой ночи» в пользовании документами, которые, может быть, потом рассекретят, предоставлялось только «своим» — членам редколлегии издания, а также сотрудникам Отдела истории ВОВ при Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Военно-

¹ *Трудные пути правды...*, 2000. С. 23—24. Со ссылкой на: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 47. Д. 112. Л. 1—8. К этому времени Мильграм являлся автором таких (совместных с Д.И.Корниенко) трудов, как «День военно-морского флота — всенародный праздник трудящихся» (М., Воениздат, 1947), «Военно-морской флот Советской социалистической державы» (М., 1949; М., 1951). Искомую степень кандидата исторических наук он получил, но из его публикаций, представленных в каталоге Российской государственной библиотеки, претензией на научность обладает разве что одна: Один против двух (бой эскадр миноносца «Новый» с двумя германскими эсминцами 17 августа 1915 г.). М., [б.д.].

научного управления Генерального штаба¹. Позднее предметом особого рассмотрения становились данные о потерях советских войск в ходе отдельных операций, а собственно испрошенное маршалами решение было принято, как и обещано, несколько позже, — спустя пять с небольшим лет².

Сюда же можно отнести вопрос о публикации «Партизанское движение на Кубани (1942—1943 гг.)» в журнале «Исторический архив» (1957, № 3. С. 3—47) и последовавших за этим мерах по изъятию номера журнала, постановлении Секретариата ЦК КПСС от 2 августа 1957 года и административных мерах по отношению к руководству журнала³.

Основной инстанцией, о которую разбивались людские лбы, — и высшей инстанцией, в которую направлялись служебные записки, а то и просто доносы, и которая принимала решения по конкретным вопросам «допустимости» чего бы то ни было в каждый конкретный момент, являлся ЦК КПСС и, в частности, такие его подразделения, как отдел пропаганды и агитации, отдел культуры. Иногда к вопросу подключались и другие аппаратные звенья, как то: отдел науки и техники, отдел административных органов или даже международный отдел. Входящие записки и докладные делились на, так сказать, негативные, предлагавшие что-нибудь запретить или не разрешить, и позитивные,

¹ *Трудные пути правды...*, 2000. С. 38—47. Соответствующее разрешительное постановление Секретариата ЦК КПСС за № Ст-83/11 было принято только 11.10.1963 (Там же. С. 60. Со ссылкой на: РГАНИ. Ф. 4. Оп. 17. Д. 117. Л. 39—41).

² Постановление Секретариата ЦК КПСС № Ст83/11 от 11.10.1963 «О снятии с секретного хранения и публикации в открытой печати архивных документов периода ВОВ» (*Трудные пути правды...*, 2000. С. 60. Со ссылкой на: РГАНИ. Ф. 4. Оп. 17. Д. 117. Л. 39—41).

³ *Трудные пути правды...*, 2000. С. 30—31. Со ссылкой на: РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 341. Л. 176—178; Оп. 15. Д. 87. Л. 39. См. также: Исторический архив. 1992. № 1. С. 199—200.

предлагавшие что-либо, наоборот, разрешить. Интересно, что во втором случае тенденция не разрешить была еще сильнее, чем в первом. Формой представления при этом служила записка (чаще всего безо всяких пояснений) о нецелесообразности внесенного предложения. Так, 14 июля 1959 года Отдел культуры ЦК КПСС сообщил главному редактору «Литературной газеты» С.С. Смирнову о нецелесообразности его предложения об открытии специального счета и сборе пожертвований населения на поддержание памятников воинской славы в Севастополе, а 2 марта 1960 года Отдел административных органов сообщил председателю Госкомитета по радиовещанию и телевидению при СМ СССР С.В. Кафтанову о нецелесообразности популяризации деятельности во Франции Первого советского партизанского полка¹.

Но из каталога отчетливо проступает образ еще одной организации, чью роль и активность на идеологическом фронте и на цензурно-запретительном поле невозможно переоценить. Эта организация — Главное Политическое Управление Советской Армии и Военно-Морского Флота (сокращенно ГЛАВПУ, или, по старинке, ГЛАВПУР). 15 января 1941 года приказом НКО было объявлено, что никакая книжная продукция в Красной армии не может быть издана без предварительного согласования с ГЛАВПУРОм².

Организационно ГЛАВПУ состоял из управлений (например, пропаганды и агитации, организационно-партийной работы, кадров) и отделов (комсомольской работы, военно-социологических исследований и др.). Но самое, быть может, интересное в его организации — это то, что начиная еще с 1924 года и до сентября

¹ *Трудные пути правды...*, 2000. С. 35—37.

² См. приказ начальника ГЛАВПУРА армейского комиссара 2 ранга Запорожца от 31.01.1941 о реализации этого приказа (ЦАМО. Ф. 32. Оп. 920265. Д. 1. Л. 8—10).

1990 года этот военный, как кажется, орган действовал на правах... Отдела ЦК ВКП(б) или КПСС!¹

Такой расклад, впрочем, был вовсе не в пользу армии: ГЛАВПУ являлся в первую очередь инструментом контроля партии над армией, не раз и не два пытавшейся ослабить этот контроль. Все это ставило Начальника ГЛАВПУ в совершенно особое, фактически независимое и во многом даже конкурентное положение по отношению к министру обороны. В вопросах истории и идеологии запретительная позиция ГЛАВПУ, как правило, была заметно жестче и радикальней позиции военного министра и даже позиции «профильных» отделов ЦК КПСС².

Во главе общепартийских (без учета отдельных военно-морских) политорганов в разное время стояли такие известные лица, как Владимир Александрович Антонов-Овсеенко (28.08.1923 — 17.01.1924), Андрей Сергеевич Бубнов (17.01.1924 — 01.10.1929), командарм 1 ранга Ян Борисович Гамарник (01.10.1929 — 31.05.1937), Петр Александрович Смирнов (06.1937 — 30.12.1937), генерал-полковник Лев Захарович Мехлис (30.12.1937 — 09.1940), Александр Иванович Запорожец (09(?).1940 — 21.06.1941), затем снова Мехлис (21.06.1941 — 12.06.1942), генерал-полковник Александр Сергеевич Щербаков (12.06.1942 — 10.05.1945), Иосиф Васильевич Шикин (08.09.1945 — 02(?).1949), Федор Федотович Кузнецов (02(?).1949 — 03(?).1950), Константин Васильевич Крайнюков (03(?).1950 — 07(?).1950), снова Кузнецов (07(?).1950 — 04(?).1953),

---

¹ Подробнее см.: *Борисов В.А.* Высшие органы военного руководства СССР (1923 — 1991 гг.) // <http://pravoved.jur-fak.spb.ru/old/default.asp?cnt=172>.

² Примерами могут послужить майское 1956 года разногласие между Г.К. Жуковым и «Красной звездой» (органом, направлявшимся ГЛАВПУ) по вопросам освещения начальных этапов войны. См.: *Трудные пути правды..*, 2000. С. 25—26. Со ссылкой на: *РГАНИ. Ф. 5. Оп. 37. Д. 12. Л. 40—58.*

генерал-полковник Алексей Сергеевич Желтов (04(?).1953 — 01(?).1958), маршал Филипп Иванович Голиков (01(?).1958 — 31.04.1962), генерал армии Алексей Алексеевич Епишев (31.04.1962 — 17.07.1985), Алексей Алексеевич Лизичев (17.07.1985 — 07(?).1990), а также Николай Иванович Шляга (07(?).1990 — 29.08.1991). Абсолютным рекордсменом по пребыванию в этой должности, вобравшем в себя всю брежневскую эпоху, был Епишев¹.

Именно ГЛАВПУ мы обязаны канителью 1956 года с выходом на экраны фильма по сценарию В.П.Некрасова «В окопах Сталинграда», против которого ополчился начальник ГЛАВПУ генерал-полковник Желтов, горячо поддержанный маршалами А.Е.Еременко и И.С.Коневым.²

После выхода в мае 1970 года в «Неделе» статьи Д.Д. Лелюшенко «Освобождение» (в ней, в частности, говорилось о том, что на Прагу наступали и американцы) два отдела ЦК — пропаганды и административных органов — признали публикацию ошибочной и рекомендовали всем печатным органам впредь согласовывать публикации по военной тематике с ГЛАВПУ.³

Впрочем, запрет даже на полуправду, как в эпизоде со статьей Лелюшенко, имел место уже на *третьем этапе* — на «брежневском» (1964—1985 гг.). Отмечен-

---

¹ См.: Сулла А. Генерал Епишев: на партийно-политическом Олимпе. / Предисл. и пер. с англ. А.В. Фролова. // ВИЖ. 1993. № 3. С. 62—70; № 4. С. 63—71.

² *Трудные пути правды...*, 2000. С. 23—24. Со ссылкой на: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 184. Л. 22-29. Забавно, что тому же В. Некрасову в 1962 году пришлось отстаивать перед инстанциями так же и право сохранить в «Окопах Сталинграда» упоминания Сталина! (См. там же. С. 55—56 и 132—133, по: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 141. Л. 21—22).

³ *Трудные пути правды...*, 2000. С. 88. Со ссылкой на: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 35. Л. 63.

ный частичной реабилитацией Сталина, он до известной степени явился шагом назад, к первому этапу.

Его фактическим началом можно считать кампанию против А.М. Некрича и его книги «1941: 22 июня», выпущенной в 1965 году издательством «Наука» самым что ни на есть рутинным порядком, то есть через Главлит. В книге честно раскрывались многие просчеты главнокомандования на начальном этапе ВОВ, что в это время уже не прошло бы согласования в ЦК или в ГЛАВПУ. Дополнительное раздражение вызвали и положительная рецензия в «Новом мире», подчеркивавшая объективность книги¹, и результаты обсуждения книги в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, в ходе которой многие историки, вопреки ожиданиям, поддержали А.М. Некрича². В разгромной рецензии, опубликованной в «Вопросах истории КПСС»³, автор обвинялся в очернительской тенденциозности и в измене принципам марксистской историографии (последнее, впрочем, справедливо).

Среди журнальных публикаций этих лет, увидевших свет и заслуживших за это высочайшее «пропесочивание» на уровне ЦК, — повести Василя Быкова «Мертвым не больно» (Новый мир. 1966. № 1) и Анатолия

---

¹ Федоров Г. Мера ответственности. // Новый мир. 1966. № 1.

² Один из них, военный историк В.А. Анфилов, старший преподаватель Военной академии Генштаба и автор первого открытого труда о начале войны (Анфилов В.А. Начало Великой Отечественной войны (22 июня — середина июля 1941 г.). Военно-исторический очерк. М., 1962) был уволен из Академии и отстранен от научной работы. Кроме того, в 1967 г. компетентными органами была пресечена попытка передать материалы этого обсуждения в зарубежную печать (Трудные пути правды..., 2000. С. 61—62. Со ссылкой на: РГАНИ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 10. Л. 1—8).

³ Деборин Г.А., Тельпуховский Г.С. В идейном плену у фальсификаторов истории. // Вопросы истории КПСС. 1967. № 19. С. 127—140.

Кузнецова «Бабий Яр» (Юность. 1966. № 8). Заведующие отделами пропаганды и агитации ЦК КПСС (В. Степанов) и культуры (В. Шауро) сочли клеветническими быковские описания жестокости, беззаконий и преступлений, творящихся среди отступающих частей Красной армии «особистами»: *«Забвение т. Быковым классовых критериев, грубое искажение исторической правды привело к тому, что из-под его пера вышло произведение, наносящее серьезный вред делу воспитания советских людей, особенно молодежи»*¹.

Повести Быкова и Кузнецова были, тем не менее, напечатаны. Но некоторым текстам повезло меньше, и, даже будучи однажды одобренными в Главлите, они были вынуты из номеров, как, например, дневник К.М. Симонова «Сто суток войны» — из «Нового мира» или очерк С.С. Смирнова «По следам войны» — из «Дружбы народов»².

Еще одной «жертвой» тенденций этого этапа едва не стала англоязычная книга «Россия в войне 1941—1945» французского историка русского происхождения Александра Верта, в годы войны работавшего корреспондентом Би-би-си и «Санди Таймс» в Москве. Книга получила большой резонанс во всем мире, и А. Верт предложил издательству «Прогресс» выпустить ее перевод. Два журнала — «Юность» и «Иностранная литература» — ухватились за идею напечатать главы из книги, но само издательство возражало против издания. Вопрос решился поистине по-соломоновски: Отдел пропаганды ЦК постановил — книгу печатать, но в закрытом порядке и для рассылки по специальному списку³. В результате книга А. Верта выходила дважды: в 1965 году в закрытом порядке (три выпуска) по

¹ *Трудные пути правды...*, 2000. С. 72—77, 135—140.

² *Трудные пути правды...*, 2000. С. 84—87.

³ *Трудные пути правды...*, 2000. С. 63—66. Со ссылкой на: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 130. Л. 68—167.

300—350 стр. каждый¹) и в 1967 году в открытом — од- нотомником в 774 страницы².

В 1968—1969 гг. даже такой мемуарист, как Г.К. Жуков, едва не угодил в диссиденты, а рукопись его «Воспоминаний и размышлений» (вызывавших возражения Минобороны) — в «Тамиздат»! Мало того, за рубежом она оказалось не где-нибудь (КГБ еще пришлось перепроверять каналы такой утечки), а в самом скандальном лондонском издательстве «Флегон пресс», тут же начавшем шантажировать советское посольство предложением отказаться от издания в обмен на лицензию «Международной книги» на право продажи советских книг за рубежом!³

В собственно научной сфере программным достижением «брежневского» этапа стал выход в 1973—1982 гг. фундаментального труда — 12-томной «Истории Второй мировой войны 1939—1945 гг.», авторский коллектив которой рекрутировался в Институте военной истории МО СССР, а также в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и двух академических институтах (Институт истории СССР и Институт всеобщей истории). Его можно было бы назвать фундаментальным, когда бы не вяжущееся с фундаментальной научностью подхалимство, выпячивание исторической роли полковника Л.И. Брежнева и 18-й армии, имевшей честь иметь его в своих рядах.

---

¹ Вып. 1. Прелюдия войны... (350 с.); Вып. 2. Черное лето 1942... (303 с.); Вып. 3. 1944... (322 с.).

² Диалектика закрытого и открытого изданий — довольно распространенный прием: так, Идеологический отдел ЦК КПСС отказал даже маршалу Ф.И. Голикову в его желании издать книгу по истории советской военной разведки, мотивируя это тем, что массовый читатель почерпнет достаточные сведения из «Истории ВОВ», а для специалистов можно выпустить закрытое издание (Трудные пути правды..., 2000. С. 66—67. Со ссылкой на: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 130. Л. 187).

³ Трудные пути правды..., 2000. С. 81—84.

Надо заметить, что подхалимство, более или менее развитое на всех этапах, в эпоху брежневского застоя достигло не виданных ранее высот. Высшие военные и партийные руководители включались в авторские коллективы трудов, к написанию (а возможно и к чтению) которых не имели не малейшего отношения. Своего рода кульминацией этой тенденции стал выход в 1967—1976 гг. трех томов мемуаров маршала А.А. Гречко¹ — брежневского министра обороны, командовавшего во время войны той самой 18-й армией, где начальником политотдела служил Брежнев. При этом сам Гречко своих мемуаров не писал, их изготовляла специальная группа историков и журналистов. Таким же способом были сляпаны «воспоминания» и самого Л.И. Брежнева, в том числе и брошюра 1978 года «Малая земля» — о неудачном, в сущности, десанте под Новороссийском. В 1980 году за «свои» произведения «Малая земля», «Возрождение» и «Целина» Брежнев был удостоен Ленинской премии в области литературы, которой Леонид Ильич искренне и по-детски радовался, как и любой другой наградой, будь то орден Победы или маршальская форма. (Впрочем, «малый культ» полковника Л.И. Брежнева с самого начала ничего кроме понимающей улыбки ни у кого не вызывал. За улыбкой этой была различима смешанная со стыдом грусть и досада за страну).

В то же время партия и правительство очень уважали и высоко ценили взрывоопасную силу подлинного исторического документа и мемуаров и делали все от них зависящее, чтобы таковым ходом не давать. Весной 1977 года КГБ и Главлит поставили перед Секретариатом ЦК КПСС вопрос о порядке подготовки и издания мемуаров политического и военного характера. 28 июня 1977 года вышло соответствующее

---

¹ «Битва за Кавказ» (1967), «Через Карпаты» (1970) и «Годы войны. 1941—1943» (1976).

постановление, обязывающее издательства предварительно согласовывать свои сводные планы по мемуаристике с ЦК КПСС, с ИМЛ при ЦК КПСС и с ГЛАВПУ¹.

Практически одновременно — летом 1977 года — Отдел пропаганды и Главлит зарубили и отправили на доработку верстку глав из «Блокадной книги» А. Адамовича и Д. Гранина, шедших в №№ 7 и 8 «Нового мира»². Вразрез с генеральной линией партии шло и предложение К.М. Симонова от 18 января 1979 года о проведении кампании по сбору неопубликованных воспоминаний участников ВОВ и о создании в Центральном архиве Министерства обороны в Подольске специального отдела для их хранения. Идея рассматривалась в военных и партийных структурах, мнение которых дружно совпало: предложение сочли нецелесообразным, ибо невозможно обеспечить контроль за использованием и за достоверностью (*sic!*) изложенных в воспоминаниях фактов³.

Этапы горбачевский и ельцинский

Четвертый этап — «горбачевский». В издании ИНИОН он, едва успев начаться, завершается уже в 1990 году. И это, по сути, правильно, поскольку смешивать его с «ельцинским», несмотря на кажущееся их

---

¹ *Трудные пути правды...*, 2000. С. 99—101. В вышедшей на следующий день (1 июля) совместной Записке Отдела пропаганды ЦК КПСС (В. Тяжелников) и Госиздата СССР (Б. Стукалин) устанавливалось, какого уровня и рода мемуары надлежит публиковать и в каких издательствах (Там же. С.147—149).

² *Трудные пути правды...*, 2000. С. 98—99. Со ссылкой на: РГАНИ, Ф. 5. Оп. 73. Д. 294. Л. 1—7.

³ *Трудные пути правды...*, 2000. С. 107—109. Со ссылкой на: РГАНИ, Ф. 5. Оп. 76. Д. 12. Л. 1—19.

сходство, нет оснований. Механизмы инициирования публикаций и принятия решений об их судьбе при Горбачеве не претерпели ни малейших изменений — просто инстанции, принимающие решения, стали, действительно, гораздо либеральнее. Хочешь удивить мир собственной смелостью — обратиться в соответствующий отдел ЦК с прочувствованной и политкорректной просьбой о разрешении того-то и того-то, и тебя, скорее всего, поддержат, в крайнем случае, дадут какой-нибудь незначительный совет о другой формулировке какой-нибудь фразы.

Так, при Горбачеве было снято табу с целого ряда одиозных приказов военного времени, в частности, с приказа Ставки № 270 от 28 августа 1941 года и приказа НКО № 227 («Ни шагу назад!») от 28 июля 1942 года¹. Оба упомянутых приказа были напечатаны в «Военно-историческом журнале» в 1988 году — соответственно, в №№ 9 и 8².

Согласие на публикацию Приказа № 270 было получено 21 июля 1988 года; его дали сразу два отдела ЦК — отдел административных органов (И. Ларин) и отдел науки и учебных заведений (В. Григорьев). При этом они ссылались на публикации в центральной печати академика А.М. Самсонова и другие, ставящие вопрос о публикации полного текста этого приказа³. Уже 27 июля их ходатайство было поддержа-

¹ Именно этот приказ стал «юридической пружиной» событий в не одобренной ЦК повести В. Быкова «Мертвым не больно».

² Ни в той, ни в другой публикации не приведены сведения об источнике (архивный шифр).

³ См., в частности, статью А.М. Самсонова «Сталинград: ни шагу назад!» (Московские новости. 1988, 7 февр. № 6) и его интервью «Сталин дал приказ...» (Известия. 1988, 14 авг.). См. также письмо ветерана войны А.Е. Хопина «Напечатайте приказ № 227» в кн.: Самсонов А.М. Знать и помнить. Диалог историка с читателем. М.: Изд-во политической литературы, 1988. С. 57.

но и на Секретариате ЦК. Но самое пикантное при этом то, что так громко стучаться пришлось в совершенно открытые ворота, ибо сам по себе приказ никогда не был секретным; отпечатанный в типографии, он рассылался в войска в количестве около 45 тысяч экземпляров¹!

Необычайно симптоматичной для горбачевского периода (как, впрочем, и для других — она пронизала собой всю послевоенную историю) была история с Катынью. В апреле-мае 1940 года, когда войной с немцами и близко не пахло, расстрельные команды НКВД спокойно убили в Катыни, Медном и Старобельске около 22 тысяч польских военнопленных и гражданских лиц — практически всех, находившихся в их лагерях. Но война пришла, и все три расстрельных места попали под оккупацию, а до одного из них — катынского — в апреле 1943 года добрались немецкие и международные комиссии, установившие правду.

Но собственное «расследование» 1944 года («Комиссия Бурденко») установило, что это дело «немецких» рук². И мало того: не постеснялись выставить Катынь в ряду тягчайших «немецких» преступлений на Нюрнбергский трибунал! Чем это кончилось — хорошо известно: судьи отказались признать аргументацию СССР по Катыни убедительной, но и судить де-факто СССР — страну-победительницу и страну-обвинительницу —

---

¹ История советской политической цензуры: Документы и комментарии. М., 1997. С. 221—222. Со ссылкой на: *РГАНИ. Ф. 4. Оп. 35. Д. 110. Л. 79—86.*

² Симптоматично, что в аргументации «Комиссии Бурденко» даже не фигурировала деталь, к которой так приклеятся со временем все постсоветские «отрицатели Катыни»: немецкие пистолеты «вальтер» и немецкие пули к нему как орудие убийства. Знаменитый хирург, вероятно, знал (или слышал), что «вальтер» — это любимый инструмент Василия Блохина и других профессиональных палачей НКВД: он не перегревается при учащенной стрельбе и не дает осечки.

тоже не стали, благо мандат трибунала и союзнические чувства этого от них и не требовали.

Фактическая развязка этой трагической и неприглядной истории произошла при Горбачеве. Весной 1987 года была создана двусторонняя Комиссия историков СССР и Польши по вопросам истории взаимоотношений СССР и Польши, при этом у советской части комиссии не было ни полномочий пересматривать каноническую советскую точку зрения, ни новых материалов. Уже в июне 1987 года в ЦК поняли всю непривычную серьезность вопроса — еще раз «отговориться» не получится! *«Другое дело, как использовать то, что станет нам известно после специального изучения этого дела с позиций исторической правды (выделено мной. — П.П.)»*¹.

В 1988 году, после обнародования в Польше результатов доклада Польского Красного Креста, принимавшего участие в эксгумации в Катыни в 1943 году, а также польских критических замечаний относительно выводов комиссии Н.Н. Бурденко, стало ясно, что пересмотр катынского дела неизбежен. Поэтому заведующий международным отделом ЦК КПСС В.М. Фалин предложил 6 марта 1989 года не препят-

---

¹ См. в записке А.С. Черняева и В.С. Гусенкова М.С. Горбачеву от 16 июня 1987 г.: *«Кое-кто в Польше спекулирует на «катынском» деле, использует его как раздражитель для подогревания антисоветских настроений. // В ходе совместной работы по закрытию «белых пятен» нам не удастся отговориться от этой проблемы. // Во всяком случае для самих себя надо бы внести ясность. // В отделе ЦК говорят, что даже что-то сохранилось в архивах Смоленска. Очевидно, что-то должно быть в архивах КГБ, Центрального Комитета. // Другое дело, как использовать то, что станет нам известно после специального изучения этого дела с позиций исторической правды. // Нельзя ли поручить тт. Чебрикову, Лукьянову, Болдину заняться этим вопросом?»* (Реабилитация: как это было, 2004. С. 14, со ссылкой на: Архив Фонда М.С. Горбачева. Ф. 2. Д. 80. Л. 1—2).

ствовать, а оказать содействие желанию польской стороны перенести в Варшаву символический прах из Катыни¹. Политбюро в заседании от 31 марта согласилось с этим предложением, а заодно распорядилось в месячный срок выработать предложения о дальнейшей советской линии по катынскому делу². Реагируя на очередные польские предложения, — на этот раз о создании в Катыни мемориала, — Э. Шеварднадзе, В. Чебриков, А. Яковлев и В. Медведев внесли на Политбюро ЦК КПСС от 5 мая 1988 года предложение включить в этот мемориал и памятник 500 советским военнопленным, участвовавшим в эксгумации поляков и уничтоженных гитлеровцами после окончания работ³.

Поиск новых подтверждений советской позиции так ничего и не дал, а вот поиск истины, — несмотря на откровенный и насмешливый саботаж со стороны заведующего Общим отделом ЦК КПСС Валерия Болдина, — привел-таки к информационному прорыву: в двух, в то время самостоятельных, архивохранилищах — в фонде конвойных войск в Центральном Государственном архиве Советской армии (ныне РГВА)⁴ и в материалах ГУПВИ в Центральном Государственном Особом архиве (ныне тоже РГВА) были найдены документы, безоговорочно поставившие все точки над *i*. Тут надо особо отметить заслугу как российских архивистов (и прежде всего тогдашнего директора Особого архива А.С. Прокопенко), так и в особенности историков, в частности и прежде всего Натальи Серге-

---

¹ *Реабилитация: как это было...*, 2004. С. 190—191, со ссылкой на: РГАНИ. Ф. 89. Оп. 14. Д. 1. Л. 41—43.

² Пункт 152/15 «К вопросу о Катыни». См.: *Реабилитация: как это было...*, 2004. С. 193, со ссылкой на: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 103. Д. 168. Л. 11.

³ *Реабилитация: как это было...*, 2004. С. 75—76, со ссылкой на: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 103. Д. 132. Л. 79—80.

⁴ РГВА. Ф. 40.

евны Лебедевой и ее коллег Николая Юрьевича Зори и Валентины Сергеевны Парсадановой¹.

22 февраля 1990 года Фалин, сообщая Горбачеву о находках историков, был вынужден признать, что готовящиеся ими публикации создадут принципиально новую ситуацию, в которой последний и единственный советский аргумент — мол, в архивах СССР ничего по этой теме не обнаружено — лишался бы, как и незадолго за этого в случае с пактом Молотова — Риббентропа², своей казуистической силы.³ Высшая партийная инстанция поступила так, как единственно умела и как привыкла: запретила ставшие ей известными публикации!

Но правду было уже не удержать: историки и журналисты нашли выход из ситуации и нанесли асимметричный удар. Место научной публикации в малотиражном журнале заняли два разворота обстоятельного интервью Н.С. Лебедевой в массовом издании, а именно в «Московских новостях» времен Егора Яковлева, в номере от 25 марта 1990 года. Правда о катынской трагедии — вопреки сопротивлению и, увы, спустя целых полвека! — была наконец предана гласности, после чего аппаратное сопротивление ар-

---

¹ См. историю вопроса в: *Лебедева Н.С.* (Отв. сост.). *Катынь. Март 1940 г. — сентябрь 2000 г.: Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. Документы.* М.: Весь мир, 2001. С.421—446.

² Тексты пакта вместе с секретными протоколами были опубликованы в США еще в 1948 г. Однако их подлинники были «обнаружены» в Архиве Президента РФ (АПРФ) только в 1989 г. специальной комиссией ЦК КПСС под началом А.Н. Яковлева. С этими «утраченными», по утверждению советской стороны, документами в 1975 г. ознакомился А.А. Громыко, в 1979-м — И.Н. Земсков, а в 1984—1987 гг. — зав. Общим отделом ЦК В. Болдин.

³ *Реабилитация: как это было...*, 2004. С. 323—325, со ссылкой на: *РГАНИ. Ф. 89. Оп. 14. Д. 1. Л. 49—52.*

хитекторов гласности из ЦК КПСС потеряло всякий смысл¹.

13 апреля 1990 года последовало официальное заявление ТАСС с признанием ответственности органов НКВД за расстрел польских военнопленных, а в декабре 1990 года, по инициативе Горбачева Главная военная прокуратура возбудила уголовное дело по фактам массовых расстрелов, причем не только в Катыни, о которой и только о которой шла речь до этого, но и в Медном и Старобельске².

Впрочем, последняя попытка «отыграть ситуацию» научными средствами все же была предпринята, а именно «Военно-историческим журналом». После того как в июньском номере за 1990 год под названием «Нюрнбергский бумеранг» была напечатана сенсационная публикация А.С. Прокопенко и Ю.Н. Зори³, другие авторы журнала еще раз попытались выдать за чистую монету хотя бы некоторые из материалов Комиссии Н.Н. Бурденко⁴.

Пятый — «ельцинский» — этап в целом представлял собой довольно крутой перелом. Демократизация общества, идеологический плюрализм, либерализация доступа в архивы привели к некоторой растерянности цеха официальных и официозных военных историков и к

---

¹ В то время газеты еще читались, в том числе и представителями высшей власти.

² О работе этой комиссии см. в информации Генерального прокурора СССР Н.С.Трубина в аппарат президента СССР М.С.Горбачева от 22.01.1991 (*Реабилитация: как это было...*, 2004. С. 536—537, со ссылкой на: *РГАНИ. Ф. 89. Оп. 14. Д. 1. Л. 57—58*).

³ Нюрнбергский бумеранг / Публ. и преамбула А.С. Прокопенко. Предисловие Н.Ю. Зори // *Военно-исторический журнал*. 1990. № 6. С. 47—57.

⁴ *Галицкий В.П.* Вражеские военнопленные в СССР (1941—1945) // *Военно-исторический журнал*. 1990. № 9.

выходу на авансцену большого количества новых лиц — как профессионалов, так и любителей, в особенности — журналистов. Возникла совершенно новая историографическая ситуация, которую правильнее всего было бы назвать просто нормальной или почти нормальной. Связка «историк» — «архив» — «публикация» — «дискуссия» впервые заработала!

В контексте же ВОВ основными темами, где скрестились копыя, стали, пожалуй, превентивная война (дискуссия, поднятая книгой В. Суворова «Ледокол») и многочисленные — и в целом неудачные — попытки переосмыслить роль генерала Власова и ведомого им коллаборантского движения, кадровой базой которого во многом стали советские военнопленные.

Участниками этого процесса анализа впервые стали и иностранные ученые, в том числе и российские эмигранты. Среди них и Владимир Константинович Буковский, сыгравший ключевую роль в одном из главнейших сражений этой революции, а именно во взятии на бордаж архивов аппаратов ЦК КПСС и ЦК КП РСФСР. На их основе уже в 1991 году был создан Центр хранения современной документации Комитета по делам архивов при правительстве РФ (нынешний РГАНИ), вобравший в себя около 30 млн единиц хранения, охватывающих период с 1952 по август 1991 г.

Она началась и без, и до Буковского (очень многие, хотя и не все, архивы и сами воспользовались новой ситуацией), но то, что Буковский и несколько коллег из «Мемориала» сделали как эксперты, заслуживает похвалы. Закрепиться же на достигнутых ими плацдармах, расширить их и пойти дальше широким фронтом, увы, не удалось.

Отметим: для ельцинского этапа характерна и определенная честность и даже мужественность в извлечении тех уроков, что, безусловно, содержатся в неотвратимо приоткрывающемся — страница за страницей — историческом прошлом.

Вот пример: материалы особых папок Политбюро ЦК КПСС по Катыни, впервые преданные гласности при Горбачеве, так и не были задействованы или введены в научный оборот. Передавая в декабре 1991 года дела Б.Н. Ельцину, Горбачев передал ему и конверт с катынскими материалами, предупредив о необходимости осторожного к ним отношения. Через год, как известно, материалы этого конверта фигурировали на процессе по делу КПСС, а 14 октября 1992 года копии этих документов были переданы российской стороной в Варшаве президенту Польши Леху Валенсе. И хотя Ельцин сделал это не лично, а через специального представителя, — это серьезный и ответственный поступок. Он был воспринят в Польше и во всем мире как знак исторического раскаяния новой России — правопреемницы СССР — за одно из тяжелых государственных преступлений своей правопреемницы.

После чего начался совершенно иной этап российско-польских отношений — этап исторической реконструкции событий и политического примирения, поиска и нахождения морального консенсуса на тезисе типа: «Это не Россия виновата, это все НКВД, это Берия да Меркулов». Не в последнюю очередь — и этап строительства мемориалов и произнесения речей на их открытиях¹.

Этапы путинский и медведевский

Серьезные перемены произошли в историографии *шестого* — «*путинского*» — *этапа*. Внешне — особенно поначалу — он напоминал «ельцинский»: поток публикаций на историческую тему — как монографий, так и сборников документов — не иссякает до сих пор. Но

---

¹ Впрочем, отметим еще раз, что президент РФ Ельцин — в отличие от своих украинского и, разумеется, польского коллег — ни на одном из этих мероприятий замечен не был.

книги эти готовились по несколько лет, и их корень, как правило, еще в той демократичной и плюралистичной общественной атмосфере, а также в либеральной архивной ситуации, что были свойственны именно для эпохи Ельцина.

Поинтересуемся: что стало с «катынским делом» в новом столетии? В 2004 году Главная военная прокуратура подтвердила вынесение «тройкой НКВД» 14 542 смертных приговоров польским военнопленным, после чего объявила дело закрытым, а личные дела — засекреченными и отказала родственникам в реабилитации (под предлогом, что непосредственно именные приказы о расстрелах отсутствуют). После трагической гибели в 2010 году близ Смоленска президента Польши Леха Качинского, летевшего в Катынь на 60-летие катынского расстрела, и принятия Госдумой резолюции «О Катынской трагедии и ее жертвах», не поддержанной только коммунистами, к вопросу о реабилитации вернулись в 2011 году, но прокуратура так до сих пор и не рассекретила свои материалы. В 2013 году в Варшаве по-польски, а в 2015 году в России по-русски вышла составленная А. Гурьяновым 865-страничная книга «Убиты в Катыни. Книга памяти польских военнопленных — узников Козельского лагеря НКВД, расстрелянных по решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 года», изданная Международным обществом «Мемориал» (Москва), Центром «Карта» (Варшава) и издательством «Звенья», содержащая 4415 биограмм расстрелянных поляков, каждая из которых состоит из юридически релевантных данных.

В 2000-е и 2010-е гг. работа в российских архивах ощутимо усложнилась. Даже если отвлечься от таких конфузно-казусных ситуаций, когда для исследователей фактически «закрываются» фонды, с которыми они работали десятилетие назад и которые уже в значительной мере опубликованы, архивы постепенно снова ста-

новятся по другую сторону незримых «баррикад», за которыми продолжают свой нелегкий труд явно вошедшие во вкус историки.

Казалось бы, давно пора как можно шире раскрыть ведомственные военные архивы. В одном только ЦАМО хранится около 10 млн документов, из которых только 2 млн на открытом хранении.

8 мая 2007 года, то есть за день до 62-летней годовщины Победы, министр обороны РФ А.Э. Сердюков издал приказ № 181 «О рассекречивании архивных документов Красной Армии и Военно-Морского Флота за период Великой Отечественной войны 1941—1945 годов», отменяющий предыдущий аналогичный приказ¹ и предусматривающий снятие грифов секретности с архивных документов Красной армии и Военно-Морского Флота за период Великой Отечественной войны 1941—1945 годов, находящихся на хранении в ЦАМО, в Центральном военно-морском архиве и архиве военно-медицинских документов ВММ².

---

¹ Приказ Минобороны РФ № 137 от 14 апреля 2005 г. «О рассекречивании архивных документов Красной Армии и ВМФ за период Великой Отечественной войны». Его отмены Г. Рамазашвили добился через Минюст РФ.

² А именно: «а) управлений и учреждений Генерального штаба Красной Армии, Народного Комиссариата Военно-Морского Флота, видов и родов войск, специальных войск, Тыла Красной Армии, управлений по вооружению и военной технике; б) фронтов, военных округов, флотов, армий, флотилий, соединений, воинских частей и учебных заведений, а также управлений и учреждений, входящих в состав фронта, военного округа, флота; в) политических органов, партийных и комсомольских организаций фронтов, военных округов, флотов, армий, флотилий, соединений, воинских частей, управлений, учебных заведений и учреждений; г) кадровых органов Красной Армии и Военно-Морского Флота; д) военных госпиталей, медико-санитарных частей и учреждений, военно-медицинских и военно-врачебных комиссий».

Казалось бы, объявлено о начале массового рассекречивания, под которое подпадает несколько миллионов дел — ура, о чем еще мечтать историку! Ура!!!

Но... перед тем, как уйти, министр обороны Сергей Иванов подписал приказы, которыми в разы расширил перечень категорий сведений, которые не подлежат рассекречиванию в документах о ВОВ: *«Если в приказе Минобороны 1997 года подобных категорий сведений было восемь, то благодаря Иванову их количество увеличилось до двадцати. Таким образом министр обороны Иванов на многие годы вперед ограничил круг источников, с которыми смогут работать исследователи. <...> Архивная служба Вооруженных Сил в своем письме № 350/292 от 01.03.2007 отказалась перечислять все категории сведений военного времени, отнесенные Ивановым к не подлежащим рассекречиванию...»*¹

Фактит: *«В ЦАМО, по официальным данным, хранится 10 миллионов дел военного времени, из них лишь 2 миллиона было официально рассекречено, поэтому поштучное рассекречивание архивных фондов растянется на столетия, если не будет принято волевое политическое решение, позволяющее снять все эти документы с секретного хранения скопом, оговорившись, что поштучного рассекречивания не требуется за давностью лет и в связи с особой общественной значимостью изучения военной истории»*².

Назначение В.В. Путина премьер-министром, а потом и переизбрание его президентом было воспринято многими архивными функционерами как сигнал к замораживанию работ по рассекречиванию и к сворачиванию «вседоступности» архивов и «вседозволенности» анализа, ставшими в ельцинское десятилетие нормой.

¹ *Рамазашвили Г. Войны за просвещение — доступ к истории в наших руках // Индекс. 2007. № 26. В Сети: <http://index.org.ru/journal/26/ram26.html>*

² Там же.

И даже неважно, посылал ли президент этот сигнал или нет, важно, что он был так услышан и понят. Важнейшая новость на этом фронте — так называемое «архангельское дело»: следствие, в сентябре 2009 года открытое против историка М. Супруна и архивиста полковника А. Дударева, на тот момент директора Информационно-аналитического центра УВД по Архангельской области и входившего в его состав архива, обвиненных в якобы незаконной передаче Германии архивных данных о немцах, репрессированных в СССР (Дударева уволили в результате следствия)¹.

Но как можно считать «личной тайной» банальные установочные данные о нескольких тысячах репрессированных, ничем не отличающиеся от сведений, миллионы раз использовавшихся в сотнях российских региональных Книг Памяти?

Тем не менее слушания в Архангельском суде, к большому сожалению, так и не были выиграны. Само это дело создало опаснейший для истории прецедент: с того момента архивы в аналогичных случаях будут перестраховываться и не станут выполнять свою миссию посредников между исторической наукой и го-

---

¹ Оно было просто прекращено «за истечением срока давности». Дудареву же (у него было отдельное дело) все же присудили один год, но условно. См., например: *Рамазашвили Г.* Дело Дударева — Супруна: истоки, судебные перспективы и последствия // Индекс. 2009. Вып.30 (В Сети: <http://index.org.ru/journal/30/13-ramazashvili.html>); *Косинова Т.* Архангельское дело // Полит.ру. 2010. 16 декабря (в Сети: <http://www.polit.ru/analytics/2010/12/16/arhangelsk.html>); *Рамазашвили Г.* Кто и зачем ограничивает доступ к архивным фондам? (К итогам одного судебного дела) // НЛО. 2012. № 6. С. 429—440 (в Сети: <http://www.nlobooks.ru/node/2922>); *Рамазашвили Г.* Опасный прецедент. О роли адвокатов в исходе одного историко-архивного дела // Свободная мысль. 2012. № 3—4. С. 81—93 (в сети: <http://svom.info/entry/225-opasnyj-precident-o-rol-i-advokatorov-v-ishode-odnogo/>) и др.

сударственным хранением эмпирики. Подтверждений этому более чем достаточно.

К сожалению, в России еще не выработалась практика в спорных случаях идти в суды. Такие случаи единичны, но даже поражения в судах оборачиваются изменениями в архивах к лучшему. Так, после встречи в суде Георгия Рамазашвили и ЦАМО (чем не битва Давида и Голиафа?) этому ведомственному архиву пришлось сбросить шкуру мастодонта и взять равнение на государственные. А до суда ты не мог пользоваться ноутбуком и должен был показывать уполномоченным девушкам, тетушкам и бабушкам свою заветную тетрадку, чтобы они проверяли, что это ты там записал и нет ли там чего-то такого, чего тебе не то что знать, а и читать не надо. И еще много прочих вещей, которые делали работу там униженной и малопродуктивной.

Может быть, это наивно, но мне кажется, что многие элементарные вещи могли бы легко и цивилизованно решаться именно судами. При всем скепсисе, которого заслуживает басманное судоговорение, вертикаль российских судов восходит к Кремлю все же не повсеместно, и правовое поле местами скорее существует, чем отсутствует, то есть оно имеет форму архипелага, а не материка.

Суды не будут делать под козырек Комитету «Победа» и прочим эманациям и ипостасям коллективного ГЛАВПУРа. Имеет значение и статус истца: существенно, если туда будут обращаться не индивидуальные читатели архивов или историки, хотя бы и с именем, а их группы. «Идеальный», с точки зрения защиты интересов, истец — это некая условная Ассоциация читателей архивов (организация крайне целесообразная, но, увы, не существующая). В таком случае это будет игра почти на равных, а самое главное — на нейтральной территории. В противном же случае, то есть на своем поле, ГЛАВПУРовская линия легко побеждает. И то: если надо, ворота передвинут, и если захотят, будут одинад-

цатиметровый бит с семи метров. Но, перенесись этот спор в суд, им было бы уже не так легко.

Кстати, определенные сигналы президент подает, нет-нет да уделяя время для «прикладной истории» и историографических впечатлений. Так, 17 июля 2004 года он первым из первых лиц посетил даже не исторический музей, а археологические раскопки в селе Старая Ладога Волховского района Ленинградской области — одном из исторических мест Древней Руси¹. В начале 2004 года он пригласил к себе директоров двух московских академических исторических институтов (академиком А.О. Чубарьяна и А.Н. Сахарова) — и обсуждал с ними вопросы «совместимости» различных российских учебников истории, или, иными словами, построения «вертикали» и в историческое прошлое как преподаваемой дисциплины.

Поиск ободряющего исторического позитива также является неременной составляющей «путинской историографии». За дефицитом исторического «позитива» в текущей современности вновь востребованными становятся и занефталитенные, часто полумифические герои, вроде «28 панфиловцев» или Павки Корчагина. Не одно поколение советских людей и политиков воспитывалось на следующей фразе: «Жизнь дается человеку один раз, и прожить ее надо так, чтобы...». И вот роман Николая Островского «Как закалялась сталь» вновь вернулся в обязательную программу московских школ². Творчеству заслуженно забытого «классика» предписано посвятить открытые уроки и творческий конкурс «Николай Островский — героический образ мужества и служения Отечеству». Сама же «Как закалялась сталь» переиздается массовым порядком, pendant к ней задума-

---

¹ См. в Сети: <http://www.regions.ru/article/any/id/157204.html>

² *Пелехацкая Н.* От Павки Корчагина рукой подать до друтого Павлика — Морозова. // Известия. 2004. 18 сентября.

на новая книжная серия «Богатыри духа» о людях «корчагинской судьбы».

Надо отдать должное: президент последователен. Выстроенная им из Кремля властная вертикаль дает в политике «Единую Россию» и 86% заединщиков и патриотов. Будучи опущенной в историю, она не может не затребовать себе «единую историю», в литературу — «единую литературу», в географию — «единую географию» и т.д. В логике такой пирамидальности несчастным 14% с их открытостью для критического усвоения истории и освоения ее целины, конечно, не слишком уютно. Но на то она и демократия, чтобы решало большинство.

Поначалу казалось, что отдельного «медведевского» периода не прослеживается, настолько третий российский президент хорошо и полностью вписался в рамки, установленные вторым.

Потом я пересмотрел это мнение, ибо обратил внимание на попытки инструментализации исторического знания во внешнеполитической деятельности России. В конце 2000-х гг. в историографическом ландшафте России произошло знаменательное событие — возникновение (как бы снизу) негосударственной общественной организации — фонда «Историческая память» под руководством Александра Дюкова. Бросалось в глаза, насколько хорошо деятельность фонда скоординирована с усилиями МИДа.

Возникновение «Исторической памяти» — до известной степени еще и признание своего рода «банкротства» официальных военных и гражданских историков — министерских и академических, более не способных «обслужить» родное государство на требуемом в XXI веке уровне и с требуемой скоростью. «Историческую память» сразу же привлекли и к парламентским слушаниям по поводу бесславной борьбы с зарубежными фальсификаторами российской исто-

рии, и к массе других мероприятий, в том числе иницируемых и самим фондом. У фонда — внушительная издательская программа, включая издание собственного журнала, причем пропагандистское начало сочетается здесь с научным.

Ну и сама Комиссия Нарышкина-Затулина о фальсификациях — факт более чем нетривиальный по своему цинизму и глупости, но вместе с тем и по замаху. Через историю, с помощью «ручной» и «прикормленной» истории она пыталась осуществлять внешнюю политику государства (взлету и падению соответствующей Комиссии посвящена в этой книге отдельная глава).

Фацит

Голоса против этого ГЛАВПУРовского противопоставления так и не были услышаны. Равноуважительного отношения ко всем участникам и жертвам войны — и к ветеранам-красноармейцам, и к поневоле военнопленным, и к гражданским жертвам нацистских преследований (евреям и неевреям) добиться не удалось.

Война — общенародная трагедия, и память о ней, как и храмы на Поклонной горе, нельзя позволять узурпировать.

И с этой точки зрения информационная политика нынешних властей прекрасно вписывается в российско-советские информационно-пропагандистские традиции, к которым она все более и более приближается и по внешнему антуражу. Как объяснить иначе время от времени забрасываемые в общество «шары» типа предложения вернуть Волгограду его историческое имя (но не Царицын), Лубянской площади — ее недавний исторический облик (но не фонтан для жаждущих лошадей), а праздничному оформлению улиц и площадей майской Москвы — портреты генералиссимуса (но не Суворова)?

Сохранение вчерашнего «статус-кво», «нулевое решение» сегодня — это все та же тяга к забвению и беспомысленности.

В чем, собственно, заключаются сквозные советско-российские историографические и неотделимые от них информационно-пропагандистские традиции?

Прежде всего — в фальсифицирующей установке на Войну как на Победу и только Победу. Вопрос о «Цене Победы» при этом сознательно замалчивается или обходится.

Историческая идиллия и непрерывные победы русского оружия в прошлом, историческая преемственность и, стало быть, государственная непогрешимость и настоящим и, наконец, блистательные перспективы в будущем, причем чем будущее отдаленней, тем перспективы блистательней.

Идея государственного преступления, сознание исторической вины и, особенно, потребность в историческом покаянии Российского государства в России крайне непопулярны. Признание чего-либо, бросающего тень на государственный мундир, будь то существование секретных протоколов к соглашению, заключенному родным государством с собственным врагом, или скрупулезно доказанный факт изнасилования и убийства российским офицером на допросе девушки-чеченки — даются, если их уже не удастся скрыть и замолчать, с колоссальным трудом. Первая, органическая и почти рефлексивная (по Павлову) реакция — концы в воду.

Вспомните Катюшу: признания выдавливались только с невероятным напряжением, только под нажимом неотвратимой бесспорности, только в последнюю секунду и никогда не полностью, только маленькими порциями. Они и оглашались как бы через губу, без формальных, по возможности, извинений и, как правило, без учета вытекающих из них последствий. В признании и оглашении исторической вины и в произнесе-

нии вытекающих из этого извинений первые лица государства также не были замечены.

Все эти особенности вполне можно обозначить как отчетливую тягу к забвению и беспамятству, то есть как **историомор**.

История, этот «пороховой погреб», всегда рискует не только взорваться, но и быть поставленным под усиленную охрану, быть оцепленным или даже затопленным.

Но никому не удавалось и никому не удастся ни насильно удержать ее в архивных казематах, ни навечно выхолостить в казенных изданиях. В сущности, этот порох уже взорвался, и нет такой большой тайны, о которой не было бы известно ничего или ничего правдивого.

Правда истории не принадлежит государству и его политике.

А историомор — дело, увы, почти неизбежное, но априори временное и заведомо преходящее.

2000II «ГИТЛЕР КАПУТ?..» (ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ ОТЗЫВОВ)

Неожиданная выставка, но как нужно это напоминание не столько о войне и фашизме, сколько о фюрерах и их конце.

Запись Даниила Гранина,
27 апреля 2000 г.

Нюрнбергская есть пружина...

О. Мандельштам

В мае-июне 2000 года в Выставочном зале Федеральных архивов на Большой Пироговской улице экспонировалась выставка «Агония Третьего рейха. Возмездие», организованная Государственным архивом Российской Федерации при участии других архивов и музеев и приуроченная к 55-летию Победы. Для нацистов же это было бы 55-летием Поражения, Разгрома, Краха: именно о том, как это выглядело изнутри их последней цитадели, прежде всего и рассказала выставка.

Вниманием СМИ и посетителей выставка обделена не была: за два месяца, по оценкам организаторов, ее посетило около 8 тысяч человек.

Экспонаты разместили в двух небольших залах. Первый — со свастиками и в серой гамме — это зал агонии. Это как бы бункер в миниатюре: в центре — коричневый партийный китель Гитлера, мини-лаборатория для обнаружения ядов в воздухе, а также дневники и пистолеты Геббельса (увы, главный источник главного «яда» национал-социализма находился внутри бункера; его «пары» и по сей день выветрились не вполне).

Фантазмагория последних дней и часов Гитлера и его ближнего круга дана скупыми, но очень точными экспозиционными мазками (показ не только женитьбы

фюрера на Еве Браун, но и расстрел ее брата-дезертира и т.п.). Поневоле склоняешься к версии, что самоубийствам предшествовали клиническая деградация личности, животный страх смерти, но, может быть, и еще больший ужас от позорной перспективы быть провезенным в клетке по городам и весям СССР.

Экспонаты второго — красноезвездного — зала повествовали о событиях, происходивших уже без фюрера. Главным из них была безоговорочная капитуляция фельдмаршала Кейтеля, при живом ефрейторе Шикль-грубере едва ли возможная. Так что в этом зале Гитлер совершенно заслуженно и правомерно представлен главной сенсацией выставки — фрагментом черепа с пулевым отверстием. Это зал уже не агонии, а неотвратимых конца и кончины Третьего Рейха.

И вот выставка закрылась, дематериализовалась. Экспозиция разобрана, экспонаты развезены или разнесены по местам хранения. И, кроме облачка-воспоминания, на память остались только каталог (кстати, замечательный) да еще книга отзывов — если угодно, последний и вечный экспонат той же выставки.

Эти заметки о ней, об этой книге.

Конечно, в ней много традиционного и ожидаемого — провинциальные восторги широкой публики, чистосердечные благодарения организаторам, поощрительные приветствия — или ворчливые придирки («Несколько разочаровало расхождение нескольких экспонатов с объявленным в каталоге...») — коллег: историков, архивистов, музейщиков (есть даже приглашение показать выставку на вилле в Ванзее!).

В центр экспозиции организаторы сознательно поставили продырявленный фрагмент черепа Гитлера: по эмоциональности и доходчивости с этим палеонтологическим артефактом не потягается никакой документ, будь то хоть сам Акт о капитуляции. Что ж, посетители явно «клюнули» на эту приманку: «*Теперь я верю, он умер*». «*Good to see: he is died*» («Хорошо

удостовериться, что он умер»). *«Эта выставка очень интересная. Здесь я впервые увидел череп Гитлера, вернее, то, что от него осталось».* Или даже: *«Увидеть простреленный пулей череп А.Гитлера было самым большим желанием, даже мечтой нашего народа. Ради этого совершались подвиги».*

Такого наивного физиологизма, с которым были восприняты анатомические фрагменты фюрера, думаю, не ожидали и сами устроители: *«Никогда мне не забыть того, что я увидела в фильмах, а тем более темени Гитлера».* *«Больше всего понравился кусок черепа. Боже мой, какие контуры! Какое изящество линий, а эта дырочка после пули просто поражает. Я в восторге».* *«Мы очень опечалены, что в экспозиции отсутствуют челюсти Гитлера, а показаны только они на фото. Очень жаль! Весьма жаль!»* Многим же не достает еще и фюреровых зубов.

Между прочим, немало и тех, кто сомневается в подлинности фрагмента черепа Гитлера и требует повторной экспертизы. А американка Евгения Б. вопрошает: *«Is the skull real?»* — «А череп-то настоящий?» (вот, кстати, второй ее вопрос: *«What other secrets do you keep?»* — «А какие еще секреты вы храните?»). Настаивают и на экспертизе следов крови на диване: не вурдалака ли?

А иным не до сомнений: они кипят гневом и требуют предъявить им еще и череп Сталина (см. ниже), а заодно и скальп Ельцина (*«... Хочется надеяться, что и сегодняшние псевдо-“демократы” не избегут такого же позорного конца, как и военные преступники III рейха».*).

Впрочем, многие относятся к самоубийству Гитлера как к триллеру или детективу, в котором, после выставки, стало то ли больше, то ли меньше ясного. Но не черепом единым брала выставка: некоторых поразили эссовский штандарт, перевернутый, в знак поражения, вниз. *«Удивительно, но очень запомнились чудесные лица детей Геббельсов. И к детишкам нет никаких отри-*

цательных эмоций, скорее — жалость к начинающейся, растоптанной их же породившими жизни».

Читая книгу отзывов, чувствуешь, что общество на выставку откликнулось горячо, но что каждый видит в ней то, что хочет видеть. Вот, например, взгляд сталиниста: *«Пусть хулители Сталина увидят его гигантскую фигуру, ведущую наш народ к победе! И никогда нынешним пигмеям не подняться до высоты гения нашего вождя».*

Но есть и противоположное мнение: *«Не плохо бы показать для людей череп Сталина... К сожалению, в нашей стране нет виноватых за преступления Сталина и история молчит... Хочется продолжения».*

Как это ни удивительно, но этому антисталинцу вторит ярый (и, кстати, очень молодой сталинист, подписавшийся учеником 10 «Б» класса): *«Спасибо за выставку. Однако очень мало материалов и документов о товарище И.В. СТАЛИНЕ. Складывается мнение, что мы живем не в России, а в Германии. На выставке в следующий раз должны быть представлены материалы и о товарище СТАЛИНЕ. А то что это: живем в России, а тут Гитлер!..».*

А вот другая школьница, Люба из 953-й школы, сделала из увиденного совсем другой вывод: если в нас будет мир в своей душе, то *«никакая сила не заставит нас уничтожать себе подобных. Обратимся же к Господу...».*

Большинство экспозицию хвалят (впечатление она оставляла, как правило, сильное), многие требуют на этой основе музея или постоянной выставки. *«Наша победа заслужила того, чтоб о ней говорили без оговорок, умолчаний и стеснения».* Многих переполняет естественный рецидив гордости победителей: *«Слезы наворачиваются на глаза, слезы радости и горечи. Россия — Великая Держава. Живи, Россия, вечно».* *«Слава Господу за спасение Святой Руси».*

Но некоторые выставку почему зря ругают: *«Абсолютно мерзкое внутреннее ощущение».* *«Экспонаты можно*

не рассекречивать. Они себя изжили...». Или: «Что рассекречивал Патрушев (председатель ФСБ. — П.П.) — загадка... Но если показываете — показывайте все, что есть в ваших сейфах». «Хорошая выставка, но мало экспонатов. Побольше видеоматериалов. Надо больше информации о концлагерях». «Выставка безобразная. Мало экспонатов. Ну да все равно огромное спасибо».

А вот еще одно нарекание: «Мало представлено художественных работ А. Гитлера. Как у любителя, они должны быть у него».

Но тон в книге отзывов задавали все же не поклонники гитлеровской живописи, а приверженцы его чудовищной идеологии. Столь заметное и агрессивное «присутствие» последователей Гитлера — настоящих и обыкновенных фашистов — стало, пожалуй, самым неожиданным и неприятным итогом. Книга отзывов стала для них своеобразной трибуной, причем для всех их оттенков — от патетического до погромного.

«Светлая идея национал-социализма будет вечно жить в наших сердцах». «Выражаем благодарность за проведение выставки такого замечательного человека рейхсфюрера III рейха Адольфа Гитлера. Мы не согласны с тем, что выставка озаглавлена "Агония". По-нашему, III рейх требует уважения. Skinheads в душе и продолжатели великого дела Фюрера. Каве и Демон». «Последний Рыцарь Человечества — Иозеф Геббельс. Боги умерли». «Возмездия не признаю. Труп не выставлен в музеях. Фальшивка не удалась. Neil Hitler». «Долой капитуляцию. Мы победим!».

Свастики, эсэсовские молнии, опять свастики. Подписи: «Вервольф», «SS», «О.Б. 88», «20 апреля 2000 г.» (то есть день рождения Гитлера). А вот и тексты: «Лейбштандарт СС должен висеть не кверху ногами, а над Кремлем» (задело, значит). «Мы победим. SS». «Победа все равно будет за нами. Ich liebe die Waffen-SS. Oberstgruppenführer Serge Shurl». А вот и на ломаном немецком: «Deitchland! Erwache!», то бишь: «Германия! Пробудись!..»

А вот эти «похвалы» и «благодарности» особенно настораживают — они звучат из уст реальных российских фашистов: *«Фюрерá живут и побеждают. Спасибо за выставку»*. *«Прекрасная выставка! Завещание и наследие Великого Человека и Мессии, нашего любимого Фюрера будет жить в веках. Новая славянская нация возьмет на себя завещание Вождя и освободит мир от сионизма и коммунизма! (Мы победим)»*. *«Агония III рейха. Возмездие всем жидам. Триумф IV Рейха в России»*. *«Russland, Russland über alles!!!»*

Обратите внимание на эти «фюрерá» (наподобие «шоферá» или «ордерá»). Но не надо впадать в иронию, не стоит смеяться над грамматическими ошибками нацистов-недоучек: ведь это только прибавляет серьезности их угрозе, ибо в их несущей идеологии грамотность и образованность не в чести. Куда важнее, например, бдительность: и один из них зорко узрел скрытую от остальных таинственную связь между пятиконечностью красной звезды (пентаграмма), четырехгранностью стенда с останками и фамилией художника экспозиции (Давид Берштейн).

Кстати: нацисты — они и в книге отзывов наглее других: корежат, переиначивают, «редактируют» чужие записи (чаще всего зачеркиванием «фашистский» и приписыванием «коммунистский»).

Разумеется, другие посетители выставки дают отпор и в книге отзывов доморощенным нацистам: *«Гневно осуждаю фашистско-хулиганские высказывания в этой книге. Это — надругательство над историей и нашей Победой!»*. Их предупреждают: *«Спасибо за выставку-напоминание. Пусть наши нацисты помнят, чем кончаются эти игры!»*

Весомым ответом нацистам стала бы и запись немца из Мюнде (фамилия не очень разборчива), племянника военного преступника. Даю ее в переводе: *«Выставка отчетливо показывает, что войны из ненависти ничего*

не могут решить, она преподносит урок по созданию общей и мирной Европы».

Особенно запомнилась одна запись: «Супервыставка! Больше skinot не буду!!». И еще одна, более уместная в «книге отзывов» Парада Любви, если бы такая велась: «*Make love. Not war!*»

Есть и другие «знаковые» для нашего времени записи. Например: «Здесь были Аня и Леша. Выставка классная». «Круто. Здесь были мы. Жека и Рома». Столь же современно и другое — как бы деловое — предложение: разрешить за 200 долларов фотографироваться в мундире Гитлера.

Но есть записи и попросту трогательные, например: «*Большое спасибо бабушке, которая сделала мне погромче телевизор*». Или признание некоей Лены в том, что на выставке ей «...особенно понравился постовой милиционер старший сержант Семенов».

Захлопнем книгу отзывов и переведем дух. Эти несколько сотен записей на русском и всех основных европейских языках (а еще и на арабском) оказались, по совместительству, произвольным социологическим зондом. Они явили собой примечательный, причудливый и все же несколько тревожный образ не только посетившей выставку публики, но и того общества, частью которого она является.

Диагноз же, в целом, примерно такой: пациент не вполне здоров, состояние вялое, сумбурное, авитаминозное; в голове каша, а в крови, в поле зрения, отдельные спирохеты хронического незалеченного нацизма, якобы искорененного в 1945 году. Перспективы развития болезни самые неопределенные.

Спасибо выставке за эту горькую правду.

2005|| ВАШЕ БЛАГОРОДИЕ — ГОСПОЖА ПОБЕДА

Этот воздух пусть будет свидетелем...

О. Мандельштам

Эстафета 60-летних событий и юбилеев заключительного этапа войны началась в 2004 году.

4 июня 1944 года американцы освободили Рим, и на тот же день союзниками планировался так называемый «День Д» (D-Day) — высадка на оккупированном немцами европейском материке. Погода заставила их перенести дату, и вторжение началось 6 июня.

Немцы их ждали в горловине Ла-Манша — в районе Кале. Союзники сделали все, чтобы не разубедить их в этом, а сами готовились к высадке на нормандском берегу. Это им удалось, но около 40 тысяч захлебнувшихся в воде и собственной крови, скошенных из пулеметов или умерших от ран — такова страшная цена отвоеванного плацдарма. Час невероятного испытания для военной доктрины, в которой за территорию предпочитали платить не человеческими жизнями, а боеприпасами и временем.

Представители 17 стран собрались по этому поводу вблизи городка Кана — на открытой заасфальтированной площадке близ высокого атлантического берега, атакованного союзниками 60 лет тому назад. Воистину театр боевых действий стал театром действия мемориального: семь полукругом и с небольшими зазорами поставленных высоких плит-мониторов служили подмостками и сценой.

Для гостей — ветеранов, политиков и журналистов — были расставлены стулья под тремя элегантными навесами, призванными защитить их от солнца или дождя. Самыми последними пожаловали английская

королева и президент США: пунктуальная Елизавета еще успела перекинуться парой слов с ветеранами, а вот припоздавший Буш — разве что поздороваться с соседями по креслам — Шираком и Путиным.

Годовщина вторжения отмечается ежегодно, но впервые в подобной церемонии принял участие и немецкий канцлер. Мужественный знак воочию свершившегося примирения в новой объединенной Европе — ведь тогда, в Нормандии, закладывались основы освобождения не только оккупированных народов, но и самих оккупантов — немцев. (В тот же день Шредер возложил венки на военном кладбище в Кане, где вместе покоятся останки солдат восьми государств, в том числе и немецких.)

Сама церемония была впечатляющей. Вслед за парадом ветеранов, представлявшим армии тех стран, что высаживались в этих местах, и вручением президентом Франции некоторым из них ордена Почетного легиона, короткую эмоциональную речь произнес Жак Ширак. В ней не было ни грана от ставшего уже привычным, но от того не менее тупого противопоставления одних союзников другим — Победа Мая 45-го была общей победой сил коалиции, и высадки в Нормандии не было бы без Сталинграда и Прохоровки, как и штурм Берлина без ленд-лизной техники и высадки в Нормандии. Военный парад тоже был, но был он своеобразен: никакого чеканного шага и гусеничного рева, — над местом события пролетели боевые самолеты того и этого времени (несколько — с цветным дымовым шлейфом в гамме французского триколора), а по морским кулисам — и в укрупненной трансляции на экранах — величественно проплыла интернациональная эскадра. Пехота была представлена сводным международным оркестром, также не злоупотребившим временем и вниманием гостей.

Зато запомнилось коллективное соло «роты» шотландских волынщиков: сыгранная ими мелодия, зароняя тоску и тревогу, и стала прологом историко-театрального

действия, разыгранного перед собравшимися небольшой хоровой труппой Канского университета. Песни сопротивления и любви, перестроения, в зависимости от происходившего за их спиной, в несложные геометрические фигуры-образы (траурного креста, например) и столь же простые, но выразительные хореографические композиции в их исполнении звучали и смотрелись просто и художественно. За спиной же — на мониторах — одни документальные кадры сменяли другие: ужасы войны — воздушные бои и бомбардировки (в это время высоко над ристалищем пролетели и настоящие самолеты), разрушения и гражданские жертвы на земле, отчаянная высадка, смерть и плен военнослужащих, плач и скорбь гражданских — матерей, вдов и сирот — все это постепенно уступало место радости победы, счастью свободы и еще — благодарности за освобождение, воспоминанию о тех, кто положил за это жизнь.

Затем несколько достойных слов на французском и английском языке о трагедии войны и важности сохранения памяти и примиряющего духа сегодня сказали еще три француза — ветеран Сопротивления, совсем юная девушка-экскурсовод и средних лет директор местного военного мемориала. На фоне наплывающих друг на друга кадров солдатских фотографий и писем с фронта Патрисия Каас — и тоже на двух языках — спела «Письма с фронта» — песню из репертуара Пиаф.

Заключительным аккордом действия стали кадры, снятые с воздуха: берег моря, бесконечные песчаные пляжи Нормандии, на песке — люди самого разного возраста и национальности стоят, взявшись за руки. Камера отплывает от них вверх, и мы видим, что из людей этих складываются буквы, а из букв — слова: NORMANDIE, MERCI, LIBERTE.

Эти кадры были встречены овацией, несколько ветеранов расплакались. Сценарий и исполнение всего действия заслужили эти аплодисменты. Все было просто великолепно, включая погоду.

Впервые на торжествах, кроме Шредера, был еще один государственный руководитель — это российский президент. Первый из кремлевских обитателей, родившийся уже после войны, Путин внимательно и серьезно всматривался в происходящее на природно-хайтекном подиуме. 9 мая 2005 года — в день 60-летия Победы — ему уже не придется отсиживаться в партере. Но понимает ли он, что от того, как пойдут эти торжества, будет зависеть не только европейский и мировой имидж России, но и ее истинное историческое наполнение?

Российский организационный комитет «Победа», который Путин по должности и по совместительству возглавлял, был призван готовить именно юбилей 2005 года; при этом Комитет упорно являл собою монструозную организацию сусловского разлива из арсенала холодной войны. И Комитет, и саму Победу основательно подмяли под себя ветеранские организации воинов-интернационалистов афганской войны и других локальных конфликтов, как велеречиво они теперь себя называют. Бравые вояки, они с успехом борются и за финансовые потоки Комитета и не стесняются встраивать себя в исторические контексты, к которым не имеют ни малейшего отношения.

Военно-политическое кредо Комитета вытекает из его названия — путь Красной армии был усеян только победами! Но оно решительно не выдерживает исторической критики, ибо игнорирует ее трагическое, катастрофическое начало — котлы начала войны, правду еврейского геноцида и других зверств оккупации, правду бесчеловечного плена и насильственного угона в Германию. Но разве можно «не заметить» десятки миллионов жертв, павших не на полях сражений, а как бы на обочине войны?

Вытекающий из этой парадигмы и всячески лелеемый «героцентризм» не оставляет в программе места никаким другим ветеранам и жертвам войны, в част-

ности, военнопленным и гражданскому населению. Их и сегодня дискриминируют в бюрократической и ветеранской среде, преподнося в ореоле зашталинизированных стереотипов типа — «военнопленные-предатели» и «остарбайтеры-пособники». Такая идеологическая установка — вместо долгожданных примирения и взаимопонимания — никак не приближает гражданский мир в обществе, которое в этом мире нуждается как никакое другое. К тому же ситуация биологически необратима: популяция героев войны, как и популяция тех, кто был лишь жертвами на ее обочине, относятся к одному поколению и до следующего юбилея уже не доживут.

2005|| ЮБИЛЕЙ А LA GLAVPOUR: РОССИЙСКИЙ ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ «ПОБЕДА» КАК ЕСТЕСТВЕННАЯ МОНОПОЛИЯ

Когда бы грек увидел ваши игры...

О. Мандельштам

Старики и салаги: истоки и лица РОКП

Наименее спорным и практически никем не оспариваемым достижением советской власти была окончательная победа в войне с Германией. Юбилеи Победы сменяли друг друга, но говорить о «цене» Победы, как и об отдельных поражениях, нанесенных противником, всегда считалось моветоном: отдельные просчеты и промахи не в счет.

Пять последних юбилеев — 50-летие, 55-летие, 60-летие, 65-летие и 70-летие — пришлось на постсоветские годы. Президент Ельцин причастен к празднованию первых двух из перечисленных юбилеев, оба пришлось на так называемые «тощие» годы, причем 50-летие праздновалось в его правление, а 55-летие — в путинское, но готовилось ельцинской командой.

В этом смысле особенно показательно празднование именно 60-летия — первого чисто «путинского» юбилея. Попробуем проанализировать ход и характер подготовки именно к этой дате, равно как и основные итоги торжеств¹. Указом № 1441 Президента Российской Федерации от 5 августа 2000 года, то есть спустя всего три месяца после празднования 55-летия Победы, была конституирована новая организа-

---

¹ Естественно, что многие участники этого процесса в настоящее время занимают совершенно другие должности или не занимают никаких.

ция, призванная заменить и объединить две параллельно до этого существовавшие организации — Российский организационный комитет по подготовке и проведению мероприятий в связи с памятными событиями военной истории Отечества и по делам ветеранов и Российский организационный комитет по подготовке и проведению празднования 55-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 годов.

Это «Российский организационный комитет «Победа»» (далее РОКП, или Комитет). Указом утверждалось «Положение о РОКП», органам исполнительной власти предписывалось оказывать ему всяческое содействие, при этом организационное обеспечение деятельности РОКП возлагалось на Организационное управление Президента РФ, что делало его идеологическим органом с весьма невнятным статусом и мандатом, но с высоким положением¹.

---

¹ Законодательная база Указа — законы РФ «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества», «О днях воинской славы (победных днях) России» и «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов». При этом утратившими силу признавались следующие Указы Б.Н. Ельцина: № 104 от 22 января 1999 г. «О подготовке и проведении празднования 55-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 годов» (Собрание законодательства Российской Федерации, 1999, № 4, ст. 548; № 37, ст. 4454), № 1166 от 6 сентября 1999 г. «О составе Российского организационного комитета по подготовке и проведению празднования 55-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 годов» (Собрание законодательства Российской Федерации, 1999, № 37, ст. 4454; 2000, № 6, ст. 757) и № 300 от 3 февраля 2000 г. «О составе Российского организационного комитета по подготовке и проведению празднования 55-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 годов» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2000, № 6, ст. 757).

Согласно Положению, уставные цели Комитета исключительно благородны — возрождение и укрепление патриотизма и повышение международного престижа Российского государства. Но, поскольку задачи эти не только высокие, но и вечные, то в Администрации президента резонно сочли, что одними ветеранами и одной только Великой Отечественной войной (ВОВ) тут не обойтись. Потому РОКП вменил себе в обязанность заботу о ветеранах любых «боевых действий» как на территории СССР, так и на территориях других государств, то есть охватил вниманием ветеранов и афганской, и чеченских войн (вот только не знаю, входили ли в их число Раббани и Басаев), но и это не все — в визире РОКП оказались еще и ветераны государственной службы!

Таким образом, первоначальную целевую группу — ветераны ВОВ — основательно разбавили ветеранами «новобранцами», так что контуры самого РОКП в итоге оказались весьма размытыми при внутренней неоднородности и противоречивости. Конфликт интересов при этом был запрограммирован, как, впрочем, и то, кто из этого конфликта выйдет победителем: ведь ветераны-кагэбэшники — это все что угодно, но не саляги. Молодые и напористые, «ветераны» ограниченных контингентов и госслужбы использовали стариков из формации ВОВ в качестве «живого щита» (правильнее было бы сказать: полуживого) при выбивании средств и вместе с тем систематически вытесняли их из различных совместных с ними программ и проектов.

Постоянный аппарат РОКП структурно членился на рабочие группы. Их, по состоянию на начало 2005 года, было девять, с высокопоставленными чиновниками в качестве координаторов и членов:

1. По социально-экономическим вопросам условий жизни ветеранов ВОВ, боевых действий и военной службы;

2. По взаимодействию с общественными объединениями ветеранов, офицеров запаса и в отставке;

3. По взаимодействию с общественными объединениями инвалидов боевых действий;

4. По координации подготовки и проведения основных торжественно-праздничных мероприятий в связи с памятными датами военной истории Отечества;

5. По координации подготовки и проведения военно-мемориальных мероприятий в связи с памятными датами военной истории Отечества;

6. По координации подготовки и проведения информационно-пропагандистских и культурных мероприятий в связи с памятными датами военной истории Отечества;

7. По координации подготовки и проведения мероприятий в субъектах Российской Федерации в связи с памятными датами военной истории Отечества;

8. По координации подготовки и проведения международных мероприятий в связи с памятными датами военной истории Отечества;

9. По военно-патриотическому воспитанию молодежи.

Весьма интересен и персональный состав членов РОКП, возглавлявшегося, по должности, президентом РФ¹. Поначалу у Владимира Путина не было 1-го заместителя, что, в свете моды на вертикали, нельзя было рассматривать иначе как упущение. В июне 2004 года упущение было исправлено, и 1-м замом, по просьбе ветеранов, высказанной на встрече с Президентом в Министерстве обороны РФ в декабре 2003 года, назначили Сергея Борисовича Иванова, в то время ми-

---

¹Точная дата сведений о персональном составе РОКП на сайте не названа. Кроме того, в составе Комитета происходили и текущие изменения, о которых мы располагаем только отрывочными сведениями. Анализируемый ниже состав РОКП берется по состоянию на 21 июля 2003 г. (см.: <http://www.pobeda-60.ru/main.php?trid=1962>). Очевидно, что после административной реформы весны 2004 г. состав основательно трансформировался.

нистра обороны РФ, до этого лишь рядового члена. Заместителями председателя РОКП являлись также Ефимов А.Н., президент международного общественного фонда «Победа-1945», Иванов В.П., заместитель руководителя Администрации Президента РФ, Матвиенко В.И., заместитель Председателя Правительства РФ, Сергеев И.Д., помощник Президента РФ, Соколов С.Л., председатель Московского комитета ветеранов-военачальников и Чилингаров А.Н., заместитель Председателя Государственной думы Федерального собрания РФ тогдашнего созыва. Но истинным мотором Комитета (то бишь его ответственным секретарем) являлся Чернов В.А., начальник Организационного управления Президента РФ — того самого, при котором РОКП и был конституирован¹.

Очевидно, что именно этой принадлежностью объясняется то, что с самого начала РОКП был щедро оснащен признаками весьма современной и активной организации. Сайт комитета² был создан еще в 1999 году, то есть за год до официального рождения самого РОКП — вероятней всего, не в президентскую, а всего лишь в премьерскую бытность Владимира Путина. Причем создан не мальчишкой веб-дизайнером, а компетентнейшим Главным управлением информационной разведки Федерального агентства правительственной связи и информации.

Список «рядовых» членов РОКП, насчитывающий около 50 имен, открывается — и, по-видимому, не только по алфавиту, но и по праву — Азаровым В.М., начальником Главного управления воспитательной рабо-

---

¹ Иногда заседания вместо него вел другой чин Администрации Президента — Начальник департамента по обеспечению деятельности консультативных органов Управления Президента РФ по кадровым вопросам и государственным наградам Р. Латыпов.

² См. в Сети: www.pobeda-60.ru (увы, сайт этот более не существует).

ты Вооруженных Сил РФ, наследника ГЛАВПУРа. Отвлечемся от имен и алфавита, тем более что многие, как видно, входят или входили в состав РОКП по должности, но приглядимся к функциям и служебной принадлежности его членов.

Богаче других в ней представлена Администрация Президента: заместитель Руководителя Администрации Президента РФ, он же начальник Управления Президента РФ по внешней политике (Приходько С.Э.), управляющий делами Президента РФ (Кожин В.И.), начальник Административного департамента Аппарата Правительства РФ (Галкин В.С.), начальник Главного государственно-правового управления Президента РФ (Брычева Л.И.), начальник Главного управления внутренней политики Президента РФ (Косопкин А.С.) и начальники двух Управлений Президента РФ — по работе с обращениями граждан (Миронов М.А.) и по государственным наградам (Сивова Н.А.). Сюда же добавим и полномочного представителя Президента РФ в Центральном федеральном округе (Полтавченко Г.С.) и секретаря Совета Безопасности РФ (Рушайло В.Б.).

Мощнее всего были представлены Правительство РФ и его Аппарат (и оба всегда с большой буквы!), в частности, ряд чиновников путинского призыва — министры или первые заместители министров РФ — внутренних дел РФ (Грызлов Б.В., впоследствии спикер Госдумы РФ), министр здравоохранения РФ (Шевченко Ю.Л.), министр культуры РФ (Швыдкой М.Е., затем в должности руководителя федерального агентства), первый заместитель министра финансов РФ (Улюкаев А.В.), первый заместитель министра труда и социального развития РФ (Карелова Г.Н.), первый заместитель министра Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций (Сеславинский М.В.), председатель правления Пенсионного фонда РФ (Зурабов М.Ю., настоящее время — министр труда и со-

циального развития РФ), руководитель Росархива (Козлов В.П. — руководитель федерального агентства), директор ФСО России (Муров Е.А.), а также начальники Департаментов Аппарата Правительства РФ — социального развития (Гонтмахер Е.Ш.), начальник Департамента культуры, образования и науки Аппарата Правительства РФ (Подуфалов Н.Д.).

Представлено было и Федеральное собрание. Членами РОКП являются, в частности, председатель Комитета Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации по делам ветеранов (Куликов В.Г.) и председатель Комиссии Совета Федерации по информационной политике (Мезенцев Д.Ф.).

Из муниципальных чиновников в РОКП замечены два москвича — первый заместитель мэра Москвы в правительстве Москвы (Швецова Л.И.) и председатель Комитета по делам территориальных образований, общественных и территориальных связей правительства Московской области (Громов В.В.).

Щедро представлены в РОКП и общественные организации. Но не те, что, хотя бы номинально, представляют непосредственно ветеранов ВОВ. Таких я насчитал всего три — Общероссийская общественная организация ветеранов войны и военной службы (председатель Говоров В.Л.), Российская Ассоциация героев и полных кавалеров ордена Славы (президент Варенников В.И.) и Ассоциация международного военно-мемориального сотрудничества «Военные мемориалы» (генеральный директор Быстрицкий А.Н.).

А вот для сравнения группа товарищей из различных организаций ветеранов многоуважаемой госслужбы. Среди них — председатель Федерации независимых профсоюзов России (Шмаков М.В.), председатель совета Всероссийской общественной организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов (Трунов М.П.), председатель Российского совета ветеранов органов внутрен-

них дел и внутренних войск (Шумилин Б.Т.), председатель Совета ветеранов ФСБ РФ (Пирожков В.П.), председатель Совета ветеранов Службы внешней разведки России (Голубев А.Т.), председатель координационного совета Международного союза¹ «Содружество общественных организаций ветеранов (пенсионеров) независимых государств» (Сорокин А.И.), председатель Координационного совета и Международного союза общественных объединений² ветеранов (пенсионеров) пограничной службы (Згерский Г.А.), председатель совета Всероссийского центра социально-правовой помощи ветеранам (инвалидам) войн (Михайлов В.Г.), лидер³ Российского союза ветеранов Афганистана (Клинцевич Ф.А.), председатель Общероссийской общественной организации инвалидов войны в Афганистане (Чепурной А.Г.), председатель правления Российской ассоциации «Армия и культура» (Лановой В.С.) и председатель Центрального совета Российской оборонной спортивно-технической организации⁴. Но, пожалуй, самая экзотическая из представленных в РОКП организаций — это Национальный Дельфийский совет России (председатель Понявин В.Н.)⁵.

В РОКП, разумеется, включены и религиозные деятели — представители трех конфессий, признанных для России исконными: митрополит Воронежский и Липецкий, управляющий Воронежской епархией Русской православной церкви Мефодий (Немцов Н.Ф.), митрополит

---

¹ Обратите внимание на это высокоразвитое обозначение руководителя!

² Обратите внимание на еще более высокоразвитое обозначение руководителя!

³ Абсолютно оригинальное, но весьма богатое ассоциациями обозначение руководителя.

⁴ Его секретное имя даже не проставлено.

⁵ Дельфийское движение — это, по самоопределению, то же, что и олимпийское, но только в области искусств, а не спорта.

Солнечногорский, управляющий делами Московской патриархии Сергей (Фомин В.П.), верховный муфтий, председатель Центрального духовного управления мусульман России Таджуддин (Таджуддинов Т.С.), муфтий, председатель духовного управления мусульман Европейской части России Гайнутдин (Гайнутдинов Р.И.) и главный раввин России Берл Лазар (Лазар И.Б.). Бросается в глаза скромная роль православных иерархов и их фактический паритет с муфтиями, но не с раввинами.

А вот музеи и наука в РОКП представлены негусто. На всю науку, в том числе на историческую и, в частности, военно-историческую, нашлось одно-единственное место, занятое президентом Академии военных наук РФ Гареевым М.А. Музеям, как и «афганцам», выделили тоже одно место, а именно Центральному музею Великой Отечественной войны 1941 — 1945 годов (директор Брагин В.И.), а еще одно — почему-то — Государственному Кремлевскому дворцу (директор Шаболтай П.М.).

По мере своего роста РОКП раздувался, а его персональный состав подвергался изменениям. Указом Президента Российской Федерации № 1099 от 5 сентября 2001 года «О внесении изменений в Положение о РОКП и его состав, утвержденные Указом Президента РФ от 5 августа 2000 г. № 1441 “О Российском организационном комитете “Победа”» число заместителей Путина увеличили с пяти до шести: дополнительное кресло понадобилось под президента Международного благотворительного общественного фонда «Победа-1945 год» А.Н. Ефимова¹. Указом от 26 января 2004 года число заместителей опять увеличилось — до одного первого заместителя и семи просто заместителей.

---

¹ Из состава РОКП были тогда исключены Канторов В.Ф., Куделина Л.К., Петров А.Б., Попов А.А. и Сергеев И.Д. На этом же этапе не то введены, не то подтверждены: Галкин В.С., Голубев А.Т., Грызлов Б.В., Згерский Г.А., Карелова Г.Н., Косопкин А.С., Лазар Берл, Лановой В.С., Мефодий, Пирожков В.П., Полтавченко Г.С., Таджуддин Т., Улюкаев А.В. и Шаболтай П.М.

Чем были заняты: заседания и мероприятия РОКП

Всего состоялось 18 заседаний РОКП: в 2000 году — два, в 2001-м — пять, в 2002—2003 гг. — по четыре, в 2004—2005 гг. — всего три.

Классические повестки — обсуждение проектов различных «Перечней» и «Программ» основных мероприятий, а также «Итогов» их реализации, мер по улучшению социально-экономических условий жизни инвалидов и участников ВОВ, освещение военно-патриотической темы в средствах массовой информации и деятельность религиозных объединений России по консолидации общества и патриотическому воспитанию граждан, меры по социальной защите инвалидов ВОВ и боевых действий и т.п.

На подготовку первого заседания РОКП, состоявшегося 4 октября 2000 года, ушло два месяца. Генерал В.И. Варенников говорил тогда об итогах реализации Программы подготовки и проведения празднования 55-й годовщины Победы в ВОВ, а В.М. Азаров — о ходе реализации Перечня основных мероприятий на 2000 год, проводимых в связи с днями воинской славы России и другими памятными событиями военной истории Отечества; тогдашний министр труда и социального развития РФ А.П. Починок — о мерах по улучшению социально-экономических условий жизни инвалидов и участников ВОВ в 1999 — 2000 гг., а ответственный секретарь РОКП В.А. Чернов — о предложениях в проект Федеральной комплексной программы РОКП по подготовке и проведению мероприятий, связанных с памятными датами военной истории России на 2001 год и о работе с письмами и обращениями ветеранов, поступившими в Администрацию Президента РФ и Правительство РФ на октябрь 2000 года¹.

---

¹ Впоследствии он будет говорить на аналогичные темы на каждом заседании (по крайней мере вплоть до 2004 года), так что соответствующие упоминания в дальнейшем нами опускаются.

Участники заседания высоко оценили собственную деятельность, но в решения просочились и некоторые проблемы, как, например, незавершенность некоторых (неназванных) мероприятий Программы в 2000 году, срыв в ряде субъектов РФ вручения участникам ВОВ нагрудного знака «Фронтовик 1941 — 1945 гг.» и т.д. Весьма любопытными являются те пункты решения, что посвящены финансовой стороне обеспечения деятельности РОКП: так, было горячо поддержано предложение ветеранских общественных объединений об образовании консолидированного благотворительного внебюджетного фонда «Победа» для финансирования мероприятий, проводимых в связи с памятными событиями военной истории России, и о поиске спонсоров. Наличие в составе РОКП столь первостепенных государственных чиновников позволяло скромно надеяться, что этот поиск будет небезуспешным.

На втором заседании РОКП (20 декабря 2000 года) был заслушан доклад В.Г.Михайлова о деятельности Всероссийского центра социально-правовой помощи ветеранам (инвалидам) войн. РОКП обратился к Минобразования и к Минобороны России с просьбой создать совместно межведомственную рабочую группу для выработки предложений и рекомендаций по сохранению в школьных музеях документальных архивных материалов участников ВОВ и более активному их использованию в военно-патриотическом воспитании.

О финансах не забывали помнить. В частности, заместителю председателя РОКП В.Л. Говорову рекомендовалось обратиться в Минатом России (организацию, кажется, бюджетную) с просьбой ускорить очередное перечисление денежных средств для внебюджетного финансирования выполняемых Оргкомитетом мероприятий, а рабочей группе по вопросам внебюджетного финансирования мероприятий Оргкомитета (координатор — дельфиец В.Н.Понявин) ежеквартально представлять в Минатом России отчеты об использовании этих средств.

Думал Комитет и о нуждах ветеранов, понимает их, заботится о них. Ему очень по душе опыт создания на базе Московского Дома ветеранов Центра социально-реабилитационного и культурного обслуживания ветеранов (инвалидов) войн и военной службы. Поэтому он рекомендует (а с таким председателем и секретарем и впрямь не просят, а по-начальственному рекомендуют!) Минтруду России и органам социальной защиты в субъектах Российской Федерации, а также Минобороны России, МВД России, другим министерствам и ведомствам, имеющим в своем составе войсковые формирования, — *«оказывать всемерную помощь в создании и развитии региональных Домов ветеранов (инвалидов) войн и объектов социально-реабилитационного и культурного обслуживания ветеранов».*

Вместе с тем ясно, что создание или развитие все-российской региональной сети Домов ветеранов потребует не только средств, но и времени, так что ветераны формации ВОВ едва ли заедут в их номера. Все эти усилия смахивают на заботу о ветеранах госслужбы завтрашнего дня, то есть о самих же себе.

Среди мероприятий, обозначенных как «тематические, информационно-пропагандистские, мемориальные и культурные», есть и такое причудливое, как «встреча ветеранов — участников Великой Отечественной войны 1926 года рождения в Государственном Академическом Большом театре России», намеченная на 7 ноября. Впрочем, идея отличная: собственно, и ветеранские секции можно было бы организовать так же — по принципу годовых колец на секвойе.

Невозможно пройти и мимо такого пункта Перечня, как подготовка и издание поименной Книги Памяти воинов, погибших в период ведения боевых действий в войне с Финляндией и других локальных войнах. Книга Памяти погибших, безусловно, нужна, но их, погибших, не было бы, не напади СССР на своего меньшего соседа. Эта война, бесславная в боевом

и политическом отношении, — преступление, за которое СССР попросили из Лиги Наций. Но она не только не вычеркнута из святцев, но и сопряжена с другими «локальными войнами», в частности, с афганской (впрочем, ничуть не более легитимной или славной!).

Дальше — больше. Запланированы мероприятия по социальной и моральной поддержке вдов и детей военнослужащих, погибших при исполнении обязанностей и в ходе боевых действий в Афганистане, Чечне и других «горячих» точках и по оказании адресной помощи одиноким, больным ветеранам (инвалидам) войн и военной службы, родителям погибших воинов. Вряд ли тут имеются в виду родители солдат и офицеров, погибших в ВОВ. Но зачем же всю эту социальную заботу о социально близких ветеранах «военной службы» или «боевых действий» прикрывать и декорировать разглагольствованиями совсем о другой войне и якобы о ее ветеранах?

В 2001—2003 гг. Комитет собирался довольно-таки регулярно — раз в квартал. На третьем заседании (14 января 2001 года) Путин утвердил многостраничный «Перечень мероприятий на 2001 год, проводимых Российским организационным комитетом “Победа” в связи с памятливыми датами военной истории Отечества и работой с ветеранами». Включенные в него мероприятия классифицировались в шесть групп:

1) по выполнению Федерального закона РФ «О днях воинской славы (победных днях) России»;

2) по выполнению указов Президента РФ, постановлений Правительства РФ и законодательных актов РФ;

3) по профессиональным праздникам;

4) по другим юбилейным и памятным событиям военной истории России;

5) потематическим, информационно-пропагандистским, мемориальным и культурным мероприятиям и

6) по улучшению социально-экономических условий жизни инвалидов и участников Великой Отечественной войны, а также лиц, приравненных к ним.

Четвертое заседание РОКП состоялось 14 марта 2001 года. На нем выступили координатор рабочей группы РОКП В.Н. Гладких (о системе хранения и использования архивных кинофотодокументов ВОВ), постглавпуровец В.М. Азаров (с докладом об освещении военно-патриотической темы в средствах массовой информации), начальник Института военной истории Министерства обороны Российской Федерации В.А. Золотарев («Об изложении военной истории Отечества в учебной литературе для образовательных учреждений»). Это заседание было более вменяемым: на нем обсуждалась проблема хранения и использования архивных кинофотодокументов ВОВ; Росархиву же было рекомендовано создать на общероссийском архивном сайте «Архивы России» тематический раздел «Победа», что впоследствии и было сделано (<http://victory.rusarchives.ru/>), а вот военные историки, храбрые люди, РОКПа не испугались и своих комментариев даже самому Путину так и не дали. Кстати, к приучению Интернета в обязательном порядке призвали и Минобороны: оно обязывалось создать на своем сайте раздел, посвященный военно-патриотической тематике.

Пятое и шестое заседания РОКП, состоявшиеся 20 июня и 27 сентября 2001 года, были сплошь рутинными.

На седьмом заседании РОКП, состоявшемся 18 декабря 2001 года, решили установить на Поклонной горе памятные стелы 10 фронтов и 3 флотов, действовавших на завершающем этапе войны, партизанам и труженикам тыла, а также бюсты трижды Героев Советского Союза А.И.Покрышкина и И.Н.Кожедуба. Кроме того, сообщили о создании и запуске Российского информационного агентства «Победа» — независимого средства массовой информации, организующего свою работу в интересах РОКП и общественных объединений ветеранов.

В повестке дня восьмого заседания РОКП, состоявшегося 20 марта 2002 года, стояла роль средств массовой информации в духовно-нравственном и патриоти-

ческом воспитании граждан России. РОКП выразил обеспокоенность тем, что в целом ряде печатных и электронных средств массовой информации преобладают материалы, искажающие историю становления и развития Российского государства, пропагандирующие бездуховность, эгоистичность, циничность, жестокость и агрессию. Были поддержаны предложения, направленные на создание хроникально-документальных фильмов, посвященных 60-летию Победы, и телесериала «Великая Победа».

На девятом заседании (18 июня 2002 года) обсуждались меры по совершенствованию взаимодействия с общественными объединениями ветеранов. Речь шла о бюджетной поддержке ведущих общественных объединений ветеранов за счет средств Федеральной целевой программы «Старшее поколение», о дополнительной социальной поддержке и медицинском обслуживании ветеранов (инвалидов) войн и военной службы. «Афганцам» на этот раз было обещано создать в Грозном филиал Центра медицинской реабилитации им М.А. Лиходея и — в качестве подпрограммы Федеральной целевой программы «Социальная поддержка инвалидов на 2000—2005 гг.» — предложена программа «Социальная защита и реабилитация участников боевых действий, лиц, пострадавших в ходе контртеррористических операций при исполнении обязанностей военной службы (служебных обязанностей), на 2003-2008 гг.».

Интересно, что на этом заседании РОКП решил поддержать не что-нибудь, а проект И.П. Васиной и Г.В. Воротникова (уж не сына ли часом В.И. Воротникова?) «Победитель». Суть проекта — в создании художественного фильма об отечественных хоккеистах и цикла еженедельных теле- и радиопередач о ведущих спортсменах России. Во-первых, нельзя же полностью исключать того, что среди мастеров клюшки и шайбы, скажем, из «Динамо» не найдутся и ветераны-гроссмейстеры плаща и кинжала. А потом уж одним

своим названием («Победитель») фильм этот прекрасно вписывается в палитру дел Комитета «Победа».

Десятое заседание РОКП состоялось 25 сентября 2002 года. Оно рекомендовало Минобразования РФ совместно с Минобороны РФ, РАН и рабочими группами РОКП подготовить и направить в учебные заведения, органы исполнительной власти субъектов РФ «Рекомендации по преподаванию в высших и средних учебных заведениях исторических дисциплин», программу и учебное пособие — «История Великой Отечественной войны 1941—1945 годов» для общеобразовательных учреждений. А в интересах организации противодействия искажению и фальсификации истории Российского государства Минпечати России совместно с Росвоенцентром и Российской академией военных наук было рекомендовано обеспечить в период подготовки к празднованию 60-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов государственную поддержку издания архивных документов по истории Отечества, мемуарной, военно-исторической и художественной литературы патриотической направленности.

Одиннадцатое заседание — 25 декабря 2002 года. И снова внимание было уделено вопросам истории. Впервые к истории подошли не как к служанке идеологии, а как к научной дисциплине, питающейся, собственно, от первоисточников, от документов. Минобороны России, и другие силовые ведомства попросили рассмотреть вопрос о снятии грифа секретности с документов периода Великой Отечественной войны, связанных с без вести пропавшими военными и награжденными материалами. Был поставлен вопрос и о переиздании обзорного тома Всероссийской Книги Памяти (с учетом электронной базы данных на участников ВОВ, отложившейся в Управлении Президента РФ по работе с обращениями граждан). Обнаружилась — и обсуждалась — и еще одна проблема: оказывается, есть картотека на 490 тыс. человек, о которых мож-

но сказать: «награда героя не нашла». Форменное (оно же фирменное) безобразие, стоящее за этим печальным фактом, было настолько возмутительным, что экстренно создали межведомственную рабочую группу по поиску и вручению государственных наград участникам ВОВ и попросили на это у Национального военного фонда России 4,2 млн руб. (крайней датой завершения вручения ранее не врученных государственных наград назвалось 1 марта 2005 года).

Двенадцатое заседание РОКП состоялось 26 марта 2003 года.

Тринадцатое заседание РОКП состоялось 26 июня 2003 года. И вновь была заметна историческая наука. Два пункта этого решения гласили:

«30. Поручить рабочей группе Оргкомитета “Победа” по координации подготовки и проведения информационно-пропагандистских и культурных мероприятий в связи с памятливыми датами военной истории Отечества (координатор — Д.В.Молчанов) направить запрос в Министерство по делам печати, теле- и радиовещания России по поводу демонстрации в канун Дня памяти и скорби (21 июня 2003 г.) по каналу НТВ телепередачи из серии “Совершенно секретно” телефильма “Генералы и отступление”, искажающего суть начального периода Великой Отечественной войны.

31. Предложить Минкультуры России, МПТР России, ВГТРК совместно с Минобороны России, Росархивом, другими заинтересованными министерствами и ведомствами, рабочими группами Оргкомитета “Победа” рассмотреть вопрос о возможности создания межведомственной комиссии по оценке исторической достоверности и морально-нравственного содержания художественных, документальных и телефильмов, радиопередач, художественной и мемуарной литературы, предлагаемой к освещению в государственных средствах массовой информации».

Кроме того, комитетчики рекомендовали учредить ученую комиссию для подготовки предложений по

освещению военной истории Отечества в учебниках по истории для старших классов средних школ Российской Федерации и поддержали идею массового издания труда Института всеобщей истории РАН «Мировые войны XX века».

Именно это заседание РОКП аукнулось первым и, кажется, последним публичным скандалом вокруг его деятельности. Отзываясь на выше процитированные пункты в статье «В.П. Иванов как услуга», зам главного редактора «Московских новостей» М. Шевелев¹ атаковал лично Виктора Петровича Иванова, заместителя главы Администрации Президента и заместителя председателя РОКП. В заслоне «исторической неправде» он совершенно справедливо усмотрел призыв к введению цензуры, но решительно непонятно, почему ответственность за этот призыв он возложил на товарища Иванова, а не на его начальника. Да и главпуровский подход был свойственен этому заседанию РОКП точно в такой же степени, как и остальным, просто иного повода наступать ветеранам на глаза не попадалось.

Вскоре главный редактор «Московских новостей» В. Лошак получил коллективное письмо от большой группы разгневанных маршалов, генералов и руководителей ветеранского движения (копия — министру М. Лесину) с выражениями недоумения по поводу публикации. Но их почему-то расстроило незнание М. Шевелевым полного перечня заместителей председателя РОКП и его журналистская лень: «ни один ваш корреспондент не счел нужным поприсутствовать хотя бы на одном заседании Комитета, как же так?!» (Тем самым я с изумлением узнал, что пресса на заседаниях РОКП — дорогой гость!)

В контексте кинокартины о Власове задорно и полемично прозвучал и личный выпад соавторов: «*Мы не знаем, где были в годы войны дед и отец автора. Хо-*

---

¹ Московские новости. 2003. № 28.

чется верить, что они были среди тех, кто с оружием в руках защищал мир от коричневой чумы фашизма. И очень жаль, что они не смогли привить ему чувства любви к Родине и отвращения к предателям Отечества». Интересно, что группа ветеранов, и в их числе президент Академии военных наук, апеллируют не к собственной информированности и знаниям, а к несколько фантомному авторитету более чем «...5 миллионов участников войны и ветеранов трудового фронта. Именно они знают подлинную историю Великой Отечественной войны и правду о предателе Родины генерале Власове. Их позицию не изменят подобные газетные статейки и кинофильмы».

В. Лошак опубликовал это письмо, а в комментарии сам заметил: «“МН”... выступают против монопольного права любой группы (и маршалы не исключение) на историческую правду, и тем более — на цензуру... У нас уже была и сейчас возрождается партия, монополизовавшая любовь к Родине и право задавать вопрос: “а где ты (или твои родители) был в таком-то году?”. Не стоит возвращаться к практике штрафных батальонов из аутсайдеров любви к Родине»¹.

На четырнадцатом заседании РОКП 30 сентября 2003 года с инициативой создания в рамках альтернативной гражданской службы специальных формирований по поиску и захоронению останков воинов, погибших в период 1939—1945 годов, выступили начальник Главного организационно-мобилизационного управления Генерального штаба Вооруженных Сил РФ В.В. Смирнов и первый заместитель министра труда и социального развития Российской Федерации Н.А. Малышева.

В статье в «Правде» под выразительным названием «Без вести пропавшие и без совести живущие» руко-

---

¹ Московские новости, 2003. № 29. Или: <http://new.mn.ru/issue.php?2003-29-14>

водитель поискового центра «Подвиг» и Международного союза ветеранов войн и Вооруженных сил России Степан Кашурко пишет о вакханалии равнодушия, в том числе и со стороны военных депутатов, с которым он столкнулся в процессе «лоббирования» принятия, а главное — реализации Постановления Госдумы № 412-III ГД от 26 мая 2000 года «Об активизации работы по увековечению памяти защитников Отечества». Однако предусмотренные этим постановлением Федеральная программа поиска неизвестных воинских захоронений и непогребенных останков, установления имен погибших и пропавших без вести в годы ВОВ и соответствующее бюджетное финансирование, начиная с 2001 года, так и остались под зеленым сукном Белого дома и Старой площади. Опытные следопыты-поисковики оказались бессильны отыскать там хотя бы следы этого документа. А ответ, полученный аж в 2001 году от координатора соответствующей рабочей группы РОКП В. Гладких, содержал сообщение о том, что закреплённая в Постановлении Думы концепция «приведет к неоправданному распылению средств» и признана потому нецелесообразной.

Тогда С. Кашурко задался вопросом, а почему, собственно, этот вопрос решается Комитетом, созданным для организации юбилейных торжеств, и почему на торжества средства есть, а на материализацию памяти о погибших — нет? И, не находя ответа, закончил свою статью по-солдатски резко: *«От безысходности и отчаяния скажу: позор всем государственным деятелям и политикам, кто предал забвению павших героев! Позор политическим партиям и депутатам, проявляющим преступное равнодушие к проблеме не погребенных сынов Отечества!»*¹.

---

¹ Кашурко С. Без вести пропавшие и без совести живущие // Правда. 2003. 23 июня. С. 4.

Наконец, пятнадцатое заседание РОКП, состоявшееся 24 декабря 2003 года, основным разработчиком периодического электронного интернет-издания «Победа-60» утвердили «Информационное агентство ИМА-пресс». При этом Д.В. Молчанову вменялось следить за подбором, качеством и достоверностью материалов, представляемых для размещения на сайте этого интернет-издания¹.

Засекреченный спурт

Когда я произнес: «Наконец, пятнадцатое заседание РОКП...», я не оговорился. Начиная с 16-го заседания, состоявшегося 24 февраля 2004 года, никакие решения или иные рабочие документы РОКП в Сети более не публиковались. Предложение посмотреть репортаж о 16-м заседании — недоразумение или дефект: веб-страница раскрывается на все том же, последнем в 2003 году и в Сети, 15-м заседании.

Неужели по мере приближения 60-летия деятельность РОКП засекретили?

Собственно, и сайта РОКП как такового больше не существует. Вместо него — начиная с конца 2003 года — задекларированное интернет-издание «Победа-60» (с приветствием к его читателям обратился сам председатель РОКП В.В. Путин²). Если на старом сайте были телефоны и электронные адреса самого РОКП, то на новом — только ИМА-Пресс.

Впрочем, и на нем можно ознакомиться с программными документами, а именно с «Перечнем основных мероприятий по подготовке и проведению празднования 60-й годовщины Победы в Великой Отечествен-

---

¹ Координаты ИМА-Пресс: 101999 Москва, Калашный пер., д.14, телефон: 787-85-50, факс: 290-37-06 E-mail: pobeda@imapress.msk.ru

² См.: <http://www.pobeda-60.ru/main.php?trid=3062>

ной войне 1941—1945 годов» (утвержден Президентом РФ В.В. Путиным, Москва, 28 августа 2003 г.), а также с «Программой подготовки и празднования 60-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов» (утверждена Решением Совета глав государств Содружества Независимых Государств от 19 сентября 2003 года). При этом второй документ производит куда более серьезное и осмысленное впечатление, есть в нем даже — правда, единственное — упоминание и проблемы военнопленных.

В частности, записано: *«Продолжить работу по согласованию норм национальных законодательств, устанавливающих и обеспечивающих правовые основы социально-экономической политики в отношении инвалидов и ветеранов войны, тружеников тыла, семей погибших (умерших) военнослужащих, а также бывших военнопленных, незаконно репрессированных и членов их семей».*

Есть на сайте, в обзоре прессы, даже отчет о 18-м заседании РОКП, состоявшемся N-ского числа N-ского месяца N-ского года¹ и посвященном информационному обеспечению подготовки к юбилею, работе Правительства Москвы накануне 60-летия Победы, участию в праздновании религиозных конфессий России, а также концепции парада на Красной площади 9 мая 2005 года.

Заместитель Председателя Правительства РФ А. Жуков доложил РОКП о решениях, принятых 16 декабря на заседании кабинета министров. Он заявил, что в федеральном бюджете заложено достаточно средств, чтобы встретить юбилей на должном уровне и обеспечить достойную жизнь пожилым льготникам. Кроме того, Минсоцразвития, Минобороны совместно с Пенсион-

---

¹ См.: <http://www.pobeda-60.ru/main.php?trid=5509> Если заседание состоялось в 2004 г., то это означает, что в 2004 г. РОКП собирался не четырежды, как обычно, а трижды, а если в 2005 году — то дважды.

ным фондом должны до 1 января 2006 года сформировать общую базу данных по социальному положению российских ветеранов, куда войдет буквально все — от размера пенсии до конкретного медицинского диагноза каждого пожилого человека.

Заместитель руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям А. Романченко сообщил об организации информационного обеспечения подготовки к юбилею: непосредственно 9 мая будет прямая трансляция парада на Красной площади, спецвыпуски с прямыми включениями с мест событий и телерадиомосты с городами-героями, старые и новые документальные и художественные фильмы о войне, сольный концерт Д. Хворостовского «Песни военных лет». На экранах появится документальный 24-серийный фильм телеканала «Культура» «Война священная», совместный документальный сериал «Я хотел победить» челябинской, оренбургской и пермской телестудий, более 100 фильмов телепроекта «Золотая звезда — живые легенды», телепроект «Боевое братство» (совместно с коллегами из стран СНГ). Агентством было профинансировано 27 книг и альбомов военно-патриотической тематики, в том числе и последний том всероссийской Книги Памяти. На национальной выставке «Книги России», которая пройдет в марте 2005 года на ВВЦ, будет развернута большая книжная экспозиция, посвященная 60-летию Победы.

На общенациональном фоне столица смотрелась выигрышно. А. Шанцев с гордостью сообщил, что московские ветераны практически ничего не проиграли от монетизации льгот: льготы им Лужков сохранил. Российское же правительство радуется ветеранам только миллиардными обещаниями на единовременные выплаты инвалидам и участникам войны, вдовам и семьям погибших, но в особенности горячо — своими невероятными успехами в *«разработке нормативно-правовой базы улучшения социального положения этих*

пожилых людей». Кроме того, щедрой рукой финансируются установка квартирных телефонов и 50-процентная скидка на абонентскую плату, из чего вытекает горькая правда о том, что и спустя 60 лет государство наше мирилось с тем, что часть ветеранов живет и умирает без телефона.

Заверения Шанцева несколько контрастировали со словами министра обороны С. Иванова. С учетом сомнений ветеранских организаций в правильности и справедливости монетизации льготной системы с 1 января, Министр обороны предложил на февральском заседании Оргкомитета заслушать доклад министра здравоохранения и социального развития Михаила Зурабова о том, как работает новая система льготного обеспечения, чтобы контролировать ее функционирование.

Начинать год Победы со столь ощутимого удара по тощим кошелькам бывших победителей могут только у нас: неистребимая социальная безвкусица и государственный цинизм. Действия правительства зело напоминали действия маршала Жукова у Зееловских высот 60 лет тому назад — за лобовое прогрызание хорошо эшелонированной обороны противника и опережение маршала Конева на пути к Рейхстагу было заплачено сотнями тысяч солдатских жизней. Не удивительно, что большинство российских ветеранов ВОВ в январе вышли на демонстрации протеста.

Но еще более макаберно прозвучало позитивное сообщение С. Иванова о том, что Минобороны уже вручило аж около 3,5 тыс. ранее не врученных орденов и медалей. Со странной гордостью он заявил: *«Недавно мы нашли ресурсы — в основном моральные, потому что финансирования практически нет никакого — и отыскали большую группу ветеранов, которым в январе 2005 года награды вручит сам Президент»*¹. А ведь на заседании Правительства 16 декабря 2004 года тот же

¹ См.: <http://www.pobeda-60.ru/main.php?trid=5460>

С. Иванов называл совершенно другие цифры: начиная с 1999 года вручено около 90 тыс. таких наград и еще более 68 тыс. наградных документов передано семьям. Не врученными же осталось около 1,5 млн наград, из них лишь 180 тыс. были заслужены в послевоенный период. А теперь сравним эти цифры еще и с третьими, уже называвшимися на 12-м заседании РОКП в конце 2002 года: без наград — 490 тыс. героев, намечавшееся на их поиск и вручение финансирование — 4,2 млн руб. (к слову, и истекшее уже к этому времени, дата — 1 марта 2005 года — называлась тогда как крайняя для завершения этого нескончаемого позорного процесса).

Не так уж и важно, какая из цифр верная. Какую бы она ни была, суть дела не меняется. А она — в реальном, а не в голословно-отчетном отношении к рядовым бойцам, фронтовикам и ветеранам в Красной армии. Интересно, есть ли среди этих не нашедших героя наград хоть одна, не дошедшая до генерала или маршала?

Монополия на юбилей

И так во всем. Палочно-принудительный патриотизм главпуровского разлива представлялся бесперспективным даже министру культуры и массовых коммуникаций А. Соколову: *«Молодежная политика начинается с вопросов молодых людей, которые они задают сами себе. Вопросы эти не высокоинтеллектуального плана, а такие: как живут родители, какова пенсия бабушки или дедушки, где я буду работать после института? Вот когда на эти вопросы можно будет получить адекватные ответы — вот это и станет зерном патриотического воспитания. Все то, что называлось патриотическим воспитанием 20 лет назад, — сейчас не проходит, дает только обратный эффект»¹.*

¹ См.: <http://www.pobeda-60.ru/main.php?trid=5460>

Но ничего другого, кроме «патриотического воспитания как 20 лет назад», идеологические недра ГЛАВПУРа ни родить, ни предложить не умеют и не сумеют. Это лишний раз доказывает история с полусиловым «выигрышем» Минобороны лакомой 57-й частоты под министерский телеканал «Звезда» с правом вещания на Москву и Московскую область. Концепция этого канала — это «монополия на патриотизм» à la Glavpour, не мушцающаяся некомпетентностью.

Единственный вариант, который подошел бы ГЛАВПУРу, это режим «естественной монополии», когда ни на идеологию, ни на историю, ни даже на источники к изучению истории никто, кроме них, не вправе покуситься. Так было всегда при советской власти, а когда стало меняться при Ельцине, то власть увидела, насколько это рискованно и «нехорошо».

Между тем 60-летие Победы над гитлеровской Германией — это не просто очередной круглый юбилей. Он был отмечен рядом особенностей. Так, Путин (а за ним и Медведев) — первые в ряду руководителей победившего государства, кто родился уже после окончания войны. Но самое главное в том, что это был последний юбилей с ощутимым физическим присутствием самих участников и героев.

Но была и другая сфера спектра. В течение полувека Советское государство не признавало участниками и жертвами войны ни миллионы своих военнопленных (согласно мифу, все они — потенциальные предатели), ни десятки миллионов гражданского населения оккупированных врагом территорий, как угнанного, так и не угнанного (согласно мифу — потенциальные пособники врага). А если в последнее десятилетие их частичное признание и произошло, то сквозь зубы и с невероятным скрипом.

Так, бывших военнопленных — ну не гротеск ли? — признали в 1995 году, при Ельцине, участниками и даже ветеранами войны! Их, напомним, даже упомянули

раз в одной из юбилейных программ, среди сотен вопросов социальной защиты — в пункте об основах социально-экономической политики в отношении инвалидов и ветеранов войны, тружеников тыла, семей погибших (умерших) военнослужащих, а также бывших военнопленных, незаконно репрессированных и членов их семей. Заметьте, военнопленных, хоть они номинально уже и признаны ветеранами, выделяют особо, а вот категории жертв нацизма, переживших оккупацию или Холокост (видимо, как тружеников «вражеского тыла»), в списке и вовсе нет.

Покуда США побеждали Ирак, боль и страдание чужих мирных жителей показывались крупным планом. Применительно же к собственным войнам, — будь то Великая Отечественная или N-ская антитеррористическая операция, — крупного плана как не было, так и нет.

С первых же дней и даже часов оккупации на советской территории разыгрывался тот человеконенавистнический ад, который позднее назовут Холокостом, или Шоа. И стране, на которую пришлась добрая половина 6-миллионного еврейского мартиролога, уже негоже по-прежнему делать вид, что по-над ярами, рвами и оврагами расстреливали не евреев, а каких-то безличных «советских мирных граждан».

На Украине ведется хотя бы борьба за создание мемориалов в Бабьем Яру и в Одессе, а о российских инициативах что-то ничего не слышно. Зато доносится негромкое подковерное возмущение по поводу немецких компенсаций: «Опять явряям деньги платят, и всегда это они устроятся!..»

Мол, не одних их немцы убивали и мучили, — это был наш «общий холокост». Хоть и силен пароксизм солидарности, однако коротка память: никто не рвался вместе с евреями в газовни или в бабьи яры, а те, кто с риском для жизни евреев спасал (таких сегодня ищут по всему свету и называют «Праведниками Мира»), те и не подумают меряться с ними «холокостами»!

Да и уцелевшие «полосатики»-концлагерники ГЛАВПУРу не товарищи: сколько же их, по возвращении на родину, пересажали по новой! Да и то сказать: большинство из них все те же евреи да бывшие военнопленные, а от того, что они и в концлагере выжили, доверия к ним не прибавляется: если не убили — значит, завербовали!

Еще одна сомнительная категория — остарбайтеры, «остовцы». Их были миллионы, сегодня их все еще сотни тысяч, и Германия, под американским нажимом и шантажом, согласилась заплатить в том числе и им. Что им только не привелось вынести, но до сих пор нет-нет да услышишь и в их адрес возмущенные ветеранские голоса: «Мы — Берлин брали, мы — кровь лили, а они врагу помогали! И что же: им — компенсацию, а нам шиш!».

И, наконец, советское (нынче российское) отношение к Холокосту, к геноциду евреев. Нет, он не отрицался громко, он просто тихо замалчивался (запрет на выход «Черной книги», употребление термина «мирные советские граждане» вместо дефинитивного «евреи» и т.п.). В главной по численности еврейской стране, лишившейся в результате войны неслыханной части своего еврейства, даже памятники убиенным евреям были допустимы разве что на паях с остальными жертвами войны (как долгое время в Бабьем Яру, например). Собственно говоря, это и было одной из форм практиковавшегося в СССР государственного антисемитизма. Нынче он перестал быть государственным, стал как бы частным делом и, если хотите, интимной сферой антисемитов, и в этом смысле излюбленные обществом «Память» изыскания в области этимологии и семантики слова «жид» вызывают даже умиление. Антисемитизм, если он не агрессивен, нынче легален и респектабелен.

Государство же держит нейтралитет, чем вступает (и все чаще) в противоречие с конституцией и законом.

Это печально, но страшнее другое. В одном из классических заклинаний антисемитов — «Мало вас Гитлер угробил!» — слышится завистливая тоска не просто по твердой руке, а по государственной твердой руке, по системе, по государственному подходу в этом важном и всенародном деле. При этом, напомним, и среди советских сограждан было предостаточно «добровольных исполнителей» окончательного ванзейского решения.

2010|| ВЕРТИКАЛЬ В ИСТОРИЮ: ИСТОРИОМОР В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ

1

15 мая 2009 года из-под пера Д. Медведева, тогда президента России, вышел Указ за № 549: «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России», вступивший в силу с момента своего подписания.

Сильное впечатление в нем производило буквально все — от названия до содержания и состава Комиссии. Название, как и полагается серьезному российскому органу, четко ориентирует на то, что не все попытки фальсификации истории заслуживают противодействия с его стороны, а лишь те, что направлены *в ущерб* интересам России. Что такое интересы России и как определяется оным ущерб не оговаривается, ибо это и так каждый дурак знает!

Согласно Положению о Комиссии ее основными задачами являются:

а) обобщение и анализ информации о фальсификации исторических фактов и событий, направленной на умаление международного престижа РФ, и подготовка соответствующих докладов Президенту РФ;

б) выработка стратегии противодействия попыткам фальсификации исторических фактов и событий, принимаемым в целях нанесения ущерба интересам России;

в) подготовка предложений Президенту РФ по осуществлению мер, направленных на противодействие попыткам фальсификации исторических фактов и событий, наносящих ущерб интересам России;

г) рассмотрение предложений и координация деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ и организаций по вопросам противодействия попыткам фальсификации исторических фактов и событий в ущерб интересам России;

д) выработка рекомендаций по адекватному реагированию на попытки фальсификации исторических фактов и событий в ущерб интересам России и по нейтрализации их возможных негативных последствий.

Спектр широкий — от мониторинга («Высоко сижу, далеко гляжу...») до практических рекомендаций («Не садись на пенек!..»). И хоть руководитель комиссии — глава Администрации Президента, но центр ее тяжести, однако, не в Кремле: осуществлять «организационно-техническое, информационное и документационное обеспечение деятельности Комиссии», то есть рулить, должно было Министерство образования и науки РФ, руководитель которого в то время (Фурсенко А.А.) уже «засветился» и в педагогике («болонская система»; искусство — дисциплина факультативная), и в математике (это антитворческая дисциплина; и вообще — воспитывать надо не творца, а потребителя!). Да и в истории, если вспомнить, как ловко он превратил круглый стол на конференции «История сталинизма. Результаты и перспективы изучения» в декабре 2008 года в брифинг в защиту толерантности к сталинизму в учебных изданиях!¹

Понять же откуда будут поступать в рубку направляющие сигналы совсем не трудно. Это видно из состава Комиссии в 28 человек. Ее возглавляют три чиновни-

¹ См. выше.

ка из Администрации Президента РФ (АПРФ) и один из Правительства — сам руководитель АПРФ Нарышкин С.Е. (председатель), его собственный помощник Сирош И.И. и зам министра образования и науки РФ Калина И.И. (замы председателя), а также начальник департамента Управления Президента РФ по внутренней политике Демидов И.И. (отв. секретарь — и вместе с тем большой поклонник геополитических идеологом Александра Дугина).

Из оставшихся двух дюжин стульев еще три закреплены за АПРФ: это Винокуров С.Ю. (начальник Управления Президента РФ по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами), Назаренко В.П. (зам начальника Управления Президента РФ по внешней политике) и Шабанов Я.В. (нач. референтуры Президента РФ). Правительство представлено еще 9 персонами: Алханов А.Д. (зам министра юстиции), Бусыгин А.Е. (зам министра культуры), Бутко Е.Я. (зам руководителя Рособразования), Камболов М.А. (зам руководителя Роснауки), Козлов В.П. (руководитель Росархива), Повалко А.Б. (зам руководителя Росмолодежи), Романченко А.Ю. (зам руководителя Роспечати), Титов В.Г. (зам министра иностранных дел) и Шипов С.В. (директор департамента Минрегионразвития), причем понятно, что именно Минобразования и науки мыслится координатором ожидаемой деятельности. Парламент обошелся всего тремя стульями: Затулин К.Ф. (1-й заместитель председателя Комитета Госдумы по делам СНГ и связям с соотечественниками¹), Марков С.А. (зам председателя Комитета Госдумы по делам общественных объединений и религиозных организаций) и Торшин А.П. (1-й зам Председателя Совета Федерации Федерального собрания РФ).

---

¹ Основатель (1996) и директор «Института стран СНГ (Института диаспоры и интеграции)» — учреждения с сомнительной репутацией.

А вот на «силовиков» (Вооруженные Силы и спецслужбы) не поспешили — их пятеро: Дергачев В.В. (зам директора Федеральной службы по техническому и экспортному контролю России, ответственный секретарь Межведомственной комиссии по защите государственной тайны), Зимаков В.А. (нач. службы СВР России), Макаров Н.Е. (нач. Генштаба ВС РФ, 1-й зам министра обороны), Соболев В.А. (зам секретаря Совета безопасности РФ) и Христофоров В.С. (начальник Архивного управления ФСБ, историк по образованию)¹.

Последние, понятно, должны консультировать коллег по всем вопросам фальсификации, но кто-то же должен и за историей смотреть! Ведь в комиссии с таким названием ожидаешь встретить не меньше, чем целую футбольную команду практикующих историков — специалистов по исторической памяти!

А на самом деле? Жиденький коллектив из двух академиков — Сахарова А.Н. и Чубарьяна А.О. — директоров двух академических институтов (причем легитимность первого в Институте русской истории РАН уже тогда не была безупречной).

Лишь по формальным признакам — доктор исторических наук и папа-академик — к сонму историков можно причислить Нарочницкую Н.А., обозначенную в Указе как президент учрежденного ею в 2004 году «Фонда изучения исторической перспективы» (sic!)²: с гораздо большим основанием она может олицетворять и Госдуму, чьим депутатом от партии «Родина» она являлась, или Русский Собор, где она сопредседательствует. Ах, да — еще и парижское отделение Ин-

---

¹ Персональный состав комиссии еще дважды уточнялся, но это не имело какого бы то ни было значения.

² Неправительственная и некоммерческая организация национально-консервативного направления, чьими «Аналитическими записками» ежеквартально подпитываются Администрация Президента, силовые структуры, МИД и отделения Росзарубежцентра.

ститута демократии и сотрудничества (sic! — это ж надо такие названия сочинить!).

Тем самым, по замыслу президентских кадровиков, не были забыты и независимые общественные организации: ну, не «Мемориал» же, право слово, за мнением приглашать? Ну, куда ему против калашного ряда исторической перспективы, демократии и сотрудничества? И тут же, бок о бок с мутной исторической перспективой, притулился себе на веточке-табуреточке и бедный наш родственничек — так называемое «гражданское общество» в единственном лице телеведущего Сванидзе Н.К., председателя Комиссии по международным отношениям и свободе совести Общественной палаты РФ.

Состав не просто говорящий, а красноречивый: история здесь ширма и, в сущности, ни при чем. Просто очередную по бессчетности президентскую политическую вертикаль опустили на этот раз не в географию — не на Северный полюс, а в историю — от вершины Кремлевского холма через Мамаев курган и до Зееловских высот!

2

Знакомство с некоторыми протоколами заседаний Комиссии еще раз уточняет представления о ее центре тяжести: находился он в Охотном Ряду, и ключевой фигурой — идеологом — Комиссии был не Нарышкин и не Демидов, а Константин Затулин.

Само появление Комиссии есть не что иное, как логический этап в деятельности, которой Константин Федорович иступленно занимался до Комиссии и без Комиссии — занимался, так сказать, «у себя», в Комитете Государственной думы по делам СНГ и связям с соотечественниками, где Затулин в то время был вторым лицом. 11 декабря 2008 года была создана рабочая

группа¹, засевавшая за формулировки и лоббирование законопроекта «О противодействии реабилитации в новых независимых государствах на территории бывшего Союза ССР нацизма, нацистских преступников и их пособников», и уже спустя полгода — рождение Комиссии Нарышкина при повивальной бабке Медведеве! А почти посередине, в феврале, — озвучивание всей инициативы устами Шойгу, в то время одного из сопредседателей единороссов! Bravo, блестящий бюрократический результат: пусть 6-месячный законопроект и не доношен, пусть он и вовсе не проходной в плане международного права, но разве не удивителен сам результат, которого уже добился Затулин? Комиссия уже есть и, наверное, с бюджетом! Трибунала, правда, нет, но ни слово, ни идея его не забыты.

Исторически и даже юридически закон этот был совершенно непроходим даже в Охотном Ряду. Он уникален уже тем, что основной сферой его применения мыслится не Россия (она в законопроекте на вторых ролях, между делом, факультативно и для блезиру), а другие независимые государства постсоветского пространства — и прежде всего страны Балтии, Украина и Грузия. Необходимость в законе выводится из того, что в этих странах имеет якобы место фактическая реабилитация нацизма, нацистских преступников и их пособников, а мы, Россия, как правопреемница СССР и, следовательно, участница Антигитлеровской коалиции, соучредитель Международного военного Трибунала в Нюрнберге и соучредитель ООН, премного печалуемся, зело оскорблены и не будем с этим мириться (повторюсь, что речь не про Холокост, наполовину разыгранный в том же самом пространстве!).

Простая мысль обсудить этот (как и любой другой, раз возникает) вопрос в международном формате или

---

¹ И в ней, если верить Затулину, сотрудничал и Крашенинников, бывший демократический министр юстиции.

хотя бы «на Антигитлеровской коалиции» в голову не приходит. В голову же приходит другое — создание в России Общественной Комиссии по противодействию деятельности сторонников нацизма, реабилитации нацизма, нацистских преступников и их пособников, Комиссии, которая для краткости и красноречивости будет называться, как и Нюрнбергская, — Трибуналом!

Поскольку надежд на бывших союзников нет, то быть сему Трибуналу чисто российским: треть назначит президент, треть делегирует Госдума и еще треть — Общественная палата РФ. Трибунал этот, впрочем, никого не будет судить! А будет заниматься мониторингом, банком данных и анализом недружественных действий по реабилитации нацизма, то есть ровно тем, что записала себе в цели и задачи Комиссия при Президенте РФ о фальсификации, не рискнувшая примерить на себя трибунальские мантии.

Замеченных в реабилитации — будь ты хоть физическое или юридическое лицо, хозяйствующий субъект, религиозное объединение или орган СМИ — будут тебя сначала строго предупреждать, а через месяц еще строже спрашивать: говори, дорогуша, ты все еще реабилитируешь нацизм или уже перестал?!.. А если ты упорствуешь и у тебя есть в России отделения, филиалы и проч., то не видать им аккредитации, виз и барышей как своих ушей — их действия будут приостановлены, счета заморожены и т.д., и причем не по суду, а решением органов, которые сочтут себя для этого компетентными. А ты, дорогуша, если не согласен, то вправе обжаловать дело в суде, но не обольщайся: поведение суда в России, стране рискованного земледелия, довольно предсказуемо. И даже если ты вдруг в суде выиграешь, и тебе разморозят твои денежки и отдадут жесткие диски, то ведь никто не мешает тому же компетентному органу сыграть с тобой ту же партию по новой! Иными словами, непуганых ближних иностранцев, непочтительных к Нюрнбергскому трибуналу, пугают таким же беспределом, как и пуганых своих.

Но есть в законопроекте и меры против независимых государств — бывших республик СССР, чья политика направлена на реабилитацию нацизма, нацистских преступников и их пособников. Такая политика признается недружественной по отношению к РФ и является основанием для применения последней следующих — не связанных с военным принуждением — мер воздействия (цитирую): «— *принятие профилактических мер; — принятие адекватных дипломатических мер воздействия, не связанных с военным принуждением, включая направление ноты протеста, понижение уровня дипломатических отношений, высылку за пределы Российской Федерации дипломатических и консульских представителей, полное или частичное прекращение железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфных, радио или других средств сообщения, разрыв дипломатических отношений; — принятие экономических мер воздействия в порядке, установленном Федеральным законом РФ “О специальных экономических мерах”; — отдача государственных рекомендаций предпринимательскому сообществу или общественным организациям о прекращении контактов с той или иной организацией, с юридическими или физическими лицами, подпадающие под действие данного закона; — обращение в установленном порядке в ООН с запросом о принятии санкций в соответствии с уставом ООН; — обращение в иные международные организации с целью оказания воздействия на государство, проводящее политику, направленную на реабилитацию нацизма, нацистских преступников и их пособников; — прекращение деятельности органов и организаций, привлечение к ответственности должностных лиц, виновных в реабилитации нацизма, нацистских преступников и их пособников».*

Некоторые из этих самых независимых государств уже имели удовольствие познать все прелести подобных мер (включая и принуждение к миру!) — в 1939—1940 гг.,

во время своей аннексии, то бишь добровольного вхождения в семью братских народов. Что делает хотя бы понятной их повышенную готовность к вхождению в НАТО и известную нервозность в отношении действий ближайшей правопреемницы СССР, и не подумавшей перед ними в чем-либо за правопредшественницу извиняться.

3

Но ошибаются те россияне, кто, перечитав законопроект или указ, с облегчением вздохнули: да, закон — кашка, но не про нас: он не против нас, а против разных соседей наших, наступающих на мозоли. Вот пусть их и отучают нацизм реабилитировать и историю фальсифицировать, пусть скандалят друг с другом, а мы, истинные россияне, тут ни при чем.

Еще как при чем!

Наши лоббисты точно знают, что и кто им нравится или не нравится в современной России. Об этом свидетельствует любопытнейший документ — стенограмма круглого стола внутрифракционной группы А.Н. Чилингарова фракции партии «Единая Россия», состоявшегося в Госдуме 21 апреля 2008 года и посвященного упоминавшемуся законопроекту. Председательствует К.Ф. Затулин, все вокруг свои, языки раскованы, и не надо подбирать выражения — взаимопонимание в зале достигается с полуслова.

Из прибалтийских республик он выделял Литву, наезжал и на Грузию. Целевая группа для порки сужена до трех стран во главе с Украиной. В то же время он напирает на то, что мандат законопроекта распространяется и на Россию: так что с пятой колонной у себя дома — он мириться не намерен.

Дискуссия и впрямь помогла обозначить все нужные и прояснить кое-какие маловнятные акценты. В.А. Ма-

лашенко и другие пояснили, что под реабилитацией нацизма подразумевается не обязательно торжественный акт в Раде или Сейме, а любая попытка «героизировать», или «гlorифицировать», изменников Родины. Видимо, принадлежность к КГБ является в собравшейся компании хорошим тоном, и несколько человек из выступавших сочли свои долгом поделиться, как именно они были связаны с КГБ в своем славном советском прошлом. Если какие-то неясности с фактографией, то спрашивать надо не у историков и не у архивистов, а у ФСБ. Они и бумажки найдут, и сами же интерпретацию правильную подскажут — этот ход мысли прошил своей суровой нитью весь круглый стол.

А вот с чем они раз и навсегда не согласны, так это с образом и интерпретацией коллаборантов — власовцев, прежде всего. Все они однозначно предатели, а те, кто ими всерьез и не спросясь занимается, — и того хуже. Например, молодой историк Ермолов, выпустивший в 1999 году в издательстве «Атмода» в Риге книгу «Военные формирования советских граждан, действующих в составе вермахта во Второй мировой войне» и организовавший в Брянске Общественный центр изучения истории Российской Освободительной армии (РОА), в целях назначения и выплаты пенсии и пособий бывшим власовцам, а также их реабилитации в общественном сознании. Не по душе Малашенко и публицист Сергей Веревкин.

Вот кто вражина-то, вот кто хочет реабилитировать нацистов, вот против кого надо перезаточить новый закон!

Занимаясь долгие годы историей Второй мировой войны, советскими военнопленными и оstarбайтерами — темами, заметьте, более чем табуизированными при советской власти, чья контингентная судьба буквально балансировала в советском политическом дискурсе на грани — предатели ли они все или только пособники, — я постоянно сталкивался с проблематикой

РОА, или власовцев. Вывод, к которому я пришел, довольно неутешителен для власовского движения: в целом оно было не столько военной силой, сколько пропагандистской игрушкой в немецких руках. Но это не делает огульное обвинение всех из почти миллиона военных коллаборантов корректным — рассматривать надо каждое индивидуальное дело по отдельности, учитывая все подлежащие учету обстоятельства. Людей, уже понесших наказание за свой поступок, нельзя осуждать за то же самое вторично. Как нельзя и механически переносить внешние признаки коллаборационизма на, скажем, членов юденрата или зондеркоммандо.

Но на это на все у участников круглого стола был один ответ: давайте спросим у ФСБ, и они подскажут, как дело было и кого нужно реабилитировать, а кого нет (некто М.В.Димуриин вообще предлагал обойтись без историков, ибо консенсуса между ними не дожидаться). И никто из участников (кроме А. Дюкова) не углядел в этом опасности для истории как науки — призванной изучать свой предмет, и для историков как профессионалов, чьи исследования во многом зависят от источниковой базы.

Полное открытие архивов периода Второй мировой войны — элементарное условие для продвижения исторической науки вперед, но никто из участников дискуссии даже не заикнулся об этом (право Комиссии на историческую эмпирику закреплено в Указе президента: Комиссия вправе запрашивать и получать в установленном порядке любые необходимые материалы от любых органов государственной власти). Зато заступались за советское идеологическое наследие, непреходящее значение которого части участников круглого стола было явно дороже наследия А.Ильина, вокруг которого (пособник он или не пособник?) также разгорелись нешуточные споры. Остужающие слова произнесли дипломаты, в частности, А.Г.Дульян — заместитель директора Историко-документального департамента МИД. Он

предупреждал о серьезных правовых коллизиях, содержащихся в законопроекте. Но звучали и голоса из хора, приравнивавшие к пронацистским высказываниям любые антисоветские, как и осуждавшие Медведева за то, что тот возложил венок «врагу» — Маннергейму!

Одним словом — паноптикум, но паноптикум небезобидный. Ибо идейная начинка такой дискуссии несомненно не выветрилась, и дискуссии на заседаниях Комиссии — дважды в год — могут недалеко уйти от этого уровня. Мы можем сколько угодно иронизировать над ней (поводов она всегда даст немерено) или называть весь этот балаган «идеократией», или «русской архаикой», как это делал покойный Ю.Н. Афанасьев¹, но история уже включена в своеобразный реестр «Корпорации Россия», алчущей легитимности. И корпорация не успокоится до тех пор, пока не сформулирует, хотя бы бегло, то, какой она эту заколдованную историю видит. И тот же Афанасьев подобрал для этого филигранно точное определение: «единственно верная фальсификация».

4

Впрочем, фальсифицировать, то есть переписывать историю — своего рода традиция на Руси. Что-то там исправить в летописи-первоисточнике, выдрать и сжечь опасную или просто нехорошую бумажку — этими маленькими радостями баловались и Иван Грозный, и Иосиф Сталин, и Никита Хрущев. Побаивался архивов и Ленин: рыльце-то в пушку.

Права Наталья Басовская, не утверждавшая даже, а просто напомнившая, что — «...государство — всегда сила. И когда такая сила начинает руководить нау-

---

¹ Афанасьев Ю. Я хотел бы увидеть Россию расколдованной // Новая газета. 2009. 27 мая.

кой — беда»¹. Генетика, кибернетика, языкознание — достаточно или перечислять дальше?² Дело государства — создавать условия для науки и двигающих ее ученых, что оно и делало худо-бедно на закате советской власти, ясно давая понять перепадами зарплат и субсидиями на закупки за рубежом, в каких направлениях оно заинтересовано больше всего.

Но улыбнемся и ее упованию на то, что со временем Комиссия переродится в эдакое Общество ревнителей российской старины, пекущееся о дискусионности в исторической науке. Зато можно было надеяться на то, что юрисдикция Комиссии дальше Охотного Ряда не распространится и что ее «результативность» будет нулевой. Надежды эти с треском оправдались.

А вот и другой голос — дребезжаще-сервильный, даром что немолодого человека³. Академик А.Н. Сахаров, не моргнув, утверждал, что *«интересы науки и политики часто совпадают»* и что *«Комиссия по борьбе с фальсификациями как раз явление из этого ряда»*. Тезис из сахаровского заголовка — ложь, да еще лукавая. На вопрос, не адвокатом ли политиков его призывают (или призвали) стать, Сахаров замахал руками: что вы, что вы! я — академик, я — «адвокат науки»!

Но государство заинтересовано не в исторической правде, а лишь в сервильной глорификации своего прошлого (история), настоящего (социология) и, если возможно, будущего (прогнозирование). Не истина его

---

¹ Профессор Наталья Басовская: «Государство — всегда сила. И когда такая сила начинает руководить наукой — беда» / Интервью брал Н. Угодников // Итоги. 2009. 8 июня. С. 21—22 .

² При этом испить из ручья по имени «госмонополия на научную истину» страдали не только интриганы-палачи, но зачастую и их жертвы, например академик Марр.

³ Профессор Андрей Сахаров: «Интересы науки и политики часто совпадают. Комиссия по борьбе с фальсификациями как раз явление из этого ряда» / Интервью брал Д. Бабиченко // Итоги. 2009. 8 июня. С. 22.

интересует, а пропаганда и контрпропаганда, то есть ГЛАВПУР в обертке из постмодернистского гламура.

Но Россию, продолжил Сахаров, «... в 1990-е гг. стали задвигать в разряд маргинальных. Для великой страны это нестерпимо. Отсюда болезненная реакция на крупные и мелкие уколы со стороны оппонентов». Эдакий слон, облаянный моськами и покусанный комарами! За державу обидно, блин!

Обидно за державу и мне. За державу, больше всего волнующуюся за то лишь, а все ли концы в воде? (И сегодня ведь еще поговаривают о немецких расстрелах в Катыни — вот вам она, истинная фальсификация истории. Эй, Комиссия, изучай!)

За державу побеждающего — в Интернете, по крайней мере — фоменкизма!

За державу — вольницу для отрицателей Холокоста!

За державу — так и не подсчитавшую своих жертв и так и не похоронившую их!

За державу, проехавшуюся по миллионам своих граждан — военнопленных и остовцев — катком недоверия и прямой дискриминации, и не только не извинившуюся перед ними, но и кинувшую их как только могла и ни в чем не поддерживавшую в трудных переговорах о компенсации!

За державу, не удосужившуюся хотя бы на последней очной встрече с ветеранами в 2005 году на Красной площади примириться с ними!

За державу, до сих с маниакальной упорностью боящуюся правды о себе, например о демонтаже трофейного немецкого оборудования: а вдруг немцы назад требуют что-то за этот с позапрошлого века утиль?!

5

Случай борьбы с бесполезными фальсификациями порочен и специфичен уже своей интернациональностью. Охотно допускаю, что и прибалты завели или заведут се-

бе аналогичные Комиссии, только антироссийские, где начнут переливать из пустого в порожнее степень геноцидальности выпавших на их долю репрессий.

Кстати, это не единственная Комиссия такого рода в стране. Так, при Правительстве РФ действует (и, как все понимают, действует чрезвычайно успешно и эффективно) Комиссия по противодействию коррупции, а при Академии наук — внимание! — Комиссия по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований. Но последняя создана настойчивостью даже не президента РАН, а рядового академика и нобелевского лауреата В.Л. Гинзбурга, не побоявшегося назвать мракобесие мракобесием, а «эниологию», «уфологию», «всемирное отталкивание», «торсионные поля» или «холодный синтез» — научным бредом или блефом. Вся эта комиссия состоит из ученых, и во главе — академик Э.П. Кругляков; но историков в этой комиссии, кстати, нет и не было, — хотя и здесь «уфологов», вроде Фоменко, хватает.

6

«Комиссия при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» не просуществовала и трех лет.

Указом Президента РФ № 183 от 14 февраля 2012 года конституировавший ее указ № 549 от 15 мая 2009 года в числе прочих был признан утратившим силу.

Комиссия почилла в бозе, однако на смену ей пришло нечто не более осмысленное, но менее инфантильное. 5 мая 2014 года президент РФ Владимир Путин подписал «Закон о противодействии попыткам посягательства на историческую память в отношении событий, имевших место в период Второй мировой войны» № 128-ФЗ¹.

---

¹Инициирован Ириной Яровой, принят Госдумой 23 апреля, одобрен Советом Федерации 29 апреля.

Криминалом отныне стало «отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, одобрение преступлений, установленных указанным приговором, а равно распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, совершенное публично». За это полагается штраф в размере до 300 000 рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо принудительные работы на срок до трех лет, либо лишение свободы на тот же срок. Если преступление совершено с использованием служебного положения или средств массовой информации, а равно с искусственным созданием доказательств обвинения, — то штраф в размере от 100 до 500 000 рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет, либо принудительные работы на срок до пяти лет, либо лишение свободы на тот же срок с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет. А вот «распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, а равно осквернение символов воинской славы России, совершенные публично» наказываются штрафом в размере до 300 000 рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо обязательными работами на срок до 360 часов, либо исправительными работами на срок до одного года.

Закон дополнил Уголовный кодекс РФ новой статьей 354.1: «Реабилитация нацизма», предусматривающей наказание (штраф в 300 тыс. руб. или 3 года тюрьмы) за отрицание фактов и за одобрение преступлений, установленных приговором Международного военного трибунала в Нюрнберге, а также — *sic!* — «за распространение

заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны». Наказание повышается (до штрафа в 500 тыс. руб. или 5 лет тюрьмы), если указанные деяния совершены лицом с использованием своего служебного положения, СМИ либо с искусственным созданием доказательств обвинения. Административная ответственность возникает и за распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, и за осквернение символов воинской славы, совершенные публично.

В победе над нацизмом и над Германией в 1945 году не сомневается никто. Реальной целевой группой закона является таким образом «распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны». Иными словами, предлагается законсервировать главпуровские представления о войне и победе и оградить их от дискуссий и любых иных посягательств со стороны истории и историков.

Правоприменение этой статьи не известно: подождем.

Но вот интересный случай, — правда, не из области отношений государства и гражданина, а из области отношений гражданина и гражданина. Лично меня коснулись не клоунада, а хамство и политический «гнев» и донос доктора социологических наук Жириновского Владимира Вольфовича. В апреле 2010 года он услышал по радио из моих уст недостойные утверждения о том, будто бы наши красноармейцы, освобождая Германию, насильничали немкам (они, кстати, и полячек насильничали, и украинко-остовок, и русских! На освобождаемой территории было у них все сразу — и жажда мести, и безнаказанность, и агрессивность, и неизрасходованная сексуальная энергия — и, главное, женская незащищенность).

В конце апреля 2010 года на сайте возглавляемой им партии появилась новость с таким заголовком: «В.В.ЖИРИНОВСКИЙ: «НЕ СМЕТЬ ПОРОЧИТЬ

ПОДВИГ ПОБЕДЫ!». И далее текст: «Председатель ЛДПР просит директора Института географии разобратся со своим сотрудником — «экспертом» по истории Великой Отечественной войны, который в эфире «Эхо Москвы» вспомнил изрядно подзабытый миф о якобы массовых изнасилованиях, учиненных Красной армией в Германии. 24 апреля в одной из передач на радио «Эхо Москвы» принял участие некто Павел Полян, который был представлен радиослушателям как «историк, географ, писатель и сотрудник Института географии РАН». Среди прочего он озвучил свое мнение о якобы имевших место «массовых изнасилованиях, которыми злоупотребила Красная армия, войдя в Германию». Владимир Жириновский направил письмо директору Института географии РАН, в котором указал на недопустимость подобных высказываний. «Я считаю это возмутительным. Подобные лживые измышления, да еще и озвученные в канун великого праздника Победы, порочат не только “эксперта”, но и организацию, которую он представляет. Кроме того, неясно, какова компетенция специалиста-географа, выступающего в роли историка. Я прошу Вас проверить, действительно ли П.Полян является сотрудником вверенного Вам института, а также принять меры по недопущению распространения лживых мифов о великом народе-победителе Вашими коллегами», — отметил в письме Владимир Жириновский. «Сейчас, когда до юбилея Победы остаются считанные дни, каждый “эксперт” считает своим долгом высказать собственное ценное мнение. Иногда это замшелые мифы, иногда — откровенная ложь и провокация. Надоело! Пусть географы занимаются географией, а не вешают нам на уши уже изрядно протухшую лапшу!» — заявил лидер ЛДПР».

Спрашивается: насколько синонимичны «протухшая лапша на уши» и «заведомо ложные сведения»? И не является ли хамство и невежество Жириновско-

го — некогда частное дело — отныне «символом воинской славы России»?

Если в 2010-м году наш либерал и демократ в одном стакане писал телегу директору института, где трудился охальник, и требовал проверки и применения административных кар, то теперь он вправе обратиться прямо в Следственный комитет: пусть покажут, где раки зимуют! Пусть подтвердят, какие наши красноармейцы лапоньки, и пусть оценят, на сколько эта лапша тянет!

Вот вам Историомор, обживающийся в уголовном кодексе!

2010 II ШАНА ТОВА, ИЛИ О МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ (ИЗ КИЕВСКИХ ВПЕЧАТЛЕНИЙ)

1

В 2009 году коллега из Центрально-Европейского университета пригласил меня принять участие в семинаре по методологии истории.

Последний раз я был в Киеве в середине 1970-х: солидный срок.

Программа была интенсивной, но не чрезмерной: четыре дня плотных дискуссий в одном из подвалов Киево-Могилянской академии, посередине недели экскурсия в Умань, от которой я сразу же отказался: перспектива проехать 200 верст и хлебать кисель вельможной пошлости и сусальности в допотоцкой «Софиевке» не завораживала.

Между тем сроки проведения семинара совпадали как минимум с двумя событиями: с еврейским Новым годом и с годовщиной главных расстрелов в Бабьем Яру. О первом напоминали многочисленные «Шана Това» по Интернету и хасидские лапсердаки в самолете и в аэропорту, о втором — пшеничные косы венком у Юлии Тимошенко с государственным венком в руках у подножья государственного же памятника всем погибшим в Бабьем Яру — в теленовостях.

Не сразу, но сообразил, что Шана Това и раб Нахман — это тоже Умань. И решил все-таки съездить.

Прознав про некоторый интерес в автобусе к исторической могиле Нахмана, экскурсоводша с прической и манерами райкомовского инструктора вся

вспыхнула, но не вспылила, зато всю дорогу истово крестилась на проезжаемые церкви и хрипела в микрофон о доблести шановних героив — гетьманов и гайдамакив. То, что никто ее не слушал, ее только раззадоривало.

Ее надежды на то, что наш автобус просто не пропустят к могиле, с треском не оправдались: вчерашний звонок одного из киевских еврейских руководителей мэру Умани сработал — и всюду, куда только можно было, мы без помех проехали. Милиции было даже богато: около 400 человек, как нам потом сказали. В цивильных брюках и пиджаках, женщины и мужчины, все с непокрытыми головами — мы явно выделялись в общей толпе, так что иногда милиционеры останавливали нас и для порядка спрашивали, кто мы такие. А один даже поинтересовался сокрушенно: «Тоже ихней веры будете?»

Другой же, на просьбу указать точное местонахождение могилы, не только проэкскуртировал нас сквозь плотную толпу прямо к ней, но и выдал каждому кто без головного убора по кипé — «с возвратом».словно ледокол через торосы, провел он наш короткий караван сквозь плотную толпу хасидов, расступающихся на нужные для прохода сантиметры, но не перестающих при этом истово молиться и раскачиваться. Но еще более плотным был самый воздух — разогретый солнцем и жаркой молитвой.

Когда браславский раб Нахман, великий цадик и великий адмор, незадолго до своей смерти в 1810 году завещал навещать его могилу на Рош-ха-шана, он и не рассчитывал, что будет настолько услышан!

Советская власть поставила на этом чуть ли не буквально крест. Но с распадом СССР паломничество возобновилось: сначала сотни, потом тысячи, а теперь уже и десятки тысяч хасидов из Израиля, США, Австралии, Аргентины устремляются сюда целыми миньянами, плавают в Каменской запруде и истово мо-

лятся, никого не видя вокруг себя, — расставаясь с грехами за целый год и умоляя о чуде. Куда там нашей антисемитке-экскурсоводше с ее показной истовостью, деланой и ленивой.

Дух штеттла оживает здесь на несколько праздничных дней, и это «местечко на неделю» впечатляет своей истовостью, намоленностью и густотой.

2

Несколько лет тому назад какие-то хасиды были застуканы за рытьем подземного хода: похищение останков рабби было предотвращено. Другие израильские хасиды потребовали от правительства Ольмерта договориться с правительством Ющенко о передаче святыни им.

Самое интересное, что они нашли понимание и поддержку... в Умани! Дюже крепко за свою достопримечательность уманьчане не держатся и охотно расстались бы с нею в обмен на что-нибудь более звонкое и ощутимое. На городском сайте ни о рабби Нахмане, ни о паломниках со всего мира — ни полсловечка, как, впрочем, и о другой исторической достопримечательности — об «Уманской яме», самом страшном шталаге для советских военнопленных на всей территории Украины.

Но и паломникам было решительно наплевать на все, что не раб Нахман. И на Уманскую яму, и на Бабий Яр в том числе.

3

Ну а насчет Умани и Бабьего Яра — было и продолжение:

УМАНЬ И БАБИЙ ЯР¹

1

... Гул молитвы, базарная ругань,
помесь святости со шпаной.
Гайдамацкая, гойская Умань —
с Йом-Кипуром, блин, с Рош-Ха-шаной!

Этот гул — он уже не затихнет,
Посмотрите на эту толпу..
«А Вы тоже религии ихней?» —
Полицейский, дающий кипу.

Сколько жизни в могиле зарыто!
Реббе Нахман, давно ли Вы тут?
Двести лет без кола и защиты
пролетели, как двадцать минут.

И свиваются пейсы в колечко
визави фантастических сцен.
На неделю свернулся в местечко
Этот польско-радецкий райцентр...

И хасиды бредут, как в исподнем,
в помраченьи своем новогоднем,
бьют поклоны, качают права!..
С Новым годом, блин! Шана-Това!

2

... О евреях ни слуху ни духу.
Тишина, словно кляп, на слуху.
Здесь скосило не только мишпуху,
Но и треснувшую галаху.

---

¹ Стихотворение Павла Нерлера.

Грош цена этой крови из ступки,
раз пристреленный пулемет
двадцать тысяч убитых за сутки
Прошивает навывлет и влет.

Синагога под небом разрытым,
раскуроченным, как Бытие.
Столько смерти в овраге сокрыто,
Что ничто не удержит ее!

И на выходе из каверны
Только кости и черепа.
Нет защиты от пульпы и скверны,
гидрография не слепа.

Эксгумированное преданье,
слева кривда и справа ложь...
И беспамятства напластованья
Экскаватором не свернешь.

3

...Только Умань и в ус не дует,
отбивает молитвенный шаг.
И хасидский трансфер минует,
Не заедет на тот овраг.

Неподвластные укоризне,
Новогодние схлынули дни.
Занесенные в Книгу жизни,
Книгу смерти забыли они.

И в расколотом небе незрячем
нам чужая резня нипочем...
И не молимся мы, и не плачем
между жертвами и палачом.

Одиночество горней меноры,
кору памяти, дыры и норы.
И неяркого яра огни —
Навсегда остаются одни.

От Завета и до Совета
Ни могилки, ни плошки света.
Каркнул ворон свое «Nevermore!..»
Жидомор и историомор.

2005—2015|| ЖЕРТВЫ ДВУХ ДИКТАТУР И НЕСКОЛЬКИХ ДЕМОКРАТИЙ: БЫВШИЕ СОВЕТСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ

Заложники Холодной войны

Тема советских военнопленных в немецком плену, тема угнанных в Рейх остарбайтеров и их совместной репатриации в СССР более полувека была темой-табу. Даже говорить об этом было опасно, настолько серьезный идеологический заряд она в себе несла.

Еще в разгар репатриации в мире разразилась очередная мировая война — так называемая Холодная.

Это не совсем точно, что Холодная война — это война двух систем, двух укладов и двух идеологий — это еще и война друг с другом. Для ее успешного ведения нужны были не только внешние, но и внутренние враги и внутренние жертвы — и не обязательно диссиденты или поэты. Париями и отщепенцами могли послужить и другие — военнопленные, остарбайтеры и прочие. На Холодной войне (в отличие от «Горячей» — Великой Отечественной) никто из наших героев не воевал, но жертвами ее, по обыкновению, становились они все — поголовно!

Начнем с цифр, хотя бы и округленных.

В немецкий плен попало 5,7 млн красноармейцев, из них 3,3 млн — или 57%! — умерло или погибло в плену в результате геноцидальной (точнее, стратацидальной) политики немецкого государства. 2,4 млн военнопленных дождалось Дня Победы живыми, из них в послевоенный репатриантский поток влилось 1,8 млн чел., а остальные 0,6 млн — это сумевшие увильнуть от принудительной советской репатриации

«невозвращенцы»: понятно, что из последних большинство составляли коллаборанты.

Но коллаборанты были и среди других репатриированных.

Советская репатриация была принудительной вовсе не потому, что люди не хотели возвращаться на родину, а их палками заставляли. Большинство как раз хотело домой, — невзирая на все связанные с этим риски. Принудительной она была потому, что никого в СССР даже не интересовало, хочет кто-то домой или не хочет: все советские граждане были обязаны это сделать, и именно потому что, они советские граждане.

Фильтрация же репатриантов показала, что в распоряжение НКВД, то есть в спецконтингент, поступили 6—7% репатриированных (а это порядка 300 тысяч человек!), из них большинство военнопленные. Среди них были и те, кого судили и осудили в экстазе сверхподозрительности (в предательстве априори подозревали каждого; а к советским военнопленным-евреям смершевцы могли себе позволить обратиться с вопросом: «И как это ты, Абрам, жив остался?..»). Но среди осужденных было немало и тех, кто действительно нарушил присягу и, став предателями, совершил военные преступления (немало таких предателей было и среди айнзатцкоманд и айнзатцгрупп СД, специализированных на ликвидации евреев, коммунистов, цыган, душевнобольных и некоторых других категорий лиц).

В то время понятий «коллаборанты» или «коллаборационисты» как таковых еще не существовало. Их аналогом было понятие «власовцы», трактуемое крайне широко и отнюдь не сводящееся к военнослужащим РОА, успевших присягнуть и Сталину, и Гитлеру. Как правило, они получали по шесть лет, и с ними как с априори предателями не церемонились и не цацкались (для отбытия наказания их, как правило, отправляли на Колыму). Отдельные коллаборанты из числа бывших советских военнопленных, такие как сам генерал

Власов, атаман Доманов или же члены соединений СС или СД, были казнены.

Остальных же бывших военнопленных после фильтрации или демобилизовывали и отпускали домой (рядовыми в запризывном возрасте), или, наоборот, вновь призывали в армию (и некоторые из них успели даже немного повоевать — с Германией или с Японией; разновидностью этого стала работа в советских репатриационных и демонтажных миссиях в советских оккупационных зонах и Польше). Весьма распространенной вариацией судьбы военнопленного-репатрианта была мобилизация в трудовые батальоны Наркомата обороны — формально добровольная, а по сути (и по режиму содержания) столь же насильственная и репрессивная.

Но все-таки надо четко сказать: расхожее представление о репатриации советских граждан, в том числе и бывших военнопленных, как о почти поголовной репрессии и передаче их в ГУЛАГ — не соответствует действительности. Это один из мифов Холодной войны, вспыхнувшей между вчерашними союзниками вскоре после их общей и безоговорочной Победы над общим врагом¹.

Таким же мифом-«страшилкой» являлись и рассказы о поголовных — под звуки ревуших двигателей, мужских хоров или других глушителей — расстрелах без суда и следствия членов коллаборантских соединений, передававшихся англичанами и американцами в союзнические советские руки в буквальном соответствии с Ялтинскими соглашениями (и иногда и без такого соответствия).

СМЕРШ как оператор репатриации

Другое дело, что бывшие военнопленные действительно и довольно массово пополняли собой контингент ГУЛАГа, но происходило это уже вне всякой связи с репатриацией.

---

¹ См.: Полян, 2002. С. 526—543.

Очень многих из них СМЕРШ и ведомство Филиппа Голикова (Управление по делам репатриации при Совмине СССР) после войны передавали вместе с картотеками на контроль и дальнейшую пастьбу в руки МВД или МГБ. Эти органы держали бывших военнопленных на коротком поводке и на своеобразном крючке, следя за ними, вызывая для бесед, вербуя в ряды своих осведомителей.

В зависимости от их реакции, от кагэбэшных разнарядок и от конъюнктуры «рынка» лагерного труда у тех репатриантов, кто уже худо-бедно интегрировался в новую послевоенную жизнь страны, шансы загреметь в ГУЛАГ могли резко возрасти. Еще выше они были у тех бывших военнопленных, кто уже отсидел небольшие сроки. Так что конец 1940-х и начало 1950-х гг. — это время пусть и индивидуальных, но ощутимо массовых посадок, а отмена смертной казни дала необычайный прирост средней продолжительности присуждаемых сроков.

Передо мной не опубликованные еще воспоминания москвича Анатолия Баканичева, 1920 года рождения, одного из таких «героев»¹. Летом 1939 года он поступил на биофак МГУ, и его тут же призвали в Красную армию. Горьковские, Гороховецкие лагеря, переброски по направлению Прибалтики и Молдавии и, наконец, марш-бросок в Лиду, завершившийся буквально 21 июня 1941 года. В последующие дни — окружение, попытки из него вырваться и, наконец, 6 июля — попадание в плен, вереница лагерей, из которых последним — и рабочим — был лагерь Штайерберг под Ганновером. В тех местах он и встретил свое освобождение из плена американцами.

Потом советская репатриационная миссия, Берлин, Ной-Руппин, фильтрация, на которой в качестве станции назначения он назвал Можайск (Москва была для него закрыта). Немного схитрив, он саморепатрировался — и до Москвы. Прописался он с большим скри-

¹ Архив общества «Мемориал». Ф. 2. Оп. 1. Д. 4.

пом, поступил сначала в Губкинский нефтяной, а потом в Тимирязевский сельскохозяйственный вузы, но от лестных предложений сотрудничать с органами упорно отказывался.

В итоге 19 февраля 1948 года он был арестован и получил 15 лет каторжных работ (были недолгое время и такие в эти годы) — «за избиение военнопленного С. во время нахождения в плену»! (Суров закон, не правда ли?) Отбывать начал в Норильске, в одном из горлагов. Предпринял попытку побега, правда, неудачную.

И освободился только в 1956 году, по хрущевской амнистии.

Перемены тяжелого, или Демифологизация

Реальный же итог принудительной репатриации — это: на всю оставшуюся жизнь большая черная клякса в анкете и отчетливая дискредитация в повседневной жизни и на карьерных траекториях (единичные исключения были, но погоды не делали). Добавим сюда и повышенный риск быть арестованным!

В этом и только в этом смысле — в плане их социальный второсортности — справедливо говорить о бывших военнопленных как о жертвах не только немецкой, но и советской диктатуры. Но в таком случае лукавят и подличают те, кто утверждают: судьба советских репатриантов на родине — такая же, как и остальных граждан Союза.

Сладко не было тогда никому, но даже в бесправном обществе есть свои «перемены тяжелого», как говорил Виталий Семин, и свои ступени бесправия.

Репатрианты — и бывшие военнопленные — это граждане второго сорта. Они это пережили и это знают, для них это не миф, а жизненный фон, жизненные опыт и правда.

Первая тому иллюстрация — продолжающаяся апология практики и теории репатриации по-советски!

Свое отражение она нашла в работах В. Земскова, А. Шевякова и Ю. Арзамаскина, несших, наряду с эмпирической, и идеологическую нагрузку. Так, В. Земсков в статье 1993 года взялся за трудную работу по «демифологизации» репатриации советских граждан.

Но и большинство западных суждений и оценок столь же мало опираются на специальные исследования и почти столь же политизированы, как и советские. Так, общим местом, например, был тезис о чуть ли не поголовном нежелании возвращаться в СССР украинцев или жителей Прибалтики или же об их поголовной отправке в лагеря.

Казалось бы, открывшиеся — и первому именно В.Н. Земскову — архивы позволили прояснить ситуацию и нарисовать правдивую и сложную картину. Но ученый предпочел сделать тематическую выборку и развенчать западные стереотипы (от которых, кстати, на Западе уже отошли и без таких сверхусилий со стороны Земскова), сохранив при этом и даже как бы упрочив стереотипы советские (на деле ничуть не меньше заслуживающие критического анализа и «демифологизации»).

Проследим за ходом его — в высшей степени симптоматических — рассуждений.

Начнем с первого из трех разоблачаемых им мифов: «**Все хотели остаться на Западе**».

Согласно Земскову, западные источники утверждают, что большинство советских военнопленных были враждебно настроены к СССР и не желали возвращаться на родину. Советские же военные разведчики, сообщает Земсков, имели прямо противоположные сведения: *«основная масса пленных желает возвратиться в СССР, хотя и опасается расследований, ожидающих их по возвращении домой»*¹.

---

¹ Земсков, 1993. С. 75. Цитата — из письма начальника Главного Разведуправления Красной армии И.И. Ильичева Ф.И. Голикову от 26 октября 1944 г. (без указания сигнатуры).

Но мало того. Оказывается, сотрудники НКВД, НКГБ и СМЕРШ, осуществлявшие проверку и фильтрацию репатриантов, имели основательные опасения в том, что *«довольно длительное бесконтрольное пребывание за границей серьезно повлияло на их мировоззрение и политические настроения»*¹. Так вот, по ходу деликатной работы этих специалистов все эти опасения, в основном, рассеялись.

Остается только порадоваться мировоззренческой зрелости и стойкости наших граждан, как и гуманистической толерантности чекистов. Знай это Филипп Голиков загодя, не понадобились бы лагеря и прочие беспокойства и старания!

Во-вторых, вслед за оперативниками, В.Н.Земсков разделил неделимое — советских граждан — на «восточников» и на «западников» (точно такое же различие делали и союзники, но так называемых «западников» они за граждан СССР просто не считали):

*«По объяснительным запискам репатриантов можно примерно установить, что среди “восточных рабочих” твердых возвращенцев было не менее 70%, невозвращенцев — около 5%, остальные 25% составляли так называемые колеблющиеся (в большинстве они были не против возвращения, но опасались репрессий). Примерно такое же соотношение было и среди военнопленных. Концлагерники же (политические заключенные) почти все хотели вернуться на Родину»*².

Но иначе, оказывается, с «западниками». Лишь около 15% из них (в основном беднейшие крестьяне и бывшие заключенные концлагерей) твердо решили вернуться на родину. Примерно столько же, по Земскову, и твердых невозвращенцев (в основном руководителей и активистов различных национальных группировок, кружков, комитетов и т.п.). Колеблющихся — не менее 70%.

---

¹ Там же.

² Земсков, 1990. С. 27.

Если довериться этим цифрам, то получается, что уровень наивности в СССР имел ярко выраженный восточный градиент. Большинство «западников» не разделяло той несколько странной уверенности, что в Союзе «ни за что — не сажают». Может быть потому, что за несколько месяцев советизации многие из них уже успели убедиться, что прекрасно «сажают» — и ни за что.

Признать объективными или точными цифры, приводимые В.Н. Земсковым, крайне затруднительно, если учесть их источник (анкетирование органами СМЕРШ) и хотя бы на минуточку представить себе обстоятельства составления «объяснительных записок».

Миф второй: **«Благородные союзники — и кроваж-адные большевики»**. Утверждается, ставит себе задачу Земсков, что американцы и англичане хотели спасти советских граждан от обязательной репатриации, но не могли устоять перед ультимативными требованиями СССР об их выдаче.

Все не так просто, говорит Земсков, и он прав. Перефразируя заголовок классической книги Кристиана Штрайта *«Keine Kameraden!»* («Никакие они нам не товарищи»), скажу: *«Keine Gentlemen»* — никакие они не джентльмены, наши славные союзники, а просто-напросто реалисты и прагматики: им и своих пленных назад хотелось¹, и второй фронт против Японии открыть тоже. И снова Земсков прав! Но следующим шагом он зачем-то вступает на скользкую дорожку запутанных юридических силлогизмов «а-ля Вышинский».

Оказывается, что в экстремальных условиях войны, по Земскову, *«...государство временно приостанавливало действие ряда прав человека (в частности, свободы выбора подданства², исходя из того, что в период острого*

¹ Перед глазами так и возникает образ негра-репатрианта, бросающегося в Гудзон, лишь бы его не выдали назад, ишачить под свист бичей на плантациях дядюшки Сэма!

² По Земскову выходит, что это несколько диковинное право если не торжествовало, то наличествовало в довоенном СССР.

вооруженного противоборства каждый гражданин обязан находиться в родной стране на военной службе или отбывать трудовую повинность. Для достижения этой цели предпринимались соответствующие чрезвычайные меры, включая обязательную взаимную репатриацию, так как добровольность могла стать лазейкой для легального дезертирства. Попадание во вражеский плен не считалось основанием для освобождения от обязательной воинской или трудовой повинности, а уклонение от возвращения в свою страну рассматривалось как преступление, аналогичное предательству или дезертирству»¹.

Попутно Земсков рисует общественное мнение англичан и американцев как непримиримо враждебное к «советским квислинговцам», не раскрывая содержания этого превосходного термина — лингвистической реликвии времен выступлений Громько в ООН. Источники же самого утверждения не приводятся, наверное, — демократическая печать или донесения разведки. Но как увязать этот тезис, например, с иммиграционными программами тех же Англии и США, рассчитанными на этих самых квислинговцев, остается неясным. На всякий случай Земсков страшится и с другой стороны: мол, не по силам западному миру просто так взять и переварить пять миллионов советских ДиПи! В то время как «...Советский Союз, понесший огромные людские потери, напротив, был остро заинтересован в возвращении на Родину нескольких миллионов советских граждан, оказавшихся за границей»².

Вывод ясен и прост: насильственная репатриация — есть и самый правовой, и самый справедливый выход: всем же ведь хорошо!

---

¹ Земсков, 1993. С. 76. В таком случае не удивишься изворотливости иных советских военнопленных, совершивших уголовные преступления в чужих оккупационных зонах и сидевших, уклоняясь от патриотических повинностей, в американских или английских тюрьмах.

² Земсков, 1993 С. 77.

Наконец, миф третий: **всех, кто вернулся, — репрессировали.**

Для начала этот тезис объявляется расхожим мнением. Что верно. Затем Земсков признает, что судьба нескольких десятков тысяч советских граждан по ходу репатриации сложилась трагически. Что тоже верно. Зато остальные были *«приятно (sic!) удивлены тем, что в СССР с ними обошлись далеко не так жестоко, как они ожидали»*¹.

Правда, тут же Земсков приводит таблицу, несколько дезавуирующую сказанное. Во-первых, если критерием «трагической судьбы» является попадание в спецконтингент, то счет должен идти на сотни, а не на десятки тысяч душ. Во-вторых, ответить на вопросы, много это или мало — 6,5% (доля спецконтингента) и «подарок» ли судьбы зачисление в «трудовые батальоны НКО», — не так просто: критерий «счастливой судьбы» репатрианта до сих пор не выработан.

Особенное сомнение (мы не позволяем себе эмоций) вызывает и заключительный тезис разоблачителя мифов: *«... Судьба подавляющего числа репатриантов практически не отличалась от судеб обычных граждан СССР»*².

Ну разве это не мифологема?!

И разве после всего, что нам сегодня известно об их незавидном статусе на родине, ее нужно еще специально «разоблачать»? И стоило ли еще раз оболгать и оскорбить людей, столько перенесших, к тому же еще и, в некоторой части, не умерших?

Сладко не было никому, но даже в бесправном обществе есть свои «перемены тяжелого», как говорил Семин, и свои ступени бесправия.

Репатрианты же — граждане второго сорта. Они это пережили и это знают. Для них это — не миф, а жизненный опыт и правда.

¹ Земсков, 1993. С. 78.

² Земсков, 1993. С. 81.

Широкая ветеранская общественность и военнопленные

Может быть, у бывших военнопленных есть поддержка в ветеранской среде, среди таких же, как и они, красноармейцев и участников войны, но только дважды счастливых — и тем, что не были убиты, и тем, что не попали в плен?

К сожалению, нет у них такой поддержки. Ни они, ни окруженцы явно не в визире или в фаворе у Советского (Российского) комитета ветеранов войны или у РОКП¹. Впрочем, и сами ветераны ВОВ внутри общеветеранского движения все заметнее вытесняются и задвигаются на задворки ветеранами боевых действий и госслужбы, — горькая, но закономерная (по крайней мере, демографически) действительность. Но никакого демографического оправдания между тем не было и нет той горькой несправедливости, которую сами бывшие фронтовики — ветераны ВОВ учиняли и учиняют по отношению к своим ровесникам и сотоварищам по оружию, имевшим на ратном пути несчастье оказаться во вражеском плену или окружении. В ветеранской среде бывших военнопленных всегда только игнорировали и дискриминировали.

Когда накануне 50-летия Победы первый президент РФ Б.Н.Ельцин 24 января 1995 года издал Указ № 63 «О восстановлении законных прав российских граждан — бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период»², он едва ли

---

¹ Они даже ни разу не упомянуты ни в одном(!) из документов последнего, оказавшихся доступными пишущему эти строки.

² Согласно пункту 5 Указа его действие не распространяется на бывших советских военнопленных и гражданских лиц, служивших в строевых и специальных формированиях немецко-фашистских войск, полиции, и иных лиц, не подле-

не впервые после Нюрнбергского трибунала признал бывших советских военнопленных не только участниками войны, но еще и **жертвами нацизма**¹.

Но даже этот на десятилетия опоздавший Указ вызвал далеко не однозначные отклики. Весьма показательна, хотя и поразительна, реакция со стороны тех, кого миновал плен: *«В широкой ветеранской общественности, — сообщил корреспонденту «Российских вестей» зам. председателя Российского совета ветеранов войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов В.Смирнов, — [указ] в целом воспринят положительно»,* но при этом *«есть и будут неоднозначные оценки среди бывших фронтовиков уравнивания в правах и льготах тех, кто, например, прошагал дорогами войны от Москвы до Берлина, и находившихся, пусть и не по своей вине, в немецком плену»*².

Тут до боли узнаваемы и «лексика», и «принципиальность». По-прежнему свысока и презрительно взирают прошагавшие от Москвы до Берлина на тех, кому на пути от Бреста до Москвы пришлось под конвоем завернуть в шталаг. К этому, процеженному сквозь зубы — *«пусть и не по своей вине»* — и свелось все, что означенная «общественность» усвоила из того, что она о себе не знала или не хотела знать.

жащих реабилитации согласно Закону РФ «О реабилитации жертв политических репрессий».

¹ Для этого Правительству РФ вменялось в обязанность *«рассмотреть вопрос о распространении на бывших советских военнопленных условий и порядка выплаты компенсации лицам, подвергшимся нацистским преследованиям, установленных постановлением Правительства РФ от 2 августа 1994 года, с отнесением этих расходов за счет средств Фонда взаимопонимания и примирения либо изыскания других источников финансирования»*.

² См.: Советские военнопленные: справедливость обретена, но кто же об этом знает? // Российские вести. 1995, 3 февраля.

С другой стороны, президент Объединения бывших военнопленных Г.А. Хольный по горячим следам тогда напоминал: «...*Поторопитесь! Указ должен начать работать, пока еще живы люди, которых он касается, пока еще возможно хоть немного исправить причиненное зло*»¹. Ему вторил со своим мрачным прогнозом другой военнопленный, Н.И. Черкизов: «*Боюсь, что наши чиновники будут тянуть, а нам ждать уже нельзя, большинству из наших товарищей за 70 лет*»².

Эти отклики имеют в виду в том числе и материальную сторону вопроса. Этот указ вменял в обязанность Правительству РФ «*рассмотреть вопрос о распространении на бывших советских военнопленных условий и порядка выплаты компенсации лицам, подвергшимся нацистским преследованиям, установленных постановлением Правительства РФ от 2 августа 1994 года, с отнесением этих расходов за счет средств Фонда взаимопонимания и примирения либо изыскания других источников финансирования*».

Правительство России, судя по всему, решения этого вопроса даже и не искало. Предусмотренных указом Ельцина государственных или «*других источников финансирования*» в экономической реальности России не было и нет.

Не вспомнил о них (ни разу!) и РОКП, хотя президентского указа ни сам Ельцин, ни его преемник не отменяли.

А его надо бы просто-напросто выполнить, заранее заложив под это средства в Федеральном бюджете хотя бы на юбилейный год.

Но мрачный оракул предсказал все правильно: «*Правительство России пока так и не нашло решения вопроса, за счет чьих средств (Фонда или иных источников*

---

¹ Там же.

² Из письма Н.И. Черкизова в газету «Российские вести» (См.: Советские военнопленные: справедливость обретена, но кто же об этом знает? // Российские вести. 1995, 3 февраля).

финансирования) будут отнесены расходы на выплату компенсации бывшим советским военнопленным»¹.

Число претендентов, на радость казне, уменьшается и довольно быстро.

Жертвы нескольких демократий

Другая иллюстрация продолжавшейся до недавнего времени дискриминации захваченных немцами советских граждан и военнослужащих — остовцев и военнопленных — это ход обсуждения и практическое решение проблемы компенсации в Германии.

О человеконенавистническом и попирающем международное право отношении Третьего Рейха ко взятым в плен красноармейцам немецкими и российскими историками написано много книг. Согласно «Боевым приказам Гейдриха» № 8 и № 9, а также еще более известному «Приказу о комиссарах», часть советских военнопленных, — прежде всего евреи и политкомиссары — подлежали уничтожению на месте без суда и следствия. Суммарно число расстрелянных на этом основании оценивается в 70—80 тыс. чел.

Но под угрозой поголовного уничтожения находилось подавляющее большинство и остальных военнопленных. Число погибших и умерших в плену (3,3 млн чел., согласно К.Штрайту) достаточно красноречиво: если у несоветских военнопленных смертность в плену колебалась вокруг 3—5%, то у советских военнопленных она составляла 58%. Всего этого вполне достаточно для того, чтобы квалифицировать их как особую категорию жертв национал-социалистических преследований, правомочную на получение компенсации. Фактически так же — как специфическую группу, явля-

---

¹ Цит. из письма Т.П. Казатуровой Г.А. Хольному от 29 февраля 1996 г.

ящуюся объектом национал-социалистических преследований — бывших советских военнопленных квалифицировал и Нюрнбергский трибунал.

При распределении выплат по линии немецкого «гуманитарного урегулирования» в середине 1990-х гг. как «пособники»-остарбайтеры, так и «предатели»-военнопленные получили по очередной пощечине: первые — лишь частичным признанием своих прав, вторые — их полным непризнанием. Практически то же самое повторилось и сейчас, на рубеже столетий, когда на кону оказались не гуманитарные жесты, а собственно компенсации (к сожалению, только для тех, кто до этого момента дожил). Уже в который раз подверглись они очередной гражданской дискриминации.

Хочу напомнить. Десятилетиями не только немецкие промышленники, но и немецкое государство — и даже отдельные немецкие ученые-историки! — держали круговую оборону против реальных и предполагаемых притязаний тех принудительных рабочих из Восточной Европы, чей труд нацисты так хорошо эксплуатировали в годы войны. В ход шли надуманные аргументы о погашенности и «закрытости» этого вопроса, во-первых, ходом репарационного урегулирования и, во-вторых, неприсоединением восточноевропейских стран к Лондонскому соглашению о долгах.

Эти риторические аргументы выслушивались и принимались советской дипломатией если не с почтением, то с пониманием. Защищать коллективные интересы людей, угнанных в Германию и именно за это дискриминированных в самом СССР, было бы даже как-то странно, да и историко-юридической стороной вопроса, а, следовательно, и аргументацией защиты никто у нас не владел, так что немецкие антикомпенсационные тезисы никто и ни разу всерьез, по-деловому не оспорил.

Об историко-юридическом блефе с немецкой стороны, который на самом деле стоял за этими тезисами, говорит та исключительная легкость, с которой эти

«тезисы» были преодолены в ходе переговоров с адвокатами жертв принудительного труда, проживавших, однако, не в Восточной Европе, а в США и Израиле. Уж и не знаю, пыталась ли немецкая сторона на переговорах, где по обе стороны стола сидели исторически подкованные юристы, вешать им на уши такую же «лапшу», или это был продукт, предназначенный только для ушей советских. Но правомочие таких же, но проживающих на Западе жертв на индивидуальную компенсацию (именно на компенсацию, а не на «гуманитарное урегулирование»!) было ею без труда признано и подтверждено, и лишь после этого — с легкими арьергардными боями — перенесено и на принудительных рабочих из Восточной Европы.

А у себя дома имелось скорее антилобби, то есть сговор против бывших военнопленных! Не было у них реальной поддержки и с официальной российской¹, украинской и белорусской сторон: ну, кому нужны «лишние рты» у компенсационного котла, когда денег и так мало, а претендентов много!

Германское гуманитарное урегулирование 1990-х гг. и компенсации 2000-х гг. жертвам нацизма и принудительным рабочим вбили клин между остовами и военнопленными. Первых — частично признали правомочными получать эти выплаты, вторых — категорически таковыми не признали.

Что заставляет, увы, воспринимать бывших советских военнопленных как жертв не только двух диктатур, но еще и тех нескольких демократий, что стоят за договоренностями о различных выплатах, достигнутыми на рубеже столетий.

---

¹ Автору приходилось слышать о том, что представлявший Россию на этих переговорах посол по особым поручениям В.А. Коптельцев не раз поднимал этот вопрос, но не встретил поддержки ни у кого. Охотно поверил бы, но документальных или иных подтверждений тому встретить, однако, не пришлось.

Советские военнопленные и Гуманитарное урегулирование стран СНГ с Германией 1992—1995 гг.

Не менее хорошо известно отношение к бывшим советским военнопленным со стороны собственного государства, рассматривавшего их не иначе как потенциальных предателей и пособников врага и, после репатриации в СССР, подвергшихся жесткой социально-политической дискриминации.

«Традиция» дискриминации и игнорирования интересов пострадавших от нацизма советских граждан была продолжена и в 1990-е годы. Официальные переговоры между правительствами СССР и ФРГ по этому вопросу (руководитель советской делегации — посол по особым поручениям А.Бондаренко) начались только в 1991 году, когда основные переговоры об объединении Германии были уже позади и политически самый выгодный момент был упущен. Согласно пункту 6 совместного заявления Г.Коля и Б.Ельцина от 16 декабря 1992 года стороны договорились о гуманитарном урегулировании в размере 1 млрд DM на весь бывший СССР. После новых переговоров, прошедших уже с участием представителей России, Украины и Белоруссии и завершившихся в Бонне 29 января 1993 года, было решено поделить эту сумму между тремя странами в соотношении 40:40:20, а для осуществления самих выплат создать типовые Фонды «Взаимопонимание и примирение» в Москве, Киеве и Минске. Получателями немецкой компенсации, а точнее добровольной гуманитарной помощи, мыслились жертвы нацистских преступлений, причем определение категорий жертв предоставлялось названным фондам.

«Военнопленных» все три фонда дружно и постыдно проигнорировали, за исключением тех из них, кто являлся еще и узником концлагерей. В беседах с В.А.Князевым и другими сотрудниками Фонда, а так-

же с дипломатами из МИД РФ приходилось не раз слышать, что против правомочия военнопленных якобы решительно возражала немецкая сторона. При этом в обоснование неприятия военнопленных как жертв нацизма звучали, в основном, такие аргументы, или возражения: а) военнопленные — это же военнопленные, они не подходят под понятие «жертв нацизма»; б) как только мы поставим перед немцами вопрос о компенсации советским военнопленным, немецкая сторона немедленно выставит нам счета за немецких военнопленных; в) выплата военнопленным сумм в рамках гуманитарного урегулирования есть дополнительная льгота, которой лишены другие участники и ветераны войны и г) уцелевших военнопленных — якобы сотни тысяч, и, если еще и им дать денег, то другим достанется маловато, чуть ли не вдвое меньше, чем без них.

Действительно, делить выделенные ФРГ деньги на большее количество правомочных лиц было не в интересах других групп, чьи представители получили немецкую «материальную помощь» и всячески лоббировали свои групповые интересы (как, например, хорошо организованные объединения «малолетних узников нацизма»). Все это заставляет усомниться в том, что идея исключения военнопленных родилась исключительно в Берлине: как наиболее пострадавшие, самые старые и хуже всего организованные узники нацизма, военнопленные, в отличие от других категорий узников, не имели никакого лобби прежде всего в правительственных кругах, в наблюдательных советах и правлениях своих национальных Фондов «Взаимопонимание и примирение».

Вместе с тем определение категорий правомочных жертв, согласно договоренностям, входило в компетенцию самих трех восточноевропейских фондов. А о том, что Германия не собиралась объявлять России, Украине или Белоруссии войну или бойкот в случае, если бывшие советские военнопленные получили бы свою долю

«материальной помощи», говорит опыт Белоруссии. Так, 20 мая 1999 года Совет министров Белоруссии принял Постановление об оказании финансовой помощи военнопленным, подвергшимся национал-социалистским преследованиям. Белорусский фонд «Взаимопонимание и примирение» изыскал на это средства (в ход пошли проценты от основного капитала), и помощь в размере приблизительно 600 DM получили около 2000 человек. В то же время честная позиция белорусского фонда исторически и фактически дезавуировала сам по себе фольклорный аргумент о несовместимости целей Фондов «Взаимопонимание и примирение» и судеб бывших пленных красноармейцев: в Минске искали и нашли не только средства, но и мужество косвенно признать и свою ответственность перед этой, когда-то самой многочисленной, категорией жертв нацизма.

Из всего этого следует прежде всего то, что бывшие советские военнопленные — одна из самых пострадавших категорий жертв нацизма и сталинизма (вот уж поистине «жертвы двух диктатур»!) — и в постсоветских государствах продолжали и продолжают оставаться самой дискриминированной группой. Унизительный процесс их гражданской реабилитации растянулся на полвека (и это при том, что никакой юридической вины перед своим государством у них не было). Россия, например, официально пересмотрела свою позицию по существу только в 1995 году — накануне 50-летия Победы. Президент РФ Б.Н.Ельцин воспользовался юбилеем как бы для исправления исторических ошибок советских и российских чиновников и 24 января 1995 года издал Указ № 63 «О восстановлении законных прав российских граждан — бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период». Аттестуя действия партийного и государственного руководства бывшего СССР в отношении репа-

трированных граждан как политические репрессии, противоречащие основным правам человека и гражданина, указ восстанавливал, — хотя и с феерическим опозданием, — минимальную историческую справедливость. Спустя 40 лет после окончания войны бывших военнопленных официально признавали участниками войны (что само по себе гротескно)! Тем, кто дожил до этого дня, отныне полагались соответствующие удостоверения и установленные законодательством льготы.

Но этот указ шел гораздо дальше: он признавал военнопленных не только участниками войны, но еще и **жертвами нацизма**. Для этого Правительству РФ вменялось в обязанность *«рассмотреть вопрос о распространении на бывших советских военнопленных условий и порядка выплаты компенсации лицам, подвергшимся нацистским преследованиям, установленных постановлением Правительства РФ от 2 августа 1994 года, с отнесением этих расходов за счет средств Фонда взаимопонимания и примирения либо изыскания других источников финансирования»*.

Советские военнопленные и выплаты Германией компенсаций за принудительный труд в 2000—2003 гг.

Процесс выплаты компенсаций бывшим принудительным рабочим — сложная политико-финансовая конструкция, родившаяся в ходе формально многосторонних (а по существу немецко-американских) переговоров, ведшихся в конце 1990-х — начале 2000-х гг. Согласно Закону о создании Федерального фонда «Память, ответственность, будущее» от 2 августа 2000 года означенный фонд выплачивает те или иные формы компенсации миллионам бывших принудительных рабочих, жертвам Холокоста и некоторым другим категориям жертв нацистских преследований.

Бывшие советские военнопленные, снова не имевшие лобби в лице ни одной из договаривающихся сторон, были начисто исключены из переговорного, а позднее и из компенсационного процесса. Глава российской делегации на переговорах посол по особым поручениям В.И. Коптельцев, по его словам, и поднимал вопрос об их компенсации¹, но не встретил поддержки ни у кого.

Ради недопущения их к процессу компенсации немецкая сторона не поленилась ввести специальный параграф в Закон о Фонде «Взаимонимание». Абзац 3 параграфа 11 Закона о создании Федерального фонда «Память, ответственность, будущее» от 2 августа 2000 года гласит: *«Пребывание в плену не является основанием для получения компенсации»*. Лишь те военнопленные, кто были не только в шталагах, но и в концлагерях и могли бы это документально подтвердить, признавались правомочными на получение компенсации.

Юридическим прикрытием тут послужили ссылки на международное право, допускающее привлечение части военнопленных к труду, а также погашение всех вопросов о военнопленных в рамках репарационных соглашений и Лондонского соглашения о долгах от 1953 года, к которому, правда, Советский Союз не присоединился.

Этот параграф опускал перед ними шлагбаум по той причине, что все, что с ними связано, уже урегулировано в рамках международного права. При этом делается историческое «сальто-мортале», а именно невероятно вольное допущение о том, что советские военнопленные — это такие же нормальные военнопленные, как, скажем, американские, английские, французские или польские. И все это — после того, как были написаны тома о том, как на самом деле вермахт и СС обходились с пленными красноармейцами! А ведь вот уж кому вы-

---

¹ Охотно поверил бы, но документальных или иных подтверждений тому встретить, однако, не пришлось. В любом случае исторической аргументацией при отстаивании их интересов не располагал, ибо ею не интересовался.

пало лиха! Сначала — смерть или смертный страх — от фашистов, затем насильственный труд и презрение — от своих, после репатриации, а теперь, наконец, и третий раунд: унижение и циничное игнорирование — от цивилизованных стран, красиво рассуждающих об исторической ответственности и о моральных ценностях.

Историческая наука решительно не подтверждает такой уравнительной интерпретации, в свете многочисленных исследований немецких и российских историков представляющейся нечем иным, как сознательной фальсификацией и циничный подлог.

Ни в каком параграфе Женевской конвенции 1929 года пленившей стороне не предоставляется право сортировать военнопленных по национальному или функциональному признаку и те или иные отобранные категории, скажем, евреев и комиссаров, — практически на месте, без суда и следствия, «ликвидировать». А режим содержания! А рационы питания (точнее, голодания)! А система наказаний! — все это безоговорочно выводит советских военнопленных из-под действия направленного против них параграфа, но они все равно ничего не получают, потому что в этом заключалась недальновидная и некомпетентная, но в целом довольно отчетливая политическая воля всей российской переговорной команды.

Вот что значит не иметь никакого лобби! А с американской стороны никаких протестов по этому поводу не последовало: в Америке у русских военнопленных никакого лобби тоже нет, так что до их коллективного иска дело не дошло.

Судебный иск 2002 года и другие попытки урегулирования вопроса

Единственным способом вернуться к содержательной постановке вопроса об исторически корректной интерпретации советских военнопленных и их правомочии

на получение компенсации за принудительный труд оставался, как представлялось, суд.

В начале ноября 2002 года берлинский адвокат Стефан Ташьян, у которого накопилось несколько сот заявлений от бывших советских военнопленных, преимущественно из Армении, подал в Берлинский административный суд пробный иск от имени двух из них — 82-летнего Ишхана Мелконяна и 79-летнего Паргева Захаряна, проживающих в Армении. Ответчиками выступали Федеральное Министерство финансов и Фонд «Память, ответственность и будущее». Предметом иска являлась даже не сама компенсация, а подтверждение полномочия истцов на ее получение¹. Адвокат не имел возможности подать иск ранее, поскольку получение необходимых для этого официальных отказов Российского фонда «Взаимопонимание и примирение» вместо декларированных двух-трех недель потребовало почти пяти месяцев, ушедших на согласование текста такого отказа с означенным берлинским Фондом, пикантным образом являвшимся, вместе с Министерством финансов ФРГ, ответчиком по иску С.Ташьяна.

Учитывая возраст истцов, сам иск был рассмотрен ускоренным порядком. 4 марта 2003 года суд огласил свое решение от 28 февраля: иск отклонен, военнопленные проиграли и эту битву. Аргументация судьи не затрагивала содержательную и ограничивалась лишь формальной стороной дела. Во-первых, сама подача иска признана неправомерной, поскольку, государственный надзор осуществляется в интересах не отдельных личностей, но всего общества. Во-вторых, у истцов нет так называемого субъективного права, поскольку между ними и Федеральным фондом «Память, ответствен-

---

¹ В своем иске адвокат опирался на мое историческое заключение «Правомочие бывших советских военнопленных на получение компенсации по Закону ФРГ »Об образовании фонда «Память, ответственность и будущее»» (май 2002) и на другие источники исторического или правового профиля.

ность и будущее» не существует правовых взаимоотношений. А главное — данная компенсация есть исполнение Германией ее морального и исторического долга, но никак не правового; поэтому нельзя обязать ее выплачивать что-либо помимо того, на что она добровольно согласилась.

Иными словами, Закон о фонде сконструирован таким образом, что против его официальных интерпретаторов ничего нельзя предпринять. Историческая же и правовая аргументация истца в судебном решении даже не упоминалась. Таким образом, вчистую проигнорировано само существо ташьяновской постановки вопроса: к бывшим советским военнопленным нельзя подходить с формальными мерками международного права, так как они — отнюдь не разновидность военнопленных, наподобие английских, французских и других, а особая категория жертв нацистских преследований.

Собственно говоря, с решением суда по иску С.Ташьяна Германия не только умыла руки и совесть, но и перепасовала мяч на российскую сторону. Принятое решение оставляет советских военнопленных в рамках международного права и юридически перенацеливает их возможные притязания и усилия в адрес собственного государства, которому Германия в свое время выплачивала репарации (бывшим военнопленным, как известно, не досталось ни копейки из репарационного пирога).

Кроме того, оставался в силе никем вроде не отмененный Указ Президента РФ Б.Н.Ельцина № 63 от 24 января 1995 года «О восстановлении законных прав российских граждан — бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период», недвусмысленно предусматривающий поиск средств и выплату компенсации бывшим советским военнопленным. Этот указ надо бы просто-напросто выполнить, самое позднее в 2005 году, накануне 60-летия Дня Победы, выделив средства из Федерального бюджета

та на юбилейный год. Число претендентов, на радость казне, к этому времени еще более уменьшится. Для этого, правда, потребовалось бы заблаговременно выявить их по линии райвоенкоматов¹.

Судебный иск как юридический способ решения проблемы компенсации бывшим советским военнопленным являлся лишь частью усилий, предпринятых в том же направлении. Так, 27 ноября 2002 года адвокат С. Ташьян и пишущий эти строки направили канцлеру Германии Г. Шредеру и президенту России В. Путину открытое письмо, в котором, обращая внимание на ситуацию с правомочием бывших советских военнопленных и с неоплатной виной не только немецкого, но и российского государств перед этими людьми, выступили с политической инициативой — создать отдельный фонд для выплаты им компенсации, причем с совместным российско-немецким капиталом.

Письма от Путина ни одному из адресатов не поступало. А вот Шредер ответил, что страдания советских военнопленных в немецком плену федеральному правительству хорошо известны, но заметил, что компенсация за них входит в компетенцию правительств тех государств, которым Германия выплачивала репарации.

Шредер, похоже, не отдавал себе отчет в том, что предпринятая им попытка ввести Германию в XXI век с чистой (точнее, очищенной) исторической совестью именно тем самым и не удалась из-за того, что в демократической европейской стране — и исключительно по фискальным соображениям — цинично проигнорировали историческую правду о судьбе советских военнопленных в целом.

---

¹ Справедливо было бы и запросить правительства Украины и Белоруссии об их отношении к подобной акции и для своих граждан. Был тут и еще один внешнеполитический фактор: поляки решили заплатить своим военнопленным, так и не получившим компенсации, то же намереваются сделать и итальянцы.

Но есть свои «перемены тяжелого» и внутри граждан «второго сорта». И бывшие советские военнопленные прошли свой и только свой трагический и унижительный путь: от стадии «жертв двух диктатур» — через стадию «заложников Холодной войны» — к стадии «жертв нескольких демократий»!

Негосударственные формы компенсации бывшим советским военнопленным

Надо сказать, что внесудебные прецеденты добровольных выплат военнопленным компенсации в той или иной форме уже имелись.

Один из немногих результатов, достигнутых С. Ташьяном в 2002 году, заключался в том, что бывшие военнопленные-евреи начали получать компенсации наравне с узниками гетто. Выплаты производились Claims Conference после моей переписки и явочным порядком, без широкого афиширования этого жеста. Большая заслуга в этом была Абрама Вигдорова, одного из таких лиц, методично переписывавшегося с всеми структурами.

Кроме того, на «обороне» против бывших советских военнопленных не настаивали и некоторые муниципальные и иные негосударственные фонды, участвовавшие в выплате компенсации бывшим принудительным рабочим. Так, «своим» военнопленным заплатили Муниципальный компенсационный фонд Марбурга (2000 DM), Католический компенсационный фонд (5000 DM), Кельнское объединение «Эль-Де-Хаус» (500 евро). Еще в 1999 году по 600 DM «своим» военнопленным выплатили белорусский фонд «Взаимопонимание и примирение» (кстати, в январе 2001 года польский фонд «Польско-немецкое примирение» объявил о готовности выплатить 350 евро бывшим польским военнопленным-ефрейторам). Все это говорит о ширя-

щемся общественном признании проблемы и несправедливости ее нынешнего «решения».

Третьим — сугубо общественным путем — явилась гражданская инициатива по сбору пожертвований в пользу военнопленных. Инициатива тут принадлежала госпоже Липпхардт — дочери коменданта одного из шталагов (стационарных лагерей для военнопленных) на территории нынешней Польши: разыскав двух бывших узников этого шталага, она выплачивает им ежемесячное пособие из своих собственных более чем скромных средств. К этой мысли ее привело то же, что Ташьяна к подаче иска, — возмущение политикой Германии в вопросах компенсации советским военнопленным. Отец рассказывал ей кое-что о «своем» шталаге, но она, в отличие от немецких переговорщиков и руководителей берлинского фонда, вняла голосу совести и исторической справедливости и не стала прятаться за фальшивые тезисы международного права, ее лично не обязывавшие ни к чему.

Долго не находилось и организации, готовой взять на себя управление таким благотворительным счетом. Понимание и поддержку фрау Липпхардт все-таки нашла — у председателя берлинского объединения «Kontakte — Контакты» Эберхарда Раджевайта и его коллег, занимающимся различными гуманитарными проектами, в том числе и сбором благотворительных средств. 19 февраля 2003 года в Берлине состоялась презентация этой инициативы и пресс-конференция по ее поводу.

Собственно, эта кампания была начата «Контактами» еще перед зданием того берлинского суда, в котором адвокат Ташьян бился за справедливое и правомерное отношение к военнопленным со стороны немецкого государства (иск не был выигран из-за заложенной в закон неподсудности).

Но инициатива «Контактов» была поддержана некоторыми немецкими политиками и принесла определен-

ный успех. Из собранных «Контактами» пожертвованных уже сделаны выплаты всем, кого удалось достоверно розыскать и кто был еще жив на момент выплат. 7300 бывших военнопленных в России, на Украине, в Белоруссии и даже в Армении получили, каждый, по 300 евро (Россия, кстати, была единственной страной, поначалу пожелавшей обложить эти суммы налогами!).

К этим 2,2 млн евро добавляются еще 600 тысяч, расходуемые на немонетарную гуманитарную помощь по индивидуальным заявлениям. В архиве «Контактов» — около 4000 писем от получивших помощь с рассказами об их военной и послевоенной судьбе. Начиная с 2006 года самые интересные из них переводятся на немецкий язык и еженедельно рассылаются по широкой подписке.

Время от времени инициативы о компенсации бывшим советским военнопленным, чей насильственный труд так нещадно эксплуатировался во время войны, побарахтавшись в берегах гражданского общества, достигали ушей и глаз бундестага. Постоянным хлопотным тут был уже единственно Эберхардт Раджевайт и его организация. Помощь, причем не только монетарная, но и, например, медикаментами оказана приблизительно 7600 бывшим советским военнопленным суммарно примерно на 3,6 млн евро. В нескольких городах — в Витебске, Москве, Санкт-Петербурге и Арзамасе — экспонировалась выставка, посвященная судьбе бывших советских военнопленных. На протяжении уже многих лет еженедельно фонд переводит на немецкий язык и рассылает по широкой подписке письма от бывших военнопленных, которые приходили и продолжают приходить на его адрес. Но особенно хочется подчеркнуть ту многолетнюю работу, которую Раджевайт и коллеги неустанно вели в бундестаге с представленными в нем политическими партиями. В конце концов эти усилия возымели определенный успех (и это вина не «Контактов», что успех этот пришел так поздно).

Вот хроника событий последних двух-трех лет.

6 июня 2013 года правительству был направлен совместный запрос и предложение фракций социал-демократов и зеленых об одноразовой и чрезвычайной выплате оставшимся в живых бывшим советским военнопленным подушной компенсации в размере 2500 евро¹, но эта инициатива была погашена негативным отношением и решением правившей тогда коалиции христианских и либеральных демократов. 2 апреля 2014 года уже фракция левых в немецком бундестаге текущего созыва направила федеральному правительству запрос, в котором, помимо прочего, поинтересовалась: а не стремится ли правительство к тому, чтобы выплатить компенсации бывшим советским военнопленным, чей насильственный труд так нещадно эксплуатировался во время войны?² 10 октября 2014 года фракция зеленых внесла в бундестаг предложение об одноразовой и чрезвычайной компенсации в размере 2500 евро³.

4 мая 2015 года, выступая во время посещения мемориала «Шталаг 326» и открытия в нем доски с именами 900 советских военнопленных, президент ФРГ И. Гаук подчеркнул символическую важность признания тем самым глубины их страданий при национал-социализме.

6 мая стараниями фонда «Контакты/Kontakte» состоялась встреча с участием представителей всех политических партий, представленных в бундестаге 18-го созыва. Правда, представитель Христианско-демократического союза Стефан Майер снова высказался за «нулевое»,

¹ Запрос № 17/3710.

² Запрос № 18/837: http://suche.bundestag.de/search_bt.do?resultsPerPage=10&language=de&queryAll=Sowjetische+Kriegsgefangene&Suche+abschicken.x=0&Suche+abschicken.y=0&Suche+abschicken=Suche+abschicken

³ Запрос № 18/2694. Партия левых считала наиболее целеобразной сумму в 7650 евро.

или «глобальное» решение вопроса, имея при этом в виду учет интересов и «немецких принудительных рабочих в СССР».

Что ж, хотя в советской политике по отношению к немецким военнопленным и не просматривалось страстиидальности, но и с советской стороны имелись серьезные нарушения Женевской конвенции (особенно в плане сроков задержания в плену и недопущения представителей Красного Креста в лагерь). И уж во всяком случае правомерными выглядели бы и притязания «вестарбайтеров» — гражданского немецкого населения стран Юго-Восточной Европы и бывших восточных земель Рейха, интернированных и депортированных в начале 1945 года в СССР исключительно с целью трудового использования — на компенсацию с советской (российской) стороны.

Но увязывать эти претензии друг с другом, требовать их синхронности — чистая демагогия, от которой Германия наконец-то отказалась.

Главное событие произошло 18 мая 2015 года, когда под председательством Г. Лётцш (фракция левых) состоялось заседание Бюджетного комитета бундестага. На него, по инициативе партий левых и зеленых, был вынесен вопрос о компенсации бывшим советским военнопленным: каждая из фракций бундестага пригласила на это заседание своих экспертов. В дебатах приняли участие правоведа, специалисты по международному праву К.И. Арнольд и Й.А. Фровайн и историки К. Штрайт, Р. Келлер, Б. Физелер и Т. Пентер, дружно подчеркнувшие, что судьба советских военнопленных в Германии практически ничем не отличалась от судьбы узников концлагерей, тогда как по возвращении на родину их ожидали новые репрессии и дискриминации.

Условно новым и поэтому, возможно, решающим стало суждение правоведа и эксперта от Христианско-демократической партии (ХДС) Фровайна. По-прежнему придерживаясь традиционного для ХДС

мнения (а именно: юридически вопрос о такой компенсации в свое время уже был полностью погашен в рамках репарационных выплат), на этот раз он добавил к этому новую компромиссную ноту. А именно: в свете того, что случай с советскими военнопленными настолько вопиющ, а самим им не досталось из тех выплат ни единой копейки, можно сделать добровольное исключение и выплатить им символическую одноразовую компенсацию.

Что бы правоведа хотя бы промолчать! Ведь «решение в рамках репараций» и есть признание случая советских военнопленных нормальным, так что немецкая линия юридической обороны, если прочерчивать ее по Фровайну, никак не изменилась, а корректива лишь в том, что Германия настолько добра, что открывает калитку и для такой, юридически не обязательной, компенсации! Что ж, к столь лестной автоинтерпретации нельзя не добавить признание не только принципиальности, но и своевременности! Ведь с той стороны калитки уже никто не стоит, а в лучшем случае лежит: несколько десятков — максимум сотен — человек, на смертном одре или в свежей могиле!

Сказанное выше относится только к суждению правоведа. Кристиан Штрайт написал мне в частном письме, что важным фактором перемены ветра в самой правящей ХДС стало замещение поколений: *«Более молодые депутаты ощущают на себе груз прошлого гораздо отчетливей»*¹.

Так что за обсуждаемой компенсацией, сколь бы запоздалой она ни была, разумеется, не один только фискально-циничный расчет и не одна только ХДС, а политический консенсус, достигнутый, к сожалению, только сейчас. Немецкие историки² и паламентарии от-

¹ В письме к автору от 21 мая 2015 г.

² А какого бы то ни было участия российских историков не потребовалось.

дают себе полный отчет и в чисто символическом значении этого акта, и в его вопиющем запоздании.

Бюджетный комитет предложил — и парламент это одобрил — заложить в бюджет компенсацию на сумму в 10 млн евро, исходящую из единовременной выплаты в 2500 евро на претендента и из ориентировочного числа — 4000 потенциальных претендентов.

Фонд «Воспоминание, Ответственность и Будущее», кандидатура которого запрашивалась в операторы этой компенсации, от этой миссии и акции отмежевался, еще раз сославшись на свой (даром что антиисторичный) мандат, запрещающий им даже заикаться о военнопленных, если только они не были еще и в концлагерях. Такая принципиальность никогда не мешала Гюнтеру Заатхофу, председателю фонда, делать понимающее выражение глаз и произносить красивые слова на эту тему в аудиториях, которые не обязывали его к никаким официальным шагам не то чтобы по исправлению, а хотя бы по признанию этой вопиющей несправедливости по отношению к советским военнопленным.

Дальнейшие же шаги были такими. 30 сентября Министерство финансов ФРГ издало «Инструкцию о правомочии бывших советских военнопленных на выплату им компенсаций» Правомочны на это бывшие военнослужащие Красной армии, взятые вермахтом в плен между 22 июня 1941 года и 8 мая 1945 г. Правомочие не подразумевает правовой обязательности и правосудности. Размер компенсаций составляет 2500 евро¹. Интервал времени подачи соответствующих заявлений — не ранее 20 мая 2015 года и не позднее 30 сентября 2017 года.

Право на компенсацию носит сугубо личный характер и не передается по наследству, однако в случае, если претендент умер, но успел лично подать заявление, его

---

¹ См.: Bekanntmachung der Richtlinie über die Anerkennungleistung an ehemalige sowjetische Kriegsgefangene (ASK-Anerkennungsrichtlinie) v.30.9.2015 (Dok. Nr. BANZ AN.10.2015 B1).

прямые наследники правомочны на ее получение, но также в случае, если они не заявят о себе в течение полугода со дня смерти претендента. Иные формы наследования не предусмотрены. Если претендент уже получил компенсацию ранее (как узник концлагерей, например) — это не препятствие. Препятствием могут послужить только замешанность в военных преступлениях (де-факто — коллаборационизм) или сообщение о себе заведомо недостоверных данных (так, возможен и отзыв компенсации через суд).

Нет ни единого указания на то, что обсуждаемая компенсация — на самом деле никакая не компенсация, а гуманитарный жест или гуманитарное урегулирование. Тем самым решение бундестага от 20 мая 2015 года, принятое после исторической экспертизы, — это юридический прецедент, одновременно означающий: вся предыдущая политика Германии в вопросах о компенсации (точнее: не-компенсации!) бывшим советским военнопленным не только позорна, но и незаконна.

Миссия Министерства финансов ФРГ — это организация, координация и надзор за деятельностью рабочего исполнительного органа — оператора компенсаций советским военнопленным, каковым назначено Федеральное управление центральных служб и открытых имущественных вопросов (Bundesamt für zentrale Dienste und offene Vermögensfragen), выполнявшее аналогичные функции при выплате пенсий бывшим узникам гетто. И на этот раз ассистировать ему будут германские дипломатические представительства, в которые, собственно, и должны обращаться все правомочные лица.

По состоянию на конец 2015 года в посольства поступило около 800 заявлений, из них 400 из России.

2015|| ГЛАВПУР БЕССМЕРТНЫЙ! ОСОБЕННОСТИ ГЛОРИФИКАЦИИ 70-ЛЕТИЯ ПОБЕДЫ

Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью...

А. Тарковский: парафраз текста «Авиамарша» П. Германа

Гламур на ГЛАВПУР

Организационной особенностью празднования 70-летия Победы в 2015 году стал ощутимый перенос центра историко-официозной тяжести и инициатив из мутных недр Российского оргкомитета «Победа» в новосозданные исторические институции, которые, несмотря на формальную свою общественность, таковыми не являются: это Российское Военно-Историческое общество (РВИО) под руководством министра культуры РФ В.Р. Мединского и Российское Историческое общество (РИО) под руководством Председателя Госдумы РФ С.Е. Нарышкина, перед этим возглавлявшего бесславную «Комиссию по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России». Статус этих обществ аналогичен тем, что при царе-батюшке назывались Императорскими: членские взносы, может быть, и собираются, но не на них живут, судя по попечительскому совету и телерекламе. Вольные же общества, живя на взносы и пожертвования, и при царе были довольно чахлыми, хотя и брали на себя существенную работу.

Между двумя обществами-погодками (официально созданы, соответственно, в 2013 и 2012 гг.) прослеживается своеобразное разделение обязанностей. Структура Мединского и Рогозина — дитя Минкульта и Минобороны — это спущенный на парашюте мнимой ответственности ГЛАВПУР: отныне он носитель главпуровского духа и блюститель главпуровских функций.

Это небезобидно — если вспомнить амбиции Мединского, как министра, финансировать лишь то, что для его понятий приемлемо, и, как пишущего на исторические темы автора, фехтовать на мифах и рифах с идеологическими противниками. Агитация и пропаганда, марциальный патриотизм, спустя 70 лет чуть припудренный постмодерном. Холокост более не отрицается, он инструментализируется: ведь убитые миллионы евреев — это жертвы фашизма, а стало быть, наши «союзники» в перманентной борьбе с неофашизмом¹.

Тут уж не до истории с фактографией: достаточно не полениться и почитать бестселлеры самого Мединского — как его «исторические» книжки, так и его служебные интервью, чтобы понять, что фактография ему, собственно, и не нужна (хотя своим *mot* «Рашкаговняшка» он по-настоящему блеснул, браво! На Черномырдинскую премию!).

10 мая 2015 года, то есть назавтра после 70-летия Победы, Мединский высказался так: да, пакт Молотов-Риббентроп не слишком морален, зато он отсрочил войну между высокими договорившимися сторонами и дал СССР необходимую передышку. А западные союзники, добавил в поддержку своего министра президент, мол, сами виноваты — нечего было юлить на переговорах с СССР! Да и Польша, мол, сама хороша — откусила у Чехословакии после Мюнхена шматок Силезии!²

---

¹ Кстати, то же самое делают и «оппоненты» этой дискуссии. Еще при президенте Ющенко, глорифицировавшем кровавых палачей и военных преступников Бандеру и Шухевича, Рада попыталась принять закон, впрягающий в одну упряжку Холокост и Голодомор — через наказуемость их отрицания. Если совместные российско-украинские попытки изучить совместно Голодомор и привели к рассекретиванию и изданию многих документов, то для совместного исследования УПА и УНА на базе документов обеих стран так много толерантности уже не нашлось.

² В Сети: <http://www.interfax.ru/russia/440996>

Но коли так и нам отныне уже снова не западло защищать гнусный альянс двух кровавых мерзавцев и палачей, на борьбу с одним из которых — под верховенством другого — советский народ, несмотря на необходимую передышку, положил столько жизней, то вправе ли мы после этого попрекать в фашизме или в заигрывании с фашизмом других?..

Впрочем, Мединский как министр культуры (какая все-таки в этом издевка!) успеваеет следить и за кошерностью истории и судить да рядить прямо из-под портрета Пушкина в своем министерском кабинете. (До чего же досадно будет, что его снимут не за вершимый им историомор и за культуурофобию, а за что-то еще.)

Так, Минкульт в свое время отказался выдать прокатное удостоверение фильму Хусейна Эркенова «Приказано забыть» (2014), где фигурирует эпизод с Хайбахом: в 1944 году войска НКВД, не сумев депортировать жителей чеченского аула Хайбах, сожгли около 700 человек. Мотивировка отказа: фильм разжигает межнациональную рознь, а факт массового убийства в Хайбахе — «историческая фальшивка».

Во-первых, тестирование на фальшивку министр применяет явно избирательно: с авторов киношедевра «Двадцать восемь панфиловцев» К. Дружинина и А. Шальопы за откровенную и разоблаченную эмпирическую фальшивку ни строго, ни слабо не спросили!

Во-вторых, Мединский лукавит, ибо источниковедческая база не такова. В архивах есть свидетельство о том, что из аула Хайбах и его окрестностей, — а это высокогорная и труднодоступная часть Чечни, — из-за внезапно выпавшего снега надо было вывезти нетранспортабельное население. Что стало именно с этими людьми — мы наверняка не знаем, но и не все документы об этом рассекречены: только после их введения в научный оборот можно будет говорить о степени недостоверности концепции. Но свидетельства о том, что во время депор-

тации чеченцев были расстрелы, имеются, и документы об этом можно найти и в моей с Н. Поболем книге «Сталинские депортации». Как есть и документ, который, скорее всего, действительно следует считать фальшивкой, — это записка комиссара гб 3-го ранга М. Гвишиани наркому Берии с сомнительным грифом: «Только для ваших глаз». В РГВА есть документы, которые подтверждают, что расстрелы были, но они документируют меньшее количество жертв и не обязательно в Галанчожском районе, к которому относился Хайбах. О сожжениях — ни слова, да и в логику не заинтересованных в огласке палачей такой Орадур плохо вписывается.

Главное же не в этом! Не надо путать правду и вымысел, документальное кино и художественное. Автор художественного произведения имеет право на свою концепцию и на свои метафоры и гиперболы (которые, кстати, вполне представимы в логике и контексте той депортационной политики: «Да, мы не людоеды, мы не расстреливаем и не сжигаем выслаемых и в газовые камеры их не бросаем, но если нам погода мешает, то извините и не взыщите...»).

Очаровательна история с «Левиафаном» Андрея Звягинцева — фильмом настолько же историческим, насколько социологическим. Мединский обвинил картину в некорректности («В России так не пьют!»), антироссийской конъюнктурности («Рашка-говняшка») и в космополитичности («Себя я там не увидел»). Он сказал: *«Но лично мое мнение: фильмы, которые не просто заточены на критику действующей власти, а откровенно ее оплевывают (это, кстати, неуважение к выбору налогоплательщиков), наполнены духом безысходности и бессмысленности нашего существования, не должны за счет налогоплательщиков финансироваться»*¹.

---

¹ Владимир Мединский: «Левиафан» за пределами конъюнктуры // Известия. 2015. 15 января. В Сети: <http://izvestia.ru/news/581814>

Разговор о кинофильмах приобретает дополнительную пикантность в свете креативной перефразировки Мединским Ленина: «Из всех искусств, — скаламбурил министр, — для нас важнейшим является история»¹. Сама же «история — это правда, которая становится ложью. Миф — это ложь, которая становится правдой». Это цитата, правда, не из Мединского, а из Жана Кокто, но Мединский взял ее эпиграфом к своей книге «О русском пьянстве, лени и жестокости» (М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010).

Поэтому не так уж безобидно — и не только как фигура устной речи — звучит его фраза в одном из бесчисленных интервью: «Думаю, что к эпическим советским героям — и к молодогвардейцам, и к панфиловцам, и к Зое — надо относиться, как в церкви относятся к канонизированным святым. Это моя человеческая и гражданская позиция»².

Тогда понимаешь всю системность и той хамской реплики в эфире «Эха Москвы» 30 января 2014 года в адрес Даниила Гранина, обнародовавшего — со всеми ссылками — факты о ром-бабах для Смольного в блокаде Ленинграда («Вранье!»)³, и того хамского окрика, которым Мединский 30 июля 2015 года одернул директора ГАРФ Сергея Мироненко. Тот не то чтобы разоблачил миф о 28 героях-панфиловцах (де-факто, но тихо это сделали другие и давно), но некстати, громко

---

¹ Встреча с В. Мединским в редакции «Российской газеты» 27 августа 2015 г. В Сети: <http://www.pravmir.ru/vladimir-medinskiy-iz-vseh-iskusstv-dlya-nas-vazhneyshim-yavlyayetsya-istoriya/>

² Там же.

³ У Мединского, обвинившего Даниила Гранина во вранье, требуют извинений // Новая газета. 2014. 11 февраля. В Сети: <http://novayagazeta.spb.ru/articles/8394/>. Мединскому пришлось звонить Гранину и объясняться: оправдывался, он, в частности, тем, что имя самого Гранина в его интервью не звучало. Иезуитство!

и, с точки зрения Мединского, безмандатно напомнил об этом разоблачении, поместив на сайте Росархива скан прокурорского, еще 1948 года, заключения по этому «житию»¹. Саму публикацию министр назвал «*словоблудием*» и «*попыткой уязвить легенду лукавыми, как бы научными подсчетами*»². На этом он не остановился и 18 марта 2016 — как бы в преддверии ожидаемой премьеры заказанного министерством киношедевра «Двадцать восемь панфиловцев» К. Дружинина и А. Шальопы — года снял Мироненко с поста директора архива!

Как понимаешь и системность требования Мединского построить всю линейку учебников истории — от школьных до вузовских — по лекалу единого историко-культурного стандарта. Системность и преемственность: ведь еще в 2004 году Путин вызывал к себе Чубарьяна и А.Н. Сахарова в видах построения «вертикали» единых учебников. Так что Мединскому оставалось только принять этот пас: «Учебники истории должны учитывать интересы государства»!³

А интересы истории? Кто будет учитывать или отстаивать их?

Историческая правда, если она противоречит государственной политике или пропаганде, государство российское не интересуется. Интересует же его — позитивный миф, без ограничения на правдоподобие и цинизм.

История оказывается крепостной девкой, отданной в заложницы мифологии и наложницы начальства. Историкам же в этом гареме предлагается незавидная

---

¹ См. публикацию «Справки-доклада военного прокурора Н. Афанасьева "О 28 панфиловцах"» от 10 мая 1948 г. (ГАРФ. Ф. 8131) на сайте Росархива: <http://www.statearchive.ru/607>

² Мединский призвал Госархив отказаться от оценок после истории с панфиловцами // Lenta.ru. 2015—30 июля. В Сети: <https://lenta.ru/news/2015/07/30/gosarch/>

³ См.: Фашизм для восьмого класса // Свобода. 2015. 19 ноября. В Сети: <http://www.svoboda.org/content/article/27264495.html>

роль евнухов, со сладкой улыбкой разносящих по будуарам вазы с вощеными фруктами и старательно наводящих гламур на ГЛАВПУР.

Экспроприация памяти

Но вернемся к глорификации 70-летия Победы.

Празднование 70-летия Победы в 2015 году оказалось отмеченным целым рядом инноваций.

Прежде всего это экспроприация и имплементация на Красную площадь одной прекрасной гражданской инициативы — акции «Бессмертный полк», когда люди идут на демонстрацию с транспарантами с портретами своих близких, погибших на войне или умерших после нее. Придумать такое Кремлю и РВИО слабó, а вот отнять — запросто. Придумали же «Бессмертный полк» в 2012 году трое тележурналистов из Томска — Сергей Лапенков, Сергей Колотовкин и Игорь Дмитриев, сотрудники независимой телекомпании «ТВ2». Год от года их идея набухала массовостью и популярностью, пока, наконец не докатилась до Кремля. А как стала кремлевским брендом, сразу была опошлена портретами собеседника Риббентропа и последнего русского царя, а еще созданием одноименного Всероссийского движения, на съезд которого в Вязьме в июне 2015 года томских журналистов не пригласили¹.

Лимиты креативности и возможностей РВИО продемонстрировала выставка «Помни: мир спас советский солдат!» в «Новом Манеже»: с ее монструозными танками из папье-маше и ряжеными солдатами и солдатками в день вернисажа она вполне могла бы появиться и при Сталине, и при Хрущеве, и при Брежневе. Чего, правда, не могло появиться при Брежневе — это нейтрального

---

¹ См.: http://www.gazeta.ru/politics/2015/06/04_a_6745762.shtml

упоминания о советских военнопленных и о Холокосте. Но и то: не более чем упоминания — крематорий из папье-маше впечатления не производит. Но если это ответ тем, кто покушается на лавры советского оружия и заслуги в достижении победы, то громкий, но несильный: гораздо эффективнее было показать не только себя, но и заслуги других «претендентов» — только такой фон мог бы стать убедительным.

РИО Нарышкина и Шахрая стремится к несколько большей академичности: ядро его физических членов — директора архивов, музеев, институтов и библиотек. Финансовая поддержка явно пожиже. На 70-летие победы оно отозвалось рафинированным интеллектуальным продуктом — организацией в Пекине в ноябре 2014 года международной конференции, посвященной 70-летию Каирской и Тегеранской конференций: «1943 год: формирование основ послевоенного мироустройства».

Кстати, в Санкт-Петербурге, в Государственном музее политической истории России, и в Москве, в РГАСПИ, прошли еще две выставки, посвященные советским военнопленным. Выставка в РГАСПИ «Советские военнопленные: подвиг и трагедия» заострена на вопросах сопротивления в шталагах и на индивидуальной судьбе сына Сталина — Якова Джугашвили: можно спорить с этими акцентами, но нельзя не приветствовать саму выставку.

Учти архивисты первый сборник архивных документов о советских военнопленных — книгу «Красноармейцы в немецких руках. Документы о плене, репатриации и реабилитации советских солдат Второй мировой войны», составленную Р. Оверманнсом, А. Хильгером и пишущим эти строки¹, у них было бы больше поводов для экспозиционного вдохновения.

---

¹ Rotarmisten in deutscher Hand. Dokumente zu Gefangenschaft, Repatriierung und Rehabilitierung sowjetischer Soldaten des Zweiten Weltkrieges / Herausgegeben von Rüdiger Overmans, Andreas Hilger, Pavel Polian in Zusammenarbeit mit Reinhard

ГЛАВПУР на гламур

Гражданское общество, увы, на этот раз противопоставило официозу немного: ни выставки, ни конференции — а только еле тлеющую дискуссию в СМИ. Причем систематически это занимает, кажется, только «Эхо Москвы», «Радио Свободу» и «Новую газету». В очередной раз инициатива отдана исключительно в официальные руки.

Правда, вышло несколько существенных книг, хотя могло бы выйти и больше.

Росспэновская серия «Человек на обочине войны» (11 томов дневников и воспоминаний военнопленных, остарбайтеров, жителей оккупированных областей), увы, окончательно приказала долго жить. В ее планах с самого начала стояла, наряду с другими эгодокументами, и великолепная «остарбайтерская» проза Виталия Семина («Нагрудный знак OST» и «Плотина»), не переиздававшаяся уже много десятилетий. Эту историко-литературную несправедливость выправило издательство «АСТ» («Редакция Елены Шубиной»), выпустив ко Дню Победы такой том и открыв им новую серию — «На краю войны». В этой же серии вышли удивительные дневники «остовки» Шуры Михалевой из Курска («Где вы, мои родные?..». Дневник остарбайтера) — своеобразный самоотчет о безоговорочной капитуляции трагедии рабского труда в Вальтерсхаузене у врага перед молодостью и любовью! Замечательную составительскую работу продемонстрировал коллектив сотрудников газеты «Аргументы и факты», выпустивший «Детскую книгу войны. Дневники 1941—1945». Всего там 35 дневников, распределенных по 5 главам: блокада Ленинграда, гетто и концлагеря, тыл,

---

Otto und Christian Kretschmer. Padeborn — München — Wien — Zürich: Verlag Ferdinand Schöning, 2012. 956 S. Сборник вышел в 2012 году по-немецки и ждет своего перевода и издания на русском.

остарбайтеры и оккупация. Эта книга была заслуженно признана «Книгой года 2015»¹.

Военнопленные же могут похвастаться только каталогом выставки, открывшейся в Санкт-Петербурге и выпущенным фондом «Историческая память» совместно с берлинской организацией «Kontakte-Контакты» при финансовой помощи Германского Федерального фонда «Память, ответственность и будущее». Кстати, сам фонд «Историческая память» профинансировал книгу Баканова А.И. «"Ни кацапа, ни жида, ни ляха". Национальный вопрос в идеологии Организации украинских националистов», 1929—1945», выпущенную издательством «Алгоритм» в 2014 году².

Несмотря на выставки о военнопленных и книги об оstarбайтерах дирижировавшая празднованием 70-летия Победы власть опять вчистую забыла о них, как и вообще о гуманитарных аспектах войны. В 12-томнике «Великая Отечественная война. 1941—1945», выпущенном Институтом военной истории МО РФ, миллионам оstarбайтеров, как, впрочем, и миллионам еврейских жертв, достались лишь единичные упоминания во вводной статье к тому 10, озаглавленном «Государство и общество в годы Великой Отечественной войны: основные направления исследований»!³ Коллеги ссылаются и на мои работы, но это не радует, поскольку усилия историков, занимавшихся

---

¹ Но у книги странная потребительская судьба: она не продается, а только дарится. Каким бы ни был список адресатов дарения, само по себе это — досаднейшая нелепость, отрезающая книгу от читателя!

² Выбор издательства сделан, к сожалению, без особой привередливости: «Алгоритм» специфичен своей всеядностью, выражающейся, в частности, склонностью и к националистическим теориям, и к приукрашиванию советских спецслужб.

³ Государство, общество и война / Великая Отечественная война 1941—1945 годов. В 12 тт. Т. 10. М.: Кучково поле. 2014. С. 10—37. Авторство не обозначено: в каждом томе приводится лишь сводный список (не то братская могила, не то свальный грех!), так что идентифицировать единство автора и текста невозможно.

теми, кто был «на обочине войны», в очередной раз оказались не востребованными в российской историографии.

Тем самым сохранена главпуровская стратегема — установка на искусственное и несправедливое идеологическое противостояние — между ветеранами 1-го сорта (уцелевшими красноармейцами, воевавшими на полях сражений и не попавшими в плен) и всеми прочими — эвакуированными и жителями тыла (это 2-й сорт, их заслуги не оспариваются) и теми, кто оказался под оккупацией, был угнан в Германию или взят в плен (3-й сорт). Это противостояние — искусственное, оно — рудимент внутренней холодной войны, которую ГЛАВПУР вел со своими неуважаемыми воображаемыми врагами — «предателями», «пособниками», «подстилками» и прочими «недобитками». Противостояние это мобилизовывало социальную агрессию и разрушало основу восстановления взаимоуважения в стране и консолидации доверия в обществе. Так что не удивительно, что и спустя 70 лет и военнопленные, и остарбайтеры, и ставшие жертвами геноцида евреи снова оказались даже не на обочине, а на невидимой стороне войны и победы.

Не пора ли уже, — хотя бы постфактум (в живых-то уже нет почти никого!), — отменить эту пересортицу и сделать невидимок заметными?

На сайте РВИО можно прочесть, что 14 декабря 2013 года в городе Гагарине открыт памятник убитым русским военнопленным... периода времен войны с Наполеоном! Спустя 201 год! Недавно в Кракове попытались установить памятник российским военнопленным периода русско-польской войны 1919—1920 гг., — но Польша запретила (что, конечно, и в самом деле форменные безобразие и глупость).

Мединский метал громы и молнии и уже присмотрел запретителям местечко пожарче в нижнем кругу ада¹.

А где же, товарищ министр, памятник советским военнопленным периода Второй мировой или Великой Отече-

---

¹ В Сети: <https://www.youtube.com/watch?v=UBjrm3svD0>

ственной — тем самым героям и жертвам одновременно?! Ведь 201 год с окончания их плена закончится в 2146 году!

Кладбищенские памятники советским военнопленным имеются в большом числе там, где их хоронили, — в Германии и Польше. В этих же странах (в частности, в Ламбиновице) немало мемориалов открыто на месте бывших шталагов и концлагерей, и советские военнопленные — определенно важнейшие их герои (Цайтхайн, Заксенхаузен, Бухенвальд, Берген-Бельзен, Зенне и многие другие). В памятные даты сюда приезжают президенты и премьер-министры и говорят о трагедийности их судьбы.

В польском Ламбиновице (Ламсдорфе) находится единственный в мире Музей истории военного плена. Монументальный памятник советским военнопленным в Саласпилсе под Ригой — едва ли не единственный на всем постсоветском пространстве¹. Можно подумать, что красноармейцев не брали в плен и не убивали на теперешней российской территории! Еще как брали — сотнями тысяч, и еще как убивали, особенно комиссаров и евреев!

В Смоленске и Рославле находились гигантские дулаги для военнопленных, эти же города, а отчасти и те же дулаги были и важными узлами при отправке на запад остарбайтеров. Не пора почтить и их память и поставить им памятники в этих городах?

Не пора ли, спустя столько лет, уже перестать рвать победу из рук друг у друга?!

Она не орден и не пряник, она не знамя и не приговор.

Уже не война и еще не мир, она уже этим и потому общая, и на всех — от конюха до маршала и от остовки до гвардейца — одна!

---

¹ В дни завершающей работы над версткой этой книги пришла неожиданная и радостная новость: 18 июня 2016 г. в Псковской области, на месте бывшего пересыльного лагеря для военнопленных под Порховым («Dulag 100») был открыт мемориал, строительство которого, оказывается, было начато еще в 1983 г., то есть при советской власти! Инициатором завершения работ был, разумеется, не Минкульт России, а Росавтодор!

РЫЦАРИ ПАМЯТИ

ЗОВ ИСТОРИИ, ЗОВ ПАМЯТИ **(Анна Турец)**

Но пишу и счастлива...

А.Турец

Летописание, ведение дневников, фиксация внешних и внутренних событий, размышления и комментарии по их поводу — это общечеловеческий феномен, свойственный всем цивилизациям. Хроники, дневники, записные книжки — суть узлы индивидуальной и, одновременно, универсальной памяти.

Колоссальную роль играли они и в еврейской традиции, манифестируя одно из древнейших еврейских призваний, и, может быть, самое важное из всех. Существенные части Ветхого и Нового Заветов — пророки и Евангелия — наверно, лучшие тому примеры и доказательства.

Устная передача — из поколения в поколение, от отца к сыну и так далее — удел бесписьменных кочевников и залог почти неизбежной утери. Оседлые народы, породившие письменность и догадавшиеся о том, на чем им писать (каменные плиты, глиняные таблички, пергаментные свитки, береста, бумага, мониторы) и чем (зубильце, острие клинка, тушь, чернила, клавиатура) ставили на материальность памяти и долговечность письма и не ошиблись, оставив даже по своему исчезновению внятны́й исторический след.

Евреи никуда не исчезли — и не в последнюю очередь благодаря приверженности тексту, закону и памяти. Просто поразительно, в каких невероятных условиях иные из них вели свои дневники и другие записи: достаточно назвать имена Залмана Градовского, Залмана Левенталя и Лейба Лангфуса — трех хронистов зон-

деркоммандо в Биркенау, чьи записки были обнаружены после освобождения Аушвица в пепле у печей крематориев.

Или другой пример, из словесности: повесть Виталия Семина «Нагрудный знак “Ост”», посвященная остарбайтерам — угнанным в Германию принудительным рабочим с оккупированных гитлеровцами советских территорий. Казалось бы, евреев среди них не должно быть (их место было во рвах и ямах!), но, смешавшись с украинскими или русскими земляками и под прикрытием измышленных «легенд», они там все-таки были.

Есть в этой повести один выразительный персонаж — «папаша Зелинский», подслеповатый пожилой еврей со станции Журавской, проникшийся доверием к мальчишке, герою повести:

«...А когда через несколько дней я пришел к нему на нары, он поразил меня. Он сидел, отделенный ото всех своей подслеповатостью, и глаза его как будто были закрыты. Но он увидел меня и сразу же узнал, и подвинулся на грязном, пахнущем литейкой одеяле, уступая мне место. Колени мои упирались в соседнюю койку, сквозь доски верхних нар просачивалась соломенная труха. Порывшись под подушкой, он вытащил тетрадь.

— *Послушай.*

Раскрытую тетрадь он поднес близко к глазам, сел к свету, проникавшему в межкочное пространство. Время от времени продувая нос, он читал о том, как по утрам нас гонят на пересчет, как фельдшер выгоняет больных, записавшихся к врачу, как полицейский бьет пожилого человека...

— *Это надо делать уже сейчас,* — сказал папаша Зелинский.

Написано у него было немного. Он успел прочитать мне все прежде, чем кто-то подошел и помешал нам. Но я запомнил, как поразил меня этот фокус. То, о чем писал Зелинский, было вчера или позавчера, я сам это видел, слышал, принимал невольное участие... Я был оше-

ломлен. Нет, это, конечно, было не то чтение, к которому я привык, а нечто необычайно важное и опасное. И читательская дрожь моя, напряжение были от этого. И еще потому, что я, не зная, что скажет дальше папаша Зелинский, перед каждой новой его фразой боялся, не ошибется ли он. И радость от того, что он не ошибался, говорил правильно. И долго еще после чтения я чувствовал себя связанным с чем-то важным и опасным (в то время важное и опасное было для меня единым), что значительнее самой моей жизни. И я не удивился, когда папаша Зелинский показал мне тайник в матрасе, в котором он прятал тетрадку.

— На всякий случай, — сказал он. — Вот здесь она будет лежать.

И, как слепой, не глядя на свои руки, он заправил и загладил постель. С тех пор я всегда помнил об этой тетрадке...»¹

Для того, чтобы вести дневник (а в экстремальных условиях — в особенности!), нужно было — чтобы сошлось, совпало несколько внутренних и внешних условий, причем каждое из них и само по себе — редчайшее. Прежде всего — нужно было услышать в себе **зов летописца**, почувствовать и принять его настоятельность. Для этого нужны были смелость и внутренние силы. Но и это все было без надобности, если не было бумаги, карандаша или ручки. Наконец, нужно было еще придумать, где и как писать **незаметно** для других (ведь длительное писание — обречено на подозрительность окружающих, а что же может быть опасней?), придумать, где и как **хранить**.

Эту внутреннюю потребность, зов, испытывали, конечно, немногие, может быть, единицы, и — далеко не всегда у них была под рукой бумага!..

---

¹ Семин В. Нагрудный знак «Ост» / Предисл. П. Поляна. М., 2015. С. 182—184.

Так, не было ее у Анны Исааковны Турец, еврейки из Двинского гетто, чудом уцелевшей в нескольких эстонских и восточнопрусских лагерях и освобожденной 10 февраля 1945 года в Штаблаке. Спустя месяц, в лазарете, лишившись пальцев и едва начав приходить в себя, она первым делом жадно набрасывается на бумагу (амбарная книга или несколько чистых листов из нее) и записывает свои горестные стихи и страшные воспоминания. Заканчиваются же они так: *«Я нахожусь в лазарете в руках медицинского персонала Любимой Красной Армии. Меня оперировали. Я потеряла кончики некоторых пальцев, но пишу и счастлива... Анна Исаак. Турец. 16.III.1945»*¹.

---

¹ Турец А.И. Круги ада / Публ. М.Б. Корчагиной // Советские люди в Европейском сопротивлении. Воспоминания и документы. Часть II. М., 1991. С. 372—385.

ЧЕЛОВЕК НА ФОНЕ КОВЕНСКОГО ГЕТТО (Тамара и Виктор Лазерсоны)

*...Проклинает и плачет дневник,
Ах, порой проявляет усталость...
Он души моей детской двойник,
И в нем жизнь, угасая, осталась.*

Т.Лазерсон

1

«— Это надо делать уже сейчас...» — сказал папаша Зелинский.

«Пиши дневник. Мы живем в интересное историческое время», — как бы вторил ему отец Тамары.

Каунасский дневник Тамары Лазерсон (1929—2015), как и приближающиеся к нему по стилю записки ее брата Виктора (1927—1980)¹, — это классический случай восторженного отклика впечатлительной души еврейского подростка на зов и погудку исторического универсума.

Но всякий дневник — это еще и сугубо интимный жест, не только запись вчера или только что пережитого или увиденного, но еще и откровенное письмо самому себе и одновременно кому-то, кто когда-нибудь его найдет, откроет, прочтет и, возможно, оценит.

За редкими исключениями Тамара Лазерсон писала в дневник каждый день. Сначала — коротко, фиксируя одни только факты (вплоть до цен на продукты или на дрова) и, изредка, эмоции, но со временем факты перестали удовлетворять и записи ее стали расти. Дневник стал ее самым верным другом, общаться с которым переросло даже не в привычку — в потребность. Часто

---

¹ Судьба не сохранила его собственный дневник, как и ее первую, за 1941—1942 гг., тетрадь.

она и обращалась к нему как к другу, на «ты», а уходя в укрытие и не имея возможности взять его с собой, Тамара, как с другом, с ним и попрощалась. А когда дневник, полгода пролежав в земле (куда в жестяной коробке его закопал брат), снова лег в ее руки, как ни в чем не бывало она раскрыла его на пустой странице и... продолжила записи!

А как же иначе?..

2

Книга Тамары и Виктора Лазерсонов, ядром которой является «Дневник Тамары», содержит ценнейший исторический материал о Каунасском гетто, но, конечно, не заменяет собой его историю. Знание ее основных вех поможет читателю лучше сориентироваться в самом дневнике¹.

Каунас был оставлен Красной армией 23 июня 1941 года и освобожден только 1 августа 1944 года, так что время, проведенное его жителями под гитлеровской оккупацией, наверное, одно из самых долгих: 1135 дней.

Лишь очень немногие (наверное, сотни) из 33 тысяч евреев², проживавших в начале 1941 года в Каунасе и составлявших пятую часть населения города, успели эвакуироваться в первые два дня войны. Часть из них (наверное, десятки) так и не успела вырваться из немецких тисков (вся Литва была занята уже к 30 июня) и вернулась; еще часть (тоже десятки) погибла под бомбежками.

Уже вечером 23 июня власть в Каунасе захватили «литовские партизаны» Фронта литовских активистов.

---

¹ При этом мы ориентируемся на статью А.Бубниса в энциклопедии «Холокост на территории СССР» (М.: РОССПЭН, 2009).

² Весьма вероятно, что евреев было и больше, иначе другие приводимые А.Бубнисом цифры плохо согласуются друг с другом.

Полковник Юргис Бобялис, провозгласивший себя в эту ночь военным комендантом Каунаса и Каунасского уезда, был оставлен в этом качестве и прибывшими назавтра немцами, сместившими его с должности 24 июля (литовская военная комендатура действовала дольше — лишь в начале октября 1941 года она была официально подчинена немецким властям). С 24 июня в городе началась «охота» на не успевших эвакуироваться коммунистов и советских работников: их отправляли в центральную тюрьму на ул. Мицкявичюса, и среди арестованных были, разумеется, и евреи. Однако массовых убийств и погромов именно евреев в первый день еще не было.

Они начались назавтра — с прибытием в Каунас, практически вместе с войсками, подразделений немецкой полиции безопасности и СД: в Каунасе орудовало айнзатцкомандо 1«б» под началом оберштурмфюрера СС Эриха Эрлингера (уже 2 июля его сменил штандартенфюрер СС Карл Егер).

Но свои немецкие руки Эрлингер, Егер и Шталекер (командир айнзатцгруппы А) в Каунасе поберегли: миссию погромщиков и палачей евреев тут охотно переняли литовцы.

Самые крупные погромы произошли 25—26 июня в Вилиямполе, пригороде Каунаса с преобладанием еврейского населения: «литовские партизаны» врываются в еврейские жилища, без разбора убивали евреев (кровавый итог — около 600 трупов) и грабили их имущество. 27 июня 1941 года в самом центре Каунаса, на проспекте Витаутаса, всего в 200 м от штаба 16-й немецкой армии «партизаны» зверски убили несколько десятков схваченных ими мужчин-евреев железными ломками. Эта первая погромная волна продолжалась до 29 июня: за пятеро суток город недосчитался 3800 евреев, или больше, чем каждого десятого.

В начале июля 1941 года, когда городская тюрьма переполнилась, начались систематические расстрелы

евреев-заложников в VII форте. Непосредственными исполнителями были две роты 1-го литовского полицейского батальона. Между 4 и 11 июля, в несколько присестов, было ликвидировано еще около 4 тыс. каунаских евреев: одним из них, по всей видимости, был комсомолец Рудик Лазерсон, старший брат Тамары. В итоге за первые две-три недели община потеряла около 7800 человек, или почти четверть своих членов. Ни в каком другом крупном оккупированном городе экзекуции не носили столь стремительного и столь массового характера!

7 июля, то есть в самый разгар расстрелов, Егер назначил первый юденрат во главе с д-ром Григорием Вольфом (вскоре его заменил избранный 4 августа д-р Эльханан Элькес). Всем оставшихся в живых евреям приказали между 15 июля и 15 августа переселиться в Вилиямполь, где было организовано гетто, с востока и юго-востока оконтуренное рекой Нерис (Вилия). С собой разрешалось взять только одежду и посуду, а оставленное в еврейских квартирах имущество перешло в ведение городского самоуправления. Начиная с 12 июля все евреи должны были носить на левой стороне груди желтую звезду, а с 28 июля им запрещалось и ходить по тротуарам, посещать места общественного отдыха и пользоваться общественным транспортом. Евреям, бежавшим из города, возвращаться в него тоже запрещалось.

Когда в конце июля 1941 года Каунас вошел в состав Рейхскомиссариата «Остланд», власть в городе перешла от военных в руки гражданской немецкой администрации. Вплоть до осени 1943 года все вопросы, связанные с евреями (управление гетто, еврейское имущество, рабочая сила) находились в ведении городского комиссара. Им был оберфюрер СС Ганс Крамер, а его адъютант, оберштурмфюрер СС Фритц Йордан, фактически был комендантом гетто.

15 августа гетто «закупирили»: его периметр был обнесен колючей проволокой и охранялся снаружи немец-

кими и литовскими (рота Национал-социалистического моторизованного корпуса) полицейскими, располагавшимися через каждые 100—200 м. Комендатура находилась за пределами гетто на ул. Веленос, комендантом охраны был немец Вилли Козловски.

В 350 домах гетто, на территории в 2 км², было расселено около 30 тыс. чел., на каждого приходилось около 6 м² жилой площади (в т.ч. 3,5 м² полезной). Территориально оно было разбито на два района — «Большое гетто» и «Малое гетто», соединенные мостом через улицу Панеряй. Не было в них ни канализации, ни водопровода, ни поликлиники, ни бани.

Жизнь в гетто осложнялась запретами: без специальных разрешений узникам запрещалось выходить в город, вносить в него продукты и торговать ими, покупать и читать газеты, слушать радио, посылать письма, общаться с арийцами и военнопленными, рожать детей и т.д. В первые месяцы очень сложной была продовольственная проблема: продукты распределялись между узниками юденратом. Еженедельная норма одного человека составляла 700 г хлеба, 125 г муки, 125 г мяса (чаще всего лошадиного) и эрзац-кофе. Это заставляло узников рисковать и проносить купленные или обмененные в городе товары.

После месячной паузы, связанной с организацией гетто, уничтожение еврейского населения Каунаса продолжилось. 18 августа юденрат получил приказ Йордана собрать интеллигентов-мужчин, якобы, для работы в городском архиве: рассчитывая на приемлемый характер работы и лучшую оплату, многие интеллигенты пришли добровольно. Однако всех их, 534 еврея, вывезли на IV форт и расстреляли. 26 сентября — в ответ на покушение на Козловски — полицейские провели облаву на улицах Ариогалос и Велионос: 1608 захваченных евреев — в основном, пожилых, больных и детей увезли на IV форт и расстреляли.

В октябре 1941 года массовые расстрелы были перенесены на IX форт. 4 октября здесь было убито 1845 ев-

реев — все поголовно обитатели «Малого гетто», кроме ремесленников и специалистов, имевших так называемые «Удостоверения Йордана», но включая больных и врачей инфекционной больницы. Самая большая — и не только в Каунасе, но и в Литве — акция уничтожения евреев была произведена 28—29 октября. В первый из этих дней, в 6 часов утра всех жителей гетто выстроили на площади Демократов в десять колонн. В первой и второй — семьи членов юденрата и полицейских, в третьей — семьи работников администрации гетто, в остальных — все остальные. Первые две колонны были пропущены беспрепятственно, а начиная с третьей — пошла «классическая» селекция: нетрудоспособные — направо (для расстрела), остальные — налево. Около 9200 тысяч старых, больных и физически слабых, а также детей были переведены под охраной на территорию бывшего «Малого гетто», откуда назавтра их доставили в IX форт, где для них уже были вырыты траншеи. Расстрельная команда — 1-й полицейский батальон под командованием и при участии немцев. Спаситься удалось только одному мальчику — Юделю Бейлесу. В гетто оставалось всего около 17 тыс. евреев, не было ни одной семьи, которая бы не потеряла своих близких.

После «Большой акции» и вплоть до 26 марта 1944 года массовые расстрелы каунасских евреев не проводились. Но сами расстрелы на IX форте продолжались: 25 и 29 ноября 1941 года там нашли свою смерть еще 4934 еврея, но на сей раз не из Каунаса, а депортированные из Берлина, Франкфурта, Бреслау и Вены.

Осенью 1941 года в гетто была создана еврейская администрация — так называемое самоуправление под руководством юденрата. Важнейшим из его отделов был тот, что ведал распределением рабочей силы и организовывал отправку евреев на разные работы по указанию властей. Именно с трудовым использованием связывались надежды на выживание: пока немцам нужна еврейская рабочая сила, они не будут ее ликвидировать. Са-

мым важным объектом, где использовались еврейские рабочие, сначала было строительство военного аэродрома в Алексотасе, где работали сотни евреев. Тысячи евреев-ремесленников работали в полутора сотнях мастерских в гетто и вне гетто, причем портные и прачки выполняли заказы вермахта. Летом 1942 года для еврейских бригад, работавших за пределами гетто, были созданы рабочие лагеря, чтобы не ходить каждый день из гетто на работу и обратно. Такие лагеря были созданы в г. Ионава (ок. 100 чел.), Палемонас (больше 100), Кедайняй (250—300), Кайшиадорай (300), Бабтай (ок. 1500).

С самого начала гетто особую роль в его жизни играла еврейская полиция. Ее начальником был член юденрата М. Копельман, а его заместителем капитан М. Брамсон. В полицию принимались молодые и здоровые мужчины, служившие в армии: число полицейских выросло от 60 до 220—230. Большинство евреев были недовольны своими полицейскими, часто избивавшими узников, отбиравшими у них продовольствие у ворот, бравшими взятки. 27 марта 1944 года гестапо обвинило полицию гетто в связях с советскими партизанами и содействии побегам узников: на IX форте каждого полицейского допрашивал лично обершарфюрер СС Бруно Китель, палач Вильнюсского гетто в сентябре 1943 года: 34 полицейских не вернулись в гетто, а из остальных организовали «Службу порядка» (около 40 чел., начальник Бенно Липцер). Служба порядка действовала до ликвидации гетто. Полиция гетто должна была исполнять приказы оккупационной власти и юденрата.

После «Большой акции» в гетто, естественно, возникли и первые группы сопротивления, представляющие различные еврейские политические движения довоенной Литвы. Коммунистические и просоветские группы были объединены в единый орган сопротивления — «Антифашистскую Боевую Организацию» (АБО), руководителями которой стали Х. Елин и Дм. Гельперн. Они были связаны с партизанскими

отрядами, перейти к которым и воевать против немцев в их рядах и было одной из главных задач этого крыла: удачи чередовались с провалами, но примерно 250 подпольщиков попали в леса и около 100 из них погибли в боях.

Чуть позже — весной 1942 года — в гетто организовалось и сионистское подполье. Различные группы («Иргун», «Бейтар», «Хашомер хацаир», «Гахалуц» и др.) создали руководящий центр — МАЦОК (Центр сионистов Вилиямполе Каунас). В «Бейтаре» и в «Иргуне» состояли и Виктор с Тамарой Лазерсоны, храня эту принадлежность в глубокой тайне друг от друга. В целом для сионистского подполья главным была не вооруженная борьба, не саботаж и диверсии, а сохранение, так сказать, генофонда и еврейской самоидентификации, а также — вопреки всему — подготовка к будущей жизни в Палестине. Части сионистской молодежи этого казалось слишком мало, они хотели вооруженной борьбы и искали контакт с партизанами в лесах. Весной 1943 года оба крыла подпольщиков установили связи и друг с другом.

21 июня 1943 года Гиммлер приказал командиру СС и полиции Остланда Фридриху Еккельну реорганизовать не позднее 1 августа все гетто Остланда в концлагеря («казернирунг», или «перевод на казарменное положение», как это называется в дневнике Тамары). Но в Каунасском гетто это произошло даже не в сентябре 1943 года, как пишет А.Бубнис, а в ноябре.

Контроль над гетто перешел от комиссара города как представителя гражданской администрации в руки СС, последним комендантом гетто-концлагеря был назначен оберштурмбаннфюрер СС Вильгельм Гекке. Евреям более не разрешалось работать за пределами лагеря; около 3000 из них вывезли 26 октября 1943 года в рабочие лагеря в Эстонии. Контроль над евреями еще больше ужесточился. Число еврейских рабочих бригад было сокращено с 93 до 44. Евреи должны были работать толь-

ко в изолированных лагерях, около 4 тыс. чел. — в двух лагерях: Алексотас и Шанчяй — переодели в полосатую одежду. В Вилиямполе осталось ок. 8 тыс. узников, большая часть их работала в мастерских. При этом прекратили свою деятельность юденрат и самоуправление.

Утром 26 марта 1944 года, когда взрослое работоспособное население работало, в гетто прибыли эсэсовцы и украинские полицейские. Они заходили в дома и выволакивали детей и нетрудоспособных. Набралось около 1700 чел., примерно 800 из них расстреляли на IX форте, остальных вывезли в неизвестном направлении (предположительно в лагеря смерти Аушвиц и Майданек). Было арестовано и 130 еврейских полицейских, 34 из них расстреляны.

7 апреля, не сказав никому ни слова — даже брату, Тамара благополучно совершила побег из гетто и шагнула в свою новую литовскую жизнь, под защиту хуторского убежища. До ликвидации гетто оставалось всего два месяца...

Ликвидация началась 5 июля 1944 года, в связи с приближением фронта.

Командовал, как и в Вильнюсе, Китель. Мужчин отделили от женщин с уцелевшими детьми, и всех депортировали в концлагерь: мужчин, и среди них отца Тамары, в Дахау, а женщин, и в их числе ее мать, — в Штутхоф. Первую партию — 1200 женщин — вывезли 8 июля водным путем, остальных — поездом: 10 июля — 2500 мужчин, 12 июля — около 2000 женщин (вместе с узниками Шяуляйского гетто) и 13 июля — еще 900 человек.

Около 2000 каунасских евреев строили в Дахау подземный авиационный завод. Каждый день умирало по несколько человек, но особенно большая смертность была в октябре-ноябре 1944 года: среди умерших тогда и бывший председатель юденрата Элькес, а профессор Лазерсон, отец Тамары, умер 6 декабря. Когда 30 апреля 1945 года Дахау освободили американские войска, сре-

ди уцелевших узников было и около 1000 каунасских евреев (около 100 из них вернулись в Литву, большинство осталось на Западе).

Женские партии из Каунаса прибыли в Штутгоф, соответственно, 19 и 26 июля. Когда приблизился фронт, немцы эвакуировали и их (на баржах, на запад через Балтийское море). Лишь немногие еврейки из Каунасского гетто дожили до дня своего освобождения англичанами возле г. Нойштат. Доктора Регины Лазерсон, матери Тамары, не было среди них: заразившись тифом, она умерла в лагерной больничке в самом начале 1945 года.

Часть узников Каунасского гетто при его ликвидации спряталась в опустевших зданиях, и для их выявления или уничтожения начались поджоги и подрывы зданий: единственным уцелевшим зданием была тюрьма. Около 1000 евреев погибли, но 300—400 узников спаслись. Пожары продолжались до 29 июля, а 1 августа Каунас освободила Красная армия. Регистрация уцелевших зафиксировала 634 еврея.

До войны, напомним, их в Каунасе было не менее 33 тысяч.

3

Без тени преувеличения: 13—15-летняя девочка — настоящий хронист Каунасского гетто! Многие исторические свидетельства «Дневника Тамары» и ее автокомментарии (в тексте, в предисловии, в очерках) поистине уникальны. Не сомневаюсь, что сообщаемым ею фактам еще предстоит отразиться в будущих обобщениях.

В нынешних, например, я не нашел сведений о покушении Наума Мекка на коменданта 16 ноября 1942 года и о его публичной казни через два дня (зрелище виселицы и «живой» смерти глубоко поразили тогда Тамару: с той поры размышления о жизни и смерти,

о хрупкости первой и о неотвратимости второй — постоянный мотив ее дневника).

Ценные подробности сообщает она и о своем «соседе» — композиторе Эдвине Гайсте, одном из наиболее известных узников Каунасского гетто. Не выдержав разлуки с любимой женой, он попросился обратно к ней — в гетто, и судьбе было угодно, чтобы 3 декабря 1942 года их поселили именно в доме на Гриняус, 7, где жили Лазерсоны. Имя Гайста не раз встречается на страницах дневника: и то, как он и его муза выведены в очерке Тамары «Сара, Ганс и гестапо», выглядит во многом достовернее, нежели в заметках о музыканте, дружно указывающих, например, в качестве даты его смерти 10 декабря 1942 года. В свете дневников Тамары ее следует отодвинуть на самый конец месяца и года.

Крайне интересно сообщение о «лжекараимстве» (семьи Румшисских) как средстве спасения от общей гибели (не сработало). Этот несчастный способ практиковался именно в Литве, где караимов было даже больше, чем в Крыму. Или о мобилизации литовского и польского гражданского населения Каунаса — очевидно, что на принудительные работы в Германию: эта кампания живо напомнила ей о советских депортациях из Литвы в 1941 году¹.

Не лежат на поверхности и сведения о депортации трехсот каунасских евреев в Ригу во второй половине октября 1942 года. Евреи уже хорошо понимали, что разница между депортацией и экзекуцией была условной и уж во всяком случае временной, что депортация — это отложенная экзекуция: *«Так уезжают люди из жизни и, как овечки, все еще с надеждой, въезжают в ворота смерти...»* (30.11.1943).

Тамара неоднократно упоминает «отправку в Ригу», точнее, преломление слухов о ней. Сам по себе слух об

---

¹ Дату той депортации — 14 июня — она помнила не хуже годовщин различных немецких «акций» в гетто.

этом (впервые — 13.10.1942) никаких страхов в себе не нес, потому что предстоящая депортация в Ригу была уже не первой¹. Но добровольцев было недостаточно, не говоря уже о доверии к немецким обещаниям, и людей начали буквально ловить на улицах, нагнетая страх и панику (17.10.1942).

Опасаясь облав, люди перестали выходить на работу. С каждым днем положение только ухудшалось: *«Тревожные дни. Опять оханье, плач. Опять разделяют семьи, отделяют мужчин от женщин. Прямо страшно, что здесь творится. Мы живем недалеко от кутузки, откуда раздаются душераздирающие крики младенцев. Никто из отправляемых в Ригу не надеется возвратиться, так же как и мы не надеемся когда-либо их увидеть. Однако нужного числа людей (300) все еще нет. Дело в том, что многих освобождают по протекции, а на их место ищут других. (Сказка без конца)»* (18.10.1942).

Запись за 19 октября 1942 года четко показывает новое качество в сознании обитателей гетто: словосочетание «отправка в Ригу» здесь впервые вытесняется одним-единственным словом: «Рига», — и этим лингвистическим интегралом выражено очень многое. Все уже воспринимают отправку в Ригу не иначе как смертельную западню, а тех, кто попадет в роковые «триста» депортируемых, — как отдаваемые на заклятие жертвы. Каждый стремится избежать этой участи и каждый что-то уже предпринял для этого, одновременно обрабатывая свою совесть на тот случай, если преуспеет в хлопотах.

«Рига» как аббревиатура всей акции (22.10.1941 она взята в кавычки и в дневнике) стала страшной угрозой, от которой сердце уходит в пятки и от которой хочется как можно скорей отрешиться: *«Каждую ночь новые облавы — все из-за Риги. Большинство семей забирают*

---

¹ Первая (в 380 чел.) состоялась 7—8 февраля 1942 г. См.: <http://www.deathcamps.org/occupation/riga%20ghetto.html>

вместе с младенцами и стариками. Ах, чтобы, наконец, уехала эта Рига. Уже и проверка у ворот стала очень строгой. Ничего не дают пронести, всех пугают Ригой. Поэтому в бригады идут мало людей. В нашей бригаде вместо 100 сегодня было лишь 20 женщин» (19.10.1942).

В следующей записи — откровенное сообщение о готовности всех вздохнуть с облегчением после того, когда «рижан» увезут (своего рода самопримирение с совестью из-за того, что ты здесь, а они там): *«Наконец-то завтра отправляют «Ригу». Все вздохнули с облегчением» (22.10.1942).*

И вот «Риги» уже действительно нет в гетто: *«В гетто паника утихла — «Уехала Рига». Снова сможем некоторое время спокойно пожить, пока опять что-нибудь не произойдет» (23.10.1942).*

«Рига», однако, не уехала сама, «Ригу» насильственно увезли — и не известно, на работу ли, расправу или смерть. А оставшиеся, правда, смогут еще некоторое время *«спокойно пожить»*, постепенно и вовсе вытравляя из сознания страшную память о «Риге». И чем, в сущности, это отличается от универсального блатного закона: *«Умри ты сегодня, а я завтра?»*

Маленькая девочка невольно заглянула на дно взрослого человеческого сознания и — невольно — запротоколировала жестокий рост эгоистического кристалла — на самой грани жизни и смерти. Она не отшатнулась и не ужаснулась увиденному только лишь потому, что не могла его осознать.

Ее старший брат, столкнувшись с тем же самым, тоже зафиксировал эту же бездну, но успел устыдиться и поймать себя на этом стыде — словно сделал себе прививку от подлости. Вот цитата из его описания «Большой акции» 28 октября 1941 года:

«Доносился крик. Я заметил, как к нашим рядам прибилась женщина с двумя детьми на руках. Видимо, она удачно перебежала и теперь кротко улыбалась спасенному сокровищу.

Шел разговор о том, что полиция гетто старается помочь людям попасть на хорошую сторону. Не слишком ли много людей окажется на “хорошей стороне” и не возьмутся ли за нас вторично? Господи, какие это жуткие мысли! В какое ничтожество можно превратиться в часы таких испытаний, когда ты молод, неопытен и не знаешь жизни».

28 октября 1942 года, первую в годовщину тех событий, отозвалась на них и враз повзрослевшая за предыдущие недели Тамара: *«Годовщина! Нет! Не верится, что так скоро, словно мгновение ока, может промчаться год. Печальная годовщина. Но нельзя жаловаться. Я почти рада, что все это было в прошлом году, что уже произошло то, что должно было произойти. Правда, мы не можем знать, что ждет нас в будущем, но об этом лучше не думать, братицы. Пусть свершится то, что неизбежно, а пока мы довольны куском сухого хлеба и теплой кроватью. Ко дню годовщины сочинила стихотворение “28 Октября”».*

В субботний день 1 января нового 1944 года она, собрав все известные ей лично преступления гитлеровцев в кулак, обрушилась на только что завершившийся Старый год с гневной и обличительной отповедью:

«Первое января — новая страница в нашей жизни. Рассвело новогоднее утро. Завершилась летопись старого года, заполненная страданиями и слезами. Перевернута последняя страница, полная горя. Все жестокие события, вся пролитая кровь невинно загубленных жертв — все в ней отмечено и Тебе, 1943-й год, придется ответить перед судом Божьим и выдать виновных. На страницах истории будешь Ты, 1943-й, отмечен как самый кровавый и жестокий год для еврейского народа. Что хорошего принес Ты? Ничего, ничего! Зато плохого

---

¹ 28 октября 1941 года в Каунасском гетто была проведена так называемая «Большая акция». Во время этой «акции» угнали из гетто почти 10 000 узников и 29 октября 1941 года расстреляли их на IX форте, расположенном недалеко от гетто.

так много! Уже с самого начала Твоей власти, еще при царствовании молоденького января, какие акции совершал в Вильнюсе? А? Признайся! Что с Гайстами сделал? А когда вывозили людей в Кедайняй? Скажи! Когда продавали русских детей? Когда отправляли в Кайшиядорис, разрывая семьи пополам? А страшная черная туча “казернирунг”, которая — то приближаясь, то удаляясь, — только издевалась над бедными страдающими людьми. Когда погиб Савицкас? Вспомни, 26 октября — самый страшный день изо всех дней, за этот один день будь Ты проклят! Три тысячи людей были вырваны из гетто и отправлены куда-то в холод и грязь в чужой Эстонский край. Сироты! Последние искры большого костра! Они гниют далеко от семей, братьев, друзей! Из наших “иргуним” ты вырвал многих нужных, дорогих друзей, товарищей по общей идее. Опять в Марьямполе 300 человек. За Гекке тоже Тебя надо “благодарить” и за два акта “казернирунг”?» (1.1.1944).

4

Мелькают в дневнике и отзвуки событий на фронтах (Сталинград, Марокко, Великие Луки и т.д.), иногда даже анекдоты: «Немцы уже устали стоять у Сталинграда. Гетто призывает жертвовать стулья, чтобы они могли там посидеть (один из новейших анекдотов)» (14.11.1942).

Интересны не только факты, но и оценки Тамары, во многом, разумеется, очень детские. Евреи, ловко проносящие в гетто продукты (и она сама в том числе!) представляются ей героями: «...Даже имея при себе пять килограммов, ухитряются “чисто” пройти проверку. Вот это народ! Такой народ никогда не погибнет. Для него не существуют никакие приказания, никакие запреты. Наш народ никогда не будет соблюдать такие запреты. Поэтому он всегда будет существовать и не

даст себя уничтожить» (21.9.1942¹). И Тамара права: они и *были* героями, рисковавшими всем лишь бы поддержать близких.

Другая запись поражает своей темой: еврейская девочка в гетто, не знающая, останется в живых завтра или нет, дополнительно страдает еще и от того, что у нее отнято такое само собой разумеющееся и насущное — элементарную и счастливую возможность учиться: *«Открылась старая рана — начался учебный год. Больно мне, очень больно, что еще один год пропадает. Но ничего не поделаешь. Утешаю себя, чем только могу»* (21.9.1942). И спустя еще год с лишним: *«Казис в шестом классе. Еще два года, и он кончает. Словно ножом укололо в сердце. А что будет со мной? Кем я стану? Открылась старая рана — учеба, учеба... Три потерянных года. О, Боже! Вспомнилось прошлое. Класс за классом я поднималась все выше и выше, но вдруг — стоп, препятствие, и уже три года я не учусь. Трудно утешить себя. Но только не убивайте, не губите меня. Я еще достигну своего!»* (5.12.1943).

Одно обстоятельство нуждается в пояснении, а именно конфессиональная принадлежность Тамары и ее семьи. И Иом-кипур с Пуримом, и сочельник с Пасхой и Днем Трех Волхвов упоминаются в дневнике почти на равных. Может даже сложиться впечатление, что она и ее родители — не просто ассимилированные еврейские интеллигенты, но еще и конвертиты, обращенные в христианство «выкресты».

Но это, как выяснилось при подготовке книги, не так. Правда, сама Тамара, под влиянием литовки-домработницы, бравшей ее, маленькую, с собою в костел, действительно одно время думала креститься и уж, по крайней мере, эмоционально и положительно относилась к католицизму. Но это было *до гетто*, гетто же,

---

¹ Здесь и далее цитаты из дневника маркируются подобными датами.

как она написала в одном из писем, быстро «*рассеяло светлый миф о христианстве*».

Католичество же осталось далеко позади, как сакральное воспоминание:

«*Посоветуй мне хотя бы ты, Иисус, когда-то я так тебя любила!*» (5.12.1943). А в сочельник того же года она решительно провела черту: «*Их праздник, не наш, их Иисус родился, наш Спаситель еще должен родиться. Они не соблюдают десяти Божьих заповедей, они не любят брата своего, как себя, — они убивают нас. Вы славите Иисуса ради праздника, ради водки, но не выполняете заповедей. Вы не любите своего Иисуса. И он проклял вас, и мы проклинаем вас — будьте прокляты вовеки!!*» (24.12.1943).

Именно в гетто у Тамары пробудилось еврейское национальное самосознание, но не религиозное, а языковое: она начала учить — и успешно — еврейский язык, причем не идиш, который она худо-бедно знала, а именно иврит! В свои 13—15 лет она записывала и фольклор гетто (на идише): «*Собираю творчество гетто, очень красивые песни*» (28.12.1942). Бесспорно, это явление той же природы, что и тяга к дневнику.

Семья Тамары была светской и не блюла ритусы иудаизма. Зато отец был убежден в том, что прежде всего надо хорошо знать язык и обычаи того народа, среди которого живешь. И эта концепция, как подчеркивала Тамара, имея в виду колоссальную помощь со стороны стольких литовцев, «*сыграла не последнюю роль, в том, что мы с Витей выжили*».

Впрочем, серьезный вклад в выживание вносила и банальная коррумпированность властей. Не раз упоминает Тамара так называемый «Витамин “П”», то есть подкуп и протекцию, которые помогли ее отцу и обеспечить сына необходимым для передвижения удостоверением, и вызволить дочь из геттовской кутузки.

Особо хочется сказать о самом светлом и трепетном, что бывает в жизни каждого человека, — о любви. Днев-

ник Тамары невольно приоткрывает и эту часть ее жизни — трогательную историю ее детской любви к Казису (Казимиру) З., литовцу, сочинителю, как и она, стихов и, кстати, одному из тех, кто подбирал для нее спасительное убежище. Их роман в редких касибрах¹, написанных молоком, протекал бурно и породжал, как и полагается, стихи с обеих сторон.

Спустя 60 лет Тамара вновь обратилась к нему в стихах: *«Вспоминаю любовь свою детскую / Ты мне письма писал молоком, / Чтобы злая овчарка немецкая / Не смогла разобраться ни в чем. // Что случилось с тобой? Я не знаю: / Иль погиб, иль остался ты жив? / Только с грустью весной вспоминаю — / Нежной дружбы прекрасной мотив»*

5

Тема детской неразделенной любви и одиночества — лейтмотив и знаменитого дневника немецкой еврейской девочки Анны Франк из Амстердама. Просто поразительно, сколько удивительных совпадений между этими двумя дневниками и их авторами!

В июне 1942 года, когда Анна принялась за свой, обоим девочкам было по 13 лет. Обе спасались от гестапо или СС в тайниках (Анну схватили, и, в конце концов, она погибла в привилегированном концлагере, а Тамару не схватили, и она уцелела), обе вспоминали в дневниках о погибшей, наверное, подруге и очень сочувствовали, обе очень хорошо учились и много читали, обе ссорились с мамами и даже дневники свои писали обе классными ручками, подаренными, каждой — отцом, на день рождения.

Дневник Анны Франк начинается 12 июня 1942 года и заканчивается 4 августа 1944 года, а дневник Тама-

---

¹ Обозначение контрабандных писем из тюрьмы и в тюрьму.

ры Лазерсон — начинается 13 сентября 1942-го (несохранившаяся его часть — и вовсе в 1941-го) и кончается аж в 1946 году.

«Дневнику Анны Франк» суждено было стать своего рода логотипом Холокоста, символом глобальной трагедии, пропущенной через переживания маленькой девочки. Тем поразительнее в этом дневнике то, что добрая его половина — начиная примерно с середины 1943 года и до середины 1944 года, — почти что отрешена от Холокоста, свободна от его бремени и коннотаций.

Природа берет свое, и прежде всего — это дневник вслушивающейся в себя чуткой девочки периода полового созревания, то есть сугубо личный документ (отчего ее отец при публикации и испытывал огромные трудности и даже подвергал печатный текст цензуре) и уже во вторую очередь — историческое свидетельство.

Анна Франк с самого начала обращается к своему дневнику, как к живому существу, призванному стать ее alter ego и заменить ей друга, с которым она — в своем навязанном в укрытии одиночестве — могла бы состоять в диалоге. Очень скоро это перестало ее удовлетворять, и она перешла к вымышленному адресату, подменяющему собой дневник, — к «Китти», антропоморфной версии «друга-дневника». Тем самым она как бы вступила в литературную игру и начала лепить литературное произведение определенного жанра, все более и более удаляясь от органического жанра дневника.

Многих персонажей дневника, своих соседей, например, Анна дает под вымышленными именами, и это дань не только конспирации. Она не устояла перед соблазном охудожествления, и недаром у дневника появились свои «редакции», над которыми автор специально «работала».

Да и постоянного дневникового горения, зуда каж-
додневных записей у нее решительно нет. Вот их короткий календарь: в 1942 году, начиная с 12 июня, —

всего шесть записей¹, или меньше одной в месяц, в 1943 году — пять², или меньше одной в два месяца и в 1944 году, вплоть до 4 августа, — 14 записей³, или по полторы в месяц.

Несопоставимы и жизненные условия Тамары и Анны. Положение и возможности директора акционерного общества Франка в Амстердаме и профессора Владимира Лазерсона в Каунасе были несоизмеримыми. Первый устроил своей семье комфортабельное убежище в самом центре Амстердама, под самым носом у гестапо, — в задней, выходящей во двор, части того дома, в лицевой части которого размещался офис его фирмы. Анна и в укрытии и вплоть до последнего дня провела свою жизнь в относительных просторе и роскоши, продолжая предвкушать накануне своего дня рождения, что же ей подарят родители, сестра, «соседи» и т.д. Голод, холод, физический принудительный труд были ей в укрытии незнакомы.

Семья профессора Лазерсона проживала в гетто с первого дня его основания, успев обменять просторный особняк в центре Каунаса на маленький 4-комнатный домик в Большом гетто: постепенно их уплотнили до одной-единственной комнаты. На работы она ходила все два с половиной года, проведенные в гетто, и однажды даже угодила в кутузку — внутри-геттовскую тюрьму. Тамарино укрытие было очень далеко — сельская усадьба Пакамачай почти у латвийской границы: там ей пришлось «переложиться»⁴ из еврейской в литовскую девочку Элянуте Савицкайте.

¹ Записи за 12, 14 и 20 июня, 8 июля, 21 августа и 9 октября.

² Записи за 13 и 30 января, 19 июля, 11 и 27 ноября.

³ Записи за 7 и 22 января, 18 февраля, 7 марта, 1, 6, 16, 19 и 28 апреля, 2 и 25 мая, 21 июля, 1 и 4 августа.

⁴ Семен Алексеевич Орштейн. «Свой не продаст — чужой не купит» // Обреченные погибнуть. Судьба военнопленных-евреев во Второй мировой войне. Воспоминания и документы / Сост. П. Полян и А. Шнеер. М., 2006. С. 339.

О своей «структурной» близости к Анне Франк догадывалась и сама Тамара Лазерсон. В ее отношении к знаменитой ровеснице и подельнице — исключительные почтение, сочувствие и пиетет, отразившиеся в стихах «Анне Франк».

... Ты так хотела выжить и любить.
Неумолимый рок решил иначе...
И нелюди явились, чтоб убить —
Не удалось — дневник живет и плачет.

В предисловии к этой книге Т.Лазерсон пишет, что однажды дневник Анны Франк сильно «выручил» и ее саму, и ее дневник: *«Вторая опасность поджидала дневник в 1971 году, когда моей семье разрешили выехать в Израиль. Я знала, что на границе рукописи отбирают. Друзья посоветовали обратиться в голландское посольство, которое в то время представляло Израиль, и передать тетрадь диппочтой. // Спрятав дневник за пазуху (благо была зима), я подошла к посольству. Дежурный милиционер спросил, что я несу с собой. И глазом не моргнув, я ответила, что у меня с собой ничего нет. В посольстве меня постигло разочарование. На месте не оказалось ни посла, ни его заместителя, а секретарь не мог взять на себя ответственность — решить такой необычный вопрос. Мне предложили прийти после обеда, будто они не знали, что граждане СССР не могут посещать иностранные посольства, когда им вздумается. // И тут мне пришла на помощь Анна Франк. На убогом немецком языке я стала объяснять, что подобно Анне, я тоже вела дневник. Возможно, что этот аргумент возымел действие. Мне сказали, что отправят дневник на проверку в литовское представительство (то есть в советскую контору!), и если не обнаружат материалов, компрометирующих СССР, то перешлют дипломатической почтой».*

В конце концов все кончилось благополучно.

6

Было бы пошло называть Тамару Лазерсон «литовской» Анной Франк, а ее дневник — каунасской версией амстердамского. При всем сходстве и даже родстве это две совершенно разные судьбы и два совершенно разных документа.

Каждый из них — великий памятник Катастрофы. Но, если дневник Анны, впервые опубликованный в 1946 году, всемирно известен и изучен (в Амстердаме ему посвящен целый музей, по нему ставятся спектакли и снимаются художественные фильмы), то историческое освоение и усвоение дневника Тамары — еще впереди.

«А КОГДА РАССТРЕЛИВАЮТ — БОЛЬНО?» (Маша Рольникайте)

1

Вот вам семья Маши Рольникайте накануне 22 июня 1941 года.

Отец — Гирш Абелевич Рольник (по-литовски Рольникас). Родился 22 мая 1898 года в городе Плунге (Литва). Окончил Рижскую русскую гимназию, затем учился в Германии, в Лейпциге, где защитил диссертацию на тему «Балтийские государства — Литва, Латвия и Эстония — и их конституционное право», изданную в 1927 году¹. Работал директором еврейской гимназии в Расейняй. Чтобы получить право на работу в Литве, экстерном окончил и Каунасский университет. Всю жизнь работал адвокатом. Во время войны был на фронте, воевал в 16-й Литовской дивизии. Выжил. Умер 22 ноября 1973 года в советском Вильнюсе.

Мама — Тайба Ароновна Рольник (по-литовски Рольникене). Родилась в 1897 году в литовском городе Тришкляй. Домохозяйка. Погибла, предположительно в Аушвице, в конце сентября 1943 года.

Старшая сестра — Мириама (Мира) Гиршовна Лисаускене (урожденная Рольникайте). Родилась 12 сентября 1924 года в Риге. Была в гетто, затем в укрытии. Окончи-

---

¹ Die baltische Staaten Litauen, Lettland und Estland und ihr Verfassungsrecht // Abhandlungen des Institut für politische Auslandskunde an der Universität Leipzig. Leipzig, 1927.

ла юридический факультет Вильнюсского университета и до выхода на пенсию работала адвокатом в Клайпеде.

Младшая сестра — Рая Рольник, 1933 года рождения. Погибла вместе с мамой. (Это она спросила у мамы: «А когда расстреливают — больно?»)

Младший брат — Рувим Рольник, 1935 года рождения. Погиб вместе с мамой.

Итак, половина семьи — мать и двое младших — уничтожена; половина — отец и две старшие дочери — уцелела. На общелитовском фоне, — а в Литве погибло 96% проживавших в ней до войны евреев, — «блестящая арифметика», но в человеческом масштабе одной любящей еврейской семьи — катастрофа!

Книга Маши Рольникайте — это рассказ именно о такой катастрофе.

2

На первый взгляд — это точно такая же история гетто глазами ребенка, как и книга Тамары и Виктора Лазерсонов о Каунасском гетто.

Две книги как бы рифмуются, аукаются друг с другом. Казалось бы — параллельные, зеркальные судьбы двух ровесниц. Но все-таки — и какие разные!

Прежде всего — проступает разница двух главных литовских гетто. Сколь же многое их при этом объединяет: и намеренное, лукавое расчленение на две зоны — Большое и Малое гетто, и страшные «акции», иной раз проводившиеся практически одновременно, и страшные даже для произнесения расстрельные места — «Девятый форт» и «Понары»!

Но каким, в сущности, адом, по сравнению с Каунасским, было Вильнюсское гетто!¹ Оккупационный

---

¹ Как писала мне сама Тамара Лазерсон: «Против этих изощренных издевательств мое пребывание в [Каунасском] гетто выглядит как санаторий».

режим, установившийся в Вильно, при всех своих внешне «симпатичных» атрибутах, таких как театр, хоры, библиотека и спортплощадка, был ощутимо жестче и brutальнее. Связано это, возможно, с тем, что он в гораздо большей степени был переложен немцами в литовские¹ и еврейские руки².

Разными были и их индивидуальные судьбы: Тамаре, подобно Машинной старшей сестре Мире, удалось найти себе укрытие и, переложившись в литовку, переждать в нем все остававшиеся до освобождения бури. Риски, которым она подвергалась в своем имении в дальней сельской местности, — ничто по сравнению с теми рисками, что ждали обитателей обоих гетто. Останься Тамара в гетто, и ее ждала бы такая же, кроме деталей, судьба, как и Машу: котировки выживания опустились бы до естественного минимума. Хрупкая, избалованная Анна Франк, история которой немного напоминает историю Миры Рольник в своей первой фазе и историю Маши Рольникайте во второй, — не пережила режимных ужасов «элитного» Берген-Бельзена, не то что Штутгофа, где Тамара и Маша запросто могли бы и встретиться. На короткое, разумеется, время.

3

Этот простодушный детский дневник ставит самые что ни на есть трудные взрослые вопросы. Самый главный из них — отношение евреев к своей судьбе, к экзистенциальной задаче выживания в навязанном им аду.

Желание выжить совершенно понятно, а вот «выжить как задача»? Какая внутренняя политика для этого эффективнее — политика большинства юденратов, го-

---

¹ Напомним, что Вильно и Виленский край были отняты у Польши Советским Союзом и «подарены» им Литве.

² Участие еврейской полиции Виленского гетто в «акциях» в Ошмянах, вплоть до соучастия в расстреле евреев, — кажется, беспримерно.

товых откупаться все новыми и новыми евреями, или политика партизан-сопротивленцев, предпочитающих «смерти на коленях» — «гибель стоя»?

С высоты сегодняшнего знания ревизии подвергается центральный вопрос еврейской политики выживания в людоедских условиях немецкой оккупации — он же и центральный вопрос историографии еврейского сопротивления: играть или не играть в шахматы с дьяволом? Или: что стратегически правильнее, — боясь смерти, терпеть, унижаться и выторговывать каждую еврейскую жизнь за счет еврейской смерти — или, не боясь смерти, бороться за каждую жизнь с риском погибнуть в бою?

Владимир Порудоминский, автор предисловия к книге Григория Шура, поляризует и противопоставляет эти две линии друг другу, кристаллизируя их в следующих категориях — «прагматики» и «герои»¹. При этом он фокусирует внимание на человеческих психологии и обременениях совести — и тех, и других. Ведь не только «прагматики» имеют на совести бесчисленно катакомб из стариков и детей, отданных как отступное за жизни стариков и детей из своей мишпухи, а также молодых и трудоспособных. Но и за каждый партизанский подвиг жизнями своими рассчитывались заложники в тюрьмах и собратья-невольники в гетто. Лучшим из них по плечу такой шаг, как подвиг Ицика Виттенберга, уподобившегося Иисусу Христу и принесшего себя на заклание немцам как искупительную жертву во спасение всего гетто (Маша Рольникайте даже благодарит его за это в своем дневнике!).

В действительности этих полярных крайностей-типов не существует², они перемешаны друг с другом, а точнее,

¹ Порудоминский В. Знакомство полвека спустя // Григорий Шур. Евреи в Вильно. Хроника 1941—1944. СПб., 2000. С. 6—24.

² Точнее было бы сказать: почти не существует! Вот журналист Гершен Малакевич, друг Г. Шура, памяти которого тот

существуют внутри каждого еврея, и решающим становится то, какую пластичность и какую пропорцию того и другого он находит для себе допустимыми.

«Героям» без «прагматиков» трудно с чисто прагматической точки зрения: для успеха их деятельность всегда полезно иметь прикрытие в виде удостоверения полицейского или иной хорошей ксивы. Но и «прагматикам» позарез нужны «герои»: все они признают и сопротивление тоже, но как последнюю возможность, как крайнее средство, к которому прибегают тогда и только тогда, когда все остальные себя исчерпали, не оправдав надежд.

И когда «прагматика» — представителя (де-факто фюрера) гетто — Якоба Генса ликвидировали вне очереди, то даже такой его недоброжелатель, как Григорий Шур, увидел в его смерти неожиданное — утрату Вильнюсским гетто своего последнего шанса на восстание. Отныне *«...в гетто не было никакой организаторской силы, никакого авторитетного человека, вокруг которого могли бы собраться остатки молодых сил, уцелевшие еще в гетто, частью сгруппированные в кружки»*. И далее — приговор: *«...Обнаружилась ошибочность тактики Генса, который все время шел по линии уступок немцам и выдавал по их требованию новые и новые тысячи людей, которых под разными предложениями вывозили из гетто. Он не только не организовал евреев в гетто для борьбы с врагом, а наоборот, ослабил их, довел до того плачевного состояния, в котором они оказались в последний день»*¹.

Шур при этом забывает, что «партизанам» в концепции «прагматиков» места нет, отчего Генс не коо-

---

посвятил свои записки. Этот человек в первые же дни оккупации понял, что предстоит евреям, и заявил, что не намерен умирать, как собака на живодерне. Он сам отправился в гестапо и высказал там все, что думал о национал-социализме, за что был немедленно и охотно расстрелян (см. его фото в: Шур Г. Евреи в Вильно. Хроника 1941—1944. СПб., 2000. С. 5).

¹ Шур. Запись за 23.9.1943.

перировался с Виттенбергом и Ковнером, а боролся с ними. Зато наличие такой промежуточной фигуры, как Глазман, — долго сидевшего на обоих стульях¹, — как бы намек на действительно упущенную возможность сосредоточения всех еврейских рычагов — юденрата, полиции и партизанского штаба — в одних мудрых руках.

Сегодня мы уже твердо знаем, что все большие гетто — все до единого! — были ликвидированы: последним из них было гетто в Литцманнштадте-Лодзи, окончательно проглоченное только в августе 1944 года. Те гетто, что уцелели в Черновцах и вообще в румынской оккупационной зоне, — не в счет: их «защитили» румынские неисполнительность и некровожадность, а также интуитивная смекалка, инстинктивно готовившая себе аргументы для будущей защиты на неизбежном, как казалось, румынском «Нюрнберге» (так и не состоявшемся из-за покровительства Советов, не дававших в обиду ни собственных палачей — например, катынских, ни «усыновленных»).

Тем самым мы понимаем, что надеяться было не на что и что вся борьба «прагматиков» сводилась, в сущности, к установлению очередности смерти и управлению этой «очередью». Блатной закон «умри ты сегодня, а я завтра», в сущности, ничем от этого не отличается. Что ж, и это, в глазах прагматиков, имело смысл: как знать, а вдруг завтра, а может, послезавтра произойдет нечто такое, что спасет? В то же время слабое место в рассуждениях «прагматиков» — необъяснимая уверенность в «добропорядочности» СС, и прежде всего в том, что кто-кто, а именно они умрут последними — «послезавтра».

Но у «прагматического» подхода есть и другая слабость — его этическая сторона. Порудоминский пи-

---

¹ Заместитель начальника геттовской полиции и активист сопротивления одновременно.

шет о «... нравственном пределе, переступив который, человек обрекает себя на жизнь, утратившую главные человеческие ценности, самый смысл бытия...».

Существование этого предела признает и Генс, мало того — он сам обозначает его и даже кается в том, что его переступил: «Господа, я просил вас собраться сегодня, чтобы рассказать вам об одном из самых страшных моментов в трагической еврейской жизни — когда евреи ведут на смерть евреев. <...> Неделю тому назад пришел к нам Вайс из СД с приказом от имени СД поехать в Ошмяны. <...> Получив этот приказ, мы ответили: “Слушаемся!” <...> в Ошмянах было собрано 406 стариков. Эти старые люди были принесены в жертву. <...> Еврейская полиция спасла тех, кто должен был остаться в живых. Тех, кому оставалось жить недолго, мы отобрали, и пусть пожилые евреи простят нас... Они стали жертвами ради других евреев и ради нашего будущего. <...> Но я говорю сегодня, что мой долг — пачкать свои руки, потому что для еврейского народа настали страшные времена. Если уже погибло 5 миллионов человек, наш долг — спасти сильных и молодых, молодых не только годами, но и духом, и не поддаваться сентиментальности. <...> Я не знаю, все ли поймут и оправдают наши действия, — оправдают, когда мы уже покинем гетто, — но позиция нашей полиции такова: спаси все, что можешь, не считайся с тем, что твое доброе имя будет запятнано, или с тем, что тебе придется пережить. Все, что я вам рассказал, звучит жестоко для наших душ и для наших жизней. Это вещи, которых человеку не следует знать. Я открыл вам тайну, которая должна остаться в ваших сердцах. <...> Мы будем думать обо всем этом потом, после гетто. Сегодня же мы должны быть сильными. Во всякой борьбе цель оправдывает средства, и иногда эти средства ужасны. К несчастью, мы долж-

ны использовать все средства, чтобы бороться с нашим врагом»¹.

Но Генс не понимает, вернее, не признает того (и даже приводит в свое оправдание аргументы!), что переступил сей нравственный порог гораздо раньше — задолго до ошмянских стариков и без соучастия в их расстреле. Каждая чистка в гетто — это пролог к селекции в Аушвице.

Сопротивленцы и партизаны, в глазах Генса, — опасные сумасшедшие и провокаторы, играющие с огнем. Их бессмысленные героизм и жажда подвига во имя еврейского народа вызывают у него отторжение и протест, ибо мешают ему, Генсу, проводить столь мудрую политику малых уступок и полезности своим палачам. Он как бы спрашивает у оппонентов-«героев»: ну что — много евреев спаслось после Варшавского восстания?

Но и «герои» могли бы (останься он жив) чуть позже его спросить, а много ли спаслось в Виленском гетто? И хотя на самом деле никто еще не посчитал распределение выживших евреев по способам их спасения, — сколько в лесу и укрытиях и сколько на пепелищах гетто и концлагерей? — но уже самый факт сопротивления возвращал всем и каждому достоинство и надежду, веселил и возвышал истерзанную душу.

4

Особенностью дневника Маши Рольникайте, сближающей его с воспоминаниями, является физическое отсутствие большей части оригинала: по большей части это реконструкция по памяти, пусть и сделанная по свежим следам. Отсюда и отсутствие датировок отдельных записей, и вообще малое число дат в самих записях.

---

¹ Из протокола совещания юденрата Вильнюсского гетто об акции в Ошмянах 27 октября 1942 г. (Архив Морешет, Гиват-Хавива. D. 1.357)

Тем не менее случай Рольникайте — это весьма яркое проявление своеобразного «синдрома Пимена», столь нередкого у евреев. «Я должна рассказать...» — название не сразу найденное, но очень точное.

Сам дневник со временем стал для нее своего рода наркотиком. Она не прикладывалась к нему разве что в самые последние недели своей узнической жизни, когда сил уже не было вообще ни на что.

Уже на свободе и по возвращении витальных сил она вдруг осознала, что уже *«...давно ничего не записывала! Ведь все эти четыре года — я только теперь так ясно поняла, что в гетто и обоих лагерях была целых четыре года! И все эти годы старательно все записывала. Заучивала наизусть, повторяла. Но не дописала того, что тогда, в последние три недели записать не смогла — как нас увели из лагеря, как три недели гнали пешком. В первые дни еще что-то про себя отмечала, старалась запомнить, а потом перестала, главным было переставлять ноги.*

Но теперь я должна, обязательно должна все это записать...»

Заполучив «трофейную» тетрадь, она первым делом записала в нее свои стихи, а затем продолжила и свои «главные записи».

В историческом плане книга Марии Рольникайте — сущее золото. Причем не только благодаря своей первой части, содержащей бесценный материал к исторической хронике Вильнюсского гетто и тех лагерей, через которые автор, перестрадав, прошла.

Детская память цепкая, но именно детский возраст автора ставил ее вне многих событий, связанных с гетто: сведения о них лучше черпать из других источников. Историческое значение дневников М. Рольникайте — как раз в их индивидуальном звучании внутри той общееврейской и семейной трагедии, которую они с удивительной доподлинностью и силой передают.

Вот лишь одна цитата:

«Раечка не спит. Она уже совсем замучила маму вопросами: погонят ли в Понары? А как — пешком или повезут на машинах? Может, все-таки повезут в лагерь? Куда мама хотела бы лучше — в Шяуляй или в Эстонию? А когда расстреливают — больно? Мама что-то отвечает сквозь слезы. Раечка гладит ее, успокаивает и, подумав, снова о чем-то спрашивает...»

5

Но не менее интересен и ценен рассказ повзрослевшей Маши Рольникайте о случившихся с ней послевоенных событиях, зафиксированных в «Это было потом». В них — все та же цепкая память ребенка, сохранившая многочисленные доподлинные подробности, но пропущенная на этот раз уже не через наивное детское восприятие, а через взрослое осознание всего происходящего.

Например, репатриация. Автор и не подозревает, что осуществленная ею разновидность репатриации — так сказать, самотеком, минуя сборные и транзитные пункты за рубежом, — хуже всего задокументирована в литературе и документах. Тем ценнее ее подробный и обстоятельный рассказ о всех перипетиях этой эпопеи.

И снова проступает то, что ни в каких казенных документах не обнаружится — это особая подозрительность и недоверие властей к репатриантам, прошедшим через концлагеря, а если еще и евреям — то тем более: *«Им это показалось странным. Оторопело слушали, что пребывание в гетто, возможно, будет считаться только проживанием на временно оккупированной территории, а заточение в лагерь — это уже плен!»* (Интересно, что еще по дороге в СССР ей представилась

и другая альтернатива — нелегальная эмиграция через Румынию и Италию в Палестину.)

Или реплика Гиты, с которой Маша когда-то вместе работала в одной геттовской команде. Она возмущалась тем, что «...евреи опять рожают детей?! Чтобы какому-нибудь новому Гитлеру было кого убивать?!»

Послевоенный антисемитизм властей преломился в ситуации с Вильнюсом и Вильнюсским еврейским музеем, благо воспоминания М. Рольникайте содержат для этого богатую пищу.

Цитирую: «...К сожалению, уцелело очень немного. Тайник на чердаке ЙИВО сгорел. Другое хранилище книг каратели СС обнаружили при отступлении. Когда Советская армия вошла в город, костер из этих книг еще догорал. Хорошо хоть, что спрятанное в геттовском бункере осталось. Видела бы я, что творилось в первые дни после освобождения! На улицах, во дворах, в брошенных немцами домах валялись книги, документы. В магазинах из страниц молитвенников делали кульки для крупы и соли. На почте к таким страницам приклеивали полоски телеграмм. Целыми днями они (Качергинский и Суцкевер. — П.П.), несколько человек, ходили по дворам, заходили в брошенные квартиры, собирали все, что еще можно было спасти.

Но хранить собранное негде было, все сносили в квартиру Качергинского и Суцкевера, они поселились вместе. Хотели сразу создать Еврейский музей, но власти не давали разрешения <...>. Все, чего тогда удалось добиться, — это согласия образовать хотя бы комитет по сбору материалов при народном комиссариате просвещения. Уже со двора «Союзтулия» на ручной тележке, — другого «транспорта» у них не было, — вывезли пять тюков с документами. Когда на завтра пришли за следующими, их уже не было: тридцать тонн книг, рукописей и архивных материалов, которые немцы не успели вывезти, теперь было

отправлено на бумажную фабрику как вторичное сырье, для переработки»¹.

Отношение к еврейской истории и еврейской трагедии как к макулатуре — выразительная деталь!

«Тревога оказалась не напрасной. Однажды, придя в музей, я застала там всех очень расстроенными. На мой вопрос, что случилось, Соня Гинкайте² протянула какую-то бумагу. Это было Постановление Совета Министров о реорганизации Еврейского музея в краеведческий.

В первое мгновение я не поняла, почему краеведческий. Это же совсем другое! И вдруг... Вдруг меня пронзила мысль: ведь и немцы пользовались иносказаниями! Расстрелы в документах именовали «особой обработкой», а эшелоны, которые отправляли сразу на уничтожение, то есть без предварительного использования обреченных как рабочей силы, снабжали грифом «Возвращение нежелательно». Выходит, и советское правительство пользуется иносказанием...

Много лет спустя я узнала, что официальное постановление дополнило устное предписание директору Книжной палаты А.Ульпису³ имевшиеся в Еврейском музее книги и рукописи сдать на бумажную фабрику

---

¹ Рольникайте М. Я должна рассказать.. / Предисловие: И. Эренбург. Послесловие и приложения: П. Полян. Екатеринбург, 2013. С. 269—270.

² Софья Абрамовна Гинкайте-Шабад (1908 — 1998), дочь Абрама Гинкаса, аптекаря в Паневежисе. До войны жила и работала в Каунасе в адвокатской конторе, прекрасно владела литовским языком. Исключительно артистичная натура. Во время оккупации Каунаса оказалась в гетто, откуда сумела бежать вместе с семьей младшего брата Мирона (в том числе и с племянником — ныне известным режиссером Камой Гинкасом). После закрытия Еврейского музея служила в Управлении по охране авторских прав при СНК Лит. ССР.

³ Антанас Ульпис (1904?), заслуженный деятель культуры Лит. ССР. Директор Книжной палаты Лит. ССР. Во время войны воевал в составе 16-й Литовской дивизии.

под Вильнюсом как вторичное сырье. Но Ульпис, скрыв свой поступок даже от собственной семьи, этого не сделал, а велел все «пока» свозить в Книжную палату и сваливать в подвал. Там они нелегально пролежали до самой хрущевской «оттепели». Только когда грозившая им опасность, казалось, миновала, их оттуда извлекли, разобрали. Часть была оставлена в фондах Книжной палаты, остальное — передано Республиканской библиотеке. Но увы... Через некоторое время они, спасенные и от Гитлера, и от Сталина — уже директором библиотеки и по собственной инициативе были сданы как макулатура, и библиотека получила, как полагалось за вторичное сырье, по две копейки за килограмм. Впоследствии этот директор объяснил, что сдал их из-за невостребованности, потому что они «только место занимали».

А невостребованными эти книги оказались потому, что после гитлеровского нашествия возможных читателей на родном языке в Литве осталось всего четверо из ста. Да и потом, во время сталинских юдофобских кампаний проявлять интерес к книгам на языке «безродных космополитов» было чревато последствиями...»¹.

В ситуации госмонополии на печатное слово цензура в СССР была всеохватной. Она действовала и через государственные органы, но в еще большей степени — через механизмы превентивной самоцензуры, способной самонастраиваться и колебаться с линией партии. А вот самоцензура была индивидуальной, хотя в устах Михоэlsa — председателя ЕАК — она приобретала и коллективный, общееврейский смысл — тем более обидный.

---

¹ *Рольникайте М.* Ук. Соч. С. 331—333. Еврейский музей в Вильнюсе был заново открыт 1 октября 1989 г. В настоящее время — Государственный Еврейский музей Литвы имени Вильнюсского Гаона.

Вот что он говорил Маше Рольникайте, возвращая ей ее записки и одновременно ставя крест на их публикации: *«А он, оказывается, меня хвалит: я наблюдательна, описала все события образно, в рукописи много запоминающихся подробностей. Я хотела объяснить, что просто записывала то, что с нами было, но не решалась его прервать. А Михоэлс заговорил о том, что сейчас публиковать мои записки нецелесообразно, что мы не должны предаваться оплакиванию прошлого, а строить новую жизнь. И чем меньше будем теревить свои раны, тем скорей ее построим»¹.*

Что ж, за таким самоотречением и искусством угадывать импульсы Старой площади едва ли поспевала и государственная институциональная «цензура».

М. Рольникайте глубоко чувствительна к антисемитизму, на возрождение которого после того, что проделали с евреями фашисты, она никак «не рассчитывала». Когда гонениям — в виде изгнания с работы — подвергся ее отец, ей пришлось нанести визит его травителю по фамилии Огурцов. Ее цепкая память сберегла и сохранила, казалось бы, совершенно непередаваемую интонацию победительной издевки в его словах: *«— Все равно твоего батю никуда на работу не примут. — И уже совсем издевательски добавил: — Придется тебе взять его на буксир».*

Горькими и обидными стали для нее и обвинения евреев в стадной покорности палачам, и «рекомендация» Центрального телевидения не упоминать в своем рассказе о гетто евреев больше одного раза, и возрождение традиции кровавых наветов на евреев (причем всесоюзное — от Дагестана до Литвы), и оголтелость новых антисемитов-ведунов типа Романенко, не забывающих переводить и издавать «Майн кампф», тогда как на издание крошечного антифашистского журнала денег и спонсоров не нашлось.

¹ Рольникайте М. Ук. соч. С. 284—285.

Так был ли толк в том, чему она посвятила всю без остатка подаренную ей жизнь — правде о еврейском этноциде? Неужели все напрасно? Для себя одной — стала бы она заводить дневник?..

Для себя одной — не стала бы.

Но толк был, и она была не одна.

Миллионы погибших и уцелевших жертв Шоа, историки, собирающие и издающие их свидетельства и другие документы, а также политики, отвечающие за то, что это никогда и нигде не повторится, — составляют единую цепь.

И книга Маши Рольникайте — неповторимое и важное звено в этой цепи.

PS. 7 апреля 2016 года в Санкт-Петербурге умерла Маша Рольникайте. Выжив и уцелев в гетто и концлагерях, запечатлев весь этот ужас в своих дневниках и книгах, всю свою последующую жизнь она посвятила заботе о них же — как бы проращиванию памяти в читательское, особенно в детское, сознание. «Я должна рассказать» — не только заглавие ее книги, но и девиз жизни! Не думая о своем возрасте и здоровье, она кочевала из одной аудитории в другую и без усталости рассказывала, рассказывала, рассказывала...

Мария Григорьевна по призванию была рыцарем памяти. Поэтому, когда она узнала, что один знакомец, преследуя свои цели, попытался остановить первое научное издание ее главной книги (мол, сколько можно переиздавать одно и то же? хватит!), ответила презрением и прекратила общение. Потому что оскорбилась вдвойне — за себя и за свое призвание!

ЧЕЛОВЕК НА ФОНЕ ВОССТАНИЯ (Александр Печерский)

1

Имя Собибор на постсоветском пространстве, хотя, конечно, известно, но все же не на слуху: Гитлер и Сталин, каждый по-своему, позаботились о том, чтобы оно не стало знаменитым.

Гитлер — тем, что сделал все возможное, чтобы к востоку от Польши в людское историческое сознание врезались не Аушвиц, Трешлинка или Собибор, а другие обгренные пролитой кровью топонимы: Каменец-Подольский, Одесса, Киев (то есть Бабий Яр), Ростов. И чем дальше на восток продвигались вермахт и айнцакоманды СД, тем меньше оставалось сходства между двумя технологиями уничтожения евреев. На смену «классическим» многофункциональным польско-богемским гетто «длительного пользования», еще встречавшимся и на советских территориях, захваченных летом 1941 года (Львов, Рига, Каунас, Вильнюс, Минск), пришли гетто, так сказать, «неполного цикла», с усеченной программой трудоустройства, гетто-эфемеры, существовавшие всего по несколько недель, а то и дней и специализированные только на одном «производстве» — на производстве трупов, на монокультуре смерти.

А на Северном Кавказе — последнем крупном советском регионе, испытавшем на себе все прелести немецкой оккупации, — обходились и вовсе без гетто: юденраты, правда, в крупных городах создавались, но единственно для того, чтобы в назначенный день и час

собрать как можно больше «верфлюхте юдэ» якобы «для переселения». Но в тот же день этих людей этапировали в заранее выбранные места, чтобы там заполнить их расстрелянными или пропущенными через душегубку телами ненасытные пасти противотанковых рвов, природных оврагов (яров) и специально вырытых ям.

Иначе дело обстояло на Западе. Сборные¹ лагеря по всей Западной Европе (типа Гюрса или Дранси) и скромные по размерам гетто в Польше исполняли, в сущности, одну и ту же роль небольших накопительных резервуаров, питавших — благодаря любезному посредничеству железных дорог — гигантские гетто (вроде Варшавского либо Лодзинского) и собственно лагеря смерти, широко открывшие свои ворота для всех тех, кто был депортирован сравнительно поздно, то есть весной или летом 1942 года.

Одним из таких лагерей смерти и был Собибор, организованный весной 1942-го в рамках так называемой «Операции Рейнхард» — акции возмездия нацистов за убийство Р. Гейдриха, а на самом деле в рамках планового уничтожения евреев по мере ввода в строй соответствующей инфраструктуры (два других лагеря под этой же эгидой — Трешлинка и Белжец). На счету Собибора около одной тысячи жизней поляков и около четверти миллиона жизней евреев, как западноевропейских, так и польских (а вот советские евреи были там редкостью, отчего тем уникальнее организованное ими восстание!).

Забота Сталина о том, чтобы мы ничего не узнали о Собиборе, была другого рода. В его понимании геноцида евреев не было, а было преступное уничтожение нацистскими захватчиками мирных советских граждан. Бумажные бастионы такой тривиализации истории были воздвигнуты хотя и рано, но не настолько прочно, чтобы ростки правды не пробивались наружу, так сказать, по горячим следам. Первой о Собиборе (Собибуре) написала

---

¹ Их иногда называют концентрационными — напрасный и запутывающий дело синоним.

«Красная звезда» (6 августа 1944 года, автор очерка Василий Гроссман), второй — «Комсомольская правда» (2 сентября того же года), третьим же — в той же «Комсомолке» (за 31 января 1945-го) в ответ на сентябрьскую корреспонденцию — отозвался непосредственный участник и руководитель восстания ростовчанин Александр Аронович Печерский (1909—1990). Четвертым стал журнал «Знамя» (в апрельской книжке 1945 года, авторы Павел Антокольский и Вениамин Каверин), и тогда же, еще до окончания войны, в Ростове-на-Дону вышла книга Печерского «Восстание в Собибуровском лагере». Очерк Антокольского и Каверина должен был занять свое место в «Черной книге», но книга такого цвета в коричневеющем СССР так и не вышла. И вообще: после войны — как отрезало! О Собиборе, правда, вышли две книги (в 1964 и 1989 годах), но обе — не в обиду их авторам будь сказано — принудительно-интернационалистские и принудительно-художественные.

Так что составленная С. Виленским, Г. Горбовицким, Л. Терушкиным книга «Собибор» — первая на постсоветском пространстве, свободная от этого главпуровского гнета. В плане глобальной историографии она является успешной трансплантацией на российскую почву исследовательского опыта западных коллег с добавлением и собственного материала и анализа. Вслед за преамбулой от составителей и главкой о Холокосте идут ее основные разделы: о самом лагере Собибор, о предыстории восстания в нем, о его подготовке и ходе, а также о том, что было после восстания¹.

Немного о самом лагере. Он возник около города Хелм, в лесном и болотистом месте недалеко от польско-

---

¹ Далее следует своего рода развернутый постскрипtum: справки о мемориале, об участниках восстания и побега, о палачах, а также фотографии, интервью уцелевшего узника с уцелевшим палачом, президентское послание Леха Валенсы и именной указатель (на этот *Post Scriptum* приходится даже несколько более половины всей книги).

советской границы в марте 1942-го; его первым боевым комендантом был оберштурмфюрер СС Франц Штангль. Лагерь обслуживали около 20 эсэсовцев и 120—150 охранников из украинских фольксдойче.

Сам лагерь состоял из трех зон (четвертую — северную — только начали строить, имея в виду разбираться в ней с трофейным советским оружием; был еще и «лазарет» вне лагеря — место индивидуальных расстрелов особо провинившихся лиц). Первая зона — рабочая: два барака для однажды прошедших селекцию, вторая — предсмертная — для тех, кто селекцию не прошел: перед долгожданной «душевой» они раздевались, складывали свои вещи (людей избавляли от любого имущества, а женщин пропускали еще и через «парикмахерскую» — состригали общественнополезные волосы).

Третья зона — «баня», зона убийства: избавив от имущества, людей избавляли и от жизни, а чуть позже и от золотых зубов. Начинали без особого размаха: три газовые камеры по 16 квадратных метров, больше 180 человек одновременно в такую душегубку не затолкнешь. В августе—сентябре пришлось даже прервать процесс и удвоить количество газовых камер; одновременно, из гигиенических соображений, были разрыты могилы-траншеи, откуда были извлечены трупы и сожжены в огромных рвах. Начиная с осени 1942 года новые трупы уже только сжигали. Ясно, что делали это еврей-зондеркомандовцы, но, в отличие от Аушвица-Биркенау¹, до нас не дошло ни одного имени.

Возможно, единственный знак, который они подали, — это следующая переписка. Г. Цукерман, работавший на общелагерной кухне, прилепил записку мучным шариком ко дну кастрюли и обратился на третью зону с наивным вопросом: «Братья, сообщите, а что стало с теми, кого перевели в третью зону?» Самое удивительное, что пришел ответ: «Лучше бы вы об

---

¹ См.: Полян, 2015.

этом не спрашивали. Здесь всех удушают газом, а мы должны их похоронить»¹. А отмена наряда на 300 порций супа для 3-й зоны, свидетельствуемая все тем же Г. Цукерманом, — явный признак того, что собиборские зондеркомандовцы, как и их аушвицкие коллеги, однажды попытались поднять восстание (хотя не исключено, что это была и заурядная селекция-ротация)².

Особенность Холокоста по-собиборски — это удушение не цианидами, а выхлопными газами, то есть двуокисью углерода. «Отвечали» за это мощный (двухсотсильный) танковый двигатель, да еще казенные гуси, пытавшиеся перегалдеть двигатель, когда тот работал.

При таком раскладе уцелевших не могла не посещать, а посетив, не покидала мысль о восстании. Молва сохранила память о нескольких неудачных попытках, в том числе об одной, которую предприняли узники, вывезенные из Голландии, но разбивались они, как правило, о предательство из своих рядов или подкупленных охранников. И пусть восставшие, как подметил Лех Валенса, боролись в сущности, даже не за жизнь, а за более достойную смерть, пусть их шансы на успех были мизерны и призрачны, но уже одна мысль о восстании придавала людям силы. Лучше погибнуть от немецкой пули и заставить немцев потратить эту пулю на тебя, чем дать им отвести себя на убой в третью зону или в «лазарет».

Группа евреев, прибывших сюда из Минского трудового лагеря СС 22 сентября 1943 года, была для Собибора совершенно нетипичной: около 600 советских граждан, почти сплошь военнопленных, при этом военнопленных-евреев. Около 80 из них прошли селекцию, и в их числе лейтенант Александр Аронович Печерский. Он и возглавил восстание, случившееся тремя неделями позже — 14 октября.

---

¹ Собибор, 2008. С. 21.

² Собибор, 2008. С. 44.

План восстания, разработанный Печерским и Шлеймо Лейтманом, варшавским рабочим, был по своему гениален. То был не единичный и не групповой побег, а акция, открытая практически для всех, кроме тех, кто был в третьей зоне (круговая порука делала всех не вовлеченных заложниками, обреченными на смерть: именно так погибли 60 человек, заблокированных охранниками в четвертой зоне).

Вот планируемая последовательность действий заговорщиков: сначала вывести из строя как можно больше офицеров-эсэсовцев, уничтожая их поодиночке топорами и ножами на разного рода «примерках» в портняжной и сапожной мастерских, а также на сортировке вещей во втором лагере и в гараже — на это отводился один час. Все коммуникации должны были быть перерезаны, а в проволочных заграждениях вокруг главного входа проделаны проходы. Начало массового выступления было назначено на 17 часов, конец светового дня, что оттягивало неизбежную погоню на целую ночь.

Не все получилось по плану, но из 17 эсэсовцев, находившихся в тот день в лагере, были убиты 12, а кроме них еще два охранника-фольксдойче. Был осуществлен массовый прорыв к воротам, за ворота и дальше — через минное поле под градом очередей с боковых вышек — в лес. Не забудем и того, что восстание фактически закрыло лагерь: его ликвидировали и замели все его следы уже в ноябре того же года.

Т. Блатт, один из уцелевших, приводит следующий итог восстания: общее число узников, находившихся в лагере в день восстания, — 550, из них: не смогли или не захотели бежать — 150, погибли на минах и от пуль при прорыве в лес — 80, достигли леса — 320. Из этих 320 были пойманы и казнены — 170. Из оставшихся в живых 150-ти: убиты в боях с немцами в партизанских отрядах или в армии — 5, погибли в убежищах, тайниках и т. п. (в основном от рук враждебно настроенных поляков) — 92, дожили до освобождения — 53 (к этим

53 уместно добавить еще девять евреев, успешно бежавших еще до восстания — в одиночку или небольшими группами). Итого — 62 узника Собибора, переживших Холокост! К 1972 году, по сведениям Печерского, в живых оставалось около 30 человек, из них семеро в СССР, а тех, кто жив и поныне, можно пересчитать по пальцам.

Итак, в лес прорвалось 320 человек. Казалось бы, полный успех!

Но именно после этого началось самое трудное и самое огорчительное. Оружия — не больше десяти стволов, считанные патроны, даже топоры и ножи в дефиците — их явно не хватало на всех. Как не хватало и уверенности, что делать и как быть, а также физической силы и решимости. С самого начала группы беглецов разбрелись по лесу, все более и более дробясь под давлением погони и враждебного отношения со стороны населения. Интересы и цели беглецов, как и их маршруты, быстро разошлись, причем советские военнопленные захватили с собой большую часть имевшихся ресурсов. Они не попытались организовать партизанский отряд в окрестностях Собибора (сочтя это бесперспективным, в чем они, по видимому, были правы) и не захотели увести за собой на восток основную массу бежавших — это тоже было обречено на провал. Разбившись на десятки и на пятерки и под благовидными предложениями отрываясь от остальных, они добрались до своих. Можно ли их осуждать за это?

Да и спаслись не они одни. Уцелели десятки других, кого спрятали христоролюбивые либо деньголюбивые поляки или кого подобрали редкие в этих местах еврейские партизаны. Но еще большее число собиборских повстанцев, ускользнувших от немецкой погони, нашло свою смерть в лесу от холода и голода или же на польских хуторах — от рук и пуль своих «спасителей».

В любом случае это восстание беспримерно по своей дерзости, героизму и удаче.

2

6 сентября 2012 года, в рамках осенней Московской международной книжной ярмарки состоялось одно примечательное мероприятие — презентация мемориального издания одной весьма необычной книги — «Восстания в Собибуровском лагере» Александра Ароновича Печерского.

Сама презентация обещала участие целого созвездия громких имен, некоторые из названных, как оказалось, ничего и не слышали о таком мероприятии, но и те, кто выступили — Николай Сванидзе, Юлий Ким, Владислав Флярковский, Семен Виленский, Лев Симкин и др. — создали широкий тематический спектр. Вел презентацию Михаил Гринберг, директор издательства «Гешарим» («Мосты культуры»), выпустившего саму книгу: 108 страниц необычного карманного формата (10 x 13 см).

Книгу составил израильский журналист Илья Васильев, и уже самый ее состав заслуживает отдельного описания, тем более что как содержание книги, так и аннотация содержат в себе лакуны или неточности. Обложкой служит факсимиле обложки оригинала. На фронтисписе — абзац «От издательства» с указанием имен нескольких (и явно не всех) борцов за торжество справедливости в случае Печерского. Затем идет предисловие Н. Сванидзе — историка и телеведущего, члена Общественной палаты РФ, а за ним — заметка издательства «Гешарим», призванная внести ясность в библиографию вопроса (вносящая ее лишь частично).

Оборот титула содержит аннотацию и указание на материальную поддержку изданию со стороны общественной организации «Преображение», руководитель которой, Алексей Вишняк, — автор одного из двух своеобразных постскриптов к книге, не попавших в ее содержание. Явно не замечая оруэлловских коннотаций, он рассуждает о здании Дома Правды, кирпичиком которого послужит эта книга Печерского — кир-

пичиком для моста между русскими и евреями (и даже почему-то — между православием и иудаизмом).

Второй постскрипtum — это несколько слов на заднике обложки от главного архитектора издания — Юлия Эдельштейна, в то время министра информации и диаспоры Израиля, а теперь председателя кнессета.

На страницах с 7-й по 64-ю — материал, долженствующий играть де-юре центральную роль, — первопубликация самого Печерского. Вслед за факсимиле титульной страницы оригинального издания книги Печерского, выпущенной Ростовским областным книгоиздательством в 1945 году (дата подписи в печать: 14 марта 1945 г.) тиражом 5000 экземпляров, идет воспроизведение ее текста (не репринт, а новый набор).

Начиная со шмuca на 65-й странице, украшенного портретом Печерского, идут четыре Приложения.

Первое — послесловие Л. Симкина¹ — весьма информативное: автор цитирует документы, фиксирующие мобилизацию Печерского в штрафбат, объясняет, почему книга Печерского могла быть подготовлена и увидеть свет с такой стремительностью (она базировалась на письмах Печерского матери и сестре, написанных из госпиталя). Из него мы узнаем, что в архиве Музея Холокоста в Вашингтоне имеется довольно обширная переписка Печерского с различными узниками Собибора. Там же хранятся и ксерокопии не введенных еще в научный оборот материалов многих послевоенных процессов над военными преступниками, и в некоторых Печерский фигурирует в качестве свидетеля. Существует и его переписка с М.Левом, проживающим в Реховоте.

Де-факто центральной публикацией издания, на мой взгляд, является текст «Восстание в Собиборе», воссозданный Г.Шапиро на основании записи и расшифровки монологов Печерского 1964—1973 гг. (стр. 76—99).

---

¹ См.: <http://berkovich-zametki.com/2012/Zametki/Number11/Simkin1.php>

Большую досаду вызывает сделанная в этом тексте купюра — о подготовке восстания и о нем самом. Купюра объяснена: мол, зачем повторяться, раз об этом уже есть в републикуемой книге 1945 года? Но о самой книге 1945 года тут же (на стр. 89) справедливо замечено, что она была не более чем укороченной и подцензурной версией опущенного здесь рассказа. Поразительное составительское решение!

Третье приложение — заметка С. Виленского «Павшие и живые». Она вводит в контекст переиздания Печерского сборник «Собибор», составленный С.С.Виленским, Г.Б.Горбовицким и Л.А.Терушкиным и выпущенный издательством «Возвращение» в 2008 году¹. Приведу здесь цитату из преамбулы Михаила Румера к публикации моей рецензии на эту книгу: *«Среди бесчисленных встреч с разными необычными людьми, которые были на моем долгом журналистском веку, не дает покоя одна — сложностью и противоречивостью образа человека, с которым я познакомился в середине 1960-х гг. в редакции журнала “Советише геймланд”. Вместе с моим другом Шмуэлем Тененблатом, редактором выходившей в Варшаве еврейской газеты “Фольксшитимме”, мы пришли в редакцию журнала на Кировской улице в Москве, чтобы побеседовать с руководителем восстания в концлагере Собибор Александром Ароновичем Печерским. Человек он был вроде бы известный, но с несколько приглушенной известностью, да и о самом восстании писали как-то не очень внятно, как бы обходя еврейскую тему. Но сам факт этого беспримерного восстания, единственного удавшегося в нацистских концлагерях, как и то обстоятельство, что его подготовил советский офицер, обойти было нельзя.*

Зная редкое мужество Печерского, мы готовились увидеть некие героические черты в его облике. Какие черты? Не знаю. Но должно же быть в том, кто совершил

---

¹ В 2010 г. то же издательство переиздало книгу.

подвиг, нечто выделяющее его среди фигур обыкновенного житейского ряда.

В редакционной комнате сидел пожилой полноватый человек с тихой улыбкой на несколько смущенном лице. Потом я сообразил: ему предстояло беседовать с иностранцем. Шмуэль считался польским журналистом, а Польша тогда была самым веселым и, пожалуй, самым свободным баракком социалистического лагеря.

Но разговор не очень-то получался. Пересказ недавно вышедшей книги о восстании в Собиборе, написанной кем-то в псевдогероической советской манере, нас не интересовал. Впрочем, и наш собеседник отзывался о ней не без некоторой иронии: “Меня там называют полиработником. А я и в партии-то не был”.

Не помню, что интересовало Шмуэля, но я спросил, как ему живется сейчас, что он поделявает. Оказывается, работает на “Ростсельмаше”, в цехе, кажется, диспетчером или еще каким-то мелким служащим.

— О, ко мне очень хорошо относятся на заводе, — как бы предупреждая мой вопрос, сказал Печерский, — и в завкоме, и в парткоме меня уважают. Там хорошие люди. Все у меня хорошо.

Поговорили о ростовском житье-бытье, о семейных делах. Передо мной сидел добродушный пожилой папаша, охотно рассказывающий о детях, внуках, о соседях, сослуживцах, гордящийся доброжелательностью и уважением со стороны своего окружения.

“А чего бы ты хотел, — спрашивал я себя, — чтобы он выступал с героическими декларациями? Он нормальный немолодой человек, живущий в нормальной советской провинциальной среде. Но что-то же должно быть в нем необычное. Ведь надо же было решиться на такое: перерезать эсэсовцев, завладеть оружием, перебить охрану, уйти из лагеря через минные поля, воевать в партизанском отряде, а потом в штрафбате. У кого еще такая боевая биография?!” Впрочем, про штрафбат я тогда еще не знал.

— *Был момент, когда вы решились на восстание? Что послужило импульсом? — спросил я. Он помолчал. Лицо его омрачилось воспоминанием. — Был такой момент. Это когда я услышал крик погибающего ребенка...»*

А вот о четвертом приложении руки опускаются писать. Ибо, по замыслу инициаторов, политически это и есть центральный документ книги — открытое групповое письмо Путину с прошением о присвоении Печерскому звания Героя России (посмертно), а празднованию годовщины восстания в Собиборе в 2013 году — придания государственного статуса (что это такое?).

Видя в фигуре Печерского бесспорный, но забытый и уникально важный символ (герой-еврей!), могущий, по их мнению, объединить Россию и Израиль на общем поле политики исторической памяти, инициаторы проекта и составители письма пренебрегли самой историей и попали в классическую западню.

В тексте письма они не озаботились даже сведением концов с концами в биографии героя (согласно письму его арестовали в 1941-м под Вязьмой и «вскоре», а на самом деле через два года, заполненных лагерями для военнопленных и для евреев в Смоленске, Борисове и Минске! — отправили в Собибор¹).

Не уловили они и определенной двусмысленности в самом адресате: именно на него и его внешнюю политику рассчитана финальная фраза письма о вкладе предлагаемых мероприятий с Печерским в борьбу с глорификацией нацистских преступников в «некоторых европейских странах, а также с другими порочными тенденциями к пресмотру итогов Второй мировой войны».

Александр Печерский тут в любом случае ни при чем. Уж если кто и виноват в прижизненном игнорировании и столь запоздалом признании его самого и его подвига, то это именно советское, а затем и российское правитель-

---

¹ См. в публикации Л. Симкина: <http://berkovich-zametki.com/2013/Zametki/Nomer1/Simkin1.php>

ство, не моргнув и глазом продолжившее главпуровскую линию замалчивания как трагедии, так и героизма в годы войны как еврейского народа, так и советских военнопленных (а Печерский как герой в равной мере относится к обеим этим категориям!). И если Холокост уже стал в России салонным (не в последнюю очередь из-за того, что без евреев как жертв провисала бы и тема националистов-коллаборационистов как палачей), то советские военнопленные как отчетливая историческая категория до сих несет крест непризнания родимым официозом.

Так что, обращаясь к российскому национальному лидеру, следовало бы потщательней выбирать слова и избегать исторических пошлостей. Политики почему-то всегда полагают, что история — прикладная наука только и ровно в том смысле, что она у них в руках и в служанках. Не без оснований, конечно, но в итоге все равно напрасно.

Из постскриптума Юлия Эдельштейна мы узнаем, что вопрос об увековечении памяти Печерского он обсуждал с Путиным в июне 2012 года в Нетании, где открывался памятник советским воинам-освободителям: собеседник сказал, что это хорошая идея и что в этом направлении Израиль и Россия будут работать вместе.

И тогда, это явствует из выходных данных, было решено спешно издать рецензируемую книгу, следы издательской спешки видны во многих местах.

Все это говорит о политически ангажированном акционизме, и именно от него хотелось бы всех хлопочущих предупредить, а Печерского — защитить. Ведь ничто не мешало подготовить эту книгу не по-стахановски, а заранее и спокойно. В книгу тогда превосходно легли бы и полный текст записей Г.Шапиро, и упомянутые выше материалы из Музея Холокоста в Вашингтоне.

Со своей стороны, обращаю внимание будущей книги Печерского или о нем и на материалы из Яд Вашема, в частности, на видеосюжет о его боевого товарища Семена Розенфельда и его письмо журналисту Ионе

Родинову (Рига) от января 1963 г., содержащее в себе небольшой текст и самого Печерского¹.

А также на 41-страничную машинопись А.А. Печерского «Тайна Собибурского лагеря» в фонде В.Гроссмана в РГАЛИ². Как знать, может ее анализ позволит лучше разобраться и в тексте книги 1945 года?

Ну, разумеется, и на материалы из Центрального архива Министерства обороны РФ в Подольске, где своего исследователя дожидаются материалы из офицерской картотеки и о службе Печерского до попадания плен, и о его пребывании в штрафбате (в 15-м отдельном штурмовом стрелковом батальоне), и многие другие

Уверен, что эффект от выхода такой книги, сделанной «не на коленке», был бы гораздо большим. Причем для ее подготовки вовсе не нужна санкция российского президента или ростовского мэра. Нужны политическая воля, специалисты и скромный бюджет (впрочем, найти спонсора для издания еврейской книги зачастую труднее, чем для финансирования памятника на берегу моря).

Еще два замечания.

Чем, собственно, акционизм нехорош и даже опасен? Вырыванием своего предмета из его реального контекста, в данном случае из контекста Холокоста и из контекста военного плена. Без преодоления советско-российского «главпуризма» долгосрочный эффект от политакции «Печерский» не будет большим.

Во-вторых, надо понимать, что по большому счету подвиг Печерского и товарищей все же не уникален. Просто о нем мы кое-что знаем, а о многих других — ничего. Как евреи, так и советские военнопленные поднимали восстания в своих лагерях не единожды и не дважды. Среди героев восстания зондеркомmando в Аушвице — немало евреев из Гродно и его окрестностей, в том числе

---

¹ Сигнатуры: VD-147 и М-33/1047 (сообщено А.Шнеером). См. также: Шнеер А. Плен. Иерусалим, 2003. Т. 2. С. 181.

² РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 1. Д. 143.

и Залман Градовский, как и все 19 советских военнопленных, о которых мы, увы, почти ничего не знаем, но о которых до недавнего времени вовсе и не пытались узнать.

Не меньшим героем в моих глазах был, например, киевлянин Леонид Исаакович Котляр — один из нескольких тысяч советских военнопленных-евреев, спасшихся на чужбине, в Германии, и позднее репатриировавшихся домой. Прочитую одного из рецензентов: *«Позволю себе назвать книгу Леонида Котляра великой. В детстве и юности мы восхищаемся писателями, что изображают в своих книгах людей исключительных, переплывающих океаны, одолевающих муки голода и жажды в тайге или пустыне, ну вот, скажем, как у Джека Лондона или Хемингуэя. Но разве обычный, в сущности, человек по имени Леонид Исаакович Котляр не достоин стать вровень с самыми замечательными героями, включая и античных, мифологических персонажей древности? Котляр выжил и сохранил честь и достоинство в ситуациях поистине экстремальных, критических, когда пришлось временно отказаться от своей идентичности. И все же он во всем остался Человеком, остался самим собой»¹.*

Несомненно, таким же человеком был и Александр Печерский.

3

P.S. Именем Александра Печерского уже давно была названа улица в Цфате — священном городе мудрецов и художников на севере Израиля. В 2007 году в Ростове-на-Дону, на доме, где он жил, была открыта мемориальная доска, а в 2012 году в Тель-Авиве — памятник Печерскому. А в 2015 году улица Печерского появилась, наконец, и в Ростове-на-Дону — спустя 70 с лишним лет после героического восстания.

---

¹ Заславский С. Жизнь и судьба Леонида Котляра // Шабат шалом. Днепропетровск. 2012. № 9. С. 7.

Героического? Но никакие инициативы, никакие усилия, довольно мощные и настойчивые сами по себе¹, о присвоении этому еврею — пусть посмертно и пусть с таким опозданием! — звания Героя (сначала Советского Союза, а затем и России) так ничем и не увенчались.

Если не считать, конечно, ордена Мужества, срочно выписанного Печерскому к 27 января 2016 года — Международному дню памяти жертв Холокоста. Орден, конечно, не почетная грамота, но и не Звезда Героя². Но и его употребили исключительно в качестве пиар-сопровождения визита Владимира Мединского, министра культуры РФ и председателя РВИО, в Собибор³. Трудно было найти более некошерную фигуру для этого театрального, — а по отношению к Печерскому и его родственникам, — даже оскорбительного жеста.

И в то же время фигуру наиболее симптоматичную — современное лицо «главпуризма».

---

¹ См.: Политакция «Печерский»: холостой выстрел // Заметки по еврейской истории. 2013. № 4. В Сети: <http://www.berkovich-zametki.com/2013/Zametki/Nomer4/Poljan1.php>

² Из статута ордена: «Орденом Мужества награждаются граждане за самоотверженность, мужество и отвагу, проявленные при спасении людей, охране общественного порядка, в борьбе с преступностью, во время стихийных бедствий, пожаров, катастроф и других чрезвычайных обстоятельств, а также за смелые и решительные действия, совершенные при исполнении воинского, гражданского или служебного долга в условиях, сопряженных с риском для жизни».

³ Ни орден, ни документы к нему еще не были даже вручены родственникам Печерского! Зато их копии (с согласия ли?) уже вручены Мединским в качестве российского вклада в фонды будущего музея в Собиборе, созданию которого, пообещал министр, Россия поможет и материально. Министр сделал по этому случаю скорбно-серьезное лицо (см.: <http://ru.euronews.com/newswires/3136295-newswire/>).

ВЕРСТАТКА ПАМЯТИ, ИЛИ ЕВРЕЙ НА ФОНЕ АНТИСЕМИТИЗМА (Владимир Порудоминский)

«Уходящая натура» Владимира Порудоминского — книга, крепко сбита из полутора десятка новелл и одной повести («Короткая остановка на пути в Париж»)¹. Это великолепная (по гамбургскому счету!) русская проза — одновременно историческая и лирическая. Это сага о еврейской судьбе и еврейском «счастье», о багровой трагедии жизни и смерти под Холокостом и о сером неуюте до и после него, в отравленной атмосфере «остаточного антисемитизма».

Именно новеллы, написанные с обезоруживающей, как у Бунина, простотой и с острой наблюдательностью, с ностальгической любовью к детали, составляют костяк книги — ее, если угодно, *цимес*. В упомянутой повести встретим еще и другую ипостась — мастерство сложнейшей психополифонической композиции. В ней тоже есть вставные новеллы, например, о молодом реббе, бежавшем из плена в постель деревенской женщины, или о восьмерке евреев, однажды справлявших Пейсах у Софьи Аккерман и севших за свои странные и заговорщицкие слова о встрече в Иерусалиме. Но это уже другой жанр, и выпав из жанра, повесть, на мой взгляд, выпала и из книги.

Кроме этого водораздела, есть в книге и еще один, — может быть, менее заметный. Сами новеллы в ней как

---

¹ Владимир Порудоминский. Уходящая натура. СПб.: Алетейя, 2010. 318 с. (Серия «Русское зарубежье. Коллекция поэзии и прозы»).

бы двух типов — прожитые лично (и потому как бы вспомненные) и непрожитые (и потому как бы сочиненные). Впрочем, критерий различения тут условен: в автобиографических текстах несомненно есть толика вымысла, а в вымышленных — твердого знания. В глаза это не бросается еще и потому, что в композиции книги тексты обоих типов перемешаны и как бы спрессованы единством жанра и стиля. А в некоторых — в тех, чье действие происходит ни до и ни после войны, а по самому ее ходу, — обе темы просто сплавлены воедино, как, например, в «Скрипачах на крыше».

Действие этой самой лирической и самой неомраченной из всех новелл обсуждаемой книги происходило на крыше арбатского дома, где на дежурстве по противовоздушной обороне встретились сверстники — еврейский юноша (Автор) и еврейская девушка Руфь. Он — вернувшийся из ташкентской эвакуации, она — по чистой случайности избежавшая заточения (и, стало быть, смерти) в гетто города В.¹ Самый обыкновенный разговор — словно пальцы пробежались глиссандо по рояльным клавишам, задевая то одну, то другую тему-струну: военное недоедание, веру в Бога, еврейскую Пасху с ее сакраментальным — «На следующий год в Иерусалиме!»².

Если разложить все «вспомненные» новеллы по возрасту, в котором мы застаем в них Автора, то самой первой стали бы «Детские игры». Здесь он еще младший школьник (бегает по дачной местности в трусиках), даже не вполне еще понимающий те сплошь антисемитские коннотации, которыми переполнены шуточки, песенки и анекдоты, так и слетающие с языков как взрослых дядь и тетей, так и их детей, его сверстников и чуть ли не дружков по дворовой или дачной ватаге. *«Что-то случилось тогда, в конце тридцатых, незадолго перед большой войной, — как синеватые огонь-*

¹ Вильнюса, как это ясно из других новелл.

² Эта фраза еще прозвучит в книге.

ки угара из-под слоя золы, вдруг выпорхнула на вид вроде бы и незлобная, упрятанная под хохоток неприязнь... И кто-то услужливо нашептывал в уши миллионов людей ходкие фразы, куплеты, шутки, — ах, как смешно, оказывается, произносить с так называемым еврейским акцентом что-нибудь немудреное, вроде «Абрам, ты брынзы хочешь?» Можно — не «брынзы», можно — «кукурузы» — тоже очень смешно!..» И не так уже это безобидно, если вспомнить, как охотно через несколько лет все эти шутники — вовсе не фанатичные антисемиты с «Протоколами сионских мудрецов» в душе, а просто «картавящие шутники» («Абг'ам», «бг'ынза», «кукуг'уза»), выдавали немцам евреев в лагерях для военнопленных и вообще везде.

Собственное еврейство Автор в трусиках уже интуитивно чувствует, но еще не осознает, — иначе сам хотя бы не подпевал Цыганку и остальным и не «картавил» бы так весело со всеми, тоже еще не понимающими, что Автор — еврей. Воистину «за компанию и жид повесился» — тоже, наверное, маленький и несмышленный мальчик в трусиках, просто хотевший быть как все, не лучше и не хуже. Вот с Семеном, сыном сапожника, у ватаги было куда больше ясности, отчего и не держали его за своего, а при встрече задирали и дразнили «Сенькой-поцем», то есть евреем, жидом.

Автор же при такой встрече, хотя инстинктивно и отворачивался и замолкал (в форме «особенно оживленного разговора» с кем-то), но из ватаги не выбегал и спина к спине с задираемым не становился.

Момент истины, точнее, миг однозначной и окончательной самоидентификации для Автора наступил, когда и его самого ватага разоблачила как «поца» — причем в самой унижительной форме, какая только может быть. Сбили с ног, навалились и стянули пресловутые трусики: «Во, глядите! — И они все смотрят. — Поц! — смеется Васька и трогает меня там корявым пальцем. Я вздрагиваю от его прикосновения. “Жид, зна-

чит, — уже без всякого интереса произносит Васька. — Я же говорил: жиденок»».

Надо ли говорить, что Автор часто вспоминал этот день и этот преподнесенный ему наглядный урок дружбы народов в Стране Советов. И к ватагам, надо полагать, более не прибивался.

О том же самом, — то есть об антисемитском социуме проживания и, если угодно, о наивности и тщете еврейской ассимиляции или хотя бы мимикрии под нее, — другой замечательный рассказ Порудоминского: «Розенблат и Зингер». Двух последних уже повзрослевший Автор встретил в Ташкенте, в эвакуации, где, — в полном контрасте со своими происхождением и внешностью, — они трудились погонщиками ослов. Когда-то оба были владельцами небольших, но солидных семейных фирм по торговле бельем: Розенблат — в Берлине, Зингер — в Вене. Страх потерять свое дело сыграл с каждым из них, по очереди, одну и ту же злую шутку: в результате сначала Розенблат, потеряв все, бежал к Зингеру, а потом уже они оба, когда все потерял и Зингер, бежали в Румынию, но не в столицу, как они всегда делали, а в глушь бессарабской деревни, где нанялись к кому-то батрачить. *«Спустя некоторое время их освободила Красная армия, присоединившая Бессарабию, а заодно Розенבלата и Зингера, к Советскому Союзу. Бывшие владельцы фирм превратились к тому времени в такое ничтожество, что даже не вызвали интереса весьма любознательных органов: их не арестовали, не отправили в лагерь — после проверки выслали... в Среднюю Азию, где они после некоторых поисков обрели кров и должность, в каковой я их и застал».*

Автор, уже не мальчик в трусиках, явно уже перешел из начальной школы национальной самоидентификации в школу следующего звена: *«Именно тогда, в эвакуационном тылу рождались ладные, легко вбираемые сознанием поговорки-представления — “Иван в окопе, Абрам в райкоопе”...».* А вот Розенблат и Зингер,

ныне погонщики ослов, с отличием, ибо живы, закончившие целый университет, поделились с ним грустным итогом этой науки: «— Мальчик, — Розенблат смотрел на меня с сожалением; его веки были докрасна выжжены чужим азиатским солнцем. — Мальчик, — повторил он, — забыть есть взаимное дело. Мы тоже забыли когда-то, что мы евреи. По воскресениям Розенблат надевал черный фрак, цилиндр на голову, садился в коляску и ехал в кирху. Немцы улыбались мне и говорили: «Гутен таг». И я улыбался немцам, приподнимал цилиндр и говорил: «Гутен таг». Но на другой день после прихода Гитлера оказалось: немцы не забывали, что я еврей. Они уже не говорили мне: «Гутен таг». Нельзя забывать, мальчик, что ты еврей, раньше, чем это забудут другие».

Интересно, что весь цикл новелл в книге начинается и завершается событиями зимы-лета 1953 года — двумя смертями в Подмосковье: родной бабушки автора — в Белых Столбах и рядящегося под отца отчима народов Иосифа Сталина — в Кунцево.

На первых из двух похорон из семьи был один Автор. Мать не отпустили с работы (!) — назначенная вместо арестованного профессора Когана новая заведующая, брызжа специфической слюной, даже накричала на нее: «У вас в отделении 50 туберкулезных больных. Вы о них подумали? Врач называется!» — и пригрозила увольнением. С увольнения началась и цепочка событий, приведших к смерти и саму бабушку: дедушку выгнали из типографии за то, что он не проявил бдительность и не воспротивился набору какой-то брошюры шпионского ЕАКа на идише. В тот же вечер дедушка умер, а бабушка вскоре повредила умом.

На похороны Сталина автор тоже пошел, но не попал: спускаясь от Покровских Ворот к Трубной площади и уже увязая «в странной, точно разлитой на земле повывше щиколотки, неподатливой массе — толстом слое свалившихся и сдернутых с ног тысяч людей галош», он

вдруг вывернулся направо, в один из сретенских переулков, что и спасло жизнь уже ему самому. Сталин словно и из гроба требовал себе все новых и новых жертв!

Между тем «Начало марта» — с подзаголовком «Семейные мелочи 1953 года» — вовсе не о похоронах тирана, а целая сага о непрошибаемых кабинетах кадровиков и непроходимых еврейских мытарствах с трудоустройством в самый разгар «дела врачей»¹. Еврею, даже и фронтовику, стало нельзя не только в редакцию или в институт, где он работал или учился до армии или до войны, но и к должностям уровня «оператор лотка с мороженым»! Какою же гнусною гидрою может вдруг обернуться для человека его родная, казалось бы, страна!..

Но подчеркну при этом одну деталь. Сталинский антисемитизм — не ровня гитлеровскому, это не геноцид, а репрессия-травля — крайне неприятная, с перспективой депортации, но все же не жидомор. Поэтому Порудоминский и настаивает на подзаголовке «семейные мелочи»: в масштабе истории еврейства — мелочи, хотя в масштабе индивидуальной судьбы, конечно же, нет.

Крошечный рассказ, по которому названа вся книга, посвящен эвакуирующимся беженцам из аннексированной Сталиным и атакованной Гитлером части Польши. Нахум — невиданный на сибирских просторах эдакий шолом-алеихемовский мальчик с пейсами и глазами, вечно наполненными слезами, — ждет на улице своего тателе, пытающегося договориться в домоуправлении о возможности остаться в этом городе, а не ехать, согласно направлению, еще с полтыщи верст на восток в другой. Вагага местных ребят, среди которых и рассказчик, пристаёт к мальчику с вопросами, хохочет на

---

¹ Попутно он рисует превосходные портреты современников, некоторые из которых — и вовсе исторические персонажи, как, например, журналисты Борис Стрельников и Юра Верченко: последний вскоре стал Юрием Николаевичем — сановной бездарью, приставленной ЦК надзирать за ненадежной писательской братией.

его ответы, но и угощает мальчика мятными пряниками (вот спрямленный фрагмент диалога по этому поводу: «Кошер?» — «Каких кошек? Мятный!»). Не только ребятам, но и взрослым еще не понять ответа тателе на чей-то вопрос, откуда они: *«Вы будете смеяться, молодые люди, но откуда уже нету, осталось только куда».*

Порудоминскому, как очень немногим в русской литературе (Бабелю, например), удастся улавливать и передавать самую суть «жаргона» — внешне-грамматический его комизм и «картавость», а глубоко внутренний трагизм языковой интрузии одного языка в другой, в точности повторяющий крап и контуры совместного проживания говорящих на них народов. Там, где жизнь и языки соприкоснулись, пробегает искра и возникает новое языковое качество, неотличимое от поэзии.

«— У вас в К. есть кто-нибудь? Какие-нибудь родные? — спросил я, потому что сам жил у бабушки.

— Родные? Разве эта женщина — он показал в сторону удалявшейся Алисы Эдуардовны — мне не родная? И вы, дети, разве мне не родные? И он? — отец мальчика кивнул на Семена Моисеевича. — Завтра в К. добрые люди дадут нам кусочек крыши над головой и станут наши лучшие родные.

Когда он улыбался, во рту у него белел ровный рядок мелких зубов.

— А чем вы занимаетесь? — поинтересовался Анга. — Где работаете?

— Чем занимается человек? Ловит счастье. Вот так... — Отец мальчика взмахнул рукой, будто ловил что-то в воздухе, и вдруг между указательным и средним пальцами его белой руки оказалась медная пятикопеечная монета. — Но счастье можно только ловить, поймать его нельзя. Только ты обрадовался, что поймал, его уже нет...

Он разжал пальцы, в руке у него ничего не было».

Разве не тем же самым была и отчаянная попытка тателе зацепиться за этот город позападнее? Но ничто,

никакие усилия и никакие пряники не смогли переломить бездушную силу одной казенной измятой бумажки, толкающей их на восток, в К. и к их «завтрашним лучшим родным». Сын потянул отца за руку, и они пошли на вокзал, где их ждала мамеле с двумя больными младшенькими и с медяком надежды в сухой ладошке, еще не улетучившейся..

«Сочиненные» новеллы Порудоминского о Холокосте отмечены какой-то особой пронзительностью.

Так, «Последний еврей» начинается с того, что зеленый грузовик вот-вот отправится из условных Гульбишек (скорее всего Лиды) в столь же условный Коваличский¹ лес, где его уже ждали и рвы, и расстрельщики. В грузовике — все еще остававшиеся в живых «полезные» евреи, включая и Лермана с Берманом — ненавистных полицейских, верно служивших до этого герру Вайсу, и Голду с Хасей — любимых жену и дочь часовщика Менделя, ученика самого Раппопорта из Ковно. Не было на грузовике только самого часовщика: герр Вайс оставил его, потому что не исключал, что ему еще понадобится эта профессия (имени часовщика он не знал — зачем ему имя?).

Откажись Мендель, бросься он на Вайса с кулаками — глядишь, и получил бы свою пулю в живот, но Мендель, как пишет автор, не догадался. *«Ты знаешь эти часы, еврей?» — из разжатого кулака эсэсовца скользнули на стол маленькие, как монетка, золотые часики-медальон на тонкой золотой цепочке. Ему ли, Менделю, не знать! Свекровь подарила эти часики его матери, когда родился он, Мендель, потом, в день его, Менделя, свадьбы, мать отдала их Голде. Часики швейцарские, шли хорошо, Мендель ни разу не чинил их, разве чистил иногда... Мендель, ничего не видя сквозь запотевшее стекло, сунулся лупой под крышечку, потом поднес часы к уху и долго слушал их сердцебиение. Ему очень хоте-*

---

¹ От Коваличей — бывшего местечка около Лиды.

лось умереть, но он и на этот раз не умер. «Хороший механизм», — он положил часы в большую ладонь герра Вайса. «Я должен расстрелять тебя, еврей», — сказал эсесевец. Мендель встал, освободил из-под брови лупу и повернул картуз на голове козырьком вперед. Но герр Вайс показал Менделю пальцем снова садиться за работу. «Ты мой последний еврей, — сказал он. — Я сам знаю, когда тебе умереть».

Гауптшарфюрер СС уже доложил наверх, что вверенная ему территория отныне юденфрай. Он слыл — и был — «ликвидатором» всех гетто в округе: чтобы это было понятнее, он по прибытии в городок лично расстрелял парихмахера Боруха Зингермана, перед этим классно его побрившего.

Отправляя зеленый грузовик под пули, герр Вайс подошел и без вожделения, как бы механически, «помял в ладони Хасенькину грудь: «Какая красивая еврейская девушка»» — только и сказал. А по возвращении грузовика похвастался иной добычей — Голдиными часиками. Работа у Вайса для Менделя и впрямь не переводилась. По ночам этот последний еврей лежал без сна и молчал: он больше «не думал, не вспоминал, не молился — Бог стал ему не нужен».

Но однажды герр Вайс решил, что уже пора. Усевшись перед самым бегством от красноармейцев в черный длинный автомобиль с открытым верхом, он «обернулся, оперся коленом о сиденье и, поднимая пистолет, сделал Менделю (стоявшему на крыльце. — П.П.) знак, чтобы стоял и не двигался. Мендель никуда и не собирался...».

Вайс не промахнулся, но и Мендель опять не умер: «он не слышал выстрела, только почувствовал, как крыльцо вылетело куда-то влево из-под ног, и упал лицом в пыль...». А когда встал, то увидел красноармейцев в серых ушанках, один из них прокричал: «Вали отсюда, дедушка, убьют!..»

Дедушка послушался и после окончания войны прожил еще долго: поселился в курортном Друскининкае,

женился на литовке, неплохо зарабатывал, а через *«знакомого начальника отделения милиции, которому он бесплатно чинил часы»*, даже сменил себе имя в паспорте — стал Эммануилом. И как бы прекратил быть Менделе, перестал быть последним евреем...

Потрясающ и рассказ «Трепет воздуха» — о расстреле евреев маленького местечка. Цви Довид удивительно хорошо пел, и эсэсовцы приказали ему во время акции петь еврейские песни. Он стоял у края ямы — и пел, пока последняя пуля не сразила и его. Двое уцелевших тогда под пулями выбрались в разное время из расстрельной ямы. И оба в голос рассказывали, что песня Цви Довида не замолкла, что его голос, не переставая, все звучал и звучал из едва присыпанной горы трупов.

К числу «придуманных» относится и новела «Великие мастера музыки» — о детском докторе и скрипаче-любителе, горбуне Лазаре Розенцвейге, по прозвищу Кубик. Город, в котором он жил, не называется, но однозначно угадывается, в том числе и по имени знаменитого врача Выгодского, предвоенный Вильно. Сгущающаяся над Европой туча национал-социализма пугала Кубика, все его родственники и друзья уже подались кто куда — в Америку или в Палестину, но он, так и не покинув своих подопечных, дождался и советских оккупантов, и немецких.

Пани Ядвига, пожилая польская вдова и экономка Лазаря Розенцвейга, часто повторяла, глядя на небо: *«Наш доктор — святой человек. Если бы он перешел в католичество, он пел бы с ангелами на небе»*. Когда пришли немцы и доктор переехал в больницу, Ядвига тоже все глядела на небо, а не в глаза, и явно смущалась, когда не отказалась от поручения доктора оставаться в его доме со всей обстановкой. Но когда этот не-католический, увы, святой попросил ее пристроить куда-нибудь к католикам Танечку, 12-летнюю дочку Натана Львовича Штульмана, их невоспитанного майора-постояльца, та категорически отказалась — «неможно»:

«Была бы ваша дочь, господин доктор, тогда еще другой разговор. Но из-за большевистского ребенка...»!

А когда заявилось СС ликвидировать больницу и забрало, вместе с остальными детьми, и большевичку Таню, доктор Розенцвейг, которого эсэсовец всего лишь грубо оттолкнул, больше уже не встал — истинно святой человек.

Когда я говорил о толике не-вымысла в холокостных новеллах Порудоминского, то имел в виду и специальное знание им ситуации в Виленском гетто. Волею биографических обстоятельств он оказался в роли главного подготовителя уникального документа — сочетающей в себе элементы дневника и исследования рукописи Григория Шура, узника гетто и своего дяди¹. Поездка к нему в гости была замыслена вскоре после того, как Вильнюс стал литовским, а Литва советской. Были даже куплены билеты, согласно которым Шур должен был встречать брата с племянником аккурат 22 июня. Но Вильнюс оставался приграничьем, и для поездки туда требовался особый пропуск, каковой и был получен, но только — с 26 июня! Надо ли говорить, что эта корректура — чистый и хамский произвол милицейского капитана, — спасла издателя записок Григория Шура от судьбы персонажа записок.

Знакомство с дядиными записками «подарило» Порудоминскому-прозаику одну из ключевых сюжетных линий в новелле «Яд». Вот она.

В начале марта 1942 года 35 евреев, бежавших в конце 1941 года из Вильно в Лиду и легализованных там Лидским юденратом, были публично разоблачены. 14 марта их расстреляли в Лидской тюрьме, а с ними еще и большую часть юденрата и 200 больных евреев. Разоблачителем стал некто Янкель Авидан из Лиды: он ограбил местного священника, за что юденрат выдал его гестапо; он

---

¹ Григорий Шур. Евреи в Вильно. Хроника 1941—1944 / Лит. обработка и вступит. статья В. Порудоминского. Послесловие В. Кавторина. Комментарии Т. Бурковой. СПб.: Образование — культура, 2000. 224 с.

же в отместку выдал «нелегалов». 8 мая в Лиде состоялась «акция» — массовый расстрел 5670 евреев, в том числе и других беженцев из Вильнюса, после чего в Лидском гетто осталось 1,5—2 тысячи «полезных евреев».

Судьба самого Авидана нашла свое скорое завершение в Вильнюсском гетто, куда его перевели коварные немцы. 4 июня, по приговору еврейского суда, ратифицированному юденратом, и в присутствии немецких властей было повешено 6 человек: пятеро евреев-уголовников — за жестокие убийства и ограбления, а шестой, Авидан, официально за покушение на еврейского полицейского, а на самом деле в расплату за донос.

Во время казни, кстати сказать, веревка, на которой вешали Авидана, оборвалась, так что его казнили дважды — этой яркой детали Шур, видимо, не знал, и она никак не отразилась в новелле Порудоминского, рассказывающей и о Хайме Варенбуде, в довоенном мире — румянном силаче и агенте по снабжению завода «Электродвигатель», а в геттовском кошмаре — начальнике еврейской полиции. А начальником гетто — сначала председателем юденрата, а потом и его «представителем» (как бы фюрером) — гестапо поставило бывшего начальника Варенбуда Геноха, любившего так говорить о своем снабженце: «Варенбуд начинает и выигрывает».

В гетто вдовец Варенбуд жил с горячо любимой дочерью Софочкой и со свояченицей Симой, которую записал женой и с которой буквально жил как с женой («потому что крепкий, здоровый мужчина должен иметь женщину»): его Анечка, столь же горячо любимая, как и дочь, умерла в день начала войны.

Генох доверял Хайму и цинично объяснял ему, что *«есть лишь один способ уцелеть — оставаться в живых как можно дольше, <...> смыть дерьмо и жить дальше, главное — жить дальше»*¹. В реалиях гетто сие означа-

---

¹ Не убоимся повторить: урки в ГУЛАГе формулировали ту же премудрость афористичнее: «Умри ты сегодня, а я завтра».

ло только одно: быть как можно ближе к нему, Геноху, ибо это он «представлял» евреев, в том числе и на тот свет, у немецкой власти.

Варенбудова Софочка, однако, гордо отказалась от своей ступеньки в этой гнусной вертикали, и, вместо того, чтобы сидеть в приемной у Геноха, стала швеей и каждый день уходила с бригадой на работу на кожевенную фабрику (такая же была и в реальном Вильно — именно на ней работал и Г. Шур). Однажды гауптштурмфюрер Рихтер заставил ее отца лично высечь ее лучшую подругу, Лизу Шапиро, за пронос муки: назавтра, у ворот гетто, Софочка сама вынула три картофелины и, задрав подол и спустив трусики, легла под такую же экзекуцию. С отцом после этого она перестала разговаривать, повергая его в замешательство: «*Белую булку ела, не спрашивала, откуда*», — тоскливо думал Хаим. *Попробовал по душам: у него ведь одна забота — ее спасти. «Это тебе кажется, папа», — так она ему ответила, и он замолчал, ошеломленный ее неверием.*

А накануне Нового 1942 года между Варенбудом и Генохом состоялся следующий знаменательный разговор:

«...Пришел приказ выдать новые рабочие удостоверения. Всем было понятно, что тех, кому они не достанутся, скорее всего, отвезут на убой. Гетто застыло в знобливом ожидании.

Поздно ночью представитель Генох вызвал Хаима Варенбуда: Возьмите двух полицейских, пройдите по квартирам. Ваша улица — Михайловская, бывшая Пятого Года. Все, кто значится в списке, должны быть в шесть утра на школьном дворе. Объясняйте, что людей отправляют в лесной лагерь на заготовку дров.

Список был большой — несколько схваченных в углу ниткой листов, плотно заполненных именами. Хаим стрельнул взглядом в бумагу — первым номером в списке стоял Абрам Буравский (великий скрипач, член распущенного юденрата. — П.П.).

Представитель Генох, пощипывая бородку, смотрел на Хаима: Имеются вопросы?

Хаим растерянно протянул к нему список: Буравский — он ведь заслуженный артист... первая скрипка...

Бывший заслуженный, бывший артист, — уточнил представитель Генох, — и бывшая первая скрипка, поскольку вторых, третьих и четвертых, кажется, уже не осталось.

Он стоял, опираясь о черную кожу стола костяшками пальцев.

Слушайте меня, Варенбуд. Я говорю с вами, как с умным человеком. Каждый год в Судный день евреи просят Бога записать их в книгу живых. Но Бога нет, Варенбуд. Поверьте мне, если вы еще сомневаетесь в этом: Бога нет. Был бы Бог, мы бы с вами пили сейчас чай с вишневым вареньем, а не собирали людей на расстрел. Еще недавно вместо Бога у нас был этот, — Генох показал большим пальцем через плечо, туда, где на стене за его спиной темнел прямоугольник. — Теперь имеется гауптштурмфюрер Рихтер.

И есть еще я, представитель Генох. Мы и заполняем книгу живых и одновременно книгу мертвых. Рихтер требовал семьсот пятьдесят человек. Сторговались на четырехстах. Триста пятьдесят я на этот раз записал в книгу живых. Если хотите знать, рискуя собственной жизнью. Берите список и торопитесь по квартирам. В шесть утра все должны быть на месте. Иначе мы рискуем потерять и эти триста пятьдесят. Буравскому между прочим шестьдесят три года и на своей первой скрипке он поиграл вдоволь. А я еще хочу послушать, как будет играть ваша дочь.

Софочка — не на скрипке. Она — на пианино.

Послушаем и на пианино.

И, когда Хаим молча спрятал список в карман брезентового плаща и натянул на голову фуражку, прибавил: Я Буравского берег до последнего. Все. Поспешите».

И вот тут-то в коммунальной квартире, где жили Варенбуды, и в повествовании появляется... Яков Авидан — не из Лиды, а из Барановичей, но собственной персоной и под своим именем! Правда, автор новеллы дарит ему, бывшему артисту, желтый галстук-бабочку и редкую — не каждому доверишь! — профессию водопроводчика с бесценным правом одному выходить по работе в город, так как под улицами гетто, где проходили канализационные ходы, связанные с общей системой городской канализации и постоянно требовавшие ремонта, не было ни гестапо, ни литовских «активистов», ни еврейской полиции.

Варенбуд видел, как его Софочка, словно мотылек на огонь, вся летела к этому необычному типу. Хайму же этот фигляр был решительно не по душе, но и ему пришлось привыкать к тому, что вскоре Авидана стали называть не иначе как «зятек». Так же назвал его и Шмульгевский, заместитель Варенбуда по полиции, после того, как вернулся с мокрого дела в Лядах, где, по его выражению, и «зятек тоже крутился». Не столько такое искариотство, сколько такая близость к гестапо по диагонали, а не по вертикали, как у него самого, решительно не устраивали Геноха, и он с удовольствием приписал «зятка» к настоящим убийцам, которых у ворот гетто за небольшую плату, не моргнув, вздернул один бывший ломовой извозчик. Чем, потирая руки, остался очень доволен герр Рихтер: *«Ну вот, теперь у меня в гетто есть свои убийцы и свои палачи».*

Накануне Софочка заговорила с отцом: без Якова она не станет жить и дня. Но выцарапать «зятка» Варенбуд не смог — Генох решительно отказал, и впервые за все время между «представителем» и его «правой рукой» пробежала кошка. Софочка же обещание сдержала — «ушла», как сказала ему Сима. Лишившись дочери, Варенбуд лишился и сил и даже решил, что умирает. На что Сима, прижав его голову к себе, сказала: *«Ты уже умер. Спи».*

После этого оставалось только физически доумереть. С чем ему здорово подсобил Генох, хитростью заманив в вагон с отправляемой «в Латвию», то есть на расстрел, полутысячей еврейских душ. «Увидимся на первой остановке», — крикнул ему Генох снаружи, после того, как — может, и сам — захлопнул вагонный засов. И когда «качать права» у Варенбуда не получилось, и его столкнули вместе с другими в ров, он нагнулся, чтобы хотя бы успеть развернуть бумажку с ядом, принесенным по его же просьбе из города «зятком», и затолкать его в рот, но и тут его ждал коварный обман — по вкусу он сразу узнал банальный анисовый порошок: «Ах, негодяй! Негодяй!» — проговорил вслух Хаим Варенбуд и пошел под выстрелы». А сверху уже неслось: «Ты шо? Заснул?.. Сымай скорей портки! Все сымай! Догола!» (Человек выговаривал “г” мягко: “дохола”).

Не скрою, я был поражен художественной смелостью писателя.

Переложиться в узника гетто — уже непростая задача, но насколько же сложнее обернуться еврейским коллаборантом и показать яркими мазками такие пластичные образы и характеры, какими у него вышли и Генох, и Варенбуд, и Авидан! И даже ухватиться за нерв того внутреннего семейного разлада, напрямую, как у Варенбуда, связанного с гнусной стороной их деятельности («Ты уже умер. Спи». Или: «Это тебе кажется, папа»).

И вот парадокс: Варенбуду, — роботу и «покойнику» еще при жизни, Варенбуду, которого предали все «свои» и ненавидели все остальные, Варенбуду, который начал и на этот раз проиграл все, — читатель ему невольно сочувствует.

Зато герр Х. из новеллы «Неоконченная соната»¹ и из Еврейского отдела города Вольнинска (за которым

---

¹ Эта новелла стала своего рода мостиком не только между двумя упомянутыми разновидностями новелл, но и — благодаря своему композиционному контрапункту — еще и между новеллами в целом и повестью.

угадывается Вильно, Вильнюс) — сам музыкант-любитель и тонкий ценитель чужой игры, этот нацист не проиграл, как выясняется, ничего. Он пришел в артистическую уборную после концерта знаменитой еврейской пианистки в Кельне. Это был третий раз, что он ее видел: во второй раз он был на ее концерте в Вене (но тогда он к ней не подошел), а в первый раз — они виделись ровно за полвека до Кельна, во время окончательной селекции в Вольнинске, которой командовал этот Х. Завзятый меломан, он уступил настоянию Лазаря, председателя юденрата и деда пианистки, и лично предложил 13-летней ученице музшколы и лауреатке Московского конкурса сыграть ему на вынесенном из школы «Дидерихсе» прямо на улице, на холоду. И она сыграла — заставив его лицо окаменеть, после чего пошла направо, а не налево, как ее отец и, кажется, даже дед, которых она уже больше никогда не видела. «Направо» означало, собственно говоря, еще даже не саму жизнь, а только шанс на нее в эстонских лагерях при торфоразработках. И она, рискнув, сполна использовала этот шанс, — убежав в ту же ночь вместе с Мирошкой, таким же, как и она сама, сиротой, к партизанам. Те ее приняли и переправили в надежное место, а по дороге ее для порядка изнасиловал провожатый парень — почти ровесник, так забавно и так буднично склонявший это страшное слово — «в гетте», «из гетты» и т.д.

В конце войны Х., легко сменив имя и документы, в плен попал не как сотрудник герра оберштурмфюрера Бауера — палача Риги и Вольнинска (о, как выразительны эти серые, неприметные имена!), а как вояка из вермахта.

В русском плену его допрашивали, но он был спокоен и только поигрывал себе на губной гармонике. Кто-то, а он знал, что *«все эти НКВД, гестапо питаются преимущественно доносами, в особенности тем, что человек сам на себя доносит со страха»*. Более того, его — убежденного национал-социалиста — собственно говоря, не страшила и сама смерть, воспринимавшаяся при

этом скорее как неизбежная, чем заслуженная. Его страшила как раз **жизнь** в новом, как он искренне опасался, мире, в котором уже не останется места не только носителям его убеждений, но и самим убеждениям.

Но жизнь не дала его страхам исполниться: *«Мир, оказывается, не очень-то хотел меняться. Древние говорили, что в одну реку нельзя войти дважды. Но можно не вылезать из реки».*

Дело было на Северном Кавказе, где немецкие военнопленные прокладывали в меру сил дорогу в горах. Однажды к ним приехал начальник-еврей — и вот что произошло: *«Нас построили, и начальник начал на нас кричать. Он кричал, что мы работаем медленно и плохо, не выполняем план. Потом он скинул кожаное пальто, потребовал лопату и начал показывать, как надо работать. Должен признать, что копал он действительно великолепно. Правда, всего какие-нибудь четверть часа. Потом бросил лопату, покричал еще немного и уехал. И тут я услышал, как один наш казак — на Северном Кавказе живет много казаков, и мы называли так наших конвойных — негромко сказал другому: "Видал, как этот еврей развоевался!" И второй казак ответил: "Во время войны они все попрятались, а теперь снова вылезли командовать". Вы даже представить себе не можете, что значил для меня этот подслушанный разговор. Вам никогда не делали переливания крови?»*

Эту подпитку от красноказачьего вохровского антисемитизма, этот спасительный для своих убеждений заряд, эту, если хотите, эстафетную палочку ненависти — мир не переменялся, ура! — нацист сравнил не с чем-нибудь, а с живительным для себя *переливанием идеологической крови*. И это — после того, как однажды (уже у американцев, чей пасьянс однажды привел к обмену Х. на кого-то из нужных Советам) ему, вдруг опасно заболевшему, и действительно переливали физиологическую кровь, причем донором рядом лег его молчаливый охранник-еврей!

Герр Х. мог бы и вовсе умереть — от счастья, если бы оказался свидетелем той сценки, что разыгралась в середине девяностых на выставке об Анне Франк в московском Доме художника (новелла «Музей Анны Франк»). В пустой почти зал с несколькими посетителями вдруг с грохотом вшагнули *«три пары тяжелых, прилежно начищенных сапог. Они вошли, трое, и, не задержавшись в дверях, сразу направились в центр зала, где на столе находился взятый под стекло небольшой — примерно полметра высотой — макет дома на Prinzengracht. На двоих из них были черные гимнастерки, стянутые портупелями, на третьем — самом старшем, с редкими седыми усами и седой молодежной челочкой на лбу, он держался посередине — простенький москвошвеевский пиджачок».*

Троица остановилась у макета и открыла рты. Один сказал: *«Развели тут свою агитацию... Всех купили. Правду говорят: евреи в Кремле, русские в тюрьме. Ломом бы по этой игрушке...»* Другой: *«Да ты что!»* Квартирка что надо!.. Нам такие только при коммунизме обещали. Я бы сам с ними пожил... И девчонка симпатичная. Вполне можно. Скажи? И мамаша еще ничего...» А вот и третий, в пиджачке (русский издатель «Майн кампф»): *«Ложь. Все ложь... Дома не было. Девочки не было. Дневника не было. Никто не прятался. Евреи в Амстердаме пили с немецкими офицерами в кафе оранжаду и торговали оружием, хлебом, нефтью. А потом, когда земля захлебнулась в крови тридцати миллионов, явился ловкий еврейский сочинитель и накатал весь этот, — старший пожевал губами, усмехнулся и презрительно выдавил с нарочитым ударением на первом слоге: — рóман. И человечество снова должно платить евреям за то гноище, в которое они обратили наш мир. Но — ничего. Недолго им еще хануку праздновать».*

«Ну, кажется, наша очередь», — отозвались на это и Автор с автором, как, наверное, и другие посетители выставки.

Комплименты, герр Х., — ваша отравленная эстафетная палочка в надежных руках, можете умирать. После взаимного переливания «крови» бытовой и доморощенный казачий антисемитизм вполне себе инфицирован и оплодотворен вашим — государственным и научным.

Описанная в «Последней сонате» встреча меломана Х. с пианисткой не случайно стряслась в Кельне — городе, где начиная с 1994 года живет писатель и философ Владимир Ильич Порудоминский. Вдали от столичных тусовок, окруженный любовью семьи и дружбой нескольких «последних из могикан», он нисколько не страдает от невнимания (то бишь непонимания) критиков и прочих современников, кажется, уже окончательно не готовых к тому, что литература может быть и не постмодернистской.

Его цепкая по-детски память, возвращающаяся к старости, сохранила множество бесподобных деталей из ряда уходящей или уже ушедшей природы. Например, из самого первого рассказа «Похороны бабушки»: *«В типографии в ту пору было еще много ручного набора, и, когда я бывал там, дед отводил меня к своему давнему приятелю Михеичу. Михеич давал мне маленькую верстатку: высунув от старательности язык, я выискивал в ящичках наборной кассы нужные литеры самого крупного кегля и выкладывал в верстатке свое имя, наоборот, справа налево, чтобы на оттиске получилось как нужно».*

И снова, как и в детстве, слова, набранные Порудоминским в верстатке памяти, сложились «как нужно». Его книга — не только этнографический слепок, сделанный средствами ностальгической памяти с прожитой или вымышленной жизни.

Это еще и глубокое исследование — той многоликой, как у гидры, природы, той внутренней связности и эстафетности, которыми оказался весь пронизан антисемитизм¹.

---

¹ Разумеется, есть в ней и другое — и не менее важное: о сугубых коллективности зла и индивидуальности добра, например.

Быть может, еще важнее — и предупреждение об угрозе, исходящей от незримого, если не смотреть, интернационала человеконенавистников, для которых за «евреев» (большой дефицит в наше время во многих местах их бывшего проживания) вполне могут сойти любые очкарики-интеллигенты или даже, как в Камбодже, обыкновенные старики.

Проза Владимира Порудоминского, как и проза Виталия Семина, конечно же, художественное произведение, а не исторический документ. Историческая эмпирика служит ей не целью, а почвой и материалом. Но это свидетельство историко-психологическое, то есть такое и оттуда, где ни одному хронисту не удавалось да и не требуется побывать.

В нашем контексте оно олицетворяет собой дополнительное измерение двойчатки памяти и истории — ее психологическую глубину.

ПРАЩА ЛЕОНИДА, ИЛИ ВЫСВОБОЖДЕНИЕ ИЗ ПЛЕНА (Леонид Котляр и «Леонтий Котлярчук»)

1

Воспоминания Леонида Котляра названы необычайно просто: «Моя солдатская судьба». Бесхитrostное изложение обстоятельств и вех жизни одного из миллионов участников войны, уцелевших счастливицков из числа победителей, и, наверное, одного из тысяч, кому захотелось об этом написать. Не слишком типично, но и не редко.

Но судьба судьбе рознь, и «солдатская судьба» Котляра не просто нетипична — она уникальна. И не тем, что его непосредственное участие в боевых действиях ограничилось одним месяцем и свелось к почти что незамедлительному попаданию в плен — и таких красноармейцев миллионы! (Иначе и не могло быть, если в бой бросали не только необученные, но еще и безоружные части, как взвод Петра Горшкова, которому пришлось «отстреливаться от фрицев»... выдергиваемыми из земли буряками! Гротеск? Да, но какой-то правдоподобный.)

Уникальна она и не тем, что в плену он выжил — это удавалось, правда, лишь каждым двум из пяти, но и таких везунов все еще миллионы!

Леонид Исаакович Котляр был евреем, и его и без того распоследний в иерархии пленников статус советского военнопленного (какие к черту Женевские конвенции и прочие нежности?!) должен быть помножен на «коэффициент Холокоста» как однозначного немецкого ответа на окончательное решение еврейского во-

проса. Иного, кроме смерти, таким, как он, такие оберменши, как немцы, предложить не могли.

Мало того, именно советским военнопленным-евреям выпало стать первыми де-факто жертвами Холокоста на территории СССР: их систематическое и подкрепленное немецкими нормативными актами физическое уничтожение началось уже 22 июня 1941 года, поскольку «Приказ о комиссарах» от 5 мая 1941 года целил, пусть и не называя по имени, и в них¹.

Таких — еврейской национальности — советских военнопленных в запачканной их кровью руках вермахта оказалось порядка 85 тысяч человек. Число уцелевших среди них известно не из оценок, а из репатриационной статистики: это немногим меньше 5000 человек². Иными словами, смертность в 94% — абсолютный людоедский рекорд Гитлера!

Недаром пресловутое «Жиды и комиссары, выходи!», звучавшее в каждом лагере и на любом построении, звенело в ушах всех военнопленных (а не только еврейских) и запечатлелось в большинстве их воспоминаний. А у еврейских и подавно!

Но Леониду Котляру посчастливилось попасть в число и этих уцелевших.

2

«Обреченные погибнуть» — так назвали пишущий эти строки и его иерусалимский коллега Арон Шнеер книгу дневников, воспоминаний и интервью таких же,

---

¹ Посему их первыми по времени палачами стали военнослужащие вермахта.

² Ведь только по официальным данным Управления по делам репатриации при Совете Министров СССР, среди репатрированных после войны граждан СССР насчитывалось 11 428 евреев, из них 6666 гражданских лиц и 4762 военнопленных (*Полян, 2002. С.528*).

как и Леонид Котляр, «счастливищиков». Она вышла в 2006 году в «Новом издательстве»¹, и ее без малого 600 страниц не смогли вместить всего имевшегося у нас материала². Каких только невероятных судеб не встретишь на ее страницах, но воспоминания Л.Котляра, если бы они были нам тогда известны, в ней не затерялись бы, а главное — весьма обогатили бы своей фактографией общую картину.

Так, он первым описал такой хитроумный способ выявления немцами «затаившихся евреев», как сортировку по национальностям: «... Из строя стали вызывать и собирать в отдельные группы людей по национальностям. Начали, как всегда, с евреев, но никто не вышел и никого не выдали. Затем по команде выходили и строились в группы русские, украинцы, татары, белорусы, грузины и т. д. В этой сортировке я почувствовал для себя особую опасность. Строй пленных быстро таял, превращаясь в отдельные группы и группки. В иных оказывалось всего по пять-шесть человек. Я не рискнул выйти из строя ни когда вызывали русских и украинцев, ни, тем более, — татар или армян. Стоило кому-нибудь из них усомниться в моей принадлежности к его национальности — и доказывать обратное будет очень трудно.

Я лихорадочно искал единственно правильный выход. Когда времени у меня почти уже не осталось, я вспомнил, как однажды в минометной роте, куда я ежедневно наведывался как связист штаба батальона, меня спро-

---

¹ Обреченные погибнуть. Судьба советских военнопленных-евреев во Второй мировой войне. Воспоминания и документы / Сост. П.Поляна и А.Шнеера. // М.: Новое издательство, 2006. 576 с.

² Очень многое пришлось оставить за рамками книги, как публиковавшееся до этого отдельно или в достаточно доступных изданиях. Среди не включенного — воспоминания Софьи Анваер «Кровоточит моя память. Из записок студентки-медики» — книга, открывшая собой в 2005 году серию «Человек на обочине войны».

сили о моей национальности. Я предложил им самим угадать. Никто не угадал, но среди прочих было произнесено слово «цыган». За это слово я и ухватился, как за соломинку, когда операция подошла к концу и нас осталось только два человека. Иссяк и список национальностей в руках у переводчика, который немедленно обратился к стоящему рядом со мной смуглому человеку с грустными навывкате глазами и огромным носом:

— А ты какой национальности?

— Юда! — нетерпеливо выкрикнул кто-то из любителей пошутить.

Кто-то засмеялся, слышались еще голоса: «юда! юда!», но тут же все смолкло, потому что крикуны получили палкой по голове за нарушение порядка. В наступившей мертвой тишине прозвучал тихий ответ:

— Ми — мариупольски грэк.

Последовал короткий взрыв смеха.

Не дожидаясь приглашения, я сказал, что моя мать украинка, а отец — цыган. И тотчас последовал ответ немца, выслушавшего переводчика:

— Нах дер мутер! Украйнер!

— Украйнец! — перевел переводчик.

Приговор был окончательным, и я был определен в ряды украинцев. Теперь любой, кому пришла бы в голову фантазия что-либо возразить по этому поводу, рисковал схлопотать палкой по голове. Немцы возражений не терпели».

Отметим и нетривиальность принятого им здесь выбора: случаи маскировки под русских, украинцев, армян, татар или грузин в этой же ситуации относительно часты, а вот под цыган — единичны¹.

В процитированном фрагменте — лишь один из эпизодов, связанных с выяснением национальности автора. Всего же таких «эпизодов» я насчитал шестнад-

---

¹ Впрочем, и случаи селекции среди военнопленных по «цыганскому» признаку тоже неизвестны.

цать (в действительности их было наверняка больше): шесть в лагерях для военнопленных, восемь во время вольного батрачества по украинским селам и еще два — медицинские проверки на пути в Германию. Каждый из них запросто мог бы завершиться «селекцией» и смертью того, кого спрашивают.

Ни один из них не был чистым везением: всякий раз Котляр делал или говорил то и только то, что могло бы отвести удар и спасти. И это не было актом инстинктивного и любой ценой выживания — это было его борьбой и его подвигом, смыслом его жизни и, если хотите, его пращой Давида. *«Если еврей, — писал он, — с сентября 1941-го все еще не разоблачен немцами, если он проявил столько изобретательности и воли, мужества и хладнокровия и Господь Бог ему помогал в самых безнадежных ситуациях, то он уже просто не имеет права добровольно отказаться от борьбы. Такой поступок означал бы акт капитуляции человека, дерзнувшего в одиночку вступить в единоборство с огромным, четко отлаженным механизмом массового истребления евреев».*

И Леонид Котляр не капитулировал: крошечный Давид одолел жидоеда Голиафа.

А когда грозовые тучи сгустились над Рейхом, то, с бомбежками союзников, на немецкие села и города обрушилось огненное возмездие, как бы говорившее каждому немцу на немецкой земле: *«Ты хотел войны — так получи ее на свою голову во всем ее великолепии и блеске!»*

Но, вслушиваясь в звуки апокалипсиса, всматриваясь в зарева пожаров и восхищаясь силою причиненного разрушения, сам Леонид не испытал ни жажды крови, ни, если она проливалась, мстительного торжества. Индивидуальное возмездие и адресную месть он приветствовал бы, но тотальное истребление немцев не могло быть «ответом» на тотальное истребление евреев: *«...Я не смог бы на полном ходу врезаться на танке в немецкий домик, не мог бы и пальцем тронуть немецкого*

ребенка, даже из тех, кто бросал в нас камешками, когда наша оскорбляющая эстетическое чувство колонна двигалась по городу после работы. Дети оставались для меня просто детьми, достойными и любви, и жалости. Но во мне было достаточно ожесточения и ненависти, чтобы пристрелить, не колеблясь, лагерфюрера Майера или эсэсовца Освальда, имевшего на заводе свой кабинет и курировавшего все вопросы, касающиеся военнопленных и восточных рабочих...»

3

Но вернемся к траектории судьбы Леонида Котляра, соединившей в себе даже не две, а три ипостаси — еврея, военнопленного (или «пленяги», как он выражается) и еще угнанного в Германию гражданского принудительного рабочего («остарбайтера», если по-немецки, или, в русифицированной версии, «остовца»). Успешно пройдя селекцию и «переложившись» в Леонтия Котлярчука, украинца по матери и киевлянина по месту жительства, он вытащил дважды счастливый билет. Лагерная комиссия под руководством «особиста» из СД освободила Котлярчука из военного плена и отпустила его, отныне свободного цивилиста¹, из Николаевского шталага домой, в Киев, снабдив на дорогу хлебом и «аусвайсом»!²

«Домой», понятно, «Котлярчук» не спешил, а по дороге застревал и кантовался где только мог, — сначала в селе Малиновка Еланецкого района Николаевской области — при пасеке, а потом на хуторе Петровский соседнего Братского района — пастухом. Но осенью 1942 года Украину накрыла очередная (третья по счету)

¹ От нем. *Zivilist* — гражданское лицо. Таких «освобожденных из плена» тоже было немало — от 300 до 400 тысяч, но много ли среди них было евреев?!

² От нем. *Ausweis* — пропуск.

волна заукелевских вербовочных кампаний¹, и 3 октября староста Петровского закрыл спущенную ему разрядку двумя прибившимися к хутору «оцивиленными» военнопленными, в том числе и Котлярчуком.

А тот, благополучно пройдя два чистилища медосмотров (обоих врачей, кроме отсутствия признаков венерических болезней, ничто более не заинтересовало), уже через несколько дней сидел вместе с другими угнанными в эшелоне, направлявшемся из Вознесенска в Германию, куда и прибыл (в Нюрнберг) уже 12 октября. Попад по распределению на завод «Зюддейче Кюлерфабрик Юлиус Фридрих Бер» в Штутгарте, изготовлявший всевозможные радиаторы для двигателей внутреннего сгорания, он проработал на нем слесарем все полтора года, что отделяли Штутгарт от 19 апреля 1945 года — дня освобождения города американцами.

Котляр и здесь по-прежнему сильно рисковал своей жизнью, но уже не как потаенный еврей. Он рисковал как остовец, на которого американская или английская бомба может упасть в точности так же, как и на его бригадира-немца. И еще как советский патриот, мучающийся от того, что объективно работает на врага, и посему старающийся не только быть ему *«минимально полезным»*, но и идущий порой на настоящий и сопряженный с колоссальным риском саботаж².

---

¹ См.: Полян, 2002. С. 146—216.

² Так, однажды он положил на фланец внутри вытяжной трубы вентилятора небольшую гайку, чтобы, при вибрации от работы вентилятора, она бы сползла и лопасть сломалась. Так и произошло, а цех простоял два дня. В другой раз он не тщательно замуровал газовую латунную горелку, поддерживавшую необходимую температуру в печи-ванной, куда окунались, в расплавленное олово, собранные радиаторы. Скоро горелка лопнула, а новых латунных уже не было: новые были только из сплава похуже и срабатывались быстрее старых. Цена таких «экспериментов» находилась почти на «еврейском» уровне — между концлагерем и расстрелом.

Леонид Котляр, однако, не ограничился описанием военнопленной и остовской судеб «Леонтия Котлярчука». Еще тогда его всерьез заинтересовал вопрос их соотношения: какова доля таких же, как он, бывших или тайных военнопленных и окруженцев, среди де-факто остовцев. И вот к каким выводам он пришел, проанализировав свой эшелон и свой новый трудовой коллектив:

«... Следует сказать, что остарбайтеры в нашей мужской колонне на девяносто процентов состояли из бывших военнопленных. Часть из них избежала лагерей, устроенных немцами в нескольких городах Украины, в силу того, что они попали в окружение на территории своего государства, иных немцы сами отпустили из лагеря домой, выдав аусвайс, причем среди последних были жители России, а также узбеки или таджики, которым помогли освободиться, обманув немцев, их однополчане-украинцы. В нашем строю остарбайтеров фирмы «Бер» таких была добрая половина.

Проживая на хуторе Петровском, я считал, что Надеждовская полиция разрешила мне временно здесь оставаться как жителю Украины, но почему она закрывала глаза на то, что ставропольскому казаку Жоре и жителю России Ивану аусвайсы были выданы как жителям хутора Петровского? Можно было предположить, что кто-то кого-то об этом очень попросил. Однако уже в райцентре Братском, куда мы с Иваном прибыли в сопровождении полиция для дальнейшего следования в Германию, увидев там казахов и туркмен, прибывших тем же порядком из других населенных пунктов района, я понял, что явление это имеет, как теперь говорят, системный характер».

От себя замечу, что вопрос этот принципиален для понимания структуры и баланса угнанных в Германию советских граждан, но историческая наука впервые доросла до его постановки не ранее середины 1990-х гг.

4

7 августа 1945 года Леонид Котляр начал свой репатриантский путь из Штутгарта в Киев: дорога растянулась на бесконечные 16 месяцев, из них 6 в Германии. Станциями на ней послужили армейский сборный пункт в Галле, фильтрационный лагерь в Цербсте (фильтрационный «экзамен» он сдал на «отлично», не попав на крючок эмиграции в Польшу), школа сержантов в Потсдаме и Биттерфельде, казармы в Виттенберге и, уже с марта 1946 года, дивизионные бараки в Песочном под Костромой. В Киев Котляр приехал 5 декабря 1946 года уже демобилизованным.

Надо сказать, что армия все сделала для того, чтобы рядовой (а позднее сержант) Котляр как можно быстрее реинтегрировался в настоящую советскую жизнь. Издевательства над рядовыми и вообще подчиненными — то, что Котляр еще в первую свою мобилизацию называл «армейскими забавами», — быстро избавили его от последних иллюзий и настроили на правильный, на советский лад.

А антисемитизм, с которым лоб в лоб столкнулся в Киеве его отец и, более отдаленно и косвенно, но еще в Германии и он сам — окончательно расставил все точки над *i*. Собственно, послевоенному советскому антисемитизму, ежемесячно крепчавшему в стране, и посвящена едва ли не вся третья — послеармейская — часть мемуаров Леонида Котляра. Сам же антисемитизм — пусть и не жидоморский, как у немцев, и не погромный, как в начале века в России, — предстает в ней тоже своего рода пленом, когнитивным внутренним состоянием, из-под власти которого не хотят или не могут освободиться его адепты, они же узники.

История его отца, как и его собственная история, — не что иное, как главки ненаписанной истории антисемитизма. Сразу же после войны, задолго до истерик с «безродными космополитами» и «убийцами в белых

халатах», его фирменным знаком в СССР были словечки «Ташкент», или «Ташкентский фронт». Жиды, мол, не воевали, жиды отсиживались в тылу, в эвакуации, когда русские и остальные за них кровь проливали. В этом контексте и само слово «эвакуация» — какое-то презренное и гнилое, замешанное на трусости и чуть ли не на предательстве. Все лишения, что испытывали эвакуированные сверх того, что доставалось населению тыла — не в счет.

И когда «эвакуированные» (или, как их еще называли, «выковыриванные») начали понемногу возвращаться в свои разрушенные города и разграбленные квартиры, почти всегда они находили в них непрошенных новых хозяев, заселившихся по немецким ордерам при оккупации и никуда не желающих уезжать. Законные хозяева превращались в просителей или истцов, отнимающих у людей жилплощадь по липовым, купленным документам и наградным листам. На их, оккупантов, стороне были и общественное мнение, и беспримерные нахрапистость и хамство, и социально-близкие дворники и милиционеры и даже суды, поддерживавшие «старожилов»-истцов лишь в тех случаях, когда однозначно просматривалось участие кого-либо из их семьи в боевых действиях (просто служба в армии не засчитывалась).

Все это — оккупированную комнату и категорический отказ ее освободить — испытал и Исаак Моисеевич Котляр, оба сына которого, Леонид и Роман, положили, как он полагал, на войне свои головы, но не оставили об этом ни одной записи. Но есть в этой скверной истории еще одна дополнительная краска, точнее, мерка, показывающая, как глубоко и низко может пасть человек, пускающийся в неправовой стране в такой несправедный конфликт: оказалось, что жилец-«оккупант» старательно уничтожал все письма, которые Леонид посылал — по своему киевскому адресу — отцу! Иными словами, он, не поморщившись, покушался не только на жилище, но и на то, чтобы «отобрать»

у убитого горем отца сына, а у недоумевающего сына — отца! Если бы он мог перекрыть переписку еще и с соседями — он, не задумываясь, сделал бы и это.

Наложить лапу на чужую переписку — это по-нашенски, это по-советски! Исключавшие Исаака Моисеевича из партии в 1949 году и восстанавливавшие его в ней потребовали от него перестать переписываться с американскими братом и сестрой, видите ли, интересовавшимися, уцелели ли брат Исаак и его семья после Холокоста. Обещание было дано и сдержано, и брат и сестра как бы заживо похоронены. Знакомый почерк.

Своя голгофа мучений и издевательств предстояла, разумеется, и Леониду Исааковичу. Все было как бы по-старому и по-новому одновременно: причем комбинировались при этом оба несмываемых «пятна» на его биографии — родимое (национальность) и благоприобретенное (плен). Сами барьеры, в которые утыкались любые его хлопоты — и, прежде всего, относительно вузовской учебы или работы учителем, как правило, не артикулировались, но явственность их существования была почти что физической. Простой пример: в родной 91-й школе тот же директор, у которого Леонид до войны не только учился, но и преподавал, без звука восстановил аттестат зрелости, но работы в своей школе не предложил.

Это давление, этот гнет, этот *плен* ощущался Котляром не только после войны, но и на протяжении всей его жизни. *«Именно антисемитизм (как государственный, так и бытовой, личный) в сочетании с пятном на биографии (немецкий плен) определил мою участь на долгие десятилетия».*

Но, как и в немецком плену, он, в меру сил и разума, боролся и с этими путами, боролся, как правило, в одиночку, иногда — опираясь на поддержку своих домашних. Ничего не ответил он лучшему другу на его подлый вопрос о «последней пуле», но и друг перестал для него после этого существовать. Сопrotивляясь тяготам

и несправедливости, он всегда искал линию разумного компромисса: так, не переставая мечтать о театре и о столичной среде, огромную часть трудовой жизни он, не ропща, проучительствовал в селах и райцентрах — в те годы в Киеве или Москве он не нашел бы работы и не прокормил бы семью. В партию, как и в РОА, он не вступал, но и в ГУЛАГ, как и в Заксенхаузен, «солдатская судьба» его не занесла. Избегая, насколько можно, любовых конфликтов, он не исключал и «саботаж»: так, распространять облигации среди голодающих колхозников он наотрез отказался, а от педагогической процентомании в школах или бежал (в Новосибирск), или же, как некогда на заводе «Бер», саботажничал.

5

Нельзя не отметить того, как просто, лаконично и неприхотливо написаны эти воспоминания. Благородная скупость слога выдает не просто талант, а незаурядный творческий потенциал, оставшийся, возможно, от так и не реализованной театральной мечты.

Но театр, к которому автор имел такую сильную и столь осознанную склонность, был, наверное, лишь одной из версий его художественности. А литература — но не как школьный предмет, который он и сам преподавал, а как квинтэссенция и сердцевина русской культуры, — могла бы стать и, кажется, стала другой ее «версией».

Сразу же отмечу и богатство словаря, помноженное на цепкость памяти и чуткость к языкам: такие позабытые слова, как «твинчик», «крам», ППЖ (походно-полковая жена), предстают в соответствующих местах как совершенно органичные элементы предложения (часто еще и в индивидуализированной речи). При этом никакой нарочитой заархаизированности или фольклорности: иногда всплывает и неназойливое присутствие современности (например, сравнение с Ларисой Долиной).

Но особо выделю замечательное слово «пленяга», до сих пор ни у кого из мемуаристов из числа пленных не встречавшееся. Даже если это не обиходное, не подслушанное слово, а неологизм — слово все равно великолепное, насыщенное грамматическими и смысловыми коннотациями!

Слог у Л.Котляра, повторимся, скуп и подчеркнута антиметафоричен, но иные образы тем не менее необычайно яркие. Вот, например, фраза из описания бомбежки Штутгарта: *«Сами звезды показались мне выстреленными только что из автоматов и ракетниц, а свет их вдруг расплылся у меня в глазах».*

А вот чисто слуховой образ в один из дней в сержантской школе в советской оккупационной зоне Германии: *«... В первые минуты нашего пребывания в этом ничем не примечательном лагере, выйдя из комнаты, где разместился наш взвод (численность — по комплекту коек), я услышал громко произнесенное слово “Абраша”. Оно меня оглушило, ошарашило, я не поверил своим ушам. Здесь?! На этом пространстве?! В этом воздухе, среди барачных блоков оно прозвучало так неожиданно, как мог бы прозвучать голос кукушки в тундре».*

Как, еврейское имя — да еще в ласкательном наклонении — и здесь, в Германии!?!..

Подчеркну еще две органические склонности автора — к анализу и к точности. Они столь же отчетливо видны и внутренне аргументированы даже там, где он поневоле ошибается. Так, получив возможность заглянуть в производственную картотеку фирмы «Бер» и увидев там два типа отметки на «русских» карточках — «OST» и «KG», он решил, что «KG» (от *Kriegsgefangene* — военнопленные) — означает нечто иное, как те из «OST», что когда-то были «KG». Это, конечно же, не так: «KG» — это и есть «военнопленные», так же, как и остовцы, попавшие на фирму «Бер», — и именно как военнопленные.

Другая «ошибка» автора — присвоение генерал-полковнику Голикову, в октябре 1944 года возглавивше-

му репатриационное ведомство СССР, «лавров» генерал-майора Драгуна, одного из заместителей Голикова. Миссия Драгуна действительно сидела в Париже, обладала огромной самостоятельностью, занималась еще и разведкой и, действительно, контролировала в плане репатриации почти всю Западную Европу, в том числе и даже в особенности французскую оккупационную зону, к которой первоначально относился и Штутгарт. Понятно, что имя Голикова было на слуху и на виду, а имя Драгуна — в тени¹.

Но там, где нет нужды во вторичных источниках, Котляр абсолютно точен и достоверен. Например, эпизод в Цербсте с особистом из фильтрационной комиссии, чье провокативное «приглашение» к эмиграции в Польшу — деталь, которая дорогого стоит.

Другая деталь — недельный общегерманский траур по Шестой армии, погибшей под Сталинградом. Применительно к рабочей команде на заводе «Бер» это выразилось в моратории на пение песен, которые обычно распевались при вечернем возвращении бригады в лагерь: *«А в тот вечер мы не пели. Моросил мелкий дождь, но мы его не замечали, даже усталость и голод не казались такими уж чувствительными. И наше молчание звучало таким торжеством, как самая радостная, самая торжествующая песня!»*

Воспоминания Леонида Котляра — это книга о том, как в самом последнем пленяге-еврее, загнанном в угол войной ли, геноцидом, антисемитизмом или другими обстоятельствами, жив и дышит маленький Давид, не боящийся ни врагов, ни борьбы.

---

¹ См. подробнее в: Полян, 2002. С. 334, 341.

УЖАС ПЕРЕЖИТОГО (Софья Анваер и «Софья Анджапаридзе»)

Воспоминания Софьи Анваер начинаются со страшного эпизода осени сорок первого — расстрела раненого красноармейца немецкими истребителями прямо на операционном столе в полевом лазарете. И тут же — девочка-пятиклассница, настоящая героиня, сумевшая перенести в лодку и перевезти через Днепр 18 тяжело-раненых и непомерно тяжелых красноармейцев, содравшая себе греблей кожу на ладонях до мяса.

Заканчиваются же они зимой сорок шестого — описанием «нелегального» провоза на родину совершенно ей незнакомого Сергея, такого же, как она сама, репатрианта, люто торопящегося домой (а засеки его пограничники — не доехать до дому и ей!), и перехватывающей горло сценой встречи с родным городом и с небритой щекой отца («Время перестало существовать»).

Пять неполных лет отделяют конец от начала — лет, вместивших в себя ужасы вяземского шталага, смоленского лазарета, эльблонгского завода и рабочего лагеря, данцигской тюрьмы, штутхофского концлагеря и штатгардского проверочно-фильтрационного лагеря. Сами по себе эти годы — по большому счету подарок: ведь она была не просто военнопленной, не только девушкой-медичкой, но еще и **еврейкой** — обстоятельство, гарантировавшее смерть каждой и каждому, о ком это становилось известно и кто попадал в цепкие немецкие руки. «Приказ Барбаросса» (о подсудности, а точнее о неподсудности немецких военнослужащих на востоке) «Приказ о комиссарах», целая серия бое-

вых приказов Гейдриха — плюс машиноподобная немецкая исполнительность по ту сторону добра и зла — все это сулило ей не просто гибель, а смерть страшную, мучительную и садистскую.

Но если Сониная жизнь и подарок, то не с неба свалившийся, а отвоеванный, отбитый у смерти: и озарительная ложь про Анджапаридзе, и новелла про незнание у них в семье грузинского, и бегство от знакомых лиц и от провокаторов — вот этапы этого сражения. Каково же ей, Анджапаридзе-Анваер, было потом выслушивать смершевские гнусности о ее «сказках» и «фантазиях»: «евреи оттуда живыми не возвращаются!» — вот альфа и омега ее фильтрации, сиречь следствия.

Впрочем, строго «правдоподобного», то есть ожидаемого и реально возможного в нормальном, среднечеловеческом смысле, в ее записках и впрямь немного. Ну, разве правдоподобна, казалось бы, тема участия хрупкой медички в организованном сопротивлении? Но пароль «Есть город на Волге...» — это такая деталь, какую выдумать или придумать нельзя.

Таких ярких и точных, уникальных «деталей» в ее книге немало. Чего только стоят наблюдения о русских и немецких медсестрах или о том, как едят гречку немецкие военнопленные!

И именно поэтому Софья Иосифовна Анваер — свидетель абсолютно достоверный.

Что ж, тем ценнее и весомее сами ее свидетельства. Так, в записках С. Анваер вольно или невольно мелькают темы, которые вы почти никогда не встретите в официальном документообороте, — темы «превращения» беглых военнопленных в гражданских лиц, в остарбайтеров, или же перевода пленных женщин в остарбайтеры и т.д. Военные историки могут до хрипоты спорить о цифрах потерь среди советских военнопленных, но анваеровское описание залитого по грудь водой подвала Вяземского лагеря и всего того, что происходило в лагере наверху, содержит в себе ключ к пониманию

людоедской природы нацистских лагерей и истинного отношения вермахта к своим советским пленным. Ведь осенью и зимой 1941 года — еще задолго до «введения в строй» таких концлагерей, как Освенцим, Трешлинка, Майданек, Белжец и другие, — именно дулаги и шталаги, собственно говоря, и были лагерями уничтожения.

Смерть там и тогда была или казалась желаннее, слаще жизни. А для жизни, если она не уходила, оставалось только одно обобщающее сравнение — это не жизнь, это ад, ад на земле. «В этом аду человеку исполнилось двадцать лет...» — пишет Соня Анваер о Саше Коваленко.

Послевоенная судьба Анваер не была «адам» в физическом смысле слова (ведь ее «даже» не посадили!). Она была скорее пародией на чистилище, поставленной столь горячо любимой ею родиной по всем правилам смершевской подозрительности и государственной бессердечности: не пустим тебя домой, не дадим номера полевой почты, не дадим доучиться, не разрешим тебе работать по любимой профессии! Переживалось все это не легче, чем фашистский ад, ибо причинялось — своими..

И последнее, о чем нельзя не сказать: в своих воспоминаниях Софья Анваер неожиданно предстает — совершенно незаурядным писателем. Ее слог легок, ее фраза — «точный слепок с ее мысли» — отточена и завершена. Композиция ее воспоминаний, пусть и подсказанная самой жизнью, строга и вместе с тем свободна: сюжет течет от одной небольшой подглавки к другой¹, их число зависит исключительно от силы памяти и воли автора. Великолепны ее «отступления от сюжета» — будь то отпархивания в будущее (как, например, вставная новелла о генерале Лукине образца 41-го года и образца 50-х годов) или же просто письма отцу.

Воспоминания читаются цельно и на одном дыхании, но создавались они далеко не так — скорее фраг-

---

¹ Они отмечены номерами или подзаголовками.

ментарно, причем единицей измерения была возможная журнальная публикация. Но один фрагмент соприкасался, сцеплялся, срастался с другим, и постепенно проступали черты заведомо большего, нежели журнальный формат, целого¹.

Самый ранний фрагмент от самого позднего отделяют чуть ли не 40 лет, и вот с чем неожиданно столкнулся автор уже в 90-е годы: «...Если по более свежим следам я пыталась смягчить ужас пережитого, чтобы возможно было читать, то через 50 лет ужас ушел сам, и оказалось почти невозможно его передать».

Тем не менее, все повествование Софьи Анваер, от начала до конца пронизанное этим священным и неуловимым ужасом пережитого, обернулось не только частной исповедью одиночной судьбы, но и честным памятником всем тем, кого суровое и не алчущее справедливости время вытеснило на самую обочину, сначала — войны, а затем — и мирной послевоенной жизни.

Во всяком случае, страх перед ужасом пережитого оказался слабее внутреннего зова его зафиксировать. Как ни кровоточила, как ни болела ее израненная память, она не уклонялась и ни от чего не отгораживалась.

Она работала — подобно тем кровоточащим детским ладошкам, гребущим в перегруженной по корму лодке на середине Днепра...

---

¹ Тут следует отдать должное составительскому такту и редакторскому мастерству Льва Кокина.

ПРОРВАННАЯ ПЛОТИНА

(Виталий Семин)

Нельзя изменить память, не рассекая сосуды.

В. Семин

Я говорю за всех с такою силой...

О. Мандельштам

1

Когда говорят пушки, когда грохочет война, цена человеческой жизни — ноль.

Вторая мировая война дала пример беспрецедентного цинизма по отношению к военнопленным и жителям оккупированных территорий.

Каждая новая оккупационная зона — это не только штандарты со свастики на сакральных зданиях поверженных столиц, не только урожаи на полях и полезные ископаемые в глубинах недр, но еще и новые резервуары копеечного труда.

А перегревшаяся машина Третьего Рейха требовала себе все больше и больше рабочих рук — взамен собственных рабочих и крестьян, призываемых воевать. С этой точки зрения, просторы Советской России — это не только украинский хлеб, донецкий уголь и майкопская нефть, но и возможности рабского труда на заводах и фабриках, стройках и каменоломнях, сельских и даже городских домохозяйствах в Германии и повсюду, куда простиралась власть вермахта. Советских военнопленных и гражданских рабочих («остарбайтеров», как их величали хозяева, или «остовцев», «остов», как они называли себя сами) можно было встретить и в Норвегии, и во Франции, и в Румынии и даже в... Англии (на Джерси, Олдерни и других захваченных немцами британских островах в Ла-Манше)!

Тема плена и принудительного труда в годы войны была в СССР табу до самого его конца: писать об этом

не рекомендовалось. Советская историография отделялась общими фразами о разоблаченном в Нюрнберге преступном нацистском режиме. Не занимались ею и историки-диссиденты. Политкорректные письма остоуцев и кое-какие документы увидели свет в сборниках — «Письма с фашистской каторги» (на украинском языке, 1947) и «Преступные цели — преступные средства» (1963, на русском)¹.

Интересно, что сборник документов под заглавием «Немецкая каторга», еще в 1943 году подготовленный Чрезвычайной государственной комиссией по расследованию национал-социалистических преступлений, хотя и был использован советской стороной на Нюрнбергском процессе, но так и не вышел в свет².

Если же говорить о репатриации советских граждан, то здесь как раз литературы было сколько угодно, но литературы специфической, сугубо пропагандистской. Малоформатные книжечки и брошюры последних военных месяцев и первых послевоенных лет с характерными названиями типа «Домой на Родину», «Они вернулись на родину», «Родина знает о твоих муках» и т.п. были в равной степени рассчитаны и на бывших военнопленных и на остарбайтеров.

В этом же — пропагандистском — ряду стоит упомянуть и пьесу «Я хочу домой» Сергея Михалкова, удостоенную Сталинской премии второй степени за 1946

---

¹ Листів фашистської каторги: Збірник листів радянських громадян, які були вигнані на каторжні роботи до фашистської Німеччини/ За ред. Ф. Шевченка. Київ, 1947. 157 с.; Преступные цели — преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941 — 1944 гг.). 3-е изд. М., 1985.

² См.: ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 116. Д. 385. Впрочем, составитель сборника, Ирина Эренбург (дочь И.Г. Эренбурга), утверждала, что сборник все же вышел, правда, весьма ограниченным тиражом. Обнаружить хотя бы библиографические следы этой публикации не удалось.

год. В ней повествуется о борьбе советских офицеров по репатриации Добрынина и Сорокина с английскими офицерами Куком, Скоттом и Эйтом, ни за что не желавшими отпустить на Родину маленьких граждан Страны Советов — Сашу Бутузова и Иру Соколову¹.

Ту же идеологическую нагрузку, — но в контексте не начала, а разгара Холодной войны, — несла и книга полковника А. Брюханова «Вот как это было. О работе миссии по репатриации советских граждан. Воспоминания советского офицера», вышедшая в Политиздате в 1958 году. Ее автор, в свое время возглавлявший советскую репатриационную миссию в английской оккупационной зоне в Германии и в Дании, стремился показать всему прогрессивному человечеству, как и зачем *«...вместо того, чтобы помочь нашим соотечественникам вернуться на родину, США и Англия в нарушение своих международных обязательств задерживали советских людей в послевоенное время в лагерях для заполонивших собой всю Европу ДиПи»*².

2

Плотина умолчания вокруг темы военнопленных и остарбайтеров была прервана в брежневско-сусловскую эпоху, но сделала это не историческая наука, а русская

---

¹ В 1949 году пьеса была экранизирована. Свообразным «ответом» русской литературной эмиграции может считаться рассказ А. Седых «Миссии Кати Джексона», повествующий о фиктивном браке русской оловки Кати и английского офицера по репатриации майора Джексона. Заключение буквально за час до прибытия в лагерь советской репатриационной миссии, этот брак спас девушку от насильственной репатриации. Рассказ, являющийся с художественной точки зрения бесспорной удачей автора, был опубликован самое позднее в 1948 г.

² Цитата из аннотации. *ДиПи* — от DP (или Displaced Persons), что означает «перемещенные лица».

проза. А еще точнее — один-единственный прозаик: Виталий Николаевич Семин, замечательный русский писатель с остарбайтерской судьбой!

Ох, и дорого же обошлась ему эта судьба!

Пятнадцатилетний ростовский школьник, угнанный в Германию в 1942-м, отбарабанивший три года невольником в городке Фельберт под Дюссельдорфом и репатриированный на родину в 1945-м, поступая в том же году в железнодорожный техникум, а в 1949-м на литфак Ростовского пединститута, не стал распространяться о том, где привелось «погостить» во время войны. Но когда на последнем курсе института «двурушничество» открылось, то будущего писателя, на волоске от диплома и аспирантуры, с треском выставили из вуза.

Семиным заинтересовался КГБ, пробуя завербовать в банальные стукачи, но, записавшись вольнонаемным и уехав на строительство Куйбышевской ГЭС, Семин сорвался с этого крючка. На Волге он все начинает с чистого листа: продолжает учебу, но на сей раз заочно, в Таганрогском педагогическом. Очным же его университетом стала сельская глубинка Ростовской области, куда он устроился учителем. Только в 1957 году он возвращается в Ростов, где еще некоторое время — как бы по инерции — преподавал (в автодорожном техникуме).

Но в 1958 году порывает с учительством и целиком уходит в писательство (как призвание) и журналистику (как способ прокормиться): Семин редакторствовал в ростовской «Вечерке» (здесь увидели свет его первые публикации), а с 1963 года — на ростовском телевидении.

Затем последовали первые заметные публикации в Ростове и Москве — повести «Ласточка-звездочка» (1963) и «Семеро в одном доме» (1965, в «Новом мире»). Первая — о довоенной жизни, вторая — о послевоенной.

А что же между ними, где же война?

Именно война и стала основным плацдармом семинской прозы. Не переставая, работал он над автоби-

ографической вещью, которая потом получила название «Нагрудный знак “OST”».

Позднее признавался, как трудно — с «ожогами» и «вскриками» — она писалась, как звала и совестила его память, как затягивали события двадцатилетней давности, как держали и не отпускали.

Но пятнадцатилетний Сергей, от имени которого в «Нагрудном знаке “OST”» ведется повествование, — это не просто слепок с пятнадцатилетнего остова Виталия Семина. Усилием воли в нем сошлись опыт и судьбы многих других остовацев и немцев, как и опыт многих других авторских возрастов, даже судьба отца. Это придает роману многомерный объем и философский смысл.

Едва ли не главный предмет семинского внимания и исследования, особенно в «Плотине», — категория **насилия**. Насилия официального, от имени государства, и насилия группового, внутрисоциумного, барачного. Например, от негласной корпорации блатных с их культом круговой жестокости, злобной безжалостности и рефлекторного презрения к каждой отдельной человеческой личности.

Вывод, к которому пришел Семин: *«Если в дело замешаны блатные, то, как бы оно ни начиналось, все равно оканчивалось злом»*. На противопоставлении и противостоянии с этим миром, как и на его исследовании, Семин закалял самого себя и выстраивал свой собственный мир, в котором действуют нравственные нормы и гуманистические ценности. Семинское «мы» во фразе — *«Мы ведь останавливаемся там, где блатные не оглядываются»* — дорогого стоит. Именно поэтому, даже целясь в ненавистных немцев, он так и не спускает крючок.

На Колыме, где мир блатных был вездесущ и монументален, в него, не моргая и не отводя глаз, всматривался Шаламов. Здесь же, в Германии, на чужбине, он не так уж очевиден или бесспорен, но Семин показывает, как он пускает корни и как шпана — все эти Блатыги

и Сметаны — с каждым днем забирают все больше авторитета и власти, оставляя людям с нормами, как Сергей, все меньше продыху и проходу.

3

Первая редакция романа была написана в середине шестидесятых годов. Но роман был отвергнут в том единственном месте, где мог (и казалось бы: должен) был быть напечатанным, — в «Новом мире».

22 августа 1967 года А.Т. Твардовский вынул его из сентябрьского номера и назавтра записал в дневнике: *«Вчера позвонил Кондратовичу, чтобы задержали рассказец Семина (по-видимому, автобиографический) — эпизод из жизни освобожденных из-за немецкой проволоки (угнанных туда на работу), помещенных за нашу проволоку и работающих впредь до проверки на демонстраже немецких предприятий. Ужасная правда, но взятая совсем уж отдельно от всего. Сунуть в цензуру — пойдет дальше, и парня можно окончательно погубить. А ясно, что иначе он не может и не должен ныне писать о том, чего он никогда не забудет»*¹.

Если это забота, то несколько иезуитская, не правда ли? Да и «парню» уже за сорок — на горшок не просится.

В результате первая часть всей вещи — под названием «Нагрудный знак “OST”» — была опубликована только через десять лет — в 1976 году, в апрельской и майской книжках журнала «Дружба народов», где главным редактором был ростовчанин Леонард Лавлинский. Через два года, в 1978-м, «Нагрудный знак “OST”»

---

¹ Твардовский А. Новомирский дневник. В 2 тт. М.: 2009. Т. 2. С. 58. Ср. опубликованный годом позже — фрагмент 6-й главки «Нагрудного знака “OST”» В. Семина, в отрыве от остального выглядящий как авторский рассказ-мемуар, еще не переработанный в прозу (Семина В. В сорок втором (из воспоминаний) // Новый мир. 1968. № 5. С. 92—99).

вышел отдельной книгой в серии «Библиотека “Дружбы народов”» с послесловием Игоря Дедкова. Продолжение «Нагрудного знака “ОСТ”» — незавершенный роман Семина «Плотина» — вышел уже посмертно, в 1982-м.

В конце 2012 года Виктория Николаевна Кононыхина, вдова Виталия Семина, жаловалась мне в письме на то, насколько прочно его забыли в родном Ростове. А если и вспоминали — то уж лучше бы не брались: настолько безграмотно и безвкусно было все то, что выходило из-под борзых перьев. Но ведь то же самое можно было сказать и о России в целом!

До чего же хорошо мы умеем не только запрещать и не пущать, но и пробрасываться и не замечать! Тоже ведь разновидность историомора!

P.S. В предпоследние разы книга Семина выходила по-русски еще при советской власти — в 1989 году. Потом было переиздание в 1991 году, с предисловием Аlesia Адамовича. И все это — в Ростове-на-Дону. И только в 2015 году книга снова вышла и снова в Москве — в издательстве «АСТ», в редакции Елены Шубиной.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТЕКСТА: «СЫРА́ ЗЕМЛЯ», МУЗЕЙ-ТЮРЬМА, КОНТРАБАНДА И ЦЕНзуРА (Антон Лопатёнок и Берл Марк)

1

«Дорогой находчик, ищите везде!..» — взывал к потомкам Залман Градовский. И первый же из находчиков его рукописей в точности знал, где надо искать, — и нашел!

Им был Шломо Драгон, бывший узник Аушвица и товарищ Градовского по «зондеркоммандо». 18 января 1945 года, во время массовой эвакуации лагеря («марша смерти») ему удалось уцелеть, бежав из колонны в районе Пшины. В конце января он вернулся в Польшу — сначала в свой родной Журомин под Варшавой, а оттуда — в свой бывший концлагерь, где он находился все время, пока там работала советская ЧГК. 5 марта 1945 года, во время раскопок — в точности там, где их предвидел Градовский! — в одной из ям с пеплом возле крематория IV в Биркенау он и обнаружил схрон Градовского¹.

---

¹ Ср. с позднейшим интервью, взятым у Ш. Драгона Г. Грайфом: «Залман Градовский из Гродно <...> вел записи о людях, которых отравили газами и сожгли. Эти записи он закапывал возле крематория III. Я откопал эти записи сразу после освобождения и передал их советской комиссии... Комиссия забрала все материалы в Советский Союз. Я знаю, что там лежат еще и другие схроны с дневниками и рукописями погибших. Искать их надо напротив печей крематория. Точное место назвать не могу, так как после взрыва крематория местность изменилась» (Greif G. «Wir weinten tränenlos...». Augenzeugenberichte der jüdischen «Sonderkommandos» in Auschwitz. Frankfurt am Main, 1999. S. 167).

Раскопки велись в присутствии представителей ЧГК полковника¹ Попова и эксперта по уголовным делам Н. Герасимова. Попову Ш. Драгон и передал свою находку² — обернутую резиной алюминиевую немецкую полевую фляжку с широким горлом (по-польски «менажку»). Передача и осмотр фляги были запротоколированы. Протокол же гласит:

«При осмотре установлено:

Фляга алюминиевая широкогорлая, немецкого образца, длиной 18 см, шириной 10 см. Горлышко в диаметре 5 см. Фляга закрыта алюминиевой завинчивающейся крышкой, внутри которой имеется резиновая прокладка. На одном боку фляга имеет вмятину и небольшое отверстие, через которое во фляге виден сверток бумаги.

При открытии фляги через горлышко извлечь содержимое не представилось возможным. С целью извлечения содержимого фляга была рассечена и содержимое извлечено.

При осмотре содержимого выявлено: записная книжка размером 14,5×10 см, в которой на 81 листах имеются записи на еврейском языке. Часть книжки оказалась подмоченной. В книжку вложено письмо на еврейском языке на двух листах. Книжка и письмо завернуты в два чистых листа бумаги. В чем и составлен протокол»³.

Итак — первая весть от Залмана Градовского! Его записная книжка с вложенным в нее письмом, плотно закатанная в широкогорлую, но все же очень узкую солдатскую флягу, немного поврежденную, вероятнее все-

---

¹ По другим сведениям — военного следователя, капитана юстиции.

² Об этом сообщается в материалах процесса против Хёсса, бывшего коменданта концлагеря Аушвиц.

³ См. подписанный военным следователем, капитаном юстиции А. Поповым и понятыми О.Н. Мищенко и С. Штейнбергом «Протокол осмотра алюминиевой широкогорлой фляги. 1945 года, марта 5 дня» (ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 108. Д. 8. Л. 171).

го, лопатой самого Ш. Драгона! Текст на идиш, по его же свидетельству, был немедленно переведен бывшим узником Аушвица доктором Яковом Гордоном¹.

За чисто медицинские аспекты нацистских преступлений в ЧГК «отвечал» профессор М.И. Авдеев, организовавший в годы войны систему учреждений военной судебно-медицинской экспертизы, которую сам и возглавлял до 1970 года². Он, в свою очередь, позаботился о том, чтобы «менажка» и рукописи попали в Военно-медицинский музей Министерства обороны СССР³.

В музее поступление было зарегистрировано под четырьмя отдельными сигнатурами: № 21427 — это процитированный протокол осмотра алюминиевой фляги, № 21428 — сама фляга, № 21429 — письмо З. Градовского (рукопись и перевод на русский язык) и № 21430 — записная книжка З. Градовского, 82 листа⁴.

Два последних номера соответствуют двум различным документам, находившимся во фляжке.

Немного о самой книжке. В обложке из черного колленкора, размером 148×108×10 мм, она была исписана синими и черными чернилами. Из ее первоначальных 90 страниц сохранились 82 — остальные были вырваны

---

¹ Greif G. «Wir weinten tränenlos...». Augenzeugenberichte der jüdischen «Sonderkommandos» in Auschwitz. Frankfurt am Main, 1999. S. 167.

² Авдеев Михаил Иванович (1900—1977), главный судебно-медицинский эксперт СССР и начальник Центральной судебно-медицинской лаборатории Центрального военно-медицинского управления Министерства обороны СССР. В годы Великой Отечественной войны принимал активное участие в работе ЧГК.

³ Сообщено Валентином Петровичем Грицкевичем, одним из старейших научных сотрудников музея.

⁴ Кроме того, без номеров были зарегистрированы три экземпляра перевода записной книжки объемом в 16 страниц (из них 1-й экз. был отправлен в Москву), а также три катушки пленочных негативов и два 92-страничных комплекта отпечатков с этих негативов.

и, скорее всего, самим Градовским: для того, чтобы легче было затолкнуть ее в тесную фляжку. Большинство листов исписаны только с одной стороны; на страницах с 1-й по 39-ю текст написан на каждой строке, на страницах с 40-й по 73-ю — через строку, а с 74-й по 82-ю — снова на каждой строке. Несколько последних листов (с. 73—79) заполнены с обеих сторон. Каждая страница насчитывает от 20 до 38 строк.

Те же страницы, что сохранились и дошли до нас, изрядно пострадали от пребывания в сырой земле — они сильно подмочены и местами совершенно не читаемы. Прочтению, по оценке переводчицы, поддается лишь около 60% текста, остальное размыто. Наибольшую трудность для расшифровки представляет верхняя часть страниц (от 2 до 17 строк) и самая нижняя строка, а также левый край всех страниц рукописи.

На фоне такой сохранности записной книжки не может не вызывать удивления отличное состояние письма. Вероятнее всего — о чем косвенно свидетельствует и его сам текст — Градовский, опасавшийся за герметичность схрона с записной книжкой, выкопал ее и перезахоронил в обернутой в резину фляжке, вложив в нее и наскоро написанное «Письмо»¹. К оригиналам были приложены и имевшиеся в наличии переводы.

Надо ли говорить, какое громадное историческое — да и сугубо экспозиционное — значение имели эти предметы и тексты Градовского! Но они пролежали под спудом (точнее, на полках музея) на протяжении почти что 60 (шестидесяти!) лет — без малейшей попытки со стороны руководства музея сдуть с них пыль и открыть миру. Самое первое в СССР упоминание о документе проскользнуло (иначе не скажешь) в 1980 году — в составленном В.П. Грицкевичем каталоге «Воспоминания и дневники в фондах [Военно-медицинского] музея». Сделал он это на свой страх и риск, что потребовало от

---

¹ Первоначальный схрон был, вероятно, бутылочным.

него известной настойчивости и даже мужества¹. Но мелькнувшие строчки библиографического описания не остались незамеченными: в музей приезжали сотрудники журнала «Советише геймланд» («Советская родина»), переписавшие среди прочего и записки З. Градовского, но публикация Градовского в журнале, насколько известно, не состоялась.

2

Впрочем, все эти охранительские хлопоты не помогли. Прележав месяцы в аушвицкой земле и десятилетия в ленинградских запасниках, текст Градовского еще в начале 1960-х гг. выпорхнул из рук трусливого начальства на свободу и стал известен за границей. Но не на геополитическом Западе, как, например, тексты Пастернака или Мандельштама, а на геополитическом Востоке — в социалистической Польше!²

Произошло это в конце 1961 или в самом начале 1962 года — и произошло «на воздушных путях», то есть нелегально или полуполюгально. Установить подробности пока не удалось, но похоже, что всю ответственность и все риски взял на себя кандидат медицинских наук Антон Адамович Лопатёнок, в 1959—1960 гг. работавший старшим научным сотрудником ЦВММ.

Он родился 20 сентября 1922 года в Ульяновске, где в длительной командировке находилась его семья, в 1924 году переехавшая в Ленинград. По окончании школы в 1940 году Лопатёнок поступил в Военно-морскую медицинскую академию, которую окончил

---

¹ Это явствует из его письма к автору от 26 января 2005 г. (в архиве П.М. Поляна).

² Впрочем, и первая публикация «Доктора Живаго», — пусть и не всего романа, а лишь его нескольких глав, — состоялась именно в Польше, в журнале «Мнения», вскоре после этого закрытом.

в 1945 году. Курсантом участвовал в Великой Отечественной войне, имел боевые награды. В 1948 году Лопатёнок окончил Ленинградский филиал Всесоюзного юридического заочного института, получил диплом юриста. С 1951 по 1955 г. обучался в адъюнктуре при кафедре судебной медицины Военно-медицинской академии, где защитил кандидатскую диссертацию. В 1955—1959 гг. служил врачом на Балтийском и Черноморском флотах. В 1959—1960 гг. — старший научный сотрудник ЦВММ, где участвовал в создании Зала жертв фашизма. В 1961—1969 гг. — в Группе советских войск в Германии — в Потсдаме и Магдебурге, на должности главного судмедэксперта Группы Советских Вооруженных сил в Германии. По возвращении из ГДР продолжил службу в Военно-медицинской академии в Ленинграде, где возглавлял редакционно-издательский отдел и активно занимался преподавательской и научно-просветительной работой. Службу в армии закончил в звании полковника медицинской службы. Находясь на пенсии, занимался вопросами истории медицины, в конце 1980-х гг. оставался научным сотрудником ЦВММ. Умер 9 февраля 2003 года, похоронен на Богословском кладбище в Петербурге¹.

Был Антон Адамович человеком, не только знающим и честным, но и смелым и рискованным. И, натолкнувшись в фондах музея на такое чудо, как рукописи Градовского, он изготовил с них микрофильм и сделал все от него зависящее, чтобы рукопись стала известна тем специалистам, кто был в состоянии ввести ее в научный оборот.

Ближайшие такие специалисты находились в братской Польше, в Еврейском историческом институте в Варшаве. И вот, воспользовавшись встречей, — быть может, и совершенно случайной, — с польским историком-марксистом и доцентом Лодзьского университета Павлом Кожецем, Лопатенок передал с ним для

---

¹ Справка предоставлена его сыном, С.А. Лопатенком.

Еврейского исторического института в Варшаве бесценную копию, а также свою статью о Градовском — вместе с просьбой опубликовать и то, и другое¹. Встреча эта произошла в конце 1961 года — и, скорее всего, в ГДР, где Лопатенок проработал долгие девять лет.

Как и сами схроны зондеркомандовцев, поступок Лопатенка был еще одной «бутылкой, брошенной в море». Но сам он при этом, вероятно, и не подозревал, насколько одиозен был его «курьер». Академическая карьера не была главной ипостасью Кожеца, главным тогда была служба в польской безопасности, которой он предавался с большим энтузиазмом. Иными словами, ставки в этой «рисковой» для Лопатенка игре были еще выше, и исход «бросания бутылки в море» мог быть любым. Но ничего страшного, судя по дальнейшей карьере Лопатенка, не произошло: стало быть, еврейское уже тогда в Кожеце взяло верх над чекистским².

Антон Адамович, наверное, улыбнулся, когда в 2000 году получил письмо из Израиля от своего однокашника Александра Копанева. Тот огорчился, что не сможет приехать в Петербург, чтобы сделать копию «письма Градовского» и фотографию фляги, в которой оно было найдено. При этом он сомневался, разрешит ли начальство получить этот материал, и опасался, не обернется ли возможная публикация неприятностями для самого Антона Лопатенка³. Копанев не знал, что

---

¹ Эта статья на сегодняшний день не разыскана. В состав передачи входил, по-видимому, и протокол об обнаружении рукописи Градовского.

² Кожец Павел (1919—2012), польский и еврейский историк и публицист. Участник восстания в Белостокском гетто 16—17 августа 1943 г. В послевоенные годы — в Лодзи: сотрудник органов безопасности и убежденный коммунист. Но после того как в 1968 г. государство публично обвинило его в сионизме, прозрел и эмигрировал в Париж, где много лет занимался историей польского антисемитизма.

³ Сообщено С.А. Лопатенком.

его однокашник — во имя истории и личной чести — решился на это еще 40 лет тому назад!

Между тем «течение» действительно принесло «бутылку» от Лопатенка в руки профессора Бернарда (Берла) Марка (1908—1966), польского историка и публициста, в 1949—1966 гг. возглавлявшего Еврейский исторический институт в Варшаве. Он был участником подготовительского коллектива «Черной книги»¹ и первым ученым, кто еще в 1950-е гг. оценил значение и всерьез занялся публикацией, атрибуцией и анализом аушвицких свитков, находившихся в Польше. И сам Марк, и его вдова, Эстер Марк, впоследствии всегда с благодарностью упоминали А.А. Лопатенка *«за предоставленную им в 1962 году возможность ознакомления с записками и протоколом комиссии Попова и Герасимова»*².

Из письма Марка Лопатенку следует, что они не были знакомы даже заочно: второй передавал микрофильм первому не лично, а как бы в возглавляемое Марком учреждение. Откупорив «бутылку», то есть прочтя рукопись Градовского, Марк уже не мог оторваться от того истинного чуда, что принесло ему «течение». Он весь отдался делу изучения, перевода, а также издания рукописи, и о кажущейся успешности его продвижения в этих направлениях свидетельствуют не только письмо, но и две заметки в выходившей в Варшаве на идише газете «Фольксштимме» («Голос народа») в мае 1962 года.

---

¹ Для нее он подготовил материал о восстании в Варшавском гетто.

² См.: *Gradowski Z. Pamiętnik / Предисловие и примечания: Bernard Mark. O pamiętniku Zalmena Gradowskiego, członka Sonderkommando w obozie koncentracyjnym Oświęcim. Подготовка текста: Edwarda Mark // Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego. Warszawa, lipiec — grudzien 1969. Nr.71—72. P. 172—204; Mark B. The Scrolls of Auschwitz. Tel Aviv: Am Oved Publishing House, 1985. P. 156—158.*

Первая из них (анонимная, но авторство Б. Марка не вызывает ни малейших сомнений) содержала большую часть текста письма, хотя сделанные при этом купюры — однозначно цензурные.

Уже в марте 1962 года работа над переводом текста Градовского на польский была закончена, и на заседании Польского исторического общества в Варшаве Б. Марк прочитал доклад о еврейском Сопротивлении, а также проинформировал собрание о Градовском и его дневнике. Так началось введение текста Градовского в научный оборот.

16 мая 1962 года Б. Марк отправил А.А. Лопатенку на служебный адрес следующее письмо:

«Уважаемый товарищ! // Несколько дней тому назад я послал Вам письмо без точного адреса. Теперь повторю это письмо и добавлю несколько новых сведений. // Доцент тов. П. Кожец вручил мне несколько месяцев назад Вашу статью и микрофильм дневника Зельмана Гродовского из Освенцима. Моя специальность — рукописи и проблемы гетто и лагерей уничтожения, в особенности движение Сопротивления и подпольная литература. // Длительное время я работал над фотокопией и собрал сведения об авторе. В последнее время я закончил работу, прочел все, что можно еще прочесть, и одновременно составил биографию Гродовского. Между прочим, мне удалось найти в Варшаве его шурина. // О Гродовском и его дневнике, который — я в этом глубоко убежден — является одним из лучших документов узников Освенцима, я пишу теперь статью, в которой вспоминаю тоже Вас, как автора первой вступительной статьи. // Теперь предложение: я начинаю ходатайствовать в здешних издательствах об издании в двух языках: в оригинальном (еврейском) и польском. Я предлагаю, чтобы Вашу статью поместить в начале этого издания. // Дополнительно сообщаю Вам, что известное варшавское марксистское издательство «Кси-

онжка и Ведза»¹ готово издать этот дневник. // По упомянутому вопросу прошу Вашего согласия. // С уважением, проф. Б. Марк (директор Еврейского Исторического Института)»².

3

С упомянутой анонимной заметки в «Фолксштимме», являющейся, возможно, обратным переводом с русского перевода на идиш³, и с двух купюр в процитированном полностью письме (в качестве «подарков» от польской цензуры) и повела свой отсчет история публикаций текстов Залмана Градовского.

А самой первой эдиционной ласточкой стала публикация 1954 года в «Бюллетене Еврейского исторического института» текста рукописи «неизвестного автора», впоследствии идентифицированного Б. Марком и Э. Марк как Лейб Лангфус.

Самые первые публикации, как правило, выходили на польском языке. Исключениями стали только тексты З. Градовского, впервые (1977) напечатанные на идише — в Польше («Письмо из ада» — фрагментарно) и Израиле («В сердцевине ада»).

Примечательно, что первые переводы — гораздо старше первоизданий: это переводы З. Градовского на

---

¹ «Книга и знание» (польск.) — название официального партийного издательства в Варшаве. Обсуждаемое издание не состоялось.

² *Żydowski Instytut Historyczny. Zesp. 592 / 62* (нам сообщено М. Чайкой).

³ На это указывает характерная неточность в этой заметке, на которую обратила внимание И. Рабин: «Гродовский» вместо «Градовский». Точно такая же ошибка имеется и в машинописной копии русского перевода М. Карпа (в самом автографе М. Карпа написано правильно: «Градовский»).

русский язык, сделанные Я. Гордоном в 1945, М. Карпом в 1948(?) и Миневич в 1962 гг.

Спецвыпуск «Освенцимских тетрадей», составленный из рукописей членов «зондеркомандо» в переводе на польский язык, стал их первой сводкой (1971). К сожалению, дефекты перевода рукописей (например, Градовского) при этом не были исправлены. Затем последовали сводные переводы книги с польского на немецкий (1972) и английский (1973) языки. К сожалению, навязанные цензурой дефекты польской публикации перекочевали и в эти переводные, но опубликованные в Польше книги.

В 1975 году воспоследовало новое, несколько расширенное¹, сводное издание на польском языке, а в 1996 году — оно же, но на немецком языке (в обоих случаях атрибуции Б. Марком и Э. Марк авторства Л. Лангфуса в тексте, печатавшемся как «рукопись неизвестного автора», не были учтены). Издание 1996 года легло в основу целого ряда других изданий, например итальянского 1999 года².

Все эти издания в полной мере несут на себе родовой отпечаток польской цензуры 1950-х и особенно 1960-х гг. Тщательная сверка различных вариантов собственно польской версии текстов еще никем не сделана, но уже сличение польского корпуса с российским — свободным от цензуры, но зависимым от влияния сырости земной — отчетливо выявило основные параметры идеологической озабоченности варшавского (а через нее — и московского) руководства. А стало быть — и разницы текстов³. Понятными становятся и те «приемы», к которым прибегал цензор, дабы по

---

¹ За счет комментария З. Левенталья к рукописи из Лодзи.

² Забавно, что, в отличие от своего «источника», оно даже не упоминает ЦВММ как местонахождение одного из текстов!

³ Благодарю М. Чайку за помощь.

возможности придать своей работе характер благообразия или хотя бы наукообразия.

Как таковой Холокост в подсоветской Польше (и в этом ее отличие от самого СССР) не замалчивался и не релятивировался — он происходил на глазах буквально у всех. Поэтому проклятия немецким палачам не убирались, и ножницы пускались в ход только тогда, когда объектом резких высказываний становились или сами поляки как обобщенное целое, или союзные державы, в число которых входил и СССР. Такие высказывания встречаются только у двоих авторов — у Залмана Градовского и у Залмана Левенталя, причем у Градовского — в оба адреса.

Так, в первой — газетной — публикации крошечного «Письма из ада» Градовского цензура сделала две осязаемые купюры. Первая: *«Эта записная книжка, как и другие, лежала в ямах и напиталась кровью иногда не полностью сгоревших костей и кусков мяса. Запах можно сразу узнать»*. И вторая: *«Несмотря на хорошие известия, которые прорываются к нам, мы видим, что мир дает варварам возможность широкой рукой уничтожить и вырвать с корнем остатки еврейского народа. Складывается впечатление, что союзные государства, победители мира, косвенно довольны нашей страшной участью. Перед нашими глазами погибают теперь десятки тысяч евреев из Чехии и Словакии. Евреи эти, наверное, могли бы дожидаться свободы. Где только приближается опасность для варваров, что они должны будут уйти, там они забирают остатки еще оставшихся и привозят их в Биркенау-Аушвиц или Штутгоф около Данцига — по сведениям от людей, которые так же оттуда прибывают к нам»*.

Похоже, что в первом случае пуриста-цензора смутил грубый физиологизм фразы, а во втором — опасение, а не слишком ли это обидно для «союзников», среди которых и Советский Союз. При перепечатке этого текста в книжной версии первая купюра восстановлена,

а из второй оставлена одна-единственная фраза, выделенная здесь полужирным курсивом. Значит, цензор и его начальство уже твердо уверились в том, что фраза эта уж точно — или все еще — обидна.

Вторую политическую купюру из Градовского ни за что не найти — ее просто-напросто нет! Читателя, прежде всего польского, бережно избавили от неприятности вчитываться в следующую — и, как назло, физически хорошо сохранившуюся — «напраслину»:

«Есть три момента, облегчившие Дьяволу его задачу — триумфальное уничтожение нашего народа. Один момент общий и два частных. Общее соображение заключается в том, что мы жили среди поляков, которые в большинстве своем были буквально зоологическими антисемитами. Они только радовались, когда смотрели, как Дьявол, едва войдя в их страну, обратил свою жестокость против нас. С притворным сожалением на лице, но с радостью в сердце они выслушивали ужасные душевраздирующие сообщения о новых жертвах — сотнях тысяч людей, с которыми самым жестоким образом расправился враг. Возможно, они радовались тому, что народ разбойников пришел и сделал за них работу, к которой они сами еще не способны, поскольку в них все еще есть зерно человеческой морали. Единственным, чего они определенно — и не зря — боялись, было соображение, что когда борьба с евреями закончится, когда то, что они своей жестокостью и своим варварством начертали на щите, обесмыслится, чудовищу придется искать свежую жертву, чтобы утолить свои звериные инстинкты. Они действительно боялись, и проявления этого страха были заметны. Огромное множество евреев пыталось смешаться с деревенским или городским польским населением, но всюду им отвечали страшным отказом: нет. Всюду беглецов встречали закрытые двери. Везде перед ними выросла железная стена, они — евреи — оставались одни под открытым небом, — и враг легко мог поймать их. Ты спрашиваешь, почему евреи не подняли восстания.

И знаешь почему? Потому что они не доверяли соседям, которые предали бы их при первой возможности. Не было никого, кто бы мог оказать серьезную помощь, а в решительные моменты — взять на себя ответственность за восстание, за борьбу. Страх попасть прямо в руки врага ослаблял волю к борьбе и лишал евреев мужества».

Как же вышел из положения польский цензор?

Весьма элегантно — с помощью купюры и следующей сноски: *«В первой части рукописи автор описывает переселение из гетто в Колбасинском лагере и панический настрой евреев, погруженных в вагоны, везущие их в концлагерь Аушвиц».*

И все! Даже знак купюры проставлен!¹ Кто же возразит против целенаправленного и концентрированного внимания на главном — на том, что происходило с евреями именно в Аушвице?!..

Однако применительно к Лангфусу и Левенталю, так же описывающим в начале своих текстов жизнь в своих гетто и атмосферу транспортировки в Аушвиц, аналогичной «редактуры» почему-то не применено.

Два фрагмента отцензурировано у Левенталю. Оба — «антипольские».

Первый: *«Полный [...] сам и [...] лучше умереть [...] который [...] смерть [...] это рисковать [...] так говорит каждый, но поляки [...] или можно [...] для тех снаружи, но мы [...] достаточно позволили использовать себя [...] популярность [...] выбираться из темного ада и поэтому отплатить полным антисемитизмом, который мы чувствовали на каждом шагу. Вот, например, с ними уже ушли многие десятки людей и только ни один не хотел взять с собой еврея! [...] время [...] со многими людьми [...] глупыми надуманными отговорками [...] а мы, евреи, идем и погибает, от нас от [...] ни один из нас [...]».*

---

¹ В купюре из «Письма из ада» аналогичный знак отсутствует.

И второй: «История Ойшвица, Биркенау как рабочего лагеря вообще, и как места уничтожения миллионов людей, в частности, я думаю, будет очень мало передана миру. Немного через штатских людей, и я думаю, что мир уже знает сейчас об этих ужасах. Остальные, может быть, кто еще из поляков останется в живых благодаря какой бы то ни было случайности, или из лагерной элиты, которые занимают лучшие плацувки и ответственные [...] может быть, благодаря им, в любом случае ответственность уже не так велика. По сравнению с процессом уничтожения в Биркенау поляков как и евреев [...] те, которые уже находились в лагере [...] видели, как все они погибли планомерно, сотни тысяч по приказу [...] исполнение [...] собственными братьями, арестантами [...] были предупреждены на работе капо и бригадирами теперь [...] которые [...] живут [...]»

4

Отметим, что и русский «дайджест-перевод» Миневич был выполнен в июле 1962 года и, следовательно, начат, скорее всего, в июне или весной. Налицо явный всплеск интереса к рукописи Градовского. Что послужило причиной или поводом для такого всплеска внимания к документу, практически проигнорированному советской стороной на Нюрнбергском процессе и пролежавшему безо всякого движения, изучения или иного употребления около 18 лет, в точности не известно. «Реакция» на майскую публикацию в газете «Фольксштимме»? Или, возможно, запрос из Германии в связи с подготовкой первого из четырех так называемых «Аушвицких процессов», начавшегося в 1963 году?¹

¹ «Процесс против Мулки и других» во Франкфурте-на-Майне начался 20 декабря 1963 г., его последнее, 183-е заседание состоялось 19 августа 1965 г. Среди свидетелей на процессе были и советские граждане — Николай Васильев,

В 1963—1964 гг. Бер Марк работал над совершенствованием своего перевода на польский и комментированием текстов Градовского. По его словам, та часть записной книжки, что поддается прочтению, понимается легко, а сам текст написан на очень хорошем литературном идише. В то же время он отметил в стиле Градовского склонность к германизмам и определенной цветистости¹. Затем польский востоковед Роман Пытель проверил и заверил перевод Марка и стилистически его отредактировал; он даже сумел прочесть несколько не прочитанных Марком фрагментов.

Впервые текст записных книжек и почти полный текст письма был опубликован на польском языке — в переводе и с предисловием Б. Марка — только в 1969 году, в выпуске «Бюллетеня Еврейского исторического института» в Варшаве за второе полугодие 1969 года.

Но самого Б. Марка к этому времени уже не было в живых, и публикацию к печати готовила его вдова — Эстер Марк. И делала она это, скорее всего, под большим идеологическим нажимом: текст ее публикации, увы, существенно отличался от оригинального перевода, подготовленного мужем. Так, были сделаны изъятия и даже изменения цензурного свойства, но при этом купюры на тексте никак не были обозначены и нигде не сообщалось хотя бы то, что публикуемый текст — неполный.

Лишь после того, как Э. Марк оказалась на Западе, она сумела опубликовать текст Градовского корректно

Александр Лебедев, Андрей Погожев и Павел Стенкин. Там же, во Франкфурте-на-Майне, состоялись две первые большие выставки, посвященные Холокосту и имевшие большой политический резонанс: с конца ноября 1963 г. — посвященная Варшавскому гетто, а с 19 ноября 1964 г. — посвященная Аушвицу-Биркенау (*Auschwitz-Prozess 4Ks2/63...*, 2004).

¹ *Mark B. Über die Handschrift von Salmen Gradowski // Handschriften von Mitgliedern des Sonderkommandos*, 1972. S. 75—78.

и полностью — сначала, в 1977 году, в оригинале (то есть на идише), а затем и в переводах: в 1978 году — на иврите, в 1982 году — на французском, в 1985-м — на английском и в 1997 году — на испанском языках¹.

Отмеченные дефекты, однако, не были исправлены в публикациях самого Государственного музея «Аушвиц-Биркенау». В 1971 году на польском языке вышел специальный выпуск «Освенцимских тетрадей», посвященный извлеченным из пепла рукописям «зондеркомандо». Текст Залмана Градовского представлен в нем лишь фрагментами, касающимися собственно Аушвица (что имело, прежде всего, цензурный смысл), а внутри публикации вмешательство цензуры было оставлено без изменений.

Этот дефектный текст перекочевал в 1972 году в немецкую версию свода и в 1973 году — в английскую. В 1975 году он был повторен при переиздании свода на польском языке, а в 1996 году — и при переиздании на немецком. Но при этом «иерусалимская» рукопись Градовского из собрания Х. Волнермана, опубликованная в 1977 году, даже не была упомянута, а дефекты в польском переводе «ленинградского» оригинала не исправлены.

Русскому же языку пришлось дожидаться встречи с этим текстом еще долгих четыре с лишним десятка лет.

---

¹ См.: Полян, 2015.

ОЧЕВИДНОЕ — НЕДОКАЗУЕМОЕ (Элла Максимова)

Элла Максимова (Стэлла Максовна Меркель, 1923—2010), обозреватель «Известий».

Статьи, подписанные так, гарантировали сочетание, как минимум, двух вещей: взятой из жизни, острой, но пропущенной или замолчанной другими проблемы и качества изложения — аналитического и художественного.

Ее основная тема — люди на войне, вернее, на ее обочине: пленные, пропавшие без вести, остарбайтеры, находившиеся под оккупацией. Статей было немало, но одна особенно запомнилась — «Живым и мертвым»¹. Именно с нее началась полемика «Известий» с «Красной звездой» о военнопленных. Перчатку, брошенную либеральным известинцем, поднял полковник В. Филатов из «Красной звезды». С деланным ужасом писал он о предлагаемом «публицистом» (сиречь Э. Максимовой) уравнивании «сдавшегося в плен с тем, кто в плен не сдался»!

Да, в той статье Элла Максовна открыла и произнесла несколько простых, но до нее никем не сформулированных истин. То, что для нее было уже тогда очевидным, ее оппонентам казалось решительно недоказуемым. Например: «Пропавшие без вести — погибли в боях за Родину, попавшие в плен — воевали за нее». Или: «О лучших позволительно думать худшее. Получается, что бесчестят всех. Как же так: армия-победительница и миллионы подозреваемых в измене?»

---

¹ Максимова Э. Живым и мертвым // Известия. 1987. № 233. 20 августа.

А кто задумывался до нее над тем, что лежащий у Кремлевской стены Неизвестный Солдат вовсе не безымянный — что когда-то он имел имя, отчество и фамилию, и его родственникам принесли извещение: «Ваш муж (сын? отец?) — пропал без вести!»

Смысл такого извещения — страшнее похоронки. Оно означает: «Ваш муж (сын? отец?) скорее всего погиб, но погиб не по правилам, без соблюдения установленной Минобороны процедуры, и в чести находиться в перечне погибших ему отказывается».

Для родственников это имело двойные последствия: во-первых, материальное ущемление — им никогда уже не получить тех пенсий и льгот, которые получают вдовы красноармейцев, умерших «по всем правилам».

Но самое неприятное, самое подлое в этом письме то, что родственников оповещают о том, что самого имярека государство кое в чем все же **подозревает**. Коль скоро «пропал без вести», то судьба его еще не прояснена, — и, может статься, он и не умер, а жив, а коли так, то нельзя исключать и того, что он попал в плен, а коль скоро он мог быть в плену, что само по себе предательство, то кто же поручится за то, что он не натворил новых преступлений?! Последнее же (да и сам плен) роняло анкетную тень и на самих родственников, — они и сами становились как бы подозрительными.

«Ничто, даже победа не заставило советскую власть изменить человеконенавистническому допущению о потенциальной виновности каждого гражданина. Принципу: если способен один — способны все. Сегодня — честен, завтра — подлец».

Иные из военнопленных, действительно, могли и изменить присяге. Таких было, кстати, много, очень много. Но как же можно было от родственников требовать доказательств того, что их муж, брат, сын или отец «чист», что он действительно погиб, а не продался врагу. Что это как не презумпция виновности в беспримесно чистом виде?

И разве не было в СССР спецслужб, специально интересующихся предателями и изменниками, в чьем распоряжении все, что может помочь их выявить, — архивы, картотеки, агентурные донесения? Их, а не родственников прямым делом и было бы доказывать в каждом индивидуальном случае, что имени Вашего мужа (сына? отца?) на памятной доске односельчан, погибших или участвовавших в войне, нет места.

Однажды я был в Лондоне на крупной международной конференции об исторической памяти и ничуть не удивился, когда оказалось, что одна молодая австрийская исследовательница сделала об Э.Максимовой специальный доклад. К 60-летию Победы Э. Максимова (вместе с А.Данилевичем) выпустила книжку «Я это видел. Новые письма о войне»¹. Из тысяч писем, присланных в редакцию, были отобраны несколько сотен — самых интересных и выразительных.

Но почему в «Известиях» оказался столь солидный эпистолярный архив о войне? Благодаря статьям Э. Максимовой.

А вот где перечесть статьи самой Элы Максовны? Не пора ли собрать их и выпустить такую книжку?

---

¹ Я это видел. Новые письма о войне / Сост. Э. Максимова, А. Данелевич. М.: Время, 2005. 256 с.

ЭЛЬ-ДЕ-ХАУС: ИСТОРИЯ ОДНОГО КЕЛЬНСКОГО ДОМА (Гестапо — Антифашистский музей)

В Кельне существует расхожее суждение: «Национал-социализм — это ужасно, но это прусское изобретение; у нас же народ не воспринимал Гитлера всерьез». Доказательства? Да никаких, кроме того, что книг сожгли на одну меньше и на неделю позже. Но жителям Кельна вольно и приятно так себя успокаивать.

Лучшим лекарством от этого заблуждения мог бы стать визит на Аппельхофплац 23-25, в городской Центр документации периода национал-социализма. Это не только мемориал узникам гестапо, но и великолепно продуманная и любовно выполненная экспозиция «Кельн во время национал-социализма», исследовательский центр и библиотека. Выставка, составляющая ядро Центра, превосходно проецирует нацизм на Кельн и Кельн на нацизм. Прогулка по ее залам поможет разобраться не только в чудовищности нацизма, но и в его, если хотите, системности и даже притягательности для многих слоев общества. В том числе и кельнского — с его ряжеными и развеселыми карнавалами, которые, как оказалось, ничего не стоит в одночасье наполнить антисемитским содержанием.

70-летняя история самого здания оказалась поучительной и говорящей.

...Кельн, лето 1935 года. Ювелир и часовщик Леопольд Дамен построил на тишайшей Аппельхофплац четырехэтажный дом (от его инициалов — LD, или EL-DE, и происходит сегодняшнее название здания — отсюда и Эль-Де-Хаус, или EL-DE-Haus). Но уже в дека-

бре того же года ему пришлось освободить помещение: от лестного предложения тайной полиции (в обиходе — гестапо) сдать приглянувшееся ей здание внаем даже богатому ювелиру отказать было непросто.

Гестапо расположилось здесь со всеми, в его понимании, удобствами: наверху — этажи с кабинетами следователей. Внизу, в двух подвальных этажах — камеры, во дворе — узилище. Допросы, в том числе «упрощенные», стали повседневностью, казни — тоже: многих сидельцев расстреляли или повесили прямо во дворе (существовала такая переносная, точнее, выносная виселица). Но некоторых казнили и публично, так сказать, с педагогическим прицелом, для чего возле эренфельдского вокзала было оборудовано специальное «лобное место» со стационарными виселицами. Поглазеть на публичную казнь собиралось множество немцев, а если казнь приходилась на воскресенье — то пригоняли и иностранных рабочих: пусть посмотрят, каково немецкие пиджаки из развалин воровать (этого, кстати, было вполне достаточно для того, чтобы быть повешенным).

Вот несколько цитат из настенных писем «Эль-Де-Хауса»:

«Здесь в этом гестапо сидели два друга из Лагерь Мессе с 24/ХІІ-44 г. Куров Аскольд и Гайдай Владимир. Сейчас уже 3/ІІ-45 г. Сегодня 3/ІІ-45 повесили 40 человек. Мы просидели уже 43 дня, допрос кончается, следующая очередь на вешалку наша. Прошу кто знает нас, передать товарищам, что и мы погибли в этих застенках». Или другой персонаж — Николай Булочник с фабрики «Форд». О себе он писал так: *«Булочник. Прожил 21 год и был повешан. Привет знакомым».* Или: *«Безвинница, одного спасала, а свою голову 27/11-44 подложила. Он был большой преступник... Эх, надоело кровь свою лить в этой рабской стране. Надоело свою шею подставлять»* (разве не потрясает замечание раба о рабской натуре страны господ, собирающей его

повесить — за проявленную им и неведомую им человечность?!).

По иронии судьбы здание гестапо почти без повреждений пережило войну и воздушные бомбардировки. После войны его отремонтировали и расширили в обе стороны, после чего в нем расположились различные городские службы — ведомство по делам оккупации (Besatzungsamt) и ведомство по вопросам права и страхования. Но на этом ирония не пресеклась: именно равнодушные бюрократы, заставив все стены подвальных помещений стеллажами со своими ордерами и папками, невольно спасли для истории узнические «граффити» (или, как их еще называют, «иншрифты») — бередящие душу надписи, оставленные нам на стенах камер интернационалом гестаповских жертв, может быть, уже приговоренных к смерти.

Глухие слухи об этих письменах долго гуляли по Кельну, пока в январе 1979 года два рискованных человека, учитель Курт Холль и фотограф Гернот Хубер, спрятавшись в подвале Эль-Де-Хауса, не провели в нем ночь, фотографируя надписи на стенах. А после того, как со снимками ознакомилась общественность, начальник городской реставрационной службы Хильтруд Кир распорядилась отреставрировать надписи и открыть в подвале музей.

И уже в конце 1979 года при Кельнском историческом архиве был создан Центр документации периода национал-социализма. Он приступил к работе в 1980 году: создавался копийный архив, записывались интервью свидетелей. Общественность, настаивавшая на переводе Центра в Эль-Де-Хаус и организовавшая в 1988 году Объединение в поддержку Эль-Де-Хаус, добилась того, что в 1991 году было принято решение о создании историко-мемориального комплекса именно в таком виде, в каком он существует сейчас. Ядро всего комплекса — мемориал гестаповской тюрьмы в подвале и двухэтажная постоянная экспозиция «Кельн

во время национал-социализма», разместившаяся на двух этажах узкого, как пенал, здания¹.

16 июня 1997 года здание и постоянная выставка были открыты обербургомистром Норбертом Бургером. А начиная с 1998 года Кельнский Центр документации периода национал-социализма — самостоятельная городская структура. Первой переменной выставкой стала «Еврейские судьбы в Кельне в 1918—1945 гг.».

К этому времени Центр уже успел сформировать свой общественный и научный профиль, существеннейшей чертой которого стали программы посещений Кельна его бывшими насильственными обитателями. Этих программ две (обе финансируются городом): одна адресована бывшим еврейским гражданам Кельна, пережившим Холокост, другая — бывшим принудительным рабочим (началась в 1990, а фактически в 1989 году). По мере истощения «контингента» обе постепенно сворачивались и сошли на нет.

Кстати, Эль-Де-Хаус — один из самых посещаемых кельнских музеев. Из посетителей примерно две трети — школьники, то есть лица, явно не испытывающие сегодня дефицита в информации. Но есть в их жизни место и правде о прошлом этого здания, этого города и этой страны — правде о столь недавнем и столь трагическом, о неостывшем еще его прошлом.

---

¹ Проект реконструкции здания и дизайна выставки выполнили известный кельнский архитектор Петер Кулка (Peter Kulka) и дизайнер Герд Флейшман (Gerd Fleischman).

ПЕНСИЯ ОТ ДОЧЕРИ КОМЕНДАНТА ШТАЛАГА 359 (Ильзетраут Липпхардт)

В конце 2012 года в небольшом городке Эттенхайм-Мюнхвайер, что в земле Баден-Вюртемберг, на 71-м году жизни умерла Ильзетраут Липпхардт.

Мало кто в России, да и в Германии знает ее имя. А между тем именно она была одной из убежденнейших носительниц исторического правосознания в послевоенной Германии и, сама это для себя не формулируя, даже попыталась спасти честь своей страны в одном весьма деликатном вопросе.

Конец XX столетия, в котором соблазненная и охмуренная Гитлером Германия так «отличилась», прошел под знаком гуманитарного урегулирования и компенсационных выплат жертвам Холокоста и других нацистских преступлений. Немецкое государство и немецкая индустрия объединили свои усилия, и в 2001 году родился специализированный федеральный немецкий фонд «Память, ответственность и будущее». Этим шагом Германия впервые признала свою прямую ответственность не только за самые чудовищные преступления национал-социализма против человечности, такие как геноцид или медицинские эксперименты в концлагерях, но и за насильственный труд миллионов принудительных рабочих из СССР и Польши, ответственность за который она, прикрываясь прорехами в международном праве, до этого в юридическом плане искусно и решительно отвергала.

Конечно, и правительством Шредера, и предпринимателями двигали прежде всего экономические интересы — желание не рисковать престижем и отвести угрозы со сто-

роны американских адвокатов, представлявших массовые коллективные иски жертв. Но ощущалось и желание войти в новое столетие уже без черных пятен на белом смокинге.

В том, что, несмотря на все многомиллиардные старания, им это в итоге не удалось, виноваты они сами. А не удалось потому, что из круга лиц, правомочных на получение компенсации, была выведена целая категория жертв — советские военнопленные.

Как вторая по массовости категория жертв национал-социалистических преследований (более 3 млн чел., смертность около 60%), они были признаны и Нюрнбергским трибуналом, и всеми немецкими и российскими историками плена.

Вот цитата из обвинительного заключения Нюрнбергского процесса: *«Обхождение с советскими военнопленными характеризуется совершенно особой бесчеловечностью. И причина смерти столь значительного их числа не сводится к действиям отдельных охранников, в их случае мы имеем дело с систематически запланированным их убийством. Более чем за месяц до немецкого нападения на Советский Союз Главкомандование вермахта разработало проект приказа об особом обращении с политическими комиссарами, попавшими в плен. Их предлагалось не рассматривать в качестве военнопленных и устранять (то есть расстреливать. — П.П.) самое позднее в промежуточном лагере».*

Эта принципиальная позиция была подтверждена и в коллективном обращении, подписанном 10 мая 2003 года в Граце российскими и немецкими историками, специализирующимися на проблематике плена: *«Наша позиция заключается в том, что Федеральный Закон о создании фонда “Ответственность. Память. Будущее” должен быть распространен также и на советских военнопленных и итальянских военных-интернированных. Этим двум группам военнопленных было фактически отказано в соблюдении по отношению к ним статуса военнопленных. Поэтому их следует рассматривать как*

жертвы национал-социалистических преследований и выплатить им компенсации» (среди подписавших — Г. Хаммерман из Дахау, А. Хильгер из Гамбурга, П. Ян из Берлина, С. Карнер из Граца, К.-Д. Мюллер из Дрездена, Р. Келлер из Ганновера, Р. Оверманс из Фрайбурга, К. Штрайт из Гейдельберга, М. Шперер из Штутгарта и др.).

Закон о создании Фонда сознательно игнорировал эту «специфику» и однозначно интерпретировал всех военнопленных, включая советских, как неправомочных на данную компенсацию. Эта антиисторическая позиция была с удовольствием поддержана немецкой фискальной системой и немецкой юстицией: но как «Приказ о комиссарах» согласуется с международным правом в правовом сознании немецкого законодателя, остается загадкой.

«Объяснений» такому подходу было запущено не одно — тут и выплаченные уже репарации (при чем здесь военнопленные?), и международное право, регулирующее весь комплекс вопросов, касающихся «нормальных» военнопленных воюющих или воевавших держав.

То, что советские военнопленные и немецкое обхождение с ними решительно не вписываются в рамки «нормальности», было прекрасно известно, но и не интересовало никого. В Германии знали, насколько бесправными были эти люди и у себя на родине, так что массовых исков с их стороны — не опасались. Как бы цинично это ни звучало, но жертвы без лобби — как бы и не жертвы вовсе. Поэтому принятый закон не делал различий между советскими и всеми остальными военнопленными и допускал выплаты лишь для тех из них, кто был в концлагере. (Впрочем, и ряд немецких муниципальных фондов, а также Фонд католической церкви не видели для себя проблем в том, чтобы платить и военнопленным: но никто их практически и не искал — так что эта возможность была, по сути, сугубо теоретической.)

Правда, попытка зафиксировать историческую и юридическую неприемлемость такого подхода в суде все же

имела место. Предметом иска берлинского адвоката Стефана Ташьяна к немецкому государству стало юридическое признание бывших советских военнопленных особой категорией жертв национал-социалистических преследований и установление их правомочия на получение компенсаций. Но его иск относительно правомочия двух бывших советских военнопленных из Армении на получение компенсации по формальным и процессуальным соображениям был отклонен. Тогда, в 2002—2003 гг., Ташьян проиграл в двух инстанциях, — но до обсуждения существа красноармейского плена дело не дошло: суд просто отказал истцам в правомочии. Даже судья, ведущий процесс во второй инстанции, как, впрочем, и адвокат противной стороны, говорили тогда о большом зазоре между правом и справедливостью.

Но и в своих собственных странах бывшие советские военнопленные также не получили ничего — ни в России, ни на Украине. И только в Белоруссии возможность заплатить «своим» военнопленным хотя бы символические суммы была изыскана.

В целом же налицо отчетливая солидарность ряда стран в устойчивом нежелании выплачивать компенсации советским военнопленным. Жертвы двух диктатур в молодости, к старости они стали еще и жертвами нескольких демократий.

Такое отношение к ним вызвало недоумение и возмущение как в постсоветском пространстве, так и в самой Германии. В частности, у госпожи Ильзетраут Липпхардт, дочери коменданта стационарного лагеря (шталага) 359 для советских военнопленных. Свою ответственность за политику Гитлера она переживала не абстрактно, а очень конкретно и как бы лично — как дочь коменданта. В духе исторической ответственности, а точнее — совестливости она воспитала и своих детей.

Шталаг № 359 был впервые организован 18 апреля 1941 года в XIII военном округе, но начиная с конца сентября 1941 года он был переподчинен командиру во-

еннопленных в Люблине, и с этого времени в течение более чем двух лет (до ноября 1943 года) располагался в Сандомире на территории Польши.

Его первым комендантом был отец фрау Липпхардт — подполковник Рихард-Франц фон Госсман, до этого работавший на аналогичной должности, но на Западном фронте, в одном из лагерей для французских военнопленных под Бордо. В Сандомире, однако, «работа» оказалась совсем другой — жестокой и бесчеловечной. От 65-летнего коменданта зависело настолько мало, что эту пытку бесчеловечностью и беспомощностью он смог выдержать только до мая 1942 г., когда и вышел в отставку. Один из его преемников, майор Фрайбер, и вовсе покончил с собой.

Возмущенная и даже оскорбленная таким отношением к советским военнопленным со стороны немецкого правительства, фрау Липпхардт, — а в ее лице немецкое гражданское общество, — решила взять хотя бы частицу этой ответственности на себя.

Она разыскала двух узников этого шталага — Николая Александровича Бондарева из подмосковного Королева и Степана Дмитриевича Максимушкина из Пронска Рязанской области. Оба попали в плен почти в одно и то же время (в сентябре 1941 года) и оба на Украине — один в Полтавской, другой — в Днепропетровской области.

Разыскав их и установив с ними личный контакт, она переводила им, пока они жили, по 25 евро ежемесячно из своего более чем скромного заработка церковного органиста.

Ее же следует поблагодарить и за то, что проблемой гуманитарных выплат бывшим советским военнопленным занялось берлинское благотворительное объединение «Контакты/Kontakte», специализирующееся на сборе пожертвований для бывших жертв национал-социализма (руководитель проекта — Эберхардт Раджевайт). Время от времени фрау Липпхардт делала пожертвования и в его кассу.

ПАНЪЕВРОПЕЙСКИЙ ВЗГЛЯД (Музей Второй мировой войны в Гданьске)

1 сентября 1939 года Германия объявила Польше войну, и в 4.45 утра находившийся в Данцигском заливе броненосец «Шлезвиг-Гольштейн» выстрелил из главного калибра по военно-морской базе Вестерплатте в Данциге-Гданьске, унаследованной поляками от немцев же. Это был исторический выстрел — первый во Второй мировой войне!

Эх, где сейчас те стволы и та амуниция?.. Как пригодились бы они сегодня! Дело в том, что в Польше создается новый большой музей — Музей Второй мировой войны.

И будет он именно в Гданьске, куда просвистел тот самый первый снаряд. Музей планировалось построить на чистом месте и открыть к 75-летию начала Второй мировой войны — к 1 сентября 2014 года. Но археологическая проработка и грунтовая обстановка задержали проект, и теперь его открытие ожидается не ранее 2017 года.

Научную концепцию музея разработали польские историки и руководители музея Павел Махцевич и Петр Маевский. Тремя программными осями, которые в нее закладываются, являются время (хронологическая последовательность), тема (полнота проявления и разнообразие выражений «лица войны») и личность (раскрытие проблем через индивидуальные судьбы). Де-факто четвертой осью является и пространство, ибо каждый экспонат и каждый аспект имеют не только временную, но и масштабную метку — мировую, европейскую, общепольскую или локальную (гданьскую и вокруг). С общепольской надо быть особо осторожным: Польша исто-

рически, — и в 1940-е годы в том числе, — государственное тело весьма динамическое и переменчивое.

Центральная идея концепции — радикальная гуманитаризация показа войны¹. Поэтому и современный военный музей — это не музей боевых действий как таковых: таких музеев, не говоря уже о локальных мемориалах битв, вполне достаточно в современном мире, включая Императорский военный в Лондоне или оба российских — на Самотеке и на Поклонной горе в Москве.

Поэтому 55% полезной площади будущего гданьского музея резервируется под оккупацию, плен, принудительный труд, депортации и другие небоювые аспекты, еще 15% — под идеологию, политику и дипломатию и только 30% — под боевые действия. В московских музеях им отведены, наверное, все 95%!

В начале 2000-х гг. полным фиаско обернулась искренняя попытка старого музейщика А. Крупенникова, директора созданного на базе лагеря для привилегированных военнопленных в Красногорске Музея немецких антифашистов, трансформировать его экспозицию, явно морально устаревшую, в принципиально новый продукт — Музей трагедии плена. В итоге главпуровский дух загубил эту прекрасную и выстраданную идею: разве уместна она была в контексте последних чеченских войн, не отличавшихся гуманностью и по отношению к пленникам?

Идею панъевропеизировать и отчасти глобализировать историю Второй мировой войны и тем самым оторваться от национальных почв можно только приветствовать, но это чертовски трудная задача.

Здорово, если исторически выверенный образ войны легко найдет себе воплощение в будущем гданьском музее.

«Вся власть истории!» — отличный, кстати, скрипичный ключ и для российских музейных проектов.

---

¹ Увы, никак не гуманизация: это невозможно!

АГЕНТЫ БЕСПАМЯТСТВА

ОТРИЦАНИЕ И ГЕОПОЛИТИКА ХОЛОКОСТА¹

За политические последствия ревизионизма мы не отвечаем.

Я, конечно, сионистов не очень люблю, но я не антисемит, и евреев не ненавижу...

<...> Государство Израиль не имеет права на существование. Что делать с этими евреями? Мы культурные люди, уничтожить их нельзя. Что делать с ними?.. Я не знаю.

Юрген Граф²

Или эти люди и впрямь ничего не знают, или хотят людям в лицо песку сыпануть. Того, что было, отрицать уже нельзя. Ведь оно же было.

Йозеф Эрбер³

Ни единого дня своей жизни я не потрачу на то, чтобы все снова и снова сообщать моему немецкому народу о том, что он истребил мой еврейский народ...

Вольф Бирман⁴

---

¹ Исходный текст создавался во второй половине 2000-х гг. (см.: *Отрицание отрицания*, 2008. С. 21—104). В настоящем издании отдельные сведения уточнены, но систематической проверки не проводилось, ибо основное в контексте книги — не факты, а обобщения.

² «Обыкновенный ревизионизм». Интервью Николая Караева с Юргеном Графом. 2002, 8 декабря // Сайт «Пуговички»: www.svenlib.sandy.ru/pugovichki/vesti/graf.htm

³ Из интервью Йозефа Эрбера, бывшего начальника женского лагеря в концлагере Аушвиц-Биркенау (*Demant E.* (Hg.). *Auschwitz — «Direkt von der Rampe weg...»*. Kaduk, Erber, Klehr: *Drei Täter geben zu Protokoll*. Rowohlt, 1979. S. 44—45).

⁴ *Каценельсон И.* Сказание об истребленном народе. / Пер. Е.Г. Эткинды под редакцией Ш. Маркиша. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 213—214.

Отрицатели или ревизионисты?

1

История Второй мировой войны — живая: в ней много еще неизученного, неразгаданного, искаженно или даже ложно показанного. Историки перманентно корректируют друг друга, поправляют, уточняют, даже опровергают, завязываются плодотворные дискуссии, способствующие и прояснению деталей, и пересмотру интерпретаций, их фундированной и непредвзятой ревизии. По ходу дела и в жару споров иной раз в прах рассыпаются концепции, рушатся профессорские репутации, и даже целые государства иной раз оказываются в эпицентре позора — в не слишком приятной для себя ситуации фальсификаторов истории и политических лжецов, как, например, СССР в случае с Катынью или Польша в случае с Кельце или Едвабно...

Все это нормальный исторический процесс, и все бы ничего, когда бы под него не хотели сработать те, чьей идеей фикс стало не постижение истории, а ее искажение. Но по плечу ли ризы историчности тем, чей «историзм» целиком сводится, в сущности, к непризнанию Холокоста и, за этот счет, к обелению гитлеровского режима?

После окончания Второй мировой войны в исторической публицистике ряда европейских стран появились работы, подвергающие сомнению многие выводы Международного Нюрнбергского трибунала над нацистскими преступниками. В большинстве стран их авторов называют «отрицателями Холокоста» (*Holocaust denier*) или «распространителями лжи о Холокосте» (*Holokaustleugner*).

Сами же себя они именуют иначе — самолюбиво и самопочтительно — «ревизионистами», вменяя себе тем самым неискоренимую склонность к борьбе за истину и, как следствие, к научному пересмотру господ-

ствующих воззрений на основании новодобытых или же наново переосмысленных данных и т.п. Такая терминология и греет их душу, и придает им легитимность.

При этом легитимизация происходит даже через причастность не столько к объекту того, что ими якобы «ревируется», сколько к субъекту — к гранд-даме по имени историческая наука¹. Им хотелось бы быть «второй» и равновеликой «стороной медали», где роль «первой» играла бы писаная история. Мало того, и самое «первую сторону» медали — историю — они норовят опустить до своего уровня: историков, с которыми они воюют, они, «ревизионисты», называют «холокостниками» или «экстерминалистами²», то есть приверженцами некоей другой и равноположной с их собственной «теории», исходящей из столь нелепого допущения, что кто-то евреев уничтожил.

Важная особенность отрицателей: они патологически серьезны. Как гиены, они роются в текстах и свидетельствах, отыскивая в них любую, в их понимании, «слабину». И если что-то «подходящее» вдруг находится, то, словно стая пираний, — дружно, хищно и радостно — они набрасываются на кажущуюся легкой добычу. Если кто-то из очевидцев событий ронял, что видел в Треблинке целую гору обуви высотой, наверное, в 40 метров, то можно не сомневаться, что они припишут этому высказыванию высшую категорию достоверности и чуть ли не краеугольности для «экстерминалистской» истории Шоа, а в «Журнале пересмотра истории» вскоре появится парочка разоблачительных статей с графиками, чертежами и едкими шуточками о 190 миллионах, чья обувь могла бы, судя по расчетам, составить такую «гору». В другой статье будет доказано, — отныне и навсегда, — насколько такое сооружение невозможно.

¹ Именно по этой причине та же Д.Липштадт избегает пользоваться этим термином.

² От английского «exterminate» — уничтожить. Иногда в их текстах встречается и что-то наподобие «холокостники».

Fazit: все очевидцы — продажные лгуны, все «экстерминалисты» — шарлатаны, так что Холокоста, извините, не было!¹

Еще раз переспросим себя: по плечу ли ризы историчности тем, кто даже и не пытается скрыть за шевелюрой рассуждений ослиные уши антисемитизма?..

Так что на вопрос: а можно ли им подавать руку? — ответ вполне определенный: нет, нельзя, эти господа нерукопожатны.

Но просто презирать их, игнорировать, не замечать и не отвечать им — тоже уже нельзя!

Голда Меир как-то обронила: *«Нет, мы не снизойдем до пропаганды»*. Недавним отголоском этого может послужить типичное для израильского истеблишмента высказывание Шимона Переса: *«Хорошая, правильная политика не нуждается в рекламе, она говорит сама за себя»*. К сожалению, это стало одной из составных частей израильского государственного взгляда на мир. В результате Израилю приходится постоянно обороняться и бороться за каждую пядь информационного поля, изначально уступленного безо всякого боя².

---

¹ См.: *Felderer D. Certain Impossibilities of the “Gerstein Statement” // IHR. 1980. Nr.1.*

² Чем примитивнее пропаганда, тем она порой эффективнее. С.С. Аверинцев рассказывал мне в Вене о демонстрации палестинцев, протестовавших против очередного израильского ответа на очередной палестинский теракт. Они скандировали: *«Ein, zwei, drei — Palästina frei!»* — не больше и не меньше: себя этой кричалкой они вполне разогрели. Другому случаю я был свидетелем уже сам: около двух-трех десятков темнокожих парижан с двумя мегафонами демонстрировали свою солидарность с вандалами, жегшими накануне парижские пригороды. Сменяясь по очереди у мегафонов, они скандировали в такт какому-то древнему африканскому ритму всего одно слово, стараясь делать ударение не только на последнем слоге, но и на все остальных: *«Solidarité! So-li-da-rité! So-li-da-rité!..»* Получалось грозно и зажигательно!..

Насколько может преуспеть пропаганда отрицателей и насколько глубоко может «самообразоваться» любой желающий, показывает эпизод, с которого начинается книга *Кенетта Штерна* (Keneth Stern). Он приводит диалог корреспондента телеканала NBC и участника демонстрации противников показа по этому каналу фильма «Холокост», состоявшейся в Нью-Йорке 9 сентября 1979 года. Рядовой демонстрант говорил так: *«Потому что это сионистская попытка навязать американцам комплекс вины, и чтобы мы не могли объективно оценивать нашу ближневосточную политику, стоящую налогоплательщикам миллиардов долларов, выброшенных на израильские военные нужды.*

— Но разве Нюрнбергский трибунал не доказал подлинности Холокоста?

— Нет, сегодня уже ни один серьезный историк не воспринимает их иначе как несправедный суд победителей.

— И что же: евреев в Германии не убивали?

— Нет, в Германии была только дискриминация евреев, и правительство стремилось отправить их в эмиграцию, но не уничтожить¹».

И это — в Америке!

Так надо ли с этим бороться? Доказывать, что дважды два — все еще четыре?

Но безграничная активность и пассионарность отрицателей, — в сочетании со столь же выдающейся пассивностью и постмодернистской кашей в головах неолиберальных политиков и журналистов (а порой и историков), — доказывает: увы, бороться с ними надо!

Но как? «Мараться» о них, участвуя в совместных с ними «дискуссиях»? Доказывать им по пунктам, что они тут неправы и там неправы и почему? Или же вы-

---

¹ Stern K. S. Holocaust Denial. New York: The American Jewish Committee, 1994. P.1-2.

сокомерно и презрительно улыбаться во время совместных ток-шоу?..

Или не заниматься ни тем, ни другим и полностью передать инициативу в их неленивые руки?..

2

Отрицание Холокоста моложе Холокоста всего на несколько лет: в 2017 году оно могло бы справить свое 70-летие.

При этом с самого начала оно было времяпрепровождением вполне интернациональным.

Первыми начали и некоторое время даже задавали тон французы — сначала убежденный фашист-коллаборант, а потом — убежденный коммунист и социалист. Первый — *Морис Бардеше* (Maurice Bardèche) — еще в 1947 году выступил в печати со своими сомнениями относительно подлинности хотя бы части документов Нюрнбергского трибунала о концлагерях¹: он первым «сообразил», что за нацистскими преступлениями стоят не идеалисты-эсэсовцы, а исключительно суровые военные условия и вызванные ими истощение людей и эпидемии, а также, не в последнюю очередь, и сами узники — люди, как известно, озлобленные и жестокие.

В том же духе, но более изощренной была аргументация *Поля Расинье* (Paul Rassinier), концлагерника и участника Сопротивления в Бухенвальде и Доре, депутата французского парламента. В 1948 году он выпустил книгу — «*Le Passage de la Ligne*» («Пересечение черты»), в которой, не отрицая политику террора и уничтожения евреев в концлагерях, вину за все это переложил на так называемых «функциональных узников» — капо, старших по баракам, блокам и т.д.² К тому же он

¹ *Bardèche M. Letter to Francois Mauriac. Paris, 1947; Bardèche M. Nuremberg ou la Terre Promise. Paris, 1948.*

² Как если бы в концлагерях торжествовала демократическая выборность снизу доверху!

отказывал в достоверности любым свидетельствам очевидцев — в принципе.

В 1964 году в книге «Драма европейских евреев» Расинье пошел гораздо дальше и первым стал утверждать: чего-чего, а газовых камер не было. Другое его существовавшее «ноу-хау» — конспирология: миф о шести миллионах уничтоженных евреев — это «циничная фальсификация», нужная только Израилю и лишь для вытягивания из Германии компенсаций, рассчитываемых от числа жертв.

Тут следует подчеркнуть, что в 1961 году увидела свет грандиозная историческая эпопея *Рауля Хильберга* (Raul Hilberg) «Уничтожение европейских евреев». Она подействовала на Расинье как красная тряпка, вдохновив его на серию демографо-статистических «разоблачений», осуществляемых главным образом с помощью передержек в цитировании и внеконтекстного сталкивания лбами различных архивных источников и количественных результатов¹. В 1978 году важнейшие сочинения Расинье были собраны под одну обложку — «Развенчание мифа о геноциде» — и опубликованы в США на английском языке².

В самой Германии в 1950—1960-е гг. тоже кое-что происходило. Так, в 1952 году в Тюбингене д-р *Херберт Граберт* (Herbert Grabert) основал Институт немецкой послевоенной истории, а в 1958 году в Ганновере был учрежден Комитет по восстановлению исторической правды,

---

¹ См. подробнее в: *Lipstadt D.E. Denying the Holocaust: the growing assault on truth and memory.* New York [u.a.], 1993. S.83-89.

² *Rassinier P. Debunking the Genocide Myth: A Study of the Nazi Concentration Camps and the Alleged Extermination of European Jewry.* Torrance, 1978. Книга вышла на английском языке в неонацистском издательстве, предположительно, к 10-летию со дня смерти Расинье (он умер в 1967 г.) и как ответ на показ по телевидению художественного фильма «Холокост».

не стеснявшийся в адрес еврейства и таких знакомых выражений, как «раковая опухоль на теле народа». Праворадикальные газеты в 1962—1963 гг. распространяли информацию о том, что Гитлер ничего не знал о преступлениях, а Холокост — это, конечно, не здорово, но вообще-то это заслуженное возмездие за еврейские методы в торговле и за убийство патриотов большевиками¹. В 1967 году в Австрии вышел трехтомник Франца Шейдла «История объявления немцев вне закона», где вновь утверждается, что газовых камер не было и что все это пропагандистские штучки союзников.

Но собственно об отрицании Холокоста — убийства, так и стоявшего перед глазами миллионов свидетелей и очевидцев, тогда все же еще никто не заикался. Гальванизирующая искра пробежала позднее, в 1970-е гг., когда появилась целая серия публикаций об Аушвице как о насквозь лживом мифе.

До США бес отрицания Холокоста добрался, по-видимому, в начале 1950-х гг. Добрался — и упал на весьма подготовленную почву, унавоженную теми, кого в США называли «изоляционистами». Я имею в виду тех политиков², журналистов и историков,³ которые само вступление США во Вторую мировую войну считали неправомерной ошибкой, а преступления, совершенные самими США (бомбардировки немецких и японских городов, послевоенное изгнание немцев, голод в послевоенной Германии), злодеяниями ничуть не меньшими, чем немецкие преступления. Понятно, что такой подход, чреватый поиском, а потом и скорым

---

¹ *Lipstadt*, 1994. S.69-71.

² Сенатор *Вильям Лангер* (William Langer).

³ Например, *Фреда Атли*, автор книги «Высокая цена мести» (*Utley F. The High Cost of Vengeance. Chicago, 1949*) или профессор *Чарльз С. Тэнсилл* из Джорджтаунского университета, автор книги «В войну с черного хода» (*Tensill C. C. Back door to War, 1952*).

«обнаружением» заинтересованных в войне групп населения (то есть евреев), неизбежно релятивировал все немецкие преступления, в том числе и Холокост.

В США, этой великой иммигрантской стране, отрицание Холокоста приняло поначалу весьма специфическую форму мифа — мифа о том, что все или большинство евреев уцелели: никто из них или большинство из них якобы не погибли, а целехонькими эмигрировали в Палестину или США, ходят среди нас, и никто — под нажимом еврейского лобби — не утруждает себя их пересчетом¹. Да и не было никаких 6 млн, а было их никак не больше 600 тыс. чел., ибо это максимальное число евреев, когда-либо проживавших в Германии. (Эта посылка любопытна не столько тем, что оперирует демографическими данными, сколько тем, как она эта делает, а именно — как бы «не замечая» миллионы восточноевропейских евреев, она препарировует и грубо искажает эти данные!)

Центральной фигурой раннего американского изоляционизма был Гарри Элмер Бэрнс (Harry Elmer Barnes), респектабельный профессор, историк-германofil, еще со времен Первой мировой войны оправдывавший немецкую политику и разоблачавший американскую². Германия, по Бэрнсу, ни в чем — ну решительно ни в чем не виновата: это Англия и Польша просто заставили ее ввязаться в эту войну.

Этот же тезис лег в основу книги Дэвида Л. Хоггана (David L. Hoggan) «Навязанная война», в 1964 году вы-

---

¹ Эта богатая идея была впервые озвучена в 1952 г. американским антисемитом У.Херстромом (W.D. Herrstrom).

² Неплохой загрузкой для будущих отрицателей в период между двумя мировыми войнами стали публикации «Протоколов сионских мудрецов» и др. антисемитских изданий, прямо или косвенно указывающих на мировой еврейский заговор. Большим поклонником подобного строя мыслей был не кто иной, как Генри Форд (см.: *Lipstadt*, 1994. S. 51—58).

шедшей и на немецком языке¹. «Навязанная война», «превентивный удар», «мирная и счастливая жизнь при Гитлере» — все это излюбленные коньки историографии отрицателей. Вот было бы здорово, если бы в этой мифографии можно было обойтись и вовсе без евреев! Но обойтись без них (даже в их отсутствие) никак не удавалось. Тому же Бэрнсу принадлежит пальма первенства и в публичных обвинениях Государства Израиль: в 1968 году он обвинил 20-летнее государство в том, что оно получило от Германии миллиарды марок в оплату за никогда не существовавшие трупы.

Еще одной ключевой фигурой среди отрицателей Холокоста в США был *Остин Энн* (Austin J. App), профессор английской литературы в Скрэнтонском университете (до войны) и Колледжа Ля Салль (после войны), многолетний президент Федерации американских граждан немецкого происхождения и не знающий устали или неловкости антисемит-энтузиаст. В первые месяцы после войны, даже оправдывая немецкую политику, он Холокоста не отрицал. Он даже призывал наказывать виновных, но в том числе и из стана победителей — тех, кто грабил или насиловал гражданское население.

Но его мировоззрение, встав на избранный путь, не могло не развиваться, и в 1974 году он выпустил книгу «Жульничество с шестью миллионами: шантаж немецкого народа шокирующими числами сфальсифицированных трупов», в которой сформулировал свои «Восемь аксиом», ставших для отрицателей Холокоста своего рода катехизисом².

Вот вкратце их содержание:

1. Решая еврейский вопрос, Германия имела в виду эмиграцию, а не уничтожение евреев. Если бы речь шла

---

¹ *Hoggan D. L. Der erzwungene Krieg. Tübingen: Grabert-Verlag, 1964.*

² *App A.J. The Six Million Swindle: Blackmailing the German people for hard marks with fabricated corpses. Takoma Park, Md.: Boniface Press, 1974.*

об уничтожении, то разве полмиллиона евреев остались бы живыми в концлагерях? Нет, конечно. А они остались, перебрались себе в Палестину, и теперь — без усталости качают из Германии бабки;

2. Ни в одном из концлагерей на немецкой земле ни один человек не погиб в газовой камере, и все больше и больше доказательств того, что и в Аушвице никого не убивали газом. Гитлеровских газовых камер попросту не было. В тех же, что были в Аушвице, проходила дезинсекция, ну а в крематориях сжигали трупы тех, кто умер, — умер от тысячи причин, в том числе и от англо-американских бомбардировок;

3. Большинство евреев, о судьбе которых ничего не известно, родом были с территорий, подконтрольных Советам, а не немцам. (Подтекст: если их кто и убил, то не Советы ли?);

4. В большинстве случаев, когда евреев ликвидировали все же немцы, речь шла о подрывных элементах, партизанах, шпионах, саботажниках — то есть о преступниках, наказание которых не возбраняется международным правом;

5. Когда бы была хоть малейшая вероятность того, что нацисты действительно уничтожили 6 миллионов евреев, то мировое еврейство выделило бы средства на расследование этого, а Израиль открыл бы свои архивы. Но этого не происходит, а вместо этого они травят всех тех, кто пытается разоблачить их жульничество. Что же тогда эти «шесть миллионов» как не подлог?

6. У евреев и их СМИ нет ни малейшего доказательства правдивости их сказок. Все признания Хёсса, Эйхмана и других — вырваны под пытками или сфальсифицированы.

7. Не обвиняемым, а обвинителям следует доказать, что число жертв — 6 миллионов, но талмудисты и большевики принудили Германию к тому, чтобы платить и не задавать лишних вопросов.

8. Но и при расчетах числа жертв, сделанных еврейскими учеными, обнаруживаются такие абсурдные несоответствия, что отпадает всякое сомнение в том, что для их обвинений нет никакой научной основы.

Специфично для Эппа и страстное желание запрячь евреев в одну упряжку с большевиками. Как те, так и другие были заинтересованы, во-первых, в раздувании лжи о своих, а стало быть, и о еврейских потерях, а во-вторых, в маскировке собственных преступлений против евреев, многократно превышающих, как полагает Эпп, немецкие¹. Интересна и склонность Эппа к персонификации всякой проеврейской политики: для США такой знаковой фигурой служил министр финансов Моргентау, а для СССР — почему-то Илья Эренбург.

В программной статье, открывающей первый номер *«Журнала пересмотра истории»*, Эпп заносчиво бросал вызов всем «экстерминалистам»: *«Тем, кто разбрасывают вокруг себя большие круглые цифры, как то 6 миллионов сожженных в газовых камерах, из них 4 миллиона в Аушвице и 2 миллиона в машинах-душегубках на востоке, не худо бы представить хоть какие-то доказательства — могилы, кости или пепел. Шесть миллионов тел не могут исчезнуть просто так. Они обвиняют, так пусть и представят доказательства. Но, при их ущербности, скорее на нас, ревизионистов, ложится задача показать, что цифра в 6 миллионов абсолютно бездоказательна, бесстыдная ложь. Даже те скудные источники, на которые я мог бы опереться, включая несколько десятков поездов*

---

¹ На логичный вопрос: а почему же тогда евреи клеветают на немцев, а не на русских, которые принесли им еще большие беды, дается следующий «ответ»: а потому что для евреев речь идет только о деньгах. И поскольку с Советов им денег все равно не слупить, то они сконцентрировали свою ложь на немцах, всегда готовых заглаживать свою вину. И когда большевики «выпали» из этой концепции вследствие своей антиизраильской политики, их место пришлось занять правительству США, подкупленному, ясное дело, евреями.

в Европу, в том числе в Дахау и в Арользен и множество интервью, позволяют мне оценить число еврейских жертв Рейха округленно в 300 тысяч человек. До тех пор пока еврейские публицисты не предъявят солидных доказательств обратного, чего до сих пор они даже не попытались сделать, я буду исходить из этих 300 тысяч, умерших отчасти от казней, отчасти от других репрессий, но главным образом (как и Анна Франк) от болезней»¹.

Но, быть может, главной особенностью Эппа было то, что антисемит в нем настолько превосходил антиисторика, что он вовсе не замыкался на отрицании Холокоста и вообще на Второй мировой войне. Он перебрасывал мостики и к войне Судного дня на Ближнем Востоке, и к энергетическому кризису 1973 года, в котором виноваты были, разумеется, тоже и те же — евреи. Иными словами, он был первым отрицателем-геополитиком, первым, кто стал сознательно «копать» под право Израиля на существование.

В 1970-е гг. появилась целая серия публикаций, специально посвященных Аушвицу, в частности «Сомнительные комбинации лжи» («Hexeneinmaleins der Lüge») Эмиля Ареца (Emil Aretz) и «Ложь об Аушвице» («Auschwitzlüge», 1973) Тиза Кристоферсона (Thies Christoferson). Именно ему, бывшему зондерфюреру СС по сельскому хозяйству в одном из филиалов Аушвица в 1944 году, принадлежит приоритет во введении в оборот этого перспективного термина — «Аушвицкая ложь».

В 1973 году юрист из Гамбурга Вильгельм Штеглих (Wilhelm Stäglich) опубликовал небольшое эссе «Миф об Аушвице», в 1979 году вышедшее отдельной книгой все в том же тюрингенском издательстве Граберта.² Положив на алтарь отрицательского пафоса свои юриди-

¹ App. A. The "Holocaust" Put in Perspective. // JHR, 1980. Nr.1.

² Геттингенский университет, в 1983 г. присвоивший Штеглиху степень доктора юриспруденции, в тот же год «отозвал» ее назад.

ческие навыки, он нашел себе редкое применение в отрицательском хоре: его амплу стало дезавуирование документальных и свидетельских показаний. Анализируя протокол Ванзейской конференции, Штеглих выбросил из него все фразы, вполне определенно читающиеся в еврейском контексте, и получил текст, исполненный чуть ли не отеческой заботы Третьего Рейха о евреях, переселяющихся на Восток, — хочется плакать. Он же оспаривал свидетельства непосредственных свидетелей селекции и газации в Аушвице — врачей и членов зондеркомандо¹.

Одним из наиболее «успешных» авторов из числа отрицателей по праву может считаться *Ричард Харвуд* (Richard Harwood), чья книга «Действительно ли умерли шесть миллионов? Наконец-то правда» вышла в 1975 году в Англии и почти одновременно в Германии². А.Суцман и Д.Даймонд из Южной Африки не поленились и провели специальное исследование по установлению личности автора³. Результат отрицательный: среди преподавателей, студентов и даже выпускников Лондонского университета человек под фамилией Р.Харвуд не значится⁴.

В сущности, во всех этих работах — почти независимо от автора или его законспирированности — пережевывается одна и та же жвачка мирового еврейского заговора и мирной эвакуации евреев из лагеря.

---

¹ См. анализ его усилий в главе «Свидетельства жертв» в книге Д.Циммермана.

² В русском переводе (1999) книга названа почему-то «Шесть миллионов — потеряны и найдены».

³ Сам он представился так: «В настоящее время в Лондонском университете».

⁴ См.: *Suzman A., Diamond D. Der Mord an sechs Millionen Juden. Die Wahrheit ist unteilbar. // Aus der Politik und der Geschichte. Beilage zur Wochenzeitung „Das Parlament“ (Berlin). 1978. Nr. B 30/78. 29 Juli. S. 5.*

В этой связи интересен эпизод, рассказанный в конце 1970-х гг. Йозефом Эрбером, бывшим начальником женского лагеря в концлагере Биркенау и одним из фигурантов на одном из аушвицких процессов 1960-х гг., киножурналисту Эббо Деману. Однажды (в тюрьме!) ему попала на глаза книга упомянутого Э. Арца, где он с изумлением прочел, что в Аушвице никаких евреев не убивали. Он так разволновался, что написал в издательство и попросил адрес автора, явно введенного в заблуждение своими информантами, чтобы написать ему и просветить, так сказать, из первых рук. Издательство сообщило ему, что бедный автор почил в бозе. Слова Эрбера по этому поводу, произнесенные на суде, вынесены в эпиграф к этому разделу¹.

3

Старая гвардия отрицателей — Бардеше, Бэрнс, Расинье, Хогган, Эпп — не гнушалась ничем: в ход шли любые, в том числе самые абсурдные, обвинения и «аргументы», часто противоречащие не только исторической правде или здравому смыслу, но и друг другу². И это не только не прибавляло им убедительности, но и, в глазах многих, скорее дискредитировало движение. Поэтому пришедшее им на смену новое поколение отрицателей начало с того, что подвергло «ревизии» собственное историческое «наследие». Ревизии, правда, не слишком строгой: отказавшись от самых нелепых из их

---

¹ *Demant E.* (Hg.). *Auschwitz — «Direkt von der Rampe weg...»*. Kaduk, Erber, Klehr: Drei Täter geben zu Protokoll. Rowohlt, 1979. S. 44—45.

² Так, газ «Циклон Б» объявлялся то настолько слабым, что он не способен никого убить, то настолько сильным, что проветривание газовых камер должно было бы занимать чуть ли не сутки, а с такой интенсивностью на миллионы жертв было никак не выйти.

обвинений, отрицатели второй половины 1970-х принялись за дело хотя и с прежним энтузиазмом, но с новой элегантностью и в новых одеждах.

В качестве их лидера нельзя не признать *Артура Р. Бутца* (Arthur R. Butz), американца немецко-итальянского происхождения и доцента-электротехника из Северо-Западного университета в г. Эванстоне, штат Иллинойс¹. В 1976 году он опубликовал книгу «Мистификация XX века» («The Hoax of the Twentieth Century»²), оказавшуюся по-своему этапной для новой генерации отрицателей Холокоста. Впервые на этом поприще появилось издание, снабженное научным аппаратом, — ссылками, сносками и т.п., издание, полемизирующее с «неточностями» и у самих отрицателей-предшественников, и т.д. Да и спокойный, без истерики, тон, взятый в книге, также показался всем чем-то новым. Так что не случайно книга удостоилась и внимания, и рецензий многих солидных газет.

Но еще менее случайно, что вышла книга все в том же «коричневом» американском издательстве *Noontide Press* и что она тут же была переведена на немецкий, причем из номера в номер ее по частям публиковала праворадикальная газета «*Deutsche Nationalzeitung*». За упаковкой научности и убаюкивающим флером спокойной объективности пряталось все то же самое — плохо припудренный антисемитизм. Чего стоят одни только издательские кавычки («Холокост») применительно к тем, кто не пережил или пережил Холокост!

Не миновал Бутц и демографических аспектов. Он повторил, что американцы после войны приняли к себе по-тихому те самые миллионы, которых как раз евреи и недосчитались. (Спрашивается, почему тогда те же американцы не приняли еще и «Сент-Луис»

---

¹ По канве его биографии даже была написана театральная пьеса.

² В 1977 г. она вышла и по-немецки.

с какими-то жалкими сотнями евреев на борту?) Страны-победительницы, по Бутцу, еще накануне победы провели неслыханно дружную кампанию по фальсификации тысяч документов, с помощью которых они потом усадили Германию на Нюрнбергскую судебную скамью. (Спрашивается: и что же они в этом раже забыли сварганить и какое-нибудь решение Ванзейской конференции или другой центральный документ об убийстве евреев?) Да и нацистские преступники, по Бутцу, были доведены мировой еврейской закулисой до того, что изо всех сил сами себя оговаривали на громких процессах в Нюрнберге, Франкфурте или Иерусалиме. (Спрашивается, если эта закулиса настолько могущественна, то как вообще Гитлер мог прийти к власти и на протяжении десяти с лишним лет настолько торжествовать?)

Событием, вызвавшим в среде отрицателей настоящий переполох (чтобы не сказать панику), стал показ весной 1978 года в США (по каналу NBC) 4-серийного 8-часового художественного телефильма «Холокост» *Герберта Бродкина* (Herbert Brodtkin) и *Роберта Бергера* (Robert Berger), который посмотрели 49% телезрителей страны¹.

Слабой попыткой противостоять этому мощному медиаудару стал выход в середине лета 1978 года уже упоминавшегося собрания отрицательских этюдов Расинье. Вместе с тем телевизионный «Холокост» и его колоссальный успех премного поспособствовали консолидации и институционализации отрицателей.

В 1978 году в городке Торранс близ Лос-Анджелеса был организован частный *Институт пересмотра истории* (Institute for Historical Review — далее IHR). Его первым директором был *Льюис Брэндон* (Lewi

---

¹ С учетом европейских показов и повторного показа в США, фильм посмотрели более 220 млн чел., при этом каждый показ сопровождался многочисленными обсуждениями.

Brandon)¹, незадолго до этого перебравшийся в Калифорнию из Англии. Подлинным же хозяином института, остававшимся как бы в тени, был *Виллис А. Карто* (Willis A. Carto), казначей организации «Лобби за свободу» (Liberty Lobby) и один из наиболее выдающихся расистов и антисемитов США. В начале 1981 года из-за внутренних разногласий он уволил Брэндона и назначил директором *Тома Марселуса* (Tom Marcellus).

Формально деятельность института и издававшегося им ежеквартально «*Журнала пересмотра истории*» (Journal for Historical Review — далее JHR) была посвящена не только Холокосту, но и любым другим «отступлениям от исторической правды», к какому бы периоду времени и месту они ни относились. Однако, в точности по черномырдинскому замечанию: «Какую бы общественную организацию мы ни создавали, а все получается КПСС», — даже исследования о военнопленных времен Гражданской войны в США неизбежно оборачивались сравнениями и сопоставлениями с Холокостом. Соответствующие «мостики» — и это, возможно, самое знаменательное — перекидывались не только в прошлое, но и в будущее, то есть в актуальную политику: JHR как бы предостерегал своих американских сограждан и налогоплательщиков от тех опасностей и катастрофических последствий, которые может вызвать следование США в фарватере просионистской и израильской политики². Иными словами, уже

---

¹ Как оказалось, это был один из многочисленных псевдонимов ирландского и общебританского фашиста *Вильяма Дэвида Макгалдена* (William David McGalden). Среди других его псевдонимов — Сондра Росс (Sondra Ross), Дэвид Берг (David Berg), Юлиус Финкельштейн (Julius Finkelstein) и Дэвид Стэнфорд (David Stanford). **Сам Макгалден был активным сотрудником антисемитского журнала «American Mercury», выходявшего в Нью-Йорке (антисемитским он стал в 1965 или 1966 г., когда его взял под свой контроль В. Карто).**

² *Lipstadt*, 1994. S.176.

Корейцы. Нация, расколотая
натрое. Владивосток, 1999.

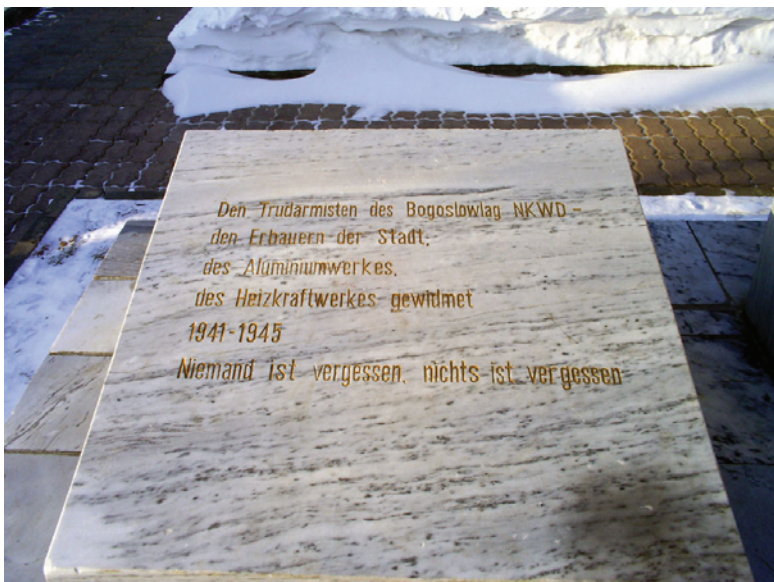
Немцы: памятник трудармейцам
отряда 18-74 Тагиллага.
Нижний Тагил, 1990.

Немцы: памятник трудармейцам —
строителям Богословского алюми-
ниевого завода. Красногурьинск, 1995.

Немцы: Памятник трудармейцам. Челябинск, 1989—1990, 2004.

Немцы: Российским немцам — жертвам репрессий в СССР. Энгельс, 2011.

Карачаевцы: Мемориал жертвам
политических репрессий
и депортации карачаевцев.
Карачаевск, 2005.

Карачаевцы: Мемориал жертвам политических репрессий и депортации карачаевцев. *Карачаевск, 2005.*

Калмыки: типовой памятный знак на местном кладбище. Омск, нач. 2000-х.

Чеченцы: Мемориал депортированным чеченцам. Грозный, 1992.

Чеченцы: Мемориал депортированным чеченцам. Грозный, 2015.

Ингуши: Мемориальный комплекс жертвам репрессий.
Таргим, нач. 2010-х гг.

Ингуши: Мемориальный комплекс жертвам репрессий (экспозиция).
Назрань, 1997.

Ингуши: Мемориальный комплекс жертвам репрессий.
Назрань, 1997.

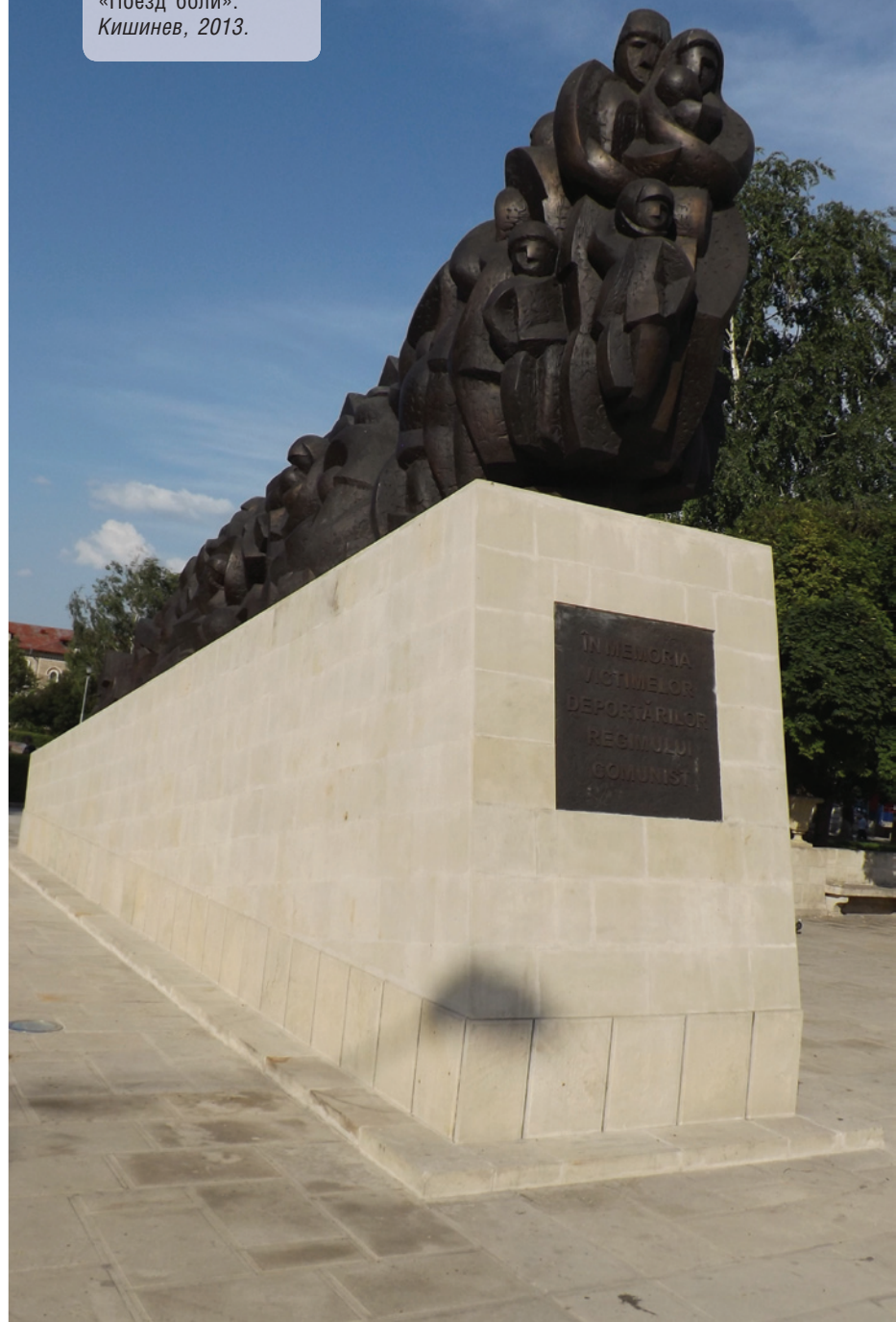

Крым, Керчь. Памятник «Против жестокости и насилия».
Керчь, 2005.

Молдавия, Кишинев.
«Поезд боли».
Кишинев, 2013.

Поляки: «Умершим и замученным
на Востоке: жертвам советского
нападения» Варшава, 1995.

в конце 1970-х гг. тема отрицания Холокоста вполне осознавалась как инструмент политического давления на Израиль. И подспудно, и явно вопрос ставился так: если отрицатели Холокоста правы, то и Государство Израиль более не легитимно, ибо создавалось оно на не существующих костях и пепле миллионов жертв.

В сентябре 1979 года ИНР провел в г.Торрансе в Калифорнии свою первую Конференцию ревизионистов, ставших впоследствии ежегодными. Вторая по счету была проведена летом 1980 года в Помона-Колледже в Клермонте, Калифорния¹. Эти конференции, действительно, премного послужили консолидации движения отрицателей².

Отрицателей не забывали приглашать и на другие антисемитские форумы. Так, Бутц участвовал в так называемом Дне Спасения, организованном в 1985 году Луисом Фараханом (Luis Farakhan), лидером американских «Черных мусульман».³ В другом подобном форуме — Международной Антисионистской конференции, намеченной на ноябрь 1992 года в Стокгольме, — должны были участвовать Фарахан, Дэвид Ирвинг (David Irving), Роберт Форисон (Robert Faurisson) и Фред Лейхтер (Fred A. Leuchter).⁴ (Кстати, заседания «Антисионистского Комитета советской общественности», существовавшего в 1983—1994 годах, состоявшего исключительно из «полезных» евреев под председательством генерал-полковника Давида Драгунского и имев-

---

¹ Ознакомившись с программой («Ревизионистской Конвенцией») и литературой, производимой и распространяемой ИНР, президент Колледжа попросил отрицателей в будущем его не беспокоить.

² См. отчет о конференции и некоторые из докладов (в частности, О. Эппа, с его типическими кавычками вокруг ключевого слова: «Холокост», взятый в исторической перспективе») в первом выпуске JHR (1980. No 1).

³ Lipstadt, 1994. S.157.

⁴ Lipstadt, 1994. S.31.

шего ярко выраженную «антисионистскую», то есть антиизраильскую направленность, едва ли могут быть поставлены в этот ряд: Комитет никак не соприкасался с проблематикой Холокоста или его отрицания, поскольку, согласно идеологической доктрине КПСС, Холокоста в СССР не было, а были — преступления фашистских извергов против советского народа независимо от национальности.)

Однако конференция в Стокгольме не состоялась, а вместо нее 19 ноября 1992 года состоялась другая — в Германии, в г. Вайнхайм, где ее организовал председатель праворадикальной Национальной партии Германии *Гюнтер Деккерт* (Günter Deckert). В ней приняло участие около 120 отрицателей, в том числе и Ф. Лейхтер, рассказавший о результатах своих исследований и заключивший доклад выводом: «Холокоста не могло быть технически». Аудитория рукоплескала: 45 лет покаяния более чем достаточно, тем более — покаяния за грехи, которых, как выясняется, не было. В конце конференции Деккерт потребовал учреждения международной комиссии, которая проверила бы как следует, а был ли Холокост. «Пора избавляться ото лжи! Покончим с Холо!» — заключил он¹.

Крупным событием в отрицательском сообществе стала и международная конференция так называемого «Аделаидского института», организованного в 1994 году *Фредериком Тебеном* (Frederick Toeben)².

---

¹ Этого немецкое правосудие уже не снесло, и Земельный суд г. Мангейма приговорил Деккерта к одному году тюрьмы за разжигание национальной розни, клевету и оскорбление памяти умерших, а также за подстрекательство к расовой ненависти.

² Родился в 1944 году в Ольденбурге, в 1950-х годах эмигрировал вместе с семьей в Австралию. Основатель и директор т.н. «Аделаидского института», объединяющего австралийских отрицателей Холокоста (см.: www.adelaideinstitute.org). Выступает с докладами о лживости Холокоста, иллю-

Она состоялась в Австралии 7—9 марта 1998 года. В ней приняло участие около 50 человек, в их числе Бутц, Граф, Форисон и др.¹

Последние по времени события из этого ряда — две международные конференции под нескромным названием — по глобальным проблемам всемирной истории: одна состоялась 6—7 октября 2001 года в Триесте², вторая — 26—27 января 2002 года в Москве.

Но, быть может, еще более действенным, нежели конференции, инструментом воздействия на общественность и на ее мнение стал, — несмотря на свое полное непризнание профессиональными историками, — профильный периодический орган Института пересмотра истории — ежеквартальник JHR, выходящий в Торрансе и, в меру умения и сил, косивший под научное издание (его первым редактором был Марк Вебер³).

Очень быстро журнал стал центральным форумом для отрицателей всего мира. Его первый номер вышел весной 1980 года, а последний, 96-й по счету, — в мае-августе 2002 года⁴.

Тогда же, в самом конце 1970-х гг. на отрицательском небосклоне возшло еще две «звезды» — и обе из Европы. Первая — это немецкий профессор Хель-

---

стрируя их моделью лагеря смерти Трешлинка. В 1999 году Тебен был арестован и приговорен Маннхаймским судом к 10 годам тюрьмы.

¹ См. выступление А.Бутца и отчет о конференции в: JHR.1998. No. 6. P.2-10.

² Эта конференция состоялась взамен другой, не состоявшейся в марте 2001 г. в Бейруте (правительство Ливана ее запретило).

³ Род. в 1951 г.

⁴ Издание журнала было приостановлено из-за недостатка средств, но с обещанием, что оно будет возобновлено, если средства найдутся. Судя по всему, таковые не нашлись, и функцию журнала как коллективного голоса перенял постоянно обновляющийся журнальный веб-сайт: www.ihr.org

мут Дивальд (Hellmut Diwald) из Эрлангена, известный специалист по древней истории, автор монументальной «Истории немцев», вышедшей в октябре 1978 года. О чудовищных событиях современности он отозвался всего на двух страничках и в том плане, что они исполнены *«сознательных ошибок, фальсификаций и преувеличений с целью тотальной дисквалификации одного народа»*. Геноцид евреев представлялся ему историей одной не до конца состоявшейся эмиграции: *«Под термином “Общее решение” или “окончательное решение” во время войны надо понимать следующее: поскольку эмиграция после войны стала невозможной, все евреи должны были быть эвакуированы из Центральной Европы на Восток и изолированы от немецкого населения и сконцентрированы в новых гетто. Этот план обрисовал начальник РСХА Рейнхард Гейдрих 24 июня 1940 года. То, что в последующие годы происходило в действительности, остается, вопреки всей литературе, непроявленным...»* А о газовой камере в Дахау он написал, что ее построили американцы, о высокой смертности в Аушвице — как о следствии того обстоятельства, что там были сконцентрированы самые слабые и непригодные к труду люди, и все это — много позже серии «Аушвицких процессов» во Франкфурте в 1963—1965 гг.!

Вторая «звезда» — французский литературовед Р. Форисон из Университета Лион-II. В его книге «В защиту памяти: против тех, кто фальсифицирует историю: вопрос о газовых камерах» (1980) и Шоа, и газовые камеры объявлялись выдумками сионистов и на этом основании отрицались. Уничтожить столько людей, утверждал он, просто технически невозможно. Кроме того, он разоблачал и дневник Анны Франк как отцовскую подделку. За все это Форисона и уволили со службы, а позже, по обвинению в фальсификации

истории, еще и осудили на 3 месяца заключения и к 21 тысяче франков штрафа.

Случай сам по себе не исключительный, но особенным его сделало то, что за права Форисона говорить то, что он думает, вступились сотни людей, подписавших соответствующую петицию. В этом объединились и австралийский отрицатель Холокоста *Джон Беннет* (John Bennett), и известный ученый и публицист *Ноам Хомский* (Noam Homsky), еврей и решительный противник взглядов Форисона: последний отстаивал, тем не менее, *право* Форисона на любые исследования, даже и не популярные в обществе. В частности, в «Поисках правды Ноамом Хомским» он написал: *«Я не вижу антисемитизма в отрицании существования газовых камер или Холокоста. Я также не вижу антисемитизма в заявлениях, что Холокост (независимо от уверенности заявляющего в его существовании) используется апологетами израильских репрессий и насилия»*¹. Это заявление вызвало острую полемику в научных и общественных кругах Европы, Америки и Израиля. «Дело Форисона» показало, сколь значительными могут быть расхождения в интерпретации понятия «права человека» и границ их применения.

В 1985 году свое слово сказал еще один французский отрицатель *Анри Роке* (Henry Roques). В диссертации, защищенной им в университете Нанта, он также отри-

---

¹ *Lipstadt, 1994. S33ff. Защищая в лице Р. Форисона абстракцию свободы слова и мнений и едва ли зная защищаемого лично, Н. Хомский, возможно, внес бы коррективы в свою позицию, узнай он о своем подзащитном чуть больше. Стал бы он защищать его от обвинений в антисемитизме после того, как прочел бы собственный рассказ Форисона о том, как он в 1997 году в Париже героически крикнул в лицо профессору Алэну Финкелькрауту (Alain Finkelkraut) в кафе в Латинском квартале: «Они уже готовы, ваши газовые камеры!» (Faurisson R. Paying Tribute to Jewish Power. "Ah, How Sweet it is to be Jewish..." // JHR. 1998. No.6. P.11-12)*

цал существование газовых камер и назвал офицера СС Курта Герштейна — одного из тех, кто первым сообщил союзникам о том, что происходит в Аушвице, — выдумщиком¹.

Столь агрессивная институционализация отрицателей в свою очередь, заставила — иного слова и не подберешь — ученых и политиков не просто обратить на них внимание, но и отвечать им. Внушительной формой такого ответа стала Международная конференция освободителей узников гитлеровских концлагерей, организованная Американским Советом поминовения жертв нацизма и проходившая с 26 по 28 октября 1981 года в Вашингтоне, в Госдепартаменте США. Одной из важнейших ее целей стало «опровержение неонацистской пропаганды о том, что будто бы на оккупированных гитлеровской Германией территориях не было массового уничтожения евреев и людей других национальностей в гитлеровских концлагерях»².

С появлением JHR отрицатели связывали свои главные надежды на долгожданное (ну хотя бы частичное!) признание себя миром настоящих, серьезных историков. С этой целью первый номер JHR, вышедший в начале 1980 года, был разослан бесплатно всем 12 тысячам членам Организации американских историков, уже тогда породив среди них жаркую дискуссию: надо или не надо как-то реагировать на JHR. Карл Деглер (президент этой Организации) поддержал идею создания группы независимых экспертов для оценки содержания присланного журнала, но эта идея так и не была реализована.

Схожая дискуссия повторилась спустя 10 лет — в 1990—1991 гг., на сей раз в кругах Ассоциации американских историков и главным образом из-за вопроса,

---

¹ Lipstadt, 1994. S. 25—26. Университет отобрал у Роке докторскую степень.

² Петренко, 2000. С. 86.

надо или не надо библиографировать вышедшие на страницах JHR статьи. Ассоциация в конечном счете отклонила всякий контакт с JHR по причине вопиющего непрофессионализма отрицателей Холокоста как историков, но в еще большей степени из-за отовсюду проступающего антисемитизма: разговаривать и переписываться с отрицателями, сочли в Ассоциации, — то же самое, что беседовать о неграх с практикующими ку-клукс-клановцами.

Кстати, библиографией «ревизионистов» первыми занялись они сами: работы по 1981 год включительно¹ представлены в аннотированном перечне, подготовленном *Кейтом Стимли* (Keith Stimely): <http://www.ihr.org/books/stimely/stimely.shtml>. Да и автобиблиография публикаций JHR также вполне разработана².

В чем отрицателям решительно нельзя отказать, так это в энергии и креативности. Так, весьма оригинальной формой жизнедеятельности IHR стало установление «Премии конференции последователей ревизионизма» в размере 50 тыс. долларов, выдаваемой каждому, кто представит жюри неоспоримые доказательства уни-

---

¹ Самая ранняя из них датируется 1933 г. (!), что несколько неожиданно.

² См. перечень основных опубликованных в нем статей, а также названия других важнейших публикаций отрицателей в: *Stern K.S. Holocaust Denial. New York : The American Jewish Committee, 1994. P. 135—152. Сводный перечень публикаций за 1980—1998 годы вместе с тематическим и авторским индексами опубликован в: JHR. December 1998. P. 37—60 (составлен Греггом Рэвенем). Интернет-версия аналогичного перечня, но охватывающего все время выхода журнала в свет, представлена на: <http://www.ihr.org/journal/jhrarticles.shtml>. Одна из первых попыток их библиографирования историками принадлежит Ривке Кноллер: см. *Knoller R. Denial of the Holocaust* — A bibliography of literature, denying or distorting the Holocaust, and of literature about this phenomenon, Bar-Ilan University, Ramat Gan, 1989 (по другим сведениям 1992).**

чтожения нацистами евреев в газовых камерах во время Второй мировой войны. Публикуя в апреле 1980 года «Положение» о премии и рассылая его и соответствующие формуляры персонально ее потенциальным соискателям, устроители рассчитывали заманить своих оппонентов в сети неизбежного в таком случае диалога (а заодно и скандала). И две довольно крупные фигуры, несмотря на очевидную провокационность¹, добровольно приняли их вызов — это *Симон Визенталь*² и *Мель Мермельштейн* (Mel Mermelstein), переживший Аушвиц и не раз атаковавший ИНР в своих корреспонденциях в газете «Jerusalem Post». Мермельштейн не просто принял брошенный вызов, но и пригрозил юридическими шагами в случае неполучения ответа от ИНР не позднее 20 января 1981 года.

Первым закончилось состязание с Визенталем, предложившим передать это дело на рассмотрение и решение судье Калифорнийского высшего суда. ИНР на это пошло и предложило состав жюри из трех человек, причем все они — Бутц, Форисон и *Дитлиб Фельдерер* (Ditlieb Felderer)³ — были членами редколлегии ИНР и известными отрицателями. Узнав об этом триумвира-

---

¹ Обращаясь к «соискателям», ИНР давал им небольшой срок, после истечения которого оставлял за собой право интерпретировать их реакцию как несостоятельность в отстаивании своих тезисов и, следовательно, как доказательство правоты ИНР (Lipstadt, 1994. S.172).

² Визенталю было сделано еще и «специальное предложение»: доказать за 25 тыс. долларов аутентичность дневников Анны Франк, оспариваемую отрицателями.

³ Австрийского (возможно, австрийско-еврейского) происхождения, гражданин Швеции, издатель антисемитского журнала «Jewish Information Bulletin», издававшегося Jewish Information Society. В 1983 году он попал в тюрьму на 10 месяцев — за то, что разослал по крупнейшим еврейским общинам Европы конверты с разложившимися человеческими тканями и волосами: в письме он спрашивал, можно ли идентифицировать с их помощью уничтоженных венгерских евреев?

те, Визенталь отозвал свои документы и отказался участвовать в фарсе, когда одна из сторон претендует сразу на две роли — обвинителя и судьи.

А вот Мермельштейна это не испугало, и 19 февраля 1981 года он подал в суд на ИНР, Карто и Брэндона. Еще на предварительном слушании судья *Томас Т. Джонсон* (Thomas T. Johnson) официально внес в протокол, что вопрос о том, уничтожались ли евреи в Аушвице газом или не уничтожались, дебатироваться не будет, поскольку это совершенно неоспоримый факт. Аргументация противоположной стороны не была даже выслушана, — и очень жаль! Ведь непонятно, в чем, собственно, тогда заключалось суждение: не отмести обвинения как заведомо нелепые, а раскрыть их нелепость и зафиксировать их в судебном решении — было бы и эффективней, и процессуальнее¹.

Суд тем не менее присудил ИНР выплатить Мермельштейну 90 тыс. долларов (50 тыс. премиальных и 40 тыс. за причиненный ущерб) и опубликовать перед Мермельштейном и всеми другими, кто пережил Аушвиц, извинение, содержащее повторение формулировок обвинения².

Этот случай во многом поспособствовал падению «авторитета» ИНР и утрате им своего «научного реноме». Он же показал, что прямое столкновение с отрицателями Холокоста под эгидой независимой третьей инстанции может дать гораздо больше, чем их сознательное игнорирование. Высокомерно-уничижительный взгляд на них как на лиц, не заслуживающих в свой адрес никакой иной реакции, кроме презрения, уход от прямого столкновения с ними — еще больший подарок для отрицателей, чем контакт с ними. Они интерпретируют

¹ В результате позиция ИНР была просто изложена в серии материалов в *JHR* (1982.№0.1), а торжество правды и справедливости, добытой в суде, но такой ценой, было основательно смазано.

² *Lipstadt*, 1994. S. 170—174.

это как правдобоязнь «экстерминалистов» и торжествуют «победу».

В современной ситуации, когда отрицание Холокоста интерпретируется еще и как преступное, наказуемое деяние, такой «контакт» все равно неминуем: по крайней мере — во время судебных разбирательств с отрицателями.

И дело не в еврейх и историках как оппонентах отрицателей, а дело в борьбе за сознание всех остальных, то есть широкой публики. Нельзя не видеть, что отрицатели и те, на кого отрицатели нападают, давно уже находятся в конкурентных отношениях в этой борьбе. И наступательная, во многом изобретательная и по-своему креативная тактика отрицателей в этой борьбе все чаще приносит им очки.

Типичным примером может послужить кампания с объявлениями о лекциях отрицателей, помещаемыми ими на правах рекламы в университетской прессе. Текст объявлений был примерно следующий: шапка — «История Холокоста: что в ней не так? Случай для широкой дискуссии».

Начал эту кампанию калифорниец *Брэдли Смит* (Bradley Smith) и начал лихо. Для этого он вместе с *Марком Вебером* (Mark Weber)¹ организовал в 1987 году специальный Комитет открытых дебатов о Холокосте (Committee on Open Debate on the Holocaust, или

---

¹ Последний в это время углубился в источниковедение. Ознакомившись с материалами книг регистрации смерти (Sterbebücher) в Аушвице, он обнаружил, что среди лиц, чья смерть в Аушвице тщательно регистрировалась, были и пожилые люди, и молодежь. Часть из них попала в лагерь до начала селекции и массового уничтожения, но часть и после, причем это, как правило, были евреи из Польши, Франции, Голландии и др. стран (*Weber M. Pages from the Auschwitz Death Registry Volumes. Long-hidden Death Certificates Discredit Extermination Claims. // JHR. 1992. No 3. S.265-298.*).

CODON), спонсором которого был *Вильям Карри* (William Curry), предприниматель-антисемит из Небраски, которому, собственно говоря, и принадлежит сама идея газетной кампании. Его собственная первая попытка разместить платное объявление в «Daily Nebraskan», правда, окончилась в 1986 году неудачей¹, но в лице Смита он нашел идеального продолжателя своих идей — целеустремленного и заряженного на успех.

На опыте В. Карри Б. Смит понял, что в больших региональных газетах, где поступления от рекламы измеряются не тысячами, а миллионами долларов, ему ничего не светит. И он откорректировал целевую группу: ею стали таблоиды-многотиражки крупнейших американских университетов. Из примерно 35 университетов, куда начиная с 1989 года обратился Смит, положительно отозвалось 15². Информация о лекциях CODON появилась в них на видных местах, но, как правило, с редакционными комментариями о ее научной и этической несостоятельности. Тем не менее, многие тысячи молодых людей прочли эту «информацию», и многие сотни, безусловно, проглотили «наживку».

Главным же успехом этой акции оказалось другое: едва ли на это рассчитывая с самого начала, отрицатели попали прямо в «сонную артерию» американской демократии — в первую поправку к Конституции США, провозглашающую свободу слова. И именно вокруг этого прокрутились все дебаты внутри университетов, отчасти выплеснувшиеся в те же университетские многотиражки, а отчасти и в крупнейшие центральные газеты³.

В начале 1992 года Смит решил пройти по второму кругу и разослал по редакциям университетских газет свое новое объявление под названием «Falsus in Uno, falsus in Omnibus» («Единожды солгав, будешь

¹ Эта попытка была и последней, так как вскоре он умер.

² См. их перечни в: *Lipstadt*, 1994. S.221.

³ См.: *Lipstadt*, 1994. S.221-252.

лгать всегда»), в котором обвинял Симона Визенталя и Стефена Визе в распространении слухов о «еврейском мыле», якобы производившемся нацистами из еврейских трупов. Но на этот раз его успех был уже равен нулю: ни одна из газет, в том числе те, кто напечатали его первое объявление, теперь не стали этого делать.

В целом же «кампусная» кампания Смита не просто достигла своей цели, но и превзошла ее. Во-первых, почти половина университетов не захлопнула перед ним свои двери; во-вторых, значительной частью студенчества, преподавателей и даже управленцев она была воспринята с немалым воодушевлением; и, в третьих, отрицателями впервые заинтересовалось телевидение.

Правда, побочным и несколько неожиданным следствием этой кампании стало то, что во многих университетах возникло или заметно усилилось преподавание истории Холокоста. Но и это, впрочем, стало реакцией не столько на саму кампанию Смита, сколько на ее успех¹.

4

Одной из центральных фигур среди отрицателей Холокоста бесспорно является *Эрнст Цюндель* (Ernst Zündel; псевдоним — «Кристоф Фридрих»)², фоторетушер по первоначальной профессии, с 1958 года живущий в Канаде. Его перу принадлежат книга «Гитлер, которого мы любили и почему»³ и дайджест «Holocaust 101». И все-таки его вклад в движение отрицателей не столько «творческий» (тут он редко выходит за формат листов-

¹ *Lipstadt*, 1994. S. 222.

² Родился 24 апреля 1939 года в Калмбахе, Баден-Вюртемберг. Правильное произношение его фамилии — Цундель.

³ Вышло под псевдонимом (см.: *Cristof Friedrih, Eric Thompson*. The Hitler We Loved and Why. Reedy, West Virginia, 1977).

ки или брошюры), сколько организационный: он своего рода глобальный менеджер и наиболее эффективный шоумен среди отрицателей.

Подобно Г. Граберту, Цюндель рано осознал роль медиасферы в их общем деле. Основанное им в 1976 году в Торонто издательство «Samizdat Publication» вскоре стало едва ли не самым крупным в правозащитной среде: оно выпускает и рассылает в Германию и по всему миру не только труды отрицателей, но и прочую антисемитскую и расистскую литературу, а также записи речей Гитлера, фильмы и песни того времени. С 1990 года он пропагандирует свои взгляды по радио, а с 1994 года — в Интернете: www.zundelsite.org. Сам сайт делается в США и управляется его женой и единомышленницей Ингрид Цюндель-Римланд.

В Канаде отрицание Холокоста вне закона, и здесь Цюнделя уже несколько раз судили. В 1985 году суд приговорил его к 15 месяцам тюрьмы за разжигание ненависти посредством издания и распространения очевидно лживых и провокационных текстов, но вскоре его выпустили под залог вследствие процессуальных ошибок¹. В начале 1988 года его еще раз судили в Канаде, дав на этот раз всего 9 месяцев тюрьмы. На процессе в качестве свидетелей выступали Йозеф Гинзберг Бург², Р.Форисон, Д.Ирвинг, а также Ф. Лейхтер — инженер из Бостона, консультировавший правительства

---

¹ Истцом выступало канадское правительство, присоединившееся к частному иску *Сабина Цитрон* (Sabina Citron), непосредственно пережившей Холокост.

² Еврейский публицист, примыкавший к отрицателям, автор книг «Сионаци», «Вина и судьба», «Дневник Анны Франк». Последние нередко прикрывались его именем в случаях, когда им нужно было отвести обвинения в антисемитизме. После смерти Бурга в его память и честь отрицатели создали Общество его имени, первым председателем которого являлся О. Ремер.

ряда штатов и отдельные тюрьмы по вопросам, связанным с оборудованием для исполнения смертных приговоров¹.

О «заслугах» и роли последнего следует сказать особо. Процесс над Цюнделем уже начался, когда Ирвинг и Форисон вышли на Лейхтера и после двухдневного плотного общения отправили его в недельную «экспедицию» в немецкие лагеря смерти на территории Польши, щедро профинансированную Цюнделем. В его свиту входили жена, чертежник, видеооператор и переводчик. В Освенциме и Майданеке Лейхтер брал пробы воздуха и строительного щебня из развалин газовых камер, которые потом отдавал для химического анализа в одну из лабораторий родного Массачусетса. Результатом этого блиц-анализа стал «Отчет Лейхтера: инженерный отчет о мнимых казнях в газовых камерах Аушвица, Биркенау и Майданека, Польша»², вскоре выпущенный двумя отдельными изданиями — в Цюнделевском «Samizdat»³ и в лондонском «Fokal Point Publications» (издательстве Д. Ирвинга)³. Исследование, сделанное, кстати, с многочисленными отклонениями от технологии взятия проб воздуха, не обнаружило значимых следов газа «Циклон Б», но обнаружило их в дегазационной камере концлагеря Аушвиц-1.

---

¹ В некоторых штатах США (например, Аризона, Калифорния, Мэриленд, Миссисипи, Северная Каролина и Миссури) наряду с электрическим стулом и инъекциями практиковалось и удушение газами. Окончательно от него отказались только в конце 1980-х гг.

² The Leuchter Report an Engineering Report on the Alleged Execution Gas Chambers at Auschwitz, Birkenau and Majdanek, Poland.

³ С предисловием Д. Ирвинга и под измененным названием: Auschwitz: the End of the Line: The Leuchter Report — the first Forensic Examination of Auschwitz («Аушвиц: конец ниточки. Отчет Лейхтера — первое судебное исследование Аушвица»).

Выступление Лейхтера на процессе и сообщение о только что полученных им новых «научных результатах», бесспорно, произвели на публику и на суд достаточно сильное впечатление. Оно явно застало обвинение врасплох, заставив его сосредоточиться не столько на представленном Лейхтером отчете, сколько на его профессиональной неподготовленности к такого рода экспериментам¹. Лишь постепенно, после подключения экспертов, туман вокруг «Отчета» стал рассеиваться, и его достоверность улетучиваться, подобно самому цианиду, следы которого он так безуспешно искал...

Развивая свой успех, Лейхтер основал в 1989 году фирму, предлагающую консультации по технологиям казни, а также оборудование для практически любого вида казни. В результате иска, поданного против него в 1990 году *Шелли З.Шапиро* (Chelly Z.Shapiro), председателем «Объединения переживших Холокост и друзей, ищущих справедливости»², и *Беатой Кларсфельд* (Beate Klarsfeld), Лейхтер признался в злоупотреблении титулом доктора наук и деятельностью инженера, отрекся от своего «Отчета» и других сомнительных текстов и объявлялся впредь держаться от всего этого на расстоянии.

Но это мало что изменило в уже сложившемся восприятии Лейхтера бывшими и будущими соратниками. Его вклад в дело отрицания Холокоста как таковое оказался куда как большим, нежели в судоговорение. «Отчет Лейхтера», независимо от своей внеаучности, спекулятивности и дубиозности (а, может, и благодаря им), явно попал в самое яблочко: многими он воспринимается как неоспоримое научное доказательство того, что Холокоста никогда не было! И именно поэтому для отрицателей «Отчет» стал такой же центральной иконой, как, скажем, фальшивка «Протоколов сионских мудрецов» для антисемитов в целом.

¹ Lipstadt, 1994. S. 199—202.

² Holocaust Survivors and Friends in Pursuit of Justice.

Что касается самого Цюнделя, то его процесс закончился в 1992 году, в целом ряде стран он был объявлен в розыск. В 2003 году он был выдан властями США в Канаду, а те передали его в Германию, где его судили в ноябре 2005 года за разжигание межнациональной розни, а затем еще и в феврале 2006 года — и приговорили к 5 годам тюрьмы — максимальному в ФРГ сроку за такое деяние, который он отбывал в Мангейме¹. В 2011 году он вышел на свободу и вернулся к прежней правоэкстремистской и ревизионистской деятельности.

В 2007 году тот же Мангеймский суд и за то же преступление, что и у Цюнделя, запретил заниматься адвокатской деятельностью и приговорил к тюремному сроку в 39 месяцев защитницу Малера, Рудольфа, Хеннига и Цюнделя — *Сильвию Штольц* (Silvia Stolz). В 2015 году ее судили снова, приговорив к 20 месяцам лишения свободы, но приговор еще не вступил в силу.

В «отсутствие» Цюнделя хор отрицателей, хотя и ослаб, но не распался. Первую скрипку, однако, стали играть другие солисты. Это прежде всего Д. Ирвинг и новая звезда в созвездии отрицателей — швейцарец *Юрген Граф* (Jürgen Graf)², автор «Мифа о Холокосте», «Холокоста на испытательном стенде» и др. книг и брошюр³. Окружной суд города Баден в Северной Швейцарии счел его тексты антисемитскими и расистскими и приговорил его 21 июля 1998 года к 14 (по другим сведениям, к 15) месяцам тюрьмы, а его издателя Ферстера — к 12 месяцам. Кроме того, каждый из них оштрафован на 8000 швейцарских франков (5500 долла-

---

¹ Там же судили и другого отрицателя — Ф.Тебена, о чем он написал книгу «Когда правда не защитница» (*Toeben F. Where Truth Is Not Defence, I Want To Break Free*. Washington: TBR Books, 2003)

² Родился 15 августа 1951 г. в Базеле в семье служащего.

³ Книга, вышедшая по-немецки в 1993 г., уже в 1996 г. была выпущена по-русски в издательстве «Русский вестник»; в 1997 и 2000 гг. вышли ее переиздания.

ров США), не считая обязательства вернуть свыше 55 тыс. франков (около 38 тыс. долларов), полученных от продажи книг и брошюр Графа¹. Суд приказал конфисковать и уничтожить сами издания. Как следствие, Графа уволили из частной школы, где он преподавал литературу. Уклоняясь от наказания, Граф эмигрировал в Белоруссию, а оттуда в Россию, где его приняли с распростертыми объятиями и где он и живет до сих пор.

Еще в 1995 году Граф и итальянец *Карло Маттоньо* (Carlo Mattogno) дважды наведывались в российские архивы — ГАРФ и РГВА, где они просмотрели десятки тысяч страниц и около четырех тысяч страниц скопировали, — и вот вывод, к которому они сообразовали прийти: *«Теперь мы знаем и то, какие документы имеются в русских архивах, и то, каких документов в них нет... Документы, ясно показывающие, что узников не убивали в газовых камерах, документы, опровергающие существование немецкой программы уничтожения евреев, были, вероятно, удалены из состава фондов и уничтожены»*².

«Миф о Холокосте» и другие произведения Ю. Графа (например, «Треблинка. Критический анализ официальной версии») с середины 1990-х можно прочесть и по-русски на сайте «Русская Линия»³. Ю. Граф не устает подчеркивать свою политическую невинность: *«За политические последствия ревизионизма мы не отвечаем. Я, конечно, сионистов не очень люблю, но я не антисемит, и евреев не ненавижу...»*⁴ «Не ненавижу!» — браво!

---

¹ Из них Ферстер должен вернуть 45 тыс. франков, Граф 10 тыс. Граф, кроме того, должен был уплатить 1000 франков одному профессору теологии из Базеля в качестве компенсации за посылку ему по почте экземпляра одной из книг Графа с оскорбительной для адресата надписью.

² IHR. 1995. Vol. 15. Nr.6. P. 36—37.

³ За 27 января 2002 г. См. в Сети: http://www.rusk.ru/News/02/1/new27_01d.htm

⁴ Из интервью Ю.Графа Н.Капаеву: <http://www.svenlib.sandy.ru/pugovichki/vesti/graf.htm>

Третий, наряду с Маттоньо и Графом, видный отрицатель новой генерации — *Гермар Рудольф* (Germar Rudolph)¹, профессиональный химик, ярко проявивший себя как отрицатель еще в начале 1990-х гг., когда он — под псевдонимом Эрнст Гаусс — выпустил книгу «Разбивая Холокост» (*Dissecting the Holocaust*). В 1993 году, после изучения проб воздуха, взятых им в августе 1991 года в Освенциме со стен газовых камер, и попытки доказательства на основании их анализа невозможности массового удушения «Циклоном Б» в газовых камерах Биркенау он был уволен из Института им. М. Планка в Штутгарте.

Тем не менее, он опубликовал так называемое «Заключение Рудольфа» — статью о необнаружении им остатков цианида на стенах газовых камер в Аушвице, выдаваемом за убойное доказательство того, что никакого Холокоста не было, и все держится исключительно на сговоре союзников и мирового еврейства. Начиная с 1992 года Рудольф читал лекции по отрицанию Холокоста. Он сотрудничал с антисемитской арабской газетой «Альшааб» (Alshaab) и инициировал подготовку консолидирующей коллективной монографии «Основы новейшей истории», в которой ему принадлежала ключевая роль.

Вскоре он вошел в узкий круг немецких отрицателей, координировавших и определявших различные усилия и действия «ревизионистов». Центральной фигурой этого круга являлся генерал-майор в отставке *Отто Эрнст Ремер* (Otto Ernst Remer), руководитель издательства «Ремер-Хайпке» (Remer-Heipke), выпускавшего антисемитское издание «Депеша от Ремера» (Remer-Depesche), и председатель Общества имени Й.Г.Бурга. В начале 1993 года, опасаясь новых преследований в Германии, Ремер и его группа перенесли

---

¹ Его нынешнее имя — по фамилии жены: Гермар Ширер (Scheerer). Родился в 1964 году.

центр своей деятельности в Англию, основав там издательство-двойник «Кромвель» (Cromwell). Уже начиная с августа 1993 года в нем начал выходить — в точности таком же формате, как и «Remer-Depeche» — ежемесячный журнал «Deutschland Report».

С ноября 1994 по июнь 1995 г. в Штутгартском земельном суде шел процесс против Рудольфа¹, еще раз показавший репертуар и даже некоторую изощренность отрицательских приемов доказательства «несуществования» Холокоста (сочетание легальных и нелегальных методов, игра с псевдонимами, перекрестные ссылки). Суд приговорил его к 14 месяцам тюрьмы за публикацию так называемого «Заключения Рудольфа» как анти-семитского произведения.

Стремясь избежать тюрьмы, Рудольф бежал сначала в Испанию, потом в Англию (где основал собственное издательство в Гастингсе) и, наконец, в США, где женился и попросил политическое убежище, какого не получил.

В марте 2005 года он опубликовал свои «Лекции по холокосту», построенные в излюбленной форме разговоров с самим собой — вопросов некоего неглупого слушателя-ученика и ответов и вовсе неподобного лектора-наставника, Учителя.

Более того, в октябре 2005 года он был арестован в США и передан германской стороне. Суд, состоявшийся в Мангейме 15 марта 2006 года, приговорил его к 30 месяцам тюрьмы и конфисковал издательский счет.

Со временем аргументация ревизионистов становилась все изощреннее, все «научообразнее» и в то же время все наглее. В конечном счете, как писал мюнхенский историк Юрген Царуски, у отрицателей Холокоста *«...речь идет не о науке или научности в том или ином виде, пусть и базирующейся на возникших так*

---

¹ Номер процесса: 17 KLS 83/94.

или иначе ошибочных основаниях, а о специфической форме политической пропаганды, исходным и конечным пунктом которой является антисемитизм»¹. В противном случае они не могли бы просто-напросто проигнорировать многочисленные и неоспоримые свидетельства еврейских жертв, как погибших в Холокост, так и сумевших его пережить: достаточно указать на уцелевшие рукописи членов зондеркомандо, найденные после войны в земле и пепле возле крематориев². Вместо этого — мировой еврейский заговор, спрятавший миллионы якобы жертв и сфабриковавший миллионы фальсифицированных евреями документов, в том числе и документы от имени их палачей!..

Они продолжают «ссылаться» на отдельные высказывания отдельных организаций, которые уже давно, еще в 1950-е гг., были дезавуированы историками (как, например, утверждения о производстве абажуров из человеческой кожи или о массовых убийствах в газовой камере в концлагере Дахау).

Другой ставший типичным прием — опора на максимально сомнительные источники, такие, например, как на липовые «дневники Гитлера», обнаруженные Д. Ирвингом, или на собрание документов, 29—30 апреля 1948 года вывезенных шефом гестапо Мюллером в Швейцарию.

Любят отрицатели искать — и, конечно же, находить — в своих рядах и евреев. Это, как им кажется, снимает с движения упреки в антисемитизме и придает ему флер толерантности, — и, как следствие, легитимность. Если же «полезных евреев» не находится, то их

---

¹ *Zarusky J.* Leugnung des Holocaust: die antisemitische Strategie nach Auschwitz. // BPJS Aktuell. Jahrestagung der Bundesprüfstelle für jugendgefährdende Schriften «Von „Antisemitismus“ bis „Xenofobia“. Rechtsextreme Medien in Deutschland». Amtliches Mitteilungsblatt. Sonderausgabe, 1999. S.9.

² См.: *Полян*, 2015. Атаки на эти свидетельства со стороны отрицателей Холокоста довольно редки и неконкретны.

рождают в колбе. Именно оттуда выпрыгнул в 1999 году некто Рожер Доммерг Поллако де Менас, якобы написавший «Открытое письмо Стивену Спилбергу», состоящее из на удивление изжеванных отрицательских риторических фигур, зато с необычайно оригинальным заголовком: «А был ли Холокост?»¹.

Относительно поздний прием — химические анализы проб воздуха, сделанные в феврале 1980 года американцем Лейхтером, а в 1991 году — немцем Рудольфом. С естественно-научной точки зрения (с учетом летучести газообразных веществ) сама постановка такой задачи более чем абсурдна, не говоря уже о таких «вещдоках», как банки от газа, во множестве найденные в Аушвице. Но как не в истории здесь дело, так и не в химии. Так называемые «Отчет Лейхтера» и «Заключение Рудольфа» были приняты ревизионистами на ура и на вооружение.

Как, впрочем, и демократическая риторика о свободе высказывания, свободе научных исследований и т.п. Отрицатели не устают повторять, что они, «ревизионисты», — «политзаключенные» и мученики во имя национального возрождения Германии!

Мало кто так артистично выдает себя за страдальцев за истину, как ее первые же гонители — отрицатели Холокоста!

5

Одним из первых «демографов» среди отрицателей был Поль Расинье, утверждавший (правда, без единой ссылки), что жертвами Холокоста стали 1,5 млн евреев, а еще 4,5 млн эмигрировали из Европы между 1931 и 1945 гг. Артуру Бутцу в его «Фальшивке двадцатого века» удалось даже установить, куда именно эмигрировали большинство тех евреев — в Советский Союз, где они стали

¹ См.: <http://3rd.org/fcarchive.html>

жертвами сталинской деспотии! Вильгельм Штеглих в своем «Мифе об Аушвице» положил много труда на то, чтобы развенчать все аргументы тех недалеких историков, кто еще не перестал сомневаться в сказках про Холокост. Своей концепции произошедшего он, правда, не предложил. С научно-демографической точки зрения все они были, в общем, дилетантами, хотя их стратегемы и не были забыты профессионалами, со временем — в начале 1980-х гг. — появившимися на этой сцене (один из них, правда, посмертно).

Первым профессионалом-демографом, внутренне присоединившимся к хору отрицателей, стал известный американский социолог и демограф, профессор *Фрэнк Ханкинс* (Frank Hankins).¹ На написание очерка «Сколько же евреев было уничтожено нацистами? Предварительный обзор по этой проблематике» Ханкинса подвиг в 1958 году его давний друг и коллега по работе в Колледже Смита еще в 1920-е годы — профессор Гарри Элмер Бэрнс, чье имя вписано в историю отрицателей Холокоста как одно из самых уважаемых². Однако Ханкинс, как пишет в предисловии к посмертной публикации его труда *Кейт Стимли* (Keith Stimely), и сам уже давно сомневался в том, что он называл «тезисами о шести миллионах», и вынашивал планы расследова-

---

¹ Фрэнк Ханкинс (Frank Hamilton Hankins, 1877—1970) преподавал и занимался исследованиями в лучших американских университетах, редактировал лучшие научные журналы, возглавлял известнейшие союзы — Американское Социологическое общество и Американскую ассоциацию исследователей населения. Его либеральная книга «Расовые основы цивилизации: критика нордической доктрины» (1926) произвела самый настоящий фурор. Среди тем, на изучении которых он узкопрофессионально специализировался, были и социальные условия в гитлеровской Германии.

² В отличие от их большинства, он являл собой пример истинного ревизиониста и специализировался на пересмотре истории и интерпретации событий еще Первой мировой войны. См. о нем выше.

ния этого вопроса. Если так, то остается загадкой, почему же он не опубликовал эту работу сам и еще при жизни: ведь большого труда это ему бы не составило! Бутц, отвечая на этот вопрос, объясняет все это «характером того времени», когда книга писалась: «...*благоразумие не позволило Ханкинсу при таком подходе к теме связывать свое имя с этим исследованием, и оно осталось неопубликованным — его рукопись распространялась и распространяется до сих пор только в фотокопиях среди ограниченного числа тех, кто проявляет интерес к этой проблеме*»¹. Объяснение крайне неубедительное, если учесть, что никакими гонениями отрицатели тогда не рисковали. Скорее всего, Ханкинс опасался, во-первых, придать гласности свой интеллектуальный антисемитизм², который шел бы явно вразрез с его имиджем серьезного ученого-либерала.

Но, коль скоро работа опубликована и даже легла в основание отрицательской демографии, то рассмотрим внимательно ее аргументацию.

Первый из тезисов Ханкинса: недостаточное, проблематичное и в целом разношерстное обеспечение статистическими данными. Он пишет:

«Наиболее очевидная трудность и главная помеха — дефицит данных переписей. Последняя довоенная перепись в некоторых областях проводилась в 1930, 1931 или 1933 гг. В районах с особенно высокой концентрацией ев-

---

¹ JHR. 1984. No. 2-4. P. 81—82.

² Он ошутит даже в терминологии: так, еврейские жертвы он упорно именует «недостающими евреями», нападение на Россию называет «возникновением войны с Россией», а евреев, депортированных Румынией за Днестр и поначалу безжалостно там уничтожавшихся, называет почему-то «нашедшими за Днестром убежище» и т.д. Те же терминологические тренды и у Заннинга: «жертв» у него нет, но есть «пропавшие без вести», ученые еврейского происхождения, неважно, французы они или американцы, все обозначаются как «еврейские» или «сионистские» (чем вторые отличаются от первых, он не поясняет).

реев мы имеем: для Польши — перепись от 9 декабря 1931 года и “официальную оценку” от 1 января 1939 года; для России — переписи в 1926 году и в январе 1939 года (однако в них не был включен пункт о религии¹); для Румынии — перепись в декабре 1930 года и “официальную оценку” на декабрь 1938 года; а также “перепись” в апреле 1941 года; и, наконец, для Венгрии — перепись от 31 декабря 1930 года и “официальную оценку” на декабрь 1938 года. К этому можно добавить послевоенную перепись в Польше в феврале 1946 года, которая, подобно большинству других подсчетов населения первых послевоенных месяцев, давала главным образом выборку и грубую расчетную оценку. Иначе и не могло быть при тех массовых перемещениях населения, не прекращавшихся до конца 1946 года и даже позднее.

В результате оценки численности евреев в различных областях в переломном 1939 году сильно расходятся. Следует напомнить, что по всей Центральной Европе в 1939 году и позднее происходили беспрецедентные по своим масштабам перемещения населения, и еврейского, и нееврейского, — сначала перед немецкими армиями, когда они рвались на восток после сентября 1939 года, и особенно после 22 июня 1941 года, и затем вслед российским вооруженным силам, наступавшим на запад начиная с 1943 года. Когда немцы шли к востоку, за ними следовало множество людей, особенно из Германии; когда русские шли на запад, множество людей стремились вернуться в свои родные места. В этих движущихся многонациональных ордах многие, в том числе и евреи, умерли от военных тягот; еще миллионы людей разных наций, в том числе и евреев, были депортированы; кроме того, много миллионов во всех областях погибли под бомбежками или сражаясь в вооруженных силах. Данные

---

¹ Отсутствие вопроса о вероисповедании в советских переписях сочетается с разработанностью вопроса о национальной принадлежности (здесь и далее сноски, кроме ссылок, мои. — П.П.).

о смертности и рождаемости за весь этот период неполны и недоброкачественны»¹

Тут спорить не о чем. Работать приходится с теми данными, которые есть.

Второй тезис Ханкинса и он же, в сущности, главный: любая попытка определить точное число жертв предположительна и даже гадательна,

«Очевидно, что в такой ситуации все оценки численности населения в целом, и в особенности еврейского населения, обречены быть не более чем прикидками, пусть и основанными на каких-то данных. Это открывает дорогу для тенденциозности в расчетах. Знакомство с литературой вопроса показывает, что большие пробелы в исходных данных порождают крайнюю небрежность в обращении с цифрами. Есть много случаев, когда один и тот же автор на разных страницах дает разные оценки по одному и тому же пункту, как если бы разница в несколько тысяч человек не имела значения по сравнению с ошибками, и без того молчаливо допущенными. Каждый статистический расчет неизбежно содержит статью, которую Американское Бюро Переписей именуется "разностью", то есть число, необходимое для того, чтобы согласовать между собой наиболее вероятные цифры, от которых вы отправляетесь. Например, для 1939 года: вероятный рост населения при "обычной" рождаемости и смертности, вероятное число погибших по разным "экстренным" причинам, вероятное число тех, которые все же выжили. Эта "разность" открывает широкий простор для всевозможных манипуляций.

Так, например, Бюро Переписей Населения², объясняя, почему невозможно подвести правильный баланс численности населения Польши в 1939—1945 гг., гово-

¹ *Hankins*, 1983. P.64.

² *The Population of Poland*, U.S. Bureau of the Census, 1954. P.29.

рит: “[Даже после июля 1945 года] продолжалась беспорядочная миграция миллионов перемещенных лиц... Помимо этих добровольных мигрантов в других направлениях шли потоки миллионов беженцев, которых выселяли из их домов и т.д.” и “Военные потери простираются приблизительно от 2 до 7 миллионов человек. Любая из этих крайних оценок представляется маловероятной, но подлинную цифру военных потерь невозможно точно установить”¹.

Вот лишь некоторые из проблем, которые подстерегают даже самого добросовестного и компетентного исследователя, если он попытается получить достоверные данные об общей численности евреев в Европе в 1939 году, о числе тех, кто погиб во время войны по той или иной причине, о причинах их гибели, о том, сколько из тех, кто остался неучтенным, действительно погиб, и сколько их и теперь, быть может, живет “за Железным занавесом”², в Израиле, в Соединенных Штатах или в других местах. Очевидно, что все эти неясности, представляя помехи на пути честного и объективного исследования, в то же время дают почти неограниченные возможности всем, кто пожелает манипулировать цифрами с целью преувеличить или, наоборот, преуменьшить численность евреев, погибших во время войны»³.

Что ж, и с этим не приходится спорить, тем более что за образцами тенденциозности далеко ходить не надо. Заметим лишь, что этот тезис ровно настолько же «убийственен» для демографов Холокоста, как и самоубийственен для его отрицателей. Ведь критерии научности и объективности никто не отменял, и поэтому еврейское, например, происхождение автора не может считаться основанием ни его принадлежности к мировому еврейскому демографическому заговору, ни суще-

¹ The Population of Poland, U.S. Bureau of the Census, 1954. P. 29, 187.

² То есть в СССР.

³ Hankins, 1983. P. 64—65.

ствования такого заговора вообще. Гарантами же объективности, — если только и установление истины не считать опасной тенденцией, — могут быть единственно профессионализм и научность.

Ханкинс посвятил особую главу тем способам, с помощью которых евреи теоретически могли спастись. Таких способов, по его разумению, три:

а) подполье,

б) подделка документов и

в) ренегатство (обращение в христианство), причем статистически самым массовым является конфессиональное ренегатство, к которому он отчасти склонен относить и этническую ассимиляцию.

«При проведении переписи населения каждый сам относит себя к какой-то национальности. Этот несколько неоднозначный термин может подразумевать этническое происхождение, страну рождения, страну проживания и гражданство. Таким образом, евреи могли причислять себя к евреям или какой-нибудь другой национальности, опираясь на такие данные, как страна рождения, внешность или родной язык. Тот, кто родился в Польше, но жил в Германии и свободно говорил по-немецки, мог записать себя евреем, поляком или немцем, в последнем случае ему иногда требовался новый набор документов. Еврей, родившийся в Германии, если он проживал в Польше и говорил по-польски, имел аналогичный выбор. Этот старый способ укрыться от самых резких проявлений антисемитизма, по-видимому, широко использовался евреями под давлением нацистов и в обстановке интенсивной враждебности к ним в Польше и в других местах, особенно после 1933 года¹.

Вот некоторые иллюстрации. В докладе Американского Бюро Переписей о Польше содержится предполо-

---

¹ Нерелевантное соображение: еврей для нацистов оставался евреем независимо от гражданской самоидентификации или принадлежности.

жение, что “лишние” 900 тыс. поляков, которые появляются в их расчетах “были, возможно, не-поляками, повторно причисленными к полякам и таким образом исчезнувшими из своей предыдущей категории.”¹ Нет никакого способа узнать, сколько среди них было евреев, но очевидно, что именно у евреев имелись сильнейшие побуждения, чтобы использовать этот путь спасения, и трудно представить себе какую-нибудь другую расовую или национальную группу, которая таким образом изменила бы свою этническую принадлежность в столь крупном масштабе. В докладе того же Бюро Переписей о Чехословакии отмечается², что последняя довоенная перепись 1930 года зафиксировала 354 тыс. евреев по религии, но только 110 тыс. по национальности. Якоби³ дает сопоставимые цифры, но с еще более сильным разбросом. В этом случае меньшее число евреев по национальности получилось за счет увеличения числа тех, кто определили себя как немцев. “Евреи в странах-сателлитах Советского Союза”⁴ утверждают, что “тысячи евреев в Польше пережили оккупацию под видом поляков”; в конце войны приблизительно 20 тыс. евреев, как считается, все еще проживали по поддельным документам.

Численность “евреев по религии” довольно стабильно оказывается больше, чем число таковых по национальности. Частично это объясняется еврейской традицией считать евреями всех членов еврейской общины незави-

---

¹ The Population of Poland, U.S. Bureau of the Census, 1954. P. 78.

² The Population of Poland, U.S. Bureau of the Census, 1954. P. 26, 14.

³ Gerhard Jacoby, *Racial State: The German Nationalities Policy in the Protectorate of Bohemia-Moravia*, Institute of Jewish Affairs, N.Y., 1944. P. 308 и 310.

⁴ Meyer, Weinryb, Duschunsky and Sylvain, *The Jews in the Soviet Satellites*, American Jewish Committee, Syracuse University Press, 1953. P. 239—240.

симо от их религиозных взглядов, а частично характером иудаизма, породившим эту традицию. Иудаизм — не универсальная религия, он идентифицирован с евреями как группой, связанной родством или общим происхождением. Однако в чрезвычайных условиях военного времени крещение стало естественным выходом, спасением от окружающей евреев враждебности. Например: Венгерский Статистический Обзор за 1944 г. оценивает число христиан еврейского происхождения в Великой Венгрии приблизительно в 100 тыс.¹ Кулишер замечает², что число «евреев в Австрии снизилось с 222 тыс. в 1923 г. до 180 тыс. в 1938 г.», и добавляет, что частично это было вызвано сменой религии.

Эти способы спасения могут объяснять значительную долю сокращения числа евреев в послевоенной Европе. Официальная еврейская статистика, которая на сегодня является почти единственным доступным источником для расчетов послевоенного населения, по видимому, отражает численность лишь тех евреев, кто проживал в организованных общинах или конгрегациях. Многие из таких общин по разным причинам развалились, перестали существовать как устойчивые группы и их члены более или менее широко рассеялись по разным странам. Если они приняли «защитную окраску» и теперь классифицируются в других группах, то они могут еще долго не появиться в статистике»³.

Когда Ханкинс пишет о спасительных для евреев способах избежать гибели, он, в сущности, имеет в виду факторы, которые могли иметь следствием статистическое затушевывание еврейства. Но все его три «способа» вместе взятые едва ли потянут больше чем на

¹ Meyer, Weinryb, Duschunsky and Sylvain, *The Jews in the Soviet Satellites*, American Jewish Committee, Syracuse University Press, 1953. P. 184-185.

² Kulischer E. *Europe on the Move: War and Population Changes, 1917-1947*, N.Y., 1947. P. 199.

³ Hankins, 1983. P.65-67.

десятки или первые сотни тысяч людей, а списать на них Ханкинс хотел бы миллионы!

К тому же ни один из трех способов не был простым или хотя бы надежным. Действительно, католическая церковь пыталась быть щитом для «своих» еврейских конвертитов — пыталась, но не смогла: отсюда сведения о приблизительно 100 тыс. «мадьяризированных» евреях-католиках¹, значительная часть которых, несмотря на все кардинальские протесты, с легкостью была уничтожена. (Папа же римский возмущался исключительно у себя в апартаментах за завтраком и то лишь перед обслугой, а так — помалкивал себе в тряпочку.)

Ханкинс рассуждает о «принятой у евреев» манере скрывать и даже модифицировать свою рискованную идентичность. Это, мол, отрицательно сказывается на статистике: некий еврей «сменил» свою национальность и, став поляком, чехом или даже немцем, тем самым, возможно, спасся и остался жив, но он перешел в другую статистическую графу, а из еврейской — выпадал, оставаясь в ней как бы «пропавшим без вести». Иными словами, он указывает на феномен номинально-статистической мимикрии и навязанного евреям «беженства» от самих себя.

Однако влияние этого фактора никак не могло быть сколь бы то ни было широким, если только вспомнить, насколько не просто все это было проделать практически². И уж тем более не могло быть спасительным без

---

¹ Ссылку об этом приводит и сам Ханкинс, мы ее не проверяли. Заннинг, кстати, говорит о всего лишь 10 тыс. венгерских выкрестов.

² Не следует забывать о том, что подавляющее большинство евреев, вопреки сложившимся стереотипам, были бедными людьми, едва сводившими концы с концами. С их «неплатежеспособностью» столкнулся в богатой Вене еще А. Эйхман в пору его занятий добровольным выталкиванием евреев за границу. Принятие же мер этнической маскировки безусловно требовало инвестиций, средств на которые у большинства евреев не было.

массового сочувствия и солидарности со стороны тех, кто евреев постоянно окружал — соседей, сослуживцев и т.д. Но среди них всегда находились желающие вывести такого «поляка» или такого «чеха», или такого «украинца» на чистую воду — иногда за «30 сребреников», а чаще всего и бесплатно, ради удовольствия. Так что еврею со средствами гораздо надежнее и практичнее было инвестировать их в какие-нибудь экзотические гражданства, например, в гондурасское или сальвадорское, а евреям победнее никто (если бы и захотел) и ничто помочь уже не могли.

Иными словами, утверждая, что приводимые им «способы спасения могут объяснять значительную долю сокращения числа евреев в послевоенной Европе», Ханкинс игнорирует те реальные препятствия, что вставали перед теми евреями, кто захотел бы ими воспользоваться — препятствия, которые сводят реальное влияние его «ста способов уцелеть» до статистически маловесомого обстоятельства¹.

Очень чувствуется, что работа писалась в разгар Холодной войны. С удовольствием (и без всякой критики источников) он берет на веру любые цифры, дискредитирующие то, что он называет «за Железным занавесом» — СССР: «...В начале 1940-х годов от приблизительно 250 тысяч до 300 тысяч евреев было направлено русскими в лагеря принудительного труда или сослано в Северную и Азиатскую Россию»².

---

¹ В вопросе бытования иудаизма Ханкинс демонстрирует удивительное невежество. Упрекать иудаизм как религию в недостаточной универсальности и объяснять то, что евреев по религии всегда больше, чем евреев по национальности, тем, что в общинах всегда регистрируются и члены семей не-евреев, значит быть не в курсе дела. Ведь даже либеральными общинами официальное членство в общине не-галахических евреев не допускается. Совершившие же гиюр родственники становятся полноправными членами общин.

² *Hankins*, 1983. P. 67.

Если вычитанного у коллег кажется ему недостаточно, то он щедро поправляет от себя. Так, если Е. Кулишер оценивает общее число эвакуированных в СССР в 12 млн чел., из них 1,2 млн евреев, то Ханкинс, не мелочась, тут же добавляет от себя еще 40% — 800 тыс. душ: *«Поскольку их эвакуировали для того, “чтобы спасти от немецких зверств”, разумно предположить, что, по крайней мере, 2 миллиона из них были евреями»*¹. И это — после мелочных торгов о тысячах или десятках тысяч потаенных евреев!² И далее, в полной гармонии с собственными опасениями о неаргументированной тенденциозности, он пишет: *«Лишний миллион евреев за Железным занавесом изменил бы картину для всей Европы»*³.

Далее он переходит к вопросу о феномене повышения смертности и понижения рождаемости у евреев, пребывающих в состоянии решения Германией их — еврейского, а не какого-нибудь там еще — вопроса! Для начала Ф. Ханкинс выговаривает Г. Фрумкину за отнесение всех еврейских потерь в категорию «убитых», а не «пропавших без вести», например⁴. Но главное не в этом: его праведный гнев и возмущение вызывает то, что в мартиролог заносится и не вычленяется та сверхсмертность («excess mortality», или «чрезвычайная смертность», как он ее называет), которую *«...евреи разделяли, пусть и в увеличенном масштабе, с остальным гражданским населением»*⁵ и которую тем самым нельзя списывать на нацистов. Он даже не исключает того, что

¹ *Hankins*, 1983. P. 68.

² См. упреки Г. Фрумкину за малопринципиальное расхождение в 2 тыс. чел., по сравнению с работой М.-П. Эрремана (*Herremans, Maurice-Pierre. Personnes Deplacées (Repatriés, Disparus, Réfugiés)*, Brussels, 1948).

³ *Hankins*, 1983. P. 68.

⁴ Наверное, и впрямь правильнее было бы говорить иначе: «умершие и убитые».

⁵ *Hankins*, 1983. P. 68—69.

погибших под рубрикой «чрезвычайной смертности» было больше, чем «чисто» нацистских жертв. Да и в концлагерях «чрезвычайную смертность» никто не отменял: погибших от нее там, не исключает ученый, тоже было больше, чем жертв «прямого истребления». Немного подумав, он сообщает реалистический, на его взгляд, коэффициент сверхсмертности: 10%, или 0,1. Тем самым совесть у Гитлера, уничтожившего в Польше 3,5 млн евреев (а саму цифру лично Ханкинс не оспаривает!), облегчается сразу на 350 тыс. душ.

Ханкинс полагает, что *«...численность еврейского населения, сосредоточенного в центре восточной зоны военных действий, должна была уменьшиться в той же пропорции, как и численность всего остального населения, даже если бы с ним обращались точно так же, как и со всеми остальными. В чрезвычайной смертности нельзя обвинять “нацистские убийства”»*¹.

Браво, профессор!.. Но дело в том, что методологическая банальность, о которой он тут вспоминает, предусмотрительно была «отменена» Гитлером: в условиях окончательного решения еврейского вопроса она решительно не могла действовать! С еврейским населением на оккупированной немцами территории обращались вовсе не точно так же, как и со всеми остальными!

Если 70-летнюю старуху, которая, может быть, и так умерла бы через полгода, отправляют в газовую камеру, если беременную еврейку с грудничком на руках (а ведь младенец мог через неделю заболеть скарлатиной и умереть, а не рожденное еще дитя, как и она сама, запросто могли бы умереть и при родах) расстреливают у противотанкового рва, если над вчера еще крепким евреем-счастливчиком, прошедшим селекцию, издеваются, бьют его, морят голодом, изнуряют непосильным трудом, — то что это? — все еще «чрезвычайная смертность» от суровостей жизни в условиях войны или уже

---

¹ *Hankins*, 1983. P.69.

геноцид?!.. Ответ очевиден, — а 350 тысяч «душ» прошу незамедлительно вернуть!

Работа Ханкинса с источниками, увы, столь же «образцова». Излюбленный прием: взять нерелевантный источник, выдать его за релевантный и — с блеском его погромить¹. Иногда Ханкинс делает вид, что не до конца понимает смысла приводимых им же сами цифр: *«Вотвторых: обстановка катаклизма, с массовыми перемещениями, высылками и эвакуациями, делает весьма вероятным некоторое дублирование в подсчете “пропавших” или “уничтоженных”. Эвакуируемые “за Железный занавес”, например, если они не вернулись, легко попадают в число последних, по крайней мере, в большей своей части. Тот, кого немцы вывезли в польские лагеря, легко мог быть зачислен в “потери” тех стран, из которых они были высланы, и вновь внесен в список тех, кого убили в Польше. О том, что так бывало в некоторых случаях, сигнализирует тот факт, что по оценкам в Польше было убито больше 3,1 миллиона евреев — то есть больше всего еврейского населения этой страны в 1939 году»*².

А ведь недоумевать тут не из-за чего — если только учесть роль польских лагерей уничтожения в уничтожении европейского, а не только польского еврейства. Другое дело, что опасность двойного счета действительно существует, но с нею вполне можно и побороться.

Не греша против истины, Ханкинс пишет, что ключевым для демографии Холокоста является ответ на вопрос «Сколько евреев было в Европе в 1939 году?». Его маршрут к собственному на него ответу пролегает через дискредитацию «ответов» своих оппонентов.

---

¹ Так, если в предисловии к книге, вышедшей в 1945 году и посвященной положению евреев в послевоенном (после Первой мировой войны) мире, вскользь говорится о том, что оккупированные страны и области Восточной Европы стали камерой смерти для 5 млн евреев, — то как же не оспорить эту бездоказательную фразу!

² *Hankins*, 1983. P. 72.

В частности, он приводит таблицы, в которых свел все оценки численности еврейского населения Европы и мира в 1939 году, содержащиеся в публикациях, издаваемых Американским Еврейским Комитетом «Американских Еврейских ежегодников». Вот целиком его «европейская табличка» и следующий за ней комментарий¹:

Год публикации	Год учета	Численность по этническому критерию	Численность по критерию религии
1939	1933	9 494 363	9 494 363
1941	1939	8 939 608	Отсутствует
1945	1939?	9 372 666	8 939 608
1949	1939	9 739 200	Отсутствует
1949	1947	3 920 100	Отсутствует

«Каждый должен задаться вопросом: откуда взялось сокращение численности евреев между 1933 и 1939 годами почти в 555 тыс. Еще более поразительно увеличение цифры для 1939 года при сравнении выпусков “Мирового Альманаха” за 1941 и 1949 года. Оно достигает почти 800 тыс. (8 939 608 в выпуске 1941 года и 9 739 200 в выпуске 1949 года). Легко видеть, что подсчитанные потери намного сократились бы, если бы основой для расчетов послужили данные для 1939 года, опубликованные в 1941 году».

Из четырех столбцов этой крошечной таблички нет ни одного полностью корректного! В «Ежегодниках» публикуются, повторяясь десятилетиями, данные о еврейском населении отдельных стран (переписные или оценочные), относящиеся к самым различным годам².

¹ *Hankins*, 1983. P.72.

² Для иллюстрации мы приводим сводные данные «Ежегодников» за 1937—1949 гг.

При таком подходе единой общеевропейской даты статистического учета в его выпусках (столбец 2) просто не может быть. Нет в «Ежегодниках» и отдельной оценки численности конфессионального и этнического еврейства (столбец 4). Но самое существенное — систематические публикации «Ежегодников» вовсе не претендуют на то, чтобы давать читателю статистические сведения, совершенные во всех отношениях, и уже тем более на то, чтобы быть инструментом манипуляций.

А именно такое впечатление может создаться у читателей Ф.Ханкинса: сотни эмиссаров «Ежегодников» на всех континентах ведут учет как рождаемости и смертности, так и прибытия, и убытия евреев во всех странах мира, все эти сведения поступают в какой-нибудь полукрытый офис на Манхэттене, где дюжина пейсатых статистиков, собственно, и занимаются манипуляциями и фальсификациями данных.

Если бы Ханкинс захотел (а я и не подозреваю его в ленивости), то мгновенно заметил бы, что столь взволновавшее его сокращение еврейского населения Европы целиком и полностью — «на совести» Германии, где перепись 1939 года показала вождевленное смягчение еврейского вопроса — с 691 до 240 тыс. чел. При этом разница составляет 450, а не 550 тыс. чел., как утверждает Ханкинс, проглядевший 100-тысячную описку в собственных выписках: в 1939 году «Ежегодник» давал для Европы оценку в 9 394 363, а не в 9 494 363 чел.

Далее Ханкинс приводит множество оценок уничтоженных евреев отдельно для Польши и для Европы в целом, демонстрируя тем самым их недопустимые хаотичность, разноречивость и внутренние противоречия, а заодно подчеркивая исключительную «еврейскость» их авторов. Анализ серьезности каждой из этих оценок и путей их уточнения и совершенствования его явно не интересуют.

Называя цифры С. Шварца в одном месте «чистым предположением», Ханкинс как будто забывает, что толь-

ко что он этой «липой» оспаривал и крыл расчеты Е.Кулишера. Не менее характеристической является аттестация «еврейской» статистики как заведомо лживой — и это при том, что сам Ханкинс вначале признает, что другого источника для расчетов практически нет.

Итак, Ханкинс был, в сущности, первым отрицателем-демографом. Одним из первых он указал на методологические подводные камни этой проблематики — как на те, что лежат на поверхности (отсутствие, вернее, невозможность однозначно корректного учета, расплывающаяся идентичность объекта), так и на менее очевидные («чрезвычайная смертность», риски двойного счета и др.). Он же одним из первых (если не первым) осознал «перспективность» для отрицателей тем, связанных с логистикой Холокоста (непреодолимой узости тех или иных ресурсов или пропускных способностей) и еврейской эмиграции во время и после войны — тем, на которых и построит свое повествование Заннинг. Так, ему кажется, что одним утверждением о том, что необходимая для ликвидации евреев инфраструктура была подготовлена и запущена только в ноябре 1943 года, он выбивает табуретку из-под «традиционалистов». Что совершенно не так, ибо в столь важном деле, как ликвидация еврейства, подолгу нацисты не простаивали: в ожидании монтажа стационарных газовых камер и крематориев они научились обходиться и импровизированными бункерами-газовнями, автомобилями-душегубками и ямами-кострами, не говоря уже об оврагах или противотанковых рвах на оккупированной территории СССР.

Ханкинса, собственно, и отрицателем-то назвать нельзя. Он скорее уж «*релятивист*», признающий фактические злодеяния Второй мировой своего рода материализацией фиктивных злодеяний Первой¹, и «*редукционист*» (то есть «преуменьшитель»), счастливый же

---

¹ Об этом он пишет в заключительном абзаце его статьи.

тем, что у одного из своих явных и сильных оппонентов — Джеральда Рейтлингера — он вдруг нашел цифру — 500 тыс. еврейских жертв, — цифру, с которой и он, Ханкинс, вполне готов согласиться, настолько она мала.

Вот только неясно, откуда он эту цифру взял. Ведь у Рейтлингера в книге «СС: Алиби народа. 1922 — 1945», на которую ссылается Ханкинс, такой цифры нет. В главе «Концентрационные лагеря: уничтожение работой» встречаем иное — 1,1 млн узников разных сортов — как будущий контингент всех немецких концлагерей (дата отсчета — начало августа 1944 года, когда в лагерях уже было 524 тыс. чел.), 363 тыс. — как число узников, зарегистрированных в Аушвице, а в главе «Лагерь смерти: эвтаназия» приводится округленная оценка жертв и цифра совсем иная — 4 млн чел. евреев (без учета СССР), которых недосчиталась Европа, из них половина приходится на лагерь смерти¹. И другой оценки от Рейтлингера и быть не могло: ибо в 1953 году по-английски (и в начале 1956 года по-немецки) вышла его главная книга «Окончательное решение». В ней черным по белому приводится результат Рейтлингера по интересующему его и Ханкинса вопросу: количество еврейских жертв (причем без учета СССР) — не меньше 4 194 200 и не больше 4 851 200 чел.

В самом конце статьи Ф. Ханкинса содержится весьма любопытное наблюдение о возможных параллелях между «мифами» Первой и Второй мировой войн:

«Весьма вероятно, что более тщательный анализ статистики населения и новых показаний свидетелей, изучение того, как откуда возникли и как получили распространение обвинения в массовом истреблении, проверка этих обвинений на фактическом материале, и ра-

---

¹ По Рейтлингеру — это не только Аушвиц, Белжец, Собибор, Трешлинка и Хелмно, но также и Малый Тростинец около Минска, Понары около Вильно, 9-й Форт около Ковно, Пески около Львова и Бикернек около Риги.

зоблачение фальшивок и подтасовок, словом, те же методы, которые лорд Понсонби¹ и Дж. М. Рид применили к мифам о злодеяниях Первой мировой войны, в конце концов, сведут утверждения о массовом уничтожении евреев нацистами к тому же самому уровню измышлений большого воображения и безответственных выдумок, если не прямой лжи, к которому свелись пресловутые зверства немцев в Бельгии после 1918 года. Конечно, за подлинность нацистской программы истребления никогда не ручался человек с таким престижем и репутацией, какие были у Джеймса Брюса в 1915 году². И конечно ни один разумный и информированный исследователь Второй мировой войны не станет оспаривать реальность многих неслыханно бесчеловечных злодеяний, как против евреев, так равно и против неевреев, совершенных с обеих сторон в ходе войны, особенно в партизанской войне за линией фронта. Как хорошо выразил эту ситуацию один авторитетный и осведомленный источник, фиктивные злодеяния Первой мировой войны стали фактическими злодеяниями Второй»³.

---

¹ Артур Понсонби (Arthur Augustus William Harry Ponsonby, (1871—1946), британский политик, писатель и публицист, барон, член парламента. Автор книги «Изготовление фальшивок во время войны: пропаганда лжи во время Первой мировой войны» (1928).

² Брюс, Джеймс (James Bryce; 1838—1922), британский политик, юрист и историк, член парламента и палаты лордов, в 1907—1913 — посол Англии в США. В 1915 г., по заданию премьер-министра Великобритании Герберт Эскью (Herbert Asquith) подготовил т.н. «Отчет Брюса» о зверствах немецкой администрации по отношению к гражданскому населению в Бельгии. Этот отчет имел колоссальный пропагандистский эффект и оказал определенное влияние на решение США вступить в войну. Не менее строго Д.Брюс осуждал также и армянский геноцид в Турции; он первым держал об этом речь в парламенте, а позднее, вместе с А.Дж.Тойнби, подготовил «Голубую книгу» — сборник документов об этом (1916).

³ *Hankins*, 1983. P. 79—80.

В сведении аргументации против «существования Холокоста» к отсутствию среди современных его «приверженцев» фигуры масштаба и типа полузабытого Джеймса Брюса, собственно, и заключается рафинированное отрицательство редуционалиста Ханкинса.

6

Практически одновременно с публикацией статьи Ф.Ханкинса, в июне 1983 года, в тюбингенском издательстве «Grabert» вышла в свет книга *Вальтера Н. Заннинга* (Walter Sanning) «Исчезновение восточноевропейского еврейства»¹ (в 1985 году в издательстве Института пересмотра истории вышел ее английский перевод²). Вальтер Заннинг — это не фамилия, а псевдоним, принадлежащий *Вильгельму Нидеррайтеру* (Wilhelm Niederreiter), американскому ученому и бизнесмену немецкого происхождения, родившемуся в 1936 году в Бессарабии и переселившемуся во время войны в Ведлинген на Неккаре. Переехав в 1957 году в США и получив там высшее политологическое образование, он несколько лет преподавал экономику в университете Сиэтла, но в 1970 году вновь переехал в Германию³.

---

¹ Sanning, 1983.

² Sanning, 1983.

³ Псевдоним раскрыт в Интернете (в «Метапедии»). Поскольку сам автор продолжает и дальше пользоваться псевдонимом, то этого же будем придерживаться и мы. Все же укажем, что он публикуется и под своей фамилией, например, статья «Выжженная земля. Советская экономическая война во Второй мировой войне». // *Deutschland in Geschichte und Gegenwart* 29(1) (1981), S. 18-21 См. также: http://www.vho.org/D/DGG/Niederreiter29_1.html

Джон Циммерман назвал ее «самым изощренным из всех когда-либо написанных отрицаний»¹. Впрямую в ней не говорится ни о Шоа, ни о конспирологии, ни даже о нацистах: Аушвиц не поминается, имеется обширный научный аппарат, в том числе десятки ссылок на «еврейские» источники!

Автор предисловия к книге, отрицательская звезда 1-й величины, Артур Р. Бутц, не скупился на похвалы: *«Книга Заннинга — результат многолетних тщательных изысканий, в ней использованы все последние новинки в технике и методике таких исследований. Все цифры были собраны и перепроверены, а сама книга написана на компьютере. Словом, она обещает стать итоговой в исследовании демографии еврейского населения Европы в период Второй мировой войны. С ее появлением все прочие исследования частного вопроса “Что произошло с ‘шестью миллионами’?” станут устаревшими и ненужными. Выводы автора не обрадуют господствующую школу сторонников “Холокоста”. Этому капитальному труду, обещающему стать “решающим словом” в дискуссии о данном предмете на все последующие годы с позиций ревизиониста...»*

Между автором книги и автором предисловия к ней — своеобразное распределение ролей. Заннинг, как, впрочем, и Ханкинс в своей статье, изо всех сил старается предстать перед читателем как вне- и надпартийный ученый, никак не связанный с отрицательской мишпухой, даже слово «Холокост» у него ни разу не встречается². Бутц же все ставит на свое место — не то самой книге, не то его предисловию предпослан эпитафия из «Американского Еврейского ежегодника»: «...это не

¹ Zimmerman J.C. Holocaust Denial: Demographics, Testimonies and Ideologies. Lanham * New York * Oxford: University Press of America, 2000 (предисловие).

² Зато для обозначения Германии при Гитлере он пользуется малоупотребительным, хотя исторически и корректным термином «Großes Reich».

факт, что стоит принимать на веру неправдоподобные цифры из не слишком дружественного источника»¹. Бутц нажимает на то, что у нацистов и сионистов была общая цель — массовое переселение, выталкивание европейских евреев вон из Европы, что «окончательное решение» для одних и «репатриация» для других — это, в сущности, одно и то же².

Обеспечив книге правильный для ее понимания контекст, Бутц возвращается к ее содержанию: *«Эта книга — первое всеохватное и серьезное исследование передвижений еврейского населения, связанных со Второй мировой войной. <...> Ее исходные пункты не новы, зато новы та широта и глубина, с которыми написан этот труд. <...> Вывод из всего этого в том, что односторонние легенды, заставившие заострять лю-*

---

¹ Вслед за Ханкинсом, Заннинг делает вид, что ежегодные публикации АЖУВ и ежегодные, на еврейский взгляд, изменения еврейского населения — суть одно и то же.

² Этой общностью и объясняется та кооперативность, с которой, как он полагает, обе политические силы сотрудничали друг с другом в 1933—1939 гг. За годы войны сионисты прибрали к рукам как американский, так и советский истеблишмент (последний, как мерещится Бутцу, вплоть до 1948 года был проеврейским). И тут тоже образовался пусть снова противоестественный, но союз: обе страны хотели продолжить политику Гитлера, а за дирижерским пультом кто? — правильно, мировые сионисты. Им, ловкачам, удалось прибрать к рукам еще и ЮНРРА — международную организацию по послевоенным перемещенным лицам во главе с нью-йоркскими сионистами Гербертом Леманом и Фиореллой Ля Гуардия. Именно они прикрывали после войны нелегальные сами по себе потоки ДиПи в Палестину. Да и СССР со своей Еврейской республикой принял к себе ненароком немереное число евреев. Доказательства? Пожалуйста. Почему-то начиная с 1943 года иммиграционное ведомство США перестало фиксировать этническую принадлежность. СССР, правда, не перестал, но и тут стремление к уже заведомо заниженной статистике евреев более чем хорошо понятно.

бые мысли и соображения, возникающие в связи с еврейскими аспектами Второй мировой войны, получили еще один сокрушительный удар — один из многих за последнее время»¹.

Очень интересно: и что же за удар?

Тезис-удар Вальтера Заннинга заключается в том, что спор о количестве уничтоженных нацистами евреями бессмысленен, потому что большинство из европейских евреев вовсе не погибли — они живы! — или остались в живых к концу войны! Они просто мигрировали, уехали из тех мест, где проживали, и если где их обижали и убивали, то уж во всяком случае не в «Великогермании», а там, куда они уезжали, — то есть в Палестине и в Америке, но главным образом в СССР — в «Красной Империи», или в стране «за Железным занавесом», как он его поочередно называет².

Чувствуете, куда клонит автор? Ведь если доказать, что у нацистов в руках столько евреев и не было, сколько им вешают на душу, и что они существуют себе, живые и здоровые (а хоть бы и больные), где-нибудь в Бруклине, Хайфе или Биробиджане, то тогда весь конспирологический накат отрицателей — не бред, а правда, и отрицатели, Заннингом так ни разу и не названные, могут торжествовать не только свою легитимность, но и свою правоту, то есть победу.

Но как же это можно доказать?

Перед Заннингом, как и перед Ханкинсом, — крепкий и все тот же демографический орешек: перед войной в мире насчитывалось 16,7 млн евреев, после войны их оставалось 11,0 млн. Вот она, не дающая юдофобам и германофилам покоя «еврейская сказка» о том, что разница и есть Холокост, — и она же должна быть дезавуирована и опровергнута!

¹ Butz A. Vorwort. // Sanning, 1983. S.XIV—XV.

² Еще у Ханкинса эта тема была обозначена, но совершенно не разработана.

Ханкинс попытался сделать это, заходя через естественное движение, — и потерпел фиаско. Заннинг же стал рыть в той же норе совершенно другие ходы — через миграцию! Подключение глобального миграционного подхода — это действительно новое слово в демографии Холокоста.

Для того, чтобы эта новая стратегия заработала и концы бы сошлись с концами, нужно, чтобы совпали одновременно три условия: минимально возможное количество евреев перед войной, максимально возможное после, а также своего рода «барсучья нора» — система миграционных ходов, по которым евреи во время войны или сразу после нее¹ могли бы быстро разбрестись по свету.

В качестве своего рода палочки-выручалочки Заннинг пытается употребить Польшу, поделенную, согласно пакту Молотова-Риббентропа, между двумя заклятыми соседями — Германией и СССР.

При этом сама по себе предвоенная польская статистика естественного движения Заннинга не могла не огорчить: вместо искомой убыли — однозначный прирост. Так, по переписи от 9 декабря 1931 года, в Польше проживало 2732,6 тыс. этнических евреев. На 1 сентября 1939 года, по экстраполированной оценке Статистического ежегодника, их насчитывалось 3114 тыс. чел., а в действительности — даже больше: 3250 тысяч (по данным И. Маркуса²) и 3351 тысяча (по данным Англо-Американского Комитета европейского еврейства). Как видим, вместо того, чтобы, на радость отрицателям, сокращаться перед войной, польское еврейство изрядно выросло.

Почему выросло, Заннинг и сам знает: *«Если и есть одна восточноеврейская демографическая черта, на ко-*

---

¹ А в некоторых случаях — и в довоенное время, как, например, в Польше, где последняя перед войной перепись проводилась только в 1931 г.

² См.: *Marcus J. Social and Political History of Jews in Poland, 1919-1939* (NY: 1983), P.173.

торой сходятся взгляды и национал-социалистов, и сионистов, то это, несомненно, способность быстро размножаться. Но если одни видели в этом угрозу, то другие находили в ней источник надежды»¹. Причина этого, по убеждению Заннинга, проста — в низкой смертности как результате опережающего демографического перехода еврейского населения по сравнению с другими этносами: «В целом более высокий образовательный уровень позволили ему (еврейству. — П.П.), народу-гостю, уменьшить свою смертность и раньше, и быстрее, чем окружающие народы-хозяева».

Убедившись в том, что на естественном движении многого не достичь, Заннинг полностью переключается на механическое.

«Хотя известное всем переселение из Германии и Австрии, так же как и эмиграция в Палестину были учтены, но без внимания оставалось еще более многочисленное перемещение евреев из Восточной Европы! А о том, что Соединенные Штаты приняли более 400 тыс. еврейских беженцев и эмигрантов, стало известно только в 1943 году — из материалов одного неприметного слушания одной из комиссий палаты представителей в конгрессе. В то время, как новое еврейское население находило самое скромное отражение в статистике принимающих их стран, эмиграция из Восточной Европы осталась и вовсе почти не замеченной.

Это влекло за собой серьезные последствия при определении общего числа послевоенного еврейского населения, как и количества пропавших без вести, поскольку принимавшие евреев страны “официально” для довоенного и послевоенного времени показывали меньше евреев, чем в действительности их имели, а для оставленных евреями восточноевропейских стран были приняты цифры, более чем на 800 тыс. превышающие реальные! Наши специальные исследования, посвященные а) еврей-

---

¹ Sanning 1983. S.3.

ству в странах, оккупированных немцами и б) восточно-европейскому еврейству, позволяют назвать для нетто-эмиграции в довоенное и военное время, самое меньшее, 1121 тысяч чел. (См. табл.18). Поскольку степень неточности данных по отдельным странам весьма велика, то вполне вероятно, что в этой цифре учтена и естественная убыль населения.

Таблица 18

**Еврейская эмиграция до начала
и в течение Второй мировой войны.**

Германия и Австрия	442 000
Польша	500 000
Румыния	121 600
Чехословакия	52 300
Венгрия	5500
Всего	1 121 000

Источники: главы 1 и 6 наст. издания. Не учтены беженцы из Франции в 1940 году в количестве около 30 000, поскольку это, как правило, беженцы из Германии, Польши и Чехословакии, благодаря чему устраняется опасность двойного счета.

В седьмой главе¹ были “найжены” 1 059 000 евреев, которые бежали до или во время войны, возможно, в следующие страны — Палестину, Соединенные Штаты, Канаду, Австралию, Англию, Южную Африку, Францию и еще в семь латиноамериканских стран. Кроме них были еще несколько стран, которые тоже приняли по несколько тысяч человек.

¹ Ее название: «Еврейская эмиграция после войны».

Одновременно можно увидеть, что число бежавших евреев и число евреев, принятых в других странах до или во время войны, примерно уравниваются друг друга и этим лишний раз себя подтверждают»¹.

Итак, у В. Заннинга в наличии великолепная селективная память и отличное зрение: более миллиона евреев, — пишет он, — покинули Европу перед войной, и еще около полумиллиона уже и так находились в тех европейских странах, которые никогда не были под немецким сапогом. Он напрягает зрение еще немного и обнаруживает сильную (400—500 тыс. чел.!) эмиграцию польских евреев в США в 1930-е гг.² Еще одно усилие, и глаза закрываются, — а из поля зрения ускользает весьма солидный источник: согласно официальной польской статистике, изданной в 1940 году, суммарное число евреев, эмигрировавших из Польши в 1931—1937 гг., составляло 109 716 чел.³

Другой «источник» Заннинга, правда, не удостоенный корректной точной ссылки: заявление помощника

---

¹ *Sanning, Walther N.* Die Auflösung des osteuropäischen Judentums. Tübingen — Buenos Aires — Montevideo: Grabert-Verlag, 1983. S. 8.

² «Источником» для Заннинга тут послужила работа Г. Грамля «Эмиграция немецких евреев между 1933 и 1939 гг.», где говорилось (ошибочно) о ежегодной эмиграции около 100 тыс. польских евреев в 1933—1937 гг. (см.: *Graml H.* Die Auswanderung der Juden aus Deutschland zwischen 1933 und 1939, в сб.: Institut für Zeitgeschichte (Hg.), Gutachten des Instituts für Zeitgeschichte, Bd. 1, München: IfZ, 1958, S. 80). Как отмечает Д. Циммерман, единственным источником, на который при этом опирается сам Грамль, является работа Марка Вишницера «Евреи в мире» (*Wischnitzer M.* Die Juden an der Welt. Berlin, 1935), самый год издания которой говорит о ее нерелевантности в этом вопросе. У Вишницера речь идет о 1920-х гг., и, Грамль, возможно, не вполне точно его понял.

³ См.: *Tartakower A.* Jewish Emigration from Poland in Post War Years, // Jewish Social Service Quarterly. No.3. March 1940. P. 274—275.

госсекретаря США *Брекенриджа Лонга* (Breckenridge Long) на неких слушаниях одной из комиссий палаты представителей в конгрессе в 1943 году. Лонг сказал, что большинство из 580 тыс. беженцев в США за время, начиная с 1933 года, были евреями¹. Слово «большинство» Заннинг квалифицировал как 70% и получил объем еврейской иммиграции из Польши в США, равный 409 тыс. чел. А о таком пустяке, как последовавшее вскоре дезавуирование этой цифры самим Лонгом, уточнившим, что речь идет о 580 тысячах выписанных виз, а не въехавших людей, Заннинг не упоминает (как и о том, что слушания были посвящены не одной Польше, а всей Восточной Европе, тогда как сама по себе «польская квота» в США составляла 6524 чел. — негусто)².

Лежащий же на поверхности источник сведений именно о Польше — многократно упоминаемый Заннингом «Американский Еврейский ежегодник» — в памяти как-то не всплыл: а ведь публиковавшиеся в нем в порядке ежегодной отчетности цифры говорят, в сумме, лишь о 9 300 польско-еврейских иммигрантах за 1933—1943 гг., то есть лишь о нескольких сотнях эмигрантов в год³.

Но не зря он напрягал зрение и вглядывался в миграционные потоки. Из указанных 3114 тысяч польских евреев он взял и вычел сразу 550 тыс., которые, по Заннингу, в основном, эмигрировали в послеперечисной период, и «оставил» Польшу накануне войны всего лишь с 2644 тысячами евреев (при приблизительно 3,2—3,3 миллионах на самом деле!). Иначе, как шулерством подобные манипуляции не назовешь!

¹ JHR (Winter 1984). Nr.5. P.370.

² *Davie, Maurice. Refugees in America. New-York, 1947. P.28* (этот источник указан Дж. Циммерманом).

³ См. об этом у Д. Циммермана, получившего эту цифру путем анализа «Ежегодников» (*Zimmerman J. Holocaust Denial: Demographics, Testimonies and Ideologies. Lanham * New York * Oxford: University Press of America, 2000. Chapter 1*), а также на блоге у Дж.Харрисона.

Все это в предвоенное, но все еще в мирное время.

Заннинг, кстати, вполне точен, когда отмечает территориальную неравномерность размещения евреев в бывшей Польше (слабая концентрация на западных границах, и высокая в центре и на востоке, в отдельных местечках и городах доля евреев зашкаливала за 50%), а также повышенную урбанизированность польских евреев (ок. 75% у евреев, а с учетом «местечек», то и все 90%! — против 25% у не-евреев).

Итак, перед 1 сентября 1939 года польское еврейство, согласно экстраполированным данным переписи, насчитывало 3114 тыс. чел.

После нападения Германии на Польшу 1 сентября 1939 года множество мирных польских граждан — преимущественно евреев¹ — бросили свои насиженные места и бежали от немцев на «спасительный» восток, в сторону СССР. Но 17 сентября в Польшу, навстречу вермахту, вступила и Красная армия. В результате беженцы оказались в руках не у первого друга-соседа, а у второго врага-агрессора. В этих изменившихся обстоятельствах часть беженцев сделала свой выбор не в пользу СССР и подала заявления на эвакуацию в немецкую зону, благо оба агрессора заключили друг с другом осенью 1939 года соглашение об обоюдной эвакуации некоторых групп населения².

---

¹ Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М. 2001. С. 186, 190.

² Хотя соглашение и действовало по принципу «восточные немцы в обмен на западных украинцев и белорусов», заявления принимались ото всех желающих, проживавших до 1 сентября по ту сторону демаркационной линии. Все первое полугодие 1940 года в Бресте, Владимире-Волынском и Перемышле (с 13 мая — во Львове) работали три германские пропускные комиссии (Гурьянов А. Введение. // Индекс репрессированных. Вып. XIV. Польские переселенцы в Архангельской области. Часть 1. М., 2003. Со ссылками на: ГАРФ. Ф. Р- 5446. Оп. 57. Д. 65. Л. 177; Ф. 9479. Оп. 1. Д. 57. Л. 40—50).

По территориям, на которые распалась Польша, еврейское население, по Заннингу, распределилось так: $\frac{3}{5}$ досталось Германии и $\frac{2}{5}$ СССР, только рассчитаны эти доли не от 2644, а от 3114 тыс. чел. В частности, под немецким контролем проживали 1901 тыс. чел., из них 632 тысячи на землях, административно присоединенных к Германии, и 1269 тысяч в Генерал-Губернаторстве. СССР же «досталось» 1213 тыс. чел.¹ Другое дело, что еще с 1 сентября наметился устойчивый поток еврейских беженцев из западных польских земель на Восток (в СССР) и, отчасти, на Юг (в Румынию). Легко можно себе представить, что немцы с удовольствием разрешили бы всем польским евреям «бежать» от себя и уж никак не препятствовали бы движению евреев на Восток, но закавыка была в том, что советская сторона вовсе не горела желанием заполучить сотни тысяч новых евреев и, как правило, заворачивала их обратно.

Не так известно предложение немецкой стороны существенно расширить масштабы этой «дружеской сделки» по обмену ненужного населения на нужное. В начале 1940 года берлинский и венский офисы Центрального управления по еврейской эмиграции, возглавлявшиеся, соответственно, А. Эйхманом и, предположительно, А. Шталекером или А. Брунером, обратились к советскому правительству с просьбой принять в СССР, в частности в Еврейскую автономную область или на Западную Украину, около 1 млн польских евреев и, в придачу, еще 350 — 400 тыс. немецких евреев из самого Рейха.

О самом факте немецкого предложения свидетельствует единственно письмо начальника Всесоюзного Переселенческого комитета Е.М. Чекменева Молотову от 9 февраля 1940 года: *«Переселенческим управлением при СНК СССР получены два письма от Берлинского и Венского переселен-*

---

¹ Без учета польских евреев из Виленской области, что «достались» Литве. Всего, по оценке М. Альтшулера, их было 1292 тыс. чел.

ческих бюро по вопросу организации переселения еврейского населения из Германии в СССР — конкретно в Биробиджанскую область и Западную Украину. По соглашению Правительства СССР с Германией об эвакуации населения, на территорию СССР эвакуируются лишь украинцы, белорусы, русины и русские. Считаем, что предложения указанных переселенческих бюро не могут быть приняты»¹.

Надо полагать, что это соответствовало актуальным представлениям немецкого руководства о решении еврейского вопроса в Германии и Польше: отказ от «географического» решения еврейского вопроса и переход к «окончательному» и «биологическому» его решению состоялся позднее.

СССР тогда отказался, причем по сугубо формальным причинам, сославшись на то, что в советско-германском соглашении предусматривались обмены только немцами, украинцами, белорусами и русинами. Истинные мотивы отказа лежали, скорее, в другом — в патологической шпиономании сталинского режима и в самих колоссальных масштабах предложенной иммиграции.

Суммарное же количество западнопольских евреев, так или иначе, но сумевших перебраться в СССР, за вычетом тех из них, кто, вкусив советской реальности, решил вернуться и вернулся (себе на погибель!) в немецкую зону, составило около 250, самое большее — 300 тыс. чел.²

---

¹ Впервые: *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М. 2001. С. 189. Со ссылкой на: Российский Государственный архив социально-политической истории. Ф. 82. Оп. 2. Д. 489. Л. 1. См. анализ этого документа в: *Полян П.* Между Аушвицем и Бабьим Яром. Размышления и исследования о Катастрофе. М., 2010. С. 9—36.

² См.: *Robel Gert.* Sowjetunion. // *Dimension des Völkermords...* München, 1991, S. 501—502. (Wischitzer, Mark. To dwell in safety. The story of Jewish Migration since 1800. Philadelphia, 1948. S.207 ff.). Последующие депортации бывших польских евреев в глубь СССР затронули, главным образом, беженцев (Weinryb. Polish Jews, S. 348).

Заннинга это не смущает, и он, конечно, не преминул воспользоваться столь удобным моментом для «списания» на СССР еще одной дополнительной порции польского еврейства. Какой именно? В 750 тыс. человек! При этом он основывался на единичных оценках частных лиц и игнорировал все другие, куда более достоверные.

Итого, вместе с беженцами, Советский Союз получил, таким образом, под свою юрисдикцию около 1,5 млн польских евреев¹. Кроме того, на аннексированных в 1940 году территориях проживали: в Литве (без Вильнюсского края) — 150 тыс., в Латвии — 95 тыс., в Эстонии — 5 тыс., в Бессарабии и Северной Буковине — 325 тыс. евреев.

10 ноября 1939 года Постановлением СНК СССР № 1855/486 была создана советская комиссия под председательством Л.П. Берия по вопросу учета и трудового использования беженцев как рабочей силы, которой поручались также вопросы «обратной эвакуации» (то есть выдворения в Германию) неблагонадежных или нетрудоспособных беженцев. Около 25 тыс. отказались принять советское гражданство и решительно потребовали отправки в Палестину или западноевропейские страны: таких немедленно эвакуировали обратно, а некоторых из них арестовывали.

Другая часть приняла гражданство и даже завербовалась на работы в глубь СССР, но большинство попыталось осесть и закрепиться на новой советской и бывшей польской земле. Еще задолго до того, как это стало фактически возможно, комиссия запланировала депортацию беженцев на восток. 2 марта 1940 года была представлена и 10 апреля утверждена СНК инструкция НКВД, регламентирующая самый порядок их депортации. Соответствующий контингент заранее получил

---

¹ Всем им, включая беженцев, было предложено вступить до конца 1939 года в советское гражданство, но лишь немногие не отказались от этой чести и участи.

наименование «спецпереселенцы-беженцы». Их, в отличие от «осадников» и членов их семей¹, рассматривали не как заклятых врагов советской власти, а как «интернированных эмигрантов».

Однако с реализацией этого замысла пришлось повременить до середины лета: любые резкие движения были возможны только после 5 июня 1940 года — даты отъезда из СССР последней из немецких комиссий². Собственно депортация спецпереселенцев-беженцев состоялась 29 июня 1940 года: она затронула, по разным оценкам, от 77 до 90 тыс. чел., направленных в спецпоселки на севере и востоке СССР — для использования, главным образом, на лесоразработках.

Вместе с тем большинство беженцев до войны были мелкими ремесленниками и торговцами, врачами и т.д. *«Стремление портных, сапожников, часовых дел мастеров, парикмахеров и др. быть использованными по специальности, полностью удовлетворить в пределах их расселения не представляется возможным. Поэтому приходится людей этих профессий (избыточную часть) осваивать на лесе»*³. Экономическую эффективность «освоения портных на лесе» можно было бы поставить под сомнение с самого начала. Не менее 85—90% (или порядка 70-80 тыс. чел.) из них были евреями, и тут

---

¹ Это различие в отношении закономерно отразилось и в том, что смертность среди осадников была в несколько раз выше, чем у беженцев (см.: Гурьянов А. Э. Польские спецпереселенцы в СССР в 1940—1941 гг. // Гурьянов А. Э. (Сост.) Репрессии против поляков и польских граждан. / Исторические сборники «Мемориала». Вып. 1. М., 1997).

² Гурьянов А. Э. Польские спецпереселенцы в СССР в 1940—1941 гг. // Гурьянов А. Э. (Сост.) Репрессии против поляков и польских граждан. / Исторические сборники «Мемориала». Вып. 1. М., 1997. С. 120. Со ссылкой на: ГАРФ. Ф. Р-Р-9479. Оп. 1. Д. 57. Л. 40 — 41.

³ Из письма М.В. Конрадова Л.П. Берии, 2-я половина августа 1940 г. (ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 61. Л. 27-33). См. подробнее: *Сталинские депортации...*

нельзя не отметить того, что казавшийся им столь огорчительным отказ немцев в приеме и отвратительная действительность советской депортации спасли большинству из них жизнь¹.

Это сейчас, когда открылись многие архивы, мы можем достаточно уверенно называть эти цифры — 70—80 тыс. евреев, депортированных на Восток СССР. А в 1980-е гг. простор для разного рода оценок был ничем не ограничен — их диапазон колебался от 50 тыс. до 0,5 и даже 1 млн чел.², а посередке — несколько оценок в 100—300 тыс. чел. Надо ли говорить, что Заннинг из этого разнообразия в качестве «достоверных» выбрал именно полмиллиона с миллионом³, потом взял их среднее арифметическое и далее уже «оперировал» этой совершенно фантастической цифрой в 750 тыс. чел.?!⁴

Перераспределение евреев между Германией и СССР в результате раздела Польши в 1939 году выглядит, по Заннингу, совершенно иначе, чем это было в действительности. Итоговая пропорция у него уже обратная: большинство — 1776 тыс. чел., или 67,5%, досталось советской власти, тогда как немцам — всего-навсего 857 тыс. чел. (32,5%), из которых по-хорошему надо

---

¹ За исключением польских евреев-военнослужащих, проживавших в западных, оккупированных немцами районах Польши и взятых в плен Красной армией, вместе с другими военнопленными, по соглашению между СССР и Германией от 30.10.1939 года, они были обменены на польских военнопленных родом из восточных районов Польши (индивидуальные обращения к советским властям с просьбами не передавать их немцам советской стороной игнорировались).

² Ее сообщил, по личным впечатлениям, один очень эмоциональный раввин — Арон Петчинник.

³ Заннинг, кстати, был единственным, кто сведения раввина воспринял всерьез.

⁴ Точно такая «методология» Заннинга прослеживается во всей его книге, в том числе там и тогда, где и когда, согласно исповедуемой концепции, евреев должно оставаться не как можно меньше, а как можно больше.

еще вычсть 100 тыс. тех, кто бежал не на Восток, а на Юг — в Румынию.

Суммарное же число этих еврейских беженцев из Польши в СССР или в советскую оккупационную зону составляет, по Заннингу, не меньше 600 тыс. чел. и не больше 1 млн чел. — интуитивно он назначает экспертную величину в 750 тыс. чел. Добавляя сюда евреев из других аннексированных частей Европы — стран Балтии и румынских Бессарабии с Северной Буковиной, — Заннинг приходит к своему главному фокусу-покусу: с сентября 1939 и до середины 1940 г. от 2 до 2,5 млн восточноевропейских евреев исчезли в Красной Империи и разделили судьбу проживавших там 3 млн советских евреев. Из указанных 5—5,5 млн советских евреев больше 1 млн погибли во время войны, но не от рук нацистов, а главным образом *«как красноармейцы или как советские подневольные рабочие в сибирских трудовых и концентрационных лагерях»*¹. Ну до чего же удобная вещь — Холодная война: нет ничего, что нельзя было бы на нее списать! А про польских евреев, погибших в гетто или в лагерях уничтожения, можно тогда и не вспоминать...

Остается еще одно условие успеха — отыскать как можно больше евреев после войны! Что ж, Заннинг и здесь проявил недожинную изобретательность в подборе «источников». Он, например, пишет: *«В “Израильском альманахе за 1958—1959 годы”, издаваемом базирующейся в Иерусалиме Международной Сионистской организацией, имеется одно очень интересное утверждение. Там можно прочесть, что в 1958 году живущие в Израиле 1,8 млн евреев составляли одну восьмую часть мирового еврейского населения. Это значит, что в соответствии с этим неподозрительным источником, в 1958 году на земле проживали 14,4 млн евреев»*².

¹ Sanning, 1983. S.40—41.

² Sanning, 1983. S.41.

Это так же нелепо, как рассчитывать площадь Земли по заявлениям Хрущева о том, что на $\frac{1}{6}$ части суши к 1980 году будет построен коммунизм. У Заннинга же это, увы, не нелепо, а лукаво: уж больно ему нравится цифра 14,4 млн евреев для 1958 года, но еще больше ему нравятся действия с дробями и цифрами, встреченными им в корреспонденции журнала «Шпигель» или в приватном письме от ветерана Международного еврейского конгресса — еще бы: ведь они выводят его аж на 16,3 млн глобальных евреев в 1980 году, которые ему тоже «нравятся»!¹ Но в руках себя он все же удерживает: ведь иначе может получиться, что еврейское население за годы войны только что не увеличилось!

Поэтому он «успокаивается» на компромиссной цифре в 14,75 млн евреев, переживших войну (по еврейским данным, в изложении Заннинга, — 11,7 млн, хотя ранее он приводил цифру в 11,0 млн чел.). Глобальными источниками этой 3-миллионной разницы он называет, во-первых, СССР, во-вторых, другие европейские страны, оккупированные Германией, и, в-третьих, США (перевесы, соответственно, в 2,3, в 1,3 и в 0,2 млн чел.). Вот на этом «основании» он утверждает, что *«в рядах Красной армии и в сибирских рабочих лагерях погибло около одного миллиона евреев, этот аспект “современная” литература целиком замалчивает»*.

Подлая попытка переложить еврейские жертвы с гитлеровских плеч на сталинские — довольно типичский отвратительный элемент в идеологической методологии отрицателей от Холодной войны.

Как будто на Сталине, в свою очередь пытавшемся переложить геноцидальные расстрелы польских офицеров на Гитлера, было недостаточно крови!

Согласно Заннингу, перед началом Второй мировой войны в Европе (но без СССР и Прибалтики) прожи-

---

¹ Впрочем, к подбору источников Заннинг относится не лучше и не хуже, чем прочие отрицатели.

вало около 5 млн евреев, или на 1 млн меньше, чем это находит «Американский Еврейский ежегодник», учитывающий предвоенную эмиграцию из Германии, но не учитывающий, по Заннингу, 900-тысячную эмиграцию из Польши, Румынии и Чехословакии. Тем не менее, в 1941 году в зоне немецкого влияния все еще проживало 2847 тыс. евреев, а недостающие до 5 млн 2,2 млн следует искать в СССР, аннексировавшем восточные части Польши и часть Румынии¹. С учетом 1269 тыс. «пропавших без вести» — то есть евреев, попавших в военные потери, пропавших без вести в СССР; с учетом миграций и дефицита рождаемости, а также аннексии Закарпатской Украины в 1945 году, на этой территории после войны могло бы проживать 2712 тыс. евреев, а на самом деле проживало якобы 1443 тыс. чел. Само по себе это не так уж и сильно отличается от еврейской оценки числа переживших Холокост для той же территории — 1410 тыс. чел. Разница — лишь в числе еврейских жертв, или, по Заннингу, «пропавших без вести»: сбросив 956 тыс. на не учтенную предвоенную миграцию и еще 2847 тыс. на советскую власть, он и получает свои 1269 тыс. чел. потерь, разложив их между Западной и Восточной Европой (соответственно, 346 и 923 тыс. чел.).

В целом это на 3321 тыс. чел. меньше, чем оценка «Ежегодника» — 4590 тыс. еврейских жертв, без учета СССР и Прибалтики².

Сусеком, где Заннингу обязательно хочется еще поскрести, стали послевоенные миграции. Он напирает на то, что первые еврейские послевоенные учетные данные начинаются не с 1945, а с 1946 или даже с 1947 года. Сквозь эту одно-двухгодичную лазейку запросто могли проскользнуть толпы попрытавшихся во время войны и хорошо одетых евреев. Вот, например, Соединенные

¹ *Sanning*, 1983. S.204.

² АЈУВ. 1947. Vol.49. P. 740.

Штаты: в 1936 году — 4771 тыс. евреев (учет Федерального Ведомства по проведению переписей), а в 1943 году — 5199 тыс. чел. (данные Джойнта). Разница в 429 тыс. чел. без учета миграции была бы возможна только при годовом приросте в 14,5%¹.

Анализ Заннинга заканчивается чуть ли не на звеняще-торжествующей ноте: *«Вторая мировая война раз и навсегда уничтожила еврейство в Европе как важную и географически закрытую группу населения. На место Европы заступили теперь другие центры еврейского населения — США, Израиль и Советский Союз. Нужно исходить из того, что эти три страны объединяют сегодня 80% мирового еврейства. Никогда еще еврейское население не было так разбросано, как в настоящее время»!*²

Он пишет: *«Наши анализ не ставит перед собой цель проверить правдоподобие теории “окончательного решения”, он хочет определить размер и направление еврейских перемещений во время и после Второй мировой войны. Если показанная здесь динамика входит в противоречие с “современными” табу, то разобраться в этом — и есть задача “специалистов по новейшей истории”...»*³.

Но показанная им динамика входит в противоречие не с «табу», а с историко-демографическими фактами.

7

Конечно же, выход книги Заннинга не остался ни не замеченным, ни не отвеченным. Профессор В.Д. Рубинштейн из Дикинского университета в Австралии, получив книгу от Джона Барнета, одного австралийского отрицателя, вскорости ее возвратил, отозвавшись частным письмом. Изучение заннинговских корректив

¹ Sanning, 1983. P.210—220.

² Sanning, 1983. Заключение.

³ Sanning, 1983. Заключение.

к демографическим параметрам до- и послевоенного еврейства и списывание сотен тысяч загубленных еврейских жизней на Сталина и т.п. привели Рубинштейна к однозначному выводу: на самом-то деле Заннинг просто пытается отрицать Холокост и в этом он заодно с другими неонацистами. Признавая за Заннингом знакомство с источниками, он решительно отказывает ему в корректности работы с ними.

Едва ли Рубинштейн предполагал, что письмо его будет опубликовано, да еще в порядке обмена мнениями и в окружении «откликов» самого Заннинга и Бутца, да к тому же и в главном отрицательском органе¹. Но произошло именно так, причем нет ни малейших следов того, что у Рубинштейна спросили на это разрешения.

Один академический журнал даже отозвался рецензией². Ее автор был приятно обрадован, что Заннинг не отрицает Холокост как таковой. Его резюме, однако, сурово: книга содержит кучу ошибок и антиисторична. Вместе с тем анализом этой кучи ошибок он себя утруждать не стал, предоставив это будущему и демографам.

Отсутствие такого ответа расценивалось отрицателями как торжество правоты Заннинга. Но со временем и это «будущее» наступило. В 2000 году появилась книга

---

¹*Rubinstein W.D., Sanning W.N., Butz A. Dissolution of Eastern European Jewry: an Exchange // IHR. 1984. No. 4. P. 367—373.*

²*Conway J.S. Review on: Walter Sanning. The Dissolution of Eastern European Jewry. The International History Review, VII, 3, August 1985, pp 450—451. На эту рецензию последовал ответ со стороны одного из активистов IHR (см.: Desjardins D. Critique of John S. Conway's Review of Walter Sanning's Dissolution of Eastern European Jewry, From The International History Review, August, 1985. Fall 1987. Volume 7 number 3. P.375).* «Защитник» обвиняет Конвэя в том, что он а) не демограф и б) что у него нет в руках противоположных цифр. А вот у Заннинга чего только нет: на 205 страницах текста разместились 24 таблицы, 453 ссылки и 98 источников! Правда, сделаны они, как правило, недобросовестно.

Джона Циммермана (John Zimmermann) «Отрицание Холокоста: демография, свидетельства, идеология»¹, в значительной степени посвященная разбору книги Заннинга, а в 2007 году отдельные аспекты книги подробно и высокопрофессионально рассматривались в блоге *Джонатана Харрисона* (Jonathan Harrison), посвященном противоречиям в исследовании Холокоста². Оба автора уличали Заннинга и в ошибках, и в фальсификациях³, и в «шулерской» природе его «научного метода», состоящего, по Циммерману, в комбинации «выборочного цитирования с необоснованными допущениями».

А вот книга, которая, казалось бы, могла стать прямым и сокрушительным ответом Заннингу — проект, сама идея которого, возможно, зародилась как непосредственная реакция на выход его книги, — содержит лишь одно-единственное ее упоминание в одной из сотен сносок!

Я имею в виду международный проект «Масштабы народоубийства. Количество еврейских жертв национал-социализма», работа над которым велась во второй половине 1980-х гг. под эгидой Института новейшей истории в Мюнхене. Группу из 18 историков из ряда европейских стран возглавлял профессор Вольфганг Бенц. Ими было создано 17 региональных штудий, посвященных Холокосту в отдельных странах или в груп-

---

¹ *Zimmerman John C. Holocaust Denial: Demographics, Testimonies and Ideologies.* Lanham * New York * Oxford: University Press of America, 2000 (см. также: <http://www.mossadist.by.ru/>; см. также русский перевод М. Улановской: http://www.jewniverse.ru/RED/Ulanovskaya_Zim/)

² См.: <http://holocaustcontroversies.blogspot.com/2007/08/> <http://tourismindicator.blogspot.com/2007/09/holocaust-kontroversen-die-verrckte.html>

³ Например, то, что евреев в гетто не считали. Еще как считали, о чем специально позаботился Гейдрих 21 сентября 1939 г., и такая статистика собиралась, и достаточно аккуратно.

пах стран и строго зафиксировавших изученность вопроса накануне последнего 10-летия XX века¹. Результаты проекта были опубликованы в 1991 году в солидной одноименной монографии, открывающейся обобщающей статьей-вступлением В.Бенца.

Проект еще раз отчетливо показал, сколь значительны трудности, стоящие перед такого рода анализом, — трудности, связанные не только с дефицитом и несопоставимостью статистических данных, но и с бесконечными перекройками административно-государственного устройства Европы во время войны и мобильностью населения, многократно войною усиленной. Многие региональные штудии подтвердили невозможность получения однозначных оценок, итогом получался определенный интервал, или «вилка» между минимально и максимально возможными оценками. Окончательный переход на мышление «вилками» — интервалами — еще один важный методический, хотя и побочный, продукт этого проекта. К сожалению, даже самый тщательный пострановый учет первичных источников, как и состояние самих этих источников, не по-

---

¹ В частности, главу о Германии написали Ино Арндт (Ino Arndt) и Хайнц Боберах (Heinz Boberach), об Австрии Джонни Мозер (Jonny Moser), о Люксембурге — Ино Арндт, о Франции и Бельгии — Юлиана Ветцель (Juliane Wetzel), о Голландии — Герхард Хиршфельд (Gerhard Hirschfeld), о Дании — Герман Вайс (Hermann Weiß), о Норвегии — Оскар Алендельслон (Oskar Alendelsohn), об Италии — Лилиана Пиччиотто Фаригон (Liliana Picciotto Farigon), об Албании — Герхард Гримм (Gerhard Grimm), о Греции — Хаген Фляйшер (Hagen Fleischer), о Болгарии — Ганс-Иоахим Хоппе (Hans-Joachim Hoppe), о Югославии — Холм Зундхаузен (Holm Sundhaussen), о Венгрии — Ласло Варга (László Varga), о Чехословакии — Ева Шмидт-Хартман (Eva Schmidt-Hartmann), о Румынии — Криста Цах (Krista Zach), о Польше — Франк Гольчевский (Frank Golczewski) и о Советском Союзе — Герт Робель (Gert Robel).

зволили В. Бенцу и его коллегам обойтись без этнобалансной модели.

Сумма таких пострановых минимумов составила общеевропейский минимум в 5,29 млн еврейских жертв, а о максимально возможной цифре В. Бенц, не называя, отозвался как о величине, немного превышающей 6 млн чел.¹

8

Очередную статистическую «революцию» — почти *двукратное сокращение* числа еврейских жертв в Аушвице — попытался произвести журналист из «Шпигеля» *Фритюф Мейер* (Fritjof Meyer)². Свою аргументацию он почерпнул из уже озвученных (во время процесса Д.Ирвинга против Д.Липштадт в Лондоне в 2000 году) и опубликованных³, но, по его мнению, недооцененных документов. Его первое журналистское «открытие» — в переписке между фирмой «Топф и сыновья» и СС вокруг строительства крематориев в Аушвице встречается внутреннее противоречие: если принять за верные и универсальные данные о пропускной способности крематориев, то придется менять статистику. Само противоречие Мейер никак не анализирует, и все обстоятельства, аргументирующие иные цифры, а главное — документирующие иную практику, начисто игнорирует.

---

¹ Однако несложный пересчет зафиксированных для каждой страны максимумов привел нас к гораздо большей цифре — в 6,54 млн чел.

² Meyer F. Die Zahl der Opfer von Auschwitz. Neue Erkenntnisse durch neue Archivfunde. // Osteuropa. 2002. Nr.5. S. 631—641.

³ Van Pelt, R.-J.; Dwork D.. Auschwitz — von 1270 bis heute. Zürich, 1998; Van Pelt, Robert-Jan. Z 'The Case for Auschwitz — Evidence from the Irving Trial. Bloomington, 2002.

Второе его «открытие» — новое прочтение того эпизода из показаний Р.Хёсса, где он говорит, что крематории нельзя было держать в рабочем состоянии постоянно, так что их приходилось останавливать каждые 8—10 часов¹. Вывод: в крематориях 2 и 3 за 971 их рабочий день могло быть сожжено не более чем 262 170 трупов, а в крематориях 4 и 5 за 359 рабочих дней — не более чем 51 696, итого — 313 866. Еще 107 тыс. были сожжены в ямах-кострах возле бункеров 1 и 2². А с учетом тех 12 тыс. трупов, что были, по Ф.Мейеру, сожжены в старом Крематории 1, он и приходит к искомому результату: в Аушвице были сожжены в общей сложности 433 тыс. трупов.

В действительности гипотеза о многократных остывании и разогреве крематориев, как и гипотеза о многодневных простоях крематориев 4 и 5 противоречит десяткам свидетельств, в том числе и из самых первых рук — от зондеркомандовцев и от эсэсовцев, а также ежесуточной отчетности о занаряживании рабочих команд в Биркенау, в том числе и зондеркомандо³.

Тем «жупелом», который Ф.Мейер стремится опровергнуть, является последняя оценка количества жертв, представленная в работах историков из Освенцима, в частности, Франтишека Пипера. Цифры, к которым

---

¹ АРМАВ. Нöв-Prozess. Bd. 26b. S.168. Тут он, кстати, Хёссу доверяет, тогда как другим высказываниям Хёсса — о числе жертв в «его» лагере — приписывает совершенно иной статус: он утверждает, что эти признания Хёсса сделаны под пытками и с определенными установками. Остается загадкой, если уж Хёсс был игрушкой в руках заговорщиков-статистиков, то почему ему вложили в рот цифры, столь существенно отличающиеся от советско-польской «святой коровы» — 4 млн жертв фашизма в Освенциме — и все тут!

² О некомпетентности Ф.Мейера говорит уже одно то, что он утверждает, что никто, мол, не знает и до него никогда не интересовался тем, где были захоронены останки тел тех, кого сожгли до открытия мощных крематориев в марте 1943 г.

³ Соответствующие наряды сохранились и в ЦВММ (Центральном военно-медицинском музее в Санкт-Петербурге).

пришел Пипер, представлены в табл. 2: из 1305 тыс. депортированных в Аушиц 1095 были евреями, из них 205 тыс. были зарегистрированы, а 895 не были, причем из 960 тыс. погибших в Аушвице евреев 865 тыс. пришлось на не зарегистрированных и еще 95 тыс. — на зарегистрированных. Самое интересное, что на самого Ф. Пипера Мейер практически не нападает: он упрекает его лишь для блезиру — в том, что количество венгерских евреев до сих пор не уточнено, а также в том, что 300 тыс. чел. как оценка депортированных из Польши это чересчур много¹. В качестве девочки для битья он берет коллегу Пипера — Дануту Чех (Danutha Czech), составительницу фундаментального «Календария Аушвица», где строго хронологически и весьма тщательно сведены воедино практически все основные сведения о том, что происходило в Аушвице, в том числе перечислены все известные ей транспорты². Общее число депортированных в Аушвиц, без учета венгерских транспортов, оценивается ею, по словам Ф.Мейера, в 735 тыс. чел. Отнимая от этой цифры 400—405 тыс. чел. зарегистрированных узников³, а также (и, кстати, по второму разу) 15 тыс. советских военнопленных, он получает цифру в 315 тыс. узников, оставленных без ре-

---

¹ Неясно только, где Ф.Мейер взял эту оценку: в таблице, на которую он при этом ссылается, для поляков приведена цифра в 147 тыс. чел., а евреи (если только он имеет в виду еще и польских евреев) не разбиты по странам.

² Не под каждым событием приведены источники, но пишущему эти строки приходилось убеждаться в том, что источники эти не высосаны из пальца, а имеются в архиве музея. Тем не менее на отсутствие источников и пеняет ей Ф. Мейер, попутно «застукав» ее, в том числе и с помощью рукописей зондеркомандовцев и даже Р. Хёсса, на двух-трех предположительных неточностях в сведениях (естественно, в тех, что «завышают» численность в эшелонах).

³ Рассчитано по максимальным известным номерам для каждой из категорий узников, имевших отдельную нумерацию при регистрации.

гистрации. Далее он суммирует тех, кто не погиб в Аушвице: 225 тыс. переведенных в другие лагеря¹, 59 тыс. были эвакуированы в январе 1945 года и еще 8,5 тыс. остались в Аушвице и его филиалах, — все остальные, то есть 428 500 чел. (что крайне близко к рассчитанному Мейером только что числу трупов!), и суть погибшие в Аушвице!

Не подумайте только, что Мейер умолчал или забыл о венгерских евреях. Тут он даже опирается на данные Д.Чех (60 транспортов, около 180 тыс. чел., из них 29 тыс. —зарегистрированные): при этом, с одной стороны, он умалчивает о том, что эти данные неполные, а с другой не упускает случая указать, со ссылкой на К.Герлаха и Г.Али, что 110 тыс. из них были переадресованы в другие лагеря². Таким образом, для газовен остается всего лишь 40 тыс. венгерских евреев! И чем это занимались чуть ли не 800 человек зондеркомандовцев с мая по октябрь 1944 года — занимались, да так, что их даже переселили поближе к работе?!..

Прибавив эти 40 тысяч к ранее уже полученным примерно 430 тысячам и накинув еще 30 тысяч на прочие, помимо газовых камер, способы жизнеотрешения (расстрелы, уколы, медицинские эксперименты), Ф. Мейер пришел к неожиданно круглой цифре в полмиллиона еврейских жертв в Аушвице (в самом конце он набросит еще 10 тыс.). При этом он неожиданно добавил, что только 356 тыс. из них погибли в газовых камерах³: если до этого все его шаги были хоть как-то, но

---

¹ Ссылка приводится, но без малейшей попытки критически рассмотреть источник.

² Ф. Мейер не считает нужным уточнить, были ли эти 110 тыс. включены в выше упомянутые 225 тыс. переведенных из Аушвица в другие лагеря или не были. Из чего можно сделать только два вывода: во-первых, были, а во-вторых, — мы снова встречаемся с двойным счетом.

³ Хотя перед этим немало труда положил на то, чтобы показать, что их было самое меньшее 433 тыс.

аргументированы, то здесь, радикально меняя структуру орудий уничтожения, он обошелся и без подпорок.

При этом у Ф.Мейера хватило бесстыдства глумливо заметить: то, что неработоспособные люди после селекции отправлялись в камин, вообще-то нигде и никем не задокументировано¹. Этот аргумент настолько знаком, что делает трудно различимой разницу между отрицателями прошлых лет и «неоревизионистом» Мейером. Об отрицательской подстежке последнего говорит и глубоко презрительное и надменное отношение к жертвам, являющимся для него не более чем единицей измерения.

Впрочем, согласно Ф. Мейеру последнее до него слово в деле оценки главной трудовой деятельности СС в Аушвице-Биркенау сказал не Пипер, а Жан-Клод Прессак: количество убитых — не меньше 631 и не больше 711 тыс. чел., из них от 470 до 550 тыс. убитые в газовых камерах и не зарегистрированные евреи². Свой собственный результат Мейер конкретизирует так: 510 тыс. мертвецов, из них 356 тыс. умерщвленных газом. Статью же он заканчивает следующей красивой фразой: *«Этот результат не релятивирует варварство, но уточняет его истинные размеры — жесткое предупреждение против новой цивилизационной катастрофы»*³.

В ней, как в капле воды, отразилась и методология всей статьи — запутать и оглушить читателя мнимой сенсационностью, — и идеология отрицательства в его новой, мимикрирующей под классическую историческую науку, версии — редукционалистской: мол, мы не

---

¹ Это вступает в вопиющее противоречие с предыдущими аргументами Мейера — только что произнесенными им «уточнениями» нескольких возможных неточностей у Д.Чех!

² *Pressac J.-Cl. Les Crématoires d'Auschwitz: la machinerie du meurtre de masse*, Paris, 1993.

³ *Meyer F. Die Zahl der Opfer von Auschwitz. Neue Erkenntnisse durch neue Archivfunde. // Osteuropa. 2002. Nr.5. S.641.*

будем больше отрицать сам факт Холокоста или существования газовых камер, но мы сведем его размеры до минимально возможного и выйдем табуретку хотя бы из-под «мифа о шести миллионах».

9

Нередко, а в последнее время все чаще и все откровеннее, отрицатели получают подкрепление и поддержку со стороны и профессиональных (или как минимум дипломированных) историков. Быть может, самым солидным из фактически примкнувших к отрицателям историков и образовавшим, по выражению Ю. Царуски¹, своеобразный «пладцарм ревизионистов» в академической среде, стал уже упоминавшийся профессор из Эрлангена Х. Дивальд.

Однако подлинной находкой для отрицателей стал профессор *Эрнст Нольте* (Ernst Nolte). Уже сама по себе дискуссия 1980-х гг. о тоталитаризме, связанная с его именем, впрямую утыкается в плечи отрицателей. Не будучи отрицателем де-факто, Э.Нольте, анализируя преступления других стран, стремился к тому, чтобы релятивировать немецкие преступления (в том числе и Холокост) и создать тем самым необходимые предпосылки для ревизии и гламуризации собственно немецкой истории. Говоря о Холокосте, он заявлял, что число погибших в Аушвице арийцев превосходит число еврейских жертв, и что Ванзейской конференции, возможно, и вовсе не было. Айнзацкоманды и айнзацгруппы расстреливали евреев на оккупированных восточных территориях вовсе не за то, что они ев-

---

¹ *Zarusky J.* Leugnung des Holocaust: die antisemitische Strategie nach Auschwitz. // BPJS Aktuell. Jahrestagung der Bundesprüfstelle für jugendgefährdende Schriften «Von „Antisemitismus“ bis „Xenofobia“. Rechtsextreme Medien in Deutschland». Amtliches Mitteilungsblatt. Sonderausgabe, 1999. S.8.

реи, а за то, что они партизанили. От его «внимания» не укрылось и то, что большинство книг о Холокосте написано евреями. Он признавал за Гитлером право на, как он выразился, «интернирование» евреев; достаточным в его глазах основанием для этого послужило высказывание Хайма Вейцмана от сентября 1939 года, заявившего после нападения Германии на Польшу, что все евреи мира в этой войне будут сражаться на стороне Англии¹.

Как отметил Ю. Царусски, Э. Нольте, был первым и, кажется, единственным авторитетным профессионалом-историком, отдавшим дань уважения «ревизионистам» и всерьез ссылавшимся на некоторые их труды. Тем самым он — как бы от имени науки — протянул столь долгожданную ими руку и благословил то, что потом, с его легкой руки, стали называть «умеренным ревизионизмом». Последний, в отличие от «радикального», оспаривал и отрицал Холокост не весь и не на корню, а только выборочно и частично².

Но, бесспорно, наиболее яркой и пассионарной фигурой среди всех отрицателей Холокоста — и их неформальным гуру — является британский историк и публицист Дэвид Ирвинг³. В 1963 году он выпустил свой первый мировой бестселлер «Разрушение Дрездена», в котором значительно преувеличивалось число немцев, убитых во время британских бомбардировок.

---

¹ *Nolte, Ernst. Zwischen Geschichtslegende und Revisionismus? Das Dritte Reich im Blickwinkel des Jahres 1980. // „Historikerstreit“. Die Dokumentation der Kontroverse um die Einzigartigkeit der national-sozialistischen Judenvernichtung. München 1987. S.19, 24. Он не увидел разницы между евреями, «интернированными» в Германии, и японцами, интернированными во время войны в США!*

² *Nolte, Ernst. Die „Endlösung der Judenfrage“ in der Sicht des radikalen Revisionismus, in: ders.: Streitpunkte. Heutige und künftige Kontroversen um den Nationalsozialismus. Berlin u.a. 1993, S. 318 f.*

³ Родился 24.3.1938 в Эссексе.

В 1977 году вышла его книга «Война Гитлера»¹, в которой Ирвинг, обеляя Гитлера, всю вину за массовые убийства переложил на Гимmlера. Перенеся центр тяжести на вопрос «Кто виноват?», но признавая тем самым преступления национал-социализма, пускай и выборочно, Ирвинг в некотором смысле ревизовал самих ранних ревизионистов, отрицавших все и вся на корню. В позднейших переизданиях (1991) Ирвинг заменил места, где он говорил о Холокосте как о реальности, на куда менее отчетливые высказывания.

В 1987 году он заявил, что дневник Анны Франк — это подделка, и публично опроверг существование газовых камер. А в 2000 году Ирвинг подал иск на американскую исследовательницу *Дебору Липштадт* (Deborah Lipstadt) за то, что она назвала его в своей книге «Относительно: отрицание Холокоста» одним из самых известных и опасных отрицателей². Суд Ирвинг проиграл и должен был выплатить издательству «Penguin Books» штраф в 3 млн фунтов в компенсацию ущерба и издержек. Будучи не в состоянии сделать это, он объявил себя банкротом и потерял свой дом в Лондоне. Хотя Ирвинг и заявлял, что отказывается от старых взглядов, полный текст его работ находится в Интернете в свободном доступе. В том числе и книга «Нюрнберг: последняя битва», где утверждается, что зверства нацистов с использованием газовых камер были преувеличены союзниками. Там же опубликованы разнообразные версии его книги «Война Гитлера».

В 2005 году Ирвинг был арестован в Австрии по ордеру, выписанному в 1989 году, а затем осужден на три года — по обвинению в неонацистской деятельности, к которой австрийское законодательство приравнивает

¹ *Irving, David. Hitler's War. London u.a., 1977.*

² См.: *Lipstadt, D.E. History on trial: my day in court with a Holocaust denier. New York [u.a.]: Harper Perennial, 2006.* См. также полный текст материалов процесса на сайте Проекта Ницкор: www.nizkor.org/hweb/people/i/irving-david/

публичное отрицание Холокоста¹. Ирвинг произнес слова раскаяния, и уже в декабре 2006 года вышел на свободу: приговор ему был заменен на условный, и его депортировали из страны.

Но мало кто сомневался в его неискренности. Некоторое время он молчал — как видно, собираясь с силами. А потом вновь заговорил. О чем? Да все о том же. Например, о том, что Аушвиц был туристическим объектом. Или вот: *«Я не думаю, что у Рейха была некая целостная политика по убийству евреев. Если бы она была, то евреи были бы убиты, и не было бы так много миллионов переживших. И, поверьте, я рад за каждого выжившего. <...> В трудовых лагерях 74 тысячи евреев скончались по естественным причинам, а остальных после войны спрятали в лагерях для перемещенных лиц и позднее отправили в Палестину, где они живут и сегодня под новыми именами»*. Мило?

О том, как, между тем, глубоко яды отрицания проникают в сознание даже дипломированных историков, говорит такой случай. В 1996 году в Мюнхене в Институте политических наук им. братьев Шолль разразился громкий скандал: доцент *Эрвин Адлер* (Erwin Adler) на вопрос об уничтожении евреев во время войны ответил буквально следующее: *«Я этого просто не знаю, я при этом не присутствовал»*². Институт за него заступился, но университет все же освободил его от преподавания. Но если Адлеровы слова — *«Я этого просто не знаю, я при этом не присутствовал»* — нанизать на тот

---

¹ Могли дать и десять, но Ирвинг внезапно признал свою вину и заявил, что искренне ошибался, полагая, что в Аушвице не было газовых камер... Признание вины помогло ему сократить приговор до трех лет.

² *Zarusky Jürgen. Leugnung des Holocaust: die antisemitische Strategie nach Auschwitz. // BPJS Aktuell. Jahrestagung der Bundesprüfstelle für jugendgefährdende Schriften «Von „Antisemitismus“ bis „Xenofobia“: Rechtsextreme Medien in Deutschland».* Amtliches Mitteilungsblatt. Sonderausgabe, 1999. S. 8—9.

же шампур, то и получим сухой и ядовитый остаток пафоса отрицателей: «Так что было это или не было, наверняка мы не знаем, но, скорее всего, не было».

Отрицание Холокоста — одна из немногих ниш, к которым сегодняшний антисемит может еще прислониться («критика Израиля» — вторая такая отдушина). Маскируясь под «ревизионизм», антисемитизм приходит к своим национал-социалистическим истокам с разработанной системой эзоповых фигур речи¹. Но, по сути, ревизионисты целятся не только в евреев, — они целятся во всех.

Прекрасной питательной средой для произрастания отрицательства является, согласно Ю.Царусски, псевдоплюрализм с его «Anything goes», а шире говоря — всепобеждающая атмосфера постмодернизма с его исторической проекцией: «Nothing was»!

Круг интересующихся «ревизионизмом» пока — в европейских рамках — сравнительно узок, но его адепты настолько активны, что резонанс, которого им удается достигать, вполне ощутим, и он все нарастает.

Кроме того, они открыли для себя на Востоке новое пространство для экстенсивного роста — в России, на Украине, а возможно, и в Польше и Прибалтике.

Во многих странах антисемитские и отрицательские пароли узнаваемы даже в предвыборных кампаниях.

Среди них, кстати, и США, где в президентской гонке 1992 года со стороны республиканцев участвовали аж целых два отрицателя — бывший Великий мастер

---

¹ Интересно, что в какой-то момент нацисты опомнились, что дело не только в словах и в эвфемизмах, не только в обмане самих жертв: сами газовые камеры были сделаны под душевые. Дело еще — в самом содеянном и, с точки зрения конфиденциальности, в его материальных остатках. И тогда они начали заматывать или маскировать уже физические следы — раскапывая противотанковые рвы, сбрасывая пепел в реки, перемалывая непрогоревшие кости (так называя «Операция 1005»).

Ку-клукс-клана *Дэвид Дьюк* (David Duke), предлагавший устроить для евреев «Западный Израиль» — резервацию на Манхэттене и Лонг-Айленде¹, и *Патрик Бьюкенэн* (Patrick Buchanan)².

Да и элегантные *Жан-Мари и Марин Ле Пены* во Франции — борцы не только с магрибским засильем, но и еще кое с каким. Ле Пен-старший не отрицает Холокост, но говорит о нем как о мельчайшей детали Второй мировой войны, а между тем Национальный фронт стал второй по избирательской поддержке политической силой в стране! Да и в других европейских странах правые радикальные партии или уже в национальных парламентах, или вот-вот в них окажутся.

Среди антисемитов-политиков, кстати, есть не только те, кто проигрывали выборы, но и те, кто их выигрывали. Например, покойный президент Хорватии *Франьо Туджман* (Franjo Tudjman), само слово «холокост» не употреблявший иначе, как в кавычках. Те же нотки популярны и в стране другого бывшего сателлита и союзника нацистской Германии — Словакии³.

Наиболее крайний — и, бесспорно, самый опасный — случай — это Иран, особенно во времена президентства Ахмадинежада, сделавшего антисемитские и антиизраильские лозунги государственными паролями.

История показала, сколь опасным и разрушительным может стать антисемитизм, если он опирается не на совокупность частных фобий, а на государство и на государственную политику.

---

¹ *Lipstadt*, 1994. S. 19—20.

² *Lipstadt, Deborah E. Denying the Holocaust: the growing assault on truth and memory. New York [u.a.] : Free Press [u.a.], 1993. P.2.*

³ *Lipstadt*, 1994. S.21-22.

СОВЕТСКИЕ И ПОСТСОВЕТСКИЕ ТРАДИЦИИ ЗАМАЛЧИВАНИЯ И ОТРИЦАНИЯ ХОЛОКОСТА

1

Продолжая «традиции» еще царской России, СССР являлся государством, практиковавшим, за вычетом 1920-х гг., косвенный государственный антисемитизм.

В отличие от государственного антисемитизма в Германии, принявшего поистине людоедские формы, СССР практиковал его в более «гуманном» виде — как систему гласной и негласной дискриминации и запретов, а также борьбы с «космополитизмом», «сионизмом» и прочими эвфемизмами еврейской нации. Еврейских погромов или чего бы то ни было, приближающегося к ним, в СССР не было, а утверждения о подготовке большой депортации евреев в 1953 году хотя и представляются косвенно логичными, но и по сей день не имеют практически никакой прямой документальной базы¹.

Чуть ли не половина жертв Холокоста, беря по территориальности их проживания на 22 июня 1942 года, погибла на территории СССР, но в контексте такой политики ни о каком уважении к еврейским жертвам не могло быть и речи. Война еще шла, а главпуровцы уже работали над тем, как преподносить ее результаты. Если немецкие нацисты-жидогубы изводили «циклоном Б» именно еврейскую расу и упивались именно еврейской кровью, то интернационалисты-большевики главпуровской перекисью старались вытравить именно этническую компонен-

---

¹ См.: Сталинские депортации. С. 773—778.

ту чудовищного преступления, совершавшегося в Аушвице или Бабьем Яру. Политика заключалась не в преуменьшении числа жертв, а в вытравлении их структуры, иначе — в подмене одной конкретной группы жертв (евреев) другою, куда более расплывчатой — «советскими людьми», или «мирными гражданами»¹.

Когда же война закончилась, то запрету подверглись и сама память о Холокосте, и ее увековечение. После войны в одном лишь Минске появился памятник, рассказывающий о Холокосте и с надписью на идише. Шестиконечной звезде на памятнике в Невеле сделали «обрезание», в результате она стала пятиконечной. Наказуемой оказалась даже сама инициатива создать памятники евреям — жертвам нацизма: ученый-изобретатель В. Фундатор, один из создателей знаменитого танка «Т-34», лишился работы из-за намерения установить памятный знак в родном белорусском местечке Червень, а семеро вознамерившихся создать памятник в Одессе получили по 8—10 лет лагерей за создание «антисоветской и националистической организации». В 1948 году убили Михоэlsa, и было окончательно отказано в издании «Черной книги», в 1949 году закрыли Еврейский музей в Вильнюсе. Призрак «космополитизма» соткался в Кремле и обволоком собою всю страну, и не кто-нибудь, а евреи, — да, евреи, оставшиеся в живых! — пополнили собой позорный список жертв не одной, а двух диктатур².

¹ См. в наст. издании в разделе «Освобождение Аушвица: еврейская Катастрофа — без евреев!».

² См. об этом подробнее в: *Альтман И.А. Жертвы ненависти. Холокост в СССР, 1941—1945 гг.* М.: Фонд «Ковчег». 2002. Спокойно и последовательно он разбирает и советские идеологические мифологемы-подлоги, с которыми так не хотят расстаться и сегодняшние антисемиты-энтузиасты (лишив их прямой координации и поддержки, государство в то же время и не преследует их даже тогда, когда они попирают закон). См. также: *Мицель М. Запрет на увековечение памяти как способ замалчивания Холокоста: практика КПУ в отношении Бабьего Яра // Холокост и сучасність. Студії в Україні і світі . 2008. № 1. С. 9—30.*

В рамках советской идеологии, в равной мере призванной петь режиму осанну и прикрывать его срам, не оставалось места для целого множества исторических явлений: для голодомора, для оккупации, для угнанных в рабство оstarбайтеров, для советских военнопленных, для власовцев и других коллаборантов, для еврейского геноцида — все это были темы-табу, о которых лучше было не то что не писать — не заикаться!

Идеология проглотила и зажевала историю. Применительно к Холокосту идеологический ответ советской власти был выдержан в своеобразно интернационалистском духе: главным, повторим, тут было затушевание сугубо этнической — антиеврейской — политики национал-социализма и намеренное *невыделение* евреев как специфической группы среди жертв немецкого фашизма. Соответственно, им было отказано и в признании целого ряда их гражданских и человеческих прав, в том числе и права на память. В вопросах историографии и увековечения памяти жертв названный «интернационализм» воплощался в том, что еврейские жертвы никак не обозначались: их вербальным заместителем стали выражения «мирные граждане» и, особенно часто, «советские люди». Тем самым до сознания доводилось: Холокост не уникален, фашисты уничтожали всех советских граждан, среди которых были и русские и украинцы, и татары, и поляки, ну и евреи тоже, кажется, были... Даже в таких случаях, как Бабий Яр, борьба за восстановление справедливости и хотя бы за компромиссные формулировки наталкивалась на жесткое идеологическое сопротивление и на непреклонное начальственное «нет».

Мария Альтман, автор книги «Отрицание Холокоста. История и современные тенденции» (2001), совершенно права, когда пишет: *«...все, что происходило с этой темой в исторической науке и публицистике на протяжении предшествующих лет (50—80-е гг.) вполне можно квалифицировать как разновидность отрицания Холо-*

коста. Это выражалось в замалчивании и сокрытии как самого факта Холокоста (прежде всего — советских евреев), так и имеющихся в государственных архивах документальных свидетельств об этом»¹.

В русских национал-патриотических материалах она выделяет следующие шесть различных тенденций в изображении или интерпретации Холокоста: 1) прямое и полное его отрицание, 2) сомнения в его существовании или, по крайней мере, в отдельных фактах, 3) преуменьшение масштаба трагедии, 4) искажение событий и фактов, 5) неправильное истолкование самого термина «Холокост» и 6) оправдание Холокоста. Излюбленными приемами тут являются, в особенности, перевод стрелок на «русский Холокост», якобы организованный в СССР евреями, и заявления о том, что немцы — по сговору с сионистами — уничтожали только советских евреев.

Разновидностью мифа о неубитых евреях является тезис об их тотальной эвакуации в Ташкент в 1941 году².

На бытовом уровне элементы отрицания присутствовали уже в советской «антисионистской» литературе³, в годы Холодной войны обвинявшей «сионистов» в том, что они «наживались» на страданиях еврейских жертв и преувеличивали их численность, а главное — находились в прямом сговоре с нацистами. Классическим примером такого подхода может послужить дис-

---

¹Альтман М.М. Отрицание Холокоста. История и современные тенденции. М.: Фонд «Холокост», 2001. С. 51.

²Альтман М.М. Отрицание Холокоста. История и современные тенденции. М.: Фонд «Холокост», 2001. С. 63—65. Об этом же говорил и И.Альтман на упомянутой пресс-конференции 15 декабря 2006 г.

³Парадоксальным образом советский «антисионизм» нашел свое прямое продолжение в современном «антиизраилизме» многих западноевропейских государств: и в том и в другом случае имел или имеет место не что иное, как слегка закамouflированный антисемитизм!

сертация на соискание кандидата исторических наук, защищенная в 1982 году на закрытом заседании ученого совета Ордена Трудового Красного знамени Института востоковедения АН СССР. Название вполне говорящее: «Связи между сионизмом и нацизмом. 1933—1945». Автор труда — нынешний глава Палестинской автономии президент *Махмуд Аббас*, научный руководитель — бывший директор Института востоковедения АН СССР, бывший руководитель Главного разведывательного управления и бывший премьер-министр РФ, академик и сам еврей *Евгений Примаков*¹.

2

Вплоть до конца 1980-х гг. Холокост как историческое явление и как предмет исследования оставался запретной для советских историков зоной. Положение изменилось при Горбачеве и, особенно, при Ельцине. Именно при них Советское (а затем Российское) государство поэтапно отказалось от государственного антисемитизма как идеологической доктрины — повыпадали из трясущихся рук суловские идеологические вожжи, пропитанные проработками отщепенцев на собраниях трудовых коллективов и на педсоветах.

Это имело, по крайней мере, три следствия. С одной стороны, постсоветское еврейство воспользовалось плодами свободы, и начался подлинный ренессанс еврейской жизни в России — как конфессиональной, так и секулярно-культурной. Одним из проявлений этого стало и возрождение российской, украинской и белорусской иудаики, которая, конечно, уже не могла миновать свою центральную проблему в XX столетии — проблему

---

¹ *Горелик В.* Как товарищи Махмуд Аббас и Евгений Примаков Холокост отрицали // В сети: <http://shoa.com.ua/php/content/view/74/9/>

изучения Холокоста. Тот расцвет, который пережили и переживали эти исследования впоследствии, более всего напоминает отдачу вдруг отпущенной пружины. И в этом смысле создание в июне 1992 года научно-просветительского центра «Холокост» и появление первых статей и даже монографий о Холокосте на территории СССР — вполне знаменательные события.

Вторым следствием разгосударствления антисемитизма стала его *приватизация*. Антисемитизм стал частным делом российских граждан, и те из них, кто испытывал внутри себя непреодолимую склонность к этой фобии, мог предаваться ей сколь угодно самозабвенно и, в общем-то, безнаказанно, поскольку, расставаясь с антисемитизмом, государство практически не озаботилось правовыми рамками, в которых оно готово мириться с такою частной инициативой своих граждан. Впрочем, в эти годы антисемитизм утратил и свою ведущую роль в контексте общей ксенофобии: главными врагами в эти годы считались различные кавказские народы, или, как их называли тогда и называют сейчас, «лица кавказской национальности». Антисемитизм как фобия вернулся в лоно более широкого спектра мировоззренческих понятий, таких как правый радикализм, национал-шовинизм и даже фашизм, прекрасно ощущающих себя в России.

В этой идеологической констелляции, разумеется, нашлось место и для отрицателей Холокоста, но русским патриотам пришлось довольствоваться перепевами наследия их западных коллег, поскольку собственных «специалистов» по этому вопросу они еще не породили, если не считать крутых до патологичности «экзотов» — «расологов» и дугинцев-«геополитиков»¹.

---

¹ Вклад российских отрицателей в эмпирическое обеспечение общих с «экстерминистами» исследования ничтожен. Отульно отказывая еврейским и нееврейским свидетелям в достоверности, отрицатели тем не менее не гнушаются противопоставить им «свои» эго-документы. Процитирую воспомина-

Фюрер «геополитиков», Александр Дугин, недавно заступился за Ахмадинежада. Последний, по словам Дугина, вовсе не отрицает Холокост («ну что вы! что вы!»), а просто пытается — «ну да, как-то не всегда уклюже» — обратить внимание мирового сообщества ни много ни мало на то, что Холокост — это «вещь религиозная» и глубоко зарыта в иудаизм. Заперев Холокост в религии, да еще и приравняв его к казни и к жертвоприношению Иисуса Христа — для христиан, Дугин лукаво разменивает Холокост на христубийство и вчистую изымает его из исторического и политического оборота. И напротив, благословляет Ахмадинежада-талмудиста

ния З.Д. Маренкова «Холокост — 1945. Евреев было много...», опубликованные на сайте Национал-социалистического (sic!) движения «Славянский Союз»: *«После Победы в Великой Отечественной войне офицерский состав, в том числе и я, был демобилизован из Южной Группы войск только в августе 1946 г. Таким образом, в течение июня 1945 — августа 1946 гг. мы имели время и свободно передвигались по Румынии, Болгарии, Сербии, Венгрии, Австрии. Мы постоянно общались с местным населением, ибо квартировали в частных домах, и (это казалось вначале нам странным) встречали множество евреев, особенно в Вене, Будапеште, Белграде, Бухаресте. Среди них было много торговцев — владельцев магазинов, работников театров, артистов, то есть свободно живущих людей, а не беженцев из гетто».* Если бы была возможность задать автору вопрос, то непременно спросил: ну почему же эти встречи с евреями европейских столиц «показались ему вначале странными»? (и еще бы спросил: в каких войсках и кем именно он служил, коль имел привилегию так свободно и так широко передвигаться и жить вне казармы?). Остались у Маренкова на память о тех евреях даже фотографии... А вот и вывод, который делается с поистине отрицательской размашистостью: *«Я привел изложенные выше факты и даже фото Эржи со мной 53-летней давности, чтобы подтвердить справедливое утверждение многих людей того времени о том, что геноцид еврейского народа не носил тотального характера 6-миллионного холокоста, как его сегодня пытаются нам представить»* (см.: http://www.duel.ru/199806/?6_5_5).

на новые каббалистические открытия и откровения. Разбирать которые приходится, правда, такому синедриону, как Совет Безопасности ООН.

Но, быть может, еще опаснее собственно гапоновские спекуляции Дугина, пристегивающие Россию к Ирану в рамках геополитической концепции глобальной борьбы за многополярный мир. Ну с кем же, как не с Ираном, объединяться России, коль скоро Иран — ближайшая, а Россия — следующая жертва распоясавшихся Штатов?..¹

Третьим следствием стало чисто демографическое и бытовое: не желая уточнять, чем приватный антисемитизм «а-ля общество “Память”» приятнее государственного «а-ля “дело врачей”», весьма значительные массы еврейского населения устремились в эмиграцию, голосуя ногами против обоих вариантов.

15 декабря 2006 года, реагируя на Тегеранскую конференцию-провокацию, Московское бюро по правам человека представило доклад «Ценностные ориентиры русских национал-радикалов» и совместный с Центром «Холокост» проект для сотрудников СМИ — «Холокост: память и предупреждение»².

---

¹ Дугин А. Американский миф об Иране // Профиль. 2007. № 38. 15 октября. С. 32—33.

² Московское бюро по правам человека обращалось к проблеме отрицателей Холокоста и ранее. 5.5.2005 оно выпустило специальный доклад по интересующей нас теме — «Ревизионисты и “расологи” в России». См.: Московское бюро по правам человека. Ревизионисты и “расологи” в России 5.5.2005 // <http://shoa.com.ua/php/content/view/312/9/> Несколько позже часть аналогичных материалов была опубликована в: *Альтман И., Чарный С.* Отрицание Холокоста в России. Обзор Фонда «Холокост» и Московского Бюро по правам человека // Народ мой. 2006. 14 февр. См.: <http://www.jew.spb.ru/ami/A367/A367-051.html>

В докладе дается обзор современного неонацизма, ксенофобии, отрицаний Холокоста¹. Проект поддержал Уполномоченный по правам человека в РФ *Владимир Лукин*, подчеркнувший, что было бы хорошо, если бы внимания правозащитников в рамках проекта удостоивались и такие проблемы, как геноцид цыган, антикавказские и антирусские фобии. Вице-президент Российского Еврейского Конгресса генерал-майор юстиции Григорий Крошнер отметил, что истоки Холокоста, его ход и последствия чрезвычайно важны для понимания сути неонацизма в нашей стране и должны напоминать современникам об опасности сползания к ксенофобии и антисемитизму.

Он напомнил о том, что по данным Генеральной прокуратуры РФ, в России насчитывается около 150 группировок, исповедующих националистические взгляды, численностью в 10 тыс. человек. При этом 80% участников этих группировок — люди моложе 30 лет. С другой стороны, правоохранительные органы, как он полагает, постепенно начинают ориентироваться на борьбу с экстремизмом².

3

И все же сами мифы и идеологемы старого советского государственного антисемитизма оказались весьма и весьма живучими. Их отголоски вполне отчетливы и сегодня, когда российская действительность утыкается не только в вопросы Холокоста, но и в разнообразные вопросы его своеобразного отрицания.

---

¹ Одним из «героев» доклада стал бывший министр печати Б.Миронов, выпустивший за последнюю дюжину лет с десяток книг откровенно экстремистского содержания, включающие и черные «расстрельные» списки, и призывы к активным действиям.

² В качестве примера Крошнер привел осуждение А. Копцева, напавшего на синагогу на Большой Бронной улице в январе 2006 г. и др.

Государственная дума при этом такая же площадка для выражения отрицательских эмоций, как и сайт какого-нибудь антисемита. Когда в январе 2004 года группа депутатов Думы предложила отметить 27 января (Международный день памяти жертв Холокоста) минутой молчания, один из них — В.В. Жириновский — наотрез и со скандалом отказался. Он заявил, что это для него «неприемлемо»: *«У нас и так достаточно праздников. И что, российскому парламенту по каждому поводу надо что-то праздновать? Какой же мы российский парламент, если мы встаем в память евреев?»*. Его поддержала Н. Нарочницкая, депутат от партии «Родина», заявившая, что тема Холокоста «чрезвычайно раздута»¹.

Российские парламентарии, как показал проведенный среди них в 2007 году опрос, почти единодушно высказались против введения уголовной ответственности за отрицание Холокоста. Они считают, что он относится к этической, а не к уголовно-правовой сфере. Они уже не оспаривают Холокост как трагедию еврейского народа, но, поскольку многие другие народы, по их мнению, пережили трагедию не меньшую, то нет никакой нужды как-то особо выделять Холокост, и правильнее была бы другая формулировка закона — за отрицание фашизма и его зверств. Иными словами, в ядре аргументации, как видим, снова лежит непризнание — пусть и не Шоа, но его исторической уникальности.

В то же время они указывают на наличие и других проблем, где могут возникать схожие коллизии (например, геноцид армян, вклад СССР в победу или количество жертв национал-социализма). Поэтому, по мнению В. Илюхина, *«принять этот законопроект — это все равно, что запретить человеку мыслить, думать*

---

¹ См.: *Альтман И., Чарный С.* Отрицание Холокоста в России. Обзор Фонда «Холокост» и Московского Бюро по правам человека // Народ мой. 2006. № 3. 14 февр. См.: <http://www.jew.spb.ru/ami/A367/A367-051.html>.

и рассуждать, поэтому я вообще его не воспринимаю... Это попахивает определенным мракобесием»¹.

Несмотря на то, что отрицатели Холокоста лишь сравнительно недавно ступили на российскую землю (в том числе и буквально — ногами швейцарца Юргена Графа, например, проживающего с женой в Москве и укрывающегося тем самым от судебного преследования на одичалой швейцарской родине), классический западный «ревизионизм» нашел здесь для себя чрезвычайно взрыхленную и удобренную почву.

С одной стороны, следствием полувекowego замалчивания Холокоста в России *стало* практически полное отсутствие хоть каких-нибудь познаний о Холокосте у широких слоев населения. С другой — «Майн кампф» и прорва прочих книг, в том числе биографии всех важнейших нацистских бонз, которыми многочисленные издательства типа московских «Алгоритма» и «Русского вестника» или смоленского «Русича» заполнили рынок и удовлетворили книжный голод рядового российского антисемита.

Удовлетворили, но не досыта: на десерт ему теперь пекут отрицание Холокоста, не встречающее здесь ни интереса, ни тем более отпора со стороны каких-либо официальных государственных структур и постепенно (хотя и в смягченной форме) проникающее в научно-популярную и даже художественную литературу.

---

¹ См., в частности, высказывания председателя Комитета Совета Федерации РФ по правовым и судебным вопросам Анатолия Лыскова, заместителя председателя Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству Леонида Биндара, члена Комитета Совета Федерации РФ по делам СНГ Олега Пантелеева, заместителя председателя Комитета Госдумы по безопасности Виктора Илюхина, заместителя председателя Комитета Госдумы по информационной политике Александра Кравца, члена Комитета Госдумы по международным делам Игоря Барина в заметке: Российские депутаты считают отрицание Холокоста «этической проблемой». 2007. 4 мая. В Сети: // <http://shoa.com.ua/php/content/view/594/9/>

Интернет-серфинг также четко показывает, что им вполне интересуются экстремисты самых разных окрасок — и «левые», и «правые», и православные, и исламисты, и даже язычники и сатанисты.

Но, разумеется, имеются и свои, российские акценты и «диалекты». Идеей фикс российских отрицателей, на наш взгляд, является укоренившееся представление о множественности холокостов, и о еврейском как о всего лишь одном из них. Советский тезис об интернационале жертв Второй мировой и о категорическом невыделении среди них евреев получил в этом представлении свою вторую жизнь, второе издание и — впервые — второе дыхание.

Начиная с 1996 года одной из главных трибун для отрицателей Холокоста в России стала газета «Дуэль» Юрия Мухина¹. На ее сайте — www.duel.ru — можно было найти десятки статей и книг на эту тему, в том числе, а, точнее, в первую очередь, переводных. Уже в середине 1990-х гг. на русский были переведены многие «труды» нескольких западных отрицателей (например, *Роже Гароди* и Ю. Графа). «Миф о холокосте. Правда о судьбе евреев во Второй мировой войне»² Ю. Графа вышел как минимум дважды — сначала, в 1996 году, в газете «Русский вестник»,³ а затем и отдельным изданием — попечением некоего Геннадия Андреевича Кубрякова и с предисловием *Олега А. Платонова* — владельца и главного редактора издательства

---

¹ Кстати, автора работ «Катынский детектив» (1995) и «Антироссийская подлость» (2003), посвященных реабилитации советской версии расстрела польских офицеров. В 2009 г. по решению суда газета «Дуэль» была закрыта, как со временем и ее газеты-продолжательницы «Своими именами» (в 2011 г.) и «К барьеру!» (в 2014 г.). Основанием для закрытия «Дуэли» послужил, однако, не ее антисемитизм, а призывы к свержению легитимной власти.

² Автор сознательно употребляет слово «Холокост» с маленькой буквы.

³ Русский вестник. 1996. №№ 32—34. При этом редакция сайта со смакованием исправила «ошибку переводчика», заменив все словоупотребления «еврей» на словоупотребления «жид».

«История русской цивилизации»¹. В своем предисловии он, как и полагается истинному ревизионисту, кое-что подкорректировал: «Конечно, и это число очень велико и вызывает у нас глубокое соболезнование. Однако можно ли говорить об особой жертвенности евреев, когда доля русского народа (включая малороссов и белорусов) в этих 55 миллионах жертв составляет не менее 27 миллионов мужчин и женщин, детей и стариков? Именно русский, а не какой-либо другой народ испил самую большую чашу страдания во Вторую мировую войну и спас все человечество от «нового мирового порядка», который и сегодня пытаются насаждать нынешние наследники Гитлера — американские президенты и их коллеги в Израиле».

В 1997 году Платонов первым из россиян принял участие в ежегодной конференции ИНР; и в том же году — одновременно с Ю.Графом и также первым из россиян — он удостоился сомнительной «честь» войти в состав редколлегии «Журнала пересмотра истории»².

---

¹ Сам он представляется историком, публицистом и экономистом. Ему принадлежит ряд книг: «Русский труд», «Экономика русской цивилизации», «1000 лет русского предпринимательства» и «Русская цивилизация». Он автор журналов «Наш современник» и «Молодая гвардия», что о многом говорит читателю, помнящему культурную расстановку сил в советской журналистике 1970—1980-х годов. Но не менее выразительно и то, как он сам себя аттестует узкопрофессионально: специалист по подрывной деятельности западных спецслужб против СССР и России.

² ИНР. 1997. №6. Р.19-20. Кстати, среди немногих русских имен среди авторов журнала встречается и имя А. Солженицына, никогда с проблематикой Холокоста специально не соприкасавшегося. Но это скорее случайность: статья «Опасный культ новизны» (ИНР. 1997. №6. Р. 37—40) представляет собой перевод речи писателя, зачитанной его сыном на церемонии вручения Солженицыну литературной премии Национального клуба артистов и содержащей критику современного постмодернистского мира (впечатления о том, что автор был поставлен в известность об этой публикации, нет). Столь же случайной и едва ли авторизованной представляется и публи-

После чего Эрнст Цюндель на своем сайте объявил Россию чуть ли не обетованной землей ревизионизма!

Москва (где же еще, как не на «земле обетованной»?) стала и местом проведения — 26—27 января 2002 года — Международной конференции по глобальным проблемам всемирной истории¹, в целом посвященной глобализации как сионистскому вызову. В конференции приняли участие такие отрицатели, как Ю. Граф, американцы Дэвид Дьюк и Рассел Граната².

кация Ю. Теплякова «Сталинская война против собственных войск. Трагическая судьба советских военнопленных в немецком плену» (JHR. 1994. №.4. P. 4—10) — перевод его статьи в «Московских новостях» (1990, № 19). Еще одним русским, в оригинале, текстом, появившимся в журнале, была известная статья Э. Тополя — призыв к русско-еврейским политикам и олигархам «не забываться» и не слишком уж «высовываться» (JHR. 1998. №.6. P. 13—18).

¹ Спонсором московской конференции выступил американский журнал «Барнз ревью», издателем которого является кукулуксклановец В. Карто, а организатором — издательство «Энциклопедия русской цивилизации» (впоследствии переименован в «Институт русской цивилизации»), местом проведения — Московская социально-гуманитарная академия. Подробнее см. в отчете: Степанов А. Ревизионисты всех стран, объединяйтесь! К итогам конференции по глобальным проблемам всемирной истории // Русская линия. 2001. 27 января. В Сети: www.rusk.ru/st.php?idar-1000463.

² В отчете о конференции выступление последнего квалифицировалось как «настоящая кульминация и символ конференции». Оно прервалось сердечным приступом, названным обозревателем «наглядным свидетельством остроты борьбы ревизионистов за историческую истину». Но подлинным свидетельством прожженности этого «символа» как антисемита стали следующие его слова: «Г-н Граната остроумно заметил, что не понимает, почему исследования ревизионистов вызывают такое неприятие со стороны евреев. Ведь эти исследования являются для них настоящим подарком, ибо теперь выясняется, что миллионы евреев не были убиты, они живы. Но вместо благодарности за свои открытия ревизионисты слышат проклятия и угрозы».

В конце мая 2003 года открылся сайт *«Ревизионизм холокоста»* (www.revisio.msk.ru) — интернет-ресурс *«Славянского Союза»*, проанонсированный в самом популярном российском интернет-издании — *«Русском Журнале»*. *Н. В. Саламандров*, автор и хозяин сайта, аттестовал его как *«долгосрочный образовательный исторический некоммерческий антидезинформационный независимый русский информационный ресурс»*, как *«обширное собрание интеллектуальных трудов аналитиков и историков, религиозных и светских деятелей, политиков и рядовых граждан, чья деятельность посвящена поиску Правды, а также обычных информационных новостей, касающихся данной проблемы»* и как *«противостояние всем фальсификаторам истории»*, к которым он почему-то относил исключительно *«сионистов и русофобов»*. Методологию отрицателей Саламандров характеризует как уход *«от пропагандистской схемы “свой-чужой” (нравится — не нравится) к схеме “было — не было” (истина — ложь)»*.

На сайте можно было найти более 400 наименований текстов, написанных исключительно *«своими»* и так или иначе причастных к отрицанию Холокоста. Среди них — труды *«классика»* европейского ревизионизма Р. Гароди (*«Миф о сионистском антифашизме»*, *«Миф о «Холокосте»*, *«Миф о Нюрнбергском правосудии»*), *«конспиролога» Энтони Саттона* (*«Геополитика и ревизионизм»*), таких авторов, как православный публицист *Юрий Воробьевский* (*«Освенцим: спор о крестах»*), *«высший социолог»* и охотник за *«вырожденцами-гомосексуалистами-евреями» Григорий Климов* (*«Интервью некоему московскому журналисту»*), ультралевой израильский публицист *Израэль Шамир* (*«Холокост как удачный гешефт»*), редактор газеты *«Завтра» Александр Проханов* (*«А был ли холокост?»*), *«специалист по тайным обществам»* и автор предисловия к русскому изданию Ю. Графа Олег Платонов, *Игорь Шафаревич* (*«Создание государств Израиль»*), *Александр Панарин*

(«Геноцид»), лидер Национально-Державной партии России *Александр Севастьянов* («Не Вторая мировая, а Великая Отечественная»), редактор газеты «Дуэль» *Юрий Мухин*. Кроме того, на сайте размещены материалы по «конспирологии» (например, «Как Орден организует войны и революции» *Энтони Саттона*, «Адольф Гитлер — основатель Израиля» *Ханнеке Карделя*) и по «расологии» (мэтра европейского расизма *Гастона-Армана Амодру*, написавшего, например, статью «Русский народ и защита белой расы»).

Девизом сайта были слова: *«Чтобы избежать интеллектуального терроризма, лжи и предвзятости, история, как и любая иная наука, требует непрерывной “ревизии”. Или она “ревизионистка”, или замаскированная пропаганда»*. Соответствующих «ревизии» и обновления требовал, разумеется, и сам «ревизионистский» сайт.

Этого, однако, не происходило, и в какой-то неназванный момент, косвенно датируемый 2006 годом, сайт фактически прекратил свое существование. На его месте разочарованный читатель может ознакомиться лишь с анонимной записочкой в жанре «Ушла на базу»: *«Вследствие наличия разного рода нерешенных организационных вопросов я принял решение о прекращении работ над дальнейшим развитием Ревизионистского Проекта. <...> Для налаживания диалога и обмена информацией между единомышленниками-посетителями сайта, я открываю немодерируемые (ибо нет на это времени) гостевые, форум и чат. Участие в возможных обсуждениях я принимать не буду, не будет там и ответов на Ваши вопросы с моей стороны. Если что-то важное, то пишите на e-mail. Вполне возможно, что отвечу. Как я отметил выше, все работы над дальнейшим развитием Проекта мной прекращены»*.

В качестве оправдания перед разочарованными адептами приколоты ссылки на местонахождения «зеркальных копий» былого сайта и еще какие-то жалкие информационные хлопья, например: *«Важно знать, почему*

Израиль не желает признавать геноцид армян, всячески его отрицая? Кто такие младотурки и денме? Что общего между геноцидом русских и геноцидом армян? Слабо известное, но очень важное событие произошло в Москве 20 февраля 2005 г. — первая научная конференция «Геноцид русского народа в XX—XXI», прошедшая в актовом зале Института философии РАН под эгидой Национально-Державной партии России. Печально, но так получилось, что единственным в Рунете деятельным переводчиком ревизионистских материалов оказался редкостный русофоб П.Хедрук. Не знаю зачем и почему, но Хедрук считает необходимым и вполне уместным смешивать ревизию холокоста с личными взглядами на то, каким ему видится политическое будущее России. Что толкает П.Хедрука (неруси по крови, взглядам и религии, проживающего вне России) в пучину виртуальной политической борьбы в нашей стране, мне не ведомо. <... > Тем не менее, следует признать, что переводческая деятельность Хедрука имеет значительную ценность для развития ревизионизма холокоста в Рунете»¹.

Кроме того, существует еще один специализированный — англоязычный — сайт «Ревизионисты» (www.revisionists.com), единственным содержанием которого являются фотография группы отрицателей и их коротенькие индивидуальные биографии, и интернет-чат «Мифический холокост» (<http://holokost.chat.ru>).

---

¹ И тут же: «Предлагаю прояснить деструктивную сторону деятельности Хедрука и его карманного идеолога Мстислава на ниве строительства “русского расизма”!» В другом месте все тот же Саламандров пишет о все том же Хедруке: «Исходя из мировоззрения Хедрука, ему следовало бы писать не на русском, не на российском хостинге и не для русских. Так, по крайней мере, было бы честно, а то нехорошо получается, когда всякая гнида (пусть и на основе общего интереса — ревизии холокоста) в “друзья” к русским лезет» (привожу еще и в качестве иллюстрации той «атмосферы», что царит в тускловатом миреке российских отрицателей. — П.П.).

В той или иной форме идеи отрицателей исповедуют газета «Русский вестник», Палестинский информационный центр, «Радио Ислам», православное информационное агентство «Русская линия», неоязыческие(!) и сатанистские(!!) ресурсы, ресурсы «Левая Россия» (одним из авторов которой является упомянутый И. Шамир), православный ресурс «Русское небо», «Black Fire Pandemonium» — сайт «главного» сатаниста страны Warrax-а, Русский NS-портал Brangolf¹, а также сайт «Маленький фюрер: фашизм для самых маленьких!» (www.kleine-fuhrer.lenin.ru).

Примечательно, что отрицание Холокоста и антисемитизм объединили здесь ультраправославных, ультраязычников и ультраисламистов — силы, вообще-то не слишком сочетаемые.

Другой российской особенностью, напрямую связанной с безнаказанностью, является «пена у рта» и исключительная агрессивность и целеустремленность антисемитов вообще и отрицателей в частности в продвижении своих взглядов. Складывается впечатление, что их оппоненты, считающие, что таких маргиналов лучше всего не замечать и игнорировать, на самом деле начинают им проигрывать в борьбе за истину.

4

Высшая мечта отрицателей — быть признанными и переименованными в «ревизионистов», стать частью диалога с большой наукой, быть признанными ею и более широкой, нежели они сами, общественностью. Отсюда заметная тенденция в их рядах — мимикрия под науку и научность. Не случайно Ю. Граф на конференции 2002 года настаивал на том, что «ревизионизм — это не идеология, а научный метод».

¹ Некогда в Сети: www.thepaganfront.com/brangolf/

Помимо ревизионистов, косящих под историков, существуют еще и ревизионисты, косящие под этнографов и антропологов, — так называемые «расологи»¹. При этом отрицание Холокоста как таковое для них проблема достаточно периферийная. Куда больше их волнуют другие опасности для России и чистоты расы, связанные, в том числе, и с евреями: например, засилье инородцев и катастрофа со смешанными браками. Они охотно предлагают свои услуги в деле «диагностирования качества человеческого материала» и определения «биологических предпосылок» любой деятельности вообще: до боли знакомые теории расового превосходства и жизненного пространства! И, хоть они, по самоопределению, и неоязычники, не было бы ошибкой называть их еще и неонацистами.

Разделы или отдельные материалы, посвященные расологии, есть на различных неоязыческих и сатанистских сайтах: на ресурсе «*Велесова Слобода*» (особенно много), на сайтах «*Светорусие*», где выложены «труды» «классика» расологии *Ганса Гюнтера* («Расология немецкого народа», «Приложение к “Расологии немецкого народа”, «Краткая расология Европы»), «Русоград» и «Славянское наследие», на сатанинском сайте *Warrax-a «Black Fire Pandemonium»* (в частности, статья «Расология против русофобии»), на сайте православного исследователя *В.Махнача*, а также на неонацистском Русском NS-портале «*Brangolf*».

Главной печатной площадкой для расологических писаний является журнал «*Атеней*». Учредитель и издатель

---

¹ Большинство из них последователи Ганса Гюнтера, Людвиг Вольтмана, Людвиг Вильзера, Отто Аммона, Жоржа де Лапужа и еще многих ископаемых «ученых», пытавшихся доказать, что в ходе развития общества более «благородные», светлые элементы занимают доминирующее положение, а «темнопигментированные» опускаются вниз, вследствие чего «белого» человека необходимо оградить от «вредоносного» смешения с «югом».

журнала Павел Тулаев в одном из интервью обозначил свою задачу как «движение к новому типу славяно-арийской ведической цивилизации». В редколлегию журнала, помимо П. Тулаева, входят публицист Владимир Авдеев, а также поэты С. Яшин и М. Хотулев.

Двумя ведущими авторами, проповедующими «расологию», являются названный В. Авдеев, автор самого термина и идеолог современного российского неоязычества, и Андрей Савельев (псевдоним А. Кольев), в 2003—2007 гг. депутатствовавший в Государственной думе РФ во фракции «Родина»¹. Их же усилиями, начиная с 2002 года, в издательстве «Белые Альвы» издается серия «Библиотека расовой мысли», в которой выходят труды «несправедливо забытых классиков расологической мысли, не имеющих ничего общего с “ксенофобией” и идеями “расовой дискриминации”». На самом деле речь идет о «трудах» создателя «расовой педагогики» Э. Крика, нацистского антрополога Г. Гюнтера, а также К. Штраца («Расовая женская красота»). В число классиков введен и сам В. Авдеев, выпустивший в этой серии пространственный том под названием «Расология», претендующий на звание учебного пособия. Кроме того, он же составил и издал два сборника «Русская расовая теория до 1917 года» (2002 и 2005?), где в сознание упорно внедряется мысль о том, что царская Россия, почитаемая многими в качестве идеального государства и образца для подражания, была государством именно расистским. В интервью информационному агентству Stringer по поводу издания первого из этих сборников В. Авдеев сравнил «небелые» расы с тараканами и крысами, а также вполне дружелюбно сказал: *«Я не призываю прятать людей в концлагеря, но призываю, чтобы эти люди не размножились и не лезли во власть. Не сидели бы в парламенте, не претендовали на обучение всей*

---

¹ По неофициальной информации, спичрайтер Дмитрия Рогозина.

страны. Я просто призываю защитить меня и нормальное общество от власти дегенератов».

В. Авдеев и А. Савельев издали также два выпуска расистского сборника «Расовый смысл русской идеи», в который вошли статьи ряда германских авторов-«расологов» периода нацизма и их идейных предшественников, давно и по вполне понятным причинам не издававшихся на Западе. В статье В. Авдеева «Генетический социализм» в первом выпуске этого сборника разрабатываются принципы построения евгенического государства: *«Право деторождения получают только здоровые люди, а люди одаренные получают исключительное право быть увековеченными в человеческом материале любое количество раз. Напротив, все генетически нежелательные элементы, которые самим фактом своего существования негативно влияют на жизненные силы расы, лишаются права деторождения медицинским путем».*

В 2003 году на «Велесовой Слободе» появилась ксенофобская книга А. Савельева «Последний век белого мира», в которой он пишет о якобы существующем всемирном заговоре некой «антинации», ставящем своей целью разрушить «мир белого человека», об «агрессии черных выходцев с Кавказа против белого человека». При этом он постулирует, что ситуация в России подошла к черте — «либо мы их, либо они нас». В качестве решения этих проблем он предлагает «учреждение иного государства и иной власти» и «упреждающее уничтожение» «врагов» с «превентивными ударами самого современного оружия».

Расологи не чужды и реальной думской политике. В декабре 2004 года А. Савельев, например, защитил партию «Родина» от наездов «своих». В статье «Кто клеит “Родине” свастику?» он писал: *«Если приличные люди перестанут воротить нос от “Родины” только потому, что их туда не зовут чем-нибудь руководить, наш кадровый потенциал будет усилен, и мы сможем*

победить этот воняющий мертвечиной “антифашистский” альянс дураков и мерзавцев».

Расологи менее «титулованные», нежели В. Авдеев, П. Тулаев или А. Савельев, говорят и пишут гораздо откровеннее. Некто Б. Протасов, например, в статье «К вопросу о межрасовых браках»: *«Человеческие расы не равны, и не только по антропоморфным характеристикам, но, прежде всего, по тому месту, которое они занимают на ступенях социально-политической эволюции... Чистота расы является важнейшим условием ее совершенствования, сохранения при всех жизненных невзгодах... Смешение рас ведет к их вырождению... У метисов очень часто резко снижается самокритичность, нравственность, повышается самооценка, нормой поведения становится вседозволенность, эгоизм... Бесспорно, что величайшими достижениями в науке и технике, литературе и искусствах, философских воззрениях и нравственных законах человечество, в первую очередь, обязано белой расе. Среди белых особо выделяются АРИЙЦЫ, к которым, в первую очередь, относятся русские (великорусы, малорусы, белорусы), славяне Центральной Европы, немцы, скандинавы, ирландцы (средиземноморская ветвь белых в значительной степени метизирована)».*

Опираясь на «исследования» Ю. Штрайхера, редактора нацистской антисемитской газеты «Штурмовик» («Der Stürmer»), Протасов берется доказывать научную состоятельность так называемой телегонии — теории о доминировании первого самца, согласно которой в потомстве женщины проявляются черты того, кто был ее первым мужчиной. С особой яростью уважаемый доктор обрушивается на браки русских и евреев, которые он считает совершенно недопустимыми. Он пишет о «пагубных последствиях для человечества деятельности гибридов белых с евреями» и якобы присущей евреям зоологической ненависти к «белым». Сами евреи удостоиваются таких эпитетов, как «коварное и подлое племя»,

им приписываются якобы наследуемые на генетическом уровне алчность, трусость, лживость, злобность, вероломство, кровожадность, беспринципность и подлость. *«Для еврея же целенаправленное совращение арийских женщин имеет еще и стратегическое значение: заражение крови арийца, превращение детей в скопище ублюдков, наследующих безродность и беспочвенность, облегчает в будущем захват власти над такой страной».*

Здесь же наличествует обвинение евреев в очередном заговоре — на сей раз с целью уничтожения белой расы через смешанные браки. В качестве «доказательства» цитируется фальшивый текст выступления президента Антидиффамационной Лиги А. Фоксмана.

В. Авдеев и другие «расологи» добиваются того, чтобы с «расологии» были сняты вполне заслуженное клеймо лженауки и обвинения в «расизме» и сотрудничестве с нацистским режимом. Что касается использования «расологии» в гитлеровской Германии, то В. Авдеев, к примеру, пишет, что в Третьем Рейхе «идеалы расовой теории были искажены мощной струей пангерманизма», и вообще — «чистая расовая идея попала в руки расово-нечистым ублюдкам, которые в силу своей генетической ущербности отомстили ее идеалам, скомпрометировав и исказив ее до основания». Подобные заявления, впрочем, не мешают тому же Авдееву всю использовать наработки тогдашних расистов-«расологов», изменив в них (правда, весьма радикально) только место, отводимое русским как народу. Если для нацистов русские и славяне вообще относились к низшим расам, то для отечественных «расологов» они, естественно, относятся к высшей.

С той же целью — обеления «расологии» — В. Авдеев и его «коллеги» используют пассажи из работ известных советских и российских антропологов, которые якобы соглашались с расистскими теориями. Подобная практика уже привела в 2003 году к появлению письма протеста, подписанного рядом выдающихся отечествен-

ных антропологов, с презрением отказавшихся от подобной «поддержки».

Избрание А. Савельева депутатом Госдумы открыло для российских «расологов» некоторые новые возможности. Так, В. Авдеев выступил 23 ноября 2004 года на заседании круглого стола Комитета Государственной думы по делам СНГ и связям с соотечественниками «О репатриации в Российскую Федерацию». В этом выступлении он воспроизвел целый ряд ксенофобских стереотипов, например, о якобы чрезвычайно высоком уровне «этнической преступности», и объявил «провокационными» заявления о многонациональности России. Сам А. Савельев призвал ужесточить миграционную политику в РФ, ограничивая въезд по таким критериям, как рост социально-экономической напряженности из-за «захвата иммигрантами определенных сфер экономической деятельности, конкуренция с коренным населением», либо этническая принадлежность, «приводящая к этнополитической дестабилизации». Последняя фраза прямо вводит принцип коллективной ответственности народов за деяния отдельных их представителей и нарушает право граждан России на свободу передвижения.

Российские отрицатели в общем-то мало интересовались демографией Шоа, им вполне хватало «выкладок» их западных коллег. Едва ли не единственное исключение — писатель и принципиальный антисемит-интеллектуал Вадим Кожинов (1930—2001). Сам Холокост Кожинов не отрицает, но оспаривает его масштаб и ставит его в ряд с потерями русского народа. В очерке «Война и евреи» (в составе книги «Россия, или — век XX, 1939—1964»¹) Кожинов, как ему кажется, поймал двух еврейских историков (Л.Полякова и И.Вуля²), а также других еврейских

¹ См. на сайте: <http://kozhinov.voskres.ru/hist2/vevr.htm>

² В 1990-е гг. несколько странно держать именно Л.Полякова и И.Вуля за главного еврейского авторитета по демографии Холокоста, но даже ссылку на издание 1955 г., которым он пользовался, Кожинов не приводит.

статистиков — за руку на передергивании цифр. Первые, как полагает В.Кожин, дважды посчитали два миллиона жертв, вторые — завысили естественный прирост своего населения для того, чтобы «скрыть» подлинные масштабы еврейской эмиграции из Европы в Америку и Палестину. Иными словами — типично еврейская приписка в два миллиона душ, раскиданная потом для правдоподобия по глобусу!..¹ При этом от кожиновского понимания не укрылось и то, что цифра «шесть миллионов» имеет для евреев даже не историческое, а глубокое «символическое» значение, тесно связанное с сакральным шестиугольем звезды Давида².

Станислав Куняев посвятил часть своей книги «Жрецы и жертвы Холокоста. Кровавые язвы мировой истории» (2011) монографическому сборнику «Отрицание отрицания, или Битва под Аушвице», составленному мной и А. Кохом³. Позаимствовав у Фарисона уподобление истории Холокоста «религии», он называет нас «жрецами Холокоста», как бы следящими за уровнем масла в статистической лампаде — чтобы всегда оставалось никак не меньше 6 млн жертв: «... Эти 6 млн стоят незыблемо. Авторы книги восполнили выпавшие из чудесной цифры 2,5 миллиона новым пересчетом других потерь по всем европейским странам в других концлагерях, привели бесконечное количество таблиц из статей множества европейских историков, «осовременили» мно-

---

¹ Кожинский демографический эскерсис был полностью воспроизведен на сайте столь специфической организации как «Русское национальное единство», правда, без указания источника и под заголовком «Местечковая арифметика». См. в Сети: <http://www.rne.org/sfk/0509/0509-22.shtml>

² Ср.: «Однако цифра 6 миллионов имеет по существу “символическое” значение, наглядно запечатленное, например, в созданном в Париже Мемориале, где “возложен камень на символической могиле шести миллионов мучеников. Шесть прожекторов рассекают тьму над шестью углами шестиугольного камня”, то есть звезды Давида».

³ *Отрицание отрицания*, 2008.

гие демографические графики, разобраться в которых очень и очень непросто. Так что резервы для ремонта и постоянной реставрации волшебной колонны в честь шести миллионов у жрецов Холокоста всегда найдутся, и потому выиграть у них этот спор невозможно, да и, честно говоря, не нужно. Пусть верят. Шесть миллионов — это не предмет знания, а предмет веры, как вся религия Холокоста»¹.

Когда я услышал, что в Кремле создана специальная комиссия и объявлена война отрицателям результатов Нюрнбергского трибунала, я удивился и подумал: неужели кремлевские прочли нашу с А. Кохом книгу «Отрицание отрицания, или Битва под Аушвицем»² и за голову схватились, — после чего земля загорелась под ногами у Юргена Графа и иже с ним?!. Ведь постсоветская Россия стала для них чистым заповедником и островком безопасности, каким в свое время Цюрих был для Ленина, а иных отрицателей или хотя бы «ревизионистов» результатов Нюрнберга кроме антисемитов — отрицателей Холокоста в России попросту нет!..

Но я ошибся: Граф и его российские покровители по-прежнему могут себе спокойно спать и — хоть во сне, хоть наяву — ненавидеть себе жидов. И неважно, что Нюрнбергский трибунал зафиксировал и осудил Холокост! Графа в России это никак не касается!

В целом же вклад российских отрицателей в мировую копилку этого движения минимален, чтобы не сказать ничтожен. Складывается впечатление, что здесь прочно преобладает ученически-читательская среда, и максимум того, что можно от российских отрицателей ожидать — это предисловие к очередному переводу из «классических трудов» да матерщина в блогах. Истинной вершиной их стараний я признал бы ернический терминшарж, предложенный кем-то из них, — «Лохокост».

¹ Куняев, 2011. С.119.

² *Отрицание отрицания*, 2008.

5

Осмысление темы Второй мировой войны на Украине имело ряд специфических особенностей. С одной стороны, оспаривать Шоа на Украине как-то особенно нелепо, а с другой — очевидная роль украинских националистов в уничтожении евреев как бы «обязывает» их сегодняшних единомышленников к активной защите и превентивным атакам.

Так что неслучайно, что мощным транслятором идей «ревизионизма» на Украину стала украинская диаспора (в основном, из Канады, но не только), в ряды которой после войны влилось немало активных коллаборантов. Первыми, кто стал говорить о преувеличенности страданий и жертв Холокоста, стали такие ее представители, как Мирон Куропась, Петр Мирчук, Олег Федик, Юрий Борец, Марьян Коць и др.¹ Одной из таких публикаций стала статья «Никаких крематориев и газовых камер в Освенциме не было!..», которая публиковалась в львовской газете «За вільну Україну» и основывалась на свидетельствах якобы бывшего узника этого концлагеря Н. Стефанишина.

В.Кательницкий («Вечерний Киев») утверждал, что в Киеве *«не без помощи раввинов и их прислужников было запланировано убийство фашистами нескольких тысяч евреев на Лукьяновском кладбище рядом с Бабьим Яром в конце сентября 1941 г.»*. К публикациям, отрицающим Холокост в Киеве, относится и статья Татьяны Тур «Правда о Бабьем Яре», в которой утверждалось, что не фашисты расстреливали здесь евреев, а работники НКВД — украинцев². Т.Тур вторит председатель «Союза

---

¹ Их материалы публиковал «Вечерний Киев», которым тогда руководил В.Карпенко (*Найман, Александр*. Отрицатели Холокоста в Украине // Еврейский обозреватель (Киев). 2006. 24 января. Перепеч. в: <http://shoa.com.ua/php/content/view/155/9/>).

² Персонал плюс (Киев). 2005. № 46. 16—22 ноября.

сторонников Украины в УПА» Мирослав Драган. Киевская газета «Зеркало недели» отмечала 25 мая 1996 года: «... одна “сенсация”, появившаяся недавно в “Вечернем Киеве” и других газетах, заставила вздрогнуть даже бывалых, искушенных в перипетиях современной публицистики людей. В очередной раз свершилось надругательство над самым хрупким и незащищенным — над человеческой памятью, над воспоминаниями о той страшной войне <...>, о событиях, потрясших Киев осенью 1941 г.».

В том же 2001 году Э. Ходос публикует «Открытое письмо Стивену Спилбергу», в котором утверждает: «Вы не найдете НИ ОДНОГО очевидца уничтожения шести миллионов евреев. Вы не найдете НИ ОДНОГО свидетеля того, что рядом с крематориями стояли газовые камеры, уничтожавшие тысячу, а то и две тысячи человек зараз... Что же касается воплей и слюней, испускаемых по поводу Холокоста сегодня, спустя полвека после войны — они не могут вызвать ничего другого, кроме чувства отвращения»¹.

Уже упоминавшаяся львовская газета опубликовала серию статей под названием «Миф о Холокосте», сведя их потом в сборник «Кого обирает Господь?», составленный бывшим редактором газеты Б. Вовком и посвященный 10-летию независимости Украины. Этот национал-шовинистический сборник, рекламируемый еще и в брошюре Василия Яременко «Євреї в Україні сьогодні: реальність без міфів», не вызвал практически никакой реакции ни во Львове, ни в Киеве, а протест 50 Праведников народов мира против всех этих публикаций² остался без какого бы то ни было ответа со стороны государственных инстанций.

Такого рода публикации и их безнаказанность, бесспорно, побуждают отдельных «читателей» к актам ван-

¹ Ходос Э. Еврейский синдром. Харьков, 2001. С. 87—88. Этот жанр «Открытого письма Стивену Спилбергу» породил целый ряд подражаний.

² Еврейские вести. (Харьков). 1996. № 5—6.

дализма по отношению к памяtnому камню, установленному президентом Израиля в Бабьем Яру возле памятника «Менора» и мемориалам жертвам Холокоста в других городах Украины.

Еще одним проявлением кощунства стала публикация в годовщину трагедии Бабьего Яра статьи В.Яременко в газете «Сільські вісті», где утверждается, будто в Украину с фашистами пришла «400-тысячная орда евреев-эсэсовцев». Во время судебного процесса с газетой «Вечерний Киев» ее авторы, выступая в Шевченковском райсуде Киева, утверждали, что Гитлер и его окружение были евреями. В августе 2002 года газета «Вечерний Луганск» поместила статьи, авторы которых утверждали, что «Холокост» — это порождение военной пропаганды. *Евреев в концлагерях не убивали и даже заботились об их здоровье*¹.

Зато резко активизировала обвинения евреев во всех грехах *Международная Академия управления (МАУП)*, сделавшая антисемитизм своим фирменным знаком. В издательстве академии вышла книга Юргена Графа «Великая лож XX века», а ее президент Г. Щекин в одном из «своих» изданий повторяет еще один затаканный тезис ревизионистов: «...в 1933 году мировой еврейский конгресс объявил войну нацистской Германии, поставив тем самым в положение “воюющей стороны” миллионы беззащитных евреев практически всех европейских стран и спровоцировав, по сути, их дальнейшее массовое уничтожение»².

Интересной особенностью деятельности этой «Академии» является пропагандистское использование газет, выходивших на оккупированной нацистами Украине. Тот же Г. Щекин ссылается на газету «Переяславські вісті» за 1 мая 1943 года, где описывается «приход некоего “мстителя”, который за «многовековое поругание

¹ ВЕК. 2000. №36. 24 сент.

² Персонал плюс (Киев). 2002. № 3. С. 7—8.

еврейства» уничтожит Европу... Все молодые женщины-украинки будут изнасилованы, прежде чем их убьют...»¹ Сходный источник — пирятинскую газету «Рідна нива» за 27 марта 1943 года — имеет и заявление ее представителя В.Капельникова в Печерском райсуде Киева, назвавшего «Антидиффамационную лигу» филиалом организации «Бнай Брит», созданной для активных действий против всех, кто сопротивляется сионистскому засилью. *«Так трагедия нацистского геноцида, — отмечает А.Найман, — повторяется в наши дни в виде мауповского фарса»*².

После Стокгольмского совещания в январе 2000 года преподавание истории Холокоста было включено на Украине в школьные программы. Это вызвало гнев со стороны украинских национал-шовинистов, воспринявших эту новацию как *«невиданное зомбирование украинской молодежи, подготовку манкуртов, которых планируется использовать как рабочую силу на наших национальных черноземах»*³.

Все это сходило и сходит «Академии» с рук: ведь не считать же репрессией тот факт, что президент Украины В.Ющенко осудил ее политику и публикации, которые можно расценить как антисемитские. Он даже отказался от почетного докторства в этой антисемитской академии, но никаких иных санкций против нее не воследовало.

---

¹ Персонал плюс (Киев). 2002. № 3. С. 10.

² Найман А. Отрицатели Холокоста в Украине // Еврейский обозреватель (Киев). 2006. 24 января. Перепеч. в: <http://shoa.com.ua/php/content/view/155/9/>

³ Патриот Украины. 2002. 10 апреля. № 14. 10 апр.

ИНТЕРНАЦИОНАЛ АНТИСЕМИТОВ: КОНФЕРЕНЦИЯ ОТРИЦАТЕЛЕЙ ХОЛОКОСТА В ТЕГЕРАНЕ И ЕЕ МИРОВОЕ ЭХО

1

Антисемитизм как частное дело не слишком симпатичен и приятен, но, по крайней мере, понятен: он свивался веками и по-своему отражал и облегчал собою всю горечь трагедий и неудач, вина за которые перекладывалась таким образом на чужие — жидовские — плечи или головы. Он, конечно же, вовсе не пустячен, но исходящая от него опасность — ничто по сравнению с тем, что несет в себе антисемитизм государственный. Имена тех двух стран, в которых он был взят на идеологическое вооружение, говорят сами за себя — Германия-Третий Рейх и Россия-СССР. С распадом Союза умер и государственный антисемитизм советского разлива, и, казалось, что стран, где антисемитизм приравнивается к национальному достоянию, уже больше нет на Земле.

Но продержался этот статус-кво недолго. С избранием в президенты Ирана бывшего стража исламской революции Махмуда Ахмадинежада положение вновь изменилось: страна-антисемит появилась вновь, и называется она Ираном.

В своих публичных выступлениях Ахмадинежад не только призывал к уничтожению Израиля как государства, но и многократно подвергал сомнению масштабы нацистских преследований евреев в годы Второй мировой войны. Называя Холокост «рассказнями», «сказками» или «мифом», он предлагал тем странам, что ощущают свою вину за гибель евреев,

предоставить часть своей территории для переноса туда еврейского государства и решить таким образом палестинскую проблему.

В январе 2006 года иранское правительство объявило о намерении провести международную конференцию, посвященную Холокосту. Ее точная дата — 11—12 декабря — была названа в июне. Почти одновременно — в феврале 2006 года — Дом карикатуры Ирана и иранская газета «Хамшахри» объявили международный конкурс карикатур на тему Холокоста — как своеобразный ответ на публикацию в датских СМИ карикатур на пророка Мухаммеда¹.

И такая конференция, в которой приняли участие 67 иностранных участников из 30 стран, состоялась 11—12 декабря 2006 года в Тегеране. Ее девизом стали слова: «Пересмотр Холокоста: глобальное видение» («Review of the Holocaust: Global Vision»). Ахмадинежад не раз заявлял, что в Тегеране соберутся весьма известные университетские профессора и независимые историки, которым в их странах затыкают рот и которых даже сажают в тюрьмы. Но конференция в Тегеране была задумана президентом Ирана Ахмадинежадом не для дискредитации исторической правды, а для дискредитации Израиля. При этом и сама эта дискредитация — не конечная цель, а лишь одно из звеньев в длинной цепочке событий. Другими звеньями этой политики являются провоцирование международного сообщества против Израиля, а в конечном счете — то, что Ахмадинежад назвал «стиранием Израиля с карты мира».

Не приходится удивляться тому, что повестка дня вся была пропитана отрицательскими и антиизраильскими паролями. Вот названия секций: «Газовые камеры — ложь или подтверждение?», «Холокост — западные СМИ и пропаганда», «Холокост и кровавая баня

---

¹ Победителем стал марокканец Абдалла Деркави, который в качестве приза получил 12 тысяч долларов США.

для палестинцев», «Антисемитизм, нацизм и сионизм», «Нацизм и сионизм: сотрудничество или кооперация».

Открыл же конференцию министр иностранных дел Ирана *Манучер Моттаки* (Manucher Mottaki). Начав с критики терминов «Первая мировая война», «Вторая мировая война» и т.п. и всей формалистической, по его словам, западной истории в целом, министр заявил, что те колониалисты, что сегодня критикуют нацизм, сами имеют за душой жертв не меньше, чем нацисты. А вот многовековая иранская история, как доисламская, так и исламская, сказал Моттаки, вся свободна от расизма; антисемитизм — это сугубо западное изобретение, Иран и Восток его не знали. Ислам, базирующийся на чистом гуманизме и здравом смысле, также против нацизма и расизма, чего не скажешь о сионизме. Холокост, сказал он, в конечном счете привел к тому, что возникли страна без народа (Израиль) и народ без страны (Палестина). Иран, по его словам, чрезвычайно заинтересован не в отрицании или в утверждении Холокоста, а в установлении истины, в уточнении реального, а не мифического количества жертв. И он не преследует при этом никаких иных целей, кроме свободного выяснения исторической правды¹.

Конференция создала Комиссию по установлению истинных фактов², работа которой рассчитана на годы. Участники конференции договорились о создании международного исследовательского комитета по изучению Холокоста с участием представителей Франции, Ирана, Бахрейна, Австрии, Канады, США, Сирии и Швейцарии. В 2007 году материалы конференции были опубликованы на персидском и английском языках, в том

---

¹ Для отрицателей Моттаки нашел следующее милое определение: «критики драматизации холокоста».

² Группу возглавил иранский профессор Мохаммад Али Рамин. В нее вошли: М. Ленуф, К. Линдекр, С. Тион, Ф. Тебен и Б. Шауб.

же году — тиражом 5000 экз. — вышел и их перевод на русский — с предисловием все того же О. Платонова¹.

Сам Ахмадинежад, не раз называвший Холокост рассказами, в конференции участия не принял, вместо этого он принял ее участников в своей резиденции в самом ее конце, 12 декабря, и охотно фотографировался с некоторыми из участников, особенно с раввинами. Ахмадинежад еще раз подчеркнул свой исходный пункт: *«Подобно тому, как Советский Союз был сметен с лица земли и сегодня более не существует, точно так же вскоре будет уничтожен сионистский режим. Бог благословил распад Израиля, часы его сочтены, и это соответствует желанию народов всего мира»*.

Списки участников не публиковались — из соображений их безопасности, что делало это собрание весьма напоминающим «Коминтерн» (а точнее, Интернационал) антисемитов. Один из докладчиков даже опубликовал свой доклад под псевдонимом². Но в печать просочилось достаточно сведений, чтобы разделить круг участников на несколько групп³.

Первая — довольно четкая: это известные отрицатели Холокоста и праворадикальные политики. Среди них — австралийцы *Мохаммед Хегази* (Mohammed Negazi), *Рихард Креге* (Richard Krege) и *Фредерик Тебен*, австрийцы *Вольфганг Фрелих* (Wolfgang Fröhlich), *Герд Хонзик* (Gerd Honsik)⁴, *Ханс Грамлих* (Hans Gramlich)

¹ *Исследование Холокоста. Глобальное видение.* / Материалы Международной Тегеранской конференции 11—12 декабря 2006 года. М.: Алгоритм, 2007. 271 с.

² Некто «Фридрих Брукнер», не сумевший приехать на конференцию (ИХГВ. С. 46—89).

³ *Die «Holocaust-Konferenz» in Teheran: Wer waren die Teilnehmer?* (<http://www.rosalux.de/cms/index.php?id=12603-&type=0>)

⁴ В 1992 году он был осужден австрийским судом к 18 месяцам тюрьмы. Чтобы избежать наказания, переселился в Испанию. Автор книги «*Freispruch für Hitler?*», в которой он оспаривает существование газовых камер.

и доктор *Херберт Шаллер* (Herbert Schaller)¹, американцы *Дэвид Дьюк* (David Duke)², *Брэдли Р.Смит* (Bradley R. Smith) и *Майкл Коллинз Пайпер* (Michael Collins Piper), англичане *Александр Бэррон* (Alexander Baron) и *Мишель Ренуф* (Michele Renouf), венгр *Георге Кадар* (George Kadar), представитель Малайзии *Матиас Чанг* (Matthias Chang), немцы *Бенедикт Фрингс* (Benedikt Frings)³ и *Петер Тенфер* (Peter Töpfer)⁴, живущий в Дании немец *Кристиан Линднер* (Christian Lindner), французы Роберт Форисон, *Жорж Тиль* (George Thiel)⁵ и *Серж Тион* (Serge Thion), швед *Ян Бернхофф* (Jan Bernhoff)⁶, швейцарец *Бернард Шауб* (Bernhard Schaub)⁷, профессор доктор *Патрик Мак-Нэлли* (Patrick

---

¹ Адвокат и защитник Д.Ирвинга, в 2005 г. осужденного в Австрии.

² В прошлом функционер Ку-клукс-клана, он и ныне является рупором белого расизма.

³ Он представляется обыкновенным врачом-психиатром из Кельна, приехавшим в Тегеран для того лишь, чтобы хотя раз в жизни свободно поговорить о Холокосте, но умалчивает о том, что является функционером Национал-демократической партии Германии.

⁴ Бывший председатель Национал-демократической партии Германии Г. Деккерт был задержан в аэропорту Франкфурта-на-Майне и не прибыл на конференцию.

⁵ Писатель. На конференции в Тегеране Ж.Тиль настаивал на том, что газовых камер не было.

⁶ После возвращения из Тегерана его уволили с работы.

⁷ Первый председатель Объединения за реабилитацию лиц, преследуемых за отрицание Холокоста («Verein zur Rehabilitation der wegen des Bestreitens des Holocaust Verfolgten») и один из основателей правоэкстремистской Партии национально ориентированных швейцарцев (Partei national orientierter Schweizer). На конференции в Тегеране Б.Шауб удостоил похвалы министра юстиции Швейцарии Блохера (Blocher), критиковавшего Закон об антирасизме 1995 года, предусматривающий ответственность и за отрицание Холокоста. В 2007 году Шауб был осужден к 80-дневному тюремному заключению за распространение листовки «Как было дело с Холокостом».

McNalley) из Японии. По другим сведениям, среди участников были также *Мартин Хоманн* (Martin Hohmann) и *Эвальд Штадлер* (Ewald Stadler) из Германии. Шестерым не названным поименно немцам из этой группы визы проставили прямо в Тегеранском аэропорту. А вот Г. Деккерту, бывшему председателю Национальной партии Германии, и *Хорсту Малеру* (Horst Mahler), в прошлом леваку-террористу, а ныне крайне правому деятелю, не посчастливилось провести денек-другой в кругу единомышленников: правительство Германии заблокировало их внешние паспорта. Кое-кого, заметим, не пустила иранская сторона, в частности, израильянина *Ноака Флуга* (Noach Flug), президента Международного Аушвицкого комитета и руководителя Объединения проживающих в Израиле лиц, переживших Холокост, а также *Халеда Мохамеда* (Khaled Mahamed) и арабского адвоката из Назарета, открывшего там небольшой музей Холокоста.

Вторая группа — весьма расплывчатая: это политологи, политики и журналисты неопределенных политических или научных убеждений. В основном, они хранили молчание и оставались в тени. Чуть ли не единственным их представителем, чье имя все же проникло на страницы печати, стал молодой португальский анархист *Флавио Гонсалвес* (Flavio Goncalves).

Сюда же можно включить и представителя из России, сотрудника Института мировой экономики и международных отношений РАН Виктора Надеина-Раевского. Как явствует из серии его интервью, данных «Известиям», агентству «Regnum» и другим СМИ, сам он поехал на эту, как он почему-то надеялся, научную конференцию, даже не слишком подозревая, куда именно он попадет¹.

---

¹ Довольно неожиданно для многолетнего специалиста-ираниста.

Побеседовал с ним и я. Решение о поездке принималось на внутриинститутском уровне, все расходы по командировке брала на себя иранская сторона. Размещение — в резиденции МИД, но при полном отсутствии телефона, Интернета и других видов индивидуальной связи, при топтунах и единственной экскурсии по городу в автомобиле с теми же топтунами и с разрешением фотографировать только в городском парке. Иными словами, тяжелые впечатления — как от советского Зазеркалья середины 1960-х гг.¹ После конференции, по его словам, ему два месяца снились якобы несуществующие газовые камеры.

Свое ощущение от самой «конференции» он выразил так: форум носил исключительно политический характер — делали его, как он выразился, «отвязанные ребята», двигал ими мощный и махровый антисемитизм и антиизраилизм, но не антииудаизм. К началу конференции эти «отвязанные ребята» выпустили сборник тезисов (около 50 страниц на английском,

---

¹ Ср. впечатления отрицателя-швейцарца: *«Во-первых, Иран что угодно, только не полицейское государство. Въезд в страну несложен. <...> Когда мы без предупреждения посетили “Институт политических и международных исследований”, чтобы получить предварительные разъяснения, с нами, людьми, которых еще не знали, обращались с максимальной предупредительностью и провели в апартаменты Министерства иностранных дел так свободно, как туда никогда не смогли бы попасть у себя на родине граждане Германии или Швейцарии. Во-вторых, в Иране нет алкоголя и порнографии, этих двух наркотиков, которые мутят головы и чувства столь многим европейцам и ослабляют волю — и политическую тоже! Хотя все иранские женщины носят головные платки, но самых разнообразных форм, от монашески строгих до эстетических, исполненных достоинства, и бойких, характерных для больших городов. Женщины целиком включены в жизненные процессы, они работают, и у них развито самознание» (ИХГВ. С. 264—265).*

большая же часть на фарси и арабском), а сами материалы конференции ожидалось выходом в 2008 году, причем теперь уже исключительно на языке фарси¹.

Альтернативных точек зрения не было, а сами ревизионисты с близкого расстояния производят впечатление почти поголовно психически больных людей, чей сдвиг по фазе произошел исключительно на почве антисемитизма. Единственным голосом не в унисон, по словам Надеина-Раевского, был его голос. Сам он выступал на второй день, на одной из секций. Вывод его доклада, в целом посвященного показу философского движения от человеконенавистнической идеологии к человеконенавистнической практике: с идеями на поворотах истории хорошо бы поосторожнее и полегче. Отрицать Холокост — глупость, этого не делали и сами нацисты, которые если что и секретили тут, то не процесс уничтожения евреев, а его механизм. Лично у него сомнений в яви Холокоста нет, но есть возражение в связи с самим термином «Холокост», имеющим, по его словам, «сакральное значение», а также недоумение по поводу того, что Израиль не признает геноцид армян².

Ни один мало-мальски известный историк в конференции участия не принял.

Третья же группа участников вся сидела в первом ряду: она была хотя и немногочисленной (по разным данным — от 4 до 8 чел.), но определенно самой заметной и экзотичной. Это раввины из нескольких стран мира, представлявшие различные течения иудаизма, сходящиеся друг с другом (а также с Ахмадинеда-

---

¹ Материалы конференции, как уже отмечалось, появились и на русском языке, но симптоматично, что доклад В. Надеина-Раевского — единственного русского участника конференции — в отобранные и подготовленные О. Платоновым «Материалы...» не вошел!

² *Лесков С.* Холокост выдумали евреи из России? // Известия. 2006. 12 декабря.

жадом) в одном — в антисиионизме¹. Израиль, с их точки зрения, — нелегитимное светское государство, созданное забывшими о Б-ге сионистами. Во время конференции они демонстративно носили израильские флаги, перечеркнутые красной чертой.

Все раввины, как один, категорически протестовали против отрицания Холокоста, то есть отвергали «холодную закуску» Ахмадинежада, но зато сразу же и охотно переходили к его «горячему» блюду — осуждению Израиля и сионистов, основателей светского националистического государства.

Их рупором стал ультраортодоксальный раввин из Великобритании *Арон Коэн* (Ahron Cohen) — единственный из них, кто выступил на конференции, и, кстати, единственный из всех выступавших, кто возразил строителям в их главном и исходном тезисе. Он сказал, что документированность Холокоста достаточно полна и совершенна. Тем не менее, утверждал он, Бог благословил «галуту», то есть проживание евреев в из-

---

¹ К ним, вероятно, можно присоединить и израильского публициста *Израеля Шамира*. Не ясно, был ли он на конференции физически, но его доклад был помещен в ИХГВ на почетном третьем месте. В докладе, в частности, написано: «Иранское руководство пришло к заключению, что с этим синдикатом [СМИ], пока он находится в руках сионистов, нельзя договориться, нечего рассчитывать на мир — и перешло в атаку, нападая на самую глубинную, сакральную догму его контроля. Если эта догма рухнет, считает Ахмадинежад, рухнет и еврейское государство, “как рухнул Советский Союз”. Но с обратным знаком: на месте СССР возникла Россия и другие республики, а на месте Израиля и оккупированной Палестины возникнет единое государство для всех его жителей без гегемонии самозваной титульной нации. А тогда никто не будет угрожать Ирану — ядерными бомбами или американскими налетами. Поэтому иранцы и проводят эту конференцию» (ИХГВ. С. 45).

гнании, и поэтому Государство Израиль следует ликвидировать, а землю отдать палестинцам.

Как минимум два раввина прибыли из США — *Исроэль Давид Вайс* (Yisroel David Weiss) и *Дэвид Фельдман* (David Feldmann), чьи дедушка и бабушка погибли в Шоа. На его визитной карточке был начертан текст: «Молитесь за скорое и мирное исчезновение Государства Израиль».

Наверное, наиболее одиозным и «популярным» у СМИ участником конференции стал *Мойша Ария Фридман* (Moishe Arye Friedmann) из Австрии — старший раввин¹ провозглашенной им же самим в 1990-е гг. антисионистской общины в Вене, не признаваемой Венской еврейской общиной².

Благодаря организации антиизраильских демонстраций на улицах Вены в шаббат, Фридман давно уже стал притчей во языцех. Он зарекомендовал себя лицом, сочувствующим праворадикальным партиям в Австрии, заступался за члена Свободной Партии *Джона Гуденуса* (John Gudenus), приговоренного за отрицание Холокоста к году тюрьмы условно. И даже своих адвокатов он рекрутировал в кругах, близких к этой партии. Не отрицая Холокост как таковой, он подвергает ревизии его параметры и релятивирует его масштабы (ссылаясь при этом на не называемые им новейшие исследования, согласно которым число жертв Холокоста равнялось одному, а не шести миллионам евреев).

Нельзя упустить и то, что и сам Иран вовсе не монолитен в идеологическом отношении, и тегеранская конференция — в том виде, в каком она задумывалась и была проведена, — далеко не у всех иранцев вызвала

---

¹ Титул «раввин» не подлежит в Австрии никакого рода проверке, лицензированию или хотя бы регистрации.

² Венская община решительно дистанцировалась от М. Фридмана и заявила, что он никоим образом общину не представляет.

энтузиазм и эйфорию. Оппозицию ей возглавил не кто-нибудь, а *Мохаммед Хатами* (Mohammed Chatami) — предшественник Ахмадинежада на посту президента Ирана и основатель общественной организации за диалог между различными культурами и религиями. В дни работы конференции он говорил о том, что убийство невинных людей, в основном евреев, было одним из преступлений немецкого национал-социализма, и даже если бы в результате этого был убит всего-навсего один-единственный еврей, мы обязаны это осудить. В то же время он добавлял при этом, что Израиль злоупотребил этой исторической трагедией с целью угнетения палестинского народа¹.

Буквально в день открытия конференции в Тегеране Ахмадинежад столкнулся с резким неприятием своей политики в целом и со стороны многих студентов лучших тегеранских университетов. С резкой критикой конференции выступил и единственный в Иране парламентарий-еврей *Морис Мотамед* (Maurice Motamed), назвавший конференцию оскорблением, нанесенным евреям Ирана² и всего мира. Среди убежденных противников конференции был и иранский интеллектуал *Машалла Шамзельвазин* (Mashallah Shamselvaezin), издатель запрещенной ежедневной газеты «Jameh».

Он упрекнул организаторов конференции в том, что они плохо учили Коран, осуждающий любое убийство отдельного человека.

Примечательно в этой связи и письмо, направленное Ахмадинежаду *Махмудом аль-Сафадом* (Mahmoud Al-Safadi) — бывшим палестинским террористом, просидевшим в израильской тюрьме около 18 лет. В тюрьме он изучил множество статей и книг, прочесть которые («из-за нашей идеологии и наших со-

¹ См.: Tagesblatt St. Gallen, 2006. 13 Dezember.

² Их в Иране около 25 тыс. чел.

циальных норм», как он пишет) он едва ли бы смог на свободе. Это чтение смогло его во многом переубедить, в том числе развеяло и сомнения в истинности Холокоста. В письме, с которым он обратился к президенту Ирана, в частности, сказано: *«Сколь большим было число жертв — еврейских и нееврейских, не так уж и важно — преступление все равно чудовищное. Каждая попытка отрицать его отнимает у того, кто это делает, часть его человечности и ставит его в положение слуги преступников. <...> Мы боремся за наше существование и за наши права и против той исторической несправедливости, что была нам причинена в 1948 году. Но мы добиваемся не той независимости и не той победы, при которой можно будет оболгать геноцид еврейского народа, даже если силы, которые сегодня заняли и отняли у нас нашу землю, являются частью этого народа»¹.*

2

Холокост относится к числу наиболее изученных явлений XX столетия. Реальность Холокоста — это реальность, и как всякую реальность самый ее факт незачем обсуждать, но ее можно и нужно исследовать. Несмотря на это, отрицание Холокоста под видом тех или иных «сомнений» в отдельных его деталях или в существовании в целом всплывает вновь и вновь.

Естественно, что тегеранская конференция вызвала резкий протест во всем мире. Большинство едино в том, что это не просто попытка придать псевдоакадемический лоск экстремистской идее, а гораздо более серьезная политическая акция.

---

¹ См.: <http://www.hagalil.com/01/de/Israel.php?itemid-329> (оригинал был опубликован 4.12.2006 на французском языке в газете «Монд»).

По поводу конференции, прошедшей в Тегеране, МИД Израиля распространил заявление, в котором осудил эту инициативу Ирана как недостойную, поскольку ее целью является отрицание событий Холокоста и поддержка антисемитской политики Ахмадинежада, выступающего с постоянными призывами стереть Государство Израиль с лица земли. Эти призывы противоречат Декларации ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него» от 9 декабря 1948 года.

«Отрицая события Катастрофы, президент Ирана пытается узаконить стремление к уничтожению Государства Израиль и распространению экстремистской политики, которая противоречит ценностям свободного мира. Он проводит параллели между концентрационным лагерем Освенцим и Израилем, тем самым искажает события прошлого и угрожает настоящему. Заявления и действия президента Ирана идут вразрез с общепризнанными историческими фактами. Народы мира должны объединиться и сделать реальностью призыв “никогда больше”. Память о Холокосте важна не только для Израиля и евреев в странах диаспоры, она важна для всего мирового сообщества. Ставя под сомнения или отрицая события наивысшей формы проявления геноцида — Холокоста — президент Ирана посягает на права человека, понятие о которых окончательно сформировалось после событий Катастрофы», — заявила министр иностранных дел Израиля Ципи Ливни. Премьер-министр Израиля И. Ольмерт назвал Ахмадинежада олицетворением наихудшей из разновидностей антисемитизма. Ни проявления выдержки, ни проявления толерантности тут не помогут. Единственный путь коммуникации с такими политиками — это остановить их.

Конференцию в Тегеране осудили США и Европейский союз. Ученые из десятков институтов и университетов бойкотировали официального организатора конференции — Иранский институт политических и междуна-

родных исследований МИДа Ирана¹ — и прервали всякие совместные проекты, которые до этого с ним вели.

Не осталась в стороне от осуждения и Россия. МИД РФ назвал иранскую конференцию «ненужной и бесполезной». По словам официального представителя МИД РФ Михаила Камынина, *«Россия разделяет выраженную Генассамблеей ООН решимость не допускать отрицания Холокоста».*

В такой ситуации можно было бы ожидать, что мировое сообщество не ограничится осуждающими пресс-релизами и, в ответ на тегеранскую провокацию, организует систему мероприятий, ставящих жесткий заслон провокаторам при осуществлении их целей.

Однако, лейтмотивом мировой реакции было скорее иное — бойкот и брезгливое нежелание мараться о дешевых провокаторов. Высокопоставленный сотрудник Министерства иностранных дел Германии говорил пишущему эти строки о том, что правительство Германии рассматривает ее как пропагандистский маневр и сознательно дистанцируется от дискуссии по теме конференции и даже от упоминаний конференции, не желая создавать ей излишнюю рекламу.

Увы, это весьма распространенное настроение.

3

Тем не менее о двух мероприятиях — конференциях в Иерусалиме и в Берлине, состоявшихся в период с 11 по 14 декабря 2006 года, — сказать необходимо.

14 декабря в «Яд Вашеме» (Иерусалим) состоялся симпозиум под названием «Отрицание Холокоста — путь к новому геноциду». В его работе приняли участие председатель совета директоров Яд-Вашема *Авнер Шалев* (Avner Shalev), руководитель Международного института иссле-

---

¹ Institute for Political & International Studies.

дований Холокоста *Давид Банкье* (David Bankier), академический советник мемориального комплекса *Иегуда Бауэр* (Jeguda Bauer), президент Центрально-Восточного института проблем СМИ (Middle East Media Research Institute) *Игаль Кармон* (Yigal Carmon), *Рита Вайс* (Rita Weiss) — одна из тех, кто пережил Холокост, а также послы в Израиле более чем сорока стран¹. «*Отрицатели Холокоста, поддерживаемые радикальными исламистами, — сказал Бауэр, — прокладывают путь к новому геноциду и к новым преступлениям против человечества*».

Симпозиум обратился к международному сообществу с призывом осудить действия иранского президента Ахмадинежада, организовавшего антисемитский форум «сомневающийся» в смерти миллионов евреев. Одной из реакций на конференцию в Тегеране стало открытие в конце января 2007 года интернет-сайта «Яд Вашема» на фарси, содержащего богатую информацию о Холокосте.

Но, быть может, наиболее основательной и представительной попыткой не зарывать голову в песок, а всерьез противопоставить тегеранской конференции содержательную аргументацию, стала международная конференция «Холокост в международной памяти: механизмы и намерения отрицателей Холокоста и антисемитов — международная конференция по изучению и поиску контрстратегий», организованная Федеральным центром ФРГ по политическому образованию совместно с Центром по изучению антисемитизма при Техническом университете в Берлине и демонстративно проведенная в Берлине в тот же день, когда началась и конференция в Тегеране — 11 декабря 2006 года². В ней приняли участие около 500 человек.

---

¹ От их имени выступил посол Камеруна в Израиле Анри Этоанди Эссомба (Henri Etoundi Essomba).

² „Der Holocaust im transnationalen Gedächtnis. Mechanismen und Intentionen von Holocaustleugnung und Antisemitismus — eine internationale Konferenz zu Befunden und Gegenstrategien“. См. подробнее на сайте Центра политического образования: www.bpb.de/presse

Открывая конференцию, руководитель Центра *Томас Крюгер* (Thomas Krüger) сказал, что ее цель — зафиксировать современный уровень наших знаний о Холокосте и наших дискуссий на эту тему. Этому, в частности, были посвящены основные доклады конференции — американского историка Р. Хильберга — Нестора холокостоведения, как его называли, и английского ученого *Питера Лонгериха* (Peter Longerich). Последний подчеркнул, что отрицателям не удастся навязать свои правила игры исторической науке, и предложил ежегодно проводить в Берлине конференцию по Холокосту.

Т. Крюгер указал и на две большие педагогические проблемы, возникающие в этом контексте. Первая — это то, что в ближайшем будущем с нами уже не останется никого из переживших Холокост и живых свидетелей тех событий. Их роль в представлении этой темы была и остается огромной, они оставили богатый аудиовизуальный материал, который предстоит все чаще использовать в лекционной и педагогической деятельности.

Вторая проблема — это та, что Германия ныне расхлебывает последствия длительного и упорного невосприятия себя как страны иммиграции и, соответственно, как страны иммигрантов. Большая часть иммигрантов, возможно, и слыхом не слыхивала о Холокосте (в том числе и те, кто получили немецкое гражданство), а те, что слыхивали — выходцы из мусульманских стран — нередко слышали у себя дома о Холокосте и о евреях скорее ложь, чем правду. Это ставит перед Германией новые и трудные политико-просветительские задачи в этой нередко замкнутой и восприимчивой к антисемитизму среде. И тут необходим поиск совершенно новых путей и подходов¹.

О том, что это совершенно не высосанная из пальца проблема, говорил *Ив Камю* (Yves Camus) из Института

---

¹ В Сети: http://www.bpb.de/presse/84LZ32,0,0,Er%F6ffnungsrede_zur_Konferenz_Der_Holocaust_im_transnationalen_Ged%E4chtnis.html

международных и стратегических отношений (Institut de Relations Internationales et Stratégiques) в Париже. Во Франции подавляющее большинство антисемитских проявлений исходит из среды североафриканских арабов, причем подталкивает их к этому вовсе не ислам, а антиизраильская пропаганда на экранах телевизоров.

Руководитель Центра по исследованию антисемитизма при Берлинском Техническом университете, известный специалист в области демографии Холокоста *Вольфганг Бенц* (Wolfgang Benz) отметил, что число антисемитских проявлений в Германии и во всем мире неуклонно растет, при этом все чаще встречаются свойственные еще нацистам тонкая «кодировка», «маскировка» или «зашифровка» антисемитского содержания, что затрудняет судебное преследование. Кроме того, налицо тенденция как бы тривиализации Холокоста, очередным свидетельством чего стал неологизм «Бомбен-Холокост» применительно к бомбардировке англичанами Дрездена. (На самом деле тренд, добавим от себя, еще более общий и опасный — это девальвация такого понятия, как геноцид: что только им в последнее время не называют!)

О том, что можно и нужно этому противопоставить, говорили также *Вольфганг Краушаар* (Wolfgang Kraushaar) из Гамбургского института социальных исследований и депутаты бундестага *Гита Коннеман* (Gitta Connemann) и *Герт Вайскирхен* (Gert Weisskirchen).

Многие знатоки и исследователи ислама, — и среди них *Катаюн Амитур* (Katajun Amipur), *Эстер Шапира* (Esther Scharira), *Навид Кермани* (Navid Kermani), *Давид Менашри* (David Menashri) и другие, — в своих выступлениях анализировали проблематику антисемитизма и ее политическое значение в современном исламском мире. Их общий вывод: эту опасность не следует недооценивать, ей надо противостоять.

В конференции также приняли участие знаменитый бард и публицист *Вольф Бирман* (Wolf Biermann), израильский социолог и публицист *Натан Шнайдер*

(Nathan Sznaider), сетовавший на потерю бдительности и острой реакции в дискуссиях о Холокосте. Дошло до того, как отметил *Харальд Вельцер* (Harald Welzer) из Центра междисциплинарных исследований в области исторической памяти в Эссене, что Холокост широко инструментализируется для обвинений в адрес Израиля из-за его политики в отношении Палестины.

Участники берлинской конференции были едины в своем осуждении конференции тегеранской.

Иранское же посольство в Берлине среагировало на обе конференции вполне своеобразно и пригласило всех желающих на свой симпозиум, посвященный про-року Мухаммеду, который оно проводило 16 декабря в берлинской «Урании».

А у немецких правых радикалов конференция в Тегеране, естественно, встретила полное «понимание». 14 ноября 2006 года приветствие в Тегеран направил Х. Малер — немецкий ревизионист, находящийся в немецкой тюрьме за отрицание Холокоста. Он назвал конференцию историческим событием. Незадолго до этого фракция Немецкой национальной партии в земельном парламенте Мекленбурга — Нижней Померании представила возможность местному отрицателю Холокоста *Бернду Рабелю* (Bernd Rabehl) принять участие в парламентских слушаниях и обстоятельно попропагандировать свои взгляды. Правозэкстремистская стратегия маскировать антисемитизм под антиамериканизм и критику израильского правительства нашла, благодаря конференции в Тегеране и высказываниям иранского президента, свое новое развитие и новый импульс.

4

Конференция отрицателей Холокоста в Тегеране — не одиночное событие. Она стоит в длинном ряду провокаций, которыми Иран не переставал удивлять мир. Напом-

ним их вкратце: скандал с карикатурами на пророка Мухаммеда (обратите внимание — на «оскорбление ислама» датскими карикатуристами Иран ответил не карикатурами на Иисуса Христа, а карикатурами на Холокост!), и вторая ливанская война, взлет Хезболлы и Хамаса, заявления о нелегитимности Израиля, конференция по Холокосту, ядерные кошки-мышки с Международным агентством по атомной энергии, захват и помилование английского патруля... На очереди, возможно, и новая региональная или глобальная провокация.

Впервые за многие годы в мире появилось государство, политически исповедующее антисемитизм, и его лидер, Ахмадинежад, не прочь разыграть беспроигрышную, как ему кажется, антиеврейскую карту и стать фюрером антисемитского Интернационала.

Связь Холокоста 1941—1945 гг. с созданием в 1948 году Государства Израиль очевидна. Поэтому выбить из-под Израиля главнейшее из его моральных оснований — совсем не второстепенная цель для Ахмадинежада, не таясь разглагольствовавшего о намерении стереть Израиль с лица земли.

Отсюда его мужественная поддержка и братская рука, лукаво протянутая ученым мужам, без устали изучающим Холокост в видах его пересмотра — лучше всего отрицания, а если не получится, то хотя бы его преуменьшения (редукции). Он охотно спекулирует на непознанности мира: вот, говорит он, физика — исследований в области физики гораздо больше, чем в области Холокоста, но, тем не менее, исследования в области физики продолжаются, и никому не приходит в голову считать их завершенными и запретить.

Он, конечно же, понимает, что доказать фальсификат Холокоста никаким отрицателям не удастся. Но, если и не выбить из-под Израиля основания, то хотя бы клин между ним и его почвой вбить!..

При этом он старается сыграть тонко. Израиль надо стереть с лица земли?.. Да, это его тезис, — но не с зем-

ли вообще, как планеты, а конкретно — с палестинской земли. Его любимый тезис в лекциях или интервью: а какое право имеют евреи на Палестину или ее часть, ежели Холокост, даже если, допустим, он и имел место, происходил в Европе? Вот там, в Европе, особенно в Германии, и создавайте постхолокостную Родину для евреев, а нашу арабскую землю верните многострадальному палестинскому народу, верните подобру-поздорову, верните по-хорошему!¹

Третья же цель, для которой отрицатели с их непрерывным гудением и все ширящимся ореолом мучеников вполне могут еще пригодиться, — это попытка изоляции Израиля, попытка отпугнуть от Израиля его друзей и оставить его один на один с исламским окружением. Для этого, как точно подметил Альфред Кох², достаточно повлиять на избирателей в демократических странах Европы и Америки, традиционно поддерживающих Израиль, но повлиять таким образом, чтобы они отказали своим правительствам в мандате на поддержку Израиля.

---

¹ Связь отрицания Холокоста с легитимностью возникновения Израиля прекрасно понимают и палестинцы (*Lipstadt*, 1994. S. 31).

² См. его предисловие к: *Отрицание отрицания*, 2008. С. 15—20.

НАКАЗАНИЯ ОТРИЦАТЕЛЕЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ АРБИТРАЖ

И тут сталкиваются две правды. Правда либеральных убеждений, которые сводятся к тому, что человека за высказанную мысль карать нельзя. И правда надчеловеческая, для которой свобода слова в том виде, в каком ее понимает Дэвид Ирвинг, есть глумление над памятью миллионов замученных — детей, стариков, женщин.

И. Мильштейн.

...Преследуемый становится звездой, знаменитостью, его труды получают почетный статус запретного плода, а аргументы его противников заведомо не воспринимаются всерьез, раз уж они выслали на диспут вместо себя полицейских с дубинками.

А. Носик.

1

В последнее время активно обсуждается тема законодательного регулирования отрицания Холокоста, или, иными словами, наказания за «оболгание Аушвица». Она имеет как свою историю, так и предысторию.

Особенно длительной является предыстория в Германии, где она начинается с речи *Вольфганга Хедлера* (Wolfgang Hedler), депутата бундестага от Немецкой партии, произнесенной им 25 ноября 1949 года в Ки-

ле. В ней, в частности, говорилось: «Шумахер¹ производит столько шума из-за гитлеровского варварства по отношению к еврейскому народу. Было ли удушение евреев газами подходящим средством или нет, об этом могут быть разные мнения. Возможно, были и другие способы отрешить их от жизни...»². Сразу же после этого на него был составлен иск, но Хедлер вышел сухим из воды: суд оправдал его 15 февраля 1950 года из-за противоречивости свидетельских показаний. В тот же день (!) фракция социал-демократов внесла в бундестаг законопроект «О врагах демократии», благополучно увязший и увядший в профильных комитетах и подкомитетах парламента³.

Спустя 10 лет — новый публичный всплеск антисемитизма. Гамбургский торговец деревом Ниланд (Nieland) опубликовал в 1958 году брошюру под названием: «Сколько мировых, или денежных войн еще нужно проиграть народам». Собственно говоря, это был чистый антисемитизм, без какого бы то ни было соприкосновения с темой Холокоста.

Правовое поле стало меняться в начале 1980-х гг., когда, с одной стороны, у власти находилась «красно-желтая» коалиция социал-демократов и либералов, а с другой — в стране чрезвычайно резко активизировались неонацисты. В сентябре 1982 года парламентарии обсуждали, но так и не приняли изменение § 140.II Уголовного кодекса, предусматривавшее тюремное наказание сроком до 3 лет или штраф для любого публичного выражения солидарности, отрицания или обеления деяний периода господства национал-социализма, наруша-

---

¹ Курт Шумахер — лидер послевоенной немецкой социал-демократии.

² Цит. по: *Leukert*, 2005. S. 9.

³ Уже тогда был озвучен тезис: демократию надо защищать не параграфами, а перевоспитанием и демократическими формами жизни.

ющих общественный мир¹. Так же не преуспела в этом и черно-желтая коалиция христианских демократов и либералов, наталкивавшаяся на сопротивление христианско-демократических земель в бундесрате.

Перелом произошел в 1992—1994 гг., после «дела Юнтера Деккерта» (см. выше). Напомним, что его откровенно провокационных и антисемитских речей при завершении конференции в Вайнхайме немецкое правосудие снести не смогло, и Земельный суд г. Мангейма приговорил его 11 ноября 1992 года к одному году тюрьмы и 100 тысячам марок штрафа за разжигание национальной розни, клевету и оскорбление памяти умерших и подстрекательство к расовой ненависти. Однако в 1994 году Верховный Суд Германии счел, что подстрекательство к расовой ненависти не было доказано достаточно убедительно, и оправдал радикала, чем вызвал волну возмущения и протестов как в стране, так и за границей².

В результате был разработан, в течение полугода уточнен и в октябре 1994 года принят так называемый Закон о преодолении последствий преступлений (*der Verbrechenbekämpfungsgesetz*), вступивший в силу с 1 декабря 1994 года и предусматривавший в качестве максимального наказания срок до 5 лет³.

Начиная с конца 1980-х гг. публичное отрицание Холокоста во многих странах мира стало преследоваться по закону — чаще всего в рамках общих установлений Уголовных кодексов. Но многие страны, подобно

---

¹ *Leukert*, 2005. S. 16—17.

² Выйдя на свободу, Деккерт продолжил свои прежние старания, в результате чего в 1995 году он был вновь арестован и осужден, на этот раз к 5 годам тюрьмы. Выйдя на свободу в 2000 г., он и на этот раз не оставил любимого дела и продолжил карьеру в Немецкой национальной партии, став одним из ее лидеров. Но вскоре он оказался настолько правее своей специфической партии, что был исключен из нее в марте 2007 года.

³ *Leukert*, 2005. S. 28—38. Кроме того, в Германии «работает» и статья 130 Уголовного кодекса.

Германии, даже ввели специальные государственные законы, запрещающие отрицание Холокоста¹. Среди них Австрия, Бельгия², Италия, Канада, Литва, Люксембург³, Польша⁴, Португалия, Румыния, Словакия, Франция⁵, Чехия, Швейцария⁶ и др. В качестве наказания эти законы, как правило, предусматривают некую комбинацию штрафов и тюремных сроков. Сроки варьируют: в Германии и Израиле⁷ — до 5, а в Австрии⁸, Румынии и Чехии — даже до 10 лет. Наказание, как правило, заметно устрожается, если провинившийся не простой гражданин, а госслужащий.

Знакомство с трудами и историей отрицателей Холокоста оставляет мало сомнений в том, кем, собственно, они являются, — это не правдоискатели, не Джордано Бруно от истории, а искренние и восторженные антисемиты, отличающиеся друг от друга только в нюансах. Отрицание Холокоста, пишет публицист *Илья Мильштейн*, это «не только надругательство над памятью погибших и оскорбление для выживших. Это попытка оправдания дьявола».

---

¹ См. соответствующий — правда, далеко не полный — обзор в: *Leukert, 2005. S.276-286.*

² Вступил в силу с 30 марта 1995 г.

³ Вступил в силу с 19 июля 1997 г.

⁴ С 1998 г.

⁵ Закон Гейсо (*Gayssot*), запрещающий оспаривать выводы Нюрнбергского трибунала; введен 13 июля 1990 г. В январе 2007 г. депутат Европарламента и заместитель председателя Народного Фронта Бруно Гольниш (*Bruno Gollnisch*) на основании этого закона был приговорен к 3 месяцам тюрьмы (условно) и 5000 евро штрафа за то, что предлагал открыть широкую дискуссию по вопросам о газовых камерах.

⁶ Принят 25 сентября 1994 г., вступил в силу с 1 января 1995 г.

⁷ А вот наказания за нацистскую пропаганду в Израиле, как это ни удивительно, нет. Столкновение с ней в случае юнцов-репатриантов из города Пехта-Тиква летом 2007 года застало израильскую правовую систему врасплох.

⁸ С 1992 г.

Отрицателями движет именно антисемитизм — часто на пару с обидой за «поставленную на колени» Германию. И уже из антисемитизма выплывает, клубясь, и все остальное, включая низкий исторический профессионализм или склонность к патетической графомании¹. Юдофобия же на Западе, как с недавних пор и в России, — дело сугубо частное и почти интимное, но, тем не менее, не бесконтрольное и не безответственное. Государства на паях с гражданским обществом следят за его цветением и твердо настаивают на необходимых приличиях. А отрицание Холокоста в западном постхолокостном мире — это высшая степень неприличия и потому для его приверженцев дело социально-рискованное, юридически дискомфортное и чреватое ощутимыми репрессиями. И не будем им тут сочувствовать: отрицатели — взрослые люди, и знают, на что идут². На многих ветвях и уровнях социальной коммуникации — на личностном, на корпоративном и на государственном — перед ними возведены преграды, заслоны и даже стены, в том числе и хорошо охраняемые тюремные.

Для лиц, подвизающихся в образовании, реальным профессиональным риском и угрозой является увольнение из школ и университетов, а для делающих академическую карьеру — иногда и лишение научных степеней³.

---

¹ В конце концов, и Рейтлингер — историк искусства, а Хильберг — юрист и политолог.

² Создавать же собственные университеты или хотя бы новые и стабильные рабочие места усилиями собственной фансреды они тоже не в состоянии.

³ Кажется, первым в этом ряду был случай с Геттингенским университетом, в 1983 году отозвавшим кандидатскую степень у В.Штеглиха, полученную им в 1950-х гг. Иных отрицателей не допускают к защите диссертаций, как, например, Г.Рудольфа.

2

Едва ли не весь диапазон возможных репрессий ощутил на себе Р. Форисон: собственные студенты подвергли его обструкции, ректор уволил его из Лионского университета, а позже, по обвинению в фальсификации истории, его еще и судил французский суд, приговорив к 3 месяцам заключения и к 21 тысяче франков штрафа. Вдвое дороже обошелся «ревизионизм» французу *Жану Плантену* (Jean Plantin): 26 декабря 2001 года суд Лиона оштрафовал его на сумму 43 600 франков (или 5880 долларов).

Сразу несколько процессов состоялись в Швейцарии. Самым известным фигурантом на них был Юрген Граф¹, но он был далеко не единственным. Другой швейцарский отрицатель — *Рене-Луи Беркла* (Rene-Louis Berclaz), основавший в 1995 году националистическое общество «*Verite et Justice*» («Правда и справедливость»), закрытое, по решению суда, в 2002 году. В первый раз он был осужден тогда же, что и Граф, в 1998 году (на 4 месяца), во второй — в 2002 году (на 8 месяцев; оба раза с отсрочками приговоров). В 2004 году он бежал в Черногорию, а в 2006 году его все-таки арестовали в Румынии. Престарелый *Гастон Арман Амодру* (Gaston Armand Amaudruz) — издатель газеты, где пропагандировались отрицательские идеи и оспаривался «миф о шести миллионах» — получил год тюрьмы, сокращенный ему по апелляции до трех месяцев.

Один из таких процессов состоялся в ФРГ. В августе 2007 года административный суд земли Гессен приговорил 24-летнего председателя Национально-демократической партии Германии в Гессене *Марселя Велля* (Marcel Wöll) за отрицание Холокоста. На заседании законодательного собрания в г. Бутцбахе в марте 2007 года он призвал депутатов отказаться от выделения

---

¹ См. о них выше.

субсидий на образовательные поездки школьников по местам нацистских преступлений. По словам Велля, такие путешествия служат для «промывания мозгов» школьников.

Еще одно недавнее судебное разбирательство имело место в Греции. Адвоката *Константина Плевриса*, автора книги «Евреи: вся правда», судили не только за отрицание Холокоста, но и за призывы его повторить, начав с депортаций. К. Плеврис же открыто и нагло загорается свободой слова: «*Это мое мнение. Мнение не является преступлением*»¹.

В то же время правоприменение законов об ответственности за отрицание Холокоста, как правило, достаточно мягкое. Количество осужденных по отрицательским статьям невелико², а максимально возможные сроки и вовсе единичны: их дают только самым принципиальным и убежденным, таким как Эрнст Цюндель, например.

Тем не менее, достаточно типично желание отрицателей уклониться от любых наказаний и уйти в бега. Так, Ю. Граф подался в Россию, Р.-Л. Беркла — в Черногорию и Румынию, Г. Рудольф — в Испанию, Англию и США, а В. Фрелих в 2000 году попросил политического убежища аж в иранском посольстве в Вене.

Без особых проволочек происходит, как правило, передача разыскиваемых правонарушителей из числа от-

---

¹ Р.Н. 400 страниц антисемитизма. В Греции судят писателя, призвавшего депортировать евреев. // Еврейская газета (Берлин). 2008. Январь. С. 2.

² Отрицатели, конечно, взялись бы отрицать и это. Но многие из тех, кого они записывают на свой счет, — классические приписки. Как, например, Г. Деккерт, осужденный на 5 лет в 1990 г. Закон, по которому его могли осудить именно за отрицательство, был принят только в 1994 году. К отрицателям не обязательно относятся и многочисленные пропагандисты национал-социализма, нередко сами пожилые люди.

рицателей из тех стран, где они скрываются от правосудия, в страны, где их разыскивают. Того же Цюнделя США в свое время передали Канаде, а Канада — Германии. В августе 2007 года в Малаге (на юге Испании) арестован австрийский журналист и публицист *Герд Хонсик*, разыскивавшийся на родине после того, как он бежал из Австрии в 1992 году. Суд приговорил его к 1,5 годам тюрьмы за неонацистскую деятельность и распространение публикаций, в которых он не только отрицал факт использования фашистами газовых камер, но и открыто защищал и оправдывал Третий Рейх¹. При этом выдавать зарвавшихся отрицателей согласны и те страны, где отрицание не является преступлением. В то же время есть страны, где и слышать о выдачах не хотят, Россия, например: Москва для Графа стала тем же, чем был Цюрих для Ленина.

Были предприняты попытки придать подобного рода законам или законодательным инициативам международный статус. Так, Германия, председательствовавшая в Евросоюзе в первой половине 2007 года, предложила ввести уголовное наказание за отрицание Холокоста на всей территории Европейского союза, но встретила поддержку только в 8 странах из 27 (правда, в самых крупных и значимых).

Целый ряд рекомендательных резолюций был принят в ООН. Так, 1 ноября 2005 года Генеральная Ассамблея приняла резолюцию «Память о Холокосте», в которой подчеркивалось, что международное сообщество *«отвергает любое отрицание Холокоста — будь то полное и частичное — как исторического события»*. (Среди подписавших ее — и Россия, признавшая тем самым всю важность противодействия отрицанию и отрицателям Холокоста.) А 26 января 2007 года Генеральная Ассамблея ООН по инициативе США одобрила резолюцию, осуждающую отрицание Холокоста или

---

¹ Gazeta.ru. 2007. 23 августа.

преуменьшение его масштабов¹. Появление на свет этого документа спустя месяц после тегеранской конференции отрицателей является явным ответом на позицию иранского президента Ахмадинежада, открыто называющего Холокост «мифом» и призывающего уничтожить Израиль в его нынешней ипостаси.

В ряде стран нормы наказания, наоборот, принципиально не вводятся (на постсоветском пространстве это Россия, Латвия или Эстония). Но среди стран, где отрицание Холокоста никак де-юре не преследуется, — и Великобритания.

А в такой стране, как Испания, где соответствующий закон действовал с 1995 года, правовая ситуация серьезно переменялась. 7 ноября 2007 года Конституционный суд счел наказания за отрицание Холокоста неконституционными, поскольку состав деликта находится в сфере применимости свободы слова. Чистое отрицание Холокоста юридически беспредметно (поскольку Холокост был) и само по себе не ведет к разжиганию расовой или религиозной розни. Тут, правда, необычайно важно разъяснение суда: конституционным является наказание, в том числе и в виде тюремного заключения, для тех, кого обвиняют не в отрицании, а в оправдании Холокоста или любого другого геноцида².

В 2005 году, спустя 15 лет после принятия «Закона Гейсо», введившего во Франции ответственность за отрицание Холокоста, группа французских историков подписала петицию «Свободу истории», где выступила против того, чтобы государство, хотя бы и из лучших

---

¹ Документ без голосования поддержали 103 страны из 192 членов Генассамблеи. Против проголосовала одна страна: Иран.

² Обсуждение этого вопроса началось в 1996 году во время суда над Педро Валера, владельцем книжного магазина в Барселоне, распространявшим неонацистские материалы. (MIGnews.com. 10.11.2007). **Против принятого решения протестует Союз еврейских общин Испании.**

побуждений, заходило бы на запретную для него территорию профессионалов-историков.

В некоторых странах соответствующие законы (или законопроекты) имеют более широкую, нежели Холокост, сферу применения. В Италии — на родине фашизма — уголовно наказуемы, например, пропаганда расового превосходства, акты дискриминации по национальному признаку либо побуждение к ним. В Польше понятием Холокост или геноцид не оперируют: начиная с 1998 года денежным штрафом или тюремным, до 3 лет, наказанием там карается отрицание фактов как национал-социалистического, так и коммунистического преследования. Чехия от Польши отличается, главным образом, словоупотреблением: подсуден как нацистский, так и коммунистический геноцид. Впрочем, Дэвиду Ирвингу вообще нечего опасаться в Польше: польский закон распространяется почему-то только на польских граждан различных национальностей, а также на поляков — граждан других государств.

3

Тем не менее, с юридической точки зрения тема уголовного преследования за отрицание Холокоста выглядит не так уж бесспорно, а правовые рамки и основания для преследования отрицателей далеко не страдают однозначностью толкований. Вполне ощутима конфронтация соответствующих законов с первой поправкой к Конституции США и со статьей 10 Европейской конвенции прав человека, гарантирующими гражданам свободу слова и выражения.

Это неотвратимо ведет к конфликтам между национальным и международным правом, между правом и справедливостью и т.д. Именно отсюда проистекают такие явления, как поддержка Хомским Форисона или

пересмотр Конституционным судом Испании мер по преследованию отрицателей.

Разумеется, эта проблематика в контексте свободы слова была знакома и немецким законодателям. Но Верховный Суд ФРГ еще в конце 1979 года разрешил ее иначе, квалифицировав уничтожение евреев и полужидов в Третьем Рейхе фактом столь неоспоримо задокументированным и бесспорным, что его отрицание не может быть выражением мнений (допустим, ошибочных, но тем не менее искренних) или взглядов (допустим, не вполне корректных, но тем не менее научных), а может быть единственно лишь заведомой клеветой, а также оскорблением и дискриминацией уцелевших в годы Холокоста и всех остальных ныне живущих евреев.

«...Невозможно отрицать суверенное право любой демократии жестко бороться с ростками коричневой заразы в обществе, не дожидаясь факельных шествий на улицах ее городов, — пишет Антон Носик. — Однако же сам по себе запрет на отрицание Холокоста достаточно ущербен смыслово и логически»¹. Ведь отрицание не поддается однозначно четкой формализации, так что применение закона — даже чисто технически — может быть только избирательным, а стало быть, — и чреватым произволом и двойными стандартами. Из антисемитов в этом процессе неизбежно выковывается то, о чем они и помечтать не могли: эдакие гонимые диссиденты, сотрясатели основ, мученики за идею и чуть ли не жертвы произвола!

Выход из юридической дилеммы видится в сочетании обоих принципов: да, каждый имеет право на свободу слова, мысли и их выражения, но каждый обязан и отвечать за то, что у него в результате слетело с уст

---

¹ Носик А. Отрицание Холокоста: неисполнимый закон // Мнения. 2007. 28 января. См.: <http://mnenia.zahav.ru/Article-Page.aspx?articleID-1649>

или пера. И если слетело нечто, что разжигает страсти, плодит ненависть, оскорбляет память жертв и т.д., то решать так это или не так следует суду, как и устанавливать меру ответственности за это.

Решение Конституционного суда Испании, кстати, — это вовсе не победа отрицателей. Оно, повторим, создало принципиально важный прецедент: наказуемым должно быть не отрицание Холокоста, а его оправдание (то есть солидаризация с палачами) и пропаганда этого оправдания. Область же «чистого отрицания» должна регулироваться всеобщими конституционными положениями о свободе мысли и слова, а также запретами на возбуждение ненависти и т.д.

Министр иностранных дел Латвии *Артис Пабрикс* попытался аргументировать это же самое так: *«Только дурак может отрицать Холокост, но при этом людей нельзя сажать в тюрьму только за то, что у них такие дурацкие взгляды»*¹. Однако министр не столько шутит, сколько лукавит: отрицатели не столько дураки, сколько антисемиты, то есть люди с убеждениями и принципами. И едва ли убежденного антисемита можно перевоспитать — даже в тюрьме. Как мания, как душевное уродство оно практически не поддается лечению: Гитлер и в предсмертной записке не забыл о евреях и попросил о том, чтобы кто-нибудь продолжил его святое дело очищения от них Германии.

Однако сегодня введение запрета способно сделать из отрицателей самых настоящих жертв и героев и, благодаря их статусной «гонимости», заметно повысить их же привлекательность еще и как «страдальцев».

В США, как замечает А.Носик, *«верят в способность здорового общества победить вздорную идеологию в открытой борьбе мнений, не прибегая к помощи полицейской дубинки. И понимают, что нельзя быть*

---

¹ Согласно сообщению агентства «РИА Новости» от 19 января 2007 г.

наполовину беременной. Либо законодатель самоустраняется от регулирования мнений в головах людей и навязывания идеологий, либо он должен шаг за шагом пройти путь контроля за умами до конца. Сперва запрет на идеологию, потом на идеи, потом на книги, содержащие эти идеи, потом на музыку, фильмы, фотокадры, а дальше, глядишь, к каждому блогу по околоточному приставим, чтоб за умами надзирал...»¹

Против цензуры и судебных преследований за сомнения и отрицания общепризнанных истин, в том числе и Холокоста, выступает не только Хомский, но и другие интеллектуалы, например, *Тимоти Гартон Эш*, посвятивший этому статью в газете «Гардиан». По его мнению, с отрицанием Холокоста «*надо бороться в наших школах, университетах и СМИ, а не в полицейских участках и судах*»². В качестве альтернативы закону о запрете рассматривается политграмма — введение национальных образовательных программы по теме Холокоста³.

С этой точки зрения поучителен опыт интернет-проекта «*Ницкор*»⁴, основанного в начале 1990-х гг. *Кеном Мак-Вэем* (Ken McVay), гражданином Канады и США, и посвященного открытой полемике с отрицателями Холокоста. Соответствующий портал аккумулирует тексты и сведения как о Холокосте, так и о его отрицании и лично об отрицателях. К.Мак-Вэй — активный поборник свободы слова, и в этих дебатах он придерживается мнения, что важнее отвечать на аргументы отрицателей и вести разъяснительную работу в Интере-

¹ *Носик А.* Отрицание Холокоста: неисполнимый закон // Мнения. 2007. 28 января. См.: <http://mnenia.zahav.ru/ArticlePage.aspx?articleID-1649>

² Цит. по перепечатке на русском языке: *Полный запрет отрицания Холокоста был бы большой ошибкой.* // Еврейское слово. М. 2007. 31 января — 6 февраля. С. 4.

³ Того же мнения придерживается и Д.Липштадт.

⁴ От: «Мы будем помнить» (иврит).

те, чем вводить в нем цензуру: в 1996 году он выступил в парламенте Канады с критикой канадского закона, регулирующего распространение ненависти в Интернете. В конце 1990-х гг. Центр имени С. Визенталя упрекнул «Ницкор» в том, что объективно они-де способствуют рекламе отрицательства.

4

Возможным выходом из создавшегося положения могло бы стать учреждение авторитетного *Международного Исторического Арбитража*, наподобие тех юридических судов-арбитражей, которые существуют в настоящее время в Гааге и Страсбурге. Существовая под двойным патронажем ООН и, например, Всемирного Союза Историков, он должен иметь в своем составе аппарат, способный в короткие сроки мобилизовать экспертные группы по самым различным историческим дисциплинам или проблемам¹. Это потребует заранее разработанных критериев и процедур, признаваемых и «истцами».

Стороны, имеющие серьезные сомнения в истинности тех или иных общепризнанных исторических фактов, должны быть готовы тщательно обосновать свои сомнения, упаковать их в исковые формуляры, четкие и не оставляющие лазеек для множественности толкований, и, наконец, привести все аргументы и доказательства своей правоты, как и доказательства неправоты тех, кого они считают своими оппонентами. Арбитраж основательно и подробно рассматривал бы подобные фундированные «иски» и «спорные случаи»

---

¹ Аналогичный арбитраж существует в естественных науках — при редакции журнала «Nature», и его решения пользуются общепризнанным авторитетом. У историков аналогичного органа нет, и в силу большей политизированности — быть не может.

и готовил бы авторитетные научные заключения о реальном состоянии дел в той проблеме, по которой поставлен запрос¹.

Для того чтобы выяснить, что это: клевета или не клевета, ложь или правда, — нужна авторитетная комиссия, которая бы по заранее оговоренной процедуре запрашивала экспертов. Тогда бы возникали прецеденты и оспоренного знания, и одновременно реакции исторического сообщества. Эта комиссия могла бы работать и с участием самих подателей «иска». Тогда можно было бы на что-то опереться, а не бесконечно ходить по кругу — ведь многие ответы уже существуют. В результате образуется фонд суждений, на которых сможет базироваться в случае необходимости и суд, который решит, в том числе, и вопрос о принадлежности конкретных утверждений к замаскированному антисемитизму, например (сам Исторический арбитраж, разумеется, имеет куда более широкий профиль компетенции).

У него должен быть высочайший научный международный авторитет. Ни в коем случае ни одна национальная историография не должна иметь монополии на решение своих национальных историографических вопросов, потому что история уж точно всегда была глобальна, задолго до нынешней глобализации. Дело в том, что национальные историографии конфликтуют друг с другом, имеют свои приоритеты и особенности, а в ситуации стран с полузакрытыми или закрытыми архивами может и утаиваться, и замалчиваться часть источников. Тогда начинаются конфликты с другой историографией. Прошрое-то у нас общее, двустороннее, многостороннее, а вот колокольни раз-

---

¹ Например, если отрицатели замерыли уровень «Циклона Б» в газовых камерах в Аушвице-Биркенау, т.е. получили результат, который можно проверить или оспорить, объяснить, что эти данные не имеют никакого отношения к тому, как они их интерпретируют, или, наоборот, признать.

ные. Сам я с трудом могу представить независимого, в том числе украинского, историка, с чьей колокольни Бандера был бы героем.

Но политики утверждают: и герой, и символ, — и переименовывают Московский проспект в Киеве в проспект Степана Бандеры. А вот предлагаемый арбитраж — не Дума и не Рада, не Майдан и не Болотная, а место встречи авторитетных историков и корпуса эмпирических источников.

В самом словосочетании «Исторический арбитраж» нет ничего неестественного. История при этом не подменяет собой юстицию, как, впрочем, и не ждет от последней решения собственных научных проблем. Не все осознают, что история — точно такая же прикладная наука, как физика или химия, только областями ее практического применения являются не освоение космоса и не создание новых материалов, а широчайшая гуманитарная сфера — от образования до, к сожалению, идеологии. Хорошо известна роль исторических заключений и экспертиз в процессе борьбы за компенсации жертвами принудительного труда при национал-социализме в 1990-е гг. и в ходе самих компенсаций в 2000-е гг.

Но и юстиция и уж тем более политика не вправе покушаться на компетенции и прерогативы историков. С этой точки зрения идея специального международного трибунала для расследования преступлений победившего в СССР коммунизма нелегитимна. Зато легитимным было бы тщательное рассмотрение этого в «Историческом арбитраже», причем выпущенная в 1997 года «Черная книга коммунизма» — отличное подспорье для подготовки соответствующей заявки.

Еще раз повторю: Исторический Арбитраж сам по себе — не суд, его решения не могут и не должны иметь статус юридической силы. Однако в случае передачи обвинений в суд, его заключения могли бы послужить серьезнейшим основанием для решений, принимаемых судебными органами.

Такая организация наверняка стоила бы немалых денег, но не таких уж и неподъемных, если учесть тот вред и опасность, которые таит в себе параллельное и юридически не оспоренное сосуществование «двух» разных «истин»!..¹

Истина же на самом деле одна, и истина есть история: историю Холокоста, например, опираясь на новые материалы, можно и нужно и изучать, и уточнять, но она не роман, который можно переписать заново — на бело или начерно.

И то, что одна из «двух истин» — движение отрицателей Холокоста, — как показала его уже 70-летняя история, — упорно, агрессивно и небезуспешно специализируется на искажении и фальсификации столь недавней и не остывшей еще истории — явление, с общественной точки зрения, отнюдь не невинное или безвредное. Все три их корневых постулата — первый: «Холокоста не было, — и фюрер не палач: хайль Гитлер!», второй: «Холокоста не было, а был Лохохост — так что евреи не жертвы, а глобальные манипуляторы!» и третий: «Холокоста не было, — и Израиль не легитимен: прочь с карты мира!» — суть обоснования погромов и войн.

Воспроизводя и транслируя вокруг себя эти сигналы ненависти и лжи, испаряя миазмы клеветы и антисемитизма, тонко чувствуя отсутствие или ослабленность исторического иммунитета у общества и охотно пользуясь всеми механизмами толерантности, сформировавшимися в демократической среде, отрицатели во все не «взыскивают града» и не ищут уточнений в исто-

---

¹ Теперешнее же суждение по поводу отрицателей Холокоста строится на совершенно ином принципе учета истории: суд заказывает независимым экспертам исторические заключения и справки, компетентность которых не распространяется за пределы конкретного разбирательства. Судопроизводство к тому же персонифицировано, и проблема как таковая играет в нем вспомогательную и подчиненную роль.

рической картине мира, а пытаются заново отравить и разложить то самое общество, в котором они так комфортно себя чувствуют.

Эти пассионарии-отрицатели не ограничиваются Холокостом. Что-то похожее происходит теперь и со Сталиным, и с Большим террором, с числом его жертв (классические «лес рубят, щепки летят», или «родовые муки истории» — новонайденное ноу-хау).

И очень жаль, что никаким «историческим арбитражем» и не пахнет!

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: ПРОГИБАТЬСЯ НЕ БУДЕМ!

1

Будучи однажды спрошен, кто и зачем воюет сегодня с памятниками культурного наследия, с историей, запечатленной в камне, я задумался.

Да, конечно: это убогие, но воинственные фундаменталисты, мракобесные вандалы. Все они убежденные культуроненавистники, ни черта не смыслящие в культуре, пропагандисты, при слове «культура» хватающиеся за пистолет, кувалду или секиру. И я не вижу большой разницы между талибанцами и игиловцами¹, с одной стороны, и «петербургскими казаками», «божевольцами» и «нодовцами», с другой: все остальное, кроме разрушенных храмов, что мы знаем про ИГИЛ, не намекает, а прямо говорит о потенциале и других, будь у них власть.

А воля у них есть: «Любо, братцы, любо!», «Аллах акбар!».

Что же касается созидания и установки новых памятников, то это уже государственная политика. При этом функционал нынешнего Министерства культуры более всего напоминает Министерство пропаганды. А в тандеме с РВИО — это еще и сегодняшний ГЛАВПУР. Культура их не интересует, история не волнует, но они чувствуют себя пастырями, смотрящими за общим

---

¹ От ИГИЛ как аббревиатуры «Исламского государства Ирака и Ливана».

идеологии, во имя какой разводят развесистые мифы и окормляют население через СМИ.

Для этого и эмпирика не нужна. Вот и выходят к нам из какой-то мутной пены 28 условно-святых мединских панфиловцев — что твои 33 Черноморовых богатыря — и ничего: хлебаем!

Прославлению прекрасных — и, как правило, убиенных — поэтов там предпочитают глаорификацию персонажей скорее полумифических, но с пропагандистским потенциалом, — таких как князь Владимир или генералиссимус Сталин, почтивший однажды своей ночевкой избушку во Ржеве. Но побьюсь об заклад, что раньше на родине героя Добрыни Никитича (родину ему найдут) бюст возникнет, чем во Ржеве или Вязьме поставят памятник сотням тысяч красноармейцев, погибших там или плененных в сталинско-гитлеровских котлах (пока их памяти единственное утешение стихи — «Я убит подо Ржевом...»).

Я лично всерьез за то, чтобы всю Лубянку, весь комплекс ее зданий, а не только Военную коллегия на Никольской, передать под музей и исследовательский центр советских репрессий. Это было бы и исторически оправданно, и сомасштабно этому феномену советской истории (тогда и Дзержинский на площади — органическая ее часть, — был бы даже уместен).

Но понимаю, насколько это малореалистично...

2

Все это стало особенно актуально сегодня, когда мы переживаем глобальный кризис гуманизма и толерантности. И причина этого не только в пассионарности халифов, атаманов или министров. К сожалению, она гораздо глубже и стратегичнее.

Кризис наступил благодаря безоговорочной победе постмодернизма. В результате все выстраданные за ты-

сячетлетия гуманистические ценности или исчезли, или деградировали, ушли на задворки сознания или в глубь себя, став лишь одной из многих якобы «равноправных» отныне линий поведения.

В чем определенная сила тех же отрицателей? В том, что они находятся «под защитой» интеллектуально победившей парадигмы, подразумевающей, что возможно все что угодно и все что угодно равноценно. Что нечто может быть «так», а может быть и «этак». И даже если это определено «не так», а кому-то все же кажется, что «так», и он при этом клянется, что он искренен, что он так видит, слышит или чувствует, то его точка зрения становится равновесной любой другой. А утверждения типа «а я так вижу» или «а я так думаю» нынче легко перевешивают критерии, выработанные человечеством за несколько тысячелетий. В результате, — и не слишком-то нагнетая, — стирается грань и разница между созданием Леонардо «Моны Лизы» и, например, актом испражнения, если только испражняющийся задекларирует его результат как объект искусства.

На этом постмодернистском фоне человеку с отравленными понятиями может казаться, что по отношению к отрицателям совершается несправедливость. В таком случае Исторический арбитраж — это, отчасти, еще и попытка борьбы с релятивизмом в истории.

В свое время гуманизм отчасти даже подпитывался религией (у христианства тут больше всего заслуг), а теперь даже буддисты (например, в Бирме) не гнушаются преследовать и обижать мусульманское меньшинство. Обнаружилось, что демократия нужна не всем, но прежде всего меньшинствам и то лишь до тех пор, пока они меньшинства: став большинством (как, например, в Косово) меньшинство, как правило, норовит показать вчерашнему большинству где раки зимуют и как правильно носить паранджу или георгиевскую ленточку.

В результате отмирают и диалог культур, и культура диалога, а им на смену приходит какофония монологов и бес-

культуры, блистательно «культивируемая» нынешним телевидением. Лихачеву, Лотману, Померанцу или Аверинцеву в нынешних «прайм-ток-шоуз», принципиально хамских по своей природе, не дали бы и рта раскрыть.

3

... Итак, историомор — универсальный феномен неравной борьбы истории с политикой, когда политика рвется оседлать, стреножить, инструментализировать историю, придав ей доверительный статус продажной, но понятливой куртизанки (а если будет вякать — разговор и статус будет другой: изнасилованной).

Беда в том, что политика обязательно хочет скрутить историю в бараний рог и как-то ею, — и в хвост, и в гриву, — попользоваться. Сегодня — так, а завтра, не замечая того, что было вчера, по-другому. Вот, например, тема Холокоста была табу, но, как только мы стали бороться с нынешними украинскими националистами, российскому ГЛАВПУРу — в лице РВИО Мединского и плетущихся в его хвосте — вдруг стало евреев жалко и интересно с ними «дружить». «Благодаря» тому, что фашисты еще и евреев обижали, последние неожиданно стали нечаянными «союзниками» таких мифотворцев.

Это создает такие непредсказуемые и в чем-то сюрреалистические комбинации как — во времена Ющенко — навязывание Украине единого закона о том, что как нельзя отрицать Холокост, так и Голодомор нельзя. С точки зрения истории — это вещи весьма далекие, но политикам это стало вдруг интересно, ибо могло бы помочь Голодомору приобрести искомый статус — статус геноцида, которого у него нет. Нет, отчасти, и в силу слабой изученности, обусловленной закрытостью соответствующей эмпирики, — что, кстати, привело к ее радикальнейшему открытию!

Попытки подвергать к Холокосту иные типы трагедий или репрессий отражают внутривнутриполитическую си-

туацию самих этих стран и ставят законодательство об отрицателях Холокоста в зависимость от развития этой ситуации и от других привходящих обстоятельств¹.

С другой стороны, есть просто грубые заказы со стороны политики на определенные решения и тезисы, которыми можно вооружить не хуже Калашникова. Даже интересно наблюдать, как одни и те же явления на разных частях постсоветского пространства интерпретируются совершенно по-разному. Фактографически общее эмпирическое поле, каковым являлось советское, а теперь постсоветское пространство, на наших глазах распадается в исследовательском аспекте на разные подходы и технологии.

Я, например, был поражен, когда узнал, что до сих пор в Армении нет своей Книги Памяти (это связано и с иллюзией, что совокупности публикаций — часто газетных — достаточно и что страна такая маленькая, что все и так все про всех знают). Или про то, что отношение к изучению депортаций в Казахстане совершенно другое, чем отношение к изучению депортаций в России.

Говоря о войне, приходится напоминать и призывать не забывать, что с гитлеровской Германией воевала не Украина, не Белоруссия, не Латвия, не Эстония и не Казахстан, а Советский Союз.

Как только политики забывают это, случаются казусы типа освобождения Аушвица какими-то украинцами. Или как, например, с компенсациями остарбайтерам и некомпенсациями военнопленным, когда получилось, что одни и те же по судьбе люди оказались с разными параме-

---

¹ Это, кстати, касается и Израиля. Имея некогда почти союзнические отношения с Турцией, официальный Израиль долго предпочитал не высказываться относительно геноцида армян в 1915 году. Турция же необычайно чувствительна к любой критике на этот счет — как изнутри (сомнения в отсутствии геноцида армян внутри страны отслеживаются и преследуются), так и извне (реакция Турции на государственные акты, прямо и недвусмысленно осуждающие геноцид армян, была необычайно болезненной).

трами компенсации. Исторически корректно было бы им всем объединиться, но это было совершенно невозможно в реальной политической ситуации начала и середины 1990-х годов, когда все боролись за реальный суверенитет, и незалежность простиралась и на прошлое. Но то, что это не было сделано, возымело много последствий, а для людей — неудобств. Потому что тут у истории, не прикладной, в сущности, науки, возник и прикладной аспект. И от того, по какой линии ты проведешь границу — по политической или по исторической, очень многое зависит.

Тем не менее, именно в совершенствовании законов, а также в серьезной юридической поддержке исследователей, решившихся, как в начале и середине 2000-х гг. Георгий Рамазашвили в споре с Центральным архивом Минобороны, побороться за свои читательские и человеческие права в суде, видится выход из кризиса отношений между хранителями и читателями «древностей». Надутая регламентация и запреты — кормовая база архивного бюрократа¹.

Не знаю, каково сейчас быть в шкуре молодого историка, только входящего в свою науку и свою карьеру. Я уже давно тружусь в российском архивном ландшафте и вижу, как постепенно сужаются и круг архивов, которым интересно поддерживать независимые исторические исследования, и круг издательств, которым интересно их публиковать.

Что ж: будем как-то и это преодолевать.

Прогибаться не будем!

Вся власть истории!

Свободу архивам!

Мир историкам!

---

¹ Кстати, их любимое алиби — «Закон о персональных данных», — на материалы Архивного Фонда РФ вообще не распространяется! См. также интервью: Павел Полян: необходима Ассоциация читателей архивов / Инт. П. Николаева // Доступ к архивам. Личное дело каждого. Точка зрения. В Сети: <http://dostup.memo.ru/node/602>

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ¹

- Аббас М. — 525.
Аблажай Н. — 106.
Авдеев В. — 540, 541, 542, 543, 544.
Авдеев М.И. — 400.
Аверинцев С.С. — 434, 592.
Адамович А. — 163.
Адлер Э. — 518.
Азаров В.М. — 198, 203, 207.
Айбазов С. — 78.
Александров Г.Ф. — 140.
Алендельсон О. — 509.
Али Г. — 513.
Алиева С. — 65.
Алханов А.Д. — 225.
Аль-Сафад М. — 561.
Альтман И.А. — 522, 524, 528, 530.
Альтман М. — 523, 524.
Альтшулер М. — 498.
Аммон О. — 539.
Амигур К. — 567.
Амодру Г. — 536, 576.
Анваер (Анджапаридзе) С.И. — 375, 387, 388, 389, 390.
Анджапаридзе С. — Анваер С.И.
Андреевы — 49.
Андропов Ю.В. — 152.
Антипова О.А. — 114.
Антокольский П.Г. — 338.
Антонов-Овсеенко В.А. — 101, 157.
Анфилов В.А. — 159.
Арец Э. — 443, 445.
Арзамаскин Ю. — 253.
Арлыт Ю. — 72.
Армани — 60.
Арендт И. — 509.
Арнольд К.Й. — 277.
Артизов А.Н. — 13.
Астахова М.С. — 114.
Атли Ф. — 438.
Аушев Р. — 84.
Афанасьев Н. — 286.
Афанасьев Ю.Н. — 234.
Ахмадинеджад М. — 520, 527, 528, 551, 552, 554, 558, 559, 561, 563, 565, 569, 579.
Ахматова А.А. — 44.
Бабеньшев А. (Максудов С.) — 12, 106, 107, 108, 110.
Бабичев А. — 75.
Бабиченко Д. — 235.
Багратион — 126.
Баканичев А. — 251.
Баканов А.И. — 290.
Балан С.П. — 115.
Бандера С. — 17, 105, 282, 586.
Банкье Д. — 565.
Барбашин И.П. — 153.
Бардеше М. — 436, 445.
Баранов В.М. — 3, 12.
Баринов И. — 531.
Барнет Д. — 506.
Басаев Ш. — 196.
Басовская Н.А. — 234, 235.
Бауэр И. — 565.
Бейлес Ю. — 304.
Белозеров В. — 12.
Беннет Д. — 453.
Бенц В. — 508, 509, 510, 567.

---

¹ В именной указатель включены только реальные личности.

- Берг Д. — 448.
Бергер Р. — 447.
Бергнер К. — 75.
Берелович А. — 12, 106.
Берия Л. — 51, 171, 284, 500, 501.
Беркла Р.-Л. — 576, 577.
Бернхофф Я. — 555.
Берштейн Д. — 187.
Биндер Леониод — 531.
Бирман Вольф — 431, 567.
Бискупский Максимилиан — 95.
Блатт Т. — 341.
Блохер — 555.
Блохин В. — 165.
Блюмкин Я. — 97, 100.
Боберах Х. — 509.
Бобровников В. — 12.
Бобялис Ю. — 301.
Болдин В. — 166, 167, 168.
Бондарев Н.А. — 426.
Бондаренко А. — 264.
Борец Ю. — 547.
Борисов В.А. — 157.
Бородкин Л. — 55.
Брагин В.И. — 202.
Брамсон М. — 305.
Браун Е. — 183.
Брежнев Л.И. — 19, 38, 99, 152, 153, 158, 161, 162, 287, 393.
Бретгауэр М. — 65.
Бродкин Г. — 447.
Брукнер Ф. — 554.
Брунер А. — 498.
Бруно Д. — 574.
Брычева Л.И. — 199.
Брэндон Л. — 447, 448, 457.
Брюс Д. — 487, 488.
Брюханов А. — 393.
Буонарроти (Микеланджело) — 99.
Бубнис А. — 300, 306.
Бубнов А.С. — 157.
Буковский В.К. — 170.
Булочник Н. — 419.
Бунин И.А. — 352.
Бург Д.Г. — 461, 466.
Бургер Н. — 421.
Бурденко Н.Н. — 165, 166, 169.
Буркова Т. — 362.
Бусыгин А.Е. — 225.
Бутко Е.Я. — 225.
Бутц А. Р. — 15, 446, 447, 449, 451, 456, 469, 471, 489, 490, 507.
Буш Д. — 190.
Быков В. — 159, 160, 164.
Быстрицкий А.Н. — 200.
Бьюкенэн П. — 520.
Бэрнс Г.Э. — 439, 440, 445, 470.
Бэррон А. — 555.
Бялковский С.Н. — 9.
Вайс, сотрудник СД — 327.
Вайс Герман — 509.
Вайс И.Д. — 560.
Вайс И.Ф. — 72, 73.
Вайс Р. — 565.
Вайскирхен Г. — 567.
Валенса Л. — 121, 171, 338, 340.
Валер П. — 509.
Варга Л. — 579.
Варенников В.И. — 200, 203.
Васильев И. — 343.
Васильев Н. — 412.
Васина И.П. — 208.
Василенко А.Ю. — 133, 135.
Ватлин А. — 55.
Ведель Я. — 77.
Вейцман Х. — 516.
Вель М. — 576, 577.
Вельцер Х. — 568.
Веревкин С. — 232.
Верняк М.Н. — 142.
Верт А. — 160.
Верт Н. — 54.
Верченко Ю. — 357.
Ветцель Ю. — 509.
Вигдоров А. — 273.
Визе С. — 460.

- Визенталь С. — 456, 457, 460, 584.
Виленский С.С. — 3, 12, 14, 338, 343, 345.
Вильзер Л. — 539.
Винокуров С.Ю. — 225.
Витте С.Ю. — 53.
Виттенберг И. — 324, 326.
Вишницер М. — 495.
Вишняк А. — 343.
Владимир, князь — 100, 590.
Власов А.А. — 170, 211, 212, 232, 233, 249, 250, 523.
Вовк Б. — 548.
Волков А. — 74.
Волнерман Х. — 414.
Вольма Я.А. — 133, 136.
Вольтман Л. — 539.
Вольф Г. — 302.
Вольтер Г. — 65.
Воробьевский Ю. — 535.
Воротников Г.В. — 208.
Ворошилов К.Е. — 153.
Вуль И. — 544.
Вучетич Е. — 99.
Вышинский А. — 255.
Габович М. — 12.
Гаген Т. — 28.
Гайдай В. — 419.
Гайдар Е.Т. — 58.
Гайнутдин (Гайнутдинов Р.И.) — 202.
Гейсо Э. — 579.
Гайст Э. — 309.
Гайсты — 313.
Галицкий В.П. — 169.
Галкин В.С. — 199, 202.
Гамарник Я.Б. — 157.
Гареев М.А. — 202.
Гароди Р. — 532, 535.
Гартман В. — 74.
Гаук И. — 276.
Гаус Э. — Рудольф Г.
Гвишиани М. — 284.
Геббельс Й. — 16, 121, 182, 184, 186.
Гейдрих Р. — 261, 337, 388, 452, 508.
Гекке В. — 306, 313.
Гельперн Дм. — 305.
Генс Я. — 325, 327, 328.
Герасимов Н. — 399, 405.
Герлах К. — 513.
Герман А. — 12.
Герштейн К. — 454.
Гиликис В. — 94.
Гиммлер Г. — 306.
Гинзбург В.Л. — 237.
Гинкайте-Шабад С.А. — 332.
Гинкас А. — 332.
Гинкас К. — 332.
Гинкас М. — 332.
Гитлер А. — 33, 42, 182, 183, 184, 185, 186, 188, 219, 222, 228, 229, 249, 300, 331, 333, 336, 356, 357, 374, 418, 422, 425, 432, 438, 440, 441, 447, 454, 460, 461, 468, 470, 481, 489, 490, 504, 516, 517, 533, 536, 543, 549, 572, 582, 587, 590, 593.
Гладких В.Н. — 206, 213.
Глазман Л. — 326.
Глуценко Н.Е. — 115.
Говоров В.Л. — 200, 204.
Голиков Ф.И. — 158, 161, 251, 253, 254, 385, 386.
Голосовская Е.А. — 114.
Голубев А.Т. — 201, 202.
Гольшкина Т.М. — 115.
Гольдин С. — 12.
Гольниш Б. — 574.
Гольчевский Ф. — 509.
Гонсалвес Ф. — 556.
Гонтмахер Е.Ш. — 200.
Горбачев М.С. — 59, 61, 152, 163, 164, 166, 168, 169, 171.
Горбовицкий Г.Б. — 14, 338, 345.
Гордон Я.А. — 133, 136, 400, 408.
Горелик В. — 525.

- Горлицкий Й. — 55.
Горшков П. — 373.
Горький М. — 38.
Граберт Х. — 437, 443, 461.
Градовский З. — 295, 350, 398, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 412, 413, 414.
Грайф Г. — 398, 400.
Грамлих Х. — 554.
Грамель Г. — 495.
Гранат Р. — 534.
Гранин Д.А. — 23, 57, 163, 182, 285.
Граф Ю. — 431, 451, 464, 465, 466, 531, 532, 533, 534, 535, 538, 546, 549, 576, 577, 578.
Грациози А. — 55.
Грегори П. — 55.
Гречко А.А. — 162.
Григорьев В. — 164.
Григорьянц Г. — 90.
Гримм Г. — 509.
Гринберг М. — 343.
Грицкевич В.П. — 400, 401.
Гришаев — 130, 132, 138, 142.
Гродовский З. — Градовский З.
Грозный И. — 36, 234.
Громов В.В. — 200.
Громько А.А. — 168, 256.
Гроссман В. — 337, 349.
Грызлов Б.В. — 199, 202.
Гувер Д. — 41.
Гуденус Д. — 560.
Гузиев М. — 87.
Гумилев Н.С. — 100.
Гурьянов А. — 61, 172, 497, 501.
Гусенков В.С. — 166.
Гюго В. — 32.
Гюнтер Г. — 539, 540.
Д'Анкос Э.К. — 50.
Даймонд Д. — 444.
Дамен Л. — 418.
Дан В. — 72.
Данилевич А. — 417.
Данилов В.П. — 106.
Деборин Г.А. — 159.
Деглер К. — 454.
Де Голль Ш. — 141.
Дегтярев — 132.
Дедков И. — 397.
Деккерт Г. — 450, 555, 556, 573, 577.
Демант Э. — 431, 445.
Демидов И.И. — 225, 227.
Дергачев В.В. — 226.
Деркави А. — 552.
Джишвили И. — Сталин И.
Джонсон Т.Т. — 457.
Джугашвили И. — Сталин И.В.
Джугашвили Я.И. — 288.
Дзержинский Ф.Э. — 96, 97, 98, 99, 100, 590.
Дивальд Х. — 451/452, 515.
Димурич М.В. — 233.
Дмитриев И. — 287.
Долина Л. — 384.
Доманов Т. — 250.
Драган М. — 548.
Драгон Ш. — 398, 399, 400.
Драгун, генерал-майор — 386.
Драгунский Д. — 449.
Дружинин К. — 283, 286.
Дугин А.Г. — 225, 526, 527, 528.
Дудаев Д. — 82, 84.
Дударев А. — 175.
Дульян А.Г. — 233.
Дьюк Д. — 520, 534, 555.
Дьяченко О. — 142.
Дюков А. — 178, 233.
Дюма А. — 30.
Егер К. — 301, 302.
Ежов Н. — 51.
Еккельн Ф. — 306.
Елизавета, королева Англии — 189, 190.
Елин Х. — 305.
Елисаветинская Л. — 136, 137.
Елисаветинский Г.Д. — 136.
Ельцин Б.Н. — 53, 54, 56, 61, 62, 121, 152, 163, 169,

- 170—172, 184, 194, 195,
219, 258, 260, 264, 266, 271,
525.
- Епишев А.А. — 158.
- Еременко А.Е. — 158.
- Ермолов — 232.
- Ефимов А.Н. — 198, 202.
- Желтов А.С. — 158.
- Желябов — 96.
- Жириновский В. — 239, 240,
530.
- Жуков А. — 215.
- Жуков Г.К. — 41, 153, 157,
161, 217.
- Заатхов Г. — 279.
- Заннинг В.Н. (Нидеррайтер
Вильгельм) — 15, 471, 478,
485, 488—493, 495—498,
500, 502—508.
- Запорожец А.И. — 156, 157.
- Згерский Г.А. — 201, 202.
- Заславский Д. — 61.
- Заславский С. — 350.
- Затулин К. — 179, 225, 227,
228, 231.
- Захарян П. — 270.
- Звягинцев А. — 284.
- Земсков В.Н. — 253—257.
- Земсков И.Н. — 168.
- Зимаков В.А. — 226.
- Золотарев В.А. — 207.
- Зоря Н.Ю. — 168, 169.
- Зубарев Д. — 45.
- Зубкова Е. — 55.
- Зубов П.И. — 129.
- Зундхаузен Х. — 509.
- Зурабов М.Ю. — 199, 217.
- Зязиков — 92.
- Ибрагимов М. — 83.
- Иванов А. — 83.
- Иванов В.В. — 70.
- Иванов В.П. — 198, 211.
- Иванов С.Б. — 174, 197, 217,
218.
- Ивницкий Н. — 106, 115.
- Ильин А. — 233.
- Ильиных П.Ф. — 129.
- Ильичев И.И. — 253.
- Илюхин В. — 530, 531.
- Иремашвили И. — 41.
- Ирвинг Д. — 449, 461, 462,
464, 468, 510, 516, 517, 518,
555, 571, 580.
- Йордан Ф. — 302, 303, 304.
- Каас П. — 191.
- Каверин В. — 338.
- Кавторин В. — 362.
- Кадар Г. — 555.
- Кадыров А. — 84.
- Кадыров Р. — 18, 82—84.
- Казаринов К.А. — 131.
- Казатуров Т.П. — 261.
- Казбеги А. — 31.
- Калганов М. — 50, 64.
- Калина И.И. — 225.
- Камболов М.А. — 225.
- Каменев Л. — 98.
- Кампен Х. — 76.
- Камынин М. — 564.
- Камю И. — 566.
- Канторов В.Ф. — 202.
- Капельников В. — 550.
- Капустинский С.А. — 133, 136.
- Караев Н. — 431, 465.
- Кардель Х. — 536.
- Карелов Г.Н. — 199, 202.
- Кармон И. — 565.
- Карнер С. — 424.
- Карп М. — 407, 408.
- Карпенко В. — 547.
- Карри В. — 459.
- Карто В.А. — 448, 457, 534.
- Кательницкий В. — 547.
- Кафка Ф. — 281.
- Кафтанов С.В. — 154.
- Каценельсон И. — 431.
- Качергинский Ш. — 331.
- Качинский Л. — 172.
- Кашурко С. — 213.
- Квислинг В. — 256.
- Кейтель В. — 183.
- Келлер Р. — 277, 424.

- Келлер Э. — 94.
Кеннан Д. — 27.
Кермани Н. — 567.
Ким Ю. — 343.
Кир Х. — 420.
Кириллов В.М. — 72, 73.
Киров С.М. — 98.
Китель Б. — 305, 307.
Кларсфельд Б. — 463.
Климов Г. — 535.
Клинцевич Ф.А. — 201.
Кноллер Р. — 455.
Князев В.А. — 264.
Коба — Сталин И.В.
Коваленко А. — 389.
Коваль Ф. — 142.
Ковнер А. — 326.
Кожедуб И.Н. — 207.
Кожец П. — 403, 404, 406.
Кожин В.И. — 199.
Кожин В. — 544, 545.
Козлов В.П. — 200, 225.
Козловски В. — 303.
Кокин Л. — 390.
Кокто Ж. — 285.
Колотовкин С. — 287.
Коль Г. — 264.
Кольев А. — Савельев А.
Конвэй Дж.С. — 507.
Кондратович — 396.
Кондрашин В.В. — 106, 114, 115.
Конев И.С. — 125, 126, 127, 128, 158, 217.
Конквест Р. — 27, 112.
Коннеман Г. — 567.
Кононыхина В.Н. — 397.
Конрадов М.В. — 501.
Копанев А. — 404.
Копельман М. — 305.
Коптельцев В.А. — 263, 268.
Копцев А. — 529.
Корниенко Д.И. — 154.
Корчагина М.Б. — 298.
Косаковский А.А. — 13.
Косинова Т. — 49, 175.
Космодемьянская З. — 285.
Косопкин А.С. — 199, 202.
Костырченко Г. — 497, 499.
Котляр И.М. — 382, 383.
Котляр Л.И. — 3, 12, 350, 373, 374, 377—383, 385, 386.
Котлярчук Леонтий — Котляр Л.И.
Котляр Р.И. — 382.
Кох А.Р. — 13, 545, 546, 570.
Коць М. — 547.
Коэн А. — 559.
Коэн С. — 27.
Кравец А. — 531.
Кравчук Л. — 107.
Крайнюков К.В. — 127, 157.
Крамер Г. — 302.
Крамер М. — 55.
Красавин Ф.М. — 132, 133.
Красильников С. — 53, 54, 106.
Красовицкая Т. — 55.
Краусхаар В. — 567.
Крашенинников П. — 228.
Креге Р. — 554.
Кригер В. — 12, 76.
Кристоферсон Т. — 443.
Крошнер Г. — 529.
Кругляков Э.П. — 237.
Крупенников А. — 429.
Крюгер Т. — 566.
Кубряков Г.А. — 532.
Кугультинов Д. — 81.
Куделина Л.К. — 202.
Кудрявцев Д.И. — 144.
Кудюкина М.М. — 114.
Кузнецов А.И. — 153.
Кузнецов Анатолий — 159, 160.
Кузнецов Ф.Ф. — 157.
Кузьмина П.М. — 73.
Куликов В.Г. — 200.
Кулишер Е. — 477, 480, 485.
Кулка П. — 138, 421.
Куняев С. — 13, 545, 546.
Курбатов — 131.

- Кургинян С. — 20.
Курилович А. — 141.
Курнеев С. — 80.
Куро А. — 419.
Куропась М. — 547.
Курочкин П.А. — 129.
Курский Н.А. — 143.
Кутаев Р. — 84.
Куукауппи — 78.
Кучма Л. — 107.
Кучуков И. — 87.
Лавлинский Л. — 396.
Лазар Б. — 202.
Лазерсон Виктор — 299, 300, 306, 314, 315, 322.
Лазерсон Владимир — 307, 318, 322.
Лазерсон Регина — 308.
Лазерсон Рудик — 302.
Лазерсон Тамара — 3, 12, 299—320, 323.
Лазерсоны — 309.
Лалич — 141.
Лангер В. — 438.
Лангфус Л. — 295, 407, 408, 411.
Лановой В.С. — 201, 202.
Лепенков С. — 287.
де Лапуж Ж. — 539.
Ларин И. — 164.
Латыпов Р. — 198.
Ле Пен Ж.М. — 520.
Ле Пен М. — 520.
Лебедев А. — 412.
Лебедев П.С. — 9.
Лебедева Н.С. — 167, 168.
Лев М. — 344.
Левенталь З. — 295, 408, 409, 411.
Левер — 130.
Лейтман Ш. — 341.
Лейхтер Ф. — 449, 450, 461, 462, 463, 469.
Леко М. — 141.
Лелюшенко Д.Д. — 158.
Леман Г. — 490.
Ленин В.И. — 32, 34, 35, 37, 98, 99, 234, 285, 402, 546, 578.
Ленуф М. — 553.
Леонардо — 591.
Лесин М. — 211.
Лесков С. — 558.
Летцш Г. — 277.
Ливни Ц. — 563.
Лизичев А.А. — 158.
Линдекр К. — 553.
Линднер К. — 555.
Липкин С.И. — 65.
Липман М. — 23.
Липпхардт И. — 3, 12, 274, 422, 425, 426.
Липцер Б. — 305.
Липштадт Д. — 15, 433, 437—439, 448, 449, 453, 454, 456, 457, 459, 460, 463, 510, 517, 520, 570, 583.
Лисаускене М. — Рольникайте Мира.
Литвин А.А. — 115.
Лихачев Д.С. — 44, 592.
Лиходей М.А. — 208.
Лонг Б. — 496.
Лонгерих П. — 566.
Лондон Д. — 350.
Лопатёнок А.А. — 398, 402—406, 414.
Лопатенок С.А. — 403.
Лотман Ю.М. — 592.
Лошак В. — 211, 212.
Лужков Ю.М. — 99, 101, 216.
Лукин В. — 50, 529.
Лукин М.Ф. — 389.
Лукьянов А. — 166.
Лушников А. — 131.
Лысков А. — 531.
Любимов Ю. — 57.
Ля Гуардия Ф. — 490.
Маевский П. — 427.
Мазепа И. — 104.
Майер, лагерфюрер — 378.
Майер С. — 276.

- Макаров Н.Е. — 226.
Мак-Вэй К. — 583.
Макгалден В.Д. — 448.
Мак-Нэлли П. — 555.
Максимова Э.
    (Меркель С.М.) — 415—417.
Максимушкин С.Д. — 426.
Максудов С. — Бабенышев А.
Малакевич Г. — 324.
Малашенко В.А. — 231, 232.
Малер Г. — 464.
Малер Х. — 556, 568.
Малиновский Р.Я. — 154.
Мальшев Н.А. — 212.
Мандельштам Н.Я. — 28, 48.
Мандельштам О.Э. — 9, 31,
    39, 40, 44, 45, 48, 97, 98, 103,
    104, 182, 189, 194, 391, 402.
Маннергейм К.Г.Э. — 234.
Мансфельд — 142.
Маренков З.Д. — 527.
Марк Бернард (Берл) — 405,
    406, 407, 408, 413.
Марк Эстер — 405, 407, 408,
    413.
Маркиш Ш. — 431.
Марков С.А. — 225.
Маркова В.Е. — 28.
Маркс К. — 29, 34, 35, 46.
Маркус И. — 492.
Марр Н. — 235.
Марселус Т. — 448.
Масюк Е. — 88.
Матвиенко В.И. — 198.
Матеуси — 143.
Матвеева П. — 83.
Матросов А. — 120.
Маттоньо К. — 465, 466.
Махнач В. — 539.
Махцевич П. — 427.
Медведев В.А. — 167.
Медведев Д.А. — 49, 102, 152,
    171, 178, 219, 223, 228, 234.
Мединский В. — 99, 281, 282,
    283, 284, 285, 286, 291, 351,
    590, 592.
Мезенцев Д.Ф. — 200.
Меир Г. — 434.
Мейер Ф. — 510—514.
Мекк Н. — 308.
Мелконян И. — 270.
Мельник А. — 105.
Мельчин С.А. — 115.
де Менас Р.Д.П. — 469.
Менашри Д. — 567.
Меркель С.М. — Максимова Э.
Меркулов В.Н. — 171.
Мермельштейн М. — 456, 457.
Месяцев — 152.
Мефодий (Немцов Н.Ф.) —
    201, 202.
Мехлис Л.З. — 16, 59, 157.
Мечиев К. — 87.
Миллер А. — 12, 21, 23.
Мильтграм Н.Н. — 153, 154.
Мильтштейн И. — 571, 574.
Миневич — 408, 412.
Мирбах В. — 97.
Мироненко С. — 55, 285, 286.
Миронов Б. — 529.
Миронов М.А. — 199.
Мирчук П. — 547.
Митаев А. — 82.
Михайлов В.Г. — 201, 204.
Михайлова Н. — 94.
Михалева А. (Шура) — 289.
Михалков Н.С. — 99.
Михалков С.В. — 100, 392.
Михоэлс С. — 333, 334, 522.
Мицель М. — 522.
Мицкявичус С. — 77.
Мищенко О.Н. — 399.
Мозер Д. — 509.
Молотов В. — 121, 150, 168,
    282, 287, 492, 498.
Мохамед Х. — 556.
Молчанов Д.В. — 210, 214.
Моргентау Г. — 442.
Мордвинова С.А. — 115.
Мотамед М. — 561.
Моттаки М. — 553.
Мотте М. — 143.

- Мулка — 412.
Муров Е.А. — 200.
Муссолини Б. — 52.
Мухин Ю. — 532, 536.
Мюллер К.-Д. — 424.
Мюллер Г. — 468.
Нагаси Р. — 23.
Надеин-Раевский В. — 556, 558.
Назаренко В.П. — 225.
Найман А. — 547, 550.
Налимова-Уайтхед Н. — 28.
Нарочницкая Н.А. — 226,
530.
Нарышкин С.Е. — 179, 225,
227, 228, 281, 288.
Наумов В.П. — 14.
Наумов О.В. — 114.
Нахман — 242, 243, 244, 245.
Нахманович В. — 113.
Невский А. — 43.
Неизвестный Э. — 80, 91.
Некрасов В.П. — 158.
Некрич А.М. — 19, 58, 159.
Немцов Н.Ф. — Мефодий.
Нерлер П. — 39, 40, 45, 245.
Нидеррайтер В. —
Заннинг В.Н.
Никипорец-Такигава Г. — 70.
Никушин В.Ф. — 72.
Ниланд — 572.
Новиков — 78.
Нольте Г.-Г. — 12.
Нольте Э. — 515, 516.
Носик А. — 571, 581—583.
Оверманнс Р. — 288, 424.
Огурцов — 334.
Ольмерт И. — 244, 563.
Оруджев — 131.
Орштейн С.А. — 318.
Оруэлл Д. — 22.
Освальд, эсэсовец — 378.
Осипов А. — 12.
Островский Н. — 177.
Пабрикс А. — 582.
Павлов И. — 180.
Павлова Т.Ф. — 115.
Павловский Г. — 48, 59—64.
Пайпер М.К. — 555.
Пайпс Р. — 27.
Палаш С. — 12.
Палис В.В. — 77.
Панарин А. — 535.
Панеях Э. — 49.
Пантелеев О. — 531.
Парсаданова Валентина Сер-
геевна — 168.
Пархоменко Т. — 113.
Пастернак Б.Л. — 402.
Патрушев Н. — 186.
Паэгле Н.М. — 73.
Пелехацкая Н. — 177.
Пентер Т. — 277.
Перес Ш. — 434.
Пермяков А.А. — 73.
Пестрецова-Такер Е. — Такер
(Пестрецова) Е.
Петерс Я. — 98.
Петлюра С. — 105.
Петренко В.Я. — 126, 127,
128, 129, 131, 133, 454.
Петров А.Б. — 202.
Петров Н. — 61.
Петросов Н.А. — 115.
Петчинник А. — 502.
Печерский А.А. — 336, 338,
340—351.
Пиэф Э. — 191.
Пигарев И.И. — 115.
Пипер Ф. — 140, 511, 512,
514.
Пирожков В.П. — 201, 202.
Пихоя Р.Г. — 55.
Планк М. — 466.
Плантен Ж. — 576.
Платон Ю. — 94.
Платонов А. — 532, 533.
Платонов Олег — 535, 554, 558.
Плеврис К. — 577.
Плюснин Н.С. — 72.
Поболь Н.Л. — 12, 14, 45, 284.
Повалко А.Б. — 225.
Пога Ю. — 94.

- Погожев А. — 412.
Подуфалов Н.Д. — 200.
Покрышкин А.И. — 207.
Полонков М. — 84.
Полтавченко Г.С. — 199, 202.
Поляков Л. — 544.
Полян А.Л. — 401.
Померанц Г.С. — 592.
Понс С. — 55.
Понсонби А. — 487.
Понявин В.Н. — 201, 204.
Попов А.А., член РОКП — 202.
Попов А., судебно-медицинский эксперт — 399, 405.
Порудоминский В.И. — 324, 327, 352—372.
Починок А.П. — 203.
Прессак Ж.-К. — 514.
Прибылов В.И. — 169.
Примаков Е. — 525.
Приходько С.Э. — 199.
Прокопенко А.С. — 167, 169.
Протасов Б. — 542.
Проханов А. — 535.
Путин В.В. — 49, 53, 60, 62, 152, 171, 174, 177, 190, 192, 194, 197, 198, 206, 207, 214, 215, 219, 237, 272, 286, 347, 348.
Пушкин А.С. — 43, 53.
Пытель Р. — 413.
Пятаков Г. — 98.
Раббани Б. — 196.
Рабель Б. — 568.
Рабин И. — 407.
Раджевайт Э. — 274, 275, 426.
Разинков С.Л. — 73.
Рамазашвили Г. — 12, 173—176, 594.
Рамин М.А. — 553.
Расинье П. — 436, 437, 445, 447, 469.
Рейснер Л. — 97.
Рейтлингер Д. — 486, 575.
Ремер О.Э. — 461, 466.
Ренуф М. — 555.
Риббентроп Р. фон — 121, 150, 168, 282, 287, 492.
Рид Дж. М. — 487.
Робель Г. — 499, 509.
Рогинский А.С. — 44, 51, 54—56, 59.
Рогозин Д. — 540.
Родинов И. — 348, 349.
Розенфельд С. — 348.
Роке А. — 453.
Рольник (Рольникас) Гирш — 321.
Рольник Рая — 322, 330.
Рольник Рувим — 322.
Рольник (Рольникене) Тайба — 321.
Рольникайте М.Г. — 3, 12, 321—335.
Рольникайте (Лисаускене) Мира — 321, 323.
Романенко — 334.
Романов Н.А. (Николай II) — 287.
Романовы — 287.
Романченко А.Ю. — 216, 225.
Росс С. — 448.
Россолов Г.П. — 133, 135.
Рубинштейн В.Д. — 506, 507.
Рудольф Г. (Гаусс Э., Ширер Г.) — 464, 466, 467, 469, 575, 577.
Румер М. — 345.
Румшиссис — 309.
Рушайло В.Б. — 199.
Рыбаковский Л. — 143.
Рыбалко П.С. — 128.
Рэвен Г. — 455.
Савицкайте Э. — 318.
Савицкас — 313.
Савельев А. (Кольев А.) — 540, 541, 542, 544.
Садчикова Л. — 74.
Саламандров Н.В. — 535, 537.
Самодуров Ю. — 61.
Самсонов А.М. — 164.
Саттон Э. — 535, 536.

- Саутиева З. — 12.
Сафонов Н.К. — 131.
Сахаров А.Д. — 69, 75, 92.
Сахаров А.Н. — 177, 226, 235, 236, 286.
Сванидзе Н.К. — 57, 227, 343.
Свердлов Ф.Д. — 131.
Севастьянов А. — 536.
Седых А. — 393.
Семенов, милиционер — 188.
Семенов-Тянь-Шанский В.П. — 147.
Семин В.Н. — 252, 257, 289, 296, 297, 372, 391, 394—397.
Сергеев И.Д. — 198, 202.
Сергий (Фомин В.П.) — 202.
Сердюков А.Э. — 173.
Сеславинский М.В. — 199.
Сивова Н.А. — 199.
Симкин Л. — 343, 344, 347.
Симонов К.М. — 151, 160, 163.
Сирош И.И. — 225.
Скалова А. — 142.
Скоропадский П.П. — 105.
Слезкин Ю. — 55.
Смирнов В.В. — 212, 259.
Смирнов М.Б. — 61.
Смирнов П.А. — 157.
Смирнов С.С. — 156, 160.
Смит Р.Б. — 458—460, 470, 555.
Соболев В.А. — 226.
Соколов А. — 218.
Соколов С.Л. — 198.
Соколовский В.Д. — 154.
Солженицын А.И. — 28, 49, 533.
Сорокин А.И. — 201.
Сорокин А.К. — 49, 50.
Сосело — Сталин И.В.
Сосо — Сталин И.В.
Спилберг С. — 469, 548.
Ставский В. — 38, 39.
Сталин И.В. — 19, 20, 28-43, 49—54, 57, 58, 60, 77, 82, 92, 98—100, 109, 121, 126, 128, 152, 153, 158, 159, 164, 184, 185, 224, 234, 249, 266, 284, 287, 288, 333, 336, 337, 356, 357, 392, 470, 497, 499, 501, 504, 507, 521, 534, 588, 590.
Стивенсон А. — 29.
Стенкин П. — 412.
Степанов А. — 534.
Степанов В. — 160.
Стефанишин Н. — 547.
Стимли К. — 455, 470.
Столыпин П.А. — 43.
Стрельников Б. — 357.
Струве П.Б. — 53.
Стукалин Б. — 163.
Стэнфорд Д. — 448.
Суворов А.В. — 179.
Суворов В. — 170.
Сулла А. — 158.
Супрун М. — 175.
Сурков В. — 59.
Суслов М.А. — 59, 65.
Суцкевер А. — 331.
Суцман А. — 444.
Таджуддин (Гаджуддинов Т.С.),
    верховный муфтий — 202.
Такер Р.Ч. — 27—41.
Такер (Пестрецова) Е. — 27
Такер У. — 30.
Тарковский Арсений — 38.
Ташьян С. — 270, 271, 272, 273, 274, 425.
Твардовский А.Т. — 151, 396.
Тебен Ф. — 450, 451, 464, 553, 554.
Тельпуховский Г.С. — 159.
Тененблат Ш. — 345, 346.
Тепляков Ю. — 354.
Тепфер П. — 555.
Терушкин Л.А. — 14, 338, 345.
Тимошенко Ю. — 242.
Тиль Ж. — 555.
Тион С. — 553, 555.
Титов В.Г. — 225.
Тишков В. — 52, 53, 55.
Тодоровский П. — 57.
Томов Ф.П. — 133, 135.

- Тополь Э. — 354.
 Топф — 510.
 Торшин А.П. — 225.
 Троцкий Л.Д. — 32, 34, 35, 37, 41, 98.
 Трошин В. — 75.
 Трубин Н.С. — 169.
 Трунов М.П. — 200.
 Туджман Ф. — 520.
 Тулаев П. — 540, 542.
 Тур Т. — 547.
 Турец А.И. — 295, 298.
 Турнон С. — 12.
 Тухачевский М.Н. — 32.
 Тэнсилл Ч. С. — 438.
 Тюрина Е.А. — 106, 114, 115.
 Тяжельников В. — 163.
 Угодников Н. — 235.
 Улановская М. — 508.
 Ульянов А. — 97.
 Уиткрофт С. — 106.
 Ульпис А. — 332, 333.
 Улюкаев А.В. — 199, 202.
 Утенков И.В. — 115.
 Фадеев А. — 39.
 Фалин В.М. — 166, 168.
 Фарахан Л. — 449.
 Фаригон Л.П. — 509.
 Федик О. — 547.
 Фельдерер Д. — 434, 456.
 Фельдман Д. — 560.
 Ферстер — 464, 465.
 Федоров Г. — 159.
 Физелер Б. — 277.
 Филатов В. — 414.
 Фильцер Д. — 55.
 Финкелькраут А. — 453.
 Финкельштейн Ю. — 448.
 Флейшман Г. — 421.
 Флиге И. — 12, 76, 77, 81, 94, 95.
 Флуг Н. — 556.
 Фляйшер Х. — 509.
 Флярковский В. — 343.
 Фоксман А. — 543.
 Фолькенштейн Г.И. — 134, 136.
 Фоменко А.Т. — 237.
 Фомин В.П. — Сергей.
 Форд Г. — 439.
 Форисон Р. — 449, 451, 452, 453, 456, 461, 462, 545, 555, 576, 580.
 Фрайбер — 426.
 Франк А. — 316—320, 323, 370, 443, 452, 456, 461, 517.
 Франк О. — 318.
 Франко Ф. — 52.
 Французов К. — 78.
 Фрелих В. — 554, 577.
 Фридман М.А. — 560.
 Фрингс Б. — 555.
 Фрумкин Г. — 480.
 Фровойн Й.А. — 277, 278.
 Фролов А.В. — 158.
 Фундатор В. — 522.
 Фурсенко А.А. — 57, 224.
 Хазбиева Х. — 12, 84.
 Халтурин — 96.
 Хаммерман Г. — 424.
 Хан Ага — 78.
 Ханкинс Ф. — 14, 470, 471, 473, 475, 477—482, 484—486, 488—492.
 Харвуд Р. — 444.
 Харрисон Д. — 496, 508.
 Хасаханов Д. — 82.
 Хатами М. — 561.
 Хворостовский Д. — 216.
 Хегази М. — 554.
 Хедлер В. — 571.
 Хедрук П. — 537.
 Хемингуэй Э. — 350.
 Хенниг — 464.
 Херстром У. — 439.
 Хесс Р. — 441, 511, 512.
 Хильберг Р. — 437, 566, 575.
 Хильгер А. — 288, 289, 424.
 Хиршфельд Г. — 509.
 Хлевнюк О. — 52, 55.
 Хогган Д.Л. — 439, 440, 445.
 Ходос Э. — 548.
 Холль К. — 420.
 Хольный Г.А. — 3, 12, 260, 261.

- Хоманн М. — 556.
Хомский Н. — 453, 580, 583.
Хонзик Г. — 554, 578.
Хопин А.Е. — 164.
Хоппе Г.-И. — 509.
Хорни К. — 31, 33.
Хотулев М. — 540.
Христофоров В.С. — 226.
Хрущев Н.С. — 19, 29, 92, 99,
152, 153, 234, 252, 287, 333,
504.
Хубер Г. — 420.
Хургес Л.Л. — 3, 12
Хучиев М. — 82.
Хэйвард М. — 28, 29.
Царевская-Дякина Т.В. — 115.
Царусски Ю. — 467, 515, 516,
519.
Цах К. — 509.
Циммерман Д. — 444, 489,
495, 496, 508.
Цитрон С. — 461.
Цукерман Г. — 339, 340.
Цюндель Э. (Фридрих Кри-
стоф) — 460—462, 464, 534,
577, 578.
Цюндель-Римланд И. — 461.
Чайка М. — 407, 408.
Чанг М. — 555.
Чарный С. — 528, 530.
Чебриков В. — 166, 167.
Чекменев Е.М. — 498.
Челахаев А. — 89.
Челядин И.П. — 133, 135.
Чепурной А.Г. — 201.
Черкасов А. — 83.
Черкизов Н.И. — 260.
Черненко К.У. — 152.
Чернобаев А.А. — 36.
Чернов В.А. — 198, 203.
Черномырдин В.С. — 282.
Черняев А.С. — 166.
Чех Д. — 512, 513, 514.
Чилингаров А.Н. — 198, 231.
Чубарьян А.О. — 52, 57, 177,
226, 286.
Шабанов Я.В. — 225.
Шаболтай П.М. — 202.
Шайкевич А.Я. — 70.
Шалаев С. — 80.
Шаламов В.Т. — 103, 395.
Шалев А. — 564.
Шаллер Х. — 555.
Шальопа А. — 283, 286.
Шамзельвазин М. — 561.
Шамиль — 32.
Шамир И. — 535, 538, 559.
Шанин Т. — 57.
Шанцев А. — 216, 217.
Шапира Э. — 567.
Шапиро А.П. — 132, 133.
Шапиро Г. — 344, 348.
Шапиро Ш.З. — 463.
Шауб Б. — 555.
Шауро В. — 160.
Шафаревич И. — 535.
Шахрай С. — 288.
Шварц С. — 484.
Швецова Л.И. — 200.
Швыдкой М.Е. — 199.
Шеварднадзе Э.А. — 167.
Шевелев М. — 211.
Шевченко Ф. — 392.
Шевченко Ю.Л. — 199.
Шевчук И.Н. — 14.
Шевырин В.М. — 152.
Шевяков А. — 253.
Шейдл Ф. — 438.
Шиваров Н. — 39.
Шикин И.В. — 140, 143.
Ширак Ж. — 190.
Ширер Г. — см. Рудольф Г.
Шишов С.В. — 225.
Шляга Н.И. — 158.
Шмаков М.В. — 200.
Шмидт С.О. — 57.
Шмидт-Хартман Е. — 509.
Шнайдер Н. — 567, 568.
Шнеер А. — 318, 349, 374,
375.
Шойгу С. — 228.
Шолль — 518.

- Шперер М. — 424.
 Шрайнер В. — 74.
 Шредер Г. — 190, 192, 272, 422.
 Штадлер Э. — 556.
 Шталекер А. — 301, 498.
 Штангль — 339.
 Штеглих В. — 443, 444, 470, 575.
 Штейнберг С.Ю. — 133, 135, 399.
 Штейнберг, француз — 141.
 Штерн К. — 435.
 Штольц С. — 464.
 Штрайт К. — 255, 261, 277, 278, 424.
 Штрайхер Ю. — 542.
 Штрац К. — 540.
 Шубина Е.Д. — 289, 397.
 Шумахер К. — 572.
 Шумилин Б.Т. — 201.
 Шур Г. — 324—326, 362—364.
 Шухевич — 105.
 Щекин Г. — 549.
 Щербаков А.С. — 157.
 Щербакова И.Л. — 55, 61.
 Эдельштейн Ю. — 344, 348.
 Эйхман А. — 441, 478, 498.
 Элькес Э. — 302, 307.
 Энгельс Ф. — 34.
 Эпп О. — 440, 442, 443, 445, 449.
 Эпштейн Б.В. — 133, 136.
 Эрбер Й. — 431, 445.
 Эрбург И. — 392.
 Эренбург И.Г. — 332, 392, 442.
 Эркенов Х. — 283.
 Эрлингер Э. — 301.
 Эрреман М.-П. — 480.
 Эскью Г. — 487.
 Эссомба А.Э. — 565.
 Эстемирова Н. — 83.
 Эткинд А. — 12.
 Эткинд Е.Г. — 431.
 Эш Т.Г. — 583.
 Ющенко В. — 107, 109, 111, 114, 132, 244, 282, 550, 592.
 Ягода Г. — 39, 40.
 Якоби — 476.
 Яковлев А.Н. — 121, 167, 168.
 Яковлев Е.К. — 168.
 Ян Г. — 424.
 Янукович В. — 89.
 Яременко В. — 548, 549.
 Яровая И. — 237.
 Ярошевский С. — 131.
 Яунземс П. — 94.
 Яшечкин — 129, 132, 138, 140.
 Яшин С. — 540.
 Adler E. — Адлер Э.
 Alendelsohn O. — Алендельсон О.
 Al-Safadi M. — Аль-Сафади М.
 Amaudruz G.A. — Амодру Г.А.
 Amipur K. — Амипур К.
 App A.J. — Эпп О.
 Arndt I. — Арндт И.
 Aretz E. — Арец Э.
 Asquith H. — Эскью Г.
 Bankier David — Банкье Давид.
 Bardèche M. — Бардеше М.
 Barnes H.E. — Бэрнс Г.Э.
 Baron A. — Бэрон А.
 Bauer Jeguda — Бауэр Иегуда.
 Bennett J. — Беннет Д.
 Benz W. — Бенц В.
 Berclaz R.-L. — Беркла Р.-Л.
 Berg D. — Берг Д.
 Berger R. — Бергер Р.
 Bernhoff J. — Бернхофф Я.
 Biermann W. — Бирман В.
 Blocher — Блохер.
 Boberach H. — Боберах Х.
 Brandon L. — Макгалден В.Д.
 Brodtkin H. — Бродкин Г.
 Bryce J. — Брюс Д.
 Buchanan P. — Бьюкенэн П.
 Butz A.R. — Бутц А.Р.
 Camus Y. — Камю И.
 Carmon Y. — Кармон И.
 Carto W.A. — см. Карто В.А.
 Chang M. — Чанг М.

- Chatami M. — Хатами М.
Christoferson T. — Кристоферсон Т.
Citron S. — Цитрон С.
Cohen A. — Коэн А.
Connemann G. — Коннеман Г.
Conway J.S. — Конвэй Дж.С.
Curry W. — Карри В.
Czech D. — Чех Д.
Deckert G. — Деккерт Г.
Demant E. — Демант Э.
Desjardins D. — 507.
Diamond D. — Даймонд Д.
Diwald H. — см. Дивальд Х.
Duke D. — Дьюк Д.
Duschinsky — 476, 477.
Dwork D. — 510.
Erber Oswald — 431, 445.
Essomba H.E. —
    Эссомба А.Э.
Farigon L.P. — Фаригон Л.П.
Faurisson R. — Форисон Р.
Felderer D. — Фельдерер Д.
Feldmann D. — Фельдман Д.
Finkelkraut A. —
    Финкелькраут А.
Finkelstein J. —
    Финкельштейн Ю.
Fleischer H. — Фляйшер Х.
Flug N. — Флуг Н.
Friedmann M.A. —
    Фридман М.А.
Friedrich Cristof — Цюндель Э.
Frings B. — Фрингс Б.
Fröhlich W. — Фрелих В.
Gayssot — Гейсо Э.
Gollnisch B. — Гольниш Б.
Golczewski F. — Гольчевский Ф.
Goncalves F. — Гонсалвес Ф.
Grabert H. — Граберт Х.
Gradowski Z. — Градовский З.
Graf J. — Граф Ю.
Graml H. — Грамль Г.
Gramlich H. — Грамлих Х.
Greif — Грайф Г.
Grimm G. — Гримм Г.
Gudenus J. — Гуденус Д.
Hankins F.H. — Ханкинс Ф.
Harwood R. — Харвуд Р.
Harrison J. — Харрисон Д.
Hedler W. — Хедлер В.
Hegazi M. — Хегази М.
Herremans — 480.
Herrstrom W.D. — Херстром У.
Hilberg R. — Хильберг Р.
Hilger A. — Хильгер А.
Hirschfeld G. — Хиршфельд Г.
Hoggan D.L. — Хогган Д.Л.
Hohmann M. — Хоманн М.
Homsky N. — см. Хомский Н.
Honsik G. — Хонзик Г.
Hoppe H.-J. — Хоппе Г.-И.
Irving D. — Ирвинг Д.
Jacoby G. — Якоби Г.
Johnson T.T. — Джонсон Т.Т.
Kadar G. — Кадар Г.
Kaduk J. — 431, 445.
Kampen H. — Кампен Х.
Kermani N. — Кермани Н.
Klarsfeld B. — Кларсфельд Б.
Klehr J. — 431, 445.
Knoller R. — Кноллер Р.
Kraus — 138.
Kraushaar W. — Краусаар В.
Krege R. — Креге Р.
Kretschmer C. — 289.
Krieger V. — Кригер.
Krüger T. — Крюгер Т.
Kulischer E. — Кулишер Е.
Kulka P. — Кулка П.
Langer W. — Лангер В.
Leuchter F. — Лейхтер Ф.
Leukert M. — 14, 572, 573, 574.
Lindner C. — Линднер К.
Lipstadt D. — Липштадт Д.
Long B. — Лонг Б.
Longerich Peter — Лонгерих Питер.
Mahamed K. — Мохамед Х.
Mahler H. — Малер Х.
Mark B. — Марк Бернад (Берл).

- Mark E. — Марк Э.
 Marcellus T. — Марселус Т.
 Marcus J. — Маркус И.
 Mattoño C. — Маттоньо К.
 Mauriac F. — 436.
 Maurice D. — 496.
 Maurice-Pierre — 480.
 McGalden W.D. — Макгалден В.Д.
 McNalley P. — Мак-Нэлли П.
 McVay K. — Мак-Вэй К.
 Menashri D. — Менашри Д.
 Mermelstein M. — Мермельштейн М.
 Meyer F. — Мейер Ф.
 Moser J. — Мозер Д.
 Motamed M. — Мотамед М.
 Mottaki M. — Моттаки М.
 Nagase R. — Нагаси Р.
 Niederreiter W. — Нидеррайтер В. (он же — Занинг Вальтер).
 Nieland — Ниланд.
 Nolte E. — Нольте Э.
 Otto R. — 289.
 Paulsen N. — 76.
 Piper M.C. — Пайпер М. К.
 Plantin J. — Плантен Ж.
 Ponsonby A. — Понсонби А.
 Pressac J.-Cl. — Прессак Жан-Клод.
 Rabehl B. — Рабель Б.
 Rassiner P. — Расинье П.
 Remer O.E. — Ремер О.Э.
 Renouf M. — Ренуф М.
 Robel G. — Робель Г.
 Roques H. — Роке А.
 Ross S. — Росс С.
 Rubinstein W.D. — Рубинштейн В.Д.
 Rudolph G. — Рудольф Г.
 Sanning W.N. — Заннинг В.Н.
 Shalev A. — Шалев А.
 Schaller H. — Шаллер Х.
 Shamselvaezin M. — Шамзельвазин М.
 Schapira E. — Шапира Э.
 Shapiro C.Z. — Шелли З.Ш.
 Schaub B. — Шауб Б.
 Schmidt-Hartmann E. — Шмидт-Хартманн Е.
 Шмидт-Хартманн Е.
 Smith B. — Смит Б.
 Stadler E. — Штадлер Эв.
 Stanford D. — Стэнфорд Д.
 Stäglich W. — Штеглих В.
 Stern K. — Штерн К.
 Stimely K. — Стимли К.
 Stolz S. — Штольц С.
 Strzelecki — 127.
 Sundhaussen H. — Зундхаузен Х.
 Suzman A. — 444.
 Sylvain — 476, 477.
 Sznajder N. — Шнайдер Н.
 Tartakower A. — 495.
 Tensill C.C. — Тэнсилл Ч.С.
 Thiel G. — Тиль Ж.
 Thion S. — Тион С.
 Thompson E. — Цюндель Э.
 Toeben F. — Тебен Ф.
 Töpfer P. — Тепфер П.
 Tудjman F. — Туджман Ф.
 Utley F. — Атли Ф.
 Van Pelt, R.-J. — 510.
 Varga L. — Варга Л.
 Weber M. — Вебер М.
 Weinryb — 476, 477, 499.
 Weiß H. — Вайс Г.
 Weiss Y.D. — Вайс И.Д.
 Weiss R. — Вайс Р.
 Weisskirchen G. — Вайскирхен Г.
 Welzer H. — Вельцер Х.
 Wetzel J. — Ветцель Ю.
 Wischnitzer M. — Вишницер М.
 Wöll M. — Велль М.
 Zach K. — Цах К.
 Zarusky J. — Царуски Ю.
 Zimmerman J. — Циммерман Д.
 Zündel E. — Цюндель Э.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ¹

- Аби-Гув, курган в Ингушетии — 85.
- Австралия — 243, 450, 451, 453, 494, 506, 554.
- Австрия — 417, 438, 456, 477, 493, 494, 509, 517, 527, 553—555, 560, 574, 578.
- Аделаида — 450.
- Аргентина — 243.
- Актопак — 88.
- Албания — 509.
- Алексотас — 305, 307.
- Алтай — 76.
- Америка — 27, 29, 50, 221, 256, 267-269, 307, 361, 435, 439, 440, 441, 448, 449, 452—454, 459, 469, 470, 473, 475, 483, 488—492, 496, 505, 517, 528, 533, 534, 545, 559, 566, 570.
- Амстердам — 316, 318, 320, 370.
- Англия — 28, 121, 123, 131, 189, 190, 250, 255, 256, 268, 271, 379, 391, 393, 414, 439—441, 444, 448, 467, 487, 492, 494, 516, 555, 559, 566, 567, 569, 577, 579.
- Арзамас — 275.
- Аризона — 462.
- Армения — 270, 275, 425, 593.
- Арользен — Бад-Арользен.
- Ароматное, село Белогорского района (Крым) — 89, 90, 309.
- Архангельск — 175.
- Архангельская область — 497.
- Аушвиц (см. также Освенцим) — 13, 86, 112, 125—134, 136, 138, 140, 143—145, 296, 307, 321, 328, 336, 340, 349, 398—400, 402, 405, 411, 412, 414, 438, 441—445, 452, 454, 456—458, 461, 462, 466, 469, 470, 486, 489, 499, 510—513, 515, 518, 522, 545, 546, 556, 571, 593.
- Аушвиц-1 — 133, 138, 462.
- Аушвиц-2 — Биркенау.
- Аушвиц-3 — Моновиц.
- Аушвиц—Биркенау — Биркенау
- Аусшвайц — Аушвиц.
- Афганистан — 192, 196, 201, 206.
- Африка — 148.
- Бабий Яр — 112, 113, 145, 149, 160, 220, 221, 242, 244, 245, 336, 499, 522, 523, 547, 549.
- Бабтай — 305.
- Баден — 464.

---

¹ В настоящий указатель включены топонимы, связанные с репрессиями. Внутригородская и внутрилагерная топонимика не обособляется.

- Бад-Арользен (Арользен) — 443.
Баден-Вюртемберг — 460.
Базель — 464, 465.
Бейрут — 451.
Балтийское море — 308.
Балтия — 94, 111, 112, 228, 321, 503.
Барнаул — 80.
Барселона — 579.
Бахрейн — 553.
Белград — 527.
Белжец — 337, 389, 486.
Беловежье — 104.
Белоруссия — 142, 263, 264, 265, 266, 272, 273, 275, 425, 465, 522, 525, 593.
Белосток — 404.
Белые Столбы — 356.
Бельгия — 145, 487, 509, 574.
Берген-Бельзен — 292, 323.
Бердичев — 112.
Беркли — 55.
Берлин — 41, 42, 76, 137, 190, 221, 251, 259, 265, 270, 274, 290, 304, 355, 424—426, 498, 564—568, 577.
Бессарабия — 355, 488, 500, 503.
Бикернек — 486.
Бжезилька — Биркенау.
Бжезинка — Биркенау.
Биркенау — 112, 129, 130, 132, 133, 136, 138—140, 142, 143, 296, 339, 398, 409, 411—414, 431, 445, 462, 466, 511, 514, 585.
Биркенау—Аушвиц — Биркенау.
Бирма — 591.
Биробиджан — 491.
Биробиджанская область — 499.
Биттерфельд — 381.
Блумингтон — 29.
Богословлаг — 73.
Богословск — 72.
Болгария — 145, 509, 527.
Бонн — 264.
Бордо — 426.
Борисов — 347.
Бояново — 133.
Браслав — 243.
Братск — 380.
Братский район Николаевской области — 378.
Бреслау — 304.
Брест — 259, 497.
Бруклин — 491.
Будапешт — 527.
Бурульча — 89.
Бутцбах — 576.
Бухарест — 527.
Бухенвальд — 292.
Быстрица Клодзская — 95.
Вайнхайм — 450, 573.
Вальтерхаузен — 289.
Ванзее — 444, 447, 515.
Варшава — 20, 32, 41, 94, 167, 171, 172, 328, 337, 341, 345, 398, 403—408, 413.
Вашингтон — 28, 41, 101, 344, 348, 454.
Вебер Марк — 451, 458.
Ведлинген — 488.
Великие Луки — 313.
Великобритания — Англия.
Вена — 304, 355, 498, 560.
Венгрия — 142, 145, 456, 472, 477, 478, 494, 509, 512, 513, 527.
Верхняя Теберда — 79.
Вестерплатте — 427.
Виленская область — 498.
Виленский край — 323.
Вилия (Нерис) — 302.
Вилиямполь — 301, 302, 306, 307.
Вильнюс (Вильно) — 94, 305, 307, 313, 321—325, 328, 329, 331, 333, 336, 353, 361—364, 368, 486, 500, 522.
Вильно — Вильнюс.

- Вильнюсский край — 500.
Винницкая область — 108.
Витебск — 275.
Висла — 125, 126, 128, 129.
Виттенберг — 381.
Владивосток — 40, 45, 71, 91, 103.
Владимир-Волинский — 497.
Вознесенск — 379.
Волау — 133.
Волга — 101, 103, 388, 394.
Волгоград — 76, 179, 227.
Волховский район — 177.
Воркута — 75.
Воронеж — 201.
Вязьма — 287, 347, 387, 388, 590.
Гаага — 584.
Гагарин — 291.
Галанчожский р-н — 284.
Галиция — 41, 104.
Галле — 381.
Гамбург — 424, 443, 567, 572.
Ганновер — 76, 251, 424, 437.
Гарвард — 27, 29, 41, 55.
Гастингс — 467.
Гванчжу — 101.
Гданьск — 427.
Гейдельберг — 424.
Германия — 23, 24, 54—55, 76, 77, 93, 105, 119, 122, 131, 133, 134, 139, 142, 145, 154, 175, 185, 192, 194, 219, 221, 239, 240, 250, 261—265, 267, 271, 272, 274, 277, 278, 280, 290—292, 296, 309, 321, 350, 377—381, 385, 386, 391—395, 403, 412, 413, 422, 424, 425, 427, 435, 437—441, 444, 447, 450, 454, 461, 464, 466, 467, 469, 470, 472, 475, 480, 484, 488, 489, 491—494, 497—500, 502, 504, 505, 509, 516, 520, 521, 541, 543, 549, 551, 555—557, 564, 566, 567, 570, 571, 573—576, 578, 582, 593.
Геттинген — 443, 575.
Голландия — 145, 319, 340, 458, 509.
Гори — 41.
Гороховец — 251.
Горький — 251.
Грац — 424.
Греция — 144, 509, 577.
Гродно — 349, 398.
Грозный — 17, 82, 83, 91, 92, 208.
Гроссрозен — 127.
Грузия — 38, 40, 228, 231.
Губасанты — Нейтрино.
Губаха — 80.
Гудзон — 255.
Гюрс — 337.
Дагестан — 82, 115, 334.
Дания — 393, 509, 555.
Данциг — 409, 427.
Дальний Восток — 71.
Дахау — 127, 307, 424, 443, 452, 468.
Двинск — 298.
Джейрахский р-н (Ингушетия) — 85.
Джерси — 391.
Дихернфурт — 133.
Днепр — 387, 390.
Днепродзержинск — 99.
Днепропетровск — 350.
Днепропетровская область — 426.
Днестр — 471.
Долинская курортная зона — Нальчик.
Домброва — 132.
Домброва Гурне — 133.
Домбровский угольный район — 139.
Домбровско-Силезский район — 126.
Донбасс — 104.
Донецкая область — 108.
Доре — 436.
Дранси — 337.

- Дрезден — 424, 516, 567.
Друскининкай — 360.
Дубосеково — 86.
Думала — 88.
Дюссельдорф — 394.
Еврейская автономная область — 498.
Европа — 52, 54, 66, 104, 130, 137-141, 188—190, 238, 272, 298, 347, 361, 393, 427, 428, 432, 437, 443, 447, 451, 453, 456, 469, 474, 477, 479, 480, 482—484, 486, 489, 490—492, 495, 503, 504, 506, 508—510, 519, 520, 527, 535, 536, 539, 545, 549, 550, 557, 570, 580.
Европа Восточная — 22, 23, 262, 263, 265, 439, 482, 488, 493, 494, 496, 503, 505.
Европа Западная — 337, 386, 500, 505, 524.
Европа Центральная — 452, 472, 542.
Европа Юго-Восточная — 277.
Европейский союз — 563, 578.
Едвабно — 432.
Екатеринбург — 149.
Еланецкий район Николаевской области — 378.
Елизово — 71.
Женева — 24, 269, 277, 373.
Жуromин — 398.
Западная Белоруссия — 144.
Закарпатская Русь — 104.
Закарпатская Украина — 505.
Заксенхаузен — 127, 292, 384.
Западная Сибирь — 106, 115.
Западная Украина — 105, 144, 498, 499.
Зарац — 129.
Затишье — 142.
Зееловские высоты — 217, 227.
Зенне (шталаг № 326) — 276, 292.
Ивановка, село в Семипалатинской области — 76.
Иерусалим — 101, 349, 352, 353, 374, 414, 447, 503, 564.
Израиль — 243, 244, 263, 319, 343, 344, 347, 348, 350, 404, 407, 431, 434, 435, 437, 440, 441—443, 448—450, 453, 474, 503, 506, 519, 520, 524, 533, 535—537, 549, 551—554, 556—561, 563, 565, 567—570, 574, 579, 587, 593.
Иллинойс — 446.
Ингушетия — 84, 85, 91, 92, 93.
Ингушская Республика — Ингушетия.
Индиана — 29.
Ионава — 305.
Ирак — 220, 589.
Иран — 520, 528, 551—553, 556, 557, 559—565, 568, 569, 577, 579.
Иркутск — 95.
Испания — 467, 554, 570, 577—579, 581, 582.
Италия — 331, 423, 509, 574, 580.
Кабардино-Балкария — 87, 92, 93.
Кабардино-Балкарская республика — 86.
Кавказ — 40, 83, 84, 91, 162.
Казахстан — 87, 91, 94, 95, 108, 114—116, 122, 593.
Каир — 288.
Кайшядорья — 305.
Кале — 189.
Калифорния — 448, 449, 456, 458, 462.
Калифорния, Северная — 462.
Калмбах — 460.
Калмыкия — 79, 81, 93.

- Каменец-Подольский — 112, 336.
Камерун — 565.
Камчатская область — 71.
Кан — 189, 190, 191.
Канада — 105, 107, 127, 460, 461, 464, 494, 547, 553, 574, 578, 583, 584.
Канзас-Сити — 27.
Каракольский р-н Талды-Курганской области — 87.
Карачаево-Черкесия — 78, 93.
Карачаевск — 70, 78.
Карлсхорст — 119.
Карпаты — 162.
Катовице — 125.
Катынь — 113, 121, 149, 150, 165—169, 171, 172, 180, 236, 326, 432, 532.
Каунас (Ковно) — 94, 299—304, 306—309, 312, 318, 320—322, 332, 336, 359, 486, 532.
Каунасский уезд — 301.
Кедайняй — 305, 313.
Кельце — 432.
Керчь — 90.
Кельн — 273, 368, 371, 418, 420, 421, 555.
Киев — 23, 105, 106, 111—114, 143, 242, 243, 264, 336, 350, 378, 381, 382, 384, 547—550, 586.
Киевская область — 108.
Киль — 571/572.
Киргизия — 77.
Кисловодск — 79.
Китай — 116.
Кишинев — 94, 149.
Клайпеда — 322.
Клермонт — 449.
Кобылин — 133.
Коваличи — 359.
Ковно — Каунас.
Козельск — 172.
Колбасин — 411.
Колыма — 66, 95, 103, 249, 395.
Коми Республика — 75.
Константиноград — 132.
Королев — 426.
Косово — 591.
Кострома — 381.
Краков — 134, 143, 291.
Красногорск — 428.
Краснодарский край — 106, 108.
Красноурьинск — 72, 91.
Красный Курган, село в Мало-карачаевском р-не Карачаево-Черкесии — 79.
Крым — 68, 69, 77, 88, 89, 90, 91, 93, 104, 108.
Кубань — 104, 155.
Кум-Тебе, село в Каракольском р-не Талды-Курганской области Казахстана — 87.
Кунцево — 356.
Курск — 289.
Кяйшядорис — 313.
Ла-Манш — 189, 391.
Ламбиновице (Ламсдорф) — 292.
Ламсдорф — см. Ламбиновице.
Латвия — 94, 318, 321, 367, 500, 579, 582, 593.
Лебионж — 130.
Левашово, ст. — 75, 78.
Лейпциг — 321.
Ленинград — 108, 153, 285, 290, 402, 403, 414.
Ленинградская область — 177.
Ливан — 451, 569, 589.
Лида — 251, 359, 362, 363.
Лидице — 142.
Лион — 452, 576.
Липецк — 201.
Литва — 77, 94, 231, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 307, 308, 309, 319, 320, 321, 322, 323, 332, 333, 334, 362, 366, 498, 500, 574.

- Литцманнштадт — Лодзь.
Лодзь — 326, 337, 403, 404, 408.
Лонг-Айленд — 520.
Лондон — 28, 55, 101, 161, 262, 268, 417, 428, 444, 462, 510, 517.
Лос-Анджелес — 447.
Луганск — 549.
Львов — 32, 106, 336, 486, 497, 547, 548.
Люблин — 426.
Люксембург — 509, 574.
Магас — 91, 92.
Магдебург — 403.
Магнитогорск — 76.
Майданек — 126, 141, 143, 307, 389, 462.
Малага — 578.
Малайзия — 555.
Малиновка — 378.
Малороссия — 104.
Малый Тростинец — 486.
Мангейм — 450, 451, 464, 467, 573.
Манхайм — Мангейм.
Манхэттен — 484, 520.
Манчестер — 55.
Марбург — 273.
Мариуполь — 376.
Марокко — 313, 552.
Марьямполь — 313.
Массачусетс — 462.
Маутхаузен — 127.
Медное — 113, 150, 165, 169.
Мекка — 23, 114.
Мекленбург — 568.
Мессе — 419.
Минск — 264, 266, 336, 340, 347, 486, 522.
Миссисипи — 462.
Миссури — 27, 462.
Миттельбау-Дора — 127.
Можайск — 251.
Молдавия — 251.
Моновиц — 129, 136, 138.
Москва — 27, 29, 33, 45, 48, 50, 55, 70, 74, 75, 85, 92, 93, 99, 100, 101, 108, 114, 125, 142, 150, 160, 172, 177, 179, 198, 200, 202, 205, 214, 215, 216, 219, 251, 259, 264, 275, 288, 343, 345, 368, 370, 384, 394, 397, 400, 408, 428, 451, 528, 530, 531, 534, 535, 537, 578, 586.
Москва — Волга — 101, 103.
Московская область — 45, 101.
Мысловице — 133.
Мэриленд — 462.
Мюнде — 187.
Мюнхен — 282, 467, 508, 518.
Назрань — 84, 92.
Нант — 453.
Нальчик — 86, 92.
Нарва — 94.
Неаполь — 55.
Невель — 522.
Нейтрино (Губасанты, Чилмаз) — 88.
Неккар — 488.
Нелидово (Нелидово-Дубосеково) — 86.
Нерис (Вилия) — 302.
Нетания — 348.
Нижнее Поволжье — 108.
Нижний Тагил — 69, 72, 73, 90.
Нижняя Померания — 568.
Николаевская область — 378.
Нинбург (Nienburg) — 76.
Новороссийск — 162.
Новороссия — 104.
Новосибирск — 53—54, 384.
Нойберун — 128, 129, 130.
Нойенгамме — 127.
Ной-Руппин — 251.
Нойштат — 308.
Норвегия — 391, 509.
Норильск — 252.
Нормандия — 190, 191.

- Нью-Йорк — 80, 435, 448, 490.
Нюрнберг — 165, 169, 228,
229, 238, 259, 262, 326, 379,
392, 412, 423, 432, 435, 436,
447, 517, 535, 546, 574.
Обернигк — 133.
Одер — 125, 126, 128, 129.
Одесса — 220, 336, 522.
Ойшвиц — Аушвиц.
Олдерни — 391.
Ольденбург — 450.
Омск — 80, 95.
Омская область — 76.
Освенцим (см. также Ауш-
виц) — 13, 125, 126, 127,
128, 129, 130, 133, 136, 138,
139, 140, 141, 143, 144, 145,
389, 406, 408, 414, 454, 462,
466, 511, 535, 547, 563.
Османская империя — 148.
Ошмяны — 323, 327, 328.
Палемонас — 305.
Палестина — 306, 331, 361,
439, 441, 490, 491, 493, 494,
500, 518, 525, 538, 545, 552,
553, 559, 561, 568, 570.
Паневежис — 332.
Париж — 54, 226, 352, 386,
404, 453, 545, 567.
Пакамачай — 318.
Пекин — 288.
Пермская область — 79.
Пермь-36 — 20, 101.
Персия — 116.
Пески — 486.
Песочное — 381.
Петровский, хутор — 378,
379, 380.
Пехта-Тиква — 574.
Пириятино — 550.
ПНР (Польская Народная Ре-
спублика) — 144.
Понары — 322, 330, 486.
Поволжье — 74, 76, 115.
Подмосковье — 356.
Подольск — 14, 163.
Полтавская губерния — 132.
Полтавская область — 426.
Польша — 20, 22, 23, 93, 96,
104, 121, 123, 126, 133, 138,
141, 143—145, 149, 165—
167, 169, 171, 172, 245, 250,
268, 273, 274, 282, 291, 292,
309, 323, 336—338, 342, 346,
357, 381, 386, 398, 402—410,
411, 413, 414, 422, 423, 426,
427, 439, 458, 462, 472, 473,
475, 476, 481, 482, 484, 492,
494—505, 509, 511, 512, 516,
519, 532, 574, 580.
Португалия — 556, 574.
Порхов — 292.
Потдам — 381, 403.
Прага — 133, 142, 158.
Прибалтика — 231, 251, 253,
504, 505, 519.
Приморский край — 71.
Принстон — 27, 29.
Прокопьевск Кемеровской
обл. — 75.
Пронск — 426.
Прохоровка — 190.
Пруссия восточная — 298.
Псков — 292.
Пшины — 398.
Равенсбрюк — 127.
Расейняй — 321.
Реховот — 344.
Ржев — 590.
Рига — 94, 232, 292, 309, 310,
311, 321, 336, 349.
Рим — 55, 189.
Республика Саха — Якутия.
Робин-Айленд — 101.
Розенталь — 90.
Россия — 22, 30, 43, 46, 48, 51,
53, 54, 55, 56, 74, 83, 84, 88,
90, 91, 93, 96, 101, 104, 105,
106, 114, 146, 147, 148, 149,
150, 154, 171, 172, 176, 178,
185, 192, 194, 195, 196, 197,
200, 201, 202, 203, 204, 205,

- 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 215, 216, 217, 220, 221, 223, 224, 226, 228, 229, 230, 231, 232, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 241, 258, 259, 260, 261, 263, 264, 265, 266, 268, 269, 270, 271, 272, 275, 277, 278, 280, 281, 282, 284, 286, 287, 288, 291, 292, 338, 347, 348, 349, 351, 380, 381, 391, 397, 408, 422, 423, 425, 428, 465, 471, 472, 479, 499, 519, 521, 525, 526, 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 538, 539, 540, 541, 543, 544, 546, 546, 551, 556, 558, 559, 564, 570, 575, 577, 578, 579, 592, 593, 594.
- Рославль — 292.
- Ростов-на-Дону — 112, 336, 344, 346, 349, 350, 394, 396, 394, 397.
- Ростовская область — 106, 108.
- РСФСР — 106.
- Румыния — 145, 326, 331, 355, 391, 471, 472, 494, 498, 503, 505, 509, 527, 574, 576, 577.
- Румшишкес — 94.
- Рутульский р-н Дагестана — 115.
- Рязанская область — 426.
- Саласпилс — 292.
- Самарская область — 74—75.
- Сандомир (шталаг № 359) — 422, 425, 426.
- Санкт-Петербург — 14, 49, 75, 78, 275, 288, 290, 403, 404, 511, 589.
- Саратов — 76.
- Севастополь — 90, 156.
- Северная Буковина — 104, 500, 503.
- Северная Корея — 71.
- Северный Кавказ — 92, 115, 336, 369.
- Северный Казахстан — 76.
- Семипалатинская область — 76.
- Сербия — 527.
- Сибирь — 81, 94, 95.
- Силезия — 129, 282.
- Силезия Верхняя — 126, 128, 129.
- Симферополь — 88, 89, 90, 92.
- Сирия — 533.
- Сиэтл — 488.
- Скагеррак — 121.
- Словакия — 22, 409, 520, 574.
- Смоленск — 41, 94, 106, 166, 172, 292, 347, 387, 531.
- Смоленская область, 149—150.
- СНГ — 264.
- Собибор (Собибур) — 14, 336, 337, 338, 340, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 349, 351, 486.
- Собибур — Собибор.
- Соликамск — 76.
- СССР — 19, 27, 38, 44, 53, 68, 69, 70, 71, 74, 76, 101, 105, 107, 108, 109, 114, 115, 116, 122, 144, 145, 152, 153, 154, 156, 165, 166, 168, 169, 171, 175, 182, 205, 206, 207, 221, 228, 230, 231, 238, 239, 243, 248, 249, 251, 253, 254, 255, 256, 257, 262, 264, 266, 268, 277, 282, 300, 319, 323, 330, 333, 338, 342, 351, 355, 374, 382, 386, 391, 392, 398, 400, 401, 409, 417, 422, 423, 432, 442, 450, 474, 476, 479, 480, 485, 486, 490, 491, 492, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 521, 522, 524, 525, 526, 530, 533, 551, 554, 559, 586, 593.
- Солнечногорск — 202.
- Советский Союз — см. СССР.

- Сосновец — 133.
Среднее Поволжье — 108.
Средняя Азия — 78, 87, 355.
Ставрополь — 76, 380.
Ставропольский край — 108.
Сталинград — 158, 164, 190, 313, 386.
Старая Ладога — 177.
Старобельск — 113, 150, 165, 169.
Стокгольм — 449, 450, 550.
Страсбург — 584.
Стэнфорд — 41.
Сунжа — 82.
США — 27, 29, 30, 41, 132, 148, 168, 190, 220, 243, 256, 263, 393, 437, 438, 439, 440, 442, 447, 448, 454, 459, 461, 462, 464, 465, 467, 474, 487, 488, 490, 493, 494, 495, 496, 504, 505, 506, 516, 519, 528, 552, 553, 560, 563, 577, 578, 580, 582, 583, 593.
Таганрог — 394.
Талды-Курганская область — 87.
Таргим, село в Джейрахском р-не Ингушетии — 85, 86.
Ташкент — 353, 355, 382, 524.
Тверь — 94.
Тверская область — 150.
Тегеран — 288, 528, 551, 552, 554, 555, 556, 560, 561, 562, 563, 564, 565, 568, 579.
Тель-Авив — 350.
Тит-Ары — поселок в Булунском р-не Республики Саха (Якутия) — 69, 77.
Тихоокеанское побережье — 148.
Токио — 23.
Томск — 80, 287.
Торнякалс — 94.
Торонто — 461.
Торранс — 447, 449, 451.
Треблинка — 336, 337, 389, 433, 451, 465, 486.
Триест — 451.
Тришкляй — 321.
Туркмения — 115, 116.
Турция — 18, 93, 104, 148, 593, 487.
Турецкая республика — Турция.
Тырныауз — 88.
Тюбинген — 437, 443.
Тюмень — 80.
Украина — 22, 23, 88, 89, 93, 104, 105, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 114, 115, 122, 132, 171, 228, 231, 263, 265, 275, 282, 290, 296, 307, 339, 377, 378, 391, 425, 426, 498, 499, 519, 525, 547, 549, 550, 549, 550, 586, 592, 593.
Украинская народная республика — 105.
Украинская ССР (УССР) — 106, 108.
Ульяновск — 402.
Умань — 242, 243, 244, 245, 246.
Ураковская, станция — 78.
Урал — 91.
Урус-Мартан — 82.
Усть-Джегута, станция — 78.
Усть-Джегутинский р-н — 79.
Учкекен, село в Малокарачаевском р-не Карачаево-Черкесии — 79.
Фельберт — 394.
Финляндия — 93, 205.
Флоссенбург — 127.
Франкфурт-на-Майне — 304, 412, 447, 452, 555.
Франция — 50, 55, 123, 145, 156, 160, 190, 268, 271, 386, 391, 426, 436, 452, 453, 458, 494, 509, 520, 553, 567, 574, 576, 579, 593.
ФРГ — 75, 264, 265, 270, 276, 279, 280, 464, 565, 576, 581.
Хабаровск — 95.

- Хайбах — 283, 284.
Хайфа — 491.
Ханкала — 83.
Харьков — 99, 105, 142.
Харьковская область — 150.
Хелм — 338.
Хелмно — 486.
Хорватия — 520.
Хули — 86.
Хушто-Сырт — 88.
Хшанув — 129, 130.
Хьюстон — 55.
Цайтхайн — 292.
Царицын — 41, 179.
Центрально-Черноземная область — 115.
Цербст — 381, 386.
Цори — 86.
Цфат — 350.
Цюрих — 578.
Чатырдаг — 90.
Чегемское ущелье — 87.
Челябинск — 73, 74, 91.
Челядзь — 133.
Червень — 522.
Черкесск — 79.
Черновцы — 326.
Черногория — 576, 577.
Чехия — 409, 574, 580.
Чехословакия — 131, 132, 133, 134, 145, 282, 476, 494, 505, 509.
Чечено-Ингушская АССР — Чечня.
Чечня — 62, 69, 82, 83, 84, 196, 206, 283.
Чилмаз — Нейтрино.
Чурапчинский р-н Якутии — 77.
Шабан-оба — 90.
Шайерберг — 251.
Шанчай — 307.
Швейцария — 44, 359, 464, 468, 531, 553, 555, 557, 574, 576.
Швейцария Северная — 464.
Швеция — 104, 456.
Широклаг — 79.
Широковский, поселок в Пермской области — 80.
Шотландия — 190.
Штаблак — 298.
Шталаг № 326 — Зенне.
Шталаг № 359 — Сандомир.
Штутгарт — 379, 381, 385, 386, 424, 466, 467.
Штутгоф — 127, 307, 308, 323, 387, 409.
Шяуляй — 307, 330.
Эванстон — 446.
Эклизи-Бурун — 90.
Элиста — 79, 80, 91.
Эльбрус — 88.
Энгельс — 70, 74.
Эрланген — 452.
Эссекс — 516.
Эссен — 568.
Эстония — 94, 298, 306, 313, 321, 330, 368, 500, 579, 593.
Южная Африка — 494.
Южная Корея — 71, 93.
ЮАР — 101.
Югославия — 145, 509.
Юрга — 76.
Явожно — 131, 132.
Япония — 23, 148, 250, 255, 438, 555—556.
Якутия — 77, 95.
Ялта — 250.

Pavel Polian. Hystorycide, or Trepanation of Memory. Battles for the truth about GULAG, deportations, war and Holocaust. Moscow, AST Publishers, 2016. 624 p.

The book includes author's papers about relationship of memory and forgetfulness, politics and history, the problems that alas are still pressing. The first section, *Memory of GULAG and Deportations*, consolidates the papers and notes on Soviet purges and crime as well as about corresponding Soviet and Russian historical memory and historiography. The second section, *Memory about the War*, is devoted to German crime in Word War II and reflection of this in Soviet historiography. The third section, *Knights of Memory*, is devoted to individuals (annalists, writers and journalists) and institutions (museums). Finally, the fourth section, *Agents of Forgetfulness*, covers denial and defiers of Holocaust as the most widespread form of Hystorycide and the idea of Historical Arbitration. All papers taken as the basis of the book were written in various years, they were all revised and reconsidered.

CONTENTS

ABOUT THE BOOK	11
WARS OF MEMORY	16
MEMORY OF GULAG AND DEPORTATIONS	25
Undersized giant, or Biography as medical history:	
Joseph Stalin and his victories	27
National project "History"	44
Wastelands of memory	
Lessons and skills of Stalinism, or the union of Gleb Pavlovsky and GLAVPUR (pictures from the conference)	48

Memorizing repressed nations is the business of repressed nations (About memorizing totalitarian forced migrations).....	65
The Iron Felix: Museon or museum?	96
Museum of the USSR purges history.....	104
MEMORY ABOUT THE WAR.....	117
1945 Man on the margin of war	119
1945 Liberation of Auschwitz: Jewish disaster without Jews!.....	125
1950—2015 “How the lie was tempered”: historiography of World War II in false mirrors of GLAVPUR ideology.....	146
2000 “Hitler kaput?..» (Marginalia on comments book)	182
2005 Your excellence, mistress Victory... ..	189
2005 Celebration à la Glavpur? Russian organizational committee “Victory” (“Pobeda”) as natural monopoly	194
2010 Vertical into the history: hystorycide in Criminal Code	223
2010 Shana Tova, or about methodology of history (Kiyiv impressions).....	242
2005—2015 Victims of several dictatorships and democracies: Soviet POWs.....	248
2015 Immortal Glavpur: specific features of 70 th anniversary of Victory Day glorification	281
KNIGHTS OF MEMORY.....	293
Call of history, call of memory (Anna Turets)	295
Man at the background of Kovno ghetto (Tamara and Victor Lazerson)	299
“When you are shot — does it hurt?” (Masha Rolnikaite)	321
Man at the background of uprising (Alexander Pechersky)	336
Layout of memory, or the Jew at the background of antisemitism (Vladimir Porudominsky).....	352
Leonid’s sling, or the Liberation from captivity (Lev Kotliar and “Leonty Kotliarchuk”).....	373
Terror of bygone (Sophia Anvaer and “Sophia Andzhaparidze”).....	387

Broken dam (Vitaly Semin)	391
Adventures of text: “damp land”, museum the prison, contraband and censorship (Anton Lopatyonok and Berl Mark)	398
The obvious — the unprovable (Ella Maximova)	415
EL-DE-Haus: the history of one Cologne house (Gestapo — Antifascist museum)	418
Pension from daughter of Stalag 359 governor (Ilsetraut Lipphardt)	422
Pan-European look (Museum of World War II in Gdansk)	427
AGENTS OF FORGETFULNESS	429
Denial and geopolitics of Holocaust	431
Deniers or revisionists? Soviet and post-Soviet traditions of Holocaust suppression and denial	521
International of anti-Semites: conference of Holocaust deniers in Tehran and its global echo	551
Punishment of deniers and Historical arbitration . . .	571
AS A CONCLUSION: WE SHALL NOT SAG!	589
Name Register.	595
Geographical Register.	611
Contents	621

Литературно-художественное издание

Полян Павел Маркович
ИСТОРИМОР, ИЛИ ТРЕПАНАЦИЯ ПАМЯТИ

16+

Все права защищены.

Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена или использована в какой-либо форме, включая электронную, фотокопирование, магнитную запись или какие-либо иные способы хранения и воспроизведения информации, без предварительного письменного разрешения правообладателя.

Подписано в печать 18.08.2016
Формат 60x90/16 Усл. печ. л. 39
Тираж 1500 экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги и брошюры

Руководитель проекта
И. Данишевский

Ответственный редактор
Е. Кравченко

Дизайн обложки:
В. Лебедева

Компьютерная верстка:
А. Грених

ООО «Издательство АСТ»
129085, Москва, Звездный бульвар, д.21,
строение 3, комната 5

Павел Полян (род. в 1952 г. в Москве) — историк и географ, профессор, доктор географических наук. Многолетний научный сотрудник Института географии РАН, Северо-Кавказского федерального университета, Фрайбургского университета и др. Автор или составитель книг «Не по своей воле. История и география принудительных миграций» (2001, англ. перевод — 2004, польск. перевод — 2015), «Сталинские депортации, 1928-1953» (2005, совместно с Н. Поболем), «Обреченные погибнуть. Судьба советских военнопленных-евреев во Второй мировой войне. Воспоминания и документы» (2006, совместно с А. Шнеером; перевод на иврит — 2014), «Отрицание отрицания, или Битва под Аушвицем: дебаты о демографии и геополитике Холокоста» (2008, совместно с А. Кохом; англ. перевод — 2011), «Между Аушвицем и Бабьим Яром. Размышления и исследования о Катастрофе» (2010); «Свитки из пепла. Еврейская «зондеркоммандо» в Аушвице-Биркенау и ее летописцы» (2013; переиздание — 2015). Финалист премий «Просветитель» (2014) и имени Т. Гайдара (2015).

В его новой книге собраны работы о соотношении памяти и беспамятства, политики и истории: проблематика, кото-рая, увы, не перестает быть актуальной. «Историомор» — неологизм и метафора — это торжество политики, пропаганды и антиисторизма (беспамятства) над собственно историей, памятью и правдой. Его основные проявления очевидны: табуизирование тем и источников («Не смей!»), фальсификация и мифологизация эмпирики («В некотором царстве, в некотором государстве...») и отрицание, или релятивизация, установленной фактографии («Тень на плетень!»).

Эту острополюемическую книгу, помимо введения и заключения, составили четыре раздела. Первый — «Память о ГУЛАГе и депортациях» — объединил статьи и заметки о советских репрессиях и преступлениях, а также о соответствующей советско-российской исторической памяти и историографии. Второй — «Дни Победы» — посвящен немецким преступлениям во Второй мировой войне и тому, как они преломляются в советскою историографии. Третий — «Рыцари памяти» — посвящен отдельным личностям (хронистам, писателям, журналистам) и институциям (музеям), с которыми автора сводила жизнь и работа и чей вклад в сохранение исторической памяти представляется ему достойным и значительным. Наконец, четвертый раздел — «Агенты беспамятства» — посвящен отрицанию и отрицателям Холокоста как одной из самых распространенных форм Историомора (зарисовки иных «агентов беспамятства» встречаются в других разделах книги). В этом же разделе — обоснование идеи Исторического арбитража как возможного механизма разрешения научных споров, а на основе разрешения научных споров — и политических тяжб.